

11
1-4
with stub
for #3

« КАЗАН. — UNIV. OBS
ARKH. ISTORI I E

IZVESTIJA
ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА "

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ XI, вып. 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вотчины Казанскаго Кизическаго монастыря. Е. Н. (съ приложеніемъ неизданныхъ актовъ)	1—30	1892 г. И. Н. Смирнова 83—88
Материалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи Чувашскихъ пѣсень. В. А. Мошкова	31—64	Библиографія. Труды Саратовской Архивной Коммисіи. Т. I—III.—Саратовскій историческій сборникъ. А. С.—Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja.—Journal de la Société Finno-Ougrienne. Vol. I—X. Helsinki. 1886—1892 И. Н. Смирнова. . . . .
Черемисы Арбанской волости. Н. Троицкой	65—82	89—101
Хроника. Итоги археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ	102—109	Литература археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1892 г. . . . .

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1893.

Вышелъ 4-го января

12777
— 113 —

ВНИМАНІЮ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ ТИПОГРАФІИ

ВЪ ПОВОЛЖЬИ, СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Редакція «Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ», желая доставить своимъ читателямъ возможность слѣдить за научнымъ движеніемъ въ В. Россіи, предлагаетъ владѣльцамъ типографій, авторамъ и издателямъ присылать объявленія о печатающихся у нихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Поволжья, Сибири и Средней Азій для бесплатнаго помѣщенія ихъ въ «Извѣстіяхъ». О книгахъ и брошюрахъ, которыя по выходѣ въ свѣтъ доставляются въ редакцію «Извѣстій», помѣщаются отчеты въ ближайшихъ книжкахъ журнала.

СКЛАДЪ ОТТИСКОВЪ

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ В. РОССИИ.

Чтобы облегчить лицамъ, занимающимся археологіей, исторіей и этнографіей В. Россіи, возможность пользоваться тѣмъ, что въ настоящее время появляется въ періодической печати этого края, редакція «Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ» покорнѣйше проситъ авторовъ статей, имѣющихъ археологическое, историческое и этнографическое содержаніе и помѣщенныхъ въ мѣстныхъ «Губернскихъ» или «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (описанія приходовъ, сель, волостей и т. п.) присылать въ книжный магазинъ Н. Я. Башмакова въ Казани по 5—10 оттисковъ своихъ статей или №№ тѣхъ изданій, гдѣ онѣ помѣщены, съ обозначеніемъ ихъ цѣнности. Редакція «Извѣстій» съ своей стороны выражаетъ готовность бесплатно печатать объявленія о поступившихъ въ складъ оттискахъ.

Мкр 6422

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ XI, вып. 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вотчины Казанскаго Кизическаго монастыря. Е. Н. (съ приложеніемъ неизданныхъ актовъ)	1—30	1892 г. И. Н. Смирнова	83—88
Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи Чувашскихъ пѣсень. В. А. Мошкова	31—64	Библиографія. Труды Саратовской Архивной Коммисіи, Т. I—III.—Саратовскій историческій сборникъ А С — Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja.—Journal de la Société Finno-Ougrienne, Vol I—X. Helsinki. 1886—1892 И. Н. Смирнова.	89—101
Черемисы Арбанской волости. Н. Троицкой	65—82	Литература археологіи, исторіи и этнографіи В Россіи въ 1892 г.	102—109
Хроника. Итоги археологіи, исторіи и этнографіи В Россіи въ			

КАЗАНЬ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1893.

Δ
Pslav 384.40 (1893)
└── 1-4 ─┘

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря И. Смирновъ.

64+2,

ВОТЧИНЫ И УГОДЬЯ КИЗИЧЕСКАГО КАЗАНСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Въ 1691 году строитель Кизическаго монастыря іеродіаконъ Ипатій съ братією били челомъ Великимъ Государямъ и говорили, что „Великихъ Государей милостію и благословеніемъ архіерейскимъ учинился Кизическій монастырь со 7195 года (1697) по обычаю и чину монастырскому, а питаются они трудами своими, а земли упрашиваютъ у христіанъ, огороды пашутъ и вотчины де за ними нѣтъ нигдѣ ни одного двора“...

Во исполненіе этой челобитной Кизическому монастырю въ слѣдующемъ году были отведены „по Ногайской дорогѣ за рѣкою Камою на рѣкѣ Шанталѣ въ дикой степи оброчная земля Никиты Алферьева Кудрявцева и пустовая сашная земля, которая съ тою землею смежна по Кулубердѣевскому истоку“... Эти угоды были отмежеваны подъачимъ Кириллою Степановымъ; вводной грамоты почему-то тогда не было выдано. Поэтому строитель Ипатій и братія Кизическаго монастыря снова ходатайствовали о большемъ закрѣпленіи за ними означенной земли, что и совершилось въ іюль 1692 г., когда Кизическому монастырю на эти земли была выдана вводная по указу Великихъ Государей Іоанна и Петра Алексѣевичей отъ Казанскаго боярина воеводы Петра Абрамовича Лопухина, причемъ въ вводной подробно объяснены всѣ обстоятельства, относящіяся до предшествующаго владѣннаго положенія этого участка.

Здѣсь между прочимъ важныя обстоятельства заключались въ томъ, что часть этихъ угодій была въ оброкѣ у Никиты Кудрявцева, который почему-то очень благоволилъ къ монастырю и потому не только скоро поступился своими правами, но еще передалъ Кизическому монастырю права на разныхъ бѣглыхъ своихъ крестьянъ. Нѣкоторые изъ этихъ крестьянъ нашли себѣ пріютъ у помѣщика Бориса И. Остолопова и его сына Петра. Тамъ же пріютился и бѣглець изъ Кизического монастыря, крѣпостной человекъ Ивашко сынъ Волынки, укравшій разныя монастырскія крѣпости и 550 рублей денегъ, стоящихъ по нашему времени болѣе 5 тысячъ. Въ виду всего этого строитель монастыря и братія предъявили г. Остолопову искъ въ 650 рублей, изобличая сго въ укрывательствѣ воровъ и бѣглецовъ. Остолоповъ поспѣшилъ успокоить энергичныхъ иноковъ, имѣвшихъ крѣпкую опору въ лицѣ своего протектатора патриаршаго протоангела Стефана и даже въ лицѣ самого Патриарха Адріана, какъ главнаго основателя монастыря. Борисъ Ив. сынъ Остолоповъ въ 1691 г. написалъ Кизическому монастырю поступную записку на владѣніе его крестьянами изъ селъ Осиновки и въ Закамской землѣ въ количествѣ 15 семействъ.

Крестьянамъ этимъ опредѣлялось жить въ готовыхъ ихъ дворахъ на рѣкѣ Шанталѣ, чѣмъ и воспользовались Кизическіе иноки въ своей челобитной относительно выдачи вводной грамоты. Здѣсь они между прочимъ говорили: „а нынѣ дѣтъ обротчики въ тотъ ихъ монастырь крѣпкіе сами по поступной записи Бориса Ив. сына Остолопова и сына его Петра“. Въ названной поступной записи была указана между прочимъ неустойка за крестьянъ въ случаѣ ихъ бѣгства по 15 рублей съ семьи. Такъ какъ, вѣроятно, нѣсколькихъ семей обѣщанныхъ монастырю не оказалось, то сынъ Бориса Остолопова — Петръ въ 1692 году далъ новую поступную Кизическому монастырю за должные ему 100 рублей, а именно на землю полупустошь дер. Осиновки со всѣми угодьями по обѣ стороны рѣчки Ураки, для

владѣнія на 5 лѣтъ, съ обязательствомъ промѣнять это владѣніе на Закамское монастырское владѣніе.

Кромѣ того тѣ же Остолоповы въ 1692 и въ 1693 г. за нѣкоторыхъ монастырскихъ бѣглыхъ людей, принятыхъ ими, дали своихъ бѣглыхъ людей.

Въ 1694 году самъ Патріархъ Адріанъ предоставилъ Кизическому монастырю право на исключительное владѣніе всѣми бѣглецами изъ его домовыхъ вотчинъ. Патріаршая грамота была явлена въ Приказной Казанской Палатѣ въ 7204 г. (1695 г.) мая 26 дня. Здѣсь между прочимъ говорилось, что означенные бѣглецы крестьяне могутъ селиться въ монастырской деревнѣ Ставрасовой.

Такимъ образомъ кромѣ Закамскихъ владѣній и Осиповки Кизическій монастырь имѣлъ еще деревню Ставрасову; всѣ эти мѣста были населены крестьянами.

Въ 1693 году по вводной грамотѣ Государей и Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей дана была Кизическому монастырю вотчинная земля, сѣнные покосы, всякія угодыя, крестьяне и бобыли на новоприписную къ Кизическому монастырю пустынь Мусейскую Царевосанчурскаго уѣзда.

Въ 1702 году по указу Государя Петра Алексѣевича строителю Мусейской пустыни Гавріилу предоставлено было право владѣть рыбными ловлями.

Далѣе вотчиною Кизическаго монастыря является цѣлое село Остолопово. Такъ въ 1735 году января 3-го писалось за Высочайшее имя прошеніе на гербовой бумагѣ о возвращеніи въ крестьяне Кизическаго монастыря сына вотчинной крестьянки села Остолопова вдовы Евдокии Артемьевой, вышедшей замужъ за ясачнаго крестьянина села Чистаго Поля Семена Лукьянова, обязавшагося по возрастѣ означеннаго пасынка возвратить въ вотчину Кизическаго монастыря. А февраля 8-го вотчинный приказчикъ села Остолопова Феодоръ Модновъ доносилъ о необходимости удалить изъ того села въ ка-

кое-либо другое мѣсто прапорщика Ивана Еремѣева съ драгунскимъ полкомъ въ 56 человекъ съ 160 лошадьми, потому что этотъ полкъ приводилъ жителей въ раззореніе, стогняя ихъ всѣхъ на работу при постройкахъ конюшенъ для своихъ лошадей и заставляя для сего свозить не только свой лѣсъ, но и лѣсъ, купленный на деньги Кизическаго монастыря, причемъ количество взятаго лѣса указывается подробно.

Однажды Кизическій игумень Варлаамъ поѣхалъ было въ свое имѣніе — Остолопово, но его вскорѣ велѣлъ возвратить оттуда Преосвященный Иларіонъ. Въ нѣкоторыхъ монастырскихъ описяхъ говорится объ отправкѣ въ Остолопово книгъ и иконъ. Можетъ быть и чтимая тамъ икона (выпуклая) Святителя Николая Чудотворца перешла туда чрезъ Кизическій монастырь.

Весьма часто здѣсь селились разные бѣглецы, изъ коихъ нѣкоторые даже ходатайствовали о своемъ водвореніи здѣсь, какъ это было напр., въ 1743 году, когда нѣсколько бѣглецовъ изъ Ядринскаго уѣзда Нижегородской губерніи чрезъ своего довѣреннаго подавали прошеніе на Высочайшее имя. Этому, повидимому, содѣйствовали и монастырскія власти, которыя въ 1744 году даже ссылались на свое право давать пріютъ бѣглецамъ по силѣ патриаршей грамоты. Но такъ какъ въ этой грамотѣ указывалось только на патриаршихъ крестьянъ, а теперь дѣло шло о трехъ бѣглецахъ Нижегородскаго синодальнаго Дудина монастыря, то управление Кизическаго монастыря и вынуждено было выслать означенныхъ бѣглецовъ.

Въ бумагахъ Кизическаго монастыря сохранилось также нѣсколько извѣстій о разныхъ обстоятельствахъ, касающихся его угодій. Такъ, напр., изъ указа Царевосанчурской воеводской канцеляріи отъ 1736 года видно, что Мусейская пустынь была надѣлена разными рыбными ловлями на рѣкѣ Кокшагѣ и разныхъ озерахъ, которыя отданы были въ оброкъ по примѣру прежнихъ лѣтъ Василию Аванасьеву за 3 р. 20 коп. Въ 1737 году крестьянинъ этой вотчины Василій Ефремовъ былъ постриженъ въ инокство. Въ томъ же году получена

была копія съ указа о возвращеніи рекрутъ крестьянъ Мусейской пустыни, которыхъ отдалъ въ солдаты Казанскій губернаторъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, между тѣмъ какъ за нихъ всѣ подушныя взносы дѣлались Кизическимъ монастыремъ.

Въ 1743 году съ Кизического монастыря отъ 392 душъ, коими владѣлъ онъ, требовалось 6 руб. Вожинскому, привезшему извѣстіе о мирѣ со Шведами.

Въ 1750 году былъ присланъ указъ Консисторіи 1) с заготовкѣ пиленыхъ досокъ на судовое и домовое строеніе (по вотчинамъ) вмѣсто обрубавшихся прежде, и о заведеніи пилъ и мельницъ и 2) о доставленіи свѣдѣній относительно урожая хлѣбовъ и травъ; въ 1752 году было вѣрное подтвержденіе о сохраненіи лѣсовъ.

По вѣдомости Кизического монастыря за 1739—41 годъ за Кизическимъ монастыремъ значилось всего 46 дворовъ съ 392 душами, земли пахотной 56¹/₂ десятинъ, сѣнныхъ покосовъ 757 копенъ, лѣсу 78 десятинъ, 1 мельница, 2 рыбныхъ ловли. Со всѣхъ этихъ статей получалось только 27 рублей 53 коп.; въ кружку же монастырскую собиралось 45 рублей. Изъ этихъ денегъ выдавалось на пропитаніе инвалида 5 руб. 49 коп., да въ подушныя въ Губернскую Канцелярію 1 руб. 52 коп. Кромѣ того отъ угодій получалось 167 четвертей ржи, 50 лоптей, 10 лопатъ, 10 мочальныхъ веревокъ. Ржи 20 ч. 4 четвер. отдавалось въ Казанскую духовную Семинарію, 6 четій 3 четверти указанному отставному воину, а остальное шло на монастырь.

По книгамъ 1761 года всего съ угодій получалось около 250 рублей. По описи 1763—64 года, составленной по именному указу подпоручикомъ Ростовскаго пѣхотнаго полка Малышевымъ, подробно указывается все мѣсто, принадлежащее Кизическому монастырю въ селѣ Остолоповѣ съ крестьянами, землею, покосами и доходами, со включеніемъ ягоды. Въ числѣ построекъ здѣсь указываются дворъ, мельница, свинарня, баня, сарай, скотный дворъ и изба, погребъ, жеребятникъ,

конюшня, домъ о 2 горницахъ, огородъ съ баней, кухня, 3 амбара, лошадиный дворъ.

Такъ какъ эта опись составлялась для изыятія сего угодья отъ монастыря, то къ ней присоединено было Малышевымъ и заявленіе крестьянъ объ условіяхъ, на которыхъ они желали бы пользоваться всѣмъ, что принадлежало монастырю.

Въ описи Малышева указываются также подробно и всѣ другія угодья Кизическаго монастыря, начиная съ угодій, находящихся въ самомъ монастырѣ: колодезь, пруда, огородовъ и дворовъ. Далѣе идетъ 1) Козья Слобода, 2) село Богоявленское, Остолопово тожь, 3) дер. Горницы 4) дер. Осиповка, 5) подмонастырская слобода, 6) починки Леоптьевъ, Елфимовъ и Агѣевъ и потомъ 7) приписная къ монастырю пустынь Мусейская безъ настоятеля и братіи, съ 2 церквами и разными хозяйственными постройками.

Относительно подмонастырской слободки сообщалось, что живущіе здѣсь крестьяне никакихъ работъ на монастырь не работаютъ и не желаютъ брать никакихъ его угодій кромѣ сѣвннхъ покосовъ по рублевому оброку.

Въ 1764 году всѣ угодья Кизическаго монастыря были отобраны и розданы вполсѣдствіи частнымъ лицамъ. Монастырю за угодья положили штатнаго жалованья 217 руб. 1¹/₂ к. и единовременно дано 806 руб. 30 коп. Въ слѣдующемъ же году были вытребованы разныя грамоты на вотчины, а въ маѣ мѣсяцѣ были вытребованы и чертежи на земли села Остолопова для разбора земельныхъ крестьянскихъ тяжбъ; а потомъ вытребованы были всѣ данныя относительно земли, дворовъ и людей Козьей слободы. Въ 1766 году вытребованы были крѣпостныя записи и книги, относящіяся до дер. Горницъ, которую жена секундъ - маіора Якова Толстаго Екатерина да прапорщика Николая Торбеева жена Анна Андреева считали уже своею. Въ сентябрѣ Коллегія Экономіи сдѣлала управляющему Кизическаго монастыря замѣчаніе за неправильный расходъ штатныхъ суммъ и несвоевременное представленіе отчетности.

Въ 1767 году служители монастыря просили себѣ у Коллегіи Экономіи сѣнокосъ за мостомъ и канавкою, но имъ отказали, а потомъ Экономная Коллегія вычла и съ монастыря 10 р. 50 к., такъ какъ усмотрѣла, что въ монастырѣ не было отдѣльнаго просфоряка; въ 70 же году она нагазывала быть экономнѣе и въ расходѣ бумаги въ прихода-расходной книгѣ.

Въ 1773 году Коллегія Экономіи какъ-то узнала, что по окладной книгѣ значится за крестьянами на оброкѣ принадлежащее Кизическому монастырю озеро Липево близъ Раифской пустыни. И вотъ она писала: „буде оное озеро подлинно ваше, то оброчные деньги прислать“. Въ 1775 году братія Кизическаго монастыря во главѣ съ игуменомъ Ювеналіемъ отдала въ оброкъ свои рыбныя ловли, бывшія прежде за Казанскимъ дѣвичьимъ монастыремъ и находящіяся въ Казанскомъ уѣздѣ, прапорщику Чичагову, въ чемъ имѣется и квитанція за 1781 г.

Въ 1797 году Кизическому монастырю снова возвращены были нѣкоторыя его прежнія угодыя и даны нѣкоторыя новыя, причемъ вмѣнялось въ обязанность быть довольнымъ полученнымъ, особенно если то получено по желанію. И вотъ потомъ является рядъ контрактовъ съ арендаторами монастырскихъ угодій, потому что къ этому времени монахи сами хозяйничать уже отучились ¹⁾.

Такъ, напр., въ 1800 году С о л я н а я В о л о ж к а (въ Казан. уѣздѣ) отдана была за 18 р. въ годъ. Въ 1801 году опредѣлено было изъ 400 рублей, получаемыхъ за мельницу, и 180 рублей—за рыбныя ловли удѣлять 100 рублей на трапезу, а остальные — на монастырь. М е л ь н и ц а отдавалась крестьянину села Вязовыхъ Александру Григорьеву Киселеву на 10 лѣтъ. Указомъ 1802 года марта 31 дня предписывалось арендныя суммы дѣлить на три части, а пмепно: одну

---

¹⁾ Изъ древнихъ актовъ на эти пожалованья въ архивѣ Кизич. мон. сохранилась только копія съ указа Палаты въ Свіаж. казначейство, гдѣ исчисляются угодыя и другихъ монастырей, находящихся въ Свіажск. уѣздѣ. Іюля 16. 1798 г.

часть—настоятелю, другую—на трапезу и третью—на монастырь.

Въ 1816 году послѣдовалъ указъ о выдачѣ плановъ на рыбныя ловли и на мукомольную мельницу, что было весьма кстати, такъ какъ въ это время явились охотники пользоваться монастырскими ловлями безденежно съ нанесеніемъ даже обидъ арендатору, за что обидчики и подверглись взысканію по предписанію Губернскаго Правленія.

Однако дѣло съ планами очень затянулось. Въ 1812 году былъ высланъ планъ на мельницу о 2 поставахъ на Свѣтломъ озерѣ (Свіяз. у.), а высланъ ли былъ планъ на рыбныя ловли, неизвѣстно. Только въ 1831 году было послано донесеніе, что на рыбныя ловли ни плана, ни межевой книги не имѣется, и когда происходило обмѣриванье ихъ, неизвѣстно. Рачительный во всемъ настоятель Архимандритъ Гурій позаботился и о новомъ обмежеваніи всѣхъ угодій монастыря. Такъ въ 1833 году совершилось обмежеваніе Соляной Воложки съ выдачею межевой книги; въ слѣдующемъ—обмежеваніе мельницы на Свѣтломъ озерѣ. Дѣло это находило не мало препятствій за недостаткомъ разныхъ документовъ и потому оно было нѣсколько закончено въ 1846 году и 48 году, но потомъ опять продолжалось въ 1850—53 годахъ ¹⁾.

Одинъ изъ важныхъ указовъ относительно Соляной Воложки сторѣлъ во время страшнаго Казанскаго пожара. Эта неполнота владѣнныхъ документовъ и обычная судебная волокита прежнихъ временъ съ присоединеніемъ плохого надзора за угодьями и корыстныхъ стремленій нѣкоторыхъ представителей монастыря были причинами частаго уклоненія арендаторовъ отъ платежа полной аренды. Поэтому монастырю часто приходилось взыскивать аренду судебнымъ порядкомъ и ограждать интересы арендаторовъ отъ свободныхъ ловцовъ въ мо-

---

¹⁾ Между прочимъ землемѣръ межевого корпуса своимъ отношеніемъ отъ 4 и 22 сентября 1851 года—полагалъ силу въ указѣ за № 1797, но какъжется здѣсь произошло смѣшеніе съ 1797 годомъ, когда по указу Императора Павла Петровича монастыри стали надѣляться угодьями.

настырскихъ водахъ. Таковыя дѣла были въ 1811, 1812, 1814, 1816 и др. Въ 1818 году въ мартѣ Консисторіею требовалось обстоятельное донесеніе относительно расчета съ арендаторомъ Заруцкимъ, послѣ котораго часть рыбныхъ ловель отошла отъ монастыря. Потомъ былъ запросъ у провизора объ отдачѣ тѣмъ-же Заруцкимъ 8 кулей муки, въ счетъ оброчныхъ денегъ за рыбныя ловли. Видно, что было подозрѣніе въ стачкѣ обѣихъ сторонъ ¹⁾. Этому очень способствовала долгосрочность аренды, запрещенная указомъ 1821 года.

Въ 1827 году взыскивалось съ арендатора мельницы надворнаго совѣтника Наумова 500 руб.; съ г. Есипова множество лѣтъ взыскивалось 7 кулей муки; потомъ въ 1837 году взыскивались 400 руб. съ содержателей мельницъ за годъ и 200 р. за полгода. Въ 1846 году взыскивалось 200 руб. съ арендатора мѣщанина Ивана Семенова.

Въ 1825 году былъ указъ о надѣлѣ монастырей нормальнымъ количествомъ угодій. Вѣроятно имѣя это въ виду, управленіе монастыря въ 1833 году хлопотало объ отводѣ ему лѣсу и пашенной земли. На запросъ о томъ, гдѣ отвести, оно отвѣчало: вблизи нѣтъ. Отведенъ былъ лѣсъ вмѣстѣ съ Зилантовскимъ монастыремъ вблизи монастыря, но Архимандритъ Гурій отвѣчалъ, что этотъ лѣсъ сберегать трудно; однако потомъ онъ просилъ выдать планъ и межевую книгу на этотъ кустарникъ, бывшій близъ монастырской рощи ²⁾.

Въ 1835 году управленіе монастыря хлопотало объ отводѣ 100 десятинъ пашенной земли; но чѣмъ кончилось это дѣло, съ точностью неизвѣстно. Въ 1842 году возбуждено было ходатайство о парѣзкѣ 100 десятинъ лѣсу въ Ягодинской дачѣ — и дѣло это повидному имѣло успѣхъ. Въ маѣ мѣсяцѣ были потребованы землемѣромъ Фатовымъ два депутата для снятія плана съ 100 десятинъ въ надѣлѣ Кизическому

¹⁾ Игуменомъ въ это время былъ Арсеній, на котораго іеромонахъ доносилъ, что онъ взялъ изъ монастырскихъ суммъ 1077 р., считая ихъ своими.

²⁾ См. указъ 1834 г. іюня 30 и рапортъ августа 8.

монастырю изъ Ягодинской лѣсной дачи, въ чемъ, конечно, онъ получилъ скорое удовлетвореніе. Но вотъ прошло 50 лѣтъ и владѣннаго указа на сію дачу нѣтъ. И кустарники, бывшіе въ небрежномъ владѣніи монастыря, и съ теченіемъ времени выросшіе въ цѣлый лѣсъ, отданы другому монастырю съ отрѣзкою отъ Кизическаго монастыря его части рощи съ вѣковыми соснами, новые владѣтели коихъ поспѣшили поскорѣе воспользоваться ими, не позаботясь зарыть межи, поросшія столѣтнимъ мхомъ и обильною травою. Кизическому монастырю предстоитъ или получить новый надѣлъ лѣса, о чемъ онъ теперь просить, или хлопотать о возвращеніи даннаго ему кустарника, коимъ его временные правители, хотя пренебрегли, но не имѣли права лишиться какъ дара, даннаго не имъ, а монастырю въ вѣковѣчное его владѣніе.

Въ 1845 году было какое-то смутное дѣло о сѣнокосахъ монастырскихъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ. Въ іюль и августъ 1846 года возбуждалось дѣло о данномъ монастырю островѣ Телятникѣ, въ Лайшевскомъ уѣздѣ. Въ 1854 году было дѣло о новомъ обмежеваніи рыбныхъ ловель близъ села Отаръ и была повѣрка сѣнокосныхъ градскихъ оброчныхъ статей, граничащихъ съ монастырскими, и для составленія новаго плана на мукомольную мельницу посланъ депутатъ священникъ Щербатовъ. Въ 1858 году посланъ былъ планъ на землю при рѣкѣ Щередѣ для отсылки въ Казенную Палату Гражданскаго Суда по дѣлу о землѣ Іоанно-Предтеченскаго монастыря, которую оспаривали у него Татары. Планъ этотъ былъ возвращенъ въ декабрѣ 1859 года, а въ слѣдующемъ году былъ возвращены документы относительно мельницы на Свѣтломъ озерѣ. Въ 1861 году представлялся въ Коненсторію планъ на землю при деревнѣ Адербышь, Казанскаго уѣзда. Но возвращенъ ли онъ неизвѣстно. Объ этихъ требованіяхъ мы сочли нужнымъ упомянуть потому, что чрезъ нихъ нерѣдко погибаютъ въ пучинѣ архивовъ весьма нужные акты, чѣмъ истинные владѣльцы ихъ лишаются иногда цѣнныхъ угодій, что отчасти можно сказать и относительно этого угодья Кп-

зическаго монастыря, а также и въ примѣненіи къ лѣснымъ дачамъ, которыми онъ нѣкогда былъ надѣленъ.

Относительно многихъ угодій въ архивѣ Кизическаго монастыря сохранилась масса контрактовъ—на отдачу этихъ угодій въ аренду. Но вѣроятно еще большее число сихъ контрактовъ было препровождено въ Консисторію по требованію ея въ 1816 году. Въ слѣдующемъ году былъ указъ о доставленіи свѣдѣній относительно всѣхъ монастырскихъ угодій. Эти свѣдѣнія потомъ сообщались ежегодно въ особыхъ вѣдомостяхъ, которыя потомъ вошли въ общую вѣдомость о монастырѣ.

Въ первой такой общей вѣдомости, сохранившейся въ монастырѣ отъ 1840 года, значатся слѣдующія угодья, Высочайше пожалованныя въ 1797 году: 1) пахотной и сѣвковской земли 33 десятины, въ томъ числѣ 13 десятинъ при монастырѣ и 20 по рѣчкѣ Щередѣ въ 17 верстахъ; на первомъ полѣ луга, а на второмъ нивы—отдавались изъ половины; 2) мельница на Свѣтломъ озерѣ—тоже отдавалась изъ полу; 3) рыбныя ловли при деревнѣ Отарахъ—Соляная Воложка, отдав. за 300 рублей. Тѣ же угодья показываются и въ позднѣйшихъ вѣдомостяхъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ упоминаются и планы на эти угодья, а равно и арендныя суммы.

Кромѣ того всѣ документы на угодья указываются въ описяхъ, а суммы въ приходо-расходныхъ книгахъ и отчетахъ о доходахъ монастырскихъ, о конхъ мы быть можетъ скажемъ особо, а также въ разнаго рода случайныхъ сообщеніяхъ, дѣлавшихся по запросамъ консисторіи къ наконецъ во множествѣ контрактовъ, хотя, какъ мы уже говорили, не всегда эти контракты исполнялись въ точности.

Въ 1865 году возбудилось дѣло о воспрещеніи пароходному обществу Самолетъ ставить свои суда въ затонѣ „Соляной Воложки“, принадлежащей Кизическому монастырю. По этому случаю начальникъ VI округа путей сообщенія дѣлалъ запросъ о правахъ Кизическаго монастыря на Соляную Воложку, что конечно и было исполнено. Въ концѣ года въ осо-

бомъ указъ (отъ 31 декабря) послѣдовало разъясненіе относительно правъ пользованія водою, какъ мѣстомъ рыбной ловли.

Но въ 1867 году сама природа выступила въ огражденіе правъ Кизическаго монастыря. Устье затона стало заносить пескомъ и суда не могли уже помѣщаться здѣсь съ прежнимъ удобствомъ. Въ этомъ же году былъ возбужденъ вопросъ объ удобствѣ владѣній Кизическаго монастыря его угодьями и братія выразила желаніе владѣть ими, кромѣ пахотной земли при рѣкѣ Щередѣ и мельницы на Свѣтломъ озерѣ. При этомъ казначей Варсонофій предложилъ проесть сдать эти угодья въ непрерывную аренду—землю по 30 руб. за десятину, а мельницу за 600 руб., а деньги положить навѣчно въ Государственный Банкъ. Проектъ хорошъ; но вѣроятно онъ не былъ признавъ законнымъ, да едва-ли и можно было найдти такихъ арендаторовъ, хотя казначей, присутствовалъ въ 1868 г. въ сѣздѣ землевладѣльцевъ и могъ бы пріискать ихъ.

Въ 1868 году былъ отысканъ планъ на землю при рѣкѣ Щередѣ и возбуждено ходатайство о межевой книгѣ. По плану этому монастырской земли значится—пашенной и сѣнокосной земли 22 десятины и 1200 квадр. сажень. Сія земля разстояніемъ отъ Кизическаго монастыря 17 верстѣ. Она сдана въ аренду по 1893 годъ за 31 руб. 10 коп. Въ 1871 году выданъ былъ планъ и межевая книга. Въ 1886 году марта 13 дня выдана была межевая книга и планъ на „Соляную Воложку“.

1891 годъ, годъ необычайно большихъ расходовъ суммъ Кизическаго монастыря, по случаю капитальной ремонтровки главнаго его храма въ честь Введенія Богородицы во Храмъ и придѣльнаго—въ честь св. Кизическихъ мучениковъ,—былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и счастливейшимъ годомъ—въ смыслѣ увеличенія монастырскихъ угодій. Сначала ему былъ отведенъ земельный участокъ изъ Кизической дачи, площадью въ 23 десят. 744 саж., а потомъ съ 1 іюля предоставлена Кизическому монастырю Ходяшевская оброчная статья, находящаяся въ Лаишевскомъ уѣздѣ, близъ деревни Товель - Ходяшевой, Се-

ленгупской волости, заключающаяся въ 116 десят. 1200 саж. пашенной земли.

Всѣ угоды Кизическаго монастыря въ настоящее время отдаются въ аренду, цѣнность которой падаетъ годъ отъ году все болѣе и болѣе, такъ что напр. мельница, прежде иногда отдававшаяся за 200 и 300 руб., теперь отдается только за 17 рублей. Тѣмъ не менѣе можно сказать, что благосостояніе монастыря настоящими его угодами почти обезпечено; а если ему будетъ отведена лѣсная дача, то оно будетъ и совершенно обезпечено. Объ отпускѣ лѣсной дачи дѣло уже возбуждено. Не малымъ жизненнымъ подспорьемъ служатъ Кизическому монастырю и тѣ угоды, которыя находятся въ границахъ его усадьбы и прилегающихъ къ ней сѣнныхъ покосахъ. Планъ на эти угоды имѣется отъ 1795 года. Такимъ образомъ это единственныя угоды, которыя сохранились за монастыремъ со времени его основанія, прочія же пожалованы въ 1797 году и 1891 году, когда отпраздновано было двухсотлѣтіе существованія Кизическаго монастыря, подавшее поводъ подвести всѣ историческіе итоги жизни его, обусловливающіе успѣхи жизни его въ новомъ столѣтіи.

С. Н.

1.

Адрианъ милостию Божією Архіепископъ Царствующаго великаго града Москвы, всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріархъ: лѣта 7199-го (1691).

 Святѣмъ Дусѣ сыну и сослужителю нашея смиренности Преосвященному Маркеллу Митрополиту Казанскому и Свіяжскому наше архипастырское благословеніе.

Въ предшедшихъ лѣтахъ, егда правяшу намъ престолъ Казанскія Митрополіи, благословеннымъ отъ насъ начинаніемъ здана бысть подъ градомъ Казанью обитель Святыхъ девяточисленныхъ Мученикъ, пострадавшихъ за Христа во градѣ Кизикѣ въ помощь и во избавленіе народа отъ всякихъ скорбей, а наипаче отъ трясавичной болѣзни, яко бо имъ дадеся отъ Бога благодать притекающія къ нимъ съ вѣрою отъ всякихъ находящихъ скорбей исцѣляти и отъ трясавичной болѣзни избавляти.

Яже на томъ мѣстѣ, идеже сія Святая обитель сограждена, изъ Седмюзерныя пустыни чудотворному образу Пресвятыя Богородицы иконѣ Смоленскія бываеъ изъ града Казани срѣтеніе и провозженіе по вся лѣта.

По усердному же нашему ревнованію и по желанію бывшихъ тогда градодержцевъ и всего казанскаго народа уставися и образъ Святыхъ девяточисленныхъ Мученикъ Кизическихъ изъ тоя обители вносится за чудотворнымъ Пресвятыя Богородицы образомъ для молебнаго благодаренія во градъ Казань. Яже и есть.—

Нынѣ же видоша въ слухи наша, яко Седмюзерныя пустыни злонавнни чернецы зависти ради чинятъ въ приношеніи того Святаго Мученическаго образа въ градъ Казань тоя Кизическія обители Игумену Ипатію и братіи многое препятіе, и отъ того ихъ Седмюзерскихъ чернецовъ враждотворства и несогласія въ народѣ является мятеніе.

И какъ тебѣ сія наша Святѣйшаго Патріарха грамота вдается, и ты бѣ сыне такихъ мятежниковъ учинилъ истязаніе по своему разсмотрѣнію. И впредь въ приношеніи того Мученическаго образа во градъ Казань препирательства никакова чинить не велѣтъ, что бѣ въ народѣ смятенія отъ того не было. И велѣлъ тоя Кизическія обители Игумену Ипатію съ братією, и кто по немъ и иные игумены будутъ, тотъ Мученическій образъ за Чудотворнымъ Пресвятыя Богородицы образомъ во градъ Казань для молебнаго благодаренія вносити невозбранно.

Аще-ли же кто учнетъ чрезъ сей нашъ Святѣйшаго Патріарха указъ и грамоту въ чемъ прекословити, да подлежитъ отъ насъ Церковнаго отлученія и наказанія по нашему разсужденію.

И сію нашу грамоту прочеть и записавъ въ книгу, велѣлъ отдать во обитель Кизическую Игумену Ипатію съ братією, а въ домѣ своемъ оставилъ списокъ При семъ милость Божія и Пресвятыя Богородицы, и Великихъ Святителей Петра, и Алексія, и Іоны, и Филиппа Московскихъ и всея Росіи Чудотворцевъ молитвъ и нашае смиренности благословеніе съ тобою есть и будетъ нынѣ и во вѣки.

Писася въ Царствующемъ градѣ Москвѣ въ нашемъ Архипастырскомъ домѣ мирозданія 7202 лѣта отъ Рожд. Богослова 1694 Февраля въ день.

2.

Адріанъ милостію Божією царствующаго великаго града Москвы, всея Росіи и всѣхъ Сѣверныхъ странъ Патріархъ.

Казанскаго Кизическаго монастыря игумену Ипатію съ братією наше Архипастырское благословеніе.

Нынѣшняго 203 года сентября въ—день билъ челомъ намъ Святѣйшему Патріарху ты игумень съ братією: нашимъ де архипастырскимъ благословеніемъ и призрѣніемъ построися та ваша обитель вново изъ небытности и братство собрася, тако жъ и мірстіи на послушаніе и царскимъ подаеніемъ есть на пашню вотчинные земли, а пахатъ хлѣба про монастырскую вашу нужду некому, а въ Казани и въ Свіяжску и иныхъ понизовыхъ городоѵ въ уѣздахъ живутъ, бѣгаючи изъ домовыхъ нашихъ Святѣйшаго Патріарха вотчинъ, разныхъ городоѵ уѣзловъ въ дворцовыхъ волостяхъ и на ясакахъ и за помѣщики и вотчинники крестьяня. И намъ Святѣйшему Патріарху пожаловати бѣ тебя игумена съ братією, велѣтъ вамъ, гдѣ такіе нашихъ домовыхъ Святѣйшаго Патріарха вотчинъ бѣглые крестьяня объявятся или кого гдѣ обыщете, битъ челомъ великимъ государемъ по городомъ и тѣхъ бѣглецовъ имая приводить въ Приказы и по указу Великихъ государей и по ихъ крестьянскимъ распроснымъ рѣчамъ и по отдачѣ изъ бѣговъ, имать и въ монастырской вашей вотчинѣ въ деревнѣ Ставросовой селить во крестьянство за монастырь въ вотчину вѣчно и о томъ дать вамъ нашу архипастырскую грамоту. И какъ къ вамъ ся наша Святѣйшаго Патріарха грамота придетъ, и ты бѣ игумень Ипатіѣ съ братією въ Казани и въ Свіяжску и въ иныхъ понизовыхъ городехъ, гдѣ обрящутся домовыхъ нашихъ Святѣйшаго Патріарха вотчинъ бѣглые крестьяня, велѣлъ ихъ имая приводить въ сѣзжія избы и обѣ отдачѣ били челомъ и по отдачѣ возили въ монастырскую свою вотчину въ деревнѣ Ставросова на пашню. Писанъ на Москвѣ въ нашемъ архипастырскомъ домѣ 7203 лѣта сентября въ—день. (У подлинной печать съ вершокъ въ поперечникѣ съ изображеніемъ Богоматери).

Ся грамота въ Казани въ Приказной палатѣ явлена и въ книгу помѣсныхъ дачъ записана въ нынѣшнемъ 204 году мая въ 26 день.

(Грамота Коллегіи Экономіи, № арх. 182, хрон. 6.590).

3.

Се язъ Борисъ Ивановъ сынъ Остолоповъ да съ сыномъ своимъ Петромъ дали есми на сею сію запись въ Казани Святыхъ Девяти Мученикъ

Кизического монастыря, что под Каванью, строителю іеродиакону Ипатію съ братією и кто по немъ янме строителя и впредь будутъ въ томъ: въ прошломъ во ста девяносто девятомъ году крѣпостной ихъ Кизического монастыря крестьянинъ Тимошка Михайловъ съ женою и съ дѣтьми и съ крестьянскіе животы бѣжалъ изъ за ихъ Кизическаго монастыря и жилъ за ними Борисомъ и Петрою во крестьянехъ и ему строителю съ братією того своего бѣглого крестьянина Тимошку съ женою и съ дѣтьми и съ сносными его животы и съ зажилыми и съ пріемными деньгами искази было на насъ Борисъ и Петръ судомъ. И я Борисъ и сынъ мой Петръ, не ожидая на себя его строителя съ братією челобитья и не ходя въ судъ, по полюбовному своему договору учинили сдѣлк и вмѣсто ихъ бѣглого Кизическаго монастыря крестьянина Тимошки и жены его и дѣтей и за сносныя животы и за пріемныя и за зажилыя деньги и за убытки и за весь ихъ строителя съ искъ противъ указу Великихъ государей поступились мы Борисъ и Петръ въ тотъ Кизической монастырь своихъ поступныхъ и купленныхъ крѣпостныхъ крестьянъ въ бѣгахъ Гришку Васильева съ сыномъ его Никишкою да вдову Наташку Игнатьеву съ дочерью съ дѣвкою Ульяю да съ сыномъ ея съ Андрюшкою Ивановыми и съ его Андрюшкиною женою и съ дѣтьми, да вдову жъ Оринку Карпову дочь съ дѣтьми, да вдову жъ Ульяку Митрофанову дочь Аюнкину, жену Алексѣева и съ дѣтьми ея съ сыновьями съ Ромашкомъ да съ Борискомъ да съ дочерью замужнею съ Палашкою Аюнкиными дѣтьми и съ ихъ крестьянскими животы и съ зажилыми и съ пріемными деньгами и гдѣ они строитель съ братією тѣхъ нашихъ вышеписанныхъ бѣглыхъ крестьянъ въ бѣгахъ сыщутъ, и строителю съ братією о тѣхъ крестьянехъ о Гришкѣ Васильевѣ съ товарищи и съ дѣтьми и о пріемныхъ и зажилыхъ деньгахъ по нашимъ Борисовымъ и Петровымъ крѣпостямъ волно бити челомъ, а намъ Борису и Петру о томъ челобитѣ не спорить и на тѣхъ крестьянъ на Гришку съ товарищи крѣпости выдать ему строителю съ братією въ монастырскую ихъ казну, а буде мы Борисъ и Петръ или кто со стороны въ тѣхъ вышеписанныхъ нашихъ поступныхъ крестьянъ Гришку Васильева съ дѣтьми и съ товарищи, которыхъ изъ бѣговъ они строитель съ братією по сей нашей сдѣлошной записи сыщутъ или мы Петръ и Борисъ станемъ впредь вступаться или крѣпостей на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ на Гришку Васильева съ товарищи въ монастырь не выдадимъ или отъ стороннихъ челобитчиковъ кто о тѣхъ нашихъ вышеписанныхъ бѣглыхъ крестьянехъ учнетъ спорить и бити челомъ по своимъ крѣпостямъ не очистимъ и отъ того имъ строителю съ братією убытки и протори учинятся, и на насъ Борисъ и Петръ взять имъ строителю съ братією вмѣсто того крестьянина, котораго изъ за нихъ кто по крѣпостямъ возьметъ, а мы Борисъ и Петръ ихъ строителя съ братією не очистимъ, взять у насъ Бориса и Петра крестьянина вмѣсто того взятого изъ за ихъ монастыря такова жъ семьяниста и прожиточна. А буде мы Борисъ и Петръ вмѣсто взятого поступныхъ нашихъ крестьянъ иныхъ въ монастырь къ нимъ строителю съ братією не дадимъ, и на насъ Борисъ и Петръ взять за всякую семью, которая нашу неочисткою отъ нихъ изъ за монастыря кто возьметъ по 30 рублевъ. У сей записи послуши Каванской площади подъячѣ

Илья Лукьяновъ, Дмитрій Ситниковъ, Ларіонъ Емельяновъ, Иванъ Степановъ. Запись писалъ тое жъ площади подъячій Тимошка Синьберенинъ Лѣта 7200-го декабря въ 31 де.

На оборотѣ грамоты: «Борисъ Остолоповъ бѣглыхъ крестьянъ поступился и къ сей записи руку приложилъ. Петръ Остолоповъ руку приложилъ».

(Грамота Коллегіи Экономіи № арх. 166, хронол. 6,574).

4.

Се язъ Петръ Борисовъ сынъ Остолоповъ далъ еси въ Казани сію запись Святыхъ Девяти Мученикъ Кизическаго монастыря что подъ Казанью строителю іеродиакону Ипатію съ братією и впредь кто по немъ иные строители будутъ въ томъ: въ нынѣшнемъ въ двусотомъ году декабря въ 30 день довелось мнѣ Петру въ тотъ Кизическаго монастыря за отца своего Бориса Иванова сына Остолопова отдать денегъ 100 рублевъ и вмѣсто денегъ я Петръ ему строителю съ братією отдалъ на оброкъ свою помѣстную вымѣнную землю, что я Петръ вымѣнилъ у Казанца у Алексѣя Васильева сына Бахтеярова въ Казанскомъ уѣздѣ по Зюрейской дорогѣ полпустоши Осиновки, въ дачахъ 40 четей въ полѣ, а въ дву потому жъ съ пашенною землею и сѣнными покосы и съ лѣсомъ и со всѣми угоды, какъ дано и размежевано отъ иныхъ земель Алексѣю Бахтеярову и мѣну мою съ нимъ Алексѣемъ по крѣпостямъ росписать по допросу велѣно впредь съ сего числа на 5 лѣтъ, и мою землю въ полупустоши Осиновки ему строителю Ипатію съ братією кто впредь по немъ иные строители будутъ со всѣми угоды и съ мельничнымъ мѣстомъ, гдѣ была винокуренная поварня по обѣ стороны рѣчки Ураки, владѣть имъ и крестьяномъ ихъ и бобылемъ или комъ на оброкъ похотять отдать по сей моей записи волно, также и дворовое строеніе строить и пашню и сѣнные покосы рощищать, а у меня Петра та моя вымѣнная земля oprичъ его строителя съ братією иному никому не поступлена и на оброкъ и во владѣніе не отдана, а какъ по указу Великихъ Государей и по допросу моему Петрову и Алексѣя Бахтеярова та полпустоши Осиновки росписана будетъ на мою Петрову Шатскую промѣнную помѣстную землю, и мнѣ Петру послѣ росписки своей Осинскую землю со всѣми угоды промѣнить ему строителю съ братією на вотчинную ихъ Закамскую землю на одну четъ и съ переходными четвертьми писаться противъ указу Великихъ государей въ Приказѣ Казанскаго дворца въ вотчину жъ, а до тѣхъ урочныхъ лѣтъ и покаместъ та земля у меня Петра съ нимъ строителемъ росписана будетъ, со владѣніи и угоды ему строителю съ братією и ихъ крестьяномъ и бобылемъ и обротчикомъ никакими дѣли съ той земли не сослать и строеніемъ ихъ рощистыми пачѣмъ не завладѣть и проторей и убытковъ никакихъ въ томъ имъ не учинить и что нынѣ на той Осиновской полпустоши съ моего Петрова заводу двороваго и всякаго строенія ни есть, и тѣмъ всѣмъ противъ росписи владѣть ему строителю съ братією, а буде кто со стороны въ тое землю и въ угоды по владѣнію Алексѣя Бахтеярова учнутъ вступаться, и мнѣ Петру указомъ

Великихъ государей по его Алекѣевѣ ввозной грамотѣ очищать, а имъ строителю съ братією и крестьяномъ и бобылемъ и обротчикомъ убытка никакова не довестъ, а буде я Петръ тое полупустоши Осиновки съ пашенною землею и съ сѣнными покосы и съ лѣсомъ и со всѣми угоды и съ мельничнымъ мѣстомъ, гдѣ была винокуренная поварня по обѣ стороны рѣки Ураки владѣтъ ему строителю съ братією или впредь кто по немъ иные строители будутъ до урочныхъ лѣтъ не дамъ или въ какое и въ дворовое строеніе учну вступаться или какія обиды и неустойку стану чинить или отъ стороннихъ челобитчиковъ по дачѣ Алекѣя Бахтеярова и по своей мѣнѣ не очисти, или послѣ урочныхъ лѣтъ и мѣнновной росписки своей, я Петръ ему строителю Ипатію съ братією или кто по немъ иные строители впредь будутъ, тое Осиновскую землю на одну ихъ Закамскіе земли четь въ вотчину не промѣню, и ему строителю Ипатію съ братією или кто по немъ иные строители будутъ взять на мнѣ Петръ по сей записи за неустойку денегъ 100 рублезъ и протори свои и убытки всѣ сполна по ихъ строителя Ипатія съ братією сказкѣ, а ся загисъ и впредь въ записъ. У сей записи послуши Казанской площади подъячіе Алекѣй Гагинъ, Микита Іонинъ, Иванъ Бабушкинъ, Василій Истоминонъ. Записъ писалъ тое жъ площади подъячій Тимошка Синберенинъ лѣта 7 2 0 0 г. декабря въ 30 де.

На оборотѣ грамоты: «Къ сей записи Петръ Остолоповъ руку приложилъ» и всѣ поименованные выше послуши.

(Грамота Коллегіи Экономіи № 165—6,573).

5.

Се Язъ Борисъ Ивановъ сынъ Остолоповъ въ нынѣшнемъ 201 году іюля въ 23 день далъ есию записъ въ Казани Святыхъ Девяти Мученикъ Кизического монастыря игумену Ипатію съ братією и впредь кто въ томъ Кизическомъ монастырѣ игумены и братія будутъ въ томъ, что жили за мною Борисомъ въ прошлыхъ годехъ монастырскіе ихъ крѣпостныя бѣглецы крестьяня Бориско Ѳедоровъ да Петрушка Мелентьевъ съ женами и съ дѣтьми и съ племянники и со внучаты и съ сносными ихъ монастырскими и крестьянскими животы въ Шатскомъ уѣздѣ въ Ценьскомъ стану въ жеребью въ деревнѣ Гернѣевой а Латкозино тожъ на крестьянскомъ тяглѣ, изъ за меня Бориса бѣжали и ему было игумену Ипатію съ братією тѣхъ своихъ крестьянъ Бориски и Петрушки съ женами и съ дѣтьми и съ племянники и со внучаты и съ носными ихъ монастырскими и съ ихъ крестьянскими животы и съ пріемными и зажалыми и выводными деньгами противъ указу Великихъ государей искать судомъ, и я Борисъ розыскався о томъ подлинно и не ходя въ судъ съ нимъ игуменомъ Ипатіемъ съ братією договорились и во всемъ сдѣлку межъ себя учинили и вмѣсто тѣхъ ихъ монастырскихъ бѣглыхъ крестьянъ поступился я Борисъ своимъ поступнымъ жъ въ бѣгахъ крестьянъ, которыхъ мнѣ Борису поступился князь Стефанъ князь Никитинъ сынъ Шесуповъ Арзамаской своей вотчины села Козакова Оилки Козмина съ братьями его съ Гришкою да Ивашкою родными и зятемъ Оилкинымъ Левкою Васильевымъ да Якушкою Ефтифьевымъ да Сенкою Михайловымъ сыномъ Ели-

заровымъ да со вдовою Аглишкою Алексѣевою съ дѣтьми и за кѣмъ она за мужемъ да поступнымъ же своимъ крестьяниномъ, что нынѣ мнѣ Борису поступилъ Новогородецъ Петръ Стефановъ сынъ Бунковъ Дениску Артемьева и съ ихъ вышеписанными по именомъ крестьяны съ женами ихъ и съ дѣтьми и съ племянники и со внучаты и съ носными ихъ животы и съ хлѣбомъ и съ скотомъ и со всякимъ пашеннымъ деревенскимъ заводомъ что чего у нихъ есть, а у кого они игумень Ипатій съ братією тѣхъ крестьянъ въ бѣгахъ сыщутъ или прежніе ихъ монастырскіе крестьяня Бориска и Петрушка изъ бѣговъ и тѣ мои Борисовы поступные крестьяня за монастырь во крестьянство жить придутъ и крестьяномъ впредь за тѣмъ Кизическимъ монастыремъ и за нимъ игуменомъ Ипатіемъ за братією или впредь хто въ томъ Кизическомъ монастырѣ иные игумены и братія будутъ, жить во крестьянскомъ тяглѣ безповоротно, а мнѣ Борису впредь въ тѣхъ крестьянъ самому и женѣ моей и дѣтямъ и родственникомъ ниочему не вступаться и за собою никѣмъ не крѣпить и во крестьянство ихъ къ себѣ не принимать а буде стороны хто въ тѣхъ поступныхъ моихъ Борисовыхъ крестьянъ у нихъ игумена съ братією почему учнутъ вступаться, и мнѣ Борису по своимъ крѣпостямъ во всемъ очищать, а буде какими мѣрами хто ихъ тѣхъ крестьянъ неочищенемъ моимъ Борисовымъ изъ за монастыря того отъидетъ, и на мнѣ Борисѣ за всякого крестьянина съ женою и съ дѣтьми и съ животы взять имъ игумену съ братією за семью по 15 рублей денегъ и съ убытки и впредь ся запись имъ въ запись же, а которые крестьяня мои Борисовы до сей моей Борисовой поступной сдѣлки изъ монастыря у крестьянъ имали вдовъ и дѣвокъ за себя безъ выводу, также и мои Борисовы имали у нихъ монастырскихъ крестьянъ безъ отписей и безъ выводныхъ вдовъ и дѣвокъ, а за иныхъ постороннихъ вдовъ и дѣтей ихъ выводъ изъ монастыря платили: и въ томъ имъ игумену Ипатію съ братією и мнѣ Борису великимъ государемъ никому ни на кого въ тѣхъ выводахъ не бити челомъ, въ томъ я Борисъ имъ игумену Ипатію съ братією и запись сю далъ. У сей записи послуси Казанскіе площади подъячіе Ерофей Андронниковъ, Алексѣй Шипкинъ, Иванъ Шубниковъ, Илья Лукояновъ, Игнатій Посохинъ. Запись писалъ тое жъ площади подъячій Ивашка Балашовъ лѣта 7201 г. іюля въ 27 день.

На оборотѣ: «Къ сей поступной записи Борисъ Остолоповъ руку приложилъ».

(Грамота Коллегіи Экономіи № 172—6580).

6.

Се изъ Борисъ Ивановъ сынъ Остолоповъ въ нынѣшнемъ во 199 году марта въ восьмый на десять день далъ есми я сію запись обителя Святыхъ Девяти Мученикъ Кизическаго монастыря что полъ Казанью строителю іеродіакону Ипатію съ братією и хто въ томъ монастырѣ впредь строители и братья будутъ въ томъ: искати было ему строителю на мнѣ Борисѣ поступныхъ своихъ крестьянъ въ Приказѣ Большаго Дворца, которыхъ поступилъ имъ въ бѣгахъ Никита Алферьевъ сынъ Кудрявцевъ изъ вотчины своей Свіяжского уѣзду

села Ябухтина, а Архангельская тожь, Тимошки Степанова да Самошки да Ромашки Тимофѣевыхъ да Максимка Лазарева съ ихъ женами и съ дѣтьми и съ племянники и со внучаты и сносными своими Никитинными и ихъ крестьянскими животы да ихъ монастырскаго крѣпостнаго служеника Ивашки Ѳедорова сына Волянки, который изъ того Кизическаго монастыря въ прошлыхъ годехъ бѣжалъ покрастьчи крѣпости монастырскія и вкладныя вещи, книги и деньги всего на 550 рублевъ и съ женою своею и съ дѣтьми онъ Ивашко присталъ было жить за нимъ Никитою, а поступные сво Никитины крестьяня Тимошка Степановъ съ товарищи поселились было во крестьяня на землѣ сына моего Борисова Петра въ Казанскомъ же уѣздѣ по Зюрейской дорогѣ на пустоши Осиновкѣ, изъ за него Петра бѣжали безвѣстно; и я Борисъ, не ожидая отъ него строителя приставныя памяти въ иску въ томъ и не ходя въ судъ, сдѣлку учинили и которого иску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ Тимошки Степанова съ товарищи и женъ ихъ и дѣтей вѣснучъ(?) головъ и убытковъ и проѣстей и за пріемъ зажимыхъ денегъ и за весь ихъ монастырскій искъ за 650 рублевъ поступился я Борисъ своихъ и сына своего Петра крѣпостныхъ крестьянъ и задворныхъ дѣловыхъ людей въ тотъ ихъ Кизическаго монастырь вѣчно съ Осиновской и съ Закамской земли Мишку Ѳедорова, Китайку Васильева, Гараську Евсѣвьева, Бориску Григорьева, Дениску Васильева, Васку Гарасимова, Анисимку Васильева, Афрежку Гарасимова, Евстратку Васильева, Мишку Григорьевъ, Андрюшку Иванова, Мишкишку Иванова, Давыдку Ѳедорова, Иполитку Ѳедорова, Асѣйку Лупьева, Лазарку Ѳомина, Мишку Ѳомина, вдову Агашку съ дочерью Улькою да съ зятемъ Ѳедкою Захарьевымъ, Трошку Васильева, Олешку Устинова, Ѳедку Ѳомина, Ѳедку жъ Анисимова, а тѣ крестьяня съ женами и съ дѣтьми и которые 3 человекъ женить помолвлены съ братьями и съ племянники и со всѣми ихъ крестьянскими животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и смолоченымъ и съ землянымъ и съ скотомъ и со всякимъ ихъ крестьянскимъ и пашеннымъ заводомъ, а жити имъ повольно за тѣмъ Кизическимъ монастыремъ на оброчной своей земли повольно по выписи изъ Приказу Казанскаго дворца за Камомъ рѣкою на рѣкѣ Шенталѣ въ готовыхъ дворехъ, и ему строителю іеродіакону Ипатію съ братією по сей моей Борисовой сдѣлочной записи тѣми поступными вышеписанными крестьяны и дѣловыми людьми къ монастырю своему владѣть вѣчно, а хто въ тѣхъ крестьянъ и въ дѣловыхъ людей учнетъ вступаться почему-нибудь, и мнѣ Борису тѣхъ крестьянъ и дѣловыхъ своихъ и сына своего Петра людей во всемъ очищать и никакъ-ва убытка ни въ чемъ я строителю съ братією нынѣ и впредь не довести, а буде я Борисъ противъ сей записи на лицо всѣхъ по семьямъ и ему строителю съ братією тѣхъ крестьянъ и людей и ихъ животы и съ хлѣбомъ и съ дворы что за Камомъ рѣкою дворовъ и всякого строенія ни есть неотдамъ на срокъ мая въ 9-мъ числѣ нынѣшняго жъ года, и ему строителю съ братією взять на мнѣ Борисѣ въ Казани противъ сей записи таковыхъ же людей и крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и съ животы или за всякую неочищенную семью по 30 рублевъ денегъ и съ убытки, что имъ стро-

ителю съ братією моимъ Борисовымъ неочищенемъ не учинится, и ся запись на тѣхъ крестьянъ и дѣловыхъ людей ему строителю съ братьєю и хто впредь въ томъ монастырѣ иные строители и братья будутъ въ запись же; да имъ же строителю съ братією написать въ обители своей въ постѣнный и въ лѣтний(?) синодики и вѣчно поминать монаха Аѳанасія и іерея Давыда монахиню Таисію, Анастасію, Николая, Андря, Марфы да Феклы дѣвицы и никогда безъ поминовенія ихъ сродниковъ моихъ не оставитъ, а усей записи послуши Иванъ Болховитиновъ, Иванъ Мелковъ, Иванъ Трифоновъ, Кирила Вавиловъ, Алексѣй Гладкій, Федоръ Степановъ, запись писалъ Ивановской площади стольника и полковника стремянного Иванову полку Елисеѣвича Цыклера десятникъ Кирьянко Семеновъ лѣта 7199 года марта въ 18 де.

На оборотѣ грамоты: «Къ сей поступной записи Боргъ Остолоповъ руку приложилъ».

(Грамота Коллегіи Экономіи № 150 — 6558).

7.

.....Великихъ Государей Царей и великихъ князей Иоанн Алексѣевича Петра Алексѣевича вса Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ бояринъ и воевода Петръ Аврамовичъ Лопухинъ съ товарищи дали в одну грамоту новопостроеннаго Кизическаго монастыря, что подъ Казанью строителю іеродіакону Ипатію съ братьєю на пашенную землю и на сѣнные покосы и на дикую степь въ Казанскомъ уѣздѣ по Нагайской дорогѣ за Камою рѣкою на рѣкѣ Шанталѣ, что была на оброкѣ у Никиты Кудрявцева и на пустую ясапную землю, которая съ тою землею смежна по Кулубердѣевскому истоку и на крестьянъ, которые на той землѣ живутъ для того въ нынѣшнемъ 200 году мая въ 30 день били челомъ великимъ Государемъ Кизическаго монастыря, что подъ Казанью строитель іеродіаконъ Ипатій съ братією въ нынѣшнемъ 200 году по указу великихъ Государей и по грамотѣ изъ приказа Казанскаго дворца велѣно въ Казанскомъ уѣздѣ по Нагайской дорогѣ за рѣкою Камою на рѣкѣ Шанталѣ въ дикой степи оброчную землю Никиты Олферьева сына Кудрявцова и пустовую ясапную землю, которая съ тою землею смежна по Кулубердѣевскому истоку и съ поступными Бориса Остолопова крестьяны отказать за нихъ въ Кизической монастырь въ вотчину съ пашнею и съ лѣсами и съ сѣнными покосы и со всѣми, угоды по старымъ межамъ и урочищамъ. И по указу Великихъ Государей посланъ приказныя палаты подъячій Кирило Степановъ и при понятыхъ стороннихъ людяхъ онъ, Кирило, тое землю и съ поступными крестьяны за Кизической монастырь имъ отказать и книги оказныя той земли и крестьяномъ въ приказной палатѣ за руками стороннихъ людей и за знаменами татарскими подалъ, а вводныя грамоты имъ на тое землю и на крестьянъ и со всѣми угоды не дано. И Великіе Государы пожаловали бѣ его велѣли съ тѣхъ отказныхъ книгъ на тое землю и на крестьянъ и со всѣми угоды для владѣнья дать имъ въ Кизической монастырь вводную грамоту. И въ прошломъ во 196-мъ году іюля въ 20 день билъ челомъ великимъ Государемъ Борисъ Остолоповъ

есть де по Нагайской дорогѣ на рѣкѣ Шанталѣ внизъ подлѣ помѣстной земли казанца Ивана Иванова сына Языкова по поземѣ Кулубердѣвской до суходолу, а отъ того суходолу въ степь черезъ Уфимскую дорогу на одинакую березу, а съ одинакой березы на лѣво колѣномъ къ четыремъ березамъ и къ позму Ивана жъ Языкова и къ рѣкѣ Шанталѣ дикая степь лежитъ въ пустѣ въ помѣстѣхъ и въ вотчину и на оброкъ русскимъ людямъ и татаромъ никому не отдана и никто тою пустою степью не владѣютъ и великіе Государи пожаловали бѣ его велѣли про тое пустую степную землю въ тѣхъ урочищахъ сыскать и отдать подъ селидбу съ угоди и съ лѣсомъ ему безперкупно, а въ казну де великихъ Государей съ той пустовой земли станеть онъ платить со 197 года и впредь по рублю на годъ и по справкѣ съ окладной книгою прошлаго 196 г по Нагайской дорогѣ на рѣкѣ Шанталѣ дикой степи по урочищамъ внизъ подлѣ помѣстной земли казанца Ивана Языкова по поземѣ Кулубердѣвской до суходолу, а отъ того суходолу въ степь черезъ Уфимскую дорогу на одинакую березу, а съ одинакой березы на лѣво къ четыремъ березамъ и къ позму жъ Ивана Языкова и къ рѣкѣ Шанталѣ на ясакѣ и на оброкѣ по тѣмъ межамъ и урочищамъ ни за кѣмъ не сыскано и по помѣстѣхъ на выпискѣ дьяка Данила Небогатова велѣно про тое степную землю и про лѣсъ и про сѣнные покосы съ урочищи противъ челобитья сыскать большимъ повальнымъ обыскомъ та земля и лѣсъ и сѣнные покосы лежать прожи лѣ въ помѣстѣхъ и въ оброкѣ и на ясакѣ кому не отдано лѣ и противъ тое помѣты посланъ въ сыскъ приказная палата подъячій Кирило Степановъ въ сыску его написано: прѣхавъ онъ въ Казанской уѣздѣ на Нагайской дорогѣ за Каму рѣку на рѣчку Шанталу и взявъ стороннихъ людей деревни Субычыхъ (?) горь Кубась толкъ ясашныхъ русскихъ крестьянъ 6 человѣкъ деревни Бахты служилыхъ татаръ 2 человѣкъ ясашныхъ татаръ 6 человѣкъ и тѣми людьми сыскивалъ а въ сыску тѣ сторонніе русскіе люди сказали по Святей Христовѣ Евангельской заповѣди, а татары по своей вѣрѣ по шерти о которой де землѣ съ угоди и съ лѣсками Великимъ Государемъ бьетъ челомъ Борисъ Остолоповъ и по тѣмъ урочищамъ, что въ челобитѣхъ его написано та земля и всякія угоды въ помѣстѣхъ и въ вотчину и на оброкѣ и на ясакѣ никому не отдана лежитъ порозжа и жилья на ней преже сего не бывало и нынѣ нѣтъ, а смежна де та земля съ Ивановою землею Языкова, а съ другую сторону деревни Кулубердей съ ясашною землею и во 196 году августа въ 10 день билъ челомъ Великимъ Государемъ Борисъ Остолоповъ по челобитью де его посланъ изъ приказная палаты подъячій Кирило Степановъ въ Казанской уѣздѣ за рѣку Шанталу для сыску пустовой земли, что на рѣкѣ Шанталѣ въ урочищахъ съ одну сторону помѣстная земля казанца Ивана Языкова, а по другую сторону ясашная татарская земля и про тое де землю окольные жители въ сыску сказали изстари лежитъ пуста на оброкѣ и въ помѣстѣхъ и въ вотчину никому не отдана и Великіе Государи пожаловали бѣ его велѣли по тому сыску обь отдачѣ той степной земли свой великихъ Государей указъ учинить и отдать ему на оброкѣ по сыску впредь безъ перекупы. И августа въ 12 день билъ челомъ великимъ Государемъ казанецъ Никита Кудрявцовъ по указу де великихъ Государей и челобитью Московскаго чину Бориса Иванова сына Остолопова посланъ былъ

изъ Казани приказныя палаты подъячій Кирило Степановъ въ Казанскій уѣздъ для сыску за Камою рѣкою про пустую землю, что въ межахъ съ казанцомъ Ивдномъ Языковымъ отъ помѣстной его земли внизъ по рѣкѣ Шанталѣ и до ясашной земли, а влину межъ тѣхъ земель черезъ Уфинскую дорогу въ дикую степь по урочищамъ и въ сыску про тое землю окольные люди сказали, что лежитъ въ пустѣ и никто ея не владѣеть, а онъ, Борисъ, написанъ по Московскому списку, а Московскаго чину никому такихъ земель въ Казанскомъ уѣздѣ oprичъ казанцовъ никому давать не велѣно и великіе Государи пожаловали бѣ его велѣли тое пустую землю на рѣкѣ Шанталѣ по сыску отдать на оброкъ безперекупно ему Никитѣ, а оброку съ той земли въ казну великихъ Государей станеть онъ, Никита, платитъ на годъ по рублю и написать тое землю въ оброкѣ за нимъ и во 196 г. августа въ 17 день по приговору думнаго дворянина и воеводы Феодора Андреевича Зыкова велѣно тое землю по сыску отдать казанцу Никитѣ Кудрявцеву на оброкъ, а оброку платитъ на годъ по рублю и собрать по немъ въ томъ оброкѣ поручная запись и тотъ оброкъ написать въ оброчныя книги и противъ той помѣты по Никитѣ Кудрявцовѣ въ платежѣ оброчныхъ денегъ поручная запись къ дѣлу взята и въ прошломъ во 199 г. въ грамотѣ великихъ Государей писано въ Казань къ боярину и воеводамъ къ Петру Аврамовичу Лопухину съ товарищи били челомъ великимъ Государемъ изъ Казани Девети Мучениковъ Кизическаго монастыря строитель дьяконъ Ипатій съ братією великихъ Государей милостію и благословеніемъ архіерейскимъ училился Кизическій монастырь со 195 г. по обычаю и чину монастырскому, а питаются они трудами своими, а земли упрашиваютъ у христіанъ огороды пахутъ а вотчины де за ними нѣтъ нигдѣ ни одного двора, а отъ Казани де города за рѣкою Камою въ дикой степи на рѣкѣ Шанталѣ есть великихъ Государей оброчная земля отъ Бѣлаго и Криваго озеръ и отъ сѣньныхъ покосовъ рыбной слободы вверхъ Шанталы жъ рѣки и на ручью Кулабердечея и до устья Бахты рѣчки съ пашенною землею и съ лугами и съ поемнымъ островомъ, а владѣлъ де тою оброчною землею казанскій помѣщикъ Никита Олферьевъ сынъ Кудрявцевъ изъ оброку и отдавалъ инымъ обротчикамъ и полѣ де той оброчной земли смежно черезъ Кулабердѣевскій истокъ земля дикая жъ степь, что при перепишкѣ въ прошлыхъ годѣхъ на тое землю написанъ ясакъ съ четью Нагайской дороги деревни большихъ Салтанъ на татаринѣ Китмаметкѣ Токмаметевѣ съ товарищи и они де татарова на той землѣ не жили для дальности и разорѣнія, а отдавали де они ту землю на оброкъ тѣмъ же обротчикомъ, что наймывали землю у Никиты Кудрявцова Мишкѣ Борисову, Борискѣ Григорьеву, Китаѣ Васильеву съ товарищи со всѣми угоды и онъ де, Китмаметко, по указу великихъ Государей изъ Казани сосланъ въ Сибирь на вѣчное житье, а товарищъ его умре, а по заручной де ихъ челобитной изъ дачи тѣ обротчики съ обѣихъ земель тотъ оброкъ и ясакъ ихъ и съ хлѣбомъ и съ деньгами за нихъ татаръ платятъ тому нынѣ будетъ третій годъ и во 199 г. тотъ оброкъ и ясакъ съ нихъ обротчиковъ великихъ Государей въ казну взято, а тѣ де обротчики Мишка, и Гришка, и Бориско, и Китайко съ товарищи били челомъ великимъ Государемъ на тое землю съ прежней вводной грамоты вновь о выпси и имъ де даща выпишъ,

а оброкъ и ясакъ за нихъ, татаръ, платить имъ по вся годъ, а землю и всякими угоды имъ владѣть, а нынѣ де тѣ обротчики въ тотъ ихъ Кизической монастырь крѣпки сами по поступной записи Бориса Иванова сына Остолопова и сына его Петра oprичъ земли своей оброчной и слаточной, а безъ указу великихъ Государей владѣть они на оброкѣ тою землю по дачѣ и по выписи ихъ опасны впредь всякихъ обидъ и великимъ Государемъ пожаловати бѣ ихъ велѣть тое оброчную землю что въ дикой степи съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угоды по обѣ стороны Шанталы рѣки какъ имъ, обротчикомъ, дано владѣть имъ въ Кизической монастырь вмѣсто великихъ Государей жалованья руги отдать для того что де у нихъ учинилось мѣсто ново построеное и безвотчинное, а свѣчь и воску и церковныхъ потребъ и братья пищи взять негдѣ, а тѣхъ де оброчныхъ денегъ, что написаны на обротчикахъ имать на нихъ не велѣли бѣ впредь и изъ окладу выложить, а въ приказѣ Казанскаго дворца казанскихъ переписныхъ книгахъ переписи стольника Григорья Супонева прошлаго 186 г. мая въ 1 день написано деревня Кадырби татаръ два двора людей два человекъ недорослей два жъ человекъ, платить имъ съ ясака съ четвою денегъ 29 алтынъ съ деньговъ хлѣба четъ съ полосиною ржи оса тожъ полосины съ полчетверикомъ ячмени въ приемную мѣру и въ прошломъ во 193 г. имъ, тагаромъ Китаметкѣ Токмаметеву съ товарищи на ту ихъ деревню и на пашню и на сѣнные покосы дана вводная грамота въ Казани, а во 199 же году февраля въ 17 дня били челомъ великимъ Государемъ деревни Ставрасовы крестьяне Бориско Григорьевъ съ товарищи въ прошломъ во 198 г. по поступкѣ и по заручной общей челобитной деревни Кадырби (?) татаръ Китаметки Токмаметева съ товарищи, что они оброчную свою землю въ Казанскомъ уѣздѣ за рѣкою Камою имъ, Борискѣ съ товарищи, поступились, а съ той де земли оброкъ и ясакъ великихъ Государей въ казну имъ, Борискѣ съ товарищи, платить и они де, Бориско съ товарищи, по ихъ заручной челобитной и по ввозной грамотѣ тотъ оброкъ и ясакъ великихъ Государей въ казну платятъ и чтобъ де имъ, Борискѣ съ товарищи, на ту ихъ землю и на сѣнные покосы и на всякія угоды противъ ихъ челобитья и ввозной грамоты, которую дали имъ, Борискѣ съ товарищи, для владѣнья по поступкѣ ихъ Китаметка Токмаметева съ товарищи дать имъ выпись. И февраля въ 20 день имъ, Борискѣ съ товарищи, на ту ихъ поступную землю и на сѣнные покосы и на всякія угоды дана выпись впредь для владѣнья той ихъ земли, а за казанцемъ за Никитомъ Кудрявцовымъ по дачамъ тѣхъ вышенисаныхъ урочищъ въ приказѣ Казанскаго дворца не сыскано, а у выписки сказалъ его Никитинъ, человекъ Кудрявцова Якушка Ивановъ, которая де за Камою рѣкою земля на рѣкѣ Шанталѣ отъ Бѣлаго и Криваго озеръ вверхъ Шанталы жъ рѣки и на ручью Кулабердѣ и до устья Бахты рѣчки и та де земля была по отводу и по сыску изъ Казани изъ приказныхъ палаты отдана въ оброкъ ему, Никитѣ Кудрявцеву, а оброку де съ той земли платилъ на годъ по рублю, а у него де, Никиты, изъ того жъ оброку имали ту землю пахать и косить Бориско Григорьевъ да Китайко Васильевъ съ товарищи и впредь де ему, Никитѣ, во владѣнье на оброкъ та земля не надобна и не челобитчикъ, а въ приказѣ де Казанскаго дворца дачи у него нѣтъ той оброчной земли, а сказалъ у выписки человекъ его

по приказу его, Никиты Кудрявцова, а Борисъ Ивановъ сынъ Остолоповъ у выписки сказалъ, которые де крестьяне Мишка да Бориско да Китайко Васильевъ съ товарищи жили на оброчной вакамской землѣ и имали де тое землю изъ найму у Никиты Кудрявцова, и которая де нынѣ за ними по поступкѣ татаръ были де ему Борису и сыну его тѣ крестьяне крѣпки по поступнымъ записямъ, а во 199 г. тѣми вышеписанными крестьяны онъ, Борисъ, съ сыномъ своимъ Петромъ поступились въ Кизической монастырь строителю иеродіакону Ипатію съ братією вмѣсто бѣглыхъ ихъ крестьянъ и впредь кто по нимъ будетъ строители и братья въ томъ монастырѣ и отѣхъ де крестьянехъ онъ, Борисъ, и сынъ его Петръ не челобитчики да къ той скаскѣ онъ, Борисъ, и руку приложилъ и по той великихъ Государей грамотѣ велѣно по поступной заручной скаскѣ Бориса Остолопова и сына его Петра крестьянъ, которыхъ они поступились въ новопостроенный Кизическій монастырь вмѣсто бѣглыхъ ихъ крестьянъ Бориски Григорьева съ товарищи отдать имъ въ Кизическій монастырь, а на которой оброчной землѣ тѣ крестьяне по поступкѣ и по заручной челобитной татаръ селились и которую землю владѣли они жъ крестьяне изъ найму у Никиты Кудрявцова и ту землю вмѣсто великихъ Государей жалованья руги для ихъ монастырской скудости велѣно по тому жъ отдать въ новопостроенный Кизическій монастырь безоброчно и оброкъ съ той земли снять и изъ оклада выложить противъ иныхъ такихъ монастырскихъ оброчныхъ дачъ потому что съ той земли платежъ самый малый по рублю по 29 алтынъ съ деньгою для того что въ тотъ новопостроенный монастырь противъ иныхъ такихъ же монастырей великихъ Государей жалованья руги не дается и вотчищъ и никакихъ земель за ними нѣтъ и пропитаться имъ нечѣмъ и тое землю по старымъ урочищамъ, какъ напередъ сего владѣли за тѣмъ Кизическимъ монастыремъ написать въ отказныя книги подлинно съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угоды и съ кѣмъ будетъ смежно въ тѣхъ же отказныхъ книгахъ потому жъ написать имянно да о томъ писать къ великимъ Государемъ къ Москвѣ. И въ нынѣшнемъ же 200 г. ноября въ 11 день по приговору боярина и воеводъ Петра Аврамовича Лопухина съ товарищи велѣно по грамотѣ великихъ Государей ту землю, которую владѣлъ изъ оброка Никита Кудрявцовъ и ясачные татары и крестьянъ, которыхъ поступился Борисъ Остолоповъ съ сыномъ, а живутъ на той оброчной землѣ описавъ ту землю подлинно и со крестьяны отказать въ Кизической монастырь противъ прежняго чѣмъ владѣли и отказныя книги за руками прислать и для отказу тое земли посылающъ приказныя палаты подъячій Кирило Степановъ, а въ книгахъ его написаю прѣхавъ онъ въ Казанскій уѣздъ по Нагайской дорогѣ за рѣку Каму въ дикую степь на рѣку Шанталу, которую землю владѣлъ Никита Кудрявцевъ и крестьяне Бориса Остолопова и сына его Петра тое землю наймуща у него, Никиты, и у ясачныхъ деревни большихъ Салтанъ у татаръ у Китаметка Тоқаметева съ товарищи распашную ихъ степную землю и сѣнные покосы и перелогъ и заросли со всѣми угоды чѣмъ они по выписямъ и по ввозной грамотѣ ясачные люди и обротчики владѣли и со крестьяны Борисовыми переписавъ всѣхъ на лицо съ отцы и съ прозвищи противъ поступки и записи Бориса Иванова сына Остолопова отказать въ вотчину при стороннихъ помятыхъ людяхъ Святыхъ Деяти Мучениковъ

въ Кизическій монастырь строителю іеродіакону Ипатію съ братьею и кто-впрель по нихъ строители и братья будутъ по прежнему владѣнью по старымъ межамъ и гранямъ и урочищамъ, какъ въ указѣ великихъ Государей и въ грамотѣ написано, а по наѣзду при понятыхъ стороннихъ людехъ въ межахъ и въ граняхъ та ихъ Кизическая вотчинная земля ѣдучи на рѣку Каму отъ рыбнослоботскихъ сѣнныхъ покосовъ и отъ Бѣлаго и Криваго озера черезъ Кулубердѣвскую рѣчку и черезъ Уфинскую дорогу до ельховыхъ кустовъ и къ озеру Лебяжья, а отъ озера Лебяжья прямо на вершину Каракуль, что-словеть сухая рѣка и до устья рѣки Шанталы черезъ Шанталу рѣчку и черезъ рѣчку Бахту поемными лугами до берегу рѣки Камы, а въ тѣхъ лугахъ по правой сторонѣ земля и луга деревни Бахты и ясачной деревни Кубасъ сѣнные жъ покосы и на низъ берегомъ по Камѣ жъ до пяти оскорей къ Каракульскому озеру и отъ того озера до рубежа Троицкаго Ураевскаго монастыря сѣнныхъ покосовъ до яма на тальникъ, а отъ того тальника поворотясь на лѣво къ Кулубердѣвскому истоку на старый большой дубъ съ гранью, а отъ устья истоку того внизъ берегомъ по Шанталѣ рѣкѣ до переузи и до перевозки, которая вышла ниже Бѣлаго озера въ рѣку жъ Шанталу, а что Бѣлое озеро угинъ (?) пришелъ земли той отъ переузи первая жъ межа отъ рыбнослоботскихъ сѣнныхъ покосовъ, а на отказѣ томъ при строннихъ понятыхъ людехъ отъ земли той и отъ сѣнныхъ покосовъ въ граняхъ и въ межахъ и въ угодахъ спору и челобитья ни отъ кого не было, а которыхъ крестьянъ въ Кизическій монастырь Борисъ Остолоповъ поступилъ и на лицо къ отдачѣ по записи ему строителю Ипатію съ братьею 18 дворовъ ихъ поимномъ огдалъ всѣ сполна и имена писаны ниже сего: Бориско Григорьевъ, у него жена Оетюшка Кирилова дочь да сынъ Якушка. Микишка Григорьевъ съ дѣвкою Варькою Давыдовою; вдова Окулинка Иванова, у нея сынъ Микишка Ивановъ, у него жена Катюшка Петровъ. Давыдко Ламѣевъ, у него жена Катюшка Григорьева да сынъ Алешка да сестра Варварка. Осейко Оедоровъ съ женою Оедоскою Микитиною, у него сынъ Филька. Мишка Оедоровъ, у него жена Настасья Иванова да дѣтей сынъ Микишка да дочь Паранька. Оилька Оедоровъ, у него жена Улька Лукьянова, дѣтей: сынъ Стахѣйко да три дочери Манька, Овдотька, Оксютка. Петрушка Мелентьевъ, у него дочь Настька. Китайко Васильевъ, у него жена Овдотька да дѣтей двѣ дочери Дарька, Степанидка. Дениско Васильевъ, у него жена Оедоська Ефремова да дѣтей два сына Алешка да Вись а да дочь Василиска. Гараська Евсѣевъ, у него жена Дашка Романова. Васъ а Гарасимовъ, у него жена Ненилка Петрова, Ефремко Гарасимовъ, у него жена Наташка Иванова. Анисимко Васиьевъ у него жен: Оксютка Никифорова. Евстратко Васильевъ, у него жена Паранька Савельева, да дѣтей сынъ Васька да дочь Оксютка. Митрошка Васильевъ, у него жена Лукешка Григорьева да дѣти два сына Оська да Гѣишка. Трошка Степановъ, у него жена Овдот ка Оюмина, Алешка Устиньевъ, у него жена Марфутка Григорьева да сынъ Ивашко. Пашка Ивановъ, у него жена Нат шка Степанова, дѣтей: сынъ Ивашко да дочь Оксютка. Кирюшка Степановъ, у него жена Офимка Карпова да дѣтей у нея перваго мужа Мишки Мелентьева Нестерко да Пашка; Огашка Алексѣева дочь, у нея дѣтей: Оадѣйко, Илюшка Офонька, Ивашко Микифоровы дѣти Мелентьева; вынѣ она, Огашка, заму-

жемь за Тараскомъ Осиповымъ, у нихъ же двѣ дочери Паранька да Ѳедоська. Мишка Естратовъ, у него жена Елисафька Ѳедорова, дѣтей: сынъ Ѳедотко да дочерей: Ѳетюшка, Овимка, Ховрюшка. Лазарко Ѳоминъ, Мишка Ѳоминъ же холосты. Да по наѣзду жъ при понятыхъ стороннихъ людяхъ Кизическаго монастыря деревни Ставрасовой староста Гараська Евсѣвьевъ билъ челомъ великимъ Государемъ на отказѣ земли той монастырская де ихъ вотчинная старинная земля, что изброчена изъ ясачной земли откавана за Кизическій монастырь въ вотчину со всѣми угоды по старымъ межамъ и урочищамъ и по прежнимъ дачамъ, какъ владѣли до сего отказу и не въ давныхъ временахъ казанецъ Иванъ Ивановъ сынъ Языковъ поселился крестьянскою усадьбою на ихъ вотчинной земли противъ устья рѣчки Бахты перешолъ Шанталу рѣку и чтобъ тое усадьбу его досмотря описать при понятыхъ людяхъ для вѣдома противъ указа великихъ Государей, а по довору понятыхъ стороннихъ людей усадьба Ивана Языкова пять дворовъ крестьянскихъ называютъ деревню Кургимо (?) а какъ почали селится тому лѣтъ съ шесть отъ деревни Ставрасовой въ полу верстѣ по берегу вверхъ Шанталы рѣки противъ устья рѣчки Бахты въ старыхъ межахъ и въ граняхъ ясачной и оброчной земли Кулуберды деревни, а по какому де указу тое усадьбу онъ, Иванъ Языковъ, селилъ и какая ему дача въ тѣхъ урочищахъ и межахъ дана ль про то де они не вѣдаютъ скажетъ онъ, Иванъ, а къ отказу онъ И анъ, и крестьяне его деревни Кулгиной никто при понятыхъ стороннихъ людехъ на тое землю не пошли и скаски противъ челобитья Гаранкина не сказали въ нынѣшнемъ 200 г. юня въ 13 день по приговору боярина и воеводы Петра Аврамовича Лопухина съ товарищи велѣно строителю іеродіакону Ипатію съ братьею на тѣ вышписанныя земли и сѣнные покосы и на крестьянъ съ дачъ и съ отказныхъ книгъ дать ввозную грамоту буде спору нѣтъ. И по указу великихъ Государей и великихъ Князей Ионна Алексѣевича Петра Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ строителю Ипатію съ братьею или кто по немъ строители и братья будутъ тою вышписанною землею и сѣнными покосы и всякими угоды помежамъ и по урочищамъ владѣть и съ крестьяны покамѣсть за ними тое вотчину опишутъ и измѣряютъ большіе писцы и мѣрцики и учинятъ ва ними пашни по указу великихъ Государей. Къ сей ввозной грамотѣ великихъ Государей Царей и великихъ Князей Иоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ бояринъ и воевода Петръ Аврамовичъ Лопухинъ печать царства Казанскаго приложилъ. Лѣта 7200 юля въ 22 день.

(Грамота № 159/10667).

8.
В Ъ Д О М О С Т Ь.

Казанской епархіи Кизической монастырь въ Казанскомъ уѣздѣ
при рѣчкѣ Казанкѣ.

Въ томъ монастырѣ:

Каменныхъ церквей 4, въ нихъ 5 престоловъ.

Подъ одною церковью каменныхъ братскихъ келій: 2 длиною на 5-ти,
поперегъ на 2 саженьяхъ.

Каменнаго жъ строенія:

Для приѣзду архіерейскаго келій 3, длиною на 10-ти, поперегъ на 3-хъ
саженьяхъ, выходъ длиною 8, попер. 6 саж.

Настоятельскихъ и братскихъ келій 7, длиною на 24, поперегъ на 5-ти
саженьяхъ.

Хлѣбня длиною на 5, поперегъ на 3 саженьяхъ.

Магазейновъ 3, длиною на 6, поперегъ на 3 саженьяхъ.

Поварная длиною на 3 саженьяхъ, поперегъ на 2-хъ.

Погребъ на немъ сушило длиною на 4, поперегъ на 3 саженьяхъ.

Конюшня длиною на 4 поперегъ на 3 саженьяхъ.

Около того монастыря ограда каменная.

Школь и гофшпиталей не имѣется.

Въ томъ монастырѣ противъ древняго установленія надлежитъ быть
игумень.

А нынѣ на лицо:

іеромонахъ 1, іеродіаконовъ 3; монаховъ: часовенный 1, пономарь 1,
хлѣбный 1, житенный 1.

Итого монашенствующихъ 9.

Бѣльцовъ: попъ 1, псаломщикъ 1.

Ему производится въ годъ жалованья.			
Денегъ.		Хлѣба.	
Руб.	Коп.	Чет-верги	Чет-верик.
5	49	6	3

Отставной на пропитаніи . . . . .

За тѣмъ монастыремъ въ вотчинахъ по переписнымъ 186 года книгамъ написано крестьянскихъ и бобыльскихъ 46 дворовъ. Въ нихъ по свидѣтельству генералитета 392 души. Къ тѣмъ вотчинамъ по дачамъ земли 56 десятинъ $\frac{1}{2}$. Сѣнныхъ покосовъ 757 копенъ, лѣсу пашеннаго 78 десятинъ, мельница 1, рыбныхъ ловель 2. Въ томъ монастырѣ по окладамъ и неокладныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ въ сборѣ быть надлежитъ.

	Руб.	Коп.
Окладныхъ:		
Съ крестьянъ и бобылей оброчныхъ	10	30
Неокладныхъ:		
Собираемыхъ въ церковную кружку	45	—
вольныхъ	1	73
Съ мельницы помольныхъ	13	50
Съ рыбныхъ ловель	2	—
Итого	72	53
	Четьи	Четьи
Съ пашни приплодного ржи и яроваго	167	—
Прочихъ припасовъ:		
Веревокъ лычныхъ	10	
Лаптей 50 обуви обротей мочальныхъ	10	
Лопать	10	
И оныя доходы въ тотъ монастырь въ годъ собираются и оставляются на расходы всѣ.		
Изъ нихъ платится въ Казанскую Губернскую Канцелярію за бобылей подушныхъ	1	52
Въ Казанскую семинарію хлѣба 20 части 4 четверти. А въ Коллегію Экономіи огъ того міра ничего не платится.		

(Книга Коллегіи Экономіи № 2. Краткая вѣдомость 1739—41 г.)

9.

Опись Казанскаго Кизическаго монастыря, какое число въ немъ церквей, церковной утвари, ризницы, книгъ и прочаго и на какихъ мѣроу кельи и ограда саженьхъ обстоятъ, зачатъ ниже подъ симъ. Ноября 8 дня 1763 года.

Монастырь Кизической въ Казанскомъ уѣздѣ, разстояніемъ отъ означеннаго города Казани въ трехъ верстахъ, который построенъ по грамотѣ царствующаго великаго града Москвы Святѣйшаго патриарха Адріана въ царство благочестивыхъ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и сестры ихъ благовѣрныхъ государыни царевны и великой княжны Софьи Алексѣевны въ 170 году въ іюнь мѣсяцѣ. Въ томъ монастырѣ каменныхъ три церкви, а именно:

1) Соборная во имя Введенія Пресвятыя Богородицы, при той церкви придѣль каменный Святыхъ девяти мученикъ Кизическихъ, крыша на ней тесовая, ветха, а главы обиты черепицею, кресты желѣзные съ полудою.

2) На святыхъ вратахъ церковь во имя Князя Владиміра крыта тесомъ, а глава обита желѣзомъ бѣлымъ.

3) На оградной стѣнѣ на углу церковь во имя первоученика архидіакона Стефана крыта тесомъ, въ оградной же стѣнѣ часовня каменная на ней нарублено 5 вѣнцовъ деревянныхъ, крыта тесомъ, а на крышкѣ шпиль деревянный, красками размалеванъ, при ней крылецъ деревянный крытъ тесомъ. При первой соборной церкви Введенія Богородицы колокольня каменная, а вней большихъ и малыхъ 7 колоколовъ, въ первомъ вѣсу 40 пудовъ, а въ прочихъ вѣсу не написано.

Во оныхъ церквахъ и часовнѣ церковной утвари: Въ 1 соборной церкви Введенія Богоматери престолъ на немъ одѣяніе вновь спереди голъ полосатая а около голъ травчатая, напереди нашить крестъ, позумента золотнаго съ сіяніемъ сѣтки серебряной подъ тѣмъ старое одѣяніе спереди изарбатомъ темно вишневымъ травчатымъ, около камкою темно вишневою травчатою, напереди вышитъ крестъ вшитый на огласѣ красномъ золотомъ и серебромъ, въ немъ 5 запановъ нашивныхъ серебряныхъ и вызолочены съ камешками простыми кругомъ креста, обнизано китайскими верны и камешками простыми. На престолѣ антиминсъ подписанъ 729 году генваря 21 дня вновь сдѣланъ антиминсъ на бѣломъ атласѣ, обложенъ позументомъ золотнымъ подписанъ 1759 года апрѣля 7 дня. Литонь (?) лудану бѣлаго обшить кружевомъ золотымъ и серебрянымъ.

(Описи монастырямъ по Колл. Экономіи № 237/6. Полная вѣдомость 1763—64 гг.)

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ

МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

ИНОРОДЦЕВЪ ВОЛЖСКО-КАМСКАГО КРАЯ.

І. Музыка чувашскихъ пѣсень.

ачатые печатаніемъ въ настоящей книгѣ Извѣстій Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ чувашскіе пѣсѣвы собраны мною отъ чувашъ—нижнихъ чиновъ въ войскахъ Варшавскаго Военнаго Округа. Одновременно я собиралъ тѣмъ же способомъ пѣсѣвы татаръ, черемисъ, мордвы и вотяковъ, пока еще приготавливаемые къ печати.

Изъ числа всѣхъ упомянутыхъ инородцевъ чуваши, какъ мнѣ кажется, самый музыкальный или наиболѣе любящій музыку народъ. Изъ представителей другихъ инородцевъ, кромѣ татаръ, рѣдкій могъ пропѣть пѣсни своей родины: большинство или цезнало ихъ вовсе, или забывало на службѣ, тогда какъ изъ чувашъ мнѣ не доводилось еще встрѣтить ниодного чело-вѣка, который не пѣлъ бы своихъ родныхъ пѣсень. На мой вопросъ, обращенный къ чувашамъ — солдатамъ, знаютъ ли они чувашскія пѣсни, слѣдовало неизмѣнно одинъ и тотъ же отвѣтъ: „какъ-же не знать своихъ пѣсень? Каждый ихъ знаетъ“. И дѣйствительно, каждый изъ нихъ зналъ не менѣе 5-6 пѣсень, а отъ пѣкоторыхъ, записавъ около 20 мелодій, я далеко еще не исчерпывалъ ихъ матеріала. По ихъ словамъ полный репертуаръ ихъ былъ по крайней мѣрѣ въ 5 разъ больше того, что записано, между тѣмъ какъ всѣ остальные изъ назван-

ныхъ мною инородцевъ Волжско-Камскаго края, не исключая и татаръ, даже тѣ, которые выдавали себя за знатоковъ родныхъ пѣсенъ, не могли сообщить ихъ больше десятка. Наконецъ между солдатами изъ чувашъ чаще, чѣмъ между другими инородцами, попадались играющіе на скрипкѣ, на гармоникѣ и на гусяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ ухитрились даже на службѣ соорудить себѣ этотъ послѣдній инструментъ и играть на немъ въ часы досуга.

Хотя, на сколько мнѣ извѣстно, со стороны военнаго начальства Варшавскаго Округа никогда не было запрещеній на какія-либо инородческія пѣсни, но чувашамъ, при всей ихъ любви къ музыкѣ, очень рѣдко приходится на службѣ пѣть по чувашски. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ полкахъ, гдѣ служатъ инородцы, они всегда оказываются въ меньшинствѣ, а ихъ сотоварищи русскіе не могутъ слышать инородческихъ пѣсенъ безъ смѣху. Смѣхъ, вызываемый у русскаго простолюдина инородческой пѣсней, такой искренній и непроизвольный, что отъ него, какъ мнѣ приходилось наблюдать, не можетъ удержаться, при всемъ его желаніи, самый серьезный изъ русскихъ солдатъ. Этотъ непроизвольный смѣхъ напоминаетъ мнѣ рассказы путешественниковъ о томъ, какъ неудержимо хохотали китайцы, услышавъ впервые европейскую музыку, построенную на иной гаммѣ, чѣмъ вѣтайская. Поэтому солдаты изъ нашихъ восточныхъ инородцевъ не собираются для пѣнія больше чѣмъ по два, по три человѣка и выбираютъ для этого самыя уединенныя и укромныя мѣста: какойнибудь отдаленный отъ казармъ крѣпостной валъ или сарай, конюшню и т. п. Передавая мнѣ свои пѣсни, они прежде всего хлопотали о томъ, чтобы ихъ не услышалъ ктонибудь изъ русскихъ товарищей. Даже и въ безопасномъ для этого мѣстѣ они ежеминутно озирались, не подслушиваютъ ли ихъ, и старались пѣть какъ можно тише. Совершенно иначе относится русскій солдатикъ къ пѣнію западныхъ инородцевъ: молдаванъ, эстовъ и латышей. Эти послѣдніе поютъ свои пѣсни совершенно свободно и въ одиночку, и хоромъ; пѣніе ихъ даже

правится русскому простолюдипу какъ нѣчто высшее въ музыкальномъ отношеніи.

Что касается чувашъ, о которыхъ глазнымъ образомъ и пойдетъ теперь наша рѣчь, то на службѣ они несчастнѣе прочихъ инородцевъ еще потому, что чувашское пѣніе и чувашскій языкъ вызываютъ неудержимый смѣхъ не только у русскихъ, но и у татаръ, не жившихъ съ ними на родинѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что чувашаи употребляютъ много татарскихъ или близкихъ къ татарскимъ словъ и вѣроятно произносятъ ихъ не совсѣмъ благозвучно для татарскаго уха, подобно тому какъ польское произношеніе многихъ словъ, общихъ намъ съ поляками, на первыхъ порахъ вызываетъ у насъ русскихъ невольную улыбку. При томъ же татары почему-то считаютъ себя въ правѣ относиться къ чувашамъ нѣсколько свысока, какъ къ расѣ нижей въ культурномъ отношеніи.

Изъ распросовъ моихъ пѣвцовъ — чувашъ о музыкальныхъ порядкахъ ихъ родины, изъ наблюденія надъ ними и изъ разсматриванія ихъ напѣвовъ, я узналъ о чувашской музыкѣ слѣдующее.

У себя на родинѣ чувашаи поютъ не только въ одиночку, но и хоромъ, причемъ такъ же, какъ и русскіе, любятъ смѣшанные хоры изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ, тогда какъ у татаръ не только смѣшанныхъ, но и вообще хоровъ не собирается и поютъ чаще всего въ одиночку, иногда вдвоемъ и весьма рѣдко втроемъ: если пѣвцовъ татаръ соберется больше, то они уже не могутъ подладиться одинъ къ другому. Чувашаи Козмодемьянскаго уѣзда различаютъ малые хоры (маярибѣ) и большіе человекъ 15—20 (ошкэнибѣ); чувашаи Белебеевскаго уѣзда называютъ хоръ—пұһанзаларна.

Изъ числа прочихъ пѣсенъ чувашаи выдѣляютъ по содержанию: свадебныя—той-ѣрә (Козмодемьян.) или туй-юрә (Белебеев.) и рекрутскія—салдат-ѣрә (Козмод.) или хурлахла-юрә (Белебеев.). У татаръ, насколько мнѣ извѣстно, особыхъ свадебныхъ пѣсенъ нѣтъ.

Что касается пѣсеннаго текста, то у чувашъ такъ же, какъ и у татаръ, онъ по большей части состоитъ изъ одного куплета, соответствующаго цѣлой мелодіи пѣсни. Пропѣвъ этотъ куплетъ—чувашъ начинаетъ его сначала и такъ повторяетъ нѣсколько разъ, или же, что бываетъ чаще, поетъ на тотъ же напѣвъ другія, такія же короткія пѣсни, число которыхъ ни у чувашъ, ни у татаръ не превышаетъ шести. Въ рѣдкихъ случаяхъ текстъ пѣсни состоитъ изъ двухъ куплетовъ и уже совсѣмъ рѣдко изъ 3-хъ и болѣе. По моему наблюденію изъ числа всѣхъ инородцевъ Волжско-Камскаго бассейна самыми длинными пѣснями по числу куплетовъ обладаетъ мордва (эрзя и мокша).

У чувашъ попадаются, хотя довольно рѣдко, невѣдомыя русскимъ и татарамъ пѣсни безъ словъ, въ которыхъ слова замѣняются частицами въ родѣ: вай, вой, вох, рэ, ря и т. под. Въ этомъ отношеніи чуваша приближаются къ черемисамъ, у которыхъ пѣсни безъ словъ встрѣчаются едва ли не чаще, чѣмъ со словами. Черемисы Козмодемьянскаго уѣзда называютъ такія пѣсни—вик, а чуваша этого же уѣзда—халăспĕр-ĕрă.

Въ моемъ собраніи чувашскихъ пѣсенъ безъ словъ приходится 4 на 70 пѣс., т. е. 5,7% (не считая мелодій, исполняемыхъ на инструментахъ). Не берусь объяснить, какъ произошли подобныя пѣсни: забыли ли пѣвцы ихъ слова, удержавъ въ памяти только напѣвъ, или онѣ были сложены уже безъ словъ.

Что касается сложенія чувашскаго стиха и формулъ этого сложенія, то трудно дѣлать о нихъ какіе либо выводы безъ знанія чувашскаго языка, тѣмъ болѣе, что чуваша такъ же, какъ и русскіе, не декламируютъ стиховъ безъ мелодіи.

Между чувашскимъ стихомъ—спѣтымъ и тѣмъ же стихомъ, переданнымъ на словахъ, является различіе не только удареніяхъ и числѣ слоговъ, но иногда даже въ числѣ словъ.

Такъ напр. въ №№ 1, 12 мы встрѣчаемъ въ текстѣ стиха лишнія слова (я заключилъ ихъ въ скобки), не помѣстившіеся

въ пѣвѣ. Въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ мнѣ не случилось наблюдать подобнаго явленія, но у чувашъ и татаръ оно совсѣмъ не рѣдкость, и пѣвцы, отъ которыхъ я собиралъ пѣвѣ, сами обращали на это мое вниманіе.

Что касается обратнаго явленія, т. е. введенія въ текстъ стиха лишннихъ слоговъ при пѣніи, то у чувашъ такъ же, какъ и у русскихъ, оно весьма обыкновенно. Подобно тому какъ и у русскихъ, въ пѣніи чувашъ почти всѣ сочетанія двухъ согласныхъ изгоняются путемъ вставки между ними гласныхъ э, а, ы и т. д., такъ что слово твайцѣ обращается въ пѣніи въ т(а)вайцѣ (№ 59), слово пѣрдуванцы въ пѣр(э)дуванцы (№ 52), слово пѣргѣрмана въ пѣргѣр(ы)мана (№ 15) и т. д. Наши русскія вставки въ пѣсни: эхъ, ѣхъ, охъ, ой, ho, да, повторяются и у чувашъ, но къ нимъ добавляется множество другихъ, нашему народу неизвѣстныхъ, какъ: дэ, һэ, лѣ, ла, на, та, нэн, эн и пр.

Въ текстѣ пѣсенъ, помѣщенномъ подъ нотами, я отмѣчалъ такія вставки, заключая ихъ въ скобки.

По темпу чувашскія мелодіи можно раздѣлить на скорыя—хвядъюрлаган-юрà (Белеб.) и протяжныя—хулѣнъюрлаган-юрà (Белеб). Протяжныя пѣсни переполнены неизвѣстными или малонизвѣстными русскому народу тріолами и аччакатурами (см. №№ 1—4, 37—41, 53—61).

Темпъ этихъ пѣсенъ въ высшей степени неровенъ и всѣ мои попытки уловить его по метроному оказались безуспѣшными. Протяжныя чувашскія мелодіи сходны съ такими же татарскими и черемисскими, тогда какъ вотяцкія и особенно мордовскія приближаются къ русскимъ.

Всѣ остальные мелодіи чувашъ носятъ болѣе или менѣе танцевальный характеръ съ преобладающимъ темпомъ $\frac{3}{4}$, съ господствующей въ нихъ ритмической фигурой $\frac{3}{4} \left(\text{♪} \text{♪} \text{♪} \text{♪} \right)^3 + \left(\text{♪} \text{♪} \text{♪} \right)$ и съ весьма распространенной формулой стиха $(4 + 3)^n = (7)^n$. Въ этихъ мелодіяхъ чуваша сходятся съ татарами и съ русскими. Вышеприведенная ритмическая формула, хотя не часто ¹⁾

¹⁾ Смотр. напримѣръ Kolberg. Pokucie II № 181.

встрѣчается и въ русскихъ пѣсняхъ, что же касается формулы стихосложенія $(4+3)^n=(7)^n$, то она довольно употребительна какъ у великороссовъ, такъ и у малороссовъ—почти исключительно для пѣсенъ плясовыхъ ¹⁾. Трудно сказать, заимствовали ли чуваша отъ русскихъ размѣръ стиха своихъ плясовыхъ пѣсенъ, или здѣсь только случайное совпаденіе.

Въ дѣлѣ ритмики чувашскихъ мелодій необходимо обратить вниманіе на часто встрѣчающееся въ нихъ дробленіе темпа на три части въ отличіе отъ русскихъ народныхъ мелодій, гдѣ преобладаетъ дробленіе темпа четнос, на двѣ и на четыре части. Въ этомъ отношеніи чуваша приближаются къ татарамъ, киргизамъ, сартамъ и другимъ народностямъ тюрко-татарской расы. Аччиаатуры — , которыя часто встрѣчаются въ моихъ

записяхъ чувашскихъ мелодій, собственно говоря должны бы быть изображены тріолями, въ которыхъ слиты двѣ послѣднія

доли, т. е. такъ — , если же я предпочелъ писать ихъ знакомъ , то только потому, что принятый въ нашей музыкаль-

ной системѣ знакъ — всегда предполагаетъ удареніе на первой, короткой долѣ, тогда какъ у чувашъ это удареніе ложится всегда на двѣ послѣднія доли, слитыя вмѣстѣ.

Сходность чувашъ къ дробленію темпа на три части сказывается между прочимъ еще и въ слѣдующемъ. Какъ у русскихъ, такъ и у чувашъ случается часто, что число слоговъ въ одномъ куплетѣ пѣсни на одинъ или на два больше, чѣмъ въ предыдущемъ. Если въ первомъ куплетѣ какой либо

¹⁾ П а л ь ч и к о в ъ. Крестьянскія пѣсни с. Николаевки Уфимской губ., Мензелинск. уѣз. см. №№ 105, 109, 112, 116 и 119. У Неймана Zbiór Wiadomości do Antropol., т. VIII отд. III. Пѣсни изъ окрест. Пляскова въ Липовецк. уѣз. Кіевской губ. здѣсь сказано (на стр. 122) между прочимъ, «что плясовые (малороссійскія) пѣсни имѣютъ преимущественную формулу стиха (7)⁴, (8)⁴ или даже (9)⁴». См. тамъ же №№ 237, 270, 273, 281, 283, 284, 293 и др.

слогъ исполнялся на одну четверть , а въ слѣдующемъ на томъ же мѣстѣ требуется поставить два слога, то русскій раздѣлитъ четверть пополамъ на двѣ осьмушки ; чувашъ же въ этомъ случаѣ изъ четверти сдѣлаетъ фигуру . Если въ эту же четверть потребуется помѣстить три слога, то русскіе сдѣлаетъ фигуру или , а чувашъ непременно возьметъ тріоль .

Теперь обратимся къ гаммамъ или звукорядамъ, на которыхъ строятся чувашскія мелодіи. А. С. Фаминцынъ ¹⁾ говоритъ: „просматривая весьма немногочисленные вообще, записанные нѣкоторыми лицами пѣсенные напѣвы соплеменныхъ китайцамъ народовъ сибирскихъ, а равно и калмыковъ, киргизовъ и др., замѣчаемъ въ большей части ихъ, если не вполне точное соблюденіе пятитоноваго звукоряда (китайской или шотландской гаммы), то по крайней мѣрѣ несомнѣнные слѣды вліянія этого звукоряда на составъ мелодій“.

Тоже самое можно было бы повторить о мелодіяхъ чувашъ: въ громадномъ большинствѣ ихъ господствуетъ пятитонный звукорядъ, китайская гамма.

А. С. Фаминцынъ находитъ этотъ звукорядъ у всѣхъ народовъ Европы и Азіи, музыка которыхъ извѣстна,—съ той только разницею, что въ мелодіяхъ однихъ народовъ она господствуетъ и по настоящее время, а у другихъ можно указать только слабыя слѣды ея. Исслѣдованія г. Фаминцына наводятъ на мысль, что всѣ, или почти всѣ народы земного шара, проходя въ развитіи своей музыки, т. е. своего „языва чувствъ“ извѣстныхъ стадій, не миновали китайской гаммы, періодъ господства которой П. П. Сокальскій ²⁾ называетъ эпохой кварты. Нѣтъ причинъ полагать, чтобы китайская гамма была изобрѣ-

¹⁾ Древняя Индо-Китайская гамма въ Азіи и Европѣ. Сиб. 1889 с. 63.

²⁾ Русская народная музыка. П. П. Сокальскаго. Харьковъ 1888 г.

тениемъ какого-либо одного народа и заимствовалась отъ него всѣми остальными; гораздо естественнѣе допустить, что она явилась у разныхъ народовъ самостоятельно, какъ результатъ психическаго однообразія всего человѣчества.

Совальскій объясняетъ происхожденіе китайской гаммы у первобытныхъ народовъ слѣдующимъ образомъ. Онъ принимаетъ, что изъ всѣхъ интерваловъ между тонами человѣкъ долженъ былъ узнать прежде всего октаву, квинту и кварту, такъ какъ интервалы эти состоятъ въ простѣйшемъ отношеніи къ примѣ по числу колебаній звучащаго тѣла въ секунду: прима—(1), октава—(1: 2), квинта—(2: 3) и кварта—(3:4).

Интервалы эти, говоритъ онъ (с. 39), встрѣчаются въ ступеняхъ гаммы всѣхъ народовъ земного шара, древнихъ и новыхъ, дикихъ и культурныхъ... Поставленные по порядку ихъ высоты, они составили собою двѣ кварты с—f и g—с, раздѣленныхъ промежуточнымъ тономъ (f—g) или два ди хорда. Такой звукорядъ наложилъ свою печать на всю отдаленную древность, которую мы считаемъ себя въ правѣ назвать эпохою кварты... древнѣйшая лира у грековъ до Орфея, по Бозцію, имѣла именно такой строй... Дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ дѣлѣ было выполненіе промежутковъ между пустыми квартами. Отъ g нашли кварту внизъ (или квинту вверхъ) D, а отъ f кварту вверхъ В, и вотъ явилась характеристическая гамма

$$\overbrace{C - D - F} \quad \overbrace{G - B - E}$$

1 т. 1½, т. 1 т. 1½, т. 1 т.

безъ терціи и сесты, составленная изъ двухъ трихордовъ, т. е. двухъ квартъ съ однимъ промежуточнымъ тономъ въ каждой... Эта характеристическая гамма извѣстна въ теоріи музыки подъ названіемъ шотландской или китайской гаммы“.

Исходя изъ тѣхъ же основаній, какъ и Совальскій, т. е. предполагая, что первобытному человѣку не было извѣстно другихъ интерваловъ кромѣ октавы, квинты и кварты, мы

могли бы себѣ объяснить происхождение китайской гаммы еще иначе.

Первобытный человѣкъ, не имѣвшій разумѣется никакого понятія о гаммахъ и звукорядахъ, могъ привести постройку своей мелодіи ощупью, начавъ съ какой-либо изъ среднихъ нотъ своего регистра, напримѣръ съ G. Беря отъ этой ноты три названные интервала вверхъ и внизъ, онъ получилъ бы двѣ ноты — C и D. Беря тѣже интервалы отъ C и D, онъ получилъ бы еще двѣ новыя ноты A и F. Поставивъ полученныя ноты по порядку ихъ высоты, мы имѣемъ:

$$F - G - A - C - D - F$$

$$1 \text{ т. } 1 \text{ т. } 1\frac{1}{2} \text{ т. } 1 \text{ т. } 1\frac{1}{2} \text{ т.}$$

другую китайскую гамму съ характеристическими скачками $1\frac{1}{2}$ тона.

Какъ бы то ни было, какимъ бы путемъ народы ни дошли до построения своихъ мелодій въ звукорядѣ китайской гаммы, но намъ извѣстно, что многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ и нашъ русскій народъ, не остановились на этой гаммѣ и перешли въ слѣдующій періодъ, который Сокальскій называетъ періодомъ квинты. Въ этомъ періодѣ пропуски въ китайской гаммѣ заполняются и звукорядъ становится семитоннымъ. Въ то время, какъ въ періодъ кварты человѣкъ не зналъ интервала мельче, чѣмъ 1 тонъ, — въ періодъ квинты онъ узнаетъ впервые интервалъ полутона.

Человѣчество могло перейти въ этотъ послѣдній періодъ, продолжая двигаться путемъ, указаннымъ въ нашемъ послѣднемъ примѣрѣ, т. е. подыскавъ квинты къ A и F — E и B и получивъ такимъ образомъ звукорядъ:

$$F - G - A - B - C - D - E - F$$

$$1 \text{ т. } 1 \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т. } 1 \text{ т. } 1 \text{ т. } 1 \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т.}$$

Но могли быть и другіе пути для этого перехода. Одинъ изъ нихъ, какъ мнѣ кажется, можно наблюдать въ приведенныхъ здѣсь чувашскихъ напѣвахъ.

Дѣйствительно, среди нашихъ чувашскихъ мелодій мы встрѣчаемъ во первыхъ такія, звукоряды которыхъ—чистая китайская гамма. Ихъ въ нашей коллекціи—большинство: изъ 70 ¹⁾—53 т. е. 75,7%, затѣмъ 6 принадлежатъ, повидимому, въ періоду квинты (№№ 1, 16, 23, 49, 52 и 68), что составить по отношенію къ общему числу 8,5%; остальные 11 пѣсенъ (т. е. 15,8%) по своему строенію, какъ мнѣ кажется, составляютъ переходъ отъ періода кварты къ періоду квинты. Интереснѣйшимъ экземпляромъ этой категоріи пѣсенъ является № 18, въ 4-хъ послѣднихъ тактахъ которой почти буквально повторяется мотивъ 4-хъ первыхъ тактовъ, но только на квинту ниже.

Получается такимъ образомъ напѣвъ, состоящій изъ двухъ равныхъ половинъ, изъ которыхъ первая построена на китайской гаммѣ e s, f, a s, b, c, а вторая на другой китайской гаммѣ a s, b, d e s, e s, f. Обѣ эти гаммы находятся въ близкомъ родствѣ между собою, потому что имѣютъ 4 общихъ тона e s, f, a s и b. Такимъ образомъ, транспонируя мелодію изъ одной китайской гаммы въ другую, ей родственную, смѣшиваютъ двѣ гаммы въ одномъ напѣвѣ. Подобный весьма нехитрый музыкальный приѣмъ, испробованный впервые, очевидно долженъ былъ понравиться пѣвцу, такъ какъ онъ разнообразитъ мелодію. При частомъ же употребленіи явилась возможность свободнѣе владѣть имъ и переплестать родственныя китайскія гаммы или ихъ куски въ одномъ и томъ же напѣвѣ все чаще и прихотливѣе. Вышеупомянутыя 17 чувашскихъ мелодій, мнѣ кажется, и явились результатомъ такого музыкальнаго приѣма, а потому ихъ можно считать постороенными изъ двухъ или трехъ родственныхъ китайскимъ гаммъ. Структура этихъ мелодій, какъ я ее понимаю, подробнѣе рассмотрѣна мною въ слѣдующей таблицѣ.

¹⁾ Не считая плясовыхъ мелодій отъ № 71 по 75 включительно.

№ мелодіи.	Первая китайск. гамма.	Въ какихъ тактахъ эта гамма встрѣчается.	Вторая китайск. гамма.	Въ какихъ тактахъ эта гамма встрѣчается.	Третья китайск. гамма.	Въ какихъ тактахъ эта гамма встрѣчается.	Общіе тоны между гаммами.
3	fis, gis, h, cis, dis.	Первые 4 такта.	h, cis, e, fis, gis.	Послѣдн. 4 такта.	„	„	fis, gis, h, cis.
4	h, e, fis, a, h c.	Первые 4 1/2 такта и послѣд.	e, fis, gis, h, cis.	Вторая полов. 5 такта и 6.	„	„	e, fis, h.
5	c, d, e, g, a.	Первые 4 такта.	g, a, c, d, f.	Послѣдн. 4 такта.	„	„	c, d, g, a.
6	fis, gis, h, cis, dis.	Первые 11 тактов.	h, cis, e, fis, gis.	Послѣдн. 2 такта.	„	„	fis, gis, h, cis.
7	fis, a, h, cis, e.	Первые 9 тактовъ	fis, gis, h, cis, dis.	10 и 11 такты.	h, cis, e, fis, gis.	12 и 13 такты.	fis, h, cis.
8	f, g, b, c, d.	2 первые такта.	as, b, c, es, f.	Послѣдн. 6 тактовъ	„	„	f, b, c.
9	d, e, fis, a, h.	Первые 7 тактовъ	h, cis, e, fis, a.	Послѣдн. 3 такта.	„	„	e, fis, a, h.
11	d, e, g, a, h.	1, 3, 4 и 5 такты.	d, e, g, a, c.	2-й и 6-й такты.	„	„	d, e, g, a.
18	es, f, cis, b, c.	Первые 4 такта.	as, b, dis, es, f.	Послѣдн. 4 такта.	„	„	es, f, as, b.
22	as, b, dcs, es, f.	Первые 2 такта.	c, es, f, as, b, c.	4-й и 5-й такты.	des, es, ges, as, b.	6-й тактъ	es, b, as.
46	cis, e, fis, a, h.	Первые 3 такта.	a, h, d, e, fis.	Послѣдн. 2 такта.	„	„	e, fis, h, a

Изъ этихъ примѣровъ видно, что чувашаи строятъ свой напѣвъ изъ двухъ китайскихъ гаммъ такимъ образомъ, что перемѣны гаммъ совпадаютъ у нихъ большею частію съ границами тактовъ, переходы же изъ гаммы въ гамму въ серединѣ такта у нихъ очень рѣдки. Но идя дальше, т. е. упражняясь еще болѣе въ модуляцияхъ изъ одной китайской гаммы въ другую, можно дойти до еще болѣе густого смѣшенія гаммъ и мѣнять ихъ еще чаще. Быть можетъ и наши русскіе предки

тоже практиковались въ этомъ приемѣ пѣнія и выработали у себя такимъ образомъ звукорядъ семитонный.

Необходимо замѣтить, что въ нашей коллекціи чувашскихъ мелодій напѣвы, построенные на двухъ родственныхъ китайскихъ гаммахъ, встрѣчаются чаще всего въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ, т. е. въ мѣстности, гдѣ чувашское племя живетъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ русскимъ народомъ. Нагляднѣе представляется это въ слѣдующей таблицѣ.

Мѣстность откуда взяты пѣсн.	Звукорядъ пѣсим.				Звукорядъ не китайская гамма.	
	1 китайская гамма.		2 или 3 китайск. гам.			
	Число пѣсен.	%	Число пѣсен.	%	Число пѣсен.	%
Козмодемьянскій уѣздъ Казанской губ.	10	43,4	10	43,4	3	13,2
Чистопольскій уѣздъ Казанской губ.	14	100	—	—	—	—
Бугульминскій уѣздъ Самарской губ.	12	80	2	13,3	1	6,7
Белебеевскій уѣздъ Уфимской губ.	17	94,4	—	—	1	5,6

Хотя цифры этой таблицы выведены изъ малаго числа наблюдений и потому большого значенія имъ придавать не слѣдуетъ, однако онѣ даютъ указаніе на то, что чувашскихъ напѣвовъ съ чистой китайской гаммой нужно искать въ мѣстностяхъ, гдѣ чувашаи живутъ дальше отъ русскаго народа,

какъ напр. въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губерніи и въ Белебеевскомъ уѣздѣ Уфимской губ.

У г. Сокальского, въ его книгѣ о русской народной музыкѣ, по поводу китайской гаммы говорится между прочимъ слѣдующее (с. 40): „Гамму эту можно сыграть на однихъ черныхъ клавишахъ фортепьяно, транспонировавъ ее на большую терцію внизъ:

As — B — Des — Es — Ges — As

Но изъ нея же можно вывести еще нѣсколько гаммъ, если поочередно принимать каждый ея тонъ за приму или тонику.

- 1) c d f g b c = as b des es ges as = безъ 3 и 6 ступени.
- 2) c d f g a c = des es ges as b des = „ 3 и 7 „
- 3) c es f g b c = es ges as b des cs = „ 2 и 6 „
- 4) c d e g a c = ges as b des es ges = „ 4 и 7 „
- 5) c es f as b c = b des es ges as b = „ 2 и 5 „

...Теоретики почему то обратили вниманіе почти исключительно на гамму № 4, безъ квинты и септими, оставивъ прочія въ тѣни, — и этой гаммѣ долго присваивали названіе китайской. О другихъ было мало рѣчи. Но читатель можетъ найти образцы напѣвовъ во всѣхъ приведенныхъ гаммахъ между старыми мелодіями Китая и Шотландіи, обратившись къ сочиненіямъ Гельмгольца, Амброса, Грегема, Фетиса и другихъ“.

Въ виду сказаннаго я считалъ не лишнимъ прослѣдить въ моемъ собраніи чувашскихъ мелодій, которая изъ всѣхъ пяти приведенныхъ китайскихъ гаммъ преобладаетъ надъ другими и какъ эти гаммы распредѣляются по мѣстностямъ. Взятая отдѣльно эти данныя сами по себѣ не могутъ имѣть научнаго значенія, но при сличеніи ихъ съ такими же данными, извлеченными изъ русскихъ напѣвовъ и напѣвовъ другихъ инородцевъ Волжско-Камскаго края, которые я намѣренъ издать въ скоромъ времени, онѣ могутъ, мнѣ кажется, дать весьма полезныя указанія на большую или меньшую близость между собою музыкальных „нарѣчій“ разныхъ инородцевъ и на

то вліяніе, которое на всѣхъ ихъ оказала русская народная музыка. Вотъ цифры распространенности названныхъ китайскихъ гаммъ:

У всѣхъ чувашъ:

Китайская гамма (по Сокальск.)	№ 2—37,5%	всѣхъ пѣсень	¹⁾
" " " "	№ 3—25%	" "	²⁾
" " " "	№ 4—20%	" "	³⁾
" " " "	№ 1—12,5%	" "	⁴⁾
" " " "	№ 5—7,5%	" "	⁵⁾

По мѣстностямъ:

№ гаммы по Сокальскому	Казанской губерніи.		Самар. губ.	Уфимск. губ.
	Козмодем у.	Чистопол. у.	Бугульм. у.	Белебеев. у.
2	50%	20%	52,9%	27,2%
3	7,6%	80%	11,7%	11,1%
4	15,3%	—	23,5%	22,2%
1	15,3%	—	5,8%	27,2%
5	11,5%	—	5,8%	11,1%

Удерживаясь въ настоящее время отъ какихъ либо выводовъ изъ этихъ двухъ таблицъ, я надѣюсь къ нимъ вернуться впоследствии. Теперь же надо сказать нѣсколько словъ о чувашскихъ мелодіяхъ, принадлежащихъ къ эпохѣ квинты.

¹⁾ №№ 2, 3, 6—8, 10—13, 15, 18, 19, 22, 29, 30, 33, 39, 40, 44—46, 48, 49, 51, 52, 57, 65—67, 69.

²⁾ №№ 1, 14, 24, 25—28, 30—32, 34—37, 41, 47, 53, 59.

³⁾ №№ 4, 5, 8, 9, 38, 42, 49, 50, 54, 58, 63, 68.

⁴⁾ №№ 4, 5, 11, 17, 43, 55, 60, 61, 62, 64.

⁵⁾ №№ 20, 21, 22, 45, 56, 70.

Мы отнесли къ такимъ мелодіямъ №№ 1, 16, 23, 49, 52 и 68. Изъ нихъ №№ 1, 16 и 68 по напѣву чрезвычайно напоминаютъ русскія народныя пѣсни; № 23—несомпѣнно русская пѣсня, исковерканная на чувашскій ладъ, причемъ во второй половинѣ напѣва русская мелодія передана совершенно отчетливо. Близость № 49 къ русскимъ пѣснямъ обнаруживается тѣмъ, что въ ней употребляется (*ad libitum*) русскій припѣвъ „о лю лп“. Въ № 52 встрѣчается во первыхъ большая затѣйливость мелодическихъ фигуръ, не свойственная чувашскимъ напѣвамъ, во вторыхъ—припѣвъ этой пѣсни „ой цэцэ лату мое“, какъ мнѣ кажется, есть искаженный чувашами чисто русскій припѣвъ: „ой диди, ладо мое“. Поэтому всѣ перечисленные напѣвы, по моему мнѣнію, явились результатомъ вліянія русской музыки на чувашскую и принадлежатъ къ новѣйшему періоду въ жизни чувашскаго народа.

О плясовыхъ напѣвахъ №№ 71—75 я уже не говорю: въ нихъ русское вліяніе на чувашскую музыку сказывается слишкомъ замѣтно, да и вообще у всѣхъ инородцевъ, напѣвы которыхъ я собираю, не исключая и татаръ, для танцевъ чаще всего употребляются русскія плясовыя мелодіи. Заимствованіе инородцами такихъ мелодій объясняется весьма легко, если принять въ расчетъ во первыхъ—сравнительную удобопонятность ихъ для всякаго инородца и легкость усвоенія, во вторыхъ—то обстоятельство, что мелодіи эти перешли къ инородцамъ вмѣстѣ съ музыкальными инструментами, которые почти всѣ русскаго происхожденія.

Въ заключеніе настоящаго очерка остается еще сказать нѣсколько словъ объ инструментальной музыкѣ у чувашъ.

Едвали у кого-либо изъ нашихъ восточныхъ инородцевъ найдется въ употребленіи столько разновидностей музыкальных инструментовъ, какъ у этихъ послѣднихъ.

Чуваши играютъ: 1) на гусяхъ—к ю с л е (Козмод.) или к ы с л е (Белебеев.), 2) на скрипкѣ—к о б с (Козмод.), к у б о с (Белебеев.) (не отъ к о б з ы ли малороссійской?) 3) на бала-

лайкѣ—тумр̀а (Белебеев) ¹⁾, 4) на гармоникѣ—карм̀они (Козмодем.) или варх̀ан (Белебеев.; вѣроятно, отъ слова органъ) 5) на волынкѣ—шэп̀ыр (Козмодемьян.) или шэб̀ыр (Белебеев.), 6) на простыхъ дудкахъ съ пятью дырочками—шэхл̀изе (Козмод.), шахл̀изи (Белебеев.), приготавливаемыхъ изъ стебля травы—п̀ужэ-кюпш̀э (Белебеев.) и наконецъ 7) на берестяномъ пастушьемъ рогѣ—туд̀ут (Козмодем.).

Самый любимый изъ всѣхъ этихъ инструментовъ—гусли. На немъ играютъ не только деревенскіе парни, но и дѣвушки. Последнее обстоятельство особенно много говорятъ о музыкальности чувашъ: предрасудка, воспрещающаго женскому полу всякую инструментальную музыку, придерживаются не только татары и другіе восточные ипородцы, но даже и русскіе.

Изъ числа пѣвцовъ, отъ которыхъ я записывалъ чувашскія пѣсни, одинъ, нѣкто Алексѣй Ермолаевъ (Уфимской губер. Белебеевскаго уѣз. Васильковск. вол. дер. Пыслѣкъ), оказался гуслярнымъ мастеромъ, а потому я имѣлъ возможность слышать чувашскую игру на гусяхъ и ознакомиться съ устройствомъ этого инструмента во всѣхъ подробностяхъ.

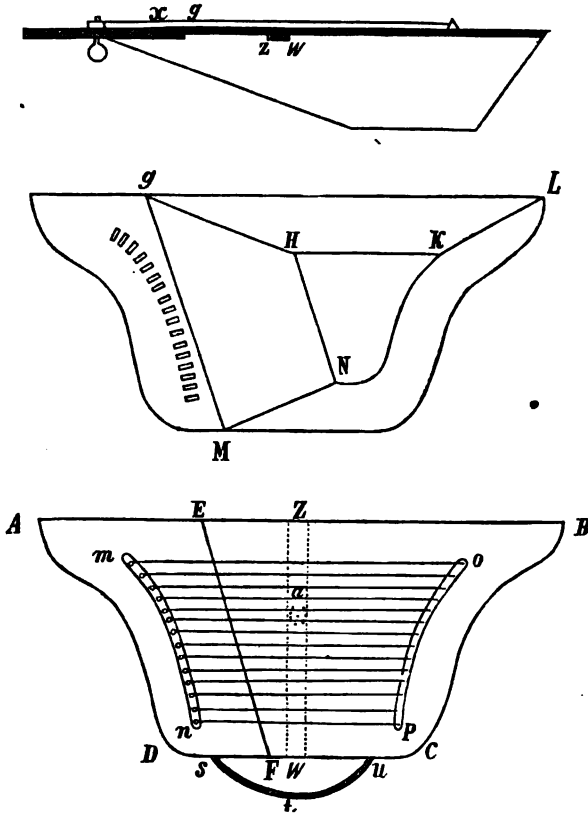
По рассказамъ Ермолаева, гуслярное дѣло занесъ въ Пыслѣкъ одинъ крестьянинъ чувашъ, дальній родственникъ Ермолаева, переселившійся изъ села Смянле (версть за 70 отъ Пыслѣка) въ качествѣ колописта (синэндри). Оба они, т. е. Ермолаевъ и его родственникъ, занимались производствомъ гуслей кустарнымъ способомъ, преимущественно на заказъ, и приготавливали за зиму каждый отъ 13 до 15 гуслей, получая по 1 р. 25 к., 1 р. 50 к. и 3 р. за инструментъ, смотря по качеству его отдѣлки.

Мнѣ не удалось прочитать интереснаго изслѣдованія объ этомъ инструментѣ А. С. Фампицына, а потому я напередъ

---

¹⁾ Надо полагать—домра. У татаръ Саварск. губ. Никол. уѣзда она называется—думбр̀а.

извиняюсь передъ моими читателями, если въ моемъ описаніи чувашскихъ гуслей они найдутъ для себя мало новаго.

Гусли дѣлаются изъ сосноваго дерева (хыр). Верхняя дека ABCD—(сіалды хумй) состоитъ изъ двухъ частей: 1) ADEF, толстой колковой доски (хулым-путà-хумй) съ направлениемъ волоконъ по линіи EF и 2) EFCD, тонкой доски (собственно дека) съ направлениемъ волоконъ по линіи BE. Конецъ этой доски вѣзанъ въ пазъ (ху) доски колковой. Къ верхней деке снизу приклеиваются боковыя стѣнки (кашкàрə),—лѣвая GHNМ прямая, правая LNM—изогнутая и передняя GHKL (малды-вурм-хумй). Снизу къ боковымъ стѣнкамъ прирѣпляется нижняя дека HKL (сіалды-хумй). Для того чтобы тонкая часть верхней деки не коро-

билась, она укрѣпляется снизу поперечнымъ брускомъ zw (ш а л ь д ы - л я ж ы). Для свободного доступа воздуха во внутренность гуслей въ верхней доскѣ (въ a) просверливается нѣсколько отверстій (с і а л д ы - с ю h ò - х у м ы). На наружной поверхности верхней деки помѣщаются двѣ изогнутыя пластинки (л а ж а) ¹⁾ тп и ор, къ которымъ привязываются струны. Сквозь правую „лажу“ онѣ продѣваются и завязываются узломъ, а въ лѣвой прожигаются отверстія для колковъ (п у т а), на которые и наворачиваются струны. Ручки колковъ помѣщаются съ нижней стороны колевой доски.

Если ко всему этому прибавить веревочную или тесемочную петлю stu для носки инструмента (к ы с л е - ш а к ы), то вотъ и все несложное устройство гуслей. Длина ихъ около 4—5 четвер., а ширина—2 четв. ²⁾.

Всѣхъ струнъ (х е л е х) въ этомъ инструментѣ—17; между ними различаются: 4—самыя низкія (п ы з ы х - х е л е х) 4—среднія (в ы т а - х е л е х) и 7—высокихъ (с и н ь з е - х е л е х). Всѣ онѣ кпшечныя. Въ началѣ своей работы Ермолаевъ закупаалъ ихъ въ городѣ, впоследствии же выучился приготавливать домашнимъ способомъ.

При игрѣ гусли кладутся въ наклонномъ положеніи, широкимъ краемъ на колѣни, а узкимъ упираются въ грудь. Лѣвой рукой играютъ на 6-ти самыхъ низкихъ струнахъ, а правой—на 9-ти остальныхъ.

На гусяхъ исполняютъ самостоятельныя мелодіи, преимущественно плясовыя и подыгрываютъ голосу либо скрипкѣ.

¹⁾ Лажа готовится изъ дерева, которое по чувашски называется в р э м ъ (Белеб.); вѣроятно ива (?).

²⁾ При гусярномъ производствѣ чуваша употребляютъ слѣдующія инструменты: 1) пилу—п а ч а г а (Белеб.), 2) обыкновенный рубанокъ—н а с т р ѳ г, 3) малый специальный рубанокъ для выстругиванья паза въ колевой доскѣ—и р а г а н - н а с т р ѳ г, 4) острый ножикъ—ш и ш и и 5) толстое шило съ ручкой для прожиганія отверстій, черезъ которыя пропускаются колки,—п ш а д а н. Слѣдуетъ добавить, что лучшіе сорта гуслей лакируются желтымъ или краснымъ лакомъ.

Строй инструмента такой:

Первыя пять струнъ настраиваются самостоятельно съ соблюденіемъ между ними надлежащихъ интерваловъ, затѣмъ шестая строится по второй, а 7-я по 3-й квинтами, всѣ же остальные строятся октавами: 8-ая по 2-ой, 9-ая по 3-ей, 10-ая по 4-ой и т. д.

Для образца игры на гусяхъ привожу здѣсь двѣ плясовыя мелодіи, записанныя отъ Алексѣя Ермолаева. Правая рука играетъ написанное на верхнихъ пяти линейкахъ, а лѣвая на нижнихъ.

№ 1.

т т ♩ = 160

Для повторенія. Для окончан.

№ 2.

mt ♩ = 160

Каждое изъ колѣвъ этихъ двухъ мелодій повторяется безчисленное множество разъ, т. е. пока не надоѣстъ самому музыканту.

Для музыки инструментальной, такъ же какъ и для вокальной, чувашаи любятъ сходиться вмѣстѣ и составлять нѣчто

въ родѣ оркестровъ, которые они называютъ пюрзэрэ-пущтарэнза (Козмодем.) или пурдэ-прелеваласи (Уфимск. Белеб.). Въ такіе деревенскіе оркестры собирается по 6—7 скрипокъ, по нѣсколькѣ гармоній и по нѣсколькѣ гусяровъ. Они обязательны въ Белебеевскомъ уѣздѣ особенно во время такъ называемыхъ зейн. Это—особый деревенскій праздникъ (вѣроятно остатокъ язычества), бывающій въ каждой деревнѣ разъ въ годъ въ одну изъ пятницъ послѣ пасхальной недѣли. Въ этотъ день происходятъ своего рода олимпійскія игры, состоящія въ состязаніи молодыхъ людей въ конной скачкѣ, въ бѣгѣ и въ различнаго рода гимнастическихъ упражненіяхъ. Побѣдители на этихъ состязаніяхъ награждаются призами: главными—изъ полотенецъ (тѹтар), вышитыхъ и разукрашенныхъ цвѣтными лентами, и второстепенными—изъ нѣсколькихъ паръ вареныхъ и крашеныхъ яицъ ¹⁾.

Чтобы покончить съ инструментальной музыкой чувашъ, надо еще добавить, что профессиональныхъ деревенскихъ музыкантовъ, добывающихъ себѣ пропитаніе музыкой, какихъ мы встрѣчаемъ въ Малоросіи и Бѣлорусіи, у чувашъ нѣтъ. Въ тѣхъ случаяхъ даже, когда музыкантовъ приглашаютъ на какое—либо торжество, они вознаграждаются только добрымъ словомъ и хорошимъ угощеніемъ ²⁾.

Пѣсни моей настоящей коллекціи съ ихъ мелодіями я записалъ №№ 1—20 и № 23 отъ Семена Прокофьева Казанской губ. Кузмодемьянскаго уѣзда, волости Экрэмской, дер. Хайма-лакасы, № 21 и 22 отъ солдата-чуваша, имя котораго въ сожалѣнію не записано—Казанской губ., Козмодемьянскаго уѣзд.,

¹⁾ Такія же празднества происходятъ и у башкиръ Уфимской губерніи. Не отсю а ли заимствована нашими казаками ихъ джигитовка? Молодой человекъ, юноша, парень по-татарски называется—джигѣт (Ка ан.к. уѣзда), джигет (Никол. уѣз.), и зегѣт (Белеб.), по башкирски—джигѣт (Белеб.), а по чувашски динѣт (Белеб.).

²⁾ Я не говорю о тѣхъ профессиональныхъ музыкантахъ-чувашахъ, которые играютъ по городамъ въ гостинницахъ, ходятъ по ярмаркамъ, ѣздятъ на пароходахъ и т.п. Это—или городскіе жители, или выходцы изъ деревни, прервавшіе съ деревней всякія отношенія.

Дудоргасинской вол., дер. Матигасы; №№ 24—33 отъ Василя Григорьева—Казанской губ., Чистопольскаго уѣз., Адамской вол., дер. Арманден; №№ 34—37 отъ Ивана Яковлева Казанской губ., Чистопольскаго уѣз., Старомокшинской вол., дер. Нижне—Бландинскъ; №№ 38—39, 41, 44, 45, 49 и 50 отъ Николая Ильмендѣева—Самарской губ., Бугульминскаго уѣзд., вол. Мордовской—Ивановской, дер. Старые Сургѣни, №№ 42 и 43—отъ Ивана Прокофьева Самарской губ., Бугульминскаго уѣз., Вавлинской вол., дер. Васькино; №№ 40, 46—48, 51 и 52 отъ Игнатія Павлова Самарской губ., Бугульминскаго уѣзд., вол. Мордовской-Карамахской, дер. Новая Серѣжа и наконецъ №№ 53—75 отъ Алексѣя Ермолаева Уфимской губ., Белебеевскаго уѣзда, Васильковской вол., дер. Пысликъ.

Всѣ эти пѣвцы обладали характерной чувашской физиономіей. Поступая на службу, они не говорили ни слова по-русски и только въ 3-му—4-му году военной службы (въ то время, когда я записывалъ отъ нихъ пѣсни) выучились этому языку на столько, что ихъ можно было понять. Русскихъ пѣсенъ они не знали и не въ состояніи были выучиться имъ на службѣ, хотя пѣсни эти имъ очень нравились.

По сравненію съ другими инородцами, записываніе музыки отъ чувашъ было очень легко, потому что они передавали мелодію чрезвычайно твердо, т. е. если нужно было повторить ее, они повторяли безъ малѣйшаго измѣненія, тогда какъ многіе вотяки и особенно мордва при передачѣ пѣсенъ варьируютъ мелодію до безконечности. Сколько бы разъ вы ни заставили пѣвца повторить его напѣвъ, вы слышите все новыя и новыя мелодическія и ритмическія фигуры, такъ что отъ такого пѣвца пѣть никакой физической возможности уловить мелодію иначе, какъ съ фонографомъ. Подобная способность варіированія мелодій распространена и между нашимъ русскимъ народомъ. Любопытно, что сами пѣвцы не замѣчаютъ повидимому своихъ варіацій, и искренно удивляются, если имъ поставить на видъ ихъ музыкальное непостоянство: они

глубоко убѣждены, что ихъ напѣвы остаются съ начала до конца неизмѣнными.

Въ заключеніе настоящаго выпуска моихъ матеріаловъ по музыкальной этнографіи инородцевъ Волжско-Камскаго края нужно замѣтить, что взятый отдѣльно онъ имѣетъ, быть можетъ, очень немного научной цѣнности. Но въ ряду съ другими такими же выпусками, предполагаемыми въ изданію, которые коснутся музыкальной этнографіи другихъ восточныхъ инородцевъ, онъ можетъ быть не бесполезенъ какъ для непосредственнаго знакомства съ малоизвѣстной музыкальной стороной жизни этихъ инородцевъ, такъ косвенно и для изученія нашей родной русской народной музыки.

Само собой разумѣется, что изданіемъ настоящаго выпуска моихъ матеріаловъ я не исчерпалъ и тысячной доли того, что заключаетъ въ себѣ поучительнаго для науки народная музыка чувашъ, а потому я смотрю на свой трудъ только какъ на починъ въ дѣлѣ изученія этой музыки, за которымъ желательно было бы видѣть въ печати рядъ новыхъ изслѣдованій того же предмета,—болѣе обстоятельныхъ чѣмъ мое, а главное—проведенныхъ людьми болѣе меня компетентными въ знаніи чувашской жизни, чувашскаго языка и вообще духа чувашскаго народа. Желательно, чтобы изученіе чувашской музыки было начато на мѣстѣ знатоками чувашскаго народа изъ мѣстныхъ жителей. А пока, въ ожиданіи такихъ изученій, было бы весьма полезно, если бы знатоки чувашской этнографіи теперь же указали и исправили невольныя и неизбежныя ошибки моего настоящаго труда.

В. Мухомовъ.

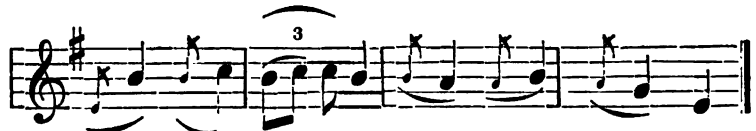
НАПѢВЫ ЧУВАШЪ

КАЗАНСКОЙ ГУБ. КОЗМОДЕМЬЯНСКАГО УѢЗДА.

СВАДЕБНАЯ.

Э - - эх лай-ых - че - (ны), э-эх лай - ыхче

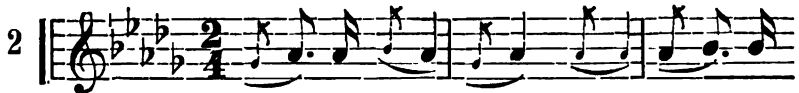
о-лах ларма лай -ых-че ильэ ка-рэ мѣнь ту - вас.

(6 + 6)

Э-хъ лайыхче, э-эхъ лайыхче

Олахъ лармалайыхче, ильэ каре мѣнь тувась.

тп ♩ = 69

А - высь-ки-леть пир-энь-йысна а-высь-ки

Примѣчаніе. Въ напечатанныхъ ниже пѣсняхъ чувашъ слѣдующія мелодіи для удобства печатанія написаны октавой выше: №№ 5, 9, 10, 13, 14, 16, 17, 18, 20, 27, 41, 43, 51, 63, 64, 66 и 70.

леть п'рэн-йыс-ны Квак ла-жи - не ва -

зырт-са симес-пѣк-ки-нэ силь-ле - зэ.

$(4 + 4) + (4 + 3)^2$

Авысь вилеть пирень йысна
Квак лажине казыртса
Симес пѣккине силлезэ.

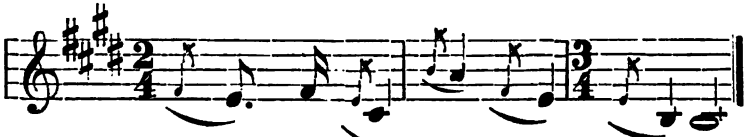
РЕКРУТСКАЯ.

А - ай ѱ - мѣрь яжъ ѱ - мѣрь (а-ай ай-ѱ)

мѣрь яжъ ѱ-мѣрь Яшта-(э)х пр-тсэ

кар(е)-поль (эн-ва) (ой ой) ѱ-мѣрь яжъ ѱмѣрь.

$(7 + 6 + 6)$

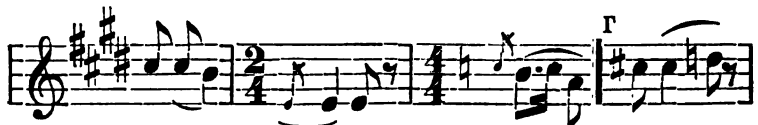
Ай-ай ѱмѣрь яшъ ѱмѣрь,

Яштахъ иртсѣ каре поль,
Нимъ тумада нимепь сьок.

ВАРИАНТЪ № 3-го.

Ай-мын да-рын яжъ ѱ - муръ Ай-мын

да-рын яжъ ѱмуръ Яш-тах ир-тсѣ

кар(е)-кор-нать ним-тум - ма - да

ним-де-сьок.

(4 + 3)³

Ай мындарын яшъ ѱмуръ,
Яштахъ иртсѣ каре корнать
Нимъ тумада нимень сьок.

ПОКУТЬ НА СВАДЬБЪ.

тт ♩ = 112

Ай-да а-ки я-ра пар йо-лаш-ки-не пи-ре пар

ик чич-чи-не му-гур-тса ко-бар-чи-не ка-зыр-тса.

(4 + 3)'

Айда аки яра-баръ
Йолашкине пире паръ
Ик чиччине мугуртса
Кобарчине вазьыртса

Ташта лайых ползасын,
Хамыр ине тувубыр.
Хамыр ине полмазан
Хамыр арым тувубыр.

Ташла аги ташине
Ытла майзыр лайых-эське
Ыдармалла мар-эське
Лепле ойрылза каяши.

Йылдыр-ялдыр херзэне
Йылдах ользэ каяс-че
Хамыр арым тувас-че.

mf $\text{♩} = 27$

Пер-херь-ма-на су-ка теть пер-херь-ма-на

су-ка теть су-ка теть су-ка я-че тох-ма-зэр

хва-да кач ча ан-кай-дэр (их - - - хай я - ях)

сяп-ла ма-ри а-ча-зам.

(4 + 3)⁴

Пер херь мани сука теть
 Сува ячѣ тохмазыр
 Хвада качча ан кайдыр.
 (И-и-ихъ хай-я-яхъ)
 Сяпла мари ачазамъ.

ВАРИАНТЪ № 6-го.

Та-вай пи-че той ту-вас та-вай пи-чѣ той

ту-вас той ту-вас ту-вас мар дѣк то - хас мар,

Э-бѣр той ту-ма-зап кам той тувать э-бѣр-ха-мѣр

той дват-пыр-ра (а - я - - - ай - -я - я - я).

(4 + 3)⁴

Давай пиче той тувас,
Тувас мар-так тогас марь,
Эбер той тумазан, кам той тувать, —
Эбер хамыр той туватпырь.

СРАВН. ТЕКСТЪ СЪ № 11.

Йо-ри киль-дэм йор - ла - ма,   у - лэм ки-

лепъ по-пле - ма   Ай пи-чи-(вимь) ай-ин-ги

ан ят - ла - -за   ан - -я-рырь.

(4 + 3)⁴

Йори кильдем ойрлама
Улемь килипь поплеме
Ай пичивимь, ай инги
Ан ятлаза анъ ярырь.

9 *mm.* $\frac{1}{4} = 104$

Йол-дыр Йол-дыр Йол-дыр-ка Йол-ды-р(ы)

Йол-дыр Йол-дыр-ка Йол-дыр-ка порь Йол-дыр-ка

сяк ял-да порь кўп-тўр-ка пинь ял-да вен-ял-да.

(4 + 4) + (4 + 3 + 3)

Йолдыр-Йолдыр йылдырка
 Порь йылдырка ськ ялда
 Порь кўптўрке пинь ялда.

10 *mm.* $\frac{1}{4} = 80$

Ку-зи йал-ды кар-зак-сэм, Ку-зи йалды кар-зак-

сэм шор ко-рак пак по - лас - се ты-дас-шин-да

хы-ба-шып э-бирь-та-ча па-рас-сьок ся-пла

ма-ри а-ча-зам.

(4 + 3)⁵

Ку-зи ялды карзаксэм
Шор корак пав полассе
Тыдас-шывда хыбасшын...
Эбирь тачан парас сьокъ,
Сяпла мари ачазам?

СРАВН. ТЕКСТЪ СЪ № 8-мъ.

т.т. ♩ = 80

Йо-ри виль-дэм йор-ла - ма Ё-лэмь ки - липь.

по-пле - ме Ай а-ги - де ай йыс-ны.

(4 + 3)³

Йори вильдемь йорлама
Ўлемь вилипъ поплеме
Ай, агиде, ай йысни.

mm ♩ = 80

Эсь-рэ-мэр дэ си-ре-мер, эсь-ре-мер де

си-ре-мер ыр се-махь-не то --- вас поль

Ай а-ги-де ай ыс-ны

(4 + 3)³

Эсьремер де сиремер

Ыр смахьне твас поль....

Ай агиде ай йысны.

mm ♩ = 92

А-те ла-жи тор ла-жа туг р'вон тенгlex

хир-зе-не иль-бэр иль-бэр иль-б(э)-рэх иль-мэ-

ден-де (н)ас-ту-выр э-бэрь а-галь я-рас сьок

сяп-ла ма-ри а-ча-зам.

(4 + 3)⁶

Ате лажи тор лажа
 Тугур-вон тенгелех хёрзэне
 Ильменде ас-тувыр.
 Эберь агаль ярас сьок
 Сяпла мари ачазамъ?

mf ♩ = 92

Ах тор-сир-лах ку ял-херь хе-ре-зэ-мех

май-ра пак хе-ре-зэ-мех май-ра пак леп-ле

ой-ырызза ва-яс-ши эх - - - а-ча-зам ыт-ла-(да)

май-зыр хи-тре-ське.

(4 + 3)⁵

Ахъ тур сирлахъ ву ялъ херь!
 Херезамех майра пагъ,
 Лепле ойырылза каяс-ши
 А-ахъ, ачазамъ
 Ытла майзыр хитре-ське.

Перь хер(и) ма-на кыт тў-геть кыт тўк-ни-не

иль-ме-спер ял бол-вы-не иль-мэ-спер ха мырь

ял-ла пер пи-рень, ха-мырь ял-дан и-лет пер,

А - - ах а-ча-зам.

ЧЕРЕМИСЫ АРБАНСКОЙ ВОЛОСТИ *).

Арбанская волость съ давняго времени населена черемисами съ незначительнымъ числомъ русскихъ, поселившихся среди нихъ не въ очень давнее время. Преданіе говоритъ, что здѣшніе черемисы не коренные жители края, а пришлые бѣглецы. Изъ словъ старожиловъ видно, что предки ихъ пришли изъ-за Волги съ рѣки Суры. Во время завоеванія Казанскаго царства вмѣстѣ съ татарами были покорены и Сурскіе черемисы, находившіеся въ составѣ этого царства; тогда они будтобы наравнѣ съ русскими и татарами въ числѣ прочихъ повинностей обязаны были нести и солдатскую. Черемисы боялись реврутства и кромѣ того, какъ язычники, опасались, чтобы русскіе не принудили ихъ принять христіанскую вѣру; во избѣжаніе этихъ опасностей нѣкоторые изъ нихъ рѣшились оставить свою родину съ плодородною почвою и переселиться въ здѣшніе хвойные, непроходимые тогда лѣса, гдѣ не могли найти ихъ русскіе. Селились черемисы только по двѣ или по три семьи въ одномъ мѣстѣ, выбирали поляны, въ лѣсу мѣста около рѣчекъ и ручейковъ, вырубали лѣсъ и строили себѣ жилища. Первоначально, какъ передавали старожиламъ ихъ предки, черемисы жили въ шалапахъ, т. е. въ маленькихъ избахъ безъ оконъ и печки, гдѣ для приготовленія пищи на земляномъ полу разводился костеръ. Съ теченіемъ времени черемисы начали строить черныя или курныя избы по величинѣ больше ша-

*) Царевokokшайскаго уѣзда, Каз. губ.

лашей и съ маленькими огнями, изъ которыхъ два выходили на улицу, одно—на дворъ и слуховое окошечко съ деревянной задвижкой—въ проулокъ и стали класть печи, но только безъ трубъ, отчего дымъ во время топки шелъ прямо въ избу, а потомъ въ отворенную дверь. Когда большой дымъ проходилъ, дверь затворялась и онъ шелъ уже черезъ отверстіе, сдѣланное въ потолокъ надъ печкой; на шестѣ печи черемисы устраивали очагъ, гдѣ въ повѣшенномъ котлѣ приготавливали себѣ пищу. Устройство черной избы самое простое: вдоль стѣнъ устраивали лавки съ кутникомъ около порога, въ нѣкоторыхъ избахъ у передней стѣны дѣлали нары; около печи былъ прилавочекъ для посуды; въ переднемъ углу стоялъ столъ и передъ нимъ самодѣльной работы стулъ, обрубленный пень или скамейка, сдѣланная изъ куска елеваго дерева, у котораго лишніе сучья обрублены и оставлены только тѣ, которые служатъ для ножки скамейки; надъ окнами были полцы; для входа въ избу снаружи было крыльцо съ узкими, неудобными для хожденія, ступенями, а потомъ сѣни. Избы въ прежнее время черемисы строили не по плану, а какъ заблагоразсудится, ыбирая каждый для себя удобное мѣсто. Большихъ деревень въ то время не было; большей частію деревня состояла изъ одного или двухъ родовъ.

Въ настоящее время черныхъ избъ у черемисъ уже не видать; на мѣстность съ 1000 душъ можно найти развѣ одну, какъ памятникъ старины. Большія деревни у черемисъ встрѣчаются очень рѣдко, большей частію они бываютъ дворовъ въ 30 или 50.

Костюмъ черемисъ здѣшняго края—ихъ собственнаго издѣлія и состоитъ изъ рубашки, штановъ и шобора—въ лѣтнее время; зимою шоборы замѣняютъ кафтанами, полушубками и тулупами. Обувь у мужчинъ и женщинъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой составляютъ онучи и лапти, которые только у богатыхъ мужиковъ въ праздничное время замѣняются сапогами. Женщины и дѣвцы въ праздники сверхъ онучъ еще обертываютъ ногу кускомъ сукна въ 1½, арш. длиной (молош-

иштръ) обшитымъ по краямъ красной тесьмой и убраннымъ бисеромъ, для того, чтобы нога казалась толще; въ прежнее время это сувно только подвязывалось у колѣнки, а теперь принято свше ступни обвязывать веревками, только невѣста подь вѣнецъ завязываетъ по старинному. На головѣ мужчины прежде носили колпаки изъ холста, а потомъ стали носить шляпы лѣтомъ, а зимой надѣвали шапки своего издѣлья изъ сукна, заячьего и бараньего мѣха. Рубашки и у мужчинъ и у женщинъ бываютъ длинныя только съ тѣмъ отличіемъ, что у мужчинъ разрѣзь ворота дѣлается на правой сторонѣ груди и завязывается шелковыми или нитяными шнурочками, а у женщинъ разрѣзь бываетъ на срединѣ груди. Края рубашекъ у ворота, груди, рукавовъ и подола, а у женщинъ, кромѣ того, на плечахъ, спинѣ и вдоль рукавовъ расшиваются шерстями и шелкомъ,—у женщинъ въ большемъ количествѣ. Рубашка подпоясывается поясомъ (уштэ), застегиваемымъ у мужчинъ на правомъ боку, а у женщинъ на лѣвомъ. Сверхъ рубашки лѣтомъ надѣвается шоборъ—родъ кафтана, который у мужчинъ сзади кроится съ талией и пришитой къ ней сборчатой юбкой и застегивается на лѣвомъ боку; края ворота, передней полы, рукавовъ и кармановъ обшиваются кумачемъ. У женщинъ шоборъ дѣлается прямой безъ талии, съ вышивкой у ворота и рукавовъ и завязывается спереди шнурочками; этотъ шоборъ женщины подпоясываютъ поясомъ съ вышитыми концами, которые въ настоящее время убираются болѣе мелкимъ бисеромъ, металлическими пуговицами, позументомъ и бахромой изъ шерсти съ бисеромъ. Женщины и дѣвцы, какъ принадлежность костюма, имѣютъ слѣдующія грудныя украшенія, которыя въ полномъ составѣ имѣютъ только богатыя:

1) Шуякъшъ, шейное украшеніе, сдѣланное изъ кожи и унизанное монетами разной стоимости отъ 25 — 5 к. и отдѣланное бисеромъ и раковинками. У богатой черемиски шуякъшъ состоитъ изъ 3 частей: шуякъшъ, лапцыкъ и лѣнтышка. Шуякъшъ—монетное украшеніе вокругъ шеи, застегиваемое съ лѣвой стороны; лапцыкъ—небольшой ремешекъ, унизанный

монетами, прикрѣпляется спереди въ срединѣ шуякша для прикрытія прорѣшки рубашки; лентышка — лоскутъ матеріи краснаго цвѣта, украшенный металлическими пуговицами, бисеромъ и позументомъ, прикрѣпляется къ задней части шуякша.

2) Аршашъ — ремень, надѣваемый на шею и спускающійся на грудь, унизанный монетами и убранный бусами и раковинами.

Шюйръ — шейное ожерелье, состоящее изъ монетъ съ бисеромъ, надѣвается на шею сверхъ шуякша.

4) Шюшёръ — нитки бусъ съ крестами, надѣваемыя сверхъ шуякша; у богатыхъ такихъ нитокъ бывають три, а у бѣдныхъ одна.

5) Шюшеръ-ялаба — шейное украшеніе, состоящее изъ бусъ, мѣдяшекъ и позументовыхъ и шерстяныхъ кистей.

6) Серьга - гыль — лента съ большими серьгами на концахъ, которыя въ прежнее время вдѣвались прямо въ уши, а теперь черемиски, находя неудобнымъ большія и толстыя серьги вдѣвать въ уши, стали ихъ прикрѣплять къ шюйру — шейному ожерелью спереди.

7) Серьги съ монетами, соединенныя одна съ другой маленькимъ борочкомъ, лежащимъ подъ самымъ подбородкомъ.

Въ полномъ составѣ всѣ эти шейныя украшенія имѣють только богатныя женщины и дѣвицы и надѣвають ихъ только въ праздничное время и на свадьбы. Небогатныя черемиски дѣлають только необходимыя украшенія: шуякшъ, аршашъ и шюйръ, и тѣ на половину состоятъ изъ фальшивыхъ металлическихъ монетъ. Въ будничное время черемиски надѣвають на шею только шюйръ.

Нитки для вышивки своего костюма черемисы красятъ сами; для краснаго цвѣта берутъ корни травы, растущей на поляхъ и огородахъ, для зеленаго цвѣта собирають боровую траву благунь (шондавь шудо), которую для того, чтобы краска вошла въ пряжу, предварительно квасятъ въ тепломъ мѣстѣ недѣли три и затѣмъ уже варятъ эту краску; нитки же для синяго и желтаго цвѣта отдають красильщикамъ.

Столъ у черемисъ кушаньями очень небогатъ и простъ по своему приготовленію. Самымъ любимымъ и національнымъ ихъ кушаньемъ безъ различія состоянія у нихъ бываетъ ляшкѣ—супъ изъ говядины или рыбы, но большей частію изъ простой воды съ прѣсными лепешечками (величиною въ 3-хъ копѣечную монету), которыя приготовляются изъ ячменной, пшеничной и ржаной муки. Потомъ они еще готовятъ лепешки (обарца) съ коноплянымъ растолченнымъ сѣменемъ, блины (мельна), сырчики—маленькія лепешки изъ крутого творогу; говядина, какъ и рыба, въ повседневномъ употребленіи бываетъ только у богатыхъ черемисъ, прочіе-же обходятся безъ этого и покупаютъ только въ праздникамъ.

Свѣжее молоко черемисы употребляютъ мало, предпочитаютъ лучше кислое и творогъ любятъ ѣсть также съ водой и разведенный ею жидко употребляютъ его вмѣсто питья послѣ обѣда. Самовары имѣютъ многіе изъ состоятельныхъ черемисъ: въ одной деревнѣ можно встрѣтить не одинъ самоваръ; разлитіемъ чая у нихъ занимается самъ хозяинъ, какъ глава дома, а не жена его, которая сядетъ за чай только тогда, когда позоветъ её мужъ, также и прочіе члены семейства; безъ приглашенія домохозяина никто изъ семейства не смѣетъ сѣсть за столъ, хотя бы то были отецъ и мать, по слабости силъ уже переставшіе работать и управленіе домою передавшіе своему большому сыну, который, ставъ главою дома и всего хозяйства, всетаки не перестаетъ быть въ подчиненіи у своихъ стариковъ и пользуется ихъ совѣтомъ въ важныхъ дѣлахъ.

Женщины вышиваютъ лучше, чѣмъ шьютъ, вязать умѣютъ только вареги изъ толстой шерсти—своеобразно, одной иглой. Кройку своей одежды знаютъ плохо, кромѣ бѣлья и изъ верхней одежды исключая шоборовъ, они другое сами ничего не кроютъ и не шьютъ, а отдаютъ ходячимъ по деревнямъ русскимъ портнымъ или своимъ; лучше же всего черемиска умѣетъ прастъ и къ этому приучается съ малолѣтства—6 лѣтъ дѣвочка уже прядетъ. Холсты черемиски ткутъ сами, но большей частію толстые; тонкихъ холстовъ онѣ вытываютъ немного,

только для платковъ и шоборовъ, а для праздничной одежды покупаютъ холстъ у русскихъ. Бѣлятъ холсты черемиски здѣшняго края хорошо, хотя и на одну сторону. Во время зимы черемиски со своей прялкой, заключающейся въ одной палѣ, къ которой навязываютъ кудель изъ выдѣланнаго конопля, ходятъ на бесѣду къ сосѣдкамъ; съ той-же работой и вышивкой дѣвушки отправляются гостить къ своимъ роднымъ на недѣлю и на двѣ, взаимно приглашая и ихъ къ себѣ. Гдѣ семейство большое и есть снохи, въ тѣхъ домахъ дѣвнцы занимаются больше рукодѣльемъ—вышивкой бѣлья, котораго у богатыхъ бываетъ не мало при выходѣ замужъ; напримѣръ однѣхъ рубашекъ бываетъ болѣе 2 дюжины; кромѣ того дѣвушки готовятъ подарки, которые нужны будутъ при выходѣ замужъ. Шоборовъ и сорокъ, противъ рубашекъ, имѣютъ понемногу.

Обряды черемисъ при свадьбахъ и похоронахъ; игры и увеселенія ихъ.

Съ особыми обрядами совершается у черемисъ свадьба. Женихъ ѣдетъ съ сватуномъ и женой своего хозяина къ невѣстѣ на лошади, а не пѣшкомъ, хотя бы домъ невѣсты стоялъ рядомъ съ тѣмъ домомъ, куда онъ въѣхалъ раньше. Приѣхавши и вошедши въ домъ, они сначала молятся Богу и потомъ здороваются съ хозяевами; это у нихъ происходитъ такъ, что оба здоровающіяся лица треплютъ другъ друга рукой по лѣвому плечу, говоря: „сай илетъ вутурэтъ?“ т. е. здоровы ли живете? Потомъ они садятся за столъ и вынимаютъ хлѣбъ; затѣмъ сватунъ обращается къ родителямъ невѣсты съ вопросомъ: согласны-ли они нынѣ дочь свою выдать за приѣхавшаго жениха. Родители согласіе на выдачу дочери дають не вдругъ—это считается у нихъ неловкимъ—а отговариваются сначала подъ разными предлогами: молодостью дочери, неимѣніемъ средствъ нынѣ выдать её, потомъ понемногу смягчаются и дають согласіе. Дочь въ то время по принятому обычаю по приходѣ къ нимъ жениха прячется; если женихъ ей нравится, то

она уходит не далеко, чтобы её могли скоро найти, а если не желает за него идти, то прячется далеко, уходит въ домъ или надворныя строенія къ сосѣдямъ, чтобы её не нашли; это и служить отказомъ жениху. Родители, давши согласіе, говорятъ: „идите, ищите дочь, найдете—будетъ ваша, а не найдете—не жалуйтесь!“ Сватуны съ прїѣхавшей женщиной отправляются искать. Отыскавши невѣсту, приводятъ и спрашиваютъ ея согласія. Невѣста, имѣя намѣреніе идти за этого жениха, говоритъ: „воля отца и матери отдать меня; если согласны они, то и я согласна.“ Родители повторяютъ опять свое согласіе. Въ томъ-же случаѣ, когда ловкому сватуну удастся найти спрятавшуюся невѣсту, тогда, при спросѣ невѣсты о ея согласіи, она не стѣсняясь за непріятный отвѣтъ жениху, отказывается прямо, говоря, что лучше будетъ ѣсть одинъ хлѣбъ у отца, а за этого жениха замужъ не пойдетъ. Послѣ этого женихъ съ сватуномъ, взявъ свой хлѣбъ со стола, отправляются обратно домой. При согласіи-же невѣсты отецъ затепляетъ предъ иконой свѣчу; всѣ встаютъ и молятся; затѣмъ сватуны берутъ вино, наливаютъ рюмку и первой подаетъ невѣстѣ, но она отказывается, говоря: „есть старше меня!“ Сватуны подносятъ отцу и матери, затѣмъ невѣстѣ и жениху. Когда всѣ выпьютъ по рюмкѣ, тогда дѣло о сватовствѣ рѣшается. Женихъ проситъ доказательства вѣрности согласія—платка отъ невѣсты, которая затѣмъ и выноситъ его, кладя жениху на правое плечо, а онъ цѣлуетъ невѣсту и даритъ ей денегъ копѣекъ 20 или 25, давая или прямо ей въ руки, или на привезенный свой хлѣбъ. Тогда со стороны отца невѣсты идетъ запросъ калыма. По окончаніи торговли между сватами невѣста сама отправляется впрягать лошадь жениху, который затѣмъ и отъѣзжаетъ. Время отъ сватовства до брака у черемисъ длится не долго—отъ недѣли и не болѣе мѣсяца, и въ этотъ періодъ невѣста приготовляетъ дары къ свадьбѣ для родныхъ жениха. За день или два до брака отъ жениха къ невѣстиному отцу прїѣзжаетъ его отецъ, братъ или дядя для переговоровъ: „завтра будутъ къ вамъ мои гости, вы ихъ не замо-

розьте на дворъ и не заморите ихъ“. Утромъ въ день отъѣзда за невѣстой женихъ сначала моется въ банѣ, потомъ идетъ съ плетью звать сосѣдей къ себѣ на свадьбу, говоря: „суяномъ ишташь полшашь толдэ-да!“—(свадьбу сдѣлать помочь приходите). Когда женихъ возвратится домой, мать варитъ ляшку для угощенія пріѣхавшихъ своихъ родныхъ гостей, которыхъ садятъ за столъ, садятся и сами родители, а женихъ, одѣтый въ лучшую одежду, встаетъ посреди комнаты вмѣстѣ съ дѣвушкой—двоюродной сестрой или сосѣдкой, но родная сестра никогда не встаетъ съ женихомъ. Оба они становятся на колѣни на подостланный платокъ, преклоняютъ головы, а родители и гости даютъ ему совѣты на будущую жизнь;—врестная-же мать жениха стоитъ тутъ съ хлѣбомъ. Женихъ и дѣвушка стоятъ на колѣняхъ до тѣхъ поръ, пока будутъ высказаны всѣ наставленія и родители скажутъ сыну жениху: „вставай!“ Женихъ встаетъ и идетъ прощаться со всѣми, начиная съ родителей, цѣлуя всѣхъ. Сидѣвшіе за столомъ всѣ встаютъ. Затѣмъ, когда соберутся всѣ приглашенные поѣзжане, отецъ жениха всѣхъ гостей садитъ за столъ по чину; въ какомъ порядкѣ сидятъ теперь, такъ же должны сидѣть и въ домѣ невѣсты. Потомъ идетъ угощеніе, сначала подается ляшка, какъ любимое горячее кушанье черемись, потомъ—ваша съ масломъ, которое у нихъ никогда не перемѣшивается съ кашей, а наливается въ сдѣланную въ ней ямочку посрединѣ блюда, далѣе бываетъ какое-либо жаркое изъ мяса или рыбы и затѣмъ пироги съ рыбой и ячменной подсыпкой, у которыхъ только верхняя корка рѣжется на части, а нижняя оставляется, начинку-же пирога ѣдятъ руками или ложками. Потомъ всѣ гости выходятъ изъ-за стола, помолясь Богу, благодарятъ хозяевъ за угощеніе; музыканты, въ лицѣ пузырярика и барабанщика, начинаютъ играть, а гости каждый по одному разу должны проплясать; по окончаніи пляски родители благословляютъ жениха иконой и онъ съ поѣзжанами садится на лошадей и при звукахъ барабана и пузыря цѣлый поѣздъ иногда изъ 20 лошадей отправляется за невѣстой; пустыми мѣстами они ѣдутъ скромно, а житель-

ствомъ проѣзжаютъ шумно съ боемъ барабана и пѣніемъ. Мѣстѣ съ женихомъ возсѣдаетъ его сватунъ—суань-вуй (глава свадьбы) или кугу-вснѣгъ (большой зять), т. е. распорядитель свадьбы, онъ и въ домѣ невесты занимаетъ первое мѣсто около жениха. По приѣздѣ въ деревню невесты въѣзжаютъ не прямо къ ней, а въ тотъ домъ, куда женихъ въѣзжаетъ въ первый разъ. Здѣсь хозяинъ встрѣчаетъ гостей и предлагаетъ угощеніе, состоящее изъ 2-хъ блюдъ: ляшки и каши. Потомъ, какъ и дома, предъ отъѣздомъ всѣ опять по разу пляшутъ и дружка, взявъ одну изъ приѣхавшихъ женщинъ и каравай хлѣба, отправляется въ домъ къ невестѣ, гдѣ пришедши, помолившись Богу, поздоровавшись, отца и мать невесты садитъ за столъ, предъ иконой затепляетъ свѣчку, наливаетъ имъ по ковшу пива, вынимаетъ изъ сумы принесенный хлѣбъ, срѣзываетъ съ него краюшку, разламываетъ на четыре кусочка—родителямъ, себѣ и пришедшей съ нимъ женщиной; перекрестясь всѣ они начинаютъ пить пиво, закусывая посолеными кусочками хлѣба. Послѣ чего суань-вуй прощается съ родителями невесты, просить не оставить безъ вниманія гостей, которые сейчасъ къ нимъ придутъ, и какъ бы въ видѣ залога, оставляетъ свою женщину, самъ садится на лошадь и ѣдетъ за женихомъ и поѣзжанами, которые, сѣвъ на лошадей, ѣдутъ къ невестѣ. Вся деревня сходится смотрѣть на прибытіе жениха. Женихъ ѣдетъ впереди и при подѣздѣ его къ дому, дружка со стороны невесты запираетъ ворота, почему дружка жениха невестиному дружкѣ даетъ мѣдную монету и ворота отпираются, гости въѣзжаютъ на дворъ, выходятъ изъ саней или тарантасовъ, смотря по времени, женихъ со свахой встаютъ около крыльца, а поѣзжане съ пѣснями пляшутъ подъ тактъ барабана и пузыря. Затѣмъ выводится невеста, которая въ этотъ день такъ же, какъ и ея женихъ, утромъ моется въ банѣ, прощается съ родителями и родными, въ сопровожденіи своей подруги, держащей въ рукахъ чашку, въ которую всѣ родные при прощаніи съ невестой кладутъ деньги въ пользу ея. Невѣста къ жениху выходитъ въ сопровожденіи отца родного и вкестнаго

и дѣвушки—подруги, одѣтой такъ же, какъ и невѣста, въ черный кафтанъ и мерлушачью шапку съ тою только разницею, что невѣста въ отличіе отъ подруги, кафтанъ свой не подпоясываетъ. Свадебные кафтаны покроемъ своимъ отъ обыкновенныхъ отличаются тѣмъ, что шьются на манеръ женскихъ поборовъ; кронтся прямой съ отложнымъ (матросскимъ) воротникомъ, отдѣланнымъ краснымъ ситцемъ и позументомъ, а по краямъ пришиваются рабовинки. Невѣста и подруга идутъ съ ковшами пива; крестный отецъ тоже несетъ два ковшика и подаетъ ихъ жениху и свахѣ. Женихъ съ невѣстой и подруга со свахой обмѣниваются ковшами и каждый прихлебываетъ понемногу; потомъ женихъ три раза цѣлуетъ невѣсту, держа её въ это время за уши, и послѣ поцѣлуя, не выпуская её изъ рукъ, живо переставляетъ её въ рядъ около себя. Этотъ моментъ взятія женихомъ невѣсты съ интересомъ наблюдается всѣми зрителями. Тогда сваха жениха встаетъ рядомъ съ подругой невѣсты. Поѣзжане, увидѣвъ, что женихъ перевелъ невѣсту къ себѣ на мѣсто, выражаютъ радость, хлопаютъ въ ладоши, приговаривая: „верштѣнь! верштѣнь!“ (попалась! попалась!) т. е. стала ваша, при этомъ барабанъ и пузырь выигрываютъ тѣ-же слова. Потомъ всѣ идутъ въ избу во главѣ суяпъ-вуя, жениха и невѣсты; за ними идутъ поѣзжане, которые всѣ садятся за столъ, а родители невѣсты отходятъ уже на второй планъ ими только приносится угощеніе, а распоряжается имъ суянъ-вуй—дружка жениха. Кушанья предлагаются тѣ-же, что и у жениха, при чемъ женихъ и невѣста ѣдятъ одной ложкой; женихъ почерпнувши подаетъ невѣстѣ, а она ему, также угощаютъ другъ друга пивомъ и виномъ. Одѣвая невѣсту къ вѣнцу, расплетаютъ ей косу; голову сверхъ шапки покрываютъ фатой, которая въ прежнее время дѣлалась изъ холста и концы расшивались шелками, накрываютъ ею не прямо, а одинъ конецъ накладывается на другой: поверхъ вышивки и на верхнемъ концѣ нашивается мѣдный крестъ; въ руки невѣста беретъ небольшой продолговатый холщевый платокъ и надѣваетъ его на средній палецъ правой ру-

ки. Когда невѣста одѣта, родители благословляютъ еѣ иконой и даютъ ей наставленія; затѣмъ садятся на лошадей и ѣдутъ къ вѣнцу. Сопутствующіе поѣзжане возвращаются домой въ деревню; при женихѣ остаются немногіе: дружка, сваха и еще человѣка три или четыре. Передъ отъѣздомъ жениха и невѣсту сажаетъ самъ крестный отецъ сначала рядомъ, а потомъ женихъ переходитъ на козлы править лошадьми, а на свое мѣсто садитъ свою сваху. Прямо послѣ вѣнца молодую причесываютъ, заплетаютъ ей двѣ косы и на голову надѣваютъ женскую головную повязку—сороку. Затѣмъ молодые ѣдутъ въ домъ жениха. Передъ крыльцомъ бываетъ подостланъ войлокъ и молодые стараются ступить на него вразъ, а у нѣкоторыхъ дружка бросаетъ подъ ноги молодой монету, чтобы они были богаты. Здѣсь на крыльцѣ отецъ и мать жениха встрѣчаютъ молодыхъ и благословляютъ ихъ хлѣбомъ и солью. Затѣмъ ихъ вводятъ въ избу и садятъ за столъ; дружка беретъ со стола пирогъ, скорымъ шагомъ съ припляской три раза подходитъ къ молодой и каждый разъ концомъ пирога сдерживаетъ фату съ молодой, а въ послѣдній разъ быстро снимаетъ всю фату и отдаетъ еѣ той дѣвицѣ, которая стояла съ женихомъ во время прощанія его съ родными при отъѣздѣ за невѣстой. Потомъ начинается обѣдъ.

Послѣ обѣда молодые идутъ переодеваться въ другую лучшую одежду; молодой надѣваетъ рубашку, шитую самой молодой, послѣ чего молодая отправляется мѣсить ляшку, прежде идетъ за водой на колодезь вмѣстѣ съ той дѣвицей, которая получила отъ дружки фату, и сопровождаемая сбѣжавшимися зрителями и дѣвушками, которымъ дастъ по 2 бусинки, также и въ колодезь бросаетъ нѣсколько бусинокъ и монету въ 2 копейки для задобриванія водянаго духа, вычерпываетъ четыре бадьи и выливаетъ ихъ на всѣ четыре стороны, пятую-же бадью выливаетъ въ ведра и несетъ домой, потомъ изъ приготовленной муки мѣситъ тѣсто для ляшки и начинаетъ варить.

Приготовивши кушанье, всѣхъ гостей садитъ за столъ и угощаетъ своей ляшкой, во время ѣды которой обносятъ да-

рами родныхъ жениха, старшимъ дарить по рубашкѣ, меньшимъ по платку, кладя дары на плечо. На свадьбѣ первую рюмку вина и первые ковшъ пива подастъ отецъ, а дальше угощаетъ дружка. Когда молодая всѣхъ обдаритъ, тогда дружка садитъ отца и мать за столъ, передъ иконой затепляетъ свѣчу, молодые встаютъ на колѣни и просятъ у родителей благословенія на сонъ. Родители благословляютъ и дружка идетъ провожать ихъ съ барабаномъ и пузыремъ до мѣста ночлега, которое у нихъ всегда готовится въ холодныхъ чуланахъ или клѣткахъ, не смотря на время года, что иногда очень дурно отзывалось впоследствии на здоровьи. Предъ приходомъ молодыхъ въ спальню на постель ихъ ложатся двѣ дѣвушки, изъ которыхъ одна бываетъ бывшая подруга жениха до вѣнца, и просятъ выкупа за постель, почему молодая должна дать имъ по монетѣ; послѣ этого дѣвушки удаляются, а молодая должна выразить знакъ своей покорности мужу чрезъ разуваніе и раздѣваніе его. На другой день, когда соберутся гости, мужчины нарочно обрываютъ завязки у своихъ сорочекъ, а молодая должна всѣмъ пришить свои завязки изъ шелка или нитокъ. Вскорѣ послѣ свадьбы молодую пробуютъ въ ея умѣніи работать, носить воду, колоть дрова, мѣсить хлѣбы, заводить квасъ, топить баню, стирать бѣлье и мыть его на рѣбѣ.

Къ особенностямъ черемисскихъ женщинъ нужно отнести то, что женщина головную повязку - сороку надѣваетъ всегда такъ, какъ ей надѣла женихова сваха въ первый разъ: прямо или немного криво, и при постороннемъ мужчинѣ никогда ее не надѣваетъ, равно при мужичкахъ, даже родныхъ, исключая мужа, никогда не раздѣваетъ своихъ ногъ.

Похороны и поминовенія у черемисъ также сопряжены съ нѣкоторыми своеобразными обычаями, унаследованными ими отъ своихъ предковъ. Женщинѣ владется лоскутъ холста и нитки для вышивки, мужчинѣ — кодочикъ для работы лаптей, а дѣтямъ владутъ гостинцы и предметы для ихъ развлечения; на примѣръ палочку для отгонки собакъ, если онѣ попадутся ему навстрѣчу; на средній палецъ правой руки покойника при-

визываютъ монету, для выкупа его на томъ свѣтѣ. Сверхъ холста, покрывающаго покойника, протягиваютъ нитку: большому для входа на небо, а маленькому кладутъ нитку въ ростъ большого человѣка для того, чтобы онъ выросъ тамъ въ длину этой нитки; вѣруя, что маленькій выростетъ, просятъ его не забывать ихъ, выросши-же, когда будетъ жениться или выходить замужъ, позвать ихъ; большихъ просятъ не пугать, любить и беречь ихъ скотину. Черемисы дома покойника долго держать не любятъ и, растворяя ворота, при увозѣ колятъ на подворотнѣ, если покойникъ былъ взрослый, курицу; при этомъ замѣчаютъ, если она заколотая бросится на дворъ, то въ этомъ домѣ еще будетъ покойникъ, а если—на улицу, то покойника скоро не будетъ; кровью курицы какъ-бы смываютъ кровь покойника; когда-же умершій бываетъ маленькій по лѣтамъ, то вмѣсто курицы бросаютъ яйцо. Послѣ похоронъ всѣ семейные моются въ банѣ, надѣваютъ чистое бѣлье, потомъ начинаютъ поминать: зажигаютъ свѣчу, въ передней уголъ стола ставится первая рюмка вина и первый ковшъ пива, первый блинъ и ложка, все это на долю покойнаго, который по ихъ мнѣнiю присутствуетъ тутъ же съ ними и его угощаютъ прежде всѣхъ; затѣмъ еще поминаютъ въ 7-й и 40-й день. Въ 40-й день тѣ, кто еще придерживается языческихъ обрядовъ и если близко кладбище, ходятъ на могилу звать покойника къ себѣ въ гости, говоря: „сегодня приходи къ намъ; мы дѣлаемъ для тебя праздникъ.“ Лицо, которое обмывало покойника, въ этотъ день наряжается въ его одежду, садится въ самый передъ за столъ, и его угощаютъ прежде всѣхъ. Послѣ обѣда, если покойникъ былъ человѣкъ веселый, играютъ въ пузырь или гусли, поютъ и пляшутъ и съ этой музыкой провожаютъ его за ворота, а нѣкоторые даже и за околицу. Въ настоящее время этотъ обычай нѣкоторыми уже оставляется и въ 40-й день въ одежду покойника не наряжаются, а только вѣшаютъ ее на гвоздь близъ стола. Поминовение общее по умершимъ родителямъ и родственникамъ совершается черемисами четыре раза въ годъ: 1) на первой недѣлѣ великаго поста въ субботу, 2) въ

семикъ, т. е. въ четвергъ передъ праздникомъ св. Троицы 3) въ праздники Казанской Божьей Матери 8 іюля и 4) 22 октября; живущіе же на границѣ Вятской губерніи кромѣ того еще совершаютъ поминовеніе въ четвергъ на страстной седмицѣ. Для поминовенія варятъ пиво, берутъ вина, пекутъ блины и лепешки.

На ряду съ христіанскими праздниками, которые у черемисъ распредѣлены по деревнямъ, черемисы справляютъ и языческіе. Изъ языческихъ праздниковъ здѣсь празднуются: 1) Шорокъ ёль (овечья нога), 2) семикъ, 3) юдуръ си (дѣвичій праздникъ) и 4) ага-пайрэмъ (праздникъ въ честь сохи). Праздникъ шорокъ ёль празднуется всегда въ пятницу на шестой недѣлѣ послѣ Введенія, иногда онъ совпадаетъ съ праздникомъ Рождества Христова. Иногда же бываетъ или за нѣсколько дней раньше, или позднѣе Рождества. Праздникъ этотъ называется Шорокъ ёль (овечья нога) потому, что черемисскія дѣвицы въ этотъ день ночью ходятъ въ овечьи хлѣвы, гдѣ ловятъ овецъ за заднюю ногу, которую нѣсколько времени держатъ въ приподнятомъ положеніи, приговаривая: „игрэмъ, игрэмъ иштэ,“ т. е. двойней, двойней принеси! желая, чтобы пойманная овца принесла двойней. Если съ испугавшейся овцой случится въ это время испражненіе, то это—знакъ благополучія прибыли, если произойдетъ другое—знакъ убыли. Потомъ въ этотъ-же вечеръ ходятъ ворожить другимъ образомъ: идутъ на гумно и ложатся спиной на спину, а утромъ ходятъ смотрѣть, что стало съ оставшимся слѣдомъ; если онъ чистъ, не занесенъ снѣгомъ, не затоптанъ собаками, то это означаетъ хорошаго, чистаго и красиваго жениха, а если попорченъ, то это знакъ плохой судьбы дѣвушки. Нѣкоторые мужчины также ворожатъ слѣдующимъ образомъ: берутъ снопы соломы и ставятъ ихъ въ полѣ въ снѣгъ числомъ столько, сколько желаютъ получить кабановъ хлѣба. Къ этому празднику, какъ совпадающему съ Рождествомъ, черемисы варятъ пиво и зовутъ гостей. 3) Юдуръ си—исключительно дѣвичій праздникъ. За недѣлю до этого праздника дѣвицами избираются двѣ или одна изба, смотря по

многолюдству деревни; затѣмъ собирается со всѣхъ солодъ и мука для пива, дрова, за которыми дѣвицы большей частью ѣздить въ лѣсъ сами; потомъ двѣ или три избранныя дѣвицы подѣ руководствомъ хозяйки нанятаго дома варятъ пиво, иногда ведеръ 20. Утромъ 1 октября дѣвицы всѣ стряпаютъ дома у себя, а вечеромъ одна изъ дѣвицъ идетъ звать на вечеръ всѣхъ подругъ и ихъ семейныхъ, которыя и сходятся всѣ въ нанятую избу, каждая неся свое кушанье. Пришедши дѣвицы прежде сами садятся закусить и вмѣстѣ садятъ одного парня, который у нихъ занимаетъ мѣсто распорядителя, а хозяйка квартиры угощаетъ ихъ пивомъ. Какъ поѣдятъ дѣвушки, садятся хозяева и ихъ угощаютъ дѣвицы, которыя встаютъ полукругомъ около стола и тихонько поютъ пѣсни. Затѣмъ начинается музыка и хозяйка квартиры или, если имѣется, ея дочь съ другою дѣвицей идутъ плясать подѣ звуки гуслей и пузыря; проплясавши разъ, пара эта беретъ по ковшу пива и несетъ ихъ музыкантамъ; послѣ этого идетъ плясать другая пара дѣвицъ и также угощаетъ музыкантовъ пивомъ. Когда дѣвицы всѣ пропляшутъ, идутъ плясать парни и молодые мужики и женщины, которые также, идя на вечеръ, несутъ своего съѣстнаго угощенія, а для общаго веселья мужики съладываются и покупаютъ себѣ ремного вина. Этотъ дѣвичій вечеръ длится только до полуночи, потомъ всѣ расходятся по домамъ, а на другой день дѣвицы и мужчины ходятъ допивать пиво. Тѣмъ и заканчивается этотъ праздникъ. 4) Ага-пайрэмъ—весенній черемисскій праздникъ въ честь сохи. Онъ бываетъ всегда по окончаніи сѣва, празднуютъ на молодой мѣсяцъ, когда на деревьяхъ покажется зелень. На близъ стоящей березѣ ставятъ и затепляютъ общую толстую свѣчу, а кругомъ развѣшиваютъ платки; въ настоящее-же время въ нѣкоторыхъ деревняхъ приносятъ изъ дома икону и ставятъ на эту березу. Лицомъ черемисы встаютъ на востокъ. Когда свѣча зажжена, картъ начинаетъ молитвословіе. При ага-пайрэмѣ бываютъ случаи такого рода: у одного изъ присутствующихъ есть какое либо несчастье или горе, болѣзнь кого нибудь изъ семейныхъ или изъ скотинны,

или пропажа ея, такой человекъ обращается къ карту съ просьбою помолиться за него Великому Богу и карту исполняетъ это; онъ громко произноситъ соответствующее просьбѣ молитвословіе, а предстоящіе дѣлаютъ поясные и земные поклоны, не крестясь. Если у кого не живутъ дѣти, то ихъ приносятъ въ это время къ карту, и онъ, беря ихъ къ себѣ на руки, произноситъ молитвословіе. Праздникъ ага-пайрэмъ продолжается три дня; онъ совершается въ томъ-же порядкѣ и осенью по окончаніи полевыхъ работъ.

Изъ игръ, кромѣ катанья на лошадяхъ, въ черемисскихъ деревняхъ устраиваются еще катанья на жердяхъ и, чтобы они были длиннѣе, ихъ стываютъ изъ двухъ или изъ трехъ жердей и двѣ такія длинныя жерди кладутъ на аршинъ разстоянія одна отъ другой однимъ концомъ на козлы въ сажень вышиной, а другимъ на землю, дѣлая въ промежуткахъ подпорки. На такомъ каткѣ катаются по двое, держась за руки. При неровности баланса одного изъ пары бываютъ случаи паденія, чѣмъ вызывается смѣхъ зрителей. Съ окончаніемъ масляницы катокъ ломаютъ. Въ употребленіи также у нихъ игра въ р ы б у, которая состоитъ въ томъ, что собравшіеся мальчики набираютъ изношенные лапти, для большаго количества разрубая ихъ пополамъ, складываютъ ихъ въ одну кучу, въ средину котороꝛъ втыкаютъ палку съ привязанной къ ней веревочкой. Одинъ мальчикъ беретъ за эту веревочку и бѣжитъ вокругъ, а прочіе мальчики въ это время выхватываютъ руками или выталкиваютъ ногами сложенные лапти, подразумѣвая подъ ними рыбу. Бѣгающій мальчикъ долженъ охранять свое имущество и ловить на бѣгу ворюшекъ. Пойманный мальчикъ смѣняетъ того, кто бѣгалъ, держась за веревочку. Ловкій мальчикъ ловитъ скоро, тихому же достается бѣгать до усталости. Потомъ есть у нихъ игра въ л ы ч ь и : по числу играющихъ берутъ половинное число мелкаго лыжа, около аршина длиною; одинъ играющій эти лычки перегибаетъ себѣ на палецъ и всѣ принимающіе участіе въ игрѣ должны взять по одному концу, женщины съ одной стороны, мужчины съ другой; державшій лы-

жи освобождает свой палецъ отъ нихъ, лычки распускаются и каждая изъ нихъ оказывается въ рукахъ одной пары, которая послѣ того должна поцѣловаться. Интересъ игры заключается въ томъ, что иногда въ одной парѣ оказывается старуха съ молодымъ парнемъ и наоборотъ. Играютъ также въ жмурки (маска-куба) и въ прятки.

Происхожденіе керемета—злаго домашняго духа и деревенскаго ширта нѣкоторые относятъ къ душамъ нераскаленныхъ грѣшниковъ и гнѣвъ ихъ считаютъ причиной болѣзни кого либо изъ семейныхъ или скотины, или пропажи, почему и стараются скорѣе задобрить ихъ: принести какую нибудь жертву, справясь первоначально, какъ у нихъ водится, у своихъ ворожеевъ, что именно нужно принести въ жертву. Маленькія жертвы черемисы приносятъ керемету дома въ шалашахъ или бросаютъ на огонь въ печку, а большія жертвы, какъ на примѣръ: жеребенка, быка, корову и т. п. приносятъ въ лѣсу, сожигая голову, ноги и внутренности животнаго, кожу берутъ себѣ, а мясо употребляютъ въ пищу. О происхожденіи керемета между нѣкоторыми черемисами существуетъ слѣдующая легенда:

„Послѣ того, какъ на небѣ одни изъ ангеловъ разсорились съ Богомъ, возмущившихся ангеловъ Богъ столкнулъ съ неба на землю, и тѣ изъ нихъ, которые упали въ лѣсъ, стали лѣшими, упавшіе въ воду сдѣлались водяными, а одинъ изъ нихъ, именно кереметь, попалъ въ черемисскую избу; представившись усталымъ дальнимъ странникомъ, попросился онъ у черемисъ на короткое время пожить у нихъ для отдыха. Изба у черемисъ была небольшая, тѣсная. Когда непрошеному гостю хозяева замѣтили, что и самимъ въ избѣ жить тѣсно, то онъ попросился на самое короткое время пожить въ печкѣ, говоря, что у нихъ черемисъ печка бываетъ свободна, особенно лѣтомъ, когда они обѣдъ готовятъ въ шалашѣ, а тутъ пекутъ только хлѣбы. Хорошо, сказали ему черемисы, ступай, поживи въ печкѣ, намъ еѣ не жалко. Уходя туда, онъ наказалъ хозяевамъ, чтобы они никому про него не сказывали, если кто будетъ спрашивать. Такъ и сдѣлали. Дѣйствительно, въ скоромъ вре-

мени явился съ неба ангелъ, посланный отъ Бога для преслѣдованія керемети, который спрашивалъ у черемисъ: не скрывается-ли у нихъ кто изъ пришлыхъ? Черемисы отвѣчали, что никого нѣтъ. „Правда ли?“ снова спросилъ ихъ ангелъ. — „Нѣтъ никого у насъ“, вторично отвѣчали ему черемисы. — „Ну, хорошо-же, живите съ нимъ и послѣ ни на кого не жалуйтесь,“ сказалъ имъ ангелъ и удалился. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ есть свои отдѣльные кереметш-ширты, пришедшіе на жительство изъ другаго мѣста вмѣстѣ съ прадѣдомъ одного какого нибудь рода. Такъ рассказываетъ черемисникъ: ширтъ, поселившись въ домѣ одного пришельца, обитателямъ не давалъ покою издаваемыми по ночамъ звуками и болѣзнію кого либо изъ семейныхъ, во избѣжаніе чего они рѣшили выпроводить его, построивъ ему около дома столбъ, видомъ похожій на часовню, куда, для обмана проходящихъ, поставили неосвященную икону, и тогда ширтъ не сталъ ихъ беспокоить. И вотъ во время какого нибудь несчастія обитатель этой деревни, вѣрящій въ силу ширта, по совѣту ворожеца, ставитъ тутъ ему свѣчу, но только тайно отъ людей ночью, отъ чего бывають часто случаи загоранія этого столба; тогда ставятъ новый столбъ, но уничтожить его потомки того рода, съ которымъ пришелъ ширтъ, не осмѣливаются, боясь возвращенія его въ избу. Кромѣ ставки свѣчъ по ночамъ, ширту приносятъ дома и въ лѣсу маленькія жертвы. Язычеству вообще болѣе преданы женщины, жизнь которыхъ почти вся опутана предразсудками и суевѣріями; часто случается, что жена тайно отъ мужа совершаетъ жертвоприношеніе кереметю въ шалашѣ или ставитъ свѣчи ширту.

Н. Троицкая.

бирску Нижегородской губернии. Переходъ этотъ доставитъ намъ несомнѣнное удовольствіе. Нижній предлагаетъ намъ четыре органа, въ которыхъ мы можемъ черпать свѣдѣнія о губерніи: «Дѣйствія Нижегородской Архивной Коммиссіи», газету «Волгарь», «Епархіальныя» и «Губернскія» Вѣдомости.

Не останавливаясь на дѣйствіяхъ Архивной Коммиссіи, которая успѣшно выполняетъ свои обязанности—разборъ, описаніе, храненіе и, по мѣрѣ возможности, изданіе актовъ, относящихся къ исторіи края, мы обратимъ особенное вниманіе на дѣятельность редакціи «Ниж. Епарх. Вѣд.».

Въ г-дкомъ изъ №№ этого изданія нѣтъ статьи, имѣющей отношеніе къ исторіи или современному положенію края. Статьи эти, конечно, въ отдѣльности даютъ немного, но изъ ряда ихъ читатель извлекаетъ немало новаго и интереснаго.

Въ историко-статистическихъ описаніяхъ приходоу Нижегородской епархіи, предпринятыхъ А. О. Можаровскимъ на основаніи матеріаловъ, доставляемыхъ сельскимъ духовенствомъ, мы нашли напр. не одинъ новый и цѣнный фактъ изъ области этнографіи и исторіи Мордвы, не одно указаніе, которое пригодится археологу и историку края. То же можно сказать о статьяхъ А. С. Ганисскаго, помѣщенныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ «на Сундовикѣ, въ Жарахъ etc.». Переходя изъ Нижегородской губерніи въ Вятскую, мы должны остановиться на прекрасномъ изданіи Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета—«Вятскій календарь на 1892 г.». Кромѣ обычныхъ календарныхъ свѣдѣній мы встрѣчаемъ въ немъ рядъ статей по исторіи, археологіи и этнографіи края—между прочимъ начало обширной и заинтересовавшей лингвистовъ работы г. Васнецова по говору Вятской губерніи. Вятскій Статистическій Комитетъ очень удачно демонстрируетъ своимъ изданіемъ, что можетъ сдѣлать для науки такое учрежденіе. Сосѣдка Вятки Пермь идетъ объ руку съ ней въ этомъ отношеніи. Пермскій Губернскій Статистическій Комитетъ издалъ въ 1892 г. «Памятную книжку и адресъ-календарь на 1892 г.» и I. т. сборника «Пермскій Край». Оба изданія заключаютъ въ себѣ, какъ читатели «Извѣстій» уже знаютъ, немало цѣнныхъ статей по археологіи, исторіи и этнографіи Пермскаго края. Удачно дебютировала въ истекшемъ году I-мъ выпускомъ своихъ «Трудовъ» и Пермская Архивная Коммиссія. Мы находимъ въ ней между прочимъ очень цѣнную статью О. А. Теплоухова о Пермскихъ древностяхъ. Начавши говорить о результатахъ научной дѣятельности въ Пермской губерніи, мы должны перешагнуть за Уралъ и обратиться къ Сибирскимъ городамъ, рядъ которыхъ открывается Екатеринбургомъ. Здѣсь существуетъ самостоятельный органъ изученія Уральскаго края съ широкой программой дѣятельности. Къ сожалѣнію дѣятельность Уральскаго Общества Любителей Естествознанія въ послѣдніе годы далеко не соответствуетъ ширинѣ его программы. Общество печатаетъ при содѣйствіи редакціи «Екатеринбургской Недѣли» свои «Записки», но въ нихъ помѣщаются не текущія, а уже имѣющія годовую и большую давность сообщенія и—что гораздо хуже—обстоятельныя извѣстія о никому не интересныхъ перебранкахъ между г. г. Лобановымъ и Клеромъ; мѣста, занимаемаго въ «Запискѣ» этими сообщеніями, хватило бы для хорошаго научнаго реферата. Текущій моментъ въ

дѣлѣ изслѣдованія края точнѣе выражаетъ «Екатеринбургская Недѣля». Въ 1892 г. мы отмѣтимъ очень удачно задуманныя письма съ Конды. Можно пожалѣть, что авторъ нашелъ нужнымъ перейти отъ популярно-научнаго изложенія къ беллетристическому. Разсказъ «Чары шамановъ», напечатанный въ приложеніяхъ къ «Е. Н.» съ интересомъ прочтется людьми, знающими бытъ остяковъ и самоѣдовъ; они найдутъ въ немъ удачно набросанную картину вѣрованій, на почвѣ которыхъ развивается шаманство, но для неподготовленныхъ читателей онъ будетъ представлять только результатъ недурной «выдумки».

Послѣ замирающаго—можетъ быть, временно—Екатеринбурга Тобольскъ производитъ впечатлѣніе живого, быстро развивающагося культурнаго пункта.

Это первый—въ географическомъ смыслѣ—городъ, который выступаетъ съ притязаніями на духовную гегемонію въ Сибири: его только что народившаяся печать, по примѣру Томска и Иркутска, стремится служить интересамъ не одной губерніи, а цѣлой Сибири: въ «Сибирскомъ Листкѣ» за 1892 г. мы находимъ напр. рядъ писемъ изъ Якутска. Для научнаго изученія края пресса Тобольска, какъ читатель можетъ убѣдиться изъ помѣщаемаго въ настоящей книжкѣ указателя, предлагаетъ разнообразный и цѣнный матеріалъ. Для примѣра укажемъ статьи: «Вѣсти съ Конды», «Вѣсти изъ Пелымскаго края», статьи объ Обдорскѣ и Березовѣ, «Якутскія письма». Съ частной газетой въ дѣлѣ ознакомленія съ Сибирью успѣшно конкурируетъ и мѣстный казенный органъ «Тоб. Губ. Вѣдомости». По богатству и разнообразію своего неофициальнаго отдѣла «Тобольскія Вѣдомости» занимаютъ положительно первое мѣсто на всемъ Востокѣ Россіи. Въ названномъ уже выше указателѣ читатель найдетъ длинный рядъ историческихъ и этнографическихъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ «Вѣдомостяхъ». Редакція «Вѣдомостей» не довольствуется помѣщеніемъ статей о Тобольскомъ краѣ и даетъ своимъ читателямъ текущую библиографію относительно Сибири. «Тобольскія Епархіальныя Вѣдомости» слабѣе «Губернскихъ», но и они дали въ 1892 г. нѣсколько интересныхъ статей по церковной исторіи края: назовемъ «Троицкій Кондинскій монастырь», статьи о Тобольскихъ митрополитахъ Антоніѣ Нарожницкомъ и Сильвестрѣ Готовицкомъ. Роль Тобольска въ дѣлѣ изученія края не ограничивается дѣятельностью трехъ мѣстныхъ органовъ печати. Тобольскъ имѣетъ свой музей, располагающій интересными коллекціями по археологіи и этнографіи края. Дѣлами музея завѣдуетъ комитетъ, который имѣетъ видъ Общества для изслѣдованія края. Въ началѣ истекшаго года этотъ комитетъ проэктивировалъ основать періодическій органъ для изученія края—«Ежегодникъ Тобольскаго музея»; объ этомъ были сдѣланы объявленія, но дѣло почему-то остановилось. Было бы очень жаль, если бы симпатичная идея навсегда канула въ Лету.

За Тобольскомъ слѣдовало бы сказать о результатахъ ученой дѣятельности Томска, призваннаго официально быть умственнымъ центромъ Сибири, но мы замѣтили уже выше, что намъ не хватаетъ матеріаловъ для этого отчета: «Сибирскаго Вѣстника» подъ руками мы не имѣемъ. «Губернскія» и «Епархіальныя Вѣдомости» даютъ нѣсколько статей, которыми рядомъ съ напеча-

танными въ Тобольскихъ изданіяхъ воспользуется, несомнѣнно, изслѣдователь Обскихъ инородцевъ. Въ Томскѣ существуетъ Общество Естествоиспытателей и Врачей, которое въ предшествовавшіе годы разработывало и мѣстные археологическіе матеріалы, но о дѣятельности его въ 1892 г. мы не можемъ выска-

БИБЛИОГРАФІЯ.

Труды Саратовской Ученой Архивной Коммисіи. Томъ Томска, бывший претендентъ на роль разсадника Сибирскаго просвѣщенія Омскъ кажется совсѣмъ близкимъ къ «тишайшему» Симбирску. Единственнымъ вкладомъ его въ интересующую насъ область литературы являются замѣтки въ статьѣ, помѣщенной въ XII т. издающихся въ Омскѣ Записокъ Западно-Сибирскаго отдѣла И. Р. Географическаго Общества. Идя далѣе на Востокъ Томска и Омска, мы должны были-бы сказать о прессѣ Красноярска, о музеѣ Минусинска и новорожденномъ Обществѣ Изслѣдователей Алтая въ Барнаулѣ, но для всего этого мы не имѣемъ подъ руками матеріала. Можно отмѣтить однако, что Красноярскъ не чуждается научной работы. На антропологическомъ конгрессѣ въ Москвѣ фигурировали коллекціи палеолитической и неолитической эпохъ, добытыя г.г. Савенковымъ и Еленевымъ, директоромъ и преподавателемъ мѣстнаго педагогическаго института. Французскій археологъ де-Бай обратилъ вниманіе на присутствіе среди предметовъ первой группы скульптурныхъ изображеній изъ кости. Подобныя изображенія встрѣчаются и въ Европѣ и называются тамъ bâtons de commandement. Преподаватель женской гимназіи г. Байкай энергически ратуетъ за основаніе въ К. архивной коммисіи. Переходимъ къ третьему претенденту на роль культурнаго сосредоточія Сибири — къ Иркутску. О томъ, что дала за 1892 г. его частная пресса мы, не имѣя подъ руками «Восточнаго Обзорнія», ничего не можемъ сказать. Главнымъ органомъ научнаго изслѣдованія края является здѣсь Восточно-Сибирскій отдѣлъ И. Р. Географическаго Общества. Дѣятельность отдѣла поставлена на широкую ногу. Онъ имѣетъ солидные капиталы, пользуется поддержкой Академіи Наукъ и Археологической Коммисіи и въ лицѣ нѣсколькихъ энергическихъ членовъ распространяетъ свою дѣятельность на изученіе археологіи и этнографіи не только Сибири, но и соседней Монголіи. Въ истекшемъ году отдѣлъ понесъ крупную утрату въ лицѣ покончившаго съ собою самоубійствомъ извѣстнаго археолога Витковского.

Изъ Иркутска, минуя Якутскъ и Нерчинскъ, о музеяхъ которыхъ мы не имѣемъ подъ руками данныхъ, мы переносимся на крайній пунктъ В. Россіи — въ Владивостокъ. Здѣсь существуетъ общество изслѣдователей Амурскаго края и частная газета «Владивостокъ». Ни трудовъ Общества, ни его отчетовъ

мы не имѣемъ, но изъ мѣстной газеты знаемъ, что въ истекшемъ году въ обществѣ происходили чтенія о Чукотской землѣ. Что касается газеты «Владивостокъ», то она мало даетъ пока любопытнаго для изучающихъ эту отдаленную окраину Россіи. «Владивостокъ» — органъ городской интеллигенціи, ~~... для встрѣчи цроческихъ людьми, внающими~~ **быть** остяковъ и самоѣдовъ; они найдутъ въ немъ удачно набросанную картину вѣрованій, на почвѣ которыхъ развивается шаманство, но для неподготовленныхъ читателей онъ будетъ представлять только результатъ недурной «выдумки».

Послѣ замирающаго — можетъ быть, временно — Екатеринбургa Тобольскъ производитъ впечатлѣніе живого, быстро развивающагося культурнаго пункта.

Это первый — въ географическомъ смыслѣ — городъ, который выступаетъ съ притязаніями на духовную гегемонію въ Сибири: его только что народившаяся печать, по примѣру Томска и Иркутска, стремится служить интересамъ ~~не одной области, а всѣхъ областей, входящихъ въ составъ и нашу среднюю~~

Азію возвратимся опять въ наше Поволжье. На пути мы отмѣтимъ известную намъ по II т. «Сборника матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской Области» дѣятельность Сыръ-Дарьинскаго Областнаго Статистическаго Комитета. Возвращеніе въ Европу не доставитъ намъ много пріятнаго. Научная дѣятельность Оренбурга, Уфы, Самары, Саратова и Астрахани не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, что намъ дала Сибирь. Въ Оренбургѣ еще не упрядненъ — мы не можемъ сказать «существуетъ» — отдѣлъ И. Р. Географическаго Общества. Проявлявшій нѣкоторую дѣятельность въ первые годы своего существованія, отдѣлъ скоро замеръ и въ теченіе безъ малаго 20 лѣтъ не проявилъ себя ничѣмъ, кромѣ пересизданія «Топографическаго описанія Оренбургской губерніи» — Рычкова и «Оренбургской губерніи по ландкартамъ Красильникова». За послѣдніе годы онъ зачахъ совершенно. Сосѣдка Оренбурга торговая Самара никогда не отличалась особеннымъ подъемомъ теоретическихъ интересовъ, но сравнивая нѣкоторые ея органы, напр. «Епарх. Вѣдомости» съ старыми за 80 годы — мы замѣчаемъ несомнѣнный упадокъ: въ нынѣшнемъ году Самарскія «Вѣдомости» очень неслалеки отъ полнаго уподобленія Симбирскимъ Бойко начавшій въ лицѣ своей Архивной Комиссіи Саратовъ въ 1892 г. также безмолствовалъ: издавали кое-что отдѣльныя лица — г.г. Медоксъ, Чекалинъ. Свившее свое гнѣздо въ Астрахани Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края выпустило въ истекшемъ году жиденькій отчетъ за 1891 г. съ нѣсколькими приложеніями. Общество, повидимому, все еще не успѣло ориентироваться среди злачь, которыя ставитъ край, и очень мало дѣлаетъ для разработки мѣстной этнографіи. Въ заключеніе обзора нѣсколько словъ о Казани. Не касаясь нашихъ «Извѣстій», мы считаемъ нужнымъ отмѣтить одно крупное событіе: переходъ коллекцій А. О. Лихачева въ собственность города.

И. Смирновъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Труды Саратовской Ученой Архивной Коммисіи. Томъ II-й. 472+LXXXVII стр. и 4 карты. томъ III-й 725+LXXXVIII стр. и 1 карта. 1889—91 г.

Саратовскій Историческій Сборникъ, издаваемый Сар. Уч. Арх. Коммисіей въ память 300-лѣтія г. Саратова. Томъ I-й 592+XXXIX стр., съ портретомъ. 1891 г.

*Н*ельзя не отнестись съ уваженіемъ къ дѣятельности Саратовской ученой Архивной Коммисіи: въ теченіе пяти лѣтъ своего существованія она издала три объемистыхъ тома своихъ «Трудовъ» и одинъ томъ Историческаго Сборника. Эти изданія заключаютъ много весьма цѣнныхъ матеріаловъ для исторіи Саратовскаго края. И не только одинъ сырой матеріалъ наполняетъ страницы изданныхъ Коммисіей книгъ: не мало помѣщено въ нихъ и научно обработанныхъ изслѣдованій.

Къ отдѣлу матеріаловъ относятся описи архивнымъ дѣламъ разныхъ учреждений и цѣликомъ напечатанные документы. Здѣсь особенно заслуживаютъ вниманія труды гг. Минха, Еланскаго, Голомбѣвскаго, Кедрова. Въ большей части описей указывается на интересъ того или другаго дѣла и даже дѣлаются выписки, что, конечно, наиболее соответствуетъ цѣли подобнаго рода описательныхъ работъ. Для примѣра укажемъ на фактъ, относящійся къ нашей Казани. Г. Еланскій, описывая архивъ Вольскаго нижне-земскаго суда, приводитъ указъ сената 1809 г. съ изложеніемъ дѣла о бывшемъ казанскомъ губернаторѣ Каспаровѣ и секретарѣ его Лыковѣ, который, по опредѣленію Казанской палаты угол. и гр. суда, надѣлалъ такихъ мошенничествъ, «противъ которыхъ даже Ванька Каинъ предъ нимъ ничто». Во время суда Каспаровъ умеръ, а Лыковъ присужденъ къ лишенію чиновъ и дворянства съ отдачею въ солдаты; палат. же, за употребленіе въ своемъ опредѣленіи «неприличныхъ выраженій: плутовство, мошенничество и сравненіе съ Ванькой Каиномъ», получила строгій выговоръ съ опубликованіемъ печатными указами. — Нѣкоторые, наиболее интересные, документы печатаются цѣликомъ, напр. помѣщенный г. Голомбѣвскимъ «Эпизодъ изъ прошлаго г. Саратова».

гдѣ приводится любопытная въ бытовомъ отношеніи жалоба купца Свиноухина (1754 г.) на «лихоимственныя грабительства и нападки» саратовскаго воеводы Казаринова.

Не мало статей, и весьма цѣнныхъ, посвящено исторіи заселенія Саратовскаго края, какъ напр. 1) «Матеріалы для исторіи заселенія Сар уѣзда», А. Н. Минка; 2) «Матеріалы для исторіи заселенія Сар. губерніи», С. А. Харизоменова и др. Для характеристики стариннаго быта въ Саратовскомъ краѣ любопытны «Воспоминанія ветерана 1813—14 г.»

Изъ научно обработанныхъ изслѣдованій укажемъ: 1) «Древніе обитатели Сар. губерніи», Э. Э. Чекалина, 2) «О каменномъ городищѣ близъ Дубовки», его же, 3) «Саратовское Поволжье въ XIV в.», его же 4) «Нижнее Поволжье въ XV в.», его же, 5) «О значеніи названія: Саратовъ», М. В. Готовицкаго, 6) «Петровский уѣздъ по переписнымъ книгамъ», А. А. Голомбѣвскаго, 7) «Годъ основанія Саратова», С. С. Краснодубровскаго, 8) «Укекъ», кн. Л. Л. Голицына и С. С. Краснодубровскаго.

По поводу послѣдней, весьма обширной, статьи нельзя не высказать сожалѣнія, что авторы углубились въ скискія и сарматскія дебри, въ которыхъ весьма легко заблудиться. До какихъ результатовъ дошли разслѣдованія авторовъ, видно изъ слѣдующихъ строкъ: «Страбонъ, говоря объ Аорсахъ, и указывая вмѣстѣ съ Моисеемъ Хоренскимъ на ихъ переселеніе къ югу, ясное дѣло разумѣетъ Булгаръ и называетъ ихъ Поволжанами, но въ греческомъ переводѣ этого слова (отъ Оарось — Волга); Геродотъ, говоря о Будинахъ, также разумѣетъ Булгаръ, но называетъ ихъ мѣстнымъ или Мордовскимъ, или Вотяцкимъ именемъ—Вьедь, Вьелене или Уть, по чувашски Вуть, Вутины, Вудины, обитатели большой рѣки, — Поволжане. Ergo: Вудины, Аорсы, Булгары, Мордва, Чуваши и Вотяки — одинъ и тотъ же народъ, который мы видимъ и донинѣ благополучно здравствующимъ въ сѣверной части Саратовской, въ Симбирской, Тамбовской, Пензенской, Казанской, Нижегородской и Пермской губерніяхъ» (стр. 31). Далѣе говоря о томъ, что Нубійскій географъ называетъ Волгу Rhos, авторы дѣлаютъ смѣлое предположеніе: «Дѣло ясное, что русскимъ именемъ называется здѣсь Волга, а если такъ, то вмѣстѣ съ тюркскими племенами здѣсь жило и славянство и, Богъ знаетъ, можетъ быть русскіе князья призваны были съ нашихъ Саратовскихъ земель» (стр. 33).

Въ Историческомъ Сборникѣ, изданномъ Сар. Арх. Коммиссіей, помѣщены дневныя записки священника Герасима Алексѣевича Скопина и его сына, протоіерея Николая Герасимовича Скопина. Записки перваго, очень краткія, относятся къ 1762—1796 годамъ. Записки втораго, составляющія главную часть книги (75—592 страницы), обнимаютъ годы 1794—1826. Въ нихъ много любопытныхъ фактовъ для характеристики тогдашняго общества въ провинціи, особенно интересны мѣста, относящіяся къ тогдашнему духовенству. Къ книгѣ присоединены біографіи авторовъ записокъ, составленныя В. П. Соколовымъ, и портретъ Н. Г. Скопина.

Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. — Journal de la Société Finno-Ougrienne. I—X. 1886—1892.

Финно-Угорское Общество для изученія языковъ, этнографіи и исторіи Финно-угорскихъ племенъ возникло въ концѣ 1883 (15 н.). Располагая капиталомъ въ 35,000 фин. марокъ, оно поставило своей основной задачей матеріальное и нравственное содѣйствіе лицамъ, которыя пожелали-бы посвятить свой трудъ собиранію археологическихъ, этнографическихъ и лингвистическихъ данныхъ въ предѣлахъ тѣхъ Финно-угорскихъ племенъ, которыя обречены исторіей на сляніе съ русскимъ народомъ. Съ 1886 г. стали выходить журналъ Общества—отдѣльными книгами по мѣрѣ накопленія матеріала. Для того, чтобы сдѣлать труды Общества доступными для возможно большаго круга читателей капитальныя изслѣдованія помѣщаются въ переводѣ на французскій и нѣмецкій языки.

Въ десяти книгахъ, выпущенныхъ Обществомъ до сихъ поръ, изслѣдователь В. Россіи встрѣчаетъ обильный и очень интересный матеріалъ. Въ I книгѣ помѣщены вотяцкіе тексты (сказки, пѣсни, пословицы), собранные Аминовымъ, мокшанская пѣсня о царѣ Тыштянѣ, записанная и снабженная переводомъ на французскій языкъ Майновымъ, статья о мордовской избѣ А. Гейкеля (на фин. языкѣ). Въ концѣ книжки приложена карта распространенія угрофинскихъ племенъ, которая къ сожалѣнію не можетъ служить ея украшеніемъ: не говоря уже о массѣ опечатокъ, дѣлающихъ неизнаваемыми настоящія названія, мы встрѣчаемъ на ней рядъ грубыхъ географическихъ промаховъ: по Нижегородской губерніи проведена какая-то невозможная рѣка—однимъ концомъ впадающая въ Оку, другимъ въ Волгу,—какъ будто Тена; вмѣсто известной Пьяны, имѣющей такое значеніе въ исторіи Эрви, мы видимъ какую-то коротенькую рѣчку въ качествѣ динствъ ннаго лѣваго пригока (Суры отъ вершинъ до устья, если только это не р. Алатырь; Елатъма (Eltna) съ Оки перемѣщена чуть не на границу Арзамасскаго и Лукояновскаго уѣздовъ Нижегородской губерніи; границы распространенія Волжско-Камскихъ племенъ намѣчены далеко не вездѣ точно—на Ветлугѣ напр. мы не видимъ ни одного черемисскаго пятна, тогда какъ черемисскія селенія имѣются въ низовьяхъ рѣки (Семенов. уѣздъ Нижегород. губ.) и въ верхнемъ теченіи (Ветлуж. Костр. губ.); не указываются черемисскія селенія и на лѣвомъ берегу Вятки въ Маддышскомъ у.

II книжка вся занята изслѣдованіемъ Сетälä «Zur Geschichte der Tempus- und-Modusstamm-bildung in der finnisch-Ugrischen Sprachen».

IV кн. представляетъ собою капитальныя труды доцента этнографіи въ Гельсингфорскомъ университетѣ А. Гейкеля «Die Gebäuden der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen». Это первый опытъ историко-сравнительнаго изученія финскихъ жилищъ.

Конечная цѣль г. Гейкеля заключается въ томъ, чтобы опредѣлить мѣсто, занимаемое финскими архитектурными формами въ ряду архитектурныхъ формъ другихъ народовъ. По приемамъ своего изслѣдованія авторъ примыкаетъ къ школѣ эволюционистовъ, представителями которой въ Германіи

являются Берлинскій проф. Мейтцеръ («Das deutsche Haus in seinen volkstümlichen Formen—Berlin 1882.) и Страсбургскій Геннингъ (Das deutsche Haus in seiner historischen Entwicklung—Str. 1882), въ Норвегіи Эйлертъ Зундтъ. Прежде всего онъ намѣчаетъ типы построекъ, затѣмъ устанавливаетъ ихъ хронологическое отношеніе, т. е. даетъ исторію развитія финскихъ архитектурныхъ формъ. Древнѣшей формой финскаго жилья и единственнымъ продуктомъ самостоятельнаго творчества финновъ въ области архитектуры онъ принимаетъ, согласно Альквисту, коническую коту изъ жердей, которая съ разными назначеніями сохранилась до сихъ поръ у западныхъ и приволжскихъ Финновъ. Четырехстѣнные бревенчатыя постройки являются уже результатомъ заимствованія: черемисская куда напр. представляетъ собою переживаніе древне-германской первичной формы, изъ которой по Геннингу, развились послѣдующіе типы—саксонскій, франкскій, восточно-нѣмецкій и сѣверный. Западно-финскія четырехстѣнные постройки въ свою очередь представляютъ заимствованіе восточно-и сѣверо-германскихъ формъ: жилое помещеніе съ огнищемъ и печью и сѣни. Позднѣйшія формы представителями Волжской и Пермской группъ заимствованы у русскихъ (Новгородскій типъ), западными Финнами изъ Скандинавіи.

Переходя къ детальному изложенію своего предмета, г. Гейкель обращаетъ вниманіе на то значеніе, которое при опредѣленіи относительной древности той или другой формы имѣетъ мѣсто огнища (кошрища, очага, печи): въ древнѣйшихъ постройкахъ оно помѣщается въ срединѣ, позднѣе отступаетъ къ одной изъ стѣнъ— сначала къ задней, потомъ къ одной изъ боковыхъ.

Въ I главѣ своего изслѣдованія г. Гейкель знакомитъ насъ съ древнѣйшими формами финскаго жилья, которыя сохранились на Волгѣ въ видѣ черемисскаго коническаго овина (типъ А) и мордовскаго четырехстѣннаго (типъ В). Въ обѣихъ формахъ огнище располагается въ срединѣ постройки. Марла—или Пбрт-авын луговыхъ черемисъ имѣетъ уже печь у задней стѣны съ отверстіемъ, обращеннымъ къ двери (типъ С). Черемисская куда и вотяцкая куда (гл. II) находятся съ точки зрѣнія мѣста, занимаемаго огнищемъ, въ ближайшемъ родствѣ съ коническимъ овиномъ; огнище и въ нихъ помѣщается по срединѣ, старинныя мордовскія и черемисскія бани-землянки (гл. III)—съ пбрт-авын'омъ. Позднѣйшимъ варьянтомъ этой формы являются бани, въ которыхъ печь помѣщается у задней стѣны и отверстіемъ обращена не къ двери, а къ боковой стѣнѣ, къ окну. По типу бань—съ печью у задней стѣны устьемъ къ двери или окну въ боковой стѣнѣ—у Мордвы Мокши устраивались въ старину и избы («Мокша-куда»—гл. IV). Эраянскія избы (гл. V) представляютъ по своему плану полное сходство съ русскими и сложились подъ русскимъ вліяніемъ. Резюмируя (въ гл. X) свои наблюденія надъ восточно-финскими постройками, г. Гейкель опредѣленно высказывается относительно сходства, которое обнаруживаютъ черемисскія и мордовскія куда съ древне-германскими постройками: оба приволжскихъ племени ихъ заимствовали у древнихъ Германцевъ. Такимъ-же заимствованіемъ онъ склоненъ объяснить сходство между черемисскими и скандинавскими двухъ-этажными

кѣтями и общій приволжскимъ Финнамъ и Германцамъ обычай воздвигать отдѣльныя сооруженія для отдѣльныхъ предметовъ хозяйства.

Въ XI главѣ авторъ переходитъ къ западно-финскимъ постройкамъ и *начинаетъ* съ русской Карелии. Здѣсь онъ не находитъ архаическихъ архитектурныхъ формъ, которыя исчезли подъ русскимъ влияніемъ; отличительной особенностью карельскихъ построекъ является то, что различныя помѣщенія для людей и животныхъ соединены въ одно связанное цѣлое—Новгородскій стиль. Переживаніемъ изъ древней архитектуры Финновъ является сохранившійся кое гдѣ обычай помѣщать печь у задней стѣны устьемъ къ двери.

Первичныя формы западно-финской архитектуры авторъ встрѣчаетъ съ переходомъ изъ Карелии въ Эстляндію и Финляндію. Онѣ сохранились въ эстонскихъ и финскихъ кухняхъ и баняхъ (гл. XII). Кухни-коты сохранили здѣсь—у Финновъ чаше, у Эстовъ рѣже, коническую форму и очагъ-огнище. Здѣсь-же, на западно-финской почвѣ г. Гейкель констатируетъ и различныя формы развитія очага (takka) изъ древняго открытаго огнища: огнище поднимается надъ поломъ, окружается стѣнками, накрывается сводомъ, Фазисы эги возникаютъ подъ влияніемъ скандинавскихъ образцовъ. Эстонскія и финскія бани до сихъ поръ сохраняютъ—первыя чаше вторыя рѣже свое первоначальное двойное назначеніе—бани и жилой избы и потому могутъ служить матеріаломъ для уясненія древнѣйшихъ формъ западно-финскаго жилья. Подобно восточно-финскимъ точнѣ мордовско-мокшанскимъ избамъ, онѣ чаше всего имѣютъ печь у задней стѣны устьемъ къ двери. Кое какія общія черты открываетъ г. Гейкель и въ устройствѣ ригъ-овиновъ у западныхъ и восточныхъ Финновъ. Черемисскій пѣрт-авви оказывается близкимъ къ наиболѣе раннимъ типамъ финской риги. Финскія риги только обширнѣе и выше вслѣдствіе того, что климатъ Финляндіи заставляетъ м олотить хлѣбъ внутри ихъ, а не внѣ, на току, какъ на Волгѣ. Эстонскія избы, подобно старымъ мордов вимъ, имѣютъ печь въ заднемъ углу устьемъ къ двери. Въ очень многихъ мѣстахъ онѣ сохраняютъ древнее разнообразіе функций—служатъ жильемъ, баней и ригой (165). Финскія избы представляютъ уже менѣе аналогій съ восточно-финскими съ точки зрѣнія мѣста, занимаемаго огнищемъ (печью). Эта послѣдняя помѣщается чаше всего въ углу на лѣво отъ входа, какъ въ русскихъ баняхъ или даже на п, аво устьемъ къ задней стѣнѣ, какъ въ русскихъ избахъ.

Разбираясь въ своемъ резюмѣ среди массы собранныхъ фактовъ, г. Гейкель намѣчаетъ схему развитія финскаго жилища. Самими ранними формами являются коническая кота и землячка съ очагомъ или огнищемъ по срединѣ. Послѣдующее развитіе выражается въ томъ, что постройка выводится на поверхность земли, огнище замѣняется очагомъ и печью, которые помѣщаются устьемъ къ двери, единственному источнику свѣта въ жилищѣ. Съ возникновеніемъ оконъ печь обращается устьемъ къ окну. На Волгѣ, въ Карелии подъ русскимъ влияніемъ очагъ исчезаетъ, а печь перемѣщается въ уголь у двери и обращается устьемъ къ окну задней стѣны. У западныхъ Финновъ въ особенности въ Остерботтенѣ огнище развивается подъ влияніемъ скандинавскихъ образцовъ.

Нелегкій для чтенія трудъ г. Гейкеля имѣетъ полное право на вниманіе русскихъ этнографовъ и историковъ культуры. Подобно «Славяно-финскимъ культурнымъ отношеніямъ» покойнаго Веске, онъ раскрываетъ предъ нами новую страницу изъ исторіи взаимодействія Славянскаго и Финскаго міровъ, отмѣчаетъ слѣды славяно-русскаго вліянія тамъ, гдѣ ихъ можетъ быть никто не предполагаетъ—въ народной архитектурѣ Остерботтена и Карелии. Исслѣдователь славяно-русскихъ формъ жилища поблагодарить финскаго ученаго за то, что онъ далъ въ своемъ трудѣ фонъ, на которомъ рѣзко выступаютъ особенности, отличающія славяно-новгородскій или великорусскій типъ жилищъ отъ германскаго и литовскаго. Цѣнность этого труда была бы еще значительнѣе, еслибы г. Гейкель побольше былъ знакомъ съ русскою литературой предмета. На русскомъ языкѣ, конечно, нѣтъ такихъ специальныхъ изслѣдованій по исторіи жилищъ, какъ новѣйшія нѣмецкія работы по этому предмету, но отсюда еще нельзя еще заключать, что «*Ganze russische Literatur besitzt keine einzige Arbeit, keine nennenswerthen Aufsätze, die den in diesem Werke vorliegenden Forschungsstoff behandeln; existiren nur höchst unvollständige Notizen*» (стр. XI). Въ работахъ Аристова, Забѣлина, Костомарова, Терещенко, Уварова, въ статьяхъ изданнаго Императорскимъ Географическимъ Обществомъ «Этнографическаго Сборника» финскій ученый нашелъ - бы немало любопытныхъ подробностей относительно исторіи русскаго дома и двора, въ этнографическихъ очеркахъ Рогова, Добротворскаго, въ трудахъ Вятскаго земскаго Статистическаго Бюро—цѣнные данныя относительно пермяцкихъ и вотскихъ построекъ. Мы думаемъ, что знакомство съ этой литературой не осталось-бы безъ существеннаго вліянія на воззрѣнія автора.

V-ю книгѣ «журнала» составляетъ посмертный трудъ В. П. Майнова «*Les restes de la mythologie mordvine.*» Покойный изслѣдователь Мордвы пытается дать въ этомъ трудѣ систему религиозныхъ вѣрованій Мордвы и наметить былыя формы языческаго культа на основаніи данныхъ литературы и собственныхъ наблюденій, сдѣланныхъ во время путешествія къ Мордвѣ въ 1877 г. На стр. 24—51 онъ описываетъ торжественное мордовское богослуженіе, на стр. 51—99 обряды, употребляемые при различныхъ случаяхъ обыденной жизни—родинахъ (52), похоронахъ (87), во время различныхъ полевыхъ работъ, при пострѣйкѣ дома и новосельи, способы гаданья, примѣты и въ заключеніе даетъ систему мордовской мифологіи. Наибольше цѣнную часть труда составляетъ сводъ литературныхъ данныхъ. Къ результатамъ собственныхъ наблюденій автора при всемъ почтеніи къ его памяти приходится отнестись съ большою осторожностью. Видно, что къ тому времени, когда Майновъ началъ обрабатывать свой матеріалъ, его воспоминанія утратили уже значительную долю своей живости, представленія о мѣстахъ сгладились или перепутались. Отсюда неопредѣленность указаній въ однихъ случаяхъ, ошибки въ другихъ случаяхъ, и какъ-будто сочиненіе въ третьихъ. На стр. 8 мы читаемъ, что «*les chroniques russes parlent quelquefois de certain' devins ou magiciens mordvines.*» Что это за *chroniques*, а торъ не считаетъ нужнымъ говорить и не безъ основанія: лѣтописей, въ которыхъ говорилось бы о мордовскихъ ворожецахъ и колдунахъ, нѣтъ. На стр. 18 Нестору приписывается

навѣстіе, что Мордва украшала вѣтви деревьевъ полотенцами и поклонялась имъ (дер). На стр. 16 разсказывается о молянѣ въ честь Вель-авы, который праздновался въ с. Пичилейкѣ Городищенскаго у. Пензенской губерніи въ бытность тамъ автора. Моленіе происходило днемъ на берегу рѣки; по окончаніи его нѣкоторыя смѣльчаки бросились не раздѣваясь въ воду: это были молодые люди, которые хотѣли жениться. Ночью, продолжаетъ Майновъ, сидя на деревѣ, я слѣдилъ за происходившими на полянкѣ на берегу рѣки религиозно-эротическими сценами. Мы не знаемъ, какъ назвать этотъ разсказъ—бредъ ли это памяти или безцеремонная мистификація, разсчитанная на то, что читателю не придется провѣрить автора. Мы посѣтили Пичилейку въ 1891 г. и можемъ засвидѣтельствовать, 1) что Пичилейка стоитъ въ чистомъ полѣ и никакихъ молебныхъ полянокъ, которыя бывають только въ лѣсахъ, около нея не имѣется, вмѣсто глубокой рѣки, въ которую только смѣльчаки рѣшаются бросаться не раздѣваясь, черезъ нее протекаетъ ручей вершка въ 2—3 глубины. Пичилейка населена Эрзей и жители ея не могутъ называть богиню воды мокшанскимъ именемъ «Вель-азыр-ава».

На стр. 19 Майновъ говоритъ о духахъ деревьевъ Келу-озаисъ, Тума-озаисъ и Пекше-озаисъ, при молянѣхъ которымъ въ Краснослободскомъ уѣздѣ онъ будто-бы присутствовалъ (гдѣ и въ какое время?). Намъ кажется страннымъ, что рѣчь объ озаисахъ имѣетъ мѣсто въ сочиненіи человека, который не по книгамъ только знаетъ Мордву: слово озаисъ неизвѣстно ни Эрзѣ, ни Мокшѣ. У Мельникова оно понятно; онъ могъ не разобрать въ рукописи Макарія слова о(ж)еи и прочиталъ и вмѣсто к, ¹⁾ но какъ можетъ повторять его ошибку Майновъ, знавшій оба мордовскихъ нарѣчія? Въ текстѣ молитвъ, которыя будто-бы произносились въ присутствіи Майнова, во время этого моляна, насъ смущаетъ воззваніе «Pekché-Paz». У Макарія, который описываетъ нижегородскую Эрзу, оно понятно и очень сомнительно у Мокши, которая для обозначенія разныхъ духовъ природы употребляетъ слова азыр, азыр-ава или просто ава, атя. На 22—23 страницѣ мы находимъ пѣсню, будто-бы записанную въ Пичилейкѣ Городищенскаго уѣзда, которая вызываетъ рядъ недоумѣній своимъ содержаніемъ. Въ пѣснѣ этой дни недѣли называются именами божествъ, какъ въ современномъ французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ: понедѣльникъ—день молодой луны (lundi), вторникъ—день Вель-авы, среда—день Шкай, четвергъ—день Вельнишке, пятница—день Нару-авы, суббота—день бога земли Мастыра, воскресенье—день Вельозкса (будто-бы бога стады) Прежде всего ни Эрза, ни Мокша не знаютъ такихъ названій теперь, не помнятъ, чтобы когда нибудь дни недѣли назывались именами боговъ; вѣтъ Пичилейка-эрзянская деревня, а здѣсь перепутаны эрзянскія и мокшанскія названія боговъ (Нору-ава, Шкай), наконецъ нѣкоторые переводы какъ будто указываютъ на то, что Майновъ не такъ хорошо владѣлъ мордовскими нарѣчьями, какъ онъ говоритъ: Вельозкс-ши можетъ только зна-

¹⁾ Что въ рукописи Макарія слово озаисъ соотвѣтствуетъ слову озксъ, это очевидно изъ названія одного праздника мордовскаго «Сарас-Озаисъ»—здѣсь озаисъ употребляется въ значеніи озксъ.

чить «день деревенскаго праздника», «день деревенскаго, мірскаго моляна», а М. переводить его «день бога скота(!)». На стр. 24—25 Майновъ рисуесть на основаніи мѣстныхъ преданій дѣятельность и судьбу извѣстнаго «Кузьки—мордовскаго бога» и его картина существенно отличается отъ той, которую даетъ Свѣжневскій на основаніи подлинныхъ современныхъ актовъ. На стр. 52 приводятся текстъ молитвы, которую произноситъ повитуха и мы встрѣчаемъ въ ней еще разъ смѣшеніе эрванскихъ и мокшанскихъ элементовъ—Анге-Патля рядомъ съ Бани-азыр-авой. На стр. 55 вызываетъ недоумѣніе фраза въ началѣ отдѣла, посвященнаго описанію погребальныхъ обычаевъ: «Quand pour la premiere fois je me vis au centre même de la population mordvine, au bord du Dikii Satis, dans le district de Temnikov»... Дикій Сатисъ протекаетъ по сѣверной части громаднаго Саровскаго лѣса, отдѣляющаго губерніи Нижегородскую отъ Пензенской и Тамбовской,—и на его берегахъ нѣтъ ни одного мордовскаго селенія. Фраза эта, намъ кажется, служитъ однимъ изъ доказательствъ того, что Майновъ писалъ свою книгу уже въ то время, когда его воспоминанія утратили свою живость. На стр. 67 Майновъ сообщаетъ извѣстіе, которое нуждалось-бы въ болѣе обстоятельномъ и доказательномъ изложеніи: «j'ai d'ailleurs trouvé partout dans les vieux tombeaux mordvines des ossements brûlés, au dessus des quels il y avait toujours des crânes et des os de brebis ou de cheval». Мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы въ старыхъ мордовскихъ могилахъ повсемѣстно встрѣчались сожженные человѣческія кости. Факты извѣстные въ литературѣ и добытые нами при собственныхъ раскопкахъ говорятъ, что Мордва надревле погребала, а не сожигала своихъ умершихъ. Если Майнову гдѣ нибудь въ мордовскомъ краѣ удалось найти кладбище со слѣдами трупосожженія, онъ въ виду рѣдкости этого факта долженъ былъ назвать его мѣсто.

Съ стр. 99 начинается самый интересный отдѣлъ книги Майнова—опытъ систематическаго изложенія мордовской мифологіи. Майновъ имѣетъ на этомъ полѣ только одного предшественника—Мельникова и примыкаетъ къ нему въ основныхъ пунктахъ. Излагая космологическіе разказы Мордвы, онъ высказываетъ предположенія о связи нѣкоторыхъ древне-русскихъ божествъ съ мордовскими (сл. Хорсъ и Морд. Корушъ-шайтанъ 103). При всемъ интересѣ, который возбуждаетъ схема Мельникова—Майнова, мы не можемъ не отнестись къ ей съ извѣстной долей осторожности. Она слишкомъ отдаеъ классическими теогоніями, мало вяжется съ мордовскими возвращеніями на боговъ и финской теогоніей вообще.

Вся эта схема построена на предположеніи, что Мордва ставитъ во главѣ каждой стихіи, каждаго элемента природы отдѣльнаго повелителя—Ведь-аву повелительницей водъ, Варм-аву—вѣтровъ и т. д. На самомъ дѣлѣ Мордва, подобно Черемисамъ и Вотякамъ, не знаетъ богини воды или полей вообще, а богиню такой-то рѣки, такого-то поля. Какъ при такомъ характерѣ возвращеній согласовать ихъ съ легендами, которыя даютъ намъ Мельниковъ и Майновъ, представляется загадкой.

Въ томъ-же классическомъ стилѣ исполнена и характеристика отдѣльныхъ боговъ, напр. Нешке паза (который у Майнова, по примѣру Мельникова

называется Инешке-павъ). Мы не будемъ впрочемъ входить въ подробности этой схемы, такъ какъ въ ней приходится имѣть дѣло больше съ Мельниковымъ, чѣмъ съ Майновымъ. Позволимъ себѣ высказать только еще разъ наше недоумѣніе по поводу того, что авторъ, знающій мордовскія нарѣчія даетъ весьма сомнительные переводы названій и характеристики божествъ Возьмемъ Nougiamava—Aragotchi—богиню земледѣлія. Въ первой части имени богини мы узнаемъ еще Нору-аву, богиню полей, но какимъ образомъ эпитетомъ ея могло явиться выраженіе апараци—нехорошій день—намъ представляется непонятнымъ; загадочнымъ представляется и то, что въ легендахъ Моқши (112) фигурируютъ эрзянскія имена боговъ (Анге-Патяй, Инешке-павъ), и то, что въ истолкованіи моқшанской мифологіи авторъ находитъ возможнымъ выдѣлить особую богиню—Азырь-аву (114)—тогда какъ это слово (хозяйка, повелительница) указываетъ толь о на отношеніе той или другой богини къ явленію (Ведь-азыр-ава—хозяйка воды). На стр. 127 благодаря опечаткамъ невозможно понять, о комъ идетъ рѣчь: Ведь-авѣ, Ве(й)рь-авѣ или Ве(а)рм-авѣ: всѣ три названія, далеко не идентичныя, употребляются по поводу одного и того-же предмета.

VI т. не заключаетъ въ себѣ ничего, что бы непосредственно относилось къ нашему краю.

VII т. составляютъ произведенія народнаго творчества восточныхъ (Пермскихъ) Черемисъ—тексты и переводъ. Лица знакомыя съ черемисскимъ языкомъ обратятъ, безъ сомнѣнія, вниманіе на сложную транскрипцію, которую вводитъ авторъ для обозначенія особенностей черемисской фонетики. Читать записанные такимъ образомъ тексты не легко, но за то почти каждое слово можетъ быть даже незнающимъ черемисскаго языка произнесено такъ, какъ оно произносится народомъ: ошибка можетъ быть только въ удареніи. Обращаясь къ содержанію сборника, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить сказки, имѣющія мифологическое содержаніе. Такова напр. сказка № 3 о мальчикѣ, обѣщанномъ людоеду. Родственная по мотиву съ аналогическими сказками Мордвы и Вотяковъ, сказка эта рисуетъ черемисскія представленія о водяномъ и приписываетъ ему каннибальскія наклонности. Помимо этого сказка интересна по слѣдамъ вліянія тюркской, башкирской демонологіи на черемисскую: мальчикъ обращается, по совѣту бѣлки, съ мольбой о спасеніи къ какому-то Актѣби: имя это не черемисскаго происхожденія а своей первой частію ак (бѣлый) уковываетъ на тюркскій источникъ заимствованія. Сказка № 5 по содержанію тождественна съ упоминаемой въ нашихъ «Черемиссахъ» сказкой о Пиця. Здѣсь фигурируетъ дочь водяного—людоедка. Финалъ сказки показываетъ, что духи представляются черемисамъ смертными.

Сказка № 8, героями которой являются между прочимъ сынъ солнца и сынъ луны, кромѣ матеріала для характеристики черемисскихъ представленій о свѣтилахъ, заключаемъ въ себѣ данныя въ вопросу о черемисскихъ воззрѣніяхъ на жизнь и душу. Въ сказкѣ № 10 фигурируютъ колдунья-людоедка. Сказка № 13 по своему основному мотиву (жертвоприношеніе дядяти по совѣту махины-вѣдьмы) тождественна съ приведенной нами въ очерк

«Черемисы», но заключаетъ въ себѣ больше подробностей, указывающихъ на то, что мы имѣемъ въ ней дѣло именно съ жертвоприношеніемъ. Такое же тождество мотива наблюдается въ № 14 о Пика.

Въ сказкѣ № 16 рисуются черемисскія воззрѣнія на неприкосновенность вещей, погребенныхъ съ покойниками. Русскій парень видитъ три блина положенныхъ надъ умершей мышью и съѣдаетъ ихъ. Едва онъ успѣлъ проглотить послѣдній кусокъ, какъ съ нимъ начинаютъ твориться чудныя вещи: онъ говоритъ лошади—«тпру» и въ желудкѣ его какой-то голосъ повторяетъ тотъ-же звукъ. Что ни скажетъ парень, таинственный голосъ въ желудкѣ повторяетъ его слова. Измученный парень обращается къ ворожеѣ и та совѣтуетъ ему попросить мать, чтобы она испекла ему три блина, и положить ихъ на мѣсто тѣхъ, которые онъ съѣлъ. Сдѣлавъ парень то, что посовѣтовала ему знахарка, и въ его желудкѣ пересталъ раздаваться пугавшій его голосъ.

Цѣнный вкладъ въ черемисскую этнографію составляютъ записанные г. Порка заговоры отъ различныхъ болѣзней. Помимо того, что они знакомятъ насъ съ черемисскими представленіями о происхожденіи болѣзней и могуществѣ производящихъ ихъ колдуновъ, заговоры эти заключаютъ въ себѣ любопытныя мифологическія детали относительно матери земли, матери воды, неба, грома и пр. Приводимъ для примѣра въ извлеченіи одно такое заклинаніе (№ 10): «когда зло (злой духъ) дорвется до глубины земли, вытащить оттуда мать земли, не крикнувши ай-ай, сожжетъ ее и съѣстъ и высосетъ, тогда только пусть на меня приходитъ... Когда сказавши «въ одну минуту высосу и съѣмъ» спустится въ водную глубину, уберетъ, вытащить на землю, сожжетъ и съѣстъ мать воды, тогда пусть на меня приходитъ... Когда оно поднимется къ великому богу, сброситъ его на землю, сожжетъ и съѣстъ, тогда пусть на меня приходитъ... Когда оно сможетъ бога судьбы перебросить на землю черезъ плечи матери, сжечь и съѣсть его, тогда и т. д.... Когда оно сможетъ бога грома перебросить черезъ плечи матери на землю etc. тогда пусть на меня приходитъ». Въ другомъ заговорѣ дѣти матери великаго бога и грома рисуются въ видѣ младенцевъ, которые качаются въ колыбели.

Въ книгу VIII входитъ рядъ статей, имѣющихъ отношеніе къ В. Россіи. Здѣсь прежде всего напечатана статья покойнаго Адьквиста «О культурныхъ словахъ Обь-Угорскихъ языковъ». Авторъ отмѣчаетъ заимствованія, которыя Обскіе Угры сдѣлали изъ языковъ своихъ сосѣдей—Самоѣдовъ, Татаръ, Зырянъ и Русскихъ (порядокъ народностей опредѣляютъ сравнительную давность заимствованій). Изъ самоѣдскаго языка оказываются заимствованными термины, относящіеся къ оленеводству, одежды и жилищу (котъ || Сам. xarad. sonxal || songol—чувалъ), отчасти даже социальнымъ отношеніемъ (quš || Сам. kadž—рабъ). Изъ татарскаго заимствованы важныя термины социальныхъ отношеній: xolox—народъ, josex—подать, xop—царь, xosna—казна, kalum, keryš—скотка, совѣтъ, oxse—деньги,—земледѣлія и скотоводства. У Зырянъ, судя по названіямъ, Угры заимствовали нѣкоторыя улучшенія въ устройствѣ жилищъ—печи и окна.

Слѣдующая статья того-же Альквиста «Einige Proben mordwinischen Volksdichtung» представляетъ выборку изъ здѣшняго изданія «Образцы Мордовской Народной Словесности».

Статья проф. Аспелина «Types de peuples de l'ancienne Azie centrale» представляетъ попытку приурочить къ древнимъ обитателямъ бассейна Енисея и С. Монголіи человѣческія изображенія, которыя встрѣчаются высѣченными на скалахъ или среди мѣстныхъ древностей. Авторъ находитъ возможнымъ различить изображенія обитателей бассейна Енисея въ бронзовую эпоху и Хакасовъ. Въ этой же книжкѣ помѣщенъ, къ сожалѣнію только не финскомъ языкѣ, отчетъ г. Паавонена объ экскурсіяхъ, которыя въ теченіи 1889—1890 г.г. онъ предпринималъ къ Мордвѣ для собранія текстовъ и составленія словаря.

IX кн. «журнала» посвящена цѣликомъ матеріаламъ г. Паавонена, но исчерпываемъ только часть ихъ—пѣсни Эрви. У собирателя остается еще весь матеріалъ, собранный у Мокши—пѣсни, молитвы, заговоры. Для этнографа пѣсни эти цѣнны по сохранившимся въ нихъ воспоминаніямъ о бракахъ взрослыхъ дѣвицъ съ малолѣтними мальчиками—№ 1, 22, о татарскихъ набѣгахъ—2, 20, 32, 36 и обломкамъ явическихъ вѣрованій (Чи-паз, Ков-паз—№ 5, III, 2, 4, Бабань-каша—№ 8, Пурьгине-поляна—№ 30, Кудонь-Кирьди, Керьян-чоч. Ков паз 1, II, Юртовой—2. Норов-Паз—4, Кардав-Кирьди, Сярко, Вир-ава—8, III, 8, Вере-паз, Ало-паз—12, Велень-кирьди,—Няшке-паз—14, 21, Солнце-паз III, 1, Ин-азыр-паз—213, III, 4, предки ibid 4, 5, Лишмань-кирьди—III, 5, Мастыр-паз—III, 7, ustuman-кирьди III, 9.

Въ X. т. помѣщены вырянскіе тексты, извлеченные изъ книги Лыткина «500-лѣтіе вырянскаго края». Въ концѣ тома, въ отчетѣ за 1890 г. мы встрѣчаемъ очень цѣнное и любопытное извѣстіе относительно Мордвы живущей на С. отъ Кадома: вопреки принятому мнѣнію значительная часть ея—до 12 деревень—оказывается не Мокшей а Эрвей. Эраю же г. Паавоненъ напелъ и въ с. Дракинѣ Спасскаго у. Въ этомъ же отчетѣ мы встрѣчаемъ и ошибку, которую считаемъ нужнымъ отмѣтить: составитель отчета говоритъ что извѣстный трудъ Вескѣ «Славяно-финскія культурныя отношенія по данному языку» послѣ его смерти изданъ на русскомъ языкѣ. На самомъ дѣлѣ Вескѣ имѣлъ удовольствіе видѣть свою книгу оконченной по крайней мѣрѣ за два мѣсяца до смерти и, вѣроятно, у многихъ казанцевъ она сохранилась съ его собственноручной надписью. Онъ умеръ 4 мая 1890 г. среди подготовительныхъ работъ къ II тому. Изъ отчета за 1891 г. мы узнаемъ, что общество получило 100 ф. стерл. отъ англійскаго ученаго Abercromby для поддержки изслѣдованій въ области мордовскаго языка.

И. Смирновъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

1) Тобольскимъ епархіальнымъ православно-церковнымъ братствомъ св. Великомученика Димитрія Солунскаго предпринято изданіе полного описанія Тобольской епархіи, подъ общимъ заглавіемъ: «Тобольская епархія», съ цѣлію «удовлетворить не одной только любознательности нѣкоторыхъ, но и нуждѣ для многихъ». Все изданіе будетъ состоять изъ двухъ частей, подраздѣленныхъ на отдѣлы. Первая часть, въ двухъ книжкахъ, заключающая въ себѣ описаніе мѣстности, занимаемой Тобольскою епархіею, въ географическомъ и историко-этнографическомъ отношеніяхъ, уже вышла изъ печати и въ скоромъ времени поступитъ въ продажу. Такъ какъ въ составѣ Тобольской епархіи входитъ не только Тобольская губернія, но и Акмолинская и частію Семипалатинская области, то первая часть подраздѣлена на три самостоятельныхъ отдѣла, изъ которыхъ въ первомъ изложены краткія географическія и топографическія свѣдѣнія о Тобольской губерніи; во второмъ—историко-этнографическія свѣдѣнія о той же губерніи, а въ третьемъ—тѣ и другія свѣдѣнія, относящіяся до Акмолинской и Семипалатинской областей. Вторая часть, еще невышедшая изъ печати, будетъ подраздѣлена также на три отдѣла, изъ нихъ въ первомъ будетъ изложена исторія христіанства въ Сибири и въ частности—исторія миссіи, съ присовокупленіемъ біографическихъ свѣдѣній объ архипастыряхъ; во второмъ—свѣдѣнія о монастыряхъ, приходяхъ, мѣстно-чтимыхъ святыняхъ, крестныхъ ходахъ и исторической очеркъ о достопримѣчательностяхъ Тобольской епархіи; третій же и послѣдній отдѣлъ будетъ заключать въ себѣ историческій очеркъ духовно-учебныхъ заведеній епархіи, современное состояніе раскола, единовѣрія и иновѣрія, а также очеркъ религіозно-нравственныхъ и бытовыхъ чертъ изъ жизни пасомыхъ Тобольской епархіи. Для удешевленія стоимости изданія, оно печатается въ г. Омскѣ.

2) Московское Археологическое Общество, какъ сообщаетъ «Новое Время», предполагаетъ съ 1893 г. издавать кромѣ «Древностей» ежемѣсячныя иллюстрированныя «Извѣстія».

(№ 6034).

3) Въ концѣ минувшаго года должно было выйдти въ свѣтъ въ Стокгольмѣ посвященное сибирскимъ древностямъ изданіе Шведскаго Общества Антропологіи и Географіи «Les antiquités de l'âge du bronze de la Sibérie du Musée de Minousinsk, photographiées et décrites par F. R. Martin». Это первый изъ серіи трудовъ по этнографіи и археологіи Западной Сибири, приготовленныхъ г. Мартиномъ. Не дождавшись русскаго издателя, Минусинскія древности публикуются за границей, чтобы еще разъ показать, что мы не доросли еще до самостоятельнаго пользованія нашими драгоценными сырыми матеріалами. Какое впечатлѣніе это сырье производитъ на компетентныхъ иностранцевъ, показываютъ слѣдующія слова г. Мартина: «Я думалъ остановиться въ Минусинскѣ на недѣлю и пробылъ тамъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ теченіе этого времени я изучалъ предметы бронзоваго вѣка, которыми располагаетъ Музей и чѣмъ больше я занимался ими, тѣмъ яснѣе становилась для меня ихъ чрезвычайная важность для доистори-

ческой археологія».... Иаданіе должно состоять изъ 33 таблицъ, на которыхъ предположено воспроизвести до 900 мѣдныхъ и бронзовыхъ предметовъ Музея, печатается въ количествѣ 200 экз. и стоитъ 50 франковъ.

Съ 1 ноября 1892 по 1 января 1893 г.

въ бібліотеку Общества поступили слѣдующія изданія:

- Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1892, в. VI, VII и VIII.
 Русская Старина 1892, 11, 12.
 Труды Рязан. Ученой Архив. Коммиссіи. Т. VII, № 4. 1892.
 Кіевскія Университетскія Извѣстія. 1892, № 9, 10.
 Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Географ. Общества. Т. XXIII, № 3. 1892.
 Извѣстія Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. XXXIV. Тамбовъ. 1892.
 Циркуляръ по Управленію Кавказскимъ Учебнымъ Округомъ. 1892. № 9. Тифлисъ.
 Ученыя Записки Императорскаго Каз. Университета. 1892, № 6.
 Wisla T. 17, 4. Варшава. 1892.
 Журналъ засѣданія Костромской Архивной Коммиссіи 27 авг. 1892.
 О. О. Чекалинъ. Саратовское Поволжье съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII в. Саратовъ. 1892.
 Протоколъ годичнаго собранія Томскаго Общества Естествоиспытателей и Врачей. Т. 1892.
 Schriften der Physikalisch-Oekonomischen Gesellschaft zu Königsberg. XXXII B. 1891.
 Славянское Обзорѣніе. 1892. Октябрь.
 Родъ Князей Мосальскихъ. Спб. 1892.
 Труды Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Рус. Археол. Общ. Т. XXI. (Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей—Т. II). Спб. 1892.
 Записки И. Р. Археологическаго Общества. Т. VI, вып. 1, 2. Спб. 1892.
 Cescy Lid. R. II, № 2. Praga. 1892.
 А. А. Гвоздаво-Голомбѣвскій. Матеріалы для исторіи г. Саратова. I. Записи книгъ печатнаго приказа. М. 1892.

ЛИТЕРАТУРА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ В. РОССИИ

въ 1892 г.

I. Археологія и исторія искусства.

Труды Орхонской экспедиціи.—Атласъ древностей Монголіи. 1. Сиб. 1892.

Les Inscriptions de l'Orkhon. Helsing. 1892.

Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи. Предвар. отчетъ. Сиб. 1892.

Материалы для характеристики бронзоваго вѣка въ Волжско-Камскомъ краѣ. Ананьинскій могильникъ. П. А. Пономарева. Изв. Каз. Общ. А. И. Э. 1892, 4 и отдѣльно.

Материалы для археологіи Кав. губ. Древняя курганная могила около д. Бальмеръ. *ibid.* кн. 2. А. А. Штукенберга.

Древнія поселенія Яранска о у. П. И. Кротова. *Ibid.* и отдѣльно.

Данныя о городахъ Волжско-Камской Булгаріи. Ошель и его слѣды. П. А. Пономарева. *Ibid.* кн. 2.

Слѣды древняго поселенія въ окрестностяхъ г. Спасска. А. Обрѣзкова. *Ibid.*

Мордва. Истор.-этно. очеркъ. гл. I. И. Н. Смирнова. *Ibid.* кн. 3.

Мары въ Инсарскомъ у. П. И. Кожевникова. *Ibid.*

Городище въ дачѣ с. Большая Тояба. А. Зайцева. *Ibid.*

Худояровъ городокъ. М. Извоцкова. *Ibid.* кн. 4.

---

*) Предлагаю читателямъ настоящій указатель, редакція признаетъ, что онъ не обладаетъ той полнотой, которая желательна. Многихъ областныхъ изданій мы не имѣли подъ руками. Съ наступающаго 1893 г. представляется возможность сдѣлать его болѣе полнымъ. Къ тѣмъ изданіямъ, которыя получались въ 1892 г. прибавились: «Вѣстникъ Европы», «Сѣверный Вѣстникъ», «Русское Богатство», «Кіевская Старина», «Библиографическія Записки», «Библиографъ», «Московскія Церковныя Вѣдомости», «Волгарь» «Саратовскій Дневникъ», «Сарат. Губ. Вѣд.», «Оренбургскій Край», «Пермскія Губ. Вѣд.», «Вят. Губ. Вѣд.». Для того, чтобы дать читателямъ возможность своевременно воспользоваться библиографическими указаніями, редакція будетъ помещать указатель текущей литературы въ каждомъ выпускѣ «Извѣстій», начиная съ 2-го.

Памятники татарской старины въ дачахъ с. Сюкеева. Е. Соловьева, Ibid. кн. 3.

Развалины каменнаго городища близъ с. Русскаго Канадея въ Сывр. у. О. О. Чекалина. Ibid.

Рождественскій курганъ и прилегающія къ нему мѣстности. Т. Яковлева. Ibid.

Кубашевское городище около Царевосанчурска. П. И. Кротова. Ibid.

Значеніе кладовъ съ куваческими монетами, найденныхъ въ Тул. и Ряз. губ. А. И. Черепнина. Ряз. 1892.

Коростовскій кладъ. Его-же.

Земледѣльческія орудія Пермской Чуды. О. А. Теплоухова. «Пермскій край». I, 95—123.

Вещественные памятники каменнаго и бронзоваго періодовъ въ западной части Периской губерніи. Его-же. «Труды Перм. Учен. Арх. Коммисіи». I, 27—63.

Тагильскіе писанные камни. Екат. Нед. № 12. Прилож. стр. 118.

Находки бронзовыхъ и мѣдныхъ орудій близъ устья Чусовой. Екат. Нед. № 23. (Прил. «Зап. Урал. Общ. Естест.» стр. 138—9).

Нефритовый топоръ изъ Н. Тагила. Ibid. № 26, стр. 148.

Постройка старинныхъ Вятскихъ деревянныхъ церквей. А. А. Спицына. Календ. Вят. губ. на 1892, 302—308.

Памятники деревяннаго церковнаго зодчества въ епархіяхъ Новг., Твер, Яросл., Иркут. и Красноярс. XVII и XVIII в. А. Н. Виноградова. Зап. И. Р. Арх. Общ. т. VI, вып. 1—2. и отд. Археологическая находка. Уф. Губ. Вѣд. № 8.

Въ странѣ кедровъ и соболя. И. Словова. Зап. З. С. Отд. И. Р. Геогр. Общ. кн. XII.

Бронзовая статуетка изъ с. Елани Сердоб. у. Сар. Губ. Зап. Импер. Рус. Археол. Общ. т. V, вып. 3—4, стр. 407.

«Въ Златоустовскомъ уѣздѣ» (археол. замѣтки). В. Буренкова. Уф. Т. В.

Quelques remarques sur les cavernes de l'Oural. O. Clerc. Congrès international d'archéol. préhist. et d'anthropologie. 11 Sess. T. I, 113.

Sur les restes de l'époque paléolithique dans les environs de Krasnojarsk. Ibid. 121 sq.

Sur les prétendus objets en néphrite trouvés dans l'Oural. O. Clerc. Ibid. 97.

Les gorodichtchés à ossements dans le nord de la Russie. A. Spitzine. Ibid. 115 sq.

Les gisements d'outil en pierre dans le district de Jaransk p. Krotov. Ibid. 151 sq.

Contributions à l'ethnographie préhistorique de la Russie centrale et du nord-est. J. Smirnov. Ibid. 99 sq.

Quelques données sur les questions 1) de l'existence simultanée de l'usage de la sépulture et de l'incinération, 2) des statues en pierre nommées «Kamennuja Baby». A. Ivanovsky. Ibid. 176. sq.

F. R. Martin. Les antiquités de l'âge du bronze de la Sibérie du Musée de Minousinsk. Stockholm. 1892.

G. Huth. Die Inschrift von Karakorum. Berl. 1892.

Исторія.

Мордва. Историко-этнографическій Очеркъ. Гл. 1. Очеркъ исторіи. Изв. Каз. Общ. А. И. Э. вып. 1, 2, 3, 6.

Оброчныя земли на Вяткѣ. А. А. Спицына. Ibid. вып. 1 и отдѣльно.

Казанская старина. Очерки Казанской жизни въ 40-хъ годахъ. Н. П. Загоскина. Волж. Вѣстн. № 9, 16, 24, 30, 31, 37, 47, 53, 59, 66, 73, 79, 85, 89, 102, 109.

Къ Казанской старинѣ. Его-же. Ibid. № 86.

И. И. Ильминский В. Витевскаго. Каз. Еп. Изв. № 4.

Изъ прошлаго Присурскаго края. А. П. Мельникова. Дѣйствія Ниж. Арх. Ком. Вып. 11.

Нѣкоторыя черты религіозной жизни новокрещенъ — инородцевъ Нижегород. епархіи во 2-й пол. XVIII в. Ниж. Еп. Вѣд. № 1—3.

Крещено-Черемисскій приходъ с. Сумокъ и выдѣлившіеся изъ него приходы Микряковскій и Сарлатовскій. Ibid. № 4, 5.

О древней святынь въ Троицкой единовѣрческой церкви с. Медвѣдева. Ibid. № 3.

Очерки быта сельскихъ священниковъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ нын. стол. Ibid. № 5, 6, 7.

Село Черновское Сергачскаго уѣзда. Ibid. № 10, 11. Н. Г. № 23.

О Починковской духовной гимназіи 100 лѣтъ назадъ. Ibid. Ср. Ниж. Г. В. № 22.

Приходъ села Мангушева Сергач. у. Ibid. № 16. Г. В. № 35, 36.

Путешествіе Преподобнаго Сергія въ Н. Новгородъ и его дружба съ св. Діонисіемъ, основателемъ Нижегородскаго монастыря. Ibid. № 17.

Отношенія Каз. Дух. Академіи къ Нижегород. Семинаріи въ первые 25 лѣтъ существованія Академіи. Ibid. № 18.

По поводу 50-лѣтія церковно-общественной и литературной дѣятельности Макарія, Архіепископа Донскаго и Новочеркасскаго. Ibid. № 20.

Историческое происхожденіе ставленыхъ грамотъ. Ibid.

Село Молчаново Сергач. у. Ibid. № 20. Г. В. № 45.

Русско-татаро-крещенскій приходъ с. Можарокъ Серг. у. Ibid. № 21. Г. В. № 47, 48.

Приходъ с. Покрова Сергач. у. Ibid. № 22. Г. В. № 49.

Къ исторіи монастырей Нижегород. епархіи. Ibid. № 23.

Описаніе древнеписьменнаго Евангелія, хранящагося въ церковномъ древлехранилищѣ при Нижегород. Семинаріи. Ibid. Г. В. № 50.

На Сундовикѣ, въ Жарахъ и на Сици на рѣкѣ. А. С. Гацисскаго. Ниж. Губ. Вѣд. № 3, 28, 31, 33, 37, 42, 48 7, 14, 16, 23, 26.

Св. Діонисій, архіепископъ Суздальскій и митрополитъ всея Россіи, основатель Нижегородскаго Вознесенскаго Печерскаго монастыря. Ibid. № 18, 20, 21, 22.

У Владычняго наслѣдства. Ibid. № 32, 34.

Дѣло о выкупѣ изъ турецкаго плѣна Нижегородца торговаго человека Ларіона Молчанова въ 1645 г. Ibid. № 38, 39. Ср. Дѣйств. Арх. Ком. вып. 16.

Жалованная грамота Козьмѣ Минину. Ibid. № 40. Дѣйств. А. К. вып. XVI.

Матеріалы о Мининныхъ, доставленные Д. А. Корсаковымъ. Ibid. 41. Д. А. К. в. XVI.

А. П. Щаповъ въ Нижнемъ. Ibid. 41. Д. А. К. в. XVI.

Село Волчиха Арх. у. Ниж. г. Ibid. № 43, 45.

Терюшевское дѣйство 1743 г. Ibid. № 4.

Абызы въ погонѣ за тысячами. Ibid. № 10, 12, 14.

Казанскій Университетъ. Сороковые годы. Студента выпуска 1844 — 48 г. «Волгарь», №№ 285, 292, 296, 298, 300.

Два эпизода одной приказной ссоры XVIII в. Петерсона. Пенз. Губ. Вѣд. № 7, 9, 14, 16, 18.

Пенза во время Крымской компаніи. Изъ записокъ старожила. Н. Д. № 45. 46, 47.

Когда и кѣмъ основанъ городъ.

- Пенза? Э. Э. Чекалина. Ibid. № 51.
- Первоначальное поселение на мѣстѣ г. Пензы. Ibid. № 100. Э. Э. Чекалина.
- Городъ Саранскъ и его уѣздъ при Петрѣ Великомъ. Н. К. Остроумцаго. Ibid. № 67, 69.
- Быль-ли Иванъ Грозный въ своемъ походѣ на Казань въ предѣлахъ нынѣшней Пензенской губерніи. Ibid. № 82. Э. Э. Чекалина.
- Возникновеніе Лермонтовской Общественной библиотеки въ городѣ Пензѣ. В. Волжина. Ibid. № 87.
- О сторожевой чертѣ отъ Пензы до Нижняго Ломова. Его-же № 90.
- Матеріалы для исторіи г. Пензы. А. Э. Селиванова. Ibid. № 106.
- Помѣщикъ-типографъ Н. Е. Струйскій. Ibid. № 209.
- Одинъ изъ плеяды знаменитыхъ Пензяковъ (М. Н. Загоскинъ). Ibid. 253, 254.
- Сперанскій въ бытность его Пензенскимъ губернаторомъ. Н. Прозина. Ibid. № 269, 270.
- Изъ записокъ Мѣшкова о городѣ Пензѣ. Ibid. № 261, 264, 267, 271.
- Поселокъ Ступино. Астр. Еп. В. № 2.
- Иосифъ, митрополитъ Астраханскій и Терскій (1656 — 1671). Матвѣева. Астр. Еп. Вѣд.
- Краткія историческія свѣдѣнія о расколѣ въ предѣлахъ Астраханскаго края до пол. XVIII в. Л. Рязанскаго. Ibid. № 7—8.
- О распространеніи христіанства у калмыковъ. К. Костенкова (съ перечнемъ статей о калмыкахъ, напечатанныхъ въ Астр. Еп. Вѣд. за все время ихъ существованія). Ibid. № 13 — 14, 18, 20, 22, 23, 24.
- Программа церковно-историческаго и статистическаго описанія церквей и приходоѡ. Ibid. № 13—15, 18.
- Изъ хивинскаго плѣна (къ исторіи нашихъ столкновеній съ Средней Азіей) Оренб. Г. В. № 30—31.
- Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Т. II. — Труды Вост. Стд. И. Р. Археолог. Общ. Т. XXI. Спб. 1892.
- Извѣстія древнихъ авторовъ о Кавказѣ и Ю. Россіи. В. В. Латышева. Записки Им. п. Р. Археол. Общества т. V. вып. 3 и 4. Прилож. 1—150.
- Саратовское Поволжье съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII в. Э. Э. Чекалина. Саратовъ. 1892.
- Крестыянская колонизація въ Сыр-Дарынской Области. И. Гейгеръ. — Сборн. мат. для стат. Сыр-Дар. Обл. т. II. 201—301.
- Опись дѣламъ, отобраннѣмъ для хранения въ Тамбовскомъ Истор. Архивѣ съ прилож. важнѣйшихъ актовъ (матер. для исторіи татаръ и мордвы). Изв. Тамб. Арх. Ком. вып. XXXIV.
- Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Оренбургскомъ краѣ. Уф. Губ. Вѣд. № 9, 11, 12.
- Нѣсколько словъ о лже-пророкѣ Мансурѣ. П. Юдина. Ibid. № 21—23.
- Хронологическая замѣтка о ханахъ Малой Орды (1732—1825) П. А. Юдина. Ibid. № 27—28.
- Императоръ Александръ I въ г. Уфѣ въ 1824 г. П. А. Юдина. Ibid. № 46—47.
- Бирская явородческая учительская школа (1882 — 1892). Ibid. № 13, 14, 15, 16, 17, 49—50, 52.
- Забытое имя (Полязуновъ, изобрѣтатель паровой машины, 176. .) П. Б-ъ. Екат. Нед. № 35, 37, 43, 45, 48.
- О границахъ древней Перми Великой А. А. Дмитріева. Тр. Перм. Арх. Ком. I, 63—75.
- Князья Великопермскіе, Пермскіе и Вымскіе, 1461—1641. В. В. Голубцова. Ibid. 75—80.
- Матеріалы для исторіи Гороблаго-

- датскаго округа. П. О. Чупина. Ibid. 81—94. (Продолж. «Пермскій Край» I. 123—134).
- Указатель дѣламъ Пермскаго Губернскаго архива, предназначеннымъ къ передачѣ въ Пермскую Ученую Архивную Коммиссію. Ibid. 97—162.
- Происхожденіе названія и судьба Буховина волока. А. А. Дмитріева. «Пермскій Край» I, 134—138.
- Историческій очеркъ гражданскаго устройства Пермскаго края. Балвашевскаго. Пам. Книжка Перм. губ. на 1892 г.
- Ссылка окольничаго Михаила Романова въ Чердынскій край и Ныробскія древности. А. А. Дмитріева. Ibid.
- Древнѣйшіе города Перми Великой — Искоръ и Покча. В. Попова. Ibid.
- Среднія цѣны ржаной муки въ Пермской губерніи съ 1727 по 1862 г. Д. С. Ibid.
- Иванъ Васильевичъ Шипкинъ. В. М. Кал. Вят. г. на 1892 г. 309—313.
- Къ исторіи Вятской гимназіи. А. А. Спицына. Ibid. 314—339.
- Объ историко-этнографическомъ изученіи Вятскаго края. И. Н. Смирнова. Ibid. 157—167.
- Къ вопросу объ изученіи исторической географіи Сибири. Тоб. Губ. Вѣд. № 1—5.
- Архимандритъ Макарій, основатель Алтайской миссіи. Ibid. № 48.
- Изъ записокъ тоболяка морехода И. М. Соловьева. Ibid. № 47—49.
- Книги разрядныя въ официальныхъ ихъ спискахъ, какъ матеріалъ для исторіи Сибиривъ XVII в. К. Б. Газенвинкеля. Каз. 1892.
- Участіе Строгановыхъ въ поступатѣ вномъ движеніи русскаго государства на В. въ XVI ст. Тоб. Г. В. № 23, 24, 27—30, 32 и отдѣльно.
- Изъ Сибирской старины. Новыя свѣдѣнія о митрополитѣ Арсеніи Мацѣвичѣ. Тоб. Губ. Вѣд. № 6.
- Какъ пошло на Руси казачество (казачье преданіе). Ibid. № 6.
- Изъ С.с. Воздушные страхи Тобольска въ старину. Ibid. № 7—8.
- Сибирскій лѣтописецъ. Ibid. № 10—15.
- Изъ С.с. Родословная лѣтопись Рочковскихъ. Къ свѣдѣніямъ о начальной картографіи Сибири. Ibid. № 12.
- Къ свѣдѣніямъ о пребываніи въ Тобольскѣ исторіографа Миллера. Ibid. № 15.
- Государство жалованье послужникамъ Сибирскимъ. Ibid. № 12—14 и отд.
- Второй паекъ (по поводу казачьяго легенды) Ibid. № 11.
- Историческая справка по поводу юбилея города Березова. Ibid. № 15, 28.
- Бытовые черты Тоболяковъ въ XVIII в. Ibid. № 15—16.
- Холерное время 1848 г. въ Тобольскѣ. Ibid. № 30, 31, 35.
- Изъ С.с. Киргизскій Плѣнникъ. Ib. № 37.
- Изъ С.с. Замѣчательные причудники. Ibid. № 41.
- Изъ С.с. О пребываніи Бирона въ Пелымѣ. Ibid. № 42.
- Къ вопросу о времени основанія городовъ Пелыма и Березова, Ibid. 45.
- Къ свѣдѣніямъ о знаменахъ Ермака. Ibid. № 43.
- Къ біографіямъ Нектарія, архіепископа Сибирскаго и Тобольскаго. Ibid. № 36.
- Сибирскій губернаторъ В. И. Суворовъ. Ibid. № 38, 39.
- Кондянскій Троицкій монастырь. Тоб. Еп. Вѣд. № 1—6.
- Историческая справка по поводу юбилея г. Березова. Ibid. № 13—14.
- Дмитріевъ - Мамоновъ. Начало печати въ Сибири. Рефер. въ Тоб. Г.

В. № 33.

Автоній П. Нарожницкій, митрополитъ Тобольскій и Сибирскій. Ibid. № 15—16.

Сильвестръ Готовицкій, митрополитъ Тобольскій и Сибирскій. Ibid. № 17—18.

О жизни и трудахъ св. Димитрія Ростовскаго. Ibid. № 21—22.

Инструкція, данная въ 1763 г. 1 мая митрополитомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ Павломъ протопопу Петру Смольникову, закащику демьянскому, и протопопу Афанасію Туесову, закащику Нарымскому. Ibid. 19—22.

Къ столѣтней годовщинѣ со дня рожденія основателя Алтайской мисіи Архимандрита Мѣкарія. Том. Еп. Вѣд. № 21.

Служба въ Сибири Демьяна Многогрѣшнаго. Чт. въ истор. общ. Нест. Лѣт. Кн. VI. Кіевъ. 1892.

Лѣтопись г. Иркутска, съ 1652 г. П. И. Пежемскаго. (Перепечатка изъ И. Г. В. за 1858 и сл. годы.). Иркут. Губ. Вѣд. № 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29.

Лѣтопись Дюсинской Троицкой церкви. Якут. Еп. Вѣд. № 11—12.

Лѣтопись Агминской Преображ. церкви. Ibid. № 2, 3.

Краткій историческій очеркъ и современное состояніе Камчатки. «Владивостоку» № 1—10.

Этнографія.

а) Общая.

Михайловскій. Шаманство. Сравнительно-этнологическій очеркъ. М. 1892.

Сибирскіе шаманы. Тоб. Г. Вѣд. № 36, 37.

Формы погребенія у древнихъ и совр. народовъ В. Россіи. «Ивв.» вып. 1—5.

б) Частная. 1. Русскіе.

Свадебные обряды и пѣсни Билимбаевского завода Екат. у. П. А. Шилкова. Екат. Нед. № 43—49. Прилож.

Сибирское крестьянское хозяйство Сиб. Лист. № 91, 92.

Экономическій бытъ населенія въ Нарымскомъ краѣ. ibid. 88—90.

Ангарскія письма. Сиб. Лист. №№ 70, 84, 97.

Народное празднество «Три Елочкы» въ Богородской волости Перм. у. О. А. Теплоуховъ. «Пермскій Край» I, 138—149.

«Неплательщики». А. П. Солодовникова. ibid. 254—269.

Село Василевъ Майданъ. Ниж. Губ. В. № 21.

Странствующие учителя. Пенз. Г. В. № 186.

Въ мирѣ расколъ. Е. Кочергина Астр. Еп. Вѣд. № 3, 10.

Оленичевскіе хлысты. М. Тифлова. ibid. № 6.

Современное движеніе между суботниками. ibid. № 21.

Приводы у хлыстовъ села Болдыря. Каз. Еп. Изв. № 13.

Проводы Костромы-весны въ Самар. г. С. Скворцовой. «Ивв.» вып. 1.

Духовные стихи. Изъ рукоп. сбор. XVIII в. А. И. Соколова. ibid. 1, 2, 3.

Загадки Слободскаго уѣзда Вятской губерніи. И. С. Календ. Вят. Губ. на 1892 г. 168—226.

Матеріалы для объяснительнаго областного словаря Вятскаго говора. А. В. ibid. 227—277.

Отчетъ Самарскаго Епархіальнаго Комитета Православнаго Мисіонерскаго Общества за 1891 г. (расколъ) Сам. Еп. Вѣд. № 5.

Отчетъ Братства Святителя Димитрія, Митрополита Ростовскаго за

1890/91 г. Том. Еп. Вѣд. № 3 (расколъ).

Записки миссіонера М. Кандаурова.
ibid. № 4.

2) Финны.

Вѣсти изъ Пелымскаго края (Вогулы). Сиб. Лист. 1892, № 41.

Вѣсти съ Конды (Вогулы и Остяки. Быть. Обрусѣніе. Вымираніе). ibid. № 30, 32, 35.

Письма съ Конды. (Вогулы). Екат. Нед. 1892, № 20.

Чары шамановъ. ibid. Прил. № 44, 45.

Объяснительная записка къ этнографической картѣ Перм. губ. И. Г. Остроумова. Екат. Нед. № 28. (Прилож. Зап. Ур. Об. Л. Е. 151).

Изъ быта Вотяковъ Бирскаго у. Г. А. Аптіева. «Изв. Каз. Общ. А. И. Э.» вып. 1.

Пермячко-Корельскія паралелли. В. А. Мошкова. ibid. вып. 5.

Программа для собиранія свѣдѣній о бытѣ Мордвы. ibid. вып. 6.

Помочи у Мордвы. Этн. Обзор. I, 234.

Поѣздка Преосв. Макарія, епископа Томскаго и Семипалатинскаго въ Нарымскій край (Остяки). Том. Еп. Вѣд. № 2, 9—14.

Арыспай Иглановъ (Остяцкая легенда). Тоб. Губ. Вѣд. №№ 44, 45.

Цынгалинскіе юрты (экон. бытъ Остяковъ). Сиб. Лист. № 92.

Экономическій бытъ населенія въ Нарымскомъ краѣ (Остяки). Сиб. Лист. № 89.

Черемисская Офелія. Повѣсть. «Волж. Вѣст.» № 78, 81. (Перев. съ франц. изъ «Revue des deux mondes», куда попала изъ «Истор. Вѣстн.» за 1891).

3) Тюрки.

Отчетъ о миссіяхъ Томской епархіи—Алтайской и Киргизской за 1891 г. Том. Еп. Вѣд. № 5, 6, 7.

Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты въ Якутской епархіи (распространеніе грамотности среди Якутовъ). Якут. Еп. Вѣд. № 4, 5, 6, 20.

Якутскія письма (очеркъ быта Якутовъ). Сиб. Л. №№ 76—80.

Станица Баянъ-Аульская (св. о Киргизахъ). ibid. № 33, 70, 82.

Очеркъ народной поэзіи Чувашъ-Н. Ашмарина. Этн. Обзор. № 2, 42—65.

Къ этнографіи Башкиръ. Батыръ-Гирей Мухамедова Юлуева. ibid. 216—229.

Аждаха-змѣй въ разсказахъ Башкиръ. Его же. ibid. стр. 245.

Дополненіе къ указателю этнографической литературы о Киргизахъ. А. И. Крахалева. ibid. Отд. II, 71—76.

Дочь моря въ степномъ эпосѣ. Г. П. Потанина. ibid. I, 38—70.

О поѣздкѣ въ Киргизскую степь (калмыцкіе курганы). К. Т. Трофимова. Екат. Нед. Прил. № 8.

Карагазы. Письмо В. В. Блохина. ibid. № 14.

Этнографическо-статистическія данныя о бракахъ у Чувашъ. В. К. Магншцаго. «Изв.» вып. 2.

Киргизскія сказки, собр. Диваевымъ. Сбор. мат. для стат. Сыръ-Дар-Обл. Т. II. Прилож.

Монголы.

Изъ записокъ Чемальскаго миссіонера Алтайской миссіи за 1891 г. (Алтайскіе Калмыки). Том. Еп. Вѣд. № 8.

Рѣчь, сказанная Макаріемъ, епископомъ Томскимъ и Семипалатинскимъ по случаю столѣтняго юбилея со дня рожденія основателя Алтайской Духовной миссіи Архимандрита Макарія. *ibid.* № 22.

Калмыцкія сказки. А. Позднѣва. Зап. Вост. Отд. И. Р. Археологическаго Общества. Т. VI, вып. 1—4.

Арктическіе народы.

О Чукотской землѣ (Свѣдѣнія о Чукчахъ, Юкагирахъ, Ламутахъ). «Владивостоцкѣ». № 33, 35—42 и слѣд.

По поводу драмы на берегу Ледовитаго океана (избіеніе Чукчей). Якут. Еп. Вѣд. № 14, 15.

Отъ Владивостока до Петропавловска (Свѣд. о Камчадалахъ). «Владивостоцкѣ». № 3—4.

Справочныя изданія.

Сибирская библиографія. Межева. Т. I—II. Спб. 1892.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Каз. Губ. Вѣд. (1843—1860). «Изв.» вып. 1.

Указатель статей по археологіи, исторіи и этнографіи, помѣщенныхъ въ журналѣ «Заволжскій Муравей». *ibid.* вып.

Указатель статей по археологіи, исторіи и этнографіи, помѣщенныхъ въ неофициальной части «Симб. Губ. Вѣд.» *ibid.* вып. 3.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Вят. Губ. Вѣд.» А. А. Спицына. (Продолж.) Каз. Вят. губ. 1892, 85—156.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Перм. Епарх. Вѣд.». Пам. Кн. Перм. губ. на 1892 г.

Объявленія «Сибирскаго книжнаго магазина» Макушина въ Томскѣ. №7. Книги о Сибири и сибирской жизни.

Указатель книгъ, вышедшихъ о Сибири. С. Мамѣва. №№ 1—8.

Музеографія.

Музеи Восточной Россіи (Якутскій, Минусинскій, Тобольскій, Томскій, Иркутскій, Уфимскій, Уральскаго Общества Любителей Естествознанія въ Екатеринбургѣ, Каз. Общества Археологіи Исторіи и Этнографіи, Музей Отечества въ дѣлннн при Императорскомъ Каз. Унив., Донской въ Новочеркасскѣ и Красноярскій). «Изв.» Вып. 1—6.

Историческій очеркъ Уфимскаго Губернскаго Музея съ подробнымъ описаніемъ его коллекцій. Уф. Губ. Вѣд. № 2—6.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗ. УНИВЕРСИТЕТА

въ теченіе декабря 1892 напечатаны слѣдующія изданія
Православнаго Миссіонерскаго Общества:

Букварь для киргизовъ. 16°. 50 стр. 1200 экз.

Первоначальный учебникъ русскаго языка для калмыковъ. 8°. 139 стр.
1200 экз.

Букварь для чувашъ. Товали кенеки. 8°. 42 стр. 5000 экз.

Первоначальный учебникъ русскаго языка для луговыхъ черемисъ.
16°. 151 стр. 3000 экз.

Первоначальный учебникъ русскаго языка для чувашъ. 16°. 135 стр.
3000 экз.

Училище благочестія. На чувашскомъ языкѣ. 16°. 36 стр. 6000 экз.

Разсказы изъ священной исторіи ветхаго завѣта. На восточно-черемис-
скомъ нарѣчій. 8°. 41. стр. 600 экз.

Первоначальный учебникъ русскаго языка для Мордвы-Эрзи. 16°. 167
стр. 1200 экз.

Тоже для Мордвы-Моқши.

АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ФОТОГРАФІЯ

К. Т. СОФОНОВА,

Члена-сотрудника Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ универ-
ситетѣ,

Предлагаетъ любителямъ этнографіи и древностей

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

типовъ населенія Волжско-Камскаго края, снимковъ съ древнихъ зданій и
археологическихъ предметовъ. Снимки можно приобретать отдѣльно и аль-
бомами въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ.

Въ настоящее время изготовлены слѣдующіе альбомы:

- 1) Руины Булгаръ. 12 снимковъ (на пластинку). Цѣна въ коленкор.
перепл. 5 р.
- 2) Древности Ананьинскаго могильника. 8 снимковъ (6 на пласт. и
2 на $\frac{1}{2}$ пласт.). Цѣна въ коленк. перепл. 2 р. 75 к.

Изготавливаются:

- 1) Казань старая и новая.
  - 2) Народы Поволжья.
  - а) Русское населеніе Казанской губерніи.
  - б) Чуваши
  - в) Черемисы
  - г) Мордва
  - д) Вотяки
- типы, формы построекъ, утварь, костюмы, картины
быта (занятія, обряды).
- 3) Волга въ предѣлахъ Казанской губерніи. Виды прибрежныхъ горо-
довъ и селеній въ разливъ и межень. Типы волжскихъ судовъ. Картины
береговъ.

Адресъ: Казань, Адмиралтейская Слобода, д. Терпиловскаго, фото-
графу К. Т. Софонову.

Въ 1893 г. „Извѣстiя“ Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (въ первыхъ числахъ января, марта, мая, iюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Въ содержанiе каждой книжки входятъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологiи, исторiи и этнографiи;
- 2) Специальныя изслѣдованiя и статьи по археологiи, исторiи и этнографiи Восточной Россiи (Новая Азия (Средней Азии и Сибири));
- 3) Материалы археологическiе, историческiе и этнографическiе, относящiеся къ Восточной Россiи: мелкiя оригинальныя сообщенiя, акты, переводы народныхъ творчествовъ, словари вънородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченiя изъ периодическихъ изданiй Восточной Россiи;
- 4) Хроника: извѣстiя о музеяхъ Восточной Россiи, о находкахъ, раскопкахъ, обрѣдкахъ, изслѣдыванiяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ заседанияхъ русскихъ ученыхъ обществахъ рефератахъ, имѣвшихъ отношенiе къ Восточной Россiи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологiи, исторiи и этнографiи Восточной Россiи; отдѣльныя вопросы редакцiи;
- 6) Библиографiя: сборъ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ периодическихъ изданiй, имѣвшихъ отношенiе къ археологiи, исторiи и этнографiи Восточной Россiи.

Въ первыхъ книжкахъ «Извѣстiя» за 1893 г. будутъ напечатаны между прочимъ, слѣдующiя статьи: «Давныя о горахъ Волжской Булгарiи» П. А. Новомарева; «Материалы для характеристичной бронзовой эпохи въ Волжско-Камскомъ краѣ» Е. Г. Же; «Древнiя мѣдныя орудiя въ Каз. губ.» А. А. Штукенберга; «Древности Костром. губ.» Е. Г. Же; «Тяжелая земля на Вяткѣ въ XVII в.» А. А. Спицына; «Формы жилищъ и селенiй у гардовъ В. Россiи» (своимъ извѣстiямъ путешественниковъ и этнографовъ, въ составленiи котораго примутъ участiе К. И. Воронковъ, П. И. Биряловъ, А. Б. Кулагинъ, М. И. Пинегинъ, П. В. Траубенбергъ); «Мордва. Историко-этнографическiй очеркъ» В. Н. Смирнова (отдѣлъ этнографическiй); «Черемисы Арбанской волости» Н. Тромбкой; «Замѣтки о Мордвѣ Нижегородской губерши» А. Д. Смирнова; «Материалы для характеристичной музыкальнаго творчества из ородеи Волжско-Камскаго Края» В. А. Машкова; «Кара-Якубовская волость Белеб. у. Уф. губ.» Н. А. Наноскова и др.

Въ видѣ приложений къ «Извѣстiямъ» будутъ печататься двѣ серiи изданiй:

- 1) Материалы для этнографiи Новолжья. I. «Черемисско-русскiй словарь» В. П. Троицкаго. II. «Мордовско-русскiй словарь» М. Е. Епсеева.
- 2) Археологическая Библиотека «Извѣстiй». I. Мѣдныя вѣлы въ Европѣ. М. Мухъ. Пер. съ нѣм.

Цѣна годовому изданiю 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающiе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 iюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесши членскiй взносъ въ размѣръ 5 р., получаютъ изданiе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи.

«Извѣстiя» выходятъ подъ редакцiей Секретаря Общества при ближайшемъ участiи членовъ редакцiоннаго комитета.

Включившiеся отдѣльныя выпуски стѣ Общества за пересылку не платятъ.

17-368 Мкрб922

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ XI, вып. 2.

СОДЕРЖАНІЕ.

Данія о городахъ Волжской Булгаріи. Ш. Кашанъ. П. А. Пономарева . . . . . 111—138.

Изъ области лингвистической археологіи. Слово «хомугъ» въ аrio-европейскихъ и урало-алгайскихъ языкахъ. В. А. Богородицкаго . . . . . 139—146.

Башкиръ Саловатъ Юлаевъ, Пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. Р. Г. Игнатъева . . . . . 147—166.

Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи Чувашскихъ пѣсень. (Продолженіе) В. А. Мошкова . . . . . 167—182.

Матеріалы. Кара-якуповская волость. И. А. Ивановска. Духовные стихи. Сообщ. А. И. Соколовъ. Захватъ купля и продажа

инородковъ въ Якутской волости въ XVII в. Н. Н. Бакай . . . 183—193.

Хроника. На текуція тѣмы. И. Н. Смирнова . . . . . 194—197.

Корреспонденція. Письма изъ Гельсингфорса. I. Г. Вихмана . . . . . 198—200.

Музеографія. Новѣйшія пріобрѣтенія музея Уральскаго Общ. Люб. Исст. Д. И. Лобанова . . . 201—203.

Библиографія. Ditmar's Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851—1855. 1 Theil. Historischer Bericht nach den Tagebüchern.—Beiträge zur Kenntniss des russischen Reiches und angränzen. Länder Asiens. 3 Folge. VII. S. Petersb. 1890. И. Н. Смирнова. 204—213.

Приложеніе. Черемисско-русскій словарь. В. П. Троицкаго . . . . . 1—24.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1893.

Вышелъ 1-го марта

СКЛАДЪ ОТТИСКОВЪ

ИЗЪ ПЕРИОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНИЙ В. РОССИИ.

Чтобы облегчить лицамъ, занимающимся археологіей, исторіей и этнографіей В. Россіи, возможность пользоваться тѣмъ, что въ настоящее время появляется въ періодической печати этого края, редакція «Издвствій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ» покорнѣйше проситъ авторовъ статей, имѣющихъ археологическое, историческое и этнографическое содержаніе и помѣщенныхъ въ мѣстныхъ «Губернскихъ» или «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (описанія приходовъ, сель, волостей и т. п.) присылать въ книжный магазинъ Н. Я. Башмакова въ Казани по 5—10 оттисковъ своихъ статей или №№ тѣхъ изданій, гдѣ онѣ помѣщены, съ обозначеніемъ ихъ цѣнности. Редакція «Издвствій» съ своей стороны выражаетъ готовность бесплатно печатать объявленія о поступившихъ въ складъ оттискахъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

НА

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАНИЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ДЛЯ НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

На 12 мѣсяцевъ . . . 7 р.		На 6 мѣсяцевъ . . . 4 р.
— 11 — . . . 6 — 50 к.	↑	— 5 — . . . 3 — 50 к.
— 10 — . . . 6 —	↓	— 4 — . . . 3 —
— 9 — . . . 5 — 50 —	↑	— 3 — . . . 2 — 50 —
— 8 — . . . 5 —	↓	— 2 — . . . 2 —
— 7 — . . . 4 — 70 —	↑	— 2 — . . . 1 —

Иногородные необязательные подписчики, сверхъ того, прилагаютъ на пересылку по почтѣ 80 к. при подпискѣ отъ 12 до 10 мѣс.; 60 к.—отъ 9 до 7 мѣс.; 40 к.—отъ 6 до 3 мѣс. и 30 к. отъ 3 мѣс. и менѣе.

Подписная плата для обязательныхъ подписчиковъ 7 р. въ годъ безъ различія городскихъ отъ иногородныхъ.

Подписка принимается: въ Ташкентѣ, въ конторѣ редакціи Туркестанскихъ Вѣдомостей.

Мкр 6922

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ XI, вып. 2.

СОДЕРЖАНІЕ.

Данныя о городахъ Волжской Булгаріи. III. Кашанъ. П. А. Пономарева . . . . . 111—138.

Изъ области лингвистической археологии. Слово «хомутъ» въ аrio-европейскихъ и урало-алтайскихъ языкахъ. В. А. Богородицкаго . . . . . 139—146.

Башкиръ Саловатъ Юлаевъ, Пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. Р. Г. Игнатъева . . . . . 147—166.

Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи Чувашскихъ пѣсенъ. (Продолженіе) В. А. Мошкова . . . . . 167—182.

Матеріалы. Кара-якуповская волость. И. А. Изюскова. Духовные стихи. Сообщ. А. И. Соколовъ. Захватъ купля и продажа

инородокъ въ Якутской волости въ XVII в. Н. Н. Бакай . . . 183—193.

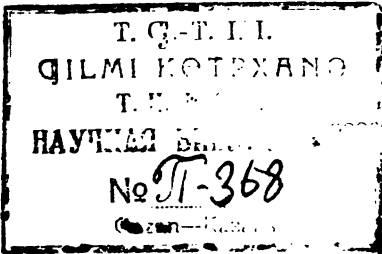
Хроника. На текущія тѣмы. И. Н. Смирнова . . . . . 194—197.

Корреспонденція. Письма изъ Гельсингфорса. I. Г. Вихмана . . . . . 198—200.

Музеографія. Новѣйшія приобрѣтенія музея Уральскаго Общ. Люб. Исст. Д. И. Лобанова . . . 201—203

Библиографія. Ditmar' Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851—1855. 1 Theil. Historischer Bericht nach den Tagebüchern.—Beiträge zur Kenntniss des russischen Reiches und angränzen. Länder Asiens. 3 Folge. VII. S. Petersb. 1890. И. Н. Смирнова. 204—213.

Приложеніе. Черемисско-русскій словарь. В. П. Троицкаго . . . . . 1—24.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1893.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря И. Смирновъ.

ДАВННЯЯ О ГОРОДАХЪ КАМСКО-ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ.

(*отъ археологическихъ изысканій*).

III.

БУЛГАРСКИЙ ГОРОДЪ КАШАНЬ.

Татарь Казанской губернии, особенно у муллы, до сихъ поръ бережно сохраняются старинныя рукописи, касающіяся прошлаго Камско-Волжской Булгарии. Отличался легендарнымъ характеромъ, противорѣчiami и сбивчивой хронологией, онъ тѣмъ не менѣе не лишены значенія и, на ряду съ устными преданіями и пѣснями, могутъ служить до извѣстной степени для дополненія и освѣщенія скудныхъ историческихъ матеріаловъ. Иногда на ихъ долю выпадаетъ и болѣе высокая честь: быть единственнымъ источникомъ, который выдвигаетъ изъ прошлаго фактъ совершенно невѣдомый.

Нѣкоторыя изъ татарскихъ сказаній касаются, между прочимъ, разгрома Булгарии Аксакъ Тимуромъ (Тамерланомъ). Фактъ этотъ, какъ извѣстно, не установленъ въ наукѣ и не имѣетъ поэтому значенія достовѣрнаго историческаго событія, но народная память настойчиво держится за него и грозное имя Тимура настолько слилось съ прошлыми судьбами мѣстнаго края, что вы услышите о немъ почти въ каждомъ татарскомъ аулѣ юго-восточной полосы Казанской губернии, а иногда даже и русскій крестьянинъ расскажетъ вамъ какое-нибудь

мѣстное преданіе, героемъ котораго является все тотъ же „Темиръ Ясакъ-желѣзная нога“¹⁾).

Изъ этихъ легендъ необходимо остановиться въ настоящемъ очеркѣ только на одномъ поэтическомъ эпизодѣ, въ которомъ промелькнуло имя болгарскаго города, совершенно неизвѣстнаго по другимъ источникамъ.

При взятіи Тимуромъ города Булгара—гласятъ татарскія рукописи²⁾—ханъ Абдуллахъ съ женами и нѣкоторыми дѣтьми заперся въ судейской палатѣ. Но это зданіе, по приказанію побѣдителя, обложили снизу до верху бревнами, облитыми горючими веществами, и зажгли. Ханъ и всѣ бывшіе съ нимъ погибли. Спаслась только одна дочь Абдуллаха, которую за необыкновенную красоту называли въ Булгарѣ райской гуріей, а за набожность, цѣломудріе и добродѣтель почитали святою. Огонь не коснулся непорочной дѣвушки. Невредимая, сидѣла она на сводѣ сгорѣвшаго зданія въ бѣломъ одѣяніи праведнаго муллы Хисамуддина, могила котораго и до нынѣ почитается магометанами. Тимуръ, пораженный чудомъ, а также умомъ и красотой „несгораемой царевны“, даровалъ ей жизнь и взялъ съ собою въ Самаркандъ съ однимъ изъ ея братьевъ Шеуне-бекомъ, которому также удалось избѣгнуть гибели.

Изъ прочихъ дѣтей Абдуллаха спаслись еще два малолѣтнихъ сына Алтынъ-бекъ и Галымъ-бекъ. Скрытые въ дѣсу во время погрома, они впоследствии основали на р. Казанкѣ городъ Казань.

Что-же касается идеальной болгарской царевны и Шеунабека, то имъ, по смерти Тимура, удалось освободиться изъ плѣна и пробраться на родину. Вначалѣ они нашли себѣ пріютъ въ городѣ К а ш а н ѣ, гдѣ царевичъ скрывалъ свое настоящее званіе подъ профессіей учителя, но потомъ, узнавъ о судьбѣ братьевъ, переселились къ нимъ въ Казань. Здѣсь царевна вышла замужъ за сподвижника основателей Казани—муллу Хозя-

¹⁾ Въ первой главѣ этихъ «замѣтокъ» (Ошель и его слѣды) т. Х.. в. III, ст. 280.

²⁾ «Повѣсть о несгораемой царевнѣ», «Баянъ Дастанъ удъ тарихъ и др.

таза, который у мѣстныхъ мусульманъ также почитается за святого. Они и донинѣ приѣзжаютъ изъ ближайшихъ городовъ и селеній для молитвы къ тому ключу, который выбиваетъ изъ земли близъ его могилы въ Иски Казани ³⁾).

Въ этой поэтической легендѣ представляются особенно существенными двѣ детальныя черты: 1) упоминаніе имени болгарскаго города *К а ш а н а*, неизвѣстнаго по другимъ источникамъ, и 2) обособленіе этого города отъ Казани, устраняющее возможность смѣшивать ихъ между собою.

Существованіе въ Великой Бугаріи г. *К а ш а н а* подтверждается и татарскимъ историкомъ Шерефъ-эд-диномъ, современникомъ покоренія Казани русскими. Въ своемъ „Изложеніи болгарскихъ повѣствованій“ ⁴⁾ онъ опредѣляетъ даже мѣстоположеніе этого города, хотя и въ слишкомъ общей формѣ: „На берегу Камы“, говоритъ онъ, „стоялъ городъ, называемый *К а ш а н ъ*“.

Мѣстные любители старины Кондыревъ, Кафтанниковъ и Мельниковъ упоминаютъ о мѣстоположеніи слѣдовъ этого города нѣсколько опредѣленнѣе. Первый изъ нихъ еще въ 1812 году сообщалъ, что онъ „осмотрѣлъ на высотахъ берега Камы, близъ с. Шурана, городокъ *К о ш а н с к і й*“. Изъ бумагъ Кафтанникова видно, что онъ въ 1818 году предпринималъ специальную поѣздку „для изслѣдованія древняго города *К о ш а н а* или *К о ж а н а*, нѣбогда находившагося поблизости татарской деревни Елговъ и села Шурана“. Мельниковъ въ 1862 году отмѣтилъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ, что „повыше Шурана, между волнистыми падами и береговыми долинами“, стоялъ въ старину „древній болгарскій городъ *К ошанъ*“ ⁵⁾.

³⁾ Городище «Иски Казань», т. е. Старая Казань, находится въ 45 верстахъ отъ нынѣшней Казани, въ средней части теченія р. Казанки.

⁴⁾ «Таварихъ Бугаріа» составлены въ 1551 году.

⁵⁾ Дневная записка и рапортъ Кондырева сов. Каз. универ. въ 1812 г.; бумаги Кафтанникова, напечатанныя Кавелинымъ въ 1847 г. (Библиотека для чтенія, т. 81); статья Мельникова «Отъ Чистополя до с. Богородскаго» («Каз. губ. вѣд.», 1862 г., № 36).

Этими скудными данными и ограничивались мои свѣдѣнія о мѣстоположеніи Кашана, когда весной 1879 года мой бывшій сослуживецъ К. Г. Дембровскій предложилъ мнѣ провести вакаціонное время въ его усадьбѣ при с. Шуранѣ.

Заинтересованный его рассказами о мѣстныхъ находкахъ и древнихъ валахъ, я въ началѣ іюня пріѣхалъ въ Шуранъ и въ теченіе 1½ мѣсяцевъ, расширяя постепенно кругъ наблюдений, обошелъ всю береговую полосу отъ с. Шурана до д. Сорочья Горы, длиною верстъ въ 8—10. При этомъ обнаружены были ясныя слѣды 7 древнихъ поселеній и собрана значительная коллекція древнихъ вещей изъ глины, камня, кости, красной и желтой мѣди, желѣза, серебра и золота *).

Археологическая фізіономія шуранскихъ окрестностей оказалась довольно сложной и уже при первомъ взглядѣ свидѣтельствовала о существованіи здѣсь культурныхъ наслоеній, принадлежащихъ различнымъ эпохамъ. Съ цѣлью разобратъ въ этомъ матеріалѣ, я въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ посвящалъ шуранскимъ окрестностямъ часть лѣтняго времени и производилъ болѣе или менѣе значительныя раскопки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ представлялась къ тому возможность.

Что касается перваго года изысканій, то я, кромя общаго обзора мѣстности, остановился главнымъ образомъ на вопросѣ о распространеніи здѣсь болгарской культуры вообще и о мѣстоположеніи слѣдовъ города Кашана въ частности.

Матеріалы, собранные мною для разрѣшенія послѣдняго вопроса, и излагаются въ настоящемъ очеркѣ.

Характеръ Шуранскаго побережья. Версть на 20 выше г. Лаишева, между устьями Шуранки и Ошняка, Кама образуетъ дугообразный изгибъ. Здѣсь на протяженіи

*) Коллекція эта, въслѣдствіи значительно пополненная, пожертвована музею Каван. Общ. А. И. и Э.

12 верстѣ, правый берегъ представляетъ волнистую горную равнину, состоящую изъ бурыхъ глинъ, прикрытыхъ сверху черноземомъ, а снизу опирающихся на пермскіе известняки верхняго яруса, ясно выступающіе въ береговыхъ осыпяхъ. Нагорье это, гребень котораго поднимается до 40 сажень и проходитъ отъ Камы версты за двѣ, опускается къ рѣкѣ почти отвѣсными кручами, высотой отъ 10 до 30 сажень; въ противоположную сторону нагорье понижается болѣе отлогимъ скатомъ къ долинамъ Шуранки и Ошняка, которыя въ верхнихъ частяхъ сближаются между собою и такимъ образомъ опоясываютъ возвышенность съ трехъ сторонъ—западной, северной и восточной.

При такомъ рельефѣ и размѣщеніи пластовъ, атмосферныя осадки, задерживаемые глиной, скоплялись на незначительной глубинѣ и почти у самаго гребня пробивались наружу многочисленными ручьями. Дѣйствуя разрушительно на почву, особенно во время движенія снѣговыхъ водъ, ручьи эти уже въ стародавніе годы прорыли глубокіе и ущелистые овраги: Машковъ, Долгій, Войкинъ, Рыжный, Гремячій и Средній. Первый изъ нихъ находится въ самой восточной части нагорья и сближается верховьями съ боковыми развѣтвленіями долины Ошняка, а всѣ прочіе—занимаютъ западную и притомъ болѣшую часть возвышенности и группируются вершинами близъ, такъ называемаго, Студенаго ключа.

Горныя площади, расчлененныя этими оврагами, теперь уже повсемѣстно распаханы, но еще въ концѣ прошлаго столѣтія и даже въ началѣ настоящаго вся береговая сторона ихъ покрыта была вѣковыми лѣсами. У Масловцевъ сохранилось живое преданіе, какъ они „чистили гору“ между Ошнякомъ и Машковымъ оврагомъ: „вѣковые лѣса рубили, пни корчевали... пахать-боронить стали—соха-борона не беретъ, еловыми вершинами землю подымали“... Происходило это вскорѣ послѣ Пугачевщины, когда—по словамъ Солнцева—помѣщица Родіонова „крестьянамъ супруга своего, преданнымъ шайкѣ злодѣя (которому и способствовали къ убійству своего

помѣщика), учинила вполнѣдствіи времени памятное наказаніе, приказавъ разработать въ с. Масловкѣ, на высокой горѣ, дикую, недоступную до толѣ пустошь¹⁾). Еще на памяти шуранскихъ стариковъ по всѣмъ окрестнымъ угорамъ торчали громадныя пни и значительная часть теперешней пашни покрыта была крупнымъ лѣсомъ. Не далѣе, какъ въ половинѣ прошлаго вѣка Шуранъ былъ еще чисто разбойничьимъ гнѣздомъ. Вооруженная дворня Андрея Нармацкаго разбивала на Камѣ цѣлыя караваны²⁾). О разбойникѣ Быковѣ, который всего лѣтъ 50 тому назадъ наводилъ страхъ на всю низовую Каму, сохранился въ Шуранѣ цѣлый кругъ легендъ. „Есть тутъ въ Войкиномъ оврагѣ землянка“, рассказываютъ между прочимъ крестьяне, „добра всякаго въ этой землянкѣ тьма-тьмуца; схоронилъ его здѣсь Быковъ и заперъ землянку замкомъ, а ключъ камнемъ закрылъ и заговоръ на него положилъ. Кто ключъ добудетъ, тому и землянка откроется. Камень многіе видали, да только слова не знали, какое тутъ нужно. Кинется онъ въ глаза и сгинетъ. А лежитъ тотъ камень въ яблочковомъ саду. Яблочки такія вкусныя, что слаще нигдѣ нѣтъ. Ъсть ихъ можно, сколько хочешь, а домой уносить нельзя: до той поры дороги не найдешь, пока не выбросишь все, что набралъ“...

Теперь крупнаго строевого лѣса на шуранскихъ угорахъ уже нѣтъ. Дровяной лѣсокъ сохранился только на площади, прилегающей къ Долгому оврагу. По прочимъ оврагамъ и береговымъ кручамъ только мѣстами остались непролазныя чащи мелкаго чернолѣся, въ которыхъ преобладаютъ дубокъ, лина, береза, кленъ, орѣшникъ, рябина и калина. Но кое-гдѣ, продираясь черезъ эти дебри, я встрѣчалъ немало и плодовыхъ деревьевъ: торна, дикаго вишневика и дикой яблони, послу-

¹⁾ Подробности въ моей статьѣ о Родионовой («Историческій Вѣстникъ», 1887 г., к. 4).

²⁾ Подробности въ моей статьѣ о Нармацкомъ («Историч. Вѣстникъ», 1881 г., к. 4).

жившихъ, вѣроятно, основаніемъ для легенды объ яблоновомъ садѣ.

Съ истребленіемъ лѣсовъ измѣнились значительно и мѣстныя гидрографическія условія. Обнаженные отъ зарослей овраги обратились въ суходола. Изъ ручьевъ болѣе сохранились только Прудокъ, образующій живописныя каскады въ Долгомъ оврагѣ и Гремячій, берущій начало изъ Студенаго ключа и едва замѣтной струей пробирающійся по дну Гремячаго оврага. Отъ мельницы, существовавшей на этомъ нѣкогда сильномъ и шумномъ потокѣ, сохранилась память только въ названіи дороги „подъ мельницу“.

Что касается Камы, то она въ Шуранскомъ плесѣ и доннѣ еще извѣстна рыбными ловлями. Отсюда и названіе Рыбной слободы—обширнаго селенія, находящагося верстѣ на 5 выше Мословки. „Кашанская заводь“—протокъ между правымъ берегомъ Камы и лѣсистымъ Сорочинскимъ островомъ съ его рыбными озерами и разнообразной дичью—была въ прошломъ столѣтіи рыболовнымъ угодьемъ Казанской Седмиозерной пустыни. Рыболовныя ватаги при д. Сорочьи горы и теперь еще извѣстны своею стерлядью.

Въ заключеніе этого краткаго физико-топографическаго очерка необходимо упомянуть, что въ описываемомъ районѣ располагается въ настоящее время семь селеній: на кручахъ Камскаго берега—с. Шуранъ (между рч. Шуранкой и Гремячимъ оврагомъ) и д. Сорочьи Горы (между оврагами Долгимъ и Машковымъ); на взгорьѣ праваго берега Ошняка—с. Масловка и д. Дмитріевка; по верхнему теченію Шуранки—три татарскія деревни: Мурзь-Сабакаево, Малые и Большіе Юлги.

Не пустовала эта мѣстность и въ стародавніе годы. Ея малодоступныя береговья кручи, труппные овраги, глухіе лѣса, черноземная почва и многоводная рыбная рѣка, представляя завидныя удобства для защиты, звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, земледѣлія и торговыхъ сношеній,—манили къ себѣ насельника и въ отдаленное отъ насъ время.

Слѣды этихъ аборигеновъ края разсѣяны здѣсь повсемѣстно и подраздѣляются на три категоріи: каменные орудія, городки съ культурою звѣролово-рыболовной и городки, характеризующіе бытъ земледѣльской.

1) Каменные орудія. Въ Шуранѣ и Сорочьихъ Горахъ я приобрѣлъ отъ крестьянъ нѣсколько десятковъ каменныхъ орудій. Большая часть ихъ—шлифованные топоры и долота, меньшая—наконечники стрѣлъ и копій. Всѣ они изъ кремня, кромѣ одной кварцитовой стрѣлки. Условія находки совершенно тождественны: „выпаханы на горахъ“. Такихъ пунктовъ, гдѣ они залежали-бы въ значительномъ количествѣ, сопровождааясь и другими памятниками, характерными для каменнаго вѣка, никому не встрѣчалось. Мѣстныя каменные орудія разсѣяны спорадически по всему шуранскому району и залегаютъ обыкновенно въ пахатномъ слоѣ⁹⁾.

2) Становища звѣролововъ и рыболововъ. Въ окрестностяхъ Шурана и Сорочьихъ Горъ я открылъ слѣды четырехъ древнихъ поселковъ съ однородной культурой, характеризующей бытъ по преимуществу звѣролово-рыболовныи. Почти всѣ предметы домашняго и охотничьяго быта, присущіе культурному слою этихъ городковъ, выдѣланы изъ кости; посуда вылѣплена безъ помощи станка¹⁰⁾.

3) Поселки земледѣльцевъ. Въ томъ-же районѣ я встрѣтилъ также три пункта, опредѣленно указывающіе на культуру земледѣльческую. Всѣ бытовые памятники, содержащіеся въ почвѣ городищъ этой послѣдней категоріи, совершенно тождественны съ памятниками болгарскихъ горо-

⁹⁾ Мѣстныя крестьянки продаютъ ихъ не совсѣмъ охотно, такъ какъ большая часть ихъ уже утрачена во время пожаровъ, а сохранившіеся экземпляры употребляются для врачеванія. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, кам. орудія считаются «громовыми стрѣлами»; ими лѣчатъ отъ колотья въ груди, «когда спирается духъ», при чемъ больныхъ или поятъ водой, спущенной со «стрѣлки» или покалываютъ ею по больному мѣсту.

¹⁰⁾ Подробности объ этихъ городкахъ изложены будутъ въ особой главѣ моей статьи «Матеріалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волж. края».

динцъ нашего края и такимъ образомъ ясно свидѣтельствуютъ, что древній мѣстный земледѣлецъ былъ болгаринъ.

Эти слѣды болгарскаго населенія на шуранскомъ побережьѣ и предстоитъ разсмотрѣть, чтобы подойти къ рѣшенію вопроса о мѣстоположеніи г. Кашана.

Но предварительно необходимо еще разсмотрѣть: есть-ли вообще основаніе предполагать слѣды Кашана именно въ этой мѣстности, а не въ другой какой-либо части камскаго берега, входившей въ составъ великой Булгаріи.

Этотъ вопросъ представляется тѣмъ болѣе естественнымъ, что краткія показанія Кондырева, Мельникова и Кафтабникова, какъ ничѣмъ не мотивированныя, лишены убѣдительности. Мельниковъ даже и не былъ здѣсь, а только проѣзжалъ мимо на товарной баржѣ. Кафтабниковъ, хотя и пріѣзжалъ сюда съ цѣлью спеціальнаго изслѣдованія и даже получилъ „отъ ученаго елгинскаго муллы многія свѣдѣнія“; но о результатахъ его изысканій не сохранилось никакихъ данныхъ.

Тѣмъ не менѣе эти показанія правдоподобны. Еще г. Шпилевскій, говоря о Кашанѣ, нашелъ возможнымъ привести въ пользу ихъ слѣдующіе факты: Лаптевъ упоминаетъ о существованіи Кашанской горы, близъ которой есть перевозъ черезъ Каму изъ Шурана въ Мурзиху¹¹⁾; П. З. указываетъ въ этой же мѣстности рыболовную „Кашанскую заводь“, бывшую въ прошломъ столѣтіи угодемъ Казанской Седмозерной пустыни¹²⁾; наконецъ, на лѣвомъ берегу Камы, верстахъ въ 5—7 отъ Мурзихи, слѣдовательно противъ Кашанской горы, есть д. Кашанова.

При наличности такихъ фактовъ, принимая во вниманіе, что имя забытаго болгарскаго города не сохранилось въ названіяхъ урочищъ въ другихъ частяхъ камскаго берега, и становится неизбѣжнымъ искать слѣды Кашана въ предѣлахъ описываемаго района.

¹¹⁾ Матеріалы для геогр. и стат. Россіи. Казанская губернія. Спб. 1861 г., ст. 97.

¹²⁾ «Правосл. Собесѣдникъ», Казань, 1869 г., № 11, ст. 237.

Начинаю выполнение этой задачи съ характеристики той горной площади, которая называется „городкомъ“ и черезъ которую проходить дорога къ „весеннему перевозу“ отъ шурванскаго берега на Мурзиху.

„Городокъ“. На одну версту ниже д. Сорочьи Горы, на Долгимъ оврагомъ, правый берегъ Камы, на протяженіи около версты, образуетъ высокую ровную площадь, отдѣленную отъ крутой горы, называемой Кашановой шишкой, узкимъ и короткимъ, но глубокимъ ущельемъ. Поднимаясь сажень на 15 надъ Камой, площадь эта круто обрывается къ рѣкѣ и боковымъ оврагамъ, а съ доступной стороны ограждена валомъ и ровомъ, примыкающими однимъ концомъ къ Кашанскому ущелью, а другимъ—къ вершинѣ Долгаго оврага.

Главная часть укрѣпленія находится въ сторонѣ ущелья. Здѣсь, на протяженіи 80 саж. укрѣпленіе состоитъ изъ двухъ валовъ, между которыми находится ровъ. Далѣе, на всемъ остальномъ протяженіи укрѣпленія, наружный валъ исчезаетъ. Пересѣченное тремя узкими воротами на 40, 90 и 250 сажени, укрѣпленіе въ общей сложности тянется на 314 саж.; средняя высота валовъ и глубина рва—не менѣе сажени, а ширина ихъ—не менѣе 3 саж.

Мѣстные крестьяне не приурочиваютъ къ этой укрѣпленной площади никакихъ преданій и называютъ ее просто „городкомъ“. „Городокъ“, занимающій около 75 десятинъ, покрытъ крупнымъ дровянымъ листовымъ лѣсомъ—„заказникомъ“, нивогда не распахивался и находокъ на немъ не встрѣчалось. Только весной 1878 года выпаванъ былъ близъ входа въ „городокъ“ со стороны Долгаго врага приобрѣтенный мною длинный желѣзный мечъ съ золотой насѣчкой и арабской надписью. Кромѣ того, много лѣтъ тому назадъ, при проведеніи чрезъ „городокъ“ весенней дороги къ перевозу, найдено было нѣсколько пушечныхъ ядеръ небольшого калибра²⁵⁾.

²⁵⁾ Объ этомъ сообщено мнѣ кугарчинскимъ муллою Зантовымъ. Можно думать, что эти ядра выпущены были изъ небольшихъ пушекъ, употребленныхъ на судахъ съ уральскимъ желѣзомъ, или съ «горкоутовъ» гѣхъ.

Неопредѣленность этихъ данныхъ побудила произвести развѣдки. Я прошелъ по окраинамъ городка, осмотрѣлъ осыни, водородины; исходилъ по разнымъ направленіямъ „заказникъ“, разрѣзывая почвенный слой небольшими траншеями, но нигдѣ не находилъ ни малѣйшихъ слѣдовъ человѣка: ни одного черепка посуды, ни одной кости, обыкновенно въ такомъ изобиліи попадающихся на другихъ городищахъ. Полное отсутствіе культурныхъ остатковъ на поверхности „заказника“ выяснилось еще опредѣленнѣе черезъ нѣсколько лѣтъ, когда мѣстный землевладѣлецъ г. Чижевскій расчистилъ и распахалъ часть городка подлѣ самыхъ валовъ. При корчеваніи пней и распахивѣ, не смотря на тщательный осмотръ земли, не обнаружено было никакихъ памятниковъ человѣческаго быта. Пройдя эту пашню по всѣмъ направленіямъ, я также не встрѣтилъ здѣсь ничего, что могло-бы указать на слѣды жительства.

Въ виду всего этого и нѣтъ ни малѣйшихъ основаній предполагать, что г. Кашанъ находился въ этомъ пунктѣ. Нѣтъ даже возможности доказать, что описанные выше валы насыпаны булгарами; по внѣшнему виду своему они ничѣмъ не отличаются отъ болгарскихъ, но подобныя сооруженія могли принадлежать и русскому помѣщику. Въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ экономіяхъ и до сихъ поръ устраиваютъ подобныя преграды для защиты лѣсныхъ участковъ отъ скота. Единственный фактъ, который можетъ говорить опредѣленно въ пользу болгарскаго происхожденія городка—это желѣзный мечъ съ арабской надписью; но и онъ найденъ былъ не на городѣ, а только близъ него, на прилегающемъ полевомъ участкѣ, гдѣ также не встрѣтилось болѣе никакихъ слѣдовъ человѣка.

Городокъ на Ежевичной стрѣлкѣ. Версты за 1½, къ сѣв. отъ д. Сорочьи Горы, въ самой вершинѣ Машкова оврага, между двумя его развѣтвленіями или „отногами“—Ежевичнымъ и Ждановымъ, выдается возвышенная тре-

---

воинскихъ командъ, которые еще въ концѣ прошлаго вѣка гонялись за разбойниками.

угольная площадь, называемая Ежевичной стрѣлкой. Къ концу охватывающихъ ее овраговъ она расширяется саженъ на 300 и поднимается надъ дномъ ихъ саженъ на 5. По рассказамъ сорочинскихъ стариковъ, стрѣлка эта съ доступной стороны заграждена была валомъ и рвомъ, но укрѣпленія эти совершенно изгладились, такъ какъ стрѣлка распаивается уже съ давнихъ поръ. Исходивъ пашню по всѣмъ направленіямъ и проведя нѣсколько пробныхъ траншей, я убѣдился въ томъ, что культурный слой этого городка не глубже 1½ четвертей и содержитъ въ себѣ значительное количество обломковъ глиняной посуды, сдѣланной на кругѣ и изъ хорошо обожженной глины. Матеріаль, обработка и орнаментъ совершенно тождественны съ обломками глиняной посуды всѣхъ вообще второстепенныхъ болгарскихъ городищъ.

Въ старыя годы, при распашкѣ здѣсь находили серебряныя кольца и браслеты, разныя желѣзныя вещи—ножи, серпы, косы особой формы и т. п. Въ настоящее время металлическія находки встрѣчаются уже рѣдко. Обойдя всю деревню, я приобрѣлъ только двѣ вещи, найденныя на Ежевичной стрѣлкѣ: 1) превосходной работы большой желѣзный кивжалъ кавказскаго типа съ серебряной насѣчкой, напоминающей полустертую грузинскую надпись и 2) небольшой изящный сосудъ изъ желтой мѣди очень оригинальной формы, съ вружковымъ орнаментомъ и винтообразной пробкой. Что касается „чуднаго перусскаго серпа“, еще недавно выпавшаго на стрѣлкѣ, то онъ уже оказался передѣланнымъ на скобель и я только по рассказамъ могъ заключить, что онъ по своему внѣшнему виду былъ аналогиченъ тѣмъ серпамъ, которые попадаются нерѣдко и на другихъ болгарскихъ городищахъ.

Всѣ эти данныя довольно опредѣленно свидѣтельствуютъ, что на Ежевичной стрѣлкѣ существовалъ нѣкогда городокъ, съ зажиточнымъ населеніемъ (золот. и серебр. вещи), которое занималось земледѣліемъ (серпы и косы) и имѣло коммерческія сношенія (кавказскій кивжалъ). Типъ глиняной посуды при-

· водить въ заключенію, что городокъ этотъ былъ болгарскій.

Но есть-ли достаточно основаній считать этотъ болгарскій городокъ слѣдами Кашана?

· На этотъ вопросъ можно скорѣе отвѣтить отрицательно, чѣмъ положительно. Кашанъ находился, по указанію болгарскаго историка, на Камѣ, а ежевичный городокъ удаленъ отъ рѣки версты на 3. Отъ возвышенности, въ названіи которой сохранилось имя древняго города, онъ удаленъ версты на 4. Въ виду этого представляется необходимымъ разсмотрѣть и прочіе окрестные памятники съ слѣдами болгарской культуры, прежде чѣмъ говорить что-либо въ пользу отождествленія описаннаго городища съ Кашаномъ.

· Юртстэ. Слѣды третьяго болгарскаго поселенія въ описываемой мѣстности указаны были мнѣ татарами. Крестьянинъ Большихъ Юлговъ Бекбулатъ и мулла пэр Малыхъ Юлговъ Абдуль Зяпаровъ Рахманкуловъ, съ которыми я близко сошелся, указали мнѣ на половинѣ пути отъ Большихъ Юлговъ въ Малые, между р. Шуранкой и впадающимъ въ нее ручьемъ, возвышенную стрѣлку, на которой до сихъ поръ еще попадаетъ много черепковъ болгарскаго типа, а въ старину находили и металлическія вещи. Вся стрѣлка давно уже распашана, кромѣ одного небольшого участка, на которомъ растетъ нѣсколько сосенъ, единственныхъ въ этой мѣстности. Нераспашанный участокъ называется Юртстэ и считается у мѣстныхъ татаръ священнымъ мѣстомъ.

· Не находя возможнымъ въ виду этого производить раскопки на Юртстэ, я ограничился только одними разспросами. „Тутъ тоже старый житель былъ, рассказывалъ мнѣ старикъ Бекбулатъ, черепокъ тутъ больно много есть; наручникъ, кольца, серьга, сабля—тоже много попадалъ. Теперь нѣту. Сосна тутъ растетъ. Нигдѣ нѣту у насъ сосна, а тутъ растетъ. Наша дѣдъ говорилъ: „вупецъ богатый тутъ жилъ, садъ у него былъ“. Рубить сосна нельзя, а гниеть когда—дрова въ мечеть тащимъ. Старый годъ съ Большой Юлга, съ Малый Юлга, съ Мурзь-Сабакаево весь народъ каждый лѣто на то

мѣсто ходилъ; молебна служилъ, поминалъ, блиновъ много тащилъ, бѣлый конь кололъ. Теперь нѣту: молодой народъ лѣнивѣе сталъ ¹⁵⁾...

Нѣтъ сомнѣнiя, что на этомъ урочищѣ былъ нѣкогда какой-нибудь болгаро-татарскiй аулъ, но отождествлять его съ городомъ Кашаномъ еще труднѣе: Юртста отстоитъ отъ Кашановой горы не менѣе 5—6 верстъ и притомъ располагается не на Камѣ, а на рѣчкѣ Шуранкѣ, въ средней части ея теченiя.

Слѣды обширнаго городища на шуранской чищобѣ. Въ разстоянiи одной версты отъ Шурана, вверхъ по Камѣ, выступаетъ къ самому берегу возвышенная торная площадь, ограниченная двумя оврагами—Гремячимъ и Рыжнымъ. Площадь эта, уже лѣтъ 40 тому назадъ расчищенная подъ пашню и получившая поэтому названiе чищобы, представляетъ ясныя слѣды обширнаго древняго поселенiя.

Вотъ данныя, извлеченныя мною изъ подробнаго обслѣдованiя шуранской чищобы:

1) Глубокiе и обрывистые овраги Гремячiй и Рыжный, начинаясь отъ самаго бичевника на разстоянiи версты другъ отъ друга, верхними частями своими сходятся такъ близко, что ихъ раздѣляетъ только узкiй промежутокъ въ 60 саж. шириною. Въ этомъ мѣстѣ отъ одного оврага до другого прорытъ ровъ глубиною въ двѣ, а шириною въ 3 сажени. За ровомъ, на окраинѣ чищобы, поднимается такой-же ширины и высоты валъ съ воротами въ средней части. Такимъ образомъ чищоба представляется совершенно замкнутой горной площадью, имѣющей форму треугольника, который основанiемъ своимъ круто обрывается къ Камѣ, съ боковъ ограниченъ оврагами, а въ углу сближенiя ихъ загражденъ высокимъ валомъ и глубокимъ ровомъ.

При ближайшемъ ознакомленiи съ мѣстностью оказалось, что чищоба, кромѣ этой главной „крѣпи“ имѣетъ еще два

¹⁵⁾ Этотъ рассказъ о жертвоприношенiяхъ представляетъ, вѣроятно, отголосокъ преданiй о языческой эпохѣ татаръ.

вспомогательныхъ укрѣпленія: одно—въ углу, при входѣ въ Гремячій оврагъ со стороны бичевника, а другое—на склонѣ этого оврага, на разстояніи $\frac{1}{2}$ версты отъ входа въ него. Въ томъ и другомъ мѣстѣ чищоба опускается не круто, а террасовиднымъ скатомъ, что, вѣроятно, и послужило поводомъ къ устройству искусственныхъ преградъ. Въ угловомъ выступѣ чищобы или — по мѣстному говору—на „носкѣ“ сооружены двойные валы и рвы, идущіе на протяженіи 32 сажень, а на склонѣ оврага устроена цѣлая система параллельныхъ рововъ и валовъ, которые въ сторонѣ, обращенной къ устью оврага, идутъ въ четыре ряда, въ противоположной—въ одинъ, а въ промежуткѣ между ними—въ два. Общая длина этой укрѣпленной ломаной линіи—100 сажень.

2) Ровная площадь чищобы, оборвавшись къ Камѣ десятисаженной кручей, по мѣрѣ удаленія отъ берега постепенно повышается и въ томъ углу, гдѣ сходятся овраги, достигаетъ высоты 20 саж. Еще 40 лѣтъ тому назадъ эта покатая площадь покрыта была лѣсомъ и множествомъ небольшихъ ямокъ. Въ настоящее время лѣсная поросль и ямки сохранились только кое-гдѣ по самымъ окраинамъ; все-же внутреннее пространство чищобы распаханно и выровнено.

При распашкѣ, бороньбѣ, жатвѣ, послѣ сильныхъ дождей и размывающихъ почву весеннихъ потоковъ на всей площади чищобы находили, а отчасти продолжаютъ находить и нынѣ различныя древнія вещи. Особенно много находокъ встрѣчалось, конечно, въ первые годы распашки, но объ этомъ счастливымъ времени, когда болѣе или менѣе цѣнныя находки уносились съ чищобы цѣлыми подолами, сохранилось у шуранцевъ только пріятное воспоминаніе.

Находки на чищобѣ распадаются на 4 группы: домашняя утварь, оружіе, украшенія и монеты.

Къ домашней утвари относятся обломки глиняной посуды болгарскаго типа, и теперь въ изобиліи залегающіе въ пахатномъ слоѣ; обломки мѣдныхъ котловъ съ ручьями; желѣзные цѣпи, ножи и замки; чашки вѣсовъ изъ красной мѣди

и какія-то „серебряныя тарелочки и блюда“, когорыя—по словамъ шуранцевъ—очень часто попадались прежде въ цѣломъ видѣ и въ обломкахъ.

Изъ оружія встрѣчаются на чищобѣ — желѣзныя накопечники стрѣлъ и копій, мечи, кинжалы, „рогульки“ и проч. Подъ именемъ „рогулекъ“ извѣстны у мѣстныхъ крестьянъ небольшіе желѣзные предметы, покрытые острыми шипами, или шпильками и употреблявшіеся, по ихъ мнѣнію, „невѣрными“ для метанія поды ноги непріятельской конницы¹⁹⁾.

Изъ галантерейныхъ вещей находили здѣсь: разнообразныя бусы, мѣдныя и серебряныя бляхи съ орнаментами, серьги—мѣдныя, серебряныя и изъ композиціи, золотыя паручники, кольца и т. п.

Монеты попадались на чищобѣ и близь нея какъ отдѣльными экземплярами, такъ и цѣлыми кладами. Такъ, крестьянинъ Лялевъ незадолго до моего перваго пріѣзда въ Шуранъ поднялъ на чищобѣ пять „блестокъ“ — мѣстное названіе золото-ордынскихъ серебряныхъ монетъ—и продалъ ихъ Юлгинскимъ татарамъ по 15 коп. за экземпляръ. Изъ кладовъ особенно замѣчательнъ, найденный лѣтъ 30 тому назадъ пастухомъ Александромъ. Этотъ кладъ—на памяти у всѣхъ стариковъ-очевидцевъ. Тѣмъ не менѣе разсказъ о немъ принялъ чисто легендарныя формы. Передаю его со словъ кузнеца Василя, приходившагося родственникомъ Александру.

„Лександра былъ у насъ пастушонкомъ и пасъ скотъ въ Среднемъ оврагѣ (оврагъ этотъ начинается близь Гремячаго). Разъ сидитъ Лександра въ оврагѣ и шевыряется палочкой въ глинтъ. Копалъ онъ, копалъ, и вдругъ — „блестки“ изъ земли посыпались. Въ ту пору проходилъ подлѣ оврага юлгинскій татаринъ Ибряшъ. Идетъ онъ и видитъ: овца передъ нимъ бѣжитъ. Бѣжитъ, бѣжитъ и все на него оглядывается. Видитъ Ибряшъ, не спроста дѣло. Ударился онъ тутъ за ней

¹⁹⁾ Подобныя «рогульки» А. Ф. Лихачева указываютъ и на мѣстѣ г. Булгара. Они употреблялись и въ Россіи для спѣшиванія непріятельской конницы.

а она отъ него, да надъ самымъ оврагомъ и сгинула. Подбѣжалъ Ибряшъ къ оврагу и видитъ, что Александра владъ напелъ. — „Ну“, говоритъ, „знакомъ, это намъ съ тобой Богъ счастье послалъ. Первое дѣло — молиться надо: ты молись твоя Бога, а мы своя“. Помолились они, потомъ татаринъ рыть сталъ. Схватить Ибряшъ пригоршни „блестокъ“ да и швырнетъ ихъ подальше въ сторону. — „Подбирай“, кричитъ, „добрый человекъ, подбирай!“... А самъ въ ту пору владеть себѣ деньги и въ карманъ, и за пазуху, и въ шапку. Какъ на другой день мы узнали про это, такъ всей деревней и пошли къ оврагу. Однако, ничего не нашли: надо быть татаринъ ночью еще приходилъ и все высребъ. Только впрокъ ему это не пошло. Поѣхалъ онъ съ абызомъ продавать эти „блестки“ въ Рыбную слободу, его дорогой и схватило животомъ, и такъ схватило, что въ одночасье и померъ, а деньги абызу (т. е. муллѣ) достались“...

Разсказъ этотъ подтвердили мнѣ и юлгинскіе татары, но, по ихъ словамъ, „блестокъ“ у Ибряя было никакъ не болѣе хлѣбной чашки.

Узнавъ отъ юлгинскаго муллы, что Ибряй раздарилъ часть денегъ однопеременцамъ и что вообще у юлгинскихъ татаръ найдется до сотни монетъ, какъ изъ указаннаго выше влады, такъ и изъ найденныхъ въ разное время на чищобѣ, я попросилъ его посодѣйствовать мнѣ въ приобрѣтеніи хотя нѣсколькихъ экземпляровъ. Только этимъ путемъ мнѣ и удалось добыть 8 мѣстныхъ джучидскихъ монетъ. Дѣло въ томъ, что окрестные татары цѣнятъ древнія находки и сами скупаютъ ихъ у русскихъ. „Этотъ народъ — говорятъ они о первоначальныхъ насельникахъ шуранскаго побережья — нашей вѣры былъ: надо память держать... Ибряй стары денга Рыбна слобода ташилъ, за то и башка скоро вунчалъ“... Бывши въ гостяхъ у богатаго татарина Мамлеева, я только съ величайшимъ трудомъ уговорилъ его перепродать мнѣ чашки вѣсовъ, купленные имъ у шуранскаго крестьянина Савельева, выпавшаго ихъ на чищобѣ.

Кромѣ упомянутыхъ выше бытовыхъ памятниковъ, встрѣчается на чищобѣ, и притомъ въ значительномъ количествѣ, мѣдь или въ видѣ массивныхъ сплавовъ, или продолговатыми палочками въ палецъ толщиной; попадаются также и разныя металлическія вещицы неопредѣленнаго назначенія какъ въ цѣломъ видѣ, такъ и въ обломкахъ.

Изъ всего сказаннаго нетрудно видѣть, что шуранская чищоба служила главнымъ мѣстомъ находокъ на всемъ пространствѣ описываемаго района. Къ сожалѣнію, большая часть ихъ исчезла совершенно безслѣдно. Мелкія мѣдныя и желѣзныя вещи затеривались, крупныя передѣлывались для домашнихъ потребностей, золотыя и серебряныя сбывались окрестнымъ татарамъ и въ Рыбную слободу, гдѣ, благодаря этому, возникла и достигла значительнаго развитія крайне оригинальная промышленность—выдѣлка изъ композиціи по древнимъ образцамъ различной галантереи для продажи татарамъ и даже киргизамъ, при посредствѣ Новоузенской ярмарки.

При подобныхъ обстоятельствахъ мнѣ удалось захватить только немногіе и притомъ едва-ли не послѣдніе остатки того, что заключала въ себѣ нѣкогда чищоба. Въ составъ собранной мною коллекціи входятъ слѣдующіе главные предметы: 1) два желѣзныхъ замка наиболѣе распространеннаго болгарскаго типа; 2) нѣсколько обломковъ мѣдныхъ котловъ съ ушками; 3) два желѣзныхъ ножа; 4) двѣ мѣдныя чашки отъ вѣсовъ, изъ которыхъ одна украшена красивой рѣзбой; 5) четыре желѣзныхъ наконечника стрѣлъ; 6) пять желѣзныхъ наконечниковъ отъ копій; 7) два желѣзныхъ дротива; 8) наконечникъ мѣдной булавы или палицы; 9) восемь серебряныхъ монетъ; 10) мѣдная фигурка въ видѣ птичьей головки; 11) мѣдная бляха; 12) три серьги—мѣдная, серебряная и изъ композиціи; 13) обломковъ золотого браслета съ сердоликомъ и 14) два золотыхъ кольца, изъ коихъ одно, найденное на чищобѣ за три года до моего приѣзда, замѣчательно тѣмъ, что на печаткѣ его начеканена тамга, напоминающая тамгу Менгу Тимура, а другое—изъ массивной золотой проволоки, согнутой спиралью, найдено бы-

до на чищобѣ лѣтъ 30 тому назадъ и передано мнѣ К. Г. Дембровскимъ ¹⁶⁾.

Группируя все сказанное о чищобѣ, я нахожу возможнымъ вывести слѣдующія заключенія:

1) Замкнутая со всѣхъ сторонъ малодоступными оврагами и цѣлой системой искусственныхъ укрѣпленій, богатая находками оружія, домашней утвари, золотой и серебряной галантереей, вѣсовъ и монетъ, — площадь чищобы, представляетъ всѣ данныя для признанія ея мѣстомъ богатаго и торговаго города.

2) Характеръ укрѣпленій, глиняной посуды и другихъ памятниковъ быта, а равно и распространенность серебряной золото-ордынскоѣ монеты опредѣленно свидѣтельствуютъ, что это былъ городъ болгаро-татарскій.

3) По обширности занимаемаго пространства, по количеству и качеству находокъ онъ, по видимому, не только превосходилъ всѣ прочія болгарскія поселенія описываемой мѣстности, но и вообще выдѣлялся между городами Камско-Волжской Булгаріи, уступая только Булгару и Бюляру.

Но былъ-ли это тотъ именно городъ, о которомъ болгарскій лѣтописецъ сказалъ: „на берегу Камы стоялъ городъ, называемый Кашанъ“?

Быть можетъ у „ученаго юлгинскаго муллы“, съ которымъ бесѣдовалъ Кафтабниковъ въ 1818 году, былъ прямой и положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но до современнаго поволавія не дошли данныя, находившіяся въ распоряженіи этихъ лицъ, и мнѣ придется ограничиться изложеніемъ только тѣхъ косвенныхъ уликъ, которыя собраны были мною съ цѣлью подойти къ рѣшенію дилеммы.

Вотъ эти данныя:

1) Современные шуранцы выражаются о городѣ на чищобѣ крайне неопредѣленно. Они говорятъ только, что тутъ

¹⁶⁾ Подобная-же спиральная золотая проволока, находящаяся въ музеѣ Каз. Общ. А. И. и Э., доставлена изъ окрестностей с. Матакъ Спас. у. Каз. г.; есть подобное-же кольцо и въ коллекціи г. Лихачева изъ Булгара.

жила „не-русь“, „турскій народъ“, „невѣрные“. Юлгинскіе татары знаютъ нѣсколько больше объ окрестностяхъ Шурана, даже приурочиваютъ къ нимъ имя города Кашана, хотя и не указываютъ опредѣленно его мѣстоположенія. „Тутъ все народъ жилъ,“ рассказываютъ они, „больно много народъ былъ нашу вѣру держалъ, города строилъ... Кашанъ-кала былъ... Кызларъ-кала былъ... Кызларъ-вала—дѣвкинъ городъ, дѣвка жилъ... Когда воевалъ,—на Булгаръ слухъ давалъ“...

Кромѣ того, въ той-же мѣстности мнѣ случайно удалось напасть на слѣды эпической пѣсни о Кашанѣ. Однажды на раскопкѣ близъ Кашановой шишки у меня исключительно работали юлгинскіе татары, поставленные Бекбулатомъ, играющимъ въ этой мѣстности роль посредника между окрестными землевладѣльцами и татарами. Одинъ молодой татаринъ во время работы затянулъ протяжную и заунывную пѣсню. Замѣтивъ, что въ ней съ первыхъ-же словъ упоминается слово „Кашанъ-каласы“, я хотѣлъ записать ее и съ этой цѣлью замѣтилъ своему спутнику, знавшему хорошо по-татарски, чтобы онъ прислушивался и дѣлалъ переводъ. Но въ этотъ-же моментъ пожилые татары загадѣли, стали кричать на пѣвца и онъ остановился.

— Чего они шумятъ? спросилъ я.

— Ругаются... Пѣть не велать...

— Почему?

— А потому, что въ пѣснѣ нехорошо про русскихъ говорится, когда они Кашанъ - городъ брали ..

Я сталъ просить продолжать пѣсню. Но сконфуженный пѣвецъ только краснѣлъ, а старики стали увѣрять, что онъ просто дуракъ, что никакой пѣсни про Кашанъ и нѣтъ совсѣмъ, а просто онъ по глупости поетъ, что ему въ „башку“ взбредеть...

— Ну, и пусть его поетъ, вамъ-то что за дѣло? убѣждалъ я.

Отвѣтомъ на это послужило только то, что во время работы нечего заниматься пустяками.

Ничего не добился я и отъ Бевбулата и муллы Шерефъ-эд-дина, не смотря на хорошія отношенія съ ними. Они также утверждали, что никакой пѣсни о Кашанѣ не существуетъ и сваливали все на молодость и глупость пѣвца.

Но ихъ горячность и щедрость въ ругательствахъ по адресу виновника въ этомъ загадочномъ инцидентѣ убѣждаютъ въ противномъ, невольно побуждая думать, что между татарами шуранскаго района есть дѣйствительно историческая пѣсня и, быть можетъ, очень старинная о разгромѣ г. Кашана русскими.

2) Названіе „чищоба“ не можетъ служить ни малѣйшимъ препятствіемъ для предположенія, что на этомъ мѣстѣ находился нѣкогда болгарскій г. Кашанъ. Дѣло въ томъ, что у мѣстныхъ жителей есть болѣе древнее и общее названіе для всего изрѣзаннаго ущельями горнаго берегового склона, начиная отъ Гремячаго оврага до Долгаго. Это названіе—Кашанъ. Всѣ прочія прозвища, приурочиваемыя къ этому нагорью въ настоящее время, носятъ болѣе частный характеръ. Протокъ между горнымъ берегомъ и Сорочинскимъ островомъ называютъ Кашанскимъ затономъ или заводью; западная часть Кашана между оврагами Гремячимъ и Рыжнымъ—„чищобою“; восточная часть его между оврагомъ Долгимъ и дорогой къ весеннему перевозу—„городкомъ“ и „заказникомъ“; горная площадь между „городкомъ“ и „чищобой“, разсѣченная Войвнымъ оврагомъ,—„Кашановымъ полемъ“ и, наконецъ, крутая береговая гора у весенняго перевоза—„Кашановой шишкой“.

3) На всемъ протяженіи береговой возвышенности, изрѣзанной глубокими оврагами и называемой общимъ именемъ Кашана, находятся ясныя слѣды только одного болгарскаго города. Этотъ городъ располагался въ самой западной части нагорья, т. е. на теперешней „чищобѣ“. Въ другихъ мѣстахъ Кашана почва не содержитъ черепковъ болгарскаго типа, слѣдовательно постояннаго жительства тамъ не было. Если болгарскія вещи и выпахивались иногда внѣ чищобы, то въ ограниченномъ количествѣ и отдѣльными экземплярами. Такъ,

на Кашанскомъ полѣ, близъ заказника, выпаханъ былъ упомянутый выше мечъ съ золотой насѣчкой и арабской надписью и два меча найдены были на томъ же полѣ, у вершины Войкина оврага. Бывали-ли здѣсь какія-нибудь другія находки, свидѣтельствующія о болгарской культурѣ,—никто не помнитъ. На береговыхъ кручахъ Кашана я открылъ, какъ указано было выше, слѣды еще нѣсколькихъ древнихъ поселковъ, но они не имѣютъ ничего общаго съ болгарской культурой и указываютъ только на то, что земледѣльцу болгарину предшествовалъ въ этой мѣстности болѣе первобытный насельникъ—звѣроловъ, бытовые памятники котораго рѣзко отличаются отъ болгарскихъ.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ и можно съ достаточной вѣроятностью прійти къ заключенію, что болгарскій г. Кашанъ, упоминаемый болгарскимъ лѣтописцемъ на Камѣ, находился дѣйствительно на шуранскомъ горномъ побережьи и занималъ ту часть его, гдѣ возвышается огражденная валами и богатая находками болгарскихъ памятниковъ шуранская чищоба.

Историческія свѣдѣнія о г. Кашанѣ. Сколько-нибудь точныхъ данныхъ о возникновеніи и существованіи этого города почти совсѣмъ нѣтъ.

Приведу то, что мнѣ удалось узнать отъ мѣстныхъ татаръ и что заключается въ татарскихъ рукописяхъ.

Старикъ Бекбулатъ сообщилъ мнѣ, что его дѣдъ, скончавшійся болѣе 30 лѣтъ тому назадъ девяностолѣтнимъ старцемъ и, слѣдовательно, бывшій въ концѣ прошлаго вѣка уже взрослымъ человекомъ, говоря о г. Кашанѣ, всегда выражался такъ: „Кашанъ каласы—кызларъ баласы“, т. е. Кашанъ городъ—незаконнорожденное дитя дѣвушки.

Для разъясненія этого страннаго изреченія можно сказать только то, что оно навѣяно, по всей вѣроятности, смутными татарскими преданіями о какой-то легендарной царевнѣ Шагирь-бану, которая воевала съ своимъ отцомъ и настроила при этомъ много укрѣпленій, или городковъ. Исхода изъ это-

го преданія, казанскіе татары во многимъ урочищамъ съ слѣдами болгарской древности приурочиваютъ прозвища „вызларь-кала“, т. е. „дѣвичій городъ“. Возмущеніе Шагирь-бану противъ отца представляется имъ дѣломъ предосудительнымъ, незаконнымъ, а отсюда и могло произойти укоризненное, насмѣшливое прозвище для городковъ, устройство которыхъ ей приписывается.

Изъ событій, касающихся г. Кашана, татарскія сказанія упоминаютъ только три.

Булгарскій историкъ XVI вѣка Шерефъ-эд-динъ въ своемъ „Изложеніи болгарскихъ повѣствованій“, рассказывая о разгромѣ Тимуромъ болгарскихъ городовъ, указываетъ въ числѣ ихъ и К а ш а н ъ н а К а м ѣ: „раззоривъ и его—говоритъ онъ—Тимуръ разсѣялъ все населеніе“.

Татарская рукопись „Таварихъ удъ Даваиръ“ сообщаетъ, что послѣ взятія Тимуромъ г. Булгара одинъ изъ спасенныхъ царевичей Алимъ-бекъ пришелъ въ булгарскій городъ К а ш а н ъ.

Въ „Повѣсти о нескораемой царевнѣ“ упоминается, что другой сынъ Абдуллаха, Шеуне-бекъ, вмѣстѣ съ своей сестрою, по смерти Тимура, воротился изъ плѣна на родину и скрывался нѣкоторое время въ городѣ К а ш а н ъ подъ именемъ учителя.

Изъ всѣхъ этихъ трехъ показаній нельзя, понятно, вывести какого либо точнаго заключенія о времени существованія г. Кашана, такъ какъ самое нашествіе Тимура на Булгарію является фактомъ недоказаннымъ и неизвѣстнымъ по другимъ источникамъ, кромѣ смутныхъ татарскихъ легендъ.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличается показаніе тѣхъ золото-ордынскихъ монетъ, которыя мнѣ удалось приобрести на мѣстѣ г. Кашана. Двѣ изъ нихъ сохранились вполне хорошо и по опредѣленію І. Ф. Готвальда относятся къ 1363 г.

Такимъ образомъ выясняется совершенно опредѣленный и точный фактъ, что г. Кашанъ существовалъ на Камѣ еще въ 1363 году.

Но есть основаніе думать, что онъ существовалъ еще и въ 1391 и въ 1399 году.

Въ Воскресенской лѣтописи, въ описаніи похода ушкуйниковъ въ 1391 году, говорится: „Новгородцы и Устюжане и прочіи къ тому съвкупившеса, выидоша въ насадехъ и въ ушкуехъ рѣвою Вяткою на низъ и взяша Жукотинъ и Казань и вышедше на Волгу, пограбивше гостей всѣхъ, возвращашася“.

Уже г. Шпилевскій обратилъ вниманіе на это мѣсто лѣтописи и обстоятельно доказывалъ, что здѣсь должна быть описка. Ушкуйники на пути отъ устья Вятки до Волги не могли встрѣтить на Камѣ Казани, такъ какъ Казань, и Старая и Новая, находилась въ долинѣ р. Казанки; ниже г. Джуве-тау (Жукотина) на Камѣ, они могли встрѣтить только Кашань, который въ лѣтописи и замѣненъ ошибочно Казанью. Возможность описки подтверждается тѣмъ, что въ Парижскомъ и Синодальномъ спискахъ лѣтописи значится въ данномъ случаѣ даже не Казань, а Казнь.

Тоже самое можно сказать и о томъ мѣстѣ Воскресенской лѣтописи, гдѣ рассказывается о походѣ Юрія Дмитріевича на болгарскую землю въ 1399 году: „Онъ-же шедъ, взя городъ Болгары Великія, и градъ Жукотинъ, и градъ Казань, и градъ Керменчукъ, и всю землю ихъ повоева“.

Здѣсь Казань упоминается въ связи съ прикамскими городами—Джуке-тау (Жукотиномъ) и Керменчукомъ. Мѣстоположеніе перваго опредѣлено точно: онъ находился въ окрестностяхъ нынѣшняго Чистополя; второй располагался или въ долинѣ р. Кирменки (на правомъ берегу Камы, нѣсколько выше Чистополя) или въ низовьяхъ Меши (близъ устья Камы, на правомъ же берегу, гдѣ находится городище Ташъ-Керменъ). Упомянутіе Казани въ связи съ прикамскими городами позволяетъ думать, что и здѣсь ошибочно замѣнено общеизвѣстнымъ именемъ Казани почти неизвѣстное имя прикамскаго города Кашана.

Такимъ образомъ, не безъ вѣроятія можно допустить, что выясненный періодъ существованія на Камѣ г. Кашана ограничивается 1363 и 1399 годами и захватываетъ такимъ образомъ почти всю 2 половину XIV вѣка.

Въ заключеніе обзора этихъ скудныхъ историческихъ данныхъ о Кашанѣ, считаю умѣстнымъ сообщить преданіе, распространенное между шуранскими крестьянами. Въ немъ какъ-бы сохранилось отъ стародавнихъ временъ воспоминаніе о набѣгахъ ушкуйниковъ на прикамскіе города Булгаріи.

„На чищобѣ жили невѣрные — рассказывалъ мнѣ старикъ-шуранецъ Лялевъ — хитеръ былъ этотъ народъ, а русскіе и его перехитрили. Случилось это такъ: царь Иванъ Васильевичъ послалъ на нерусь войско; шло оно по Камѣ сверху на лодкахъ; подѣхавъ къ Войкину оврагу, вышли наши на берегъ, повставили на лодки чурбаны, одѣли ихъ въ свои кафтаны и шапки и пустили лодки внизъ по рѣкѣ, а сами тихомолкомъ стали пробираться по оврагу къ чищобѣ. Увидалъ турскій народъ, что плыветъ на нихъ войско и вышелъ весь отъ мала до велика на „носокъ“ къ берегу. А наши и нагрянули сзади, и давай его „чесать“. Такъ тутъ всѣхъ на „носкѣ“ и положили“...

Вопросъ о значеніи названія г. Кашана. Прежде чѣмъ приступить къ разрѣшенію вопроса, что значило слово Кашанъ, нужно установить его правильное правописаніе.

Г. Шпилевскій въ своей книгѣ „Древніе города и друг. булгаро-татар. памятники Казан. г.“, вездѣ—и въ собственномъ текстѣ и въ цитатахъ изъ татарскихъ лѣтописей и русскихъ изслѣдователей, называетъ городъ—Кошаномъ, подкрѣпляя это произношеніе и начертаніе съ гласною *О* въ первомъ слогѣ ссылкою на Вельяминова Зернова, который будто-бы „указываетъ на происхожденіе слова Кошанъ, по поводу встрѣчающагося въ одномъ старинномъ актѣ слова „Кошени“, т. е. соборной молельни, или мечети.

Усвоить себѣ подобное произношеніе и начертаніе, я тщательно искалъ на городищахъ шуранскаго района слѣдовъ этой мечети. Но эти поиски не привели къ желаемой цѣли. Кромѣ того, ведя съ окрестными жителями постоянныя бесѣды о мѣстныхъ древнихъ памятникахъ и урочищахъ, я невольно долженъ былъ обратить вниманіе, что здѣсь положительно всѣ—и русскіе и татары—говорятъ не Кошанъ, а Кашанъ, Кашанова шишка, Кашаново поле, Кашанскій затонъ, Кашанъ-кадà .., замѣняя такимъ образомъ звукъ *О* звукомъ *А*.

Подобное разногласіе весьма естественно побудило меня заяться вопросомъ объ истинномъ названіи города и, между прочимъ, познакомиться съ тѣми авторами, у которыхъ г. Шпилевскій извлекъ свѣдѣнія о Кашанѣ. При этомъ обнаружилось, что они пишутъ неодинаково: Вагабовъ и Мельниковъ—Кашанъ, а Кафтанниковъ—Кошанъ и даже К о ж а н ъ. Очевидно, г. Шпилевскій, встрѣтивъ у Вельямина Зернова слово К о ш е н и, предпочелъ правописаніе Кафтанникова.

Между тѣмъ орфографія Кафтанникова, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается совершенно произвольной и спитый имъ К о ж а н ъ расплзается при первомъ прикосновеніи. Очевидно, Кафтанниковъ, записывая татарскія названія, не достаточно внимательно вслушивался въ мѣстный говоръ. Этимъ только и можно объяснить себѣ тотъ процессъ, при помощи котораго названіе деревни Юлги онъ передѣлалъ въ Елги, а изъ Кашана выкроилъ Кожанъ, создавъ такимъ образомъ слово, даже совершенно невозможное въ татарскомъ языкѣ ¹⁶⁾.

Что касается цитаты изъ „Исторіи касимовскихъ царей“ Вельямина Зернова, въ которой г. Шпилевскій видитъ теоретическую основу для принятаго имъ правописанія, то не-

¹⁶⁾ Въ татарскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ и буквы, соотвѣтствующей нашему ж; тамъ есть *ج* (дж) и, кромѣ того, звукъ, соотвѣтствующій французскому j, такъ что можно-бы было сказать К о д ж а н ъ или К о ј а н ъ, но ни въ какомъ случаѣ—Кожанъ.

обходимо имѣть въ виду, что эта цитата не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ разсматриваемому вопросу: Вельяминовъ Зерповъ говорить не о словѣ Кашанъ, а о словѣ кошени. Въ томъ актѣ, который цитируется авторомъ „Касимовскихъ Царей“ трактуются о томъ, что долженъ былъ сказать русскій посолъ Новосильцевъ султанскимъ вельможамъ: „Мой государь не есть врагъ мусульманской вѣры... Мусульманской вѣры люди по своему обычаю мизгити и кошени держать, и государь ихъ ничѣмъ отъ ихъ вѣры не нудитъ“. А далѣе Вельяминовъ Зерповъ объясняетъ, что отъ турецко-татарскаго глагола *قوشماкъ* (кошмакъ, или - по казанскому говору—бушмакъ), означающаго по-русски соединять, причастіе будетъ *قوشقان* (кошканъ или—по казански—бушканъ), и что изъ этого слова, при выпаденіи буквы *ق* (к) могло образоваться слово кошанъ или по казански кушанъ (*قوشان*), передѣланное русскими на кошени, которое по смыслу разсматриваемаго акта и можно принимать въ значеніи сборнаго мѣста, т. е. соборной молельни, или мечети.

Вмѣсто ссылки на Вельяминова Зернова, совсѣмъ, какъ видно изъ сказаннаго выше, не идущей къ дѣлу, г. Шпилевскій съ гораздо большимъ успѣхомъ могъ-бы подкрѣпить свою ореографію, обратившись къ „Сравнительному словарю турецко-татарскихъ нарѣчій“ Будагова, гдѣ указывается джагатайское (старо-татарское) слово *قوش* (кошъ) — шалашъ, лачуга. Изъ слова-же кошъ, черезъ прибавку частицы *АН*, дающей въ татарскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ понятіе о совмѣщеніи однородныхъ предметовъ, можно бы было произвести желанное слово Кошанъ, въ смыслѣ собранія лачугъ, или шалашей въ одномъ пунктѣ.

Но не признавая правильнымъ начертаніе г. Шпилевскаго, я нахожу въ томъ-же словарѣ старо-татарское, или джагатайское слово *قاش* (кашъ)—пригорокъ, холмъ, грива горы, возвышенность. Изъ этого-же слова, черезъ прибавку *ان* (ап),

получится: *قاشان* (к а ш а н ъ)—бугристое, или гористое мѣсто.

Въ доказательство правильности подобнаго произношенія и начертанія имени г. Кашана, я могу опереться: во 1-хъ, на мѣстный русскій и особенно авторитетный татарскій говоръ; во 2-хъ, на гористый характеръ шуранскаго побережья, гдѣ находился г. Кашанъ; въ 3-хъ, на переводъ изъ „Таварихъ Булгаріе“, сдѣланный Вагабовымъ, который, какъ специалистъ по татарскому языку, едва-ли могъ ошибиться въ чтеніи имени г. Кашана у болгарскаго историка XVI вѣка и въ 4-хъ, наконецъ, на неизвѣстную татарскую рукопись, сочиненія Вали Мухамета святого, которою я имѣлъ случай пользоваться, благодаря содѣйствію юлгинскаго муллы, и въ которой во всѣхъ случаяхъ пишется не *قوشان* (к о ш а н ъ), а *قاشان* (к а ш а н ъ).

Итакъ, есть основаніе утверждать, что во второй половинѣ XIV столѣтія, на правомъ берегу р. Камы, на одну версту выше нынѣшняго с. Шурана, Лаишев. у. Каз. г., находился одинъ изъ значительнѣйшихъ и богатѣйшихъ послѣ Булгара и Бюляра городовъ Камско - Волжской Булгаріи — г о р о д ъ К а ш а н ъ, получившій свое названіе отъ характера занимаемой имъ мѣстности.

При обслѣдованіи окрестностей Кашана, я не встрѣтилъ нигдѣ слѣдовъ кладбища. Но въ 1886 году, проѣзжая черезъ д. Дмитріевку, я видѣлъ сажень за 100 отъ нея, по направленію къ д. Сорочьи Горы, въ хлѣбномъ полѣ, двѣ каменные надгробныя плиты болгарскаго типа. Камни лежали такъ, что надписей было не видно. Торопясь на пароходъ, я не могъ на этотъ разъ заняться изслѣдованіемъ. Такъ вопросъ объ этихъ надгробіяхъ и объ отношеніи ихъ къ Кашану и остался пока открытымъ.

П. Пономаревъ.

ИЗЪ ОБЛАСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ.

СЛОВО «ХОМУТЬ» ВЪ ИНДО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ И УРАЛО-АЛТАЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

ВЪ индоевропейскихъ языкахъ много сходныхъ словъ относящихся къ телѣгѣ (см. Шрадеръ—Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія, 431—432). Отсюда не безъ основанія дѣлается тотъ выводъ, что умѣнье устраивать телѣгу и запрягать восходитъ къ эпохѣ общиндоевропейской. Въ послѣдствіи искусство это могло получить нѣкоторыя особенности въ своемъ развитіи у отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ. Къ такимъ особенностямъ слѣдуетъ отнести изобрѣтеніе усовершенствованнаго хомута (ядро простѣйшаго устройства существовало уже въ общиндоевропейскомъ періодѣ, какъ видно изъ одинаковости названій для ярма—свт. *yugát*, греч. *ζυγόν*, лат. *jugum*, гот. *juk*, соврем. нѣм. *joch*, лит. *jūngas*, ст.-сл. иго). То обстоятельство, что слово *хомутъ* встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ и притомъ съ обычными звуковыми соответствіями (пол. *chomał* и проч., см. Miklosich Etymol. Wörterb. стр. 886, подъ словомъ *chomontŭ*), указываетъ на общеславянское его происхожденіе. И въ общеславянскую эпоху рассматриваемое слово не было откуда-либо позаимствовано. Оно не могло быть заимствовано ни изъ *финскихъ* языковъ, въ которыхъ для обозначенія ярма или хомута имѣется частію свое собственное слово, частію же славянское ¹⁾,

¹⁾ У вярнянь, вотяковъ, мордвы (эрзи) и черемисъ (луговыхъ) названіе для хомута или ярма отличное отъ русскаго слова: вот.-выр. *сіѣс* или *сіѣс*,

ни изъ *турецко-татарскихъ*, такъ какъ лишь въ немногихъ изъ нихъ встрѣчается созвучное слово, которое также должно быть отнесено на счетъ культурнаго славянскаго вліянія ¹⁾. Указывалось еще на араб. *kamat* = *constrinxit* (напр. въ чешскомъ словарѣ Юнгмана); но ясно, что для понятія „связыванія“ славяне не нуждались въ заимствованномъ словѣ, а для обозначенія упряжи отъ корня *k-m-t* въ арабскомъ не образуется ни одного слова. Признавая славянское слово *хомутъ* (хѹмѹтѹ) природнымъ, поищемъ его этимологіи, напередъ оговорившись, что намъ удастся представить лишь нѣсколько соображеній по этому трудному вопросу, но не полное его рѣшеніе.

Допустивши, что начальное *x* произошло изъ *s, и переводя самое слово фонетически на санскритскій языкъ, мы будемъ имѣть *samantas. Такое слово на самомъ дѣлѣ существуетъ въ санскритѣ и значить „сосѣдній“, а въ формѣ частицы *samantena* и др. = со всѣхъ сторонъ, вокругъ. Б о п и ъ

мрд. *сіеке*, чер. *сюсьпак*. У вогуловъ и горныхъ черемисъ названіе заимствованное: вог. *комт*, чер. *амыт*. Также заимствованное слово у финновъ въ Карелии—*hamutsa* (см. Гротъ Фил. Рав. I² 482). Веске въ своемъ трудѣ упустилъ изъ виду эти слова, но онъ отмѣтилъ слова въ финск., эстон. и ливон., заимствованныя отъ другаго общеславянскаго слова—*шю* (см. Славяно-Финскія культурныя отношенія по даннымъ языка 212--213).

¹⁾ Будаговъ отмѣчаетъ только татар. *камыт* (Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій II 26 б). Въ алт. кромѣ *комыт* (хѹмѹтѹ) встрѣчается болѣе краткое слово *ком* (ярмо; у киргиз. изъ кошмы свернутый нагорбникъ для двугорбаго верблюда,—см. Грам. алт. яз., составленную членами алтайской миссии), относительно котораго я не рѣшаюсь высказаться опредѣленно: быть можетъ, это — случай неполнаго, неточнаго, несовершеннаго заимствованія. Въ чуваш. два слова, изъ которыхъ одно заимствовано отъ русскихъ, а другое отъ финновъ: 1) *хомыт*, 2) *сѹсьмень* (см. словарь Золотницкаго). У чувашъ есть звукъ *x*, и они позаимствовали слово отъ русскихъ именно съ этимъ звукомъ; если бы слово было не заимствованное, то нужно бы ожидать звука *k*, такъ какъ алтайскому *k* въ чувашскомъ должно соотвѣтствовать тоже *k*. Можно еще упомянуть, что въ татар. (казан.) подхомутникъ или хомутина имѣетъ свое собственное названіе: *бејѹт*, собств. нашейникъ, ср. *джагат*. *бујен шея*, *буј-баг* или *буј-наг* ошейникъ, *цѣпъ на шеѣ* (*баг* = каз.-тат. *бау* веревка; *е=ы* съ окраскою *y*.) См. Будаговъ I 294—295.

и Бетлингъ - Ротъ въ своихъ санскритскихъ словаряхъ разсматриваютъ это слово какъ сложное: *sat* (съ) + *anta* (конецъ), значить— принимаютъ его по морфологическому образованію аналогичнымъ лат. *con-finis*. Но санскритскому префіку *sat* гесп. *sa* въ славянскомъ соотвѣтствуетъ *сж* и *сз*, тогда какъ наше слово начинается сочетаніемъ *хѡм*; это обстоятельство не позволяетъ принять указанное сближеніе. Если мы допустимъ вмѣстѣ съ проф. Потебней (см. напр. Р. Ф. В. т. III, 1880, стр. 98; ср. Козловскій въ Arch. f. slav. Phil. XI, 1888, стр. 383 — 387), что слав. *х* въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникло изъ *з = *k'*, и приложимъ это звуковое соотвѣтствіе къ нашему слову, то найдемъ основаніе для иной этимологii: мы придемъ въ санскритскому корню *ṣat* (**k'am*), напр. въ глаголѣ *ṣatyati* *sedagī*, *tranquillagī*, и въ сущ. *ṣatī* (трудъ, стараніе, ср. греч. *κἀμνω*). При такомъ толкованіи слово *хѡмътз* разлагается на *хѡм-жтз*, гдѣ *жтз* есть суффиксъ родственннй санскритскому суффиксу *-antā-* (см. Whitney Indische Grammatik § 1172, стр. 418).

Въ армянскомъ *хомуть* (довольно примитивнаго устройства) называется „самі“; слово это не только по значенію, но и фонетически можно роднить съ словомъ „хомуть“ (арм. *z* = скт. *ṣ*, т. е. **k'*). Можно, далѣе, привлечь къ сравненію греч. *κῆμῶς* = лат. *catius* „намордникъ для лошади, чтобы не кусалась“ (подробный перечень значеній греч. *κῆμῶς* дается у Liddell A greek-english Lexicon; для лат. *catius* кромѣ приведеннаго значенія указывается еще другое — „ошейникъ“ для рабовъ, вѣроятно какъ наказаніе, см. напр. лат. словарь Schellers'a).¹⁾ Къ сказанному не лишне прибавить, что

¹⁾ Для истолкованія слова *хомуть* указывали (напр. Юнгманъ) на греч. *κῆμῶς* = *hamus* (удильный крючокъ), *κῆμα* = *coma* (волосы, грива). Но *κῆμῶς* = *hamus* не могутъ считаться родственными слову *хомуть* по начальному согласному, такъ какъ греч. *κ*. лат. *h* = слав. *з*, слова же *κῆμα* = *coma* далеки по своему значенію. Въ нѣкоторыхъ словаряхъ (напр. Du Cange) приводится еще лат. *clatius*, поясняемое черезъ «гепитъ» очевидно; это—латинизированное греч. *κῆμῶς*, что же касается значенія, то оно, вѣроятно, представляетъ собою дальнѣйшее распространеніе основнаго: удильный крючокъ,

Курциусъ, рассматривая слова *καμάρα*, *camurus* и сродныя, приходитъ къ предположенію корня *kam въ смыслѣ *sich wölben*, т. е. изгибаться сводообразно (Gz.³ № 31a, стр. 141): а какъ увидимъ ниже, нѣмецкій словарь Гриммовъ указываетъ на близкое къ этому значенію, какъ первоначальное для *хомута*. Намъ осталось еще обратить вниманіе на литов. *kamañtai* (plur.) хомутная сбруя. Это слово, засвидѣтельствованное Нессельманомъ, можно принять за заимствованіе отъ славянъ, при чемъ такъ какъ литовскій языкъ не развилъ звука *x*, то при заимствованіи наиболѣе подходящимъ субститутумъ былъ звукъ *k*. Не берусь сказать, къ какой эпохѣ въ этомъ случаѣ нужно отнести заимствованіе, такъ какъ литовскій комплексъ *an*, соотвѣтствующій общеславянскому *on* или *ō*, можно принять и для позднѣйшаго времени, если предположить заимствованіе изъ польскаго. (Наше сужденіе было бы болѣе опредѣленнымъ, если бы мы располагали точнымъ изслѣдованіемъ литовскаго хомута. Когда этнографія будетъ располагать рядомъ возможно тщательныхъ изслѣдованій отдѣльныхъ предметовъ культуры и ихъ видоизмѣненій, она будетъ имѣть возможность устанавливать законы въ сферѣ этихъ явленій, подобно тому, какъ напр. лингвистика раскрываетъ законы фонетическихъ измѣненій, и эти законы могутъ пригодиться для рѣшенія такихъ археолого-лингвистическихъ вопросовъ, какъ настоящій). Въ лит. есть еще слово — *kámanos* (plur.) узды, на счетъ котораго я не умѣю сказать что-либо опредѣленное; если бы это слово оказалось природнымъ, то пришлось бы для него предположить корень **k'am*.

Что касается значенія слова „хомутъ“, то общимъ для всѣхъ славянскихъ языковъ является обозначеніе известной части конской сбруи (только въ серб. хомут = горсть). Дру-

---

захватываемый ртомъ рыбы; крюкъ узды, вкладываемый въ ротъ лошади (ср. русскую параллель: удочка || удила). Что касается указываемыхъ Гезихіемъ побочныхъ словъ къ *χαμός*, именно *χαβός* и *χατός*, то это надо думать, совсѣмъ особыя слова. Были попытки прискаты этимологию къ нимъ; для *χατός* см. KZ XXVI 87 (Klugе), а для *χαβός*—Bzsb. Btr. XVII 322 (Fick). Что касается *χρμός*—*camus* ср. Bzsb. Btr. XVI 208—209 (F r ö h d e).

гія значенія, особенное богатство и разнообразіе которыхъ можно отмѣтить въ русскомъ языкѣ (см. въ особенности словарь Д а л я и Опытъ областного великорусскаго словаря), легко объясняются какъ дальнѣйшія распространенія путемъ аналогіи или метафоры. Эти другія значенія содержатъ въ себѣ идею *охватыванія, облеганія* (такъ, въ строительномъ дѣлѣ хомутомъ наз. желѣзная скоба, которою матица подвѣшена къ стропилу; въ арханг. губ. слово хомуть примѣняется къ обозначенію песчаныхъ наносовъ вокругъ затонувшаго или сѣвшаго на мель судна; хомутомъ или хомутикомъ называютъ также гужикъ или ремень, чѣмъ прихватываютъ что-либо на слабѣ, напр. охомутить весло за кочетокъ), *налеганія, тягесты*, т. е. аналогично со словами „иго“ и „ярмо“ (напр. ну, надѣли на меня хомуть; подобный переходъ значенія также въ болгарскомъ, см. словарь Д ю в е р н у а), *наговариванія или неплетанія* на кого лжи (нахомутать на кого = насплетничать), *внѣшней формы предмета* (напр., въ иркут. губ. хомутиной называется озеро или русло рѣки въ видѣ подковы; хомутина собств. = подушка въ хомутѣ) и др. Въ чешскомъ слово *choutout*, кромѣ обычнаго своего смысла, примѣняется къ обозначенію женскаго головнаго убора; кромѣ того, оно служитъ тамъ для названія неловкаго, неповоротливаго человѣка; наконецъ, встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ названіяхъ.

Въ современномъ сербскомъ слово „хомут“ имѣетъ значеніе только горсти. Эта особенность значенія нѣсколько разъяснится, если сопоставить сербское слово съ созвучнымъ византійскимъ: византійское *τὸ χωμα* значитъ „земля“, „грязь“, а *χωματά*—„горсть земли“ (см. Sophocles E. A. Greek lexicon of the roman and byzantine periods).

Разсмотрѣвши слово „хомуть“ въ славянскомъ мірѣ, обратимся къ соотвѣтствующему нѣмецкому названію (*kummet*), заимствованному у славянъ. Впервые оно встрѣчается въ письменности въ XII в., на рубежѣ древняго и средняго періода верхненѣмецкаго языка. Въ ср. - вн. его написаніе весьма ко-

люблющееся (см. словарь ср. - вн. Вепеске подъ словомъ *komat* и нѣмецкій словарь братьевъ Гриммовъ подъ словомъ *kummet*), что, кромѣ перемѣнъ въ общемъ ходѣ развитія нѣмецкаго вокализма, вѣроятно, обуславливалось и различіемъ источниковъ заимствованія (чехи, поляки и др.). Самое обстоятельное изслѣдованіе занимающаго насъ слова находится въ нѣмецкомъ словарѣ Гриммовъ. Въ виду важности приведенныхъ въ немъ данныхъ, считаю необходимымъ указать существенное (см. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. V. Bearbeitet von Dr. R. Hildebrand. Leipzig 1873, стр. 2610—2611). Сначала въ словарѣ даются древніе звуковые варианты слова, расположенные въ хронологической послѣдовательности, между которыми встрѣчается даже почти совпадающій съ славянскою и литовскою формою, именно *comant* (пол. *chomał* и *chomało*, лит. *kamantai*); затѣмъ высказывается слѣдующее соображеніе относительно *kummet*: „По всей вѣроятности мы имѣемъ здѣсь заимствованіе отъ славянъ, какъ въ словѣ *Peitsche* (бичъ) — тоже въ извозничествѣ, въ каковомъ намъ такимъ образомъ приходилось учиться у своихъ восточныхъ сосѣдей. Съ этимъ согласуется также то, что *kummet* отсутствуетъ по окраинамъ германской области, нл., дат., англ. и вообще норд. Впрочемъ, можно думать, что заимствованное слово сталкивалось вмѣстѣ съ тѣмъ съ природнымъ нѣмецкимъ — *kamme*, въ нѣкоторыхъ значеніяхъ близко подходившимъ къ *kummet*“. Что касается значенія слова *kummet*, то кромѣ общаго въ словарѣ указаны: а) бранное слово, которымъ мужъ обозначаетъ свою жену какъ мученіе для себя; б) встрѣчается также перенесеніе слова на человѣческое одѣяніе: *fasciola circa collum* (повязочка вокругъ шеи), *галстухъ*, *une gorgerette*; в) въ нѣмецкомъ языкѣ венгерской горной области *komüt—der Haarknoten der Frauen*, т. е. женская прическа узломъ (ср. чешск.). Обратимся теперь къ тому природному нѣмецкому слову, съ которымъ встрѣтилось, по мнѣнію Гримма, заимствованное славянское. Въ словарѣ (I. с. 107) читаемъ: „*kamme, kampe*—интерес-

ное древнее слово изъ пастушеской жизни, со многими побочными формами—*kāmte*, *kāmpre* и др.“ Мы не будемъ приводить звуковыхъ вариантовъ слова, равно какъ и оправдательныхъ примѣровъ; остановимся лишь на нѣкоторыхъ разновидностяхъ значенія: 1) ш в е й ц. трехконечная деревянная машина, которую напр. вѣшаютъ на козъ, чтобы онѣ не проламывали заборовъ, а въ б а в а р. деревянный ошейникъ для козъ, чтобы ихъ привязывать къ чему-либо; 2) т и р о л. повязка, на которой виситъ коровій бубенчикъ; снарядъ, мѣшающій ходьбѣ рогатаго скота; 3) н и ж. - н. (мѣстами) инструментъ, который вкладется рогатому скоту на шею, чтобы на немъ укрѣпить сбрую, ср. *kuhkat* — шейное ярмо коровы; 4) примѣняется къ лошадиной сбруѣ, др. - в н. *šato* — сажусъ узда съ желѣзными зубцами, намордникъ для дикихъ лошадей. Признавая *kamte* природнымъ нѣмецкимъ словомъ, Гриммъ замѣчаетъ, что при перенесеніи этого древняго пастушескаго выраженія на лошадей могло оказать вліяніе лат. *catius*. Это представляется весьма вѣроятнымъ въ виду значенія и формы, указанныхъ въ пунктѣ 4-мъ. Такимъ образомъ, въ германскомъ мірѣ мы видимъ древнее природное слово изъ пастушеской жизни (*kamte*), иногда по значенію близко подходящее къ хомуту, а затѣмъ два культурныхъ вліянія — со стороны Рима (др.-вн. *šato*) и со стороны славянъ (*kummet*); замѣтимъ также, что самое латинское слово, глоссируемое черезъ *šunt* т. е. *kummet*, затемнилось на нѣмецкой почвѣ въ своемъ значеніи. Что касается славянскаго заимствованнаго слова, то Гриммъ полагаетъ, что оно даже могло быть родственнымъ по своему корню съ природнымъ нѣмецкимъ; при этомъ онъ ссылается на англійское слово *hame* (*kummet*), въ отличіе отъ нѣмецкаго удовлетворяющее даже закону „перевоя“ (*Lautverschiebung*); наконецъ, онъ находитъ, что такъ какъ при хомутѣ первоначальное значеніе, безъ сомнѣнія, должно было быть сгибаніе дерева, то можно было бы привлечь къ сравненію корень *kr-m*, *kr-mp* (нѣм. *krumt*), который могъ бы составить параллельную форму къ *k-m*, *k-mp*, ср. *χαμπτω*,

caturus, литов. *kutras* и др. Замѣтимъ однако, что нѣкоторыя изъ только что приведенныхъ лингвистическихъ соображеній Гримма являются не достаточно обоснованными.

Въ заключеніе остановимся нѣсколько на византійско-римскихъ словахъ *χημός* = *catius* и *χαμός* = *chatius* и на ихъ судьбѣ. Мы уже видѣли что *χαμός* (*hatius*), первоначально означавшее удочку, приняло значеніе удиль, и такимъ образомъ облизилось по значенію съ *χημός*. Въ византійскомъ языкѣ эти два слова уже смѣшались и Sophocles (l. c.) указываетъ *ὁ χαμός* = *χημός* (намордникъ). Смѣшеніе словъ, происшедшее въ византійскомъ языкѣ, отразилось на латинскомъ, гдѣ рядомъ съ *catius* появляется форма *chatius* — подражаніе греческому. Мы уже видѣли вліяніе *catius*, *chatius* (*χαμός*—*χημός*) въ германскомъ мірѣ, но кажется это вліяніе было шире; ср. рум. *hat*, мадьяр. *hat*, словин. *hat* рядомъ съ природнымъ *homot* (см. Mikl. Et. W. стр. 856, подъ словомъ *chatū*; Миклошичъ не считаетъ этого слова заимствованіемъ, судя по отсутствію въ его словарѣ указанія на это)¹⁾. Но если и было значительно вліяніе византійско-римскаго слова, то болѣе широкимъ нужно признать вліяніе славянское: мы уже его отмѣтили въ отношеніи финновъ, татаръ, литовцевъ и нѣмцевъ; его волна, оказывается, докатилась и до романскаго міра, какъ это видно изъ рето-романскаго *comàtt* (см. Arch. f. slav. Phil. XII 482).

Казань
24 дек. 1892 г.

В. Богородицкіи.

¹⁾ И такъ, изъ всѣхъ славянскихъ языковъ дублетъ къ слову *gomutъ* существуетъ только въ словинскомъ (словинское слово *hat* въ словарѣ Янжича показано съ двумя значеніями — «Pferdekummet» и «Jauchgeschirr»), указываемаго же Миклошичемъ малорусскаго слова *chatu* я не нашелъ въ словарѣ Желеховскаго. Не смотря на такую незначительную распространенность слова *hat* у славянъ, все же нельзя съ рѣшительностью отвергнуть природность этого слова, такъ какъ фонетически оно дѣйствительно можетъ являться дублетомъ къ *homot*, при чемъ въ корнѣ имѣетъ мѣсто древнее чередованіе *a* || *o*, и еще разница по суффиксальному элементу.

БАШҚИРЪ САЛАВАТЪ ЮЛАЕВЪ,
ПУГАЧЕВСКІЙ БРИГАДИРЪ, ПѢВЕЦЪ И ИМПРОВИЗАТОРЪ.

Вмѣсто предисловія отъ издателя.

Удавая доставленную мнѣ секретаремъ Уфимскаго Статистическаго Комитета Н. А. Гурвичемъ рукопись покойнаго Р. Г. Игнатьева, я считаю своимъ долгомъ сообщить нѣсколько біографическихъ данныхъ объ ея авторѣ.

Руфъ Гавриловичъ Игнатьевъ родился въ Москвѣ 7 сентября 1829 г., а умеръ въ Уфѣ 2 января 1886 года, на 57 г. отъ рожденія. Прѣисходя изъ дворянъ Бронницкаго уѣзда Московской губерніи, Р. Г. былъ послѣднимъ представителемъ своего рода. По окончаніи курса наукъ въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ Языковъ, Р. Г. отправился во Францію, гдѣ два года обучался музыкѣ и пѣнію въ Парижской Консерваторіи, во время директорства знаменитаго композитора Галевы, отъ котораго онъ получилъ и дипломъ. Покойный Р. Г. отлично зналъ церковную и народную музыку какъ вокальную, такъ и инструментальную (струнную и духовую), и былъ отличнымъ пѣвцемъ и игрокомъ на фортепiano, первой скрипкѣ, флейтѣ, кларнетѣ и трубѣ. Возвратившись изъ Парижа въ Москву, Р. Г. поступилъ на службу въ Московскую Синодальную Кантору и былъ субъ-регентомъ или «подголловщикомъ» въ синодальномъ хорѣ Большаго Успенскаго Собора въ Москвѣ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, Р. Г., только лишь вышедшій изъ *École Laourette*, посѣтилъ многіе новгородскіе монастыри, вмѣстѣ съ членомъ придворной капеллы Тихменевымъ, для собранія и списыванія древнихъ нотъ и напѣвовъ; въ это время Р. Г. впервые познакомился съ архивами, пристрастился къ старинѣ и тогда же напечаталъ въ Новгородскихъ Вѣдомостяхъ какую-то статью, которую считалъ первымъ своимъ печатнымъ трудомъ.

Я въ первый разъ узналъ о Р. Г. въ 1873 г. по слѣдующему случаю. Въ мартѣ этого года мною были прочитаны въ Уральскомъ Войсковомъ Собраніи три публичныя лекціи объ И. И. Неплюевѣ, въ пользу бѣднѣйшихъ учениковъ Уральской войсковой гимназіи. Наказный атаманъ Н. А. Вереекинъ находился тогда въ походѣ на Хиву и потому не могъ быть на чтеніи емъ же разрѣшенныхъ лекцій. Возвратившись въ іюль мѣсяцѣ въ Уральскѣ

храбрый завоеватель «в а к л я т о й» Хивы, раненный пулею въ лицо, пожелалъ самъ познакомиться съ содержаніемъ моихъ лекцій о Неплюевѣ. Я доставилъ ему лекціи. Атаманъ, заинтересованный ихъ содержаніемъ, пожелалъ, чтобы онѣ были напечатаны въ Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ. Я согласился, но когда стали печатать лекціи, мнѣ захотѣлось пополнить ихъ новыми данными, почему я тогда же обратился съ письмомъ къ А. И. Бекрѣеву, учителю исторіи въ Оренбургской гимназіи, прося его сообщить мнѣ, какіе имѣются матеріалы о Неплюевѣ въ Оренбургскихъ архивахъ.— А. И. Бекрѣевъ, между прочимъ, писалъ мнѣ: «въ Статистическомъ Комитетѣ мнѣ сообщили, что самымъ лучшимъ пособникомъ Вамъ въ отысканіи источниковъ по Оренбургскому краю можетъ быть членъ разныхъ статистическихъ комитетозъ Руфѣ Гавр. Игнатьевъ, проживающій въ Уфѣ».—Я написалъ Руфу Гавриловичу, чтобы онъ пособилъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ можетъ, а 7 іюля того-же 1873 г. получилъ отъ него изъ Уфы письмо, въ которомъ Р. Г. обращаетъ мое вниманіе на Тургайскій архивъ: «Совѣтую Вамъ»,—писалъ онъ,—«сѣздить въ Оренбургъ и рассмотреть архивъ Тургайскаго Областнаго Правленія, гдѣ хранятся дѣла бывшей Оренбургской Губернской Канцеляріи, Оренбургской Экспедиціи и Военной Комиссіи». Безъ Тургайскаго архива біографія Неплюева немыслима. Что касается дѣлъ Уфимской провинціальной канцеляріи въ архивѣ Уфимскаго Губернскаго Правленія и Гражданской Палаты, то пожаръ Уфы въ 1759 году много истребилъ дѣлъ и эти архивы далеко уступаютъ Тургайскому, къ тому же все важное теперь изъ Гражданской Палаты отослано въ Московскій архивъ Министрства Юстиціи. Въ Тургайскомъ архивѣ должно обратить вниманіе на стопы указовъ и дѣла 1742—1757 г. и на три книги: «Описаніе киргизскаго, башкирскаго народа, Яицкихъ и Оренбургскихъ казаковъ, составленное по ордеру Графа Панина въ 1775 году»; здѣсь видны дѣйствія всѣхъ начальниковъ края, начиная съ Кириллова до Рейнедорпа.—Одна изъ книгъ—«Исторія башкирскаго народа», гдѣ немало говорится о дѣйствіяхъ Неплюева, мною напечатана въ Памятной Книжкѣ Уфимской губерніи¹⁾, изданной недавно Уфимскимъ Статистическимъ Комитетомъ,—совѣтую еѣ выписать. Въ Тургайскомъ архивѣ еще слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдственное дѣло 1745 г. надъ уфимскимъ вице-губернаторомъ Аксаковымъ, котораго отдалъ подъ судъ Неплюевъ, а Елизавета слѣдила придворнымъ шуткомъ... Нельзя не сочувствовать Вашему предпріятію; нельзя не привѣтствовать самой мысли написать біографію Неплюева, но, по моему мнѣнію, нужно записаться матеріалами, увѣ! отрывочными и раскиданными... а все-таки—записаться.—Осенью я буду въ Оренбургѣ и постараюсь достать Вамъ все нужное изъ Тургайскаго архива, и попробую сейчасъ же списаться съ Самарскимъ Статистическимъ Комитетомъ, касательно Ставропольскаго архива, и нѣтъ-ли чего въ архивахъ Бузулука, Бугуруслана и Бугульмы, нынѣ свезенныхъ въ Самару, въ центральный архивъ, послѣ закрытія уѣздныхъ судовъ; можно списаться и съ Астраханскимъ Комитетомъ».

¹⁾ За 1873 годъ.

Въ другой разъ Р. Г. писалъ мнѣ: «Я и забылъ сказать, документы изъ архивовъ Вы можете требовать по Тургайскому чрезъ генерала Баллювекъ; генераль-губернатора архивъ бесполезенъ Вамъ, онъ мною изслѣдованъ до конца: тамъ дѣла съ 1797 года, въ Тургайскомъ же архивѣ съ 1735 по 1784 годъ,—тамъ все управленіе Неплюева. Разбираю теперь архивъ Уфимскаго Губернскаго Правленія, гдѣ дѣла—съ 1725 года; что слышу, подѣлюсь съ Вами»¹⁾.

Такимъ образомъ, начиная съ 1873 года, Р. Г. Игнатьевъ сдѣлался для меня незамѣнимымъ помощникомъ въ отысканіи и указаніи архивныхъ матеріаловъ для предпринятой мною работы о Неплюевѣ, и у насъ началась самая оживленная и дружеская съ нимъ переписка.

Въ іюлѣ 1875 г. Р. Г. былъ въ Казани, но мнѣ не удалось въ то время увидѣться съ нимъ: я былъ въ отпуску, а 30 октября того же года онъ писалъ мнѣ: «За отсутствіемъ изъ Уфы, сейчасъ только получалъ письмо Ваше отъ 5 октября. Я Вамъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, возвратясь изъ Казани, послалъ подлинное отношеніе Новгородскаго архіерея, что могилы Неплюева и даже свѣдѣній о семь не оказалось; во всей Новгородской епархіи нѣтъ ни одной церкви, нѣтъ ни одного попа, который что-либо когда слышалъ о Неплюевѣ: Неплюевъ—личность неизвѣстная, давно забытая.—Справки о Неплюевѣ невозможны въ Новгородскомъ Дворянскомъ Депутатскомъ Собраніи и въ Селогорской волости; не знаю, что будетъ»²⁾. Въ декабрѣ того же (1875) года я получилъ отъ Р. Г. письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, сообщалъ: «Черезъ мѣсяцъ совсѣмъ оставляю Уфу: опредѣляюсь старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій къ вятскому губернатору»³⁾. Но въ концѣ того же мѣсяца Р. Г. извѣщалъ меня: «Я, кажется, писалъ, что перейду въ Вятку, но теперь вотъ бѣда: знакомаго губернатора перевели въ Минскъ и хотя мои документы отосланы, но не знаю, какъ взглянетъ новый губернаторъ,—можетъ быть захочетъ помѣстить своего знакомаго. Тогда все пропало: хотѣлъ бы я изслѣдовать Вятскій край, который требуетъ дѣятелей, а ихъ откуда нѣтъ»⁴⁾.—Въ томъ же письмѣ Р. Г. упоминаетъ и о рукописи «Салаватъ Юлаевъ»: «теперь у меня идетъ большая статья: «Салаватъ Юлаевъ, Пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ; я Вамъ пришлю ее непременно. Скоро я въ залѣ семинаріи буду читать публичную лекцію: «археологія церковныхъ облачений, въ связи съ иконописаніемъ».

Предполагаемый переходъ Р. Г. въ Вятку не состоялся. Въ ноябрѣ того же (1876) года я получилъ отъ Р. Г. письмо слѣдующаго содержанія: «О Рычковѣ началъ собирать свѣдѣнія, которыхъ покуда очень мало, и я ихъ

¹⁾ Письмо отъ 24 апѣля 1874 г.

²⁾ Не зная въ то время, гдѣ находится родина Неплюева, деревня Наволокъ, и его родовое имѣнье, село Поддубье, я просилъ Р. Г. оказать мнѣ взаимное содѣйствіе въ этомъ отношеніи.

³⁾ Изъ письма отъ 4 декабря 1875 г.

⁴⁾ Изъ письма отъ 22 декабря 1875 г.

Вамъ посылаю ¹⁾, но о юбилей дня его кончины я уже заявилъ въ Оренбургѣ и Уфѣ; надѣюсь, что слово мое не будетъ вопіющимъ въ пустынѣ. Для Археологическаго Съѣзда работаю за 5 комитетовъ, которые всѣ вопросы передали ко мнѣ же да, кромѣ того, за себя работаю. О Нагайбакахъ собираю свѣдѣнія и пришлю Шестакову ²⁾, о чемъ я уже ему и писалъ; къ Тимоееву писалъ ³⁾; не знаю, что отвѣтитъ. Работаю и сдѣлаю, но увѣ не знаю, буду ли на съѣздѣ: предлагаютъ мѣсто въ Минскѣ; жалованья 1000 рублей, можетъ быть, уѣду въ Минскъ, но объ этомъ послѣ. На пути позвольте къ Вамъ заѣхать въ Казань. Я теперь во всякомъ случаѣ работаю и работаю, буду не буду на Съѣздѣ, а работы пришлю-таки на Казанскій Съѣздъ ⁴⁾. Собираю мотивы русскихъ и инородческихъ пѣсенъ.—А Вы-бы великое мнѣ сдѣлали одолженіе, еслибы сдѣлали краткія выборки, гдѣ, въ какихъ документахъ, говорится о Батыршѣ Алѣевѣ. У насъ появился свой Батырша, бѣглый башкиръ Исебай; шайка его, всего 5 чел., грабятъ около Уфы, убила чиновника, посланнаго для поимки его. Исебай грабятъ русскихъ, а инородцевъ не трогаетъ, и потому ему сочувствуетъ все нерусское населеніе; тотъ же Исебай проповѣдуетъ возстаніе. У многихъ, въ томъ числѣ у самого Муфтія, дѣлались обыски, но ни къ чему не повели. Таковы-то дѣла въ Уфѣ, а страхъ нагнавъ Исебасмъ ⁵⁾.

Въ маѣ 1877 г. Р. Г. Игнатьевъ проѣздомъ въ Минскъ заѣхалъ на короткое время и въ Казань; былъ у покойнаго Н. И. Ильминскаго, у В. В. Радлова и навѣстилъ меня,—это была первая моя встрѣча съ Р. Г. и, какъ потомъ оказалось, послѣдняя; послѣ того я уже не встрѣчался съ Р. Г., хотя переписка у насъ съ нимъ продолжалась до 1880 года. По окончаніи семейнаго обѣда, къ которому я пригласилъ Р. Г., онъ сѣлъ за фортепіано и сыгралъ нѣсколько своихъ музыкальныхъ произведеній, а также мотивы башкирскихъ и киргизскихъ пѣсенъ. Какъ я замѣтилъ выше, Р. Г. былъ большой знатокъ церковной и народной музыки, будучи въ тоже время отличнымъ пѣвцомъ и игрокомъ на многихъ музыкальныхъ инструментахъ. Когда я служилъ еще въ Уральскѣ, Р. Г. писалъ не разъ ко мнѣ: «Хочу, если успѣю, поставить въ Москвѣ мою оперу: «Уфимское Городище». Я писалъ Вамъ, что въ первой молодости я былъ музыкантъ; по окончаніи курса наукъ, ѣздилъ на два года въ Парижскую консерваторію, гдѣ и кончилъ курсъ, по-

¹⁾ По случаю столѣтняго юбилея со дня кончины П. И. Рычкова († 1777 г.) въ 1877 г., я просилъ Р. Г. сообщить мнѣ, что онъ знаетъ о селѣ Спасскомъ и о храмѣ, построенномъ въ немъ Рычковымъ.

²⁾ П. Д. Шестаковъ, бывшій попечитель Казанскаго учебнаго округа.

³⁾ И. Т. Тимоеевъ, священникъ изъ крещеныхъ крестьянъ-татаръ, бывшій тогда учителемъ Фершампенуазской нагайбацкой школы, родной братъ В. Т. Тимоеева, настоятеля церкви и руководителя крещено-татарской центральной школы въ Казани.

⁴⁾ Здѣсь разумѣется IV Археологическій Съѣздъ, бывшій въ Казани въ 1877 г., на которомъ Р. Г. чу не удалось быть.

⁵⁾ Изъ письма отъ 23 ноября 1876 г.

лучивъ дипломъ». Въ своемъ письмѣ, отъ 24 апрѣля 1874 г., Р. Г. извѣщалъ меня: «Сдѣланъ членомъ Московской Консерваторіи за одно сочиненіе, тамъ исполненное, и за сборникъ народныхъ мотивовъ. Хочу одно сочиненіе прислать въ Уральскъ, но желалъ-бы, чтобы капельмейстеръ, далъ записку, сколько у него и какіе духовые инструменты, а о струнныхъ я уже самъ по этому соображу».—Р. Г. также занимался собираніемъ скавокъ, повѣрій и пѣсень башкиръ, приложивъ къ послѣднимъ и ноты мотивовъ самыхъ пѣсень, къ сожалѣнію, кажется, не появившіяся еще въ печати; по крайней мѣрѣ, въ мартѣ 1876 г. Р. Г. писалъ мнѣ: «жаль, что ноты пѣсень не напечатаны, какъ извѣстилъ меня Оренбургскій Отдѣлъ Импер. Геогр. Общества, что упущено типографшица»¹⁾.

Въ 1877 году уфимскій губернаторъ Чарыковъ былъ переведенъ въ Минскъ и пригласилъ съ собой туда на службу и Р. Г. Игнатъева, который принялъ это предложеніе и въ маѣ 1877 года переѣхалъ изъ Уфы въ Минскъ, гдѣ болѣе 2 лѣтъ былъ редакторомъ Минскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, помѣщая въ нихъ свои статьи и замѣтки изъ мѣстной исторіи и хроники. Какъ отличный знатокъ древней русской письменности, археологіи и археографіи, Р. Г. не замедлилъ обратить свое вниманіе и на Минскіе архивы: «Архивъ Губернскаго (Минскаго) Правленія»,—говоритъ онъ,—«гдѣ хранятся дѣла съ 1795 года, представляетъ много большею частію неизвѣстныхъ, но важныхъ для исторіи фактовъ, касающихся царствованія Александра I и въ особенности войнъ 1805, 1806, 1812 и 1813 годовъ; эти факты касаются вообще сѣверо-западнаго края. Здѣсь же ученый изыскатель найдетъ много матеріаловъ, относящихся до послѣдняго раздѣла Польши, а главное—событій 1831 и 1863 годовъ. На архивъ Губернскаго (Минскаго) Правленія давно слѣдуетъ обратить особое вниманіе; научный разборъ и научная опись его необходимы. Послѣ архива Губернскаго Правленія или даже прежде его, слѣдуетъ обратить вниманіе на богатое собраніе историческихъ матеріаловъ XVI, XVII и XVIII в. въ архивѣ Духовной (Минской) Консисторіи; этотъ архивъ не разобранъ и даже безъ описей, но и при самомъ поверхностномъ осмотрѣ его попадаются грамоты, универсалы польскихъ королей, вельможъ, подписи лицъ историческихъ, планы и печати. Замѣчательны также архивы Дворянскаго Депутатскаго Собранія и Соединенной Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда. Древности Минской губерніи»,—продолжаетъ Р. Г.,—«никогда еще не появлялись въ трудахъ нашихъ ученыхъ общество, тогда какъ въ Минской губерніи, гдѣ еще, по предварительно только собраннымъ свидѣніямъ Губ. Стат. Комитетомъ, оказывается болѣе 14,000 кургановъ, такъ много городищъ, остатковъ древнихъ укрѣпленій, руническихъ надписей, каменныхъ идоловъ! Да, по исторіи и древностямъ наша губернія, занимая почетное мѣсто въ Россіи, въ сущности

¹⁾ Въ изд. Оренб. Отд. Импер. Геогр. Общества была напечатана статья Р. Г. Игнатъева: «О татарскихъ рукописяхъ, обращающихся у магометанскаго населенія Оренб. губерніи», къ которой и предназначались мотивы пѣсень, въ видѣ приложенія.

покуда въ научномъ отношеніи—обширное, но невоздѣланное поле, нива неоранная, «новья», какъ выражаются агрономы. Поле ждетъ усердныхъ работниковъ-дѣятелей, ждетъ, чтобы по нему прошелъ плугъ науки»¹⁾.

Р. Г. принялся было за дѣло изученія Минской губерніи съ свойственной ему энергіей, но, къ сожалѣнію, не на долго. Какъ истинно православный русскій человекъ и глубокой патріотъ, онъ скоро нашолъ себѣ враговъ въ этой полурусской губерніи. Вотъ что писалъ онъ мнѣ изъ Минска въ маѣ 1878 года: «Я начинаю привыкать къ Минску, но сколько я вытерпѣлъ отъ поляковъ! они насъ ненавидятъ до того, что, мы, русскіе, во время войны²⁾, боялись иногда въ одиночку ходить въ кондитерскія, гостиницы и клубы: насъ осыпали насмѣшками и, случалось, бока ломали; польки дѣлали дерзости русскимъ дамамъ. Меня чиновники-поляки встрѣтили бранью, насмѣшками, доносами, три раза хотѣли исключить изъ службы безъ прошенія; спасали губернаторъ и губернаторша, моя давняя знакомая, на моихъ глазахъ бывшая ребенкомъ. Когда-нибудь расскажу подробности и Вы ужаснетесь.—Проклятый край! пусть ни одинъ русскій не идетъ туда служить, пусть ни одна русская женщина не выходитъ замужъ въ нашъ край и, Боже избави, не идетъ въ гувернантки, акушерки и т. п. Наше православное духовенство говоритъ по польски, въ семинаріи—польскій языкъ; народъ молится по католическимъ молитвенникамъ и, вмѣсто крестнаго знаменія бьетъ себя въ грудь или креститъ всей рукой, крестится обливаніемъ,—ничего нѣтъ православнаго! Самыя церкви, бывшія въ уни до 1839 г. хорошенько и теперь не передѣланы; онѣ съ боковыми открытыми алтарями; колокола качаютъ, а не веревками звонятъ; народъ ходитъ (къ богослуженію) наиболѣе въ католическіе праздники. Церковное пѣніе совершенно не согласно съ духомъ и постановленіями Православной Церкви,—таково положеніе здѣсь православія!—Духовенство бѣдно и презираемо помѣщиками поляками. Консисторія завалена дѣлами о совращеніи въ католицизмъ изъ православія. Богаты и горды ксендзы. Костелы богаты и полны народа, а наши церкви—увы! не имѣютъ ни украшеній, ни богатыхъ ризницъ. Я теперь участвую въ архіерейскомъ хорѣ, я же—преподавателемъ церковнаго пѣнія въ женской гимназіи и Дѣтскомъ Приютѣ почти годъ, и бьюсь ужасно за правильнымъ выговоромъ церковныхъ текстовъ. Сами архіерейскіе пѣвчіе поютъ: «Слава вышніехъ Богу! раба Твои съ миромъ» и т. п.—Въ день освобожденія Уфы отъ Пугачевской осады 25 марта, я и еще двое уфимцевъ служили панихиду въ Екатерининскомъ соборѣ; подъ моею дирекціей пѣли 33 голоса женскихъ и дѣтскихъ панихиду Бортианскаго; эктени и вѣчную память пѣли мѣстнымъ уфимскимъ напѣвомъ,—вышло не душно. Гдѣ могу: въ газетѣ, въ пѣніи провожу и буду проводить идеи православія, за что, конечно, пострадаю впоследствии; но хоть одинъ годъ, а буду противоборцемъ всего нерусскаго. Многіе родители не довольны, что я ввелъ преподаваніе церковнаго пѣнія въ женской гимназіи. Трудовъ много, содер-

¹⁾ Минскія Губ. Вѣдомости за 1877 г., № 52, стр. 779.

²⁾ За освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго ига въ 1877—1878 г.

жанія 1000 р.; живу я у губернатора, но жизнь моя тревожная, полная огорчений; знакомых нѣтъ; русскіе поляки обѣгаютъ, а меня за идеи въ особенності».

Изъ этого письма Р. Г-ча я заключилъ, что положеніе его въ Минскѣ не прочно и что онъ вынужденъ будетъ оставить тамъ службу, а 17 іюня 1879 г., какъ-бы въ подтвержденіе этого, онъ писалъ мнѣ: «Дѣйствительно давно и давно я Вамъ не писалъ изъ далекаго Минска, гдѣ я еще прозябаю, но думаю и хлопочу объ Уфѣ. Я не прочилъ себя на долго въ Минскѣ и потому оставилъ въ Уфѣ многое, даже ничего не продалъ, даже двѣ повозки—и тѣ въ надежныхъ рукахъ. Мнѣ сейчасъ прислали письмо, что возвращеніе мое въ Уфу послѣдуетъ скоро. Меня въ Минскѣ преслѣдовала польская партія за открытія въ архивахъ очень непріятныхъ фактовъ; крушенія терпѣлъ я и нападки, только губернаторъ за мнѣя. Житіе (здѣсь) русскаго чиновника, не хотящаго быть нерусскимъ, невыносимо и я выжилъ изъ остатковъ старческаго терпѣнія. Таково-то наше житіе-бытье! Р. Г-чъ не переставалъ заниматься въ архивахъ и среди этихъ невзгодъ опирался на расположеніе къ нему губернатора: «Я разсмотрѣлъ (пишетъ онъ мнѣ) дѣла правленія бывшаго правителя Минской области Ивана Николаевича Неплюева. Чудная личность, достойная дѣла!.. Внуку наследовалъ отъ дѣла хлѣбосоольство, удивлявшее пановъ и разстроившее его состояніе. Неплюеву принадлежить, вѣстѣ съ Минскимъ архіепископомъ Викторомъ Садковскимъ, первому вопросу о воссоединеніи униатовъ, и онъ въ свое трехлѣтнее управленіе присоединилъ ихъ 100,000 чел. Въ 1839 г. дѣло Неплюева только dokonчено, касательно униатовъ. Не Симашко, а Неплюевъ съ Викторомъ дали толчекъ уни, за что и слѣзѣли—однѣ тайнымъ совѣтникомъ въ отставку, а другой на Черниговскую епархію. Въ Минскѣ была открыта римско-католическая епархія и дѣло уни отсрочилось на десятки лѣтъ».

Въ 1880 году Р. Г., какъ и слѣдовало ожидать, покинулъ Минскъ и снова вернулся въ Уфу, откуда 29 іюля 1880 г., между прочимъ, писалъ мнѣ: «Генераль-губернаторъ Н. А. Крыжановскій поручилъ мнѣ написать исторію Оренбургскаго края, и я началъ. Вы, вѣроятно, этому порадуетесь. Много нахожу новыхъ матеріаловъ о Неплюевѣ. Что Вы хотите дѣлать съ біографіею Неплюева.—Погодите до сообщенія Вамъ мною новыхъ фактовъ. Какъ жаль, что не могу видѣть! Нужно-бы поговорить много о нашихъ обшихъ научныхъ интересахъ—всего не напишешь».—«Что скажу про себя?—Покуда здоровъ, работаю, пою, занимаюсь собраніемъ народныхъ мотивовъ. Мой нотный сборникъ пѣсень Бѣлоруссовъ въ рукахъ Общества Естествознанія, Антропологии и Этнографіи и будетъ изданъ».—Изучивъ архивы Оренбурга, Уфы, Златоуста, Троицка и др. мѣстъ Оренб. края, Р. Г. не былъ еще знакомъ съ уральскимъ войсковымъ архивомъ; чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, онъ въ 1880 г. осенью отправился въ Уральскъ, откуда 10 октября того же года извѣщала меня: «Я роюсь въ уральскихъ архивахъ. Очень, очень много интереснаго!—Самъ же Уральскъ—скучный городъ, но Вы его лучше знаете. Впрочемъ есть театръ, клубъ и очень не дурной оркестръ, отчетливо исполнявшій 3 мои піесы и мое попури изъ пѣсень,

Бѣлоруссовъ. Въ Оренбургъ вернусь въ началѣ ноября. Обращаюсь съ почтительнѣйшей просьбой, исполненіемъ которой окажете мнѣ самое, какое только можетъ быть, величайшее одолженіе: не можете-ли прислать мнѣ Вашу книгу «Уральское войско до Пугачевщины»¹⁾, изъ которой я только сдѣлаю выписки, необходимыя для моей «Исторіи Оренбургскаго края».—Напишите, что Вамъ нужно для Неплюева: краткія извлеченія изъ архивныхъ дѣлъ, разумѣется, съ указаніемъ, откуда взято, № дѣла и листа, или—списывать документы, а ихъ такъ много,—право, не знаю. Но я общалъ и хочу что-либо сдѣлать».

Вечеромъ 19 декабря 1880 г. прибылъ въ Оренбургъ знаменитый путешественникъ по Тибету и Монголіи, покойный Н. М. Пржевальскій. Въ 8 час. вечера на другой день обширное зало Городской Думы было переполнено гражданами всѣхъ сословій г. Оренбурга: Пржевальскій общался сдѣлать сообщеніе о ходѣ и результатахъ своихъ трехъ экспедицій въ центральную Азію. Генераль-губернаторъ Н. А. Крыжановскій, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ и многочисленнымъ собраніемъ мѣстной интеллигенціи, предъ началомъ реферата Н. М. Пржевальскаго, сказалъ обширную рѣчь, въ которой обратилъ вниманіе слушателей на необходимость подробнаго и всесторонняго описанія Оренбургскаго края. Описаніе это должно было состоять изъ четырехъ отдѣловъ: 1) географическаго, 2) этнографическаго, 3) естественно-историческаго и 4) собственно историческаго. Собраніе единогласно выразило желаніе заняться собираніемъ данныхъ для описанія Оренбургскаго края, при посредствѣ особыхъ 3-хъ комиссій: 1) по географіи, подъ предсѣдательствомъ Ѡ. М. Самоцвѣта²⁾; 2) по статистикѣ, подъ предсѣдательствомъ Л. Л. Мейера; 3) по исторіи естественныхъ богатствъ и врачебной части, подъ предсѣдательствомъ В. В. Лотина³⁾; занятія же по исторіи края были всецѣло возложены на Р. Г. Игнатъева, при чемъ генераль-губернаторъ замѣтилъ: «Что касается исторической части описанія Оренбургскаго края, я полагаю, господа, что для нея никакой комиссіи не нужно. По свойству самой работы, она должна быть произведеніемъ одного лица, къ ней особенно приготовленнаго предшествовавшими занятіями. Такое лицо есть между нами: г. Игнатъевъ въ давно уже занимается исторіею Оренбургскаго края; въ послѣднее время онъ осматрѣлъ архивъ въ Нижне-Уральскѣ и я предложу Отдѣлу командировать его для такой же цѣли въ Москву». По окончаніи своей рѣчи генераль-губернаторъ представилъ собранію знаменитаго путешественника по Центральной Азіи, Н. М. Пржевальскаго, который въ теченіе 1½ часа излагалъ предъ слушателями любопытные результаты своего ознакомленія съ Тибетомъ и Монголіей.

Такимъ образомъ Р. Г. Игнатъевъ публично, въ многочисленномъ собраніи Оренбургскихъ гражданъ, былъ признанъ со стороны генераль-губер-

¹⁾ Р. Г. разумѣетъ здѣсь мою монографію: «Яицкое войско до появленія Пугачева», напечатанную въ «Русск. Архивѣ» за 1879 годъ

²⁾ Директоръ Неплюевскаго кандидатскаго корпуса.

³⁾ Военно-медицинскій инспекторъ, служажій въ настоящее время въ Казанскомъ военномъ округѣ.

ватора за человѣка, хорошо приготовленнаго для занятій исторіей Оренбургскаго края. Р. Г., умѣвшій цѣнить вниманіе къ нему другихъ, съ особенною энергіей занялся порученнымъ ему дѣломъ, тѣмъ болѣе, что онъ многимъ былъ обязанъ покойному Н. А. Крыжановскому и любилъ Оренбургскій край, какъ только можно любить родину: въ немъ онъ провелъ болѣе двадцати лѣтъ и совершенно сроднился съ нимъ, посвятивъ лучшіе годы своей жизни на его изученіе. Въ «Оренбургскомъ Листкѣ» за 1880 и 1881 годы появилась весьма обстоятельная статья Р. Г. Игнатъева подъ заглавіемъ: «Киргизы Оренбургскаго вѣдомства въ XVIII столѣтіи»¹⁾, написанная по преимуществу на основаніи архивныхъ матеріаловъ; тогда же Р. Г-чъ напечаталъ весьма интересную статью: «Каракасанъ, лжеханъ Башкиріи»²⁾.—Удалось-ли ему получить командировку въ Москву, согласно предложенію генераль-губернатора, мнѣ не извѣстно. Къ сожалѣнію, желаніе Н. А. Крыжановскаго составить подробное описаніе Оренбургскаго края такъ, кажется, и осталось только въ идеѣ. 11 іюля 1881 г. Оренбургскій генераль-губернаторъ отправился въ Петербургъ съ докладами, а 14 іюля въ 4 ч. 20 м. пополудни получена была въ Оренбургѣ слѣдующая телеграмма отъ Краевскаго: «Высочайшимъ указомъ на имя Правительствующаго Сената объявлено: упраздняется должность Оренбургскаго генераль-губернатора. Генераль-губернаторъ Крыжановскій увольняется отъ должности съ оставленіемъ членомъ Военнаго Совѣта»³⁾. Р. Г-чъ, безъ сомнѣнія, расчитывавшій на содѣйствіе Н. А. Крыжановскаго, остался такъ сказать, не у дѣлъ, предоставленнымъ самому себѣ; съ другой стороны, самая сложность работы, требующая многого, кромѣ трудолюбія и знанія архивовъ, едвали была-бы по силамъ человѣку, утомленному житейскими невзгодами и лишенному матеріальныхъ средствъ.

Вскорѣ по упраздненіи Оренбургскаго генераль-губернаторства было обращено вниманіе на генераль-губернаторскій архивъ; для разбора его была образована особая коммиссія изъ членовъ, принадлежащихъ къ мѣстному чиновническому классу, также были приглашены къ участію въ разборѣ архива и любители-архивовѣды. Коммиссія просила на расходы ежегодный кредитъ въ 3,600 руб. Для осмотра архива и выработки инструкціи дѣйствій коммиссія пріѣзжалъ въ Оренбургъ начальникъ архива Министерства Юстиціи и директоръ Археологическаго Института въ Петербургѣ, покойный сенаторъ Н. В. К а л а ч е в ъ въ сообществѣ своихъ сотрудниковъ гг. Львова и Гаврилова. Съ этою цѣлію въ Оренбургѣ состоялось два засѣданія, при участіи тайнаго совѣтника Гирса и его сотрудника дѣйств. ст. сов. Голдинскаго, а также и Р. Г. Игнатъева, В. Ф. Ильина, Н. А. Середы и И. И. Евимовскаго-Мировицкаго, подъ предсѣдательствомъ т. сов. Н. В.

¹⁾ См. за 1880 г. №№ 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17.

²⁾ См. за 1880 г. №№ 19, 20, 22, 24, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 32, 36, 38, 39, 44, 46, 47, 48, 49; а 1881 г. №№ 21, 23, 24, 25, 26, 27, 33, 34, 35, 37, 41, 42, 46, 47, 48, 51 и 52,—всего 36 ну еровъ.

³⁾ Оренб. Листокъ 1881 г., № 28 (прибавленіе).

Калачева. Въ совѣщаніи этихъ лицъ было опредѣлено не только разобрать дѣла генераль-губернаторскаго архива, но и составить имъ описи съ краткими обоимъ означеніемъ ихъ содержанія, такъ чтобы можно было дѣла ненужныя предать уничтоженію; тогда же было постановлено, въ интересахъ охраненія архивныхъ дѣлъ, избрать начальника архива. «Оренбургскій Листокъ», сообщая о томъ, замѣчаетъ: «Очень жаль, что не имѣется средствъ расширить дѣйствія архивной комиссіи порученіемъ ей рассмотреть попутно архивы областей Тургайской и Уральской, а также архивы уфимскіе и епархіальные, въ которыхъ содержится масса самостоятельныхъ матеріаловъ, имѣющихъ для исторіи края весьма важное значеніе»¹⁾.

Р. Г. Игнатьевъ, какъ отличный знатокъ архивовъ, оказалъ весьма большія услуги при разборѣ генераль-губернаторскаго архива. Въ 1889 г. былъ напечатанъ и вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ изданія «Архивъ бывшаго Оренбургскаго генераль-губернаторскаго управленія»; въ этотъ выпускъ вошли указы Оренбургскимъ военнымъ губернаторамъ Императрицы Екатерины II (1764 г.) и Императора Павла I (1797—1800). Остальные документы, за исключеніемъ нѣсколькихъ дѣлъ, не имѣющихъ особеннаго интереса, относятся къ текущему столѣтію; изданіе ихъ обѣщано редакціей въ слѣдующихъ выпускахъ. Въ приложеніи къ 1 выпуску помѣщены двѣ замѣтки Р. Г. Игнатьева, разбиравшаго архивъ генераль-губернаторской канцеляріи, а именно: «Оренбургъ въ 1797 году» и «Рескриптъ Императора Александра I по поводу учрежденія въ Оренбургѣ Военнаго училища, нынѣ Неплюевскаго кадетскаго корпуса»²⁾.

Много, очень много потрудился покойный Р. Г. Игнатьевъ надъ изученіемъ старины русской и особенно надъ историческими матеріалами Оренбургскаго края. Долго пришлось-бы перечислять всѣ печатные труды его³⁾; укажу хотя на нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ отмѣченныхъ мною выше.—Р. Г. помѣщалъ свои труды преимущественно въ изданіяхъ Статистическихъ Комитетовъ Оренбургской, Уфимской, Пермской, Вятской, Тобольской и Минской губерній, въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ поименованныхъ губерній, въ Оренбургскихъ Епархіальныхъ и Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ, а также въ газетѣ: «Оренбургскій Листокъ», сотрудничая въ то же и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ его статей: 1) Верхнеуральскъ (Пам. кн. Ор. губ. 1865 г., стр. 103—132); 2) Міасскіе золотые промыслы въ Оренбургской губерніи (Пам. кн. Оренб. губ. на 1870 г.); 3) Отрядъ Чебаркульскій Троицкаго уѣзда (тамъ же); 4) Встчина митрополитовъ Тобольскихъ и Си-

¹⁾ Оренб. Листокъ 1881 г., № 40.

²⁾ Обѣ замѣтки были еще раньше напечатаны въ Пам. кн. Оренб. губерніи за 1871 г.

³⁾ Составитель некролога Р. Г. Игнатьева насчитываетъ болѣе 500 статей различнаго, по преимуществу ученаго, содержанія, написанныхъ покойнымъ при жизни. См. стр. 304 въ кн.: «Истор. Записка о дѣятельности Импер. Моск. Арх. Общ. за первые 25 лѣтъ существованія». Москва, 1890 г.

бирскихъ въ Челябинскомъ уѣздѣ (ib); 5) Объ ученыхъ трудахъ П. И. Рычкова (ib); 6) Походный иконостасъ и церковная утварь, пожалованныя Петромъ Великимъ, въ г. Оренбургѣ («Образованіе и Промышленность» за 1872 г., № 10); 7) Чортово Городище близъ Уфы (Уф. Губ. Вѣд. за 1867 г., № 2); 8) Конфедераты въ Уфѣ въ 1772 г. (ib. 1874 г., №№ 8—11, 14, 16, 17, 18, 20, 21 и др.); 9) Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ (ib., №№ 29—32 и др.); 10) Матеріалы для археологическаго словаря (Том. 1 и 2 Древн. Имп.; Моск. Арх. Общ.); 11) Лже-патріархъ Игнатій (Виленскій Вѣстникъ 1879 г.); 12) Ник. Ив. Неплюевъ¹⁾, правитель Минской области (Минск. Губ. Вѣд. за 1878 г., №№ 14, 16—18 и 20); 13) О мѣстѣ погребенія преосвященнаго Виктора Садковскаго, перваго архіепископа Минскаго, потомъ Черниговскаго и Малороссійскаго (тамъ же, № 19); 14) Могила В. Н. Татищева (Оренб. Листокъ 1880 г., № 5); 15) Случай изъ жизни преосвященнаго Михаила, бывшаго епископа Оренбургскаго и Уфимскаго (ib., № 40); 16) Присяга Яицкихъ пугачевцевъ (ib. за 1881 г., № 26); 17) Архивная находка (ib. № 25); 18) Ив. Ив. Меньшовъ (некрологъ) (ib. № 27); 19) Осада Уфы Пугачевымъ (Пам. кн. Уф. губ. за 1873 г.); 20) Свѣдѣнія о башкирскомъ походѣ по ордеру Графа Панина (ib); 21) Свѣдѣнія о церквахъ Уфимской губерніи (ib.). Кромѣ того, Р. Г-чу Игнатьеву принадлежатъ еще слѣдующія статьи и замѣтки, цитаты которыхъ мы въ настоящее время съ точностью означить не можемъ, за неимѣніемъ подъ руками книгъ и газетъ, въ коихъ они были напечатаны; эти статьи слѣдующія: 22) Кіотъ, пожертвованный Іоанномъ Грознымъ въ г. Елабугу; 23) Очеркъ Ижевскаго завода; 24) Сосуды преосвященнаго Корнилія, митрополита Тобольскаго въ Невьянско-ѣ заводѣ; 25) О древнихъ памятникахъ въ Уфимскомъ уѣздѣ; 26) Памятники древностей Курганскаго округа Тобольской губерніи; 27) Описаніе раскопки одного кургана близъ г. Уфы; 28) Собраніе историческихъ, археологическихъ и статистическихъ свѣдѣній о бывшей Оренбургской губерніи 1866 и 1867 г.; 29) Антиминсъ Буйницкаго монастыря Литовской Руси въ г. Уфѣ, въ Смоленскомъ соборѣ; 30) Ганзейскій новгородскій колоколь въ г. Златоустѣ Уфимской губерніи; 31) Икона Св. Николая, находящаяся въ с. Березовкѣ-Камской Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи; 32) Антиминсъ въ древнемъ Екатерининскомъ Соборѣ, въ Москвѣ; 33) Извѣстіе о думскомъ дьякѣ, Авонасіи Власевѣ, бывшемъ воеводѣ г. Уфы; 34) Ногайскіе валы въ Уфимской губерніи; 35) Желѣзное ратовище, найденное близъ с. Моржихинскаго Тобольской губерніи; 36) Памятники древностей Уфимской и Оренбургской губерній; 37) Текстъ къ археологическимъ картамъ, составленнымъ Черниковымъ-Анучинымъ²⁾ на

¹⁾ Здѣсь очевидно опечатка: правителемъ Минской области былъ не Ник. Ив. Неплюевъ, а его сынъ отъ первой жены Т. Ѳ. Мещерской, Иванъ Николасвичъ. См. выше, письмо Р. Г. Игнатьева ко мнѣ, отъ 17 іюня 1879 г., изъ Минска.

²⁾ Черниковъ-Анучинъ, проживающій въ Уфѣ, былъ ближайшимъ товарищемъ Р. Г. Игнатьева и, вѣроятно многое знаетъ объ его жизни, что намъ неизвѣстно; желательнаго, чтобы онъ современемъ пополнивъ настоящую замѣтку, посвященную памяти покойнаго труженика.

Уфимскую и Оренбургскую губернии и Тобольской губернии Ялуторовскій и Курганскій уѣзды; 38) Церковь Св. Блаженнаго Николая Качавова, въ Новгородѣ; 39) О памятникахъ древности Минской губернии; 40) Церковныя древности Минской епархіи; 41) Описаніе вновь открытаго въ 1865 г. города Златоуста; 42) Описаніе раскольниковскихъ сектъ Уфимской и Оренбургской губерній; 43) Описаніе села Набережныхъ-Челновъ Мензелинскаго уѣзда, селъ Нагайбака, Байковъ и Абдулина Бирскаго уѣзда, по поводу вопроса объ образованіи новыхъ уѣздныхъ городовъ; 44) Исслѣдованіе о состояніи ярмарокъ и базаровъ въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ; 45) Исслѣдованіе ярмарки и базара въ г. Курганѣ Тобольской губернии; 46) Однодневная перепись городовъ Орска и Троицка и другія. Ознакомившись непосредственно со многими изъ поименованныхъ статей Р. Г. Игнатъева, я могу, по совѣсти, заявить, что покойный отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ и любовью къ знательности; если въ нѣкоторыхъ изъ его статей и встрѣчаются историческія ошибки и анахронизмы, зависѣвшіе иногда отъ корректора ¹⁾, то во всякомъ случаѣ нельзя не признать за покойнымъ знанія исторіи, этнографіи, археологіи, древней русской письменности, церковнаго устава, церковной и народной музыки.—Составитель его некролога справедливо замѣчаетъ: «Покойный не обладалъ грозкими титулами, не шеголялъ общественнымъ лоскомъ, а еще менѣе матеріальными средствами. Вся жизнь Р. Г. протекла въ тяжкихъ трудахъ, страданіяхъ и лишеніяхъ, но рѣзко онъ выдѣлялся стараніями и безмездными трудами». Р. Г. Игнатъевъ, былъ при жизни старѣйшимъ дѣйств. членомъ (съ 23 февраля 1865 г.) Импер. Моск. Арх. Общества, Общества Любителей Естествознанія и Антропологіи при Импер. Моск. университетѣ, Московской Консерваторіи, Минералогическаго Общества, Уральскаго Общества Любителей Естествознанія, Вольнаго Экономическаго Общества (по I и II отд.), членомъ-сотрудникомъ Общества исторіи, этнографіи и археологіи при Импер. Казанскомъ университетѣ; членомъ Оренбургской Архивной Ученой Коммиссіи; дѣйств. членомъ статистическихъ комитетовъ: Уфимскаго, Оренбургскаго, Вятскаго, Тобольскаго и Минскаго; пожизненнымъ членомъ Общества распространенія христіанства на Кавказѣ; членомъ Попечительства церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ Уфѣ и написалъ ея исторію; былъ уполномоченъ отъ Оренб. Статистич. Комитета участвовать, въ качествѣ его представителя, на VI Археологическомъ Съѣздѣ въ г. Одессѣ.

В. Витевскій.

¹⁾ Въ своей монографіи: «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край» я указываю на нѣкоторыя ошибки Р. Г. Игнатъева; но онѣ не умаляютъ значенія его трудовъ.

Саловатъ Юлаевъ принадлежитъ къ выдающимсяъ историческимъ личностямъ прошлаго столѣтія, не только какъ участникъ пугачевского бунта, но и какъ главный виновникъ возстанія башкиръ и другихъ инородцевъ-магометанъ въ Оренбургской губерніи. О Юлаевѣ до настоящаго времени помнятъ башкиры; о немъ, о его силѣ, храбрости, героическихъ подвигахъ ходитъ много разказовъ, пѣсенъ. Многія пѣсни, говорятъ башкиры, сложены самимъ Саловатомъ Юлаевымъ, который былъ будто-бы пѣвецъ и импровизаторъ. Прежде чѣмъ изложить содержаніе башкирскихъ пѣсенъ о Саловатѣ, скажемъ нѣсколько словъ о башкирской поэзіи и музыкѣ.

Пѣсни башкирскаго народа являются чаще всего импровизаціями; ихъ мотивы тоже импровизированные. Есть однако у башкиръ и свои давнія пѣсни, переходящія изъ поколѣнія въ поколѣніе; таковы пѣсни Саловата, о Саловатѣ и прочія.

---

* Источниками для настоящей статьи служили: дѣло въ архивѣ Уфимскаго Губернскаго Правленія 1775 г. о Пугачевскомъ бунтѣ, экстрактъ изъ дѣла о государственномъ влѣдѣ Пугачевѣ, въ томъ же архивѣ — самое дѣло находится въ Оренбургѣ въ дѣлахъ архива Тургайскаго Областнаго Правленія — столбъ указовъ 1775 года въ дѣлахъ того же Тургайскаго архива, гдѣ находится копія съ слѣдствія и рѣшенія по дѣлу о башкирѣ Саловатѣ Юлаевѣ, преданія о немъ башкиръ и пѣсни о его подвигахъ. Преданія и пѣсни дополняютъ все то, чего не найдено въ официальныхъ актахъ. — Пѣсня — былъ и преданія, хотя и бывають преувеличены, но въ нихъ всегда скрывается суть правды.

Башкиръ импровизируетъ свои пѣсни и мотивы, когда одинокъ, всего болѣе въ дорогѣ. Ѣдетъ мимо лѣса—поетъ про лѣсъ, мимо горы—про гору, мимо рѣки—про рѣку и т. д. Дерево онъ сравниваетъ съ красавицей, полевые цвѣты—съ ея глазами, съ цвѣтомъ ея платья и т. д. Мотивы башкирскихъ пѣсенъ по большей части грустные, но мелодичные; у башкиръ много такихъ мотивовъ, что имъ позавидоваль бы другой композиторъ. Каждый куплетъ или даже каждая высказанная мысль оканчивается протяжной нотой. Эта особенность башкирскихъ пѣсенъ заставляетъ многихъ думать, что у башкиръ всѣ пѣсни на одинъ и тотъ же мотивъ. Плясовыхъ пѣсенъ у башкиръ нѣтъ, но есть и плясовые мотивы безъ словъ. Самый употребительный плясовой мотивъ называется „Дюгана“ (перепелка). Пляшутъ всегда двое, становясь другъ противъ друга, двое мужчинъ или двѣ женщины; мужчины и женщины вмѣстѣ никогда не сходятся для увеселенія. Музыкальный инструментъ башкиръ—дудка о пяти ладахъ, или курай, балалайка, бандура въ видѣ небольшой гитары, но круглой формы о 5 струнахъ, гудокъ, въ видѣ скрипки, на которой тоже играютъ смычкомъ, кобызь желѣзный, у русскихъ называемый органчкомъ и рыле. Башкиры всегда поютъ по одному человѣку, въ 1 голосъ, подъ звуки балалайки, бандуры а всего болѣе курая, или дудки. Хорового пѣнія нѣтъ, но въ селѣ Бавалахъ, Белебейскаго уѣзда, гдѣ вмѣстѣ съ русскими живутъ давно окрещенные, но оставшіеся вѣрными прежнему образу жизни башкиры, женщины по примѣру русскихъ, водятъ между собою хоры, поютъ по-татарски и тѣмъ самымъ нарѣчіемъ, какимъ говорятъ башкиры, но эти хоры башкирокъ уже—результатъ русскаго вліянія, а не національное достояніе башкиръ.

Мужчины-башкиры поютъ исключительно рѣзкимъ фальцетомъ или же горловыми нотами; басовъ между ними не слышно; важется, ихъ и совсѣмъ нѣтъ; баса вы не услышите у башкиръ и въ обыкновенномъ разговорѣ; башкиры всѣ тенора, искажающіе въ своемъ пѣніи самые лучшіе природные голо-

са. Такимъ-то импровизаторомъ и пѣвцомъ былъ и Саловатъ; не пѣсни, а выдающаяся историческая роль выдвинула его изъ рядовъ народа, сохранила за нимъ память, какъ о героѣ, пѣвецъ-импровизаторѣ, сдѣлала самого героемъ пѣсень.

Представляемъ вѣрный переводъ съ татарскаго нѣсколькихъ пѣсень, приписываемыхъ Саловату. Мы не рѣшаемся передать ихъ рифмованными стихами, чтобы не отступить отъ смысла подлиннаго, башкирскаго текста ¹⁾.

О! Уралъ мой благодатный,
 Про тебя пою
 Пѣсню ту мою—
 И твое величье славлю.
 На тебя глядя,
 Сознаю величье Бога,
 Божіи дѣла;
 Твои чудныя вершины
 Близки къ небесамъ (2)
 Когда мѣсяцъ ночью встанетъ
 На землю глядя,—
 Твои вершины чудно свѣтятъ
 Чистымъ серебромъ;
 Когда солнце утромъ встанетъ
 На землю глядя,—
 Твои вершины золотятся
 И огнемъ горятъ.
 Вкругъ тебя, Уралъ высокій,
 Горы и лѣса
 Тоже, какъ коверъ богатый,
 Стелется трава;
 И пестрѣетъ весь цвѣтами
 Чудный тотъ коверъ,
 Чудный тотъ коверъ.
 Восходъ солнечный встрѣчаетъ
 Птичекъ божьихъ пѣснь
 И всѣхъ птичекъ громче славить
 Бога соловей.
 Его голосъ чудный, сладкій,
 Будто-бы азанъ ³⁾
 На молитву кличетъ

¹⁾ Переводъ сдѣланъ еще въ 1868 г. покойнымъ г. Давлетчинымъ.

²⁾ Призывъ въ извѣстные часы дня къ молитвѣ съ мечетей.

Вѣрныхъ мусульманъ.
 Ахъ, Уралъ мой благодатный,
 Про тебя моя
 Пѣсня долго не споется,
 Словъ не находя.
 Какъ тебя, Уралъ мой, славить,
 Какъ тебя воспѣть;
 Видно пѣсня эта будетъ
 Пѣсней безъ конца..

2.

Тихой ночью въ перелѣскѣ
 Соловей поетъ.
 Бога-ль славить эта пѣсня,
 Мира-ль красоту,
 Про луну-ль поетъ,
 Про звѣзды, про луга, поля,
 Иль про огненное солнце,
 То не знаю я.
 Надъ сребристою рѣкою,
 На мягкой травѣ,
 Близко стадъ моихъ любимыхъ
 Тутъ мой кошъ стоялъ.
 Я лежалъ въ кошѣ, со мною
 Вся была семья.
 Я велѣлъ отдернуть пологъ
 Моего коша!
 И всю ночь съ вниманьемъ слушалъ
 Голосъ соловья.
 Этотъ голосъ такъ былъ сладокъ,
 Я не могъ заснуть.
 Хоръ пернатыхъ Бога славить
 Съ утра до вари,
 Соловей же, чудо—птица—
 Днемъ поетъ и въ ночь;
 Значить больше всѣхъ Аллаха
 Славить соловей.

3.

Я пустилъ стрѣлу высоко
 Ласточку убилъ.
 Бѣдная пташечка упала
 Около моихъ ногъ...
 И мнѣ очень стало жалко
 Бѣдную мою!

Для чего тебя я, птичка
 Бѣдная, убилъ?
 Для чего ты мнѣ пригодна,
 На какую стать?
 Лучше было бѣ,
 Какъ стрѣлою
 Могъ бы я убить
 Невѣрнаго, не обрѣзаннаго,
 Бога незнающаго...
 Убить невѣрнаго, убить.

4.

Было время, время храбрыхъ,
 Божьихъ вѣкъ богатырей;
 Были Гали, Абутали,
 Сашъ и Няриманъ *);
 Зналъ ихъ цѣлый свѣтъ,
 Зналъ про ихъ дѣла,
 Во всю жизнь свою сражался,
 Побѣдили многихъ сильныхъ
 И величайшихъ батырей *)
 Много невѣрной силы
 Мечъ ихъ поразилъ.
 Не боялись силы вражей
 Ни драконовъ, змѣй,
 Ни коварствъ самихъ шайтановъ,
 Ни волшебниковъ ужасныхъ
 Лютыхъ курада (колдуновъ).
 Вотъ какіе были люди
 Въ прежніе года.
 Про дѣла ваши я слышалъ,
 Духомъ возгорясь,
 Осѣлалъ коня и въ сѣчу
 Конь меня понесъ.
 Я сразился со врагами
 И враговъ разилъ,
 На меня напало разомъ
 Триста человекъ.
 Я отъ всѣхъ трехъ сотъ отбился,
 Вынесъ конь меня

* Герои башкирскихъ сказокъ.

*) Слово «батырь» у башкиръ имѣетъ двойное значеніе—богатыря или же храбраго воина, чего-то въ родѣ рыцаря.

На широкую долину
 Къ свѣтлому ручью.
 У того ручья я Богу
 Пѣснь мою, хвалу
 Пѣлъ и снова въ сѣчу
 Соколомъ летѣлъ.

По поводу этой пѣсни у башкиръ составилось преданіе, что ее сложилъ Саловатъ про себя: онъ будто-бы гдѣ-то одинъ отбилъ отъ 300 чел. казаковъ. Указываютъ даже мѣсто, куда вынесъ Саловатъ коня, близъ Саткинскаго завода при ключѣ „Пермяцкомъ“.

Приводимъ еще пѣсни, приписываемыя Саловату.

5.

Высоко летаетъ воронъ,
 Выше ворона—соколы,
 Выше сокола—могучій
 Орелъ, птичій царь.
 Далеко такъ тебѣ юный воинъ
 До богатыря—
 Мощнаго орла,
 Но крѣпись и мужайся,
 Бога въ помощь призови
 И иди на бой ты смѣло
 И вездѣ враговъ рази.
 Богъ великій создалъ храбрыхъ,
 Храбрыхъ воиновъ своихъ,
 Чтобъ они невѣрныхъ били,
 Защищая честь и вѣру,
 Какъ велитъ святой коранъ,
 Что пророкъ святой вѣщалъ.
 Призовя на помощь Бога,
 Не боюсь я враговъ:
 Знаю алчнаго киргиза,
 И урусовъ (русскихъ) не боюсь.
 Если жъ суждено мнѣ въ битвѣ
 Жизнь за вѣру положить,
 Меня ждетъ награда въ небѣ,
 Тамъ на монѣ я пророка
 Въ вѣчныхъ буду жить садахъ
 Среди вѣчнаго веселья,

Ласки хурій ¹⁾ вкушать...
Такъ мужайся, храбрый воинъ,
Бога въ помощь призови
Богу храбрые угодны,
Въ поле битвы поспѣши.

6.

Зюлейка, земная ты гурія,
Когда бъ ты знала, какъ мое сердце
Къ тебѣ любовію горитъ;
Въ твоихъ глазахъ я вижу небо,
Въ твоихъ глазахъ я вижу звѣзды
И тихую красавицу-луну,
То океанъ глубокій, не измѣримый
Земная хурія, иль отраженье рад.
Зюлейка, какъ тебя люблю.
Люблю, но какъ сказать не знаю
Затѣмъ, что словъ не нахожу;
Языкъ мой слабъ, и мысли слабы,
Чтобы сказать тебѣ хвалу,
Хвалу достойную тебя,
Земная хурія зюлейка.

7.

Родные роши и лѣса,
Родныя воды и поля,
Святая родина моя,
Ураль, Ураль мой благодатный,
Люблю я васъ, любить васъ буду.
Про васъ и пѣсню я пою,
Вы зеленые лѣса,
Вы родныя роща и поле.
Поднебесный мой Ураль,
Твои снѣговыя вершины
Люблю, хотѣлъ бы вѣкъ смотрѣть.
Хотѣлъ бы вѣчно пѣсню пѣть
Про твои красы.
Когда судьба меня заноситъ
Далеко отъ родины святой,—
О васъ тоскую я, мечтаю,
Родные роши и лѣса,
Родныя воды и поля,

---

¹⁾ Гурія.

Родныя пажити, кочевья
И благодатный мой Уралъ.
И если вѣтеръ я заслышу,
Шумить съ родимой стороны,
Мнѣ мнится, вѣтеръ мнѣ приноситъ
Вѣсть съ родимой стороны,
Вѣсть съ любимой стороны.

Р. Г. Игнатьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

(4 + 3)⁶

Перь херь мана кыт тугеть
 Кыт тугине ильмеспер,
 Ахь волныне ильмеспер,
 Хамыр ялда пор пирень,
 Хамыр ялданъ илетпер,
 А-ахь, ачазам.

Серде ларан сәрделих....
 Серде ларан серь сырлы
 Татрымрда сиремерь
 Сердень шуран ойырылдызыр.

Хорын коденьче хорын сирлы
 Татрымрда сиремерь
 Хорындамсэнчень ойырылдымырь.

16 *mf*

И(х) --- яр-ми херь (Ок) --- я-р(и)-ми херь,

О-м(и)-не сая-ма са-пань сюз Ма-на са-пан

пар-за я-че (э - - - - - э - э)

(4 + 3)³

Эх, ярми херь, ярми херь,

Омъне сьема сапань сьов,
 Мана сапан парза ячѣ.

Йыл-дыр кор-нан хирь-зэ - не Йыл-дыр кор-нан

хирь-зэ-не Ял-дах хи-зэ ка-я-сче Ха-мыр-ин-ге

ту-ва-сче (Ах - а-ги сар-а-ги) Ыт-ла май-зы-р(ы)

хит-ресь-ке .

(4 + 3)'

Йылдыр корнан херьзэне

Йылдах изэ баясче

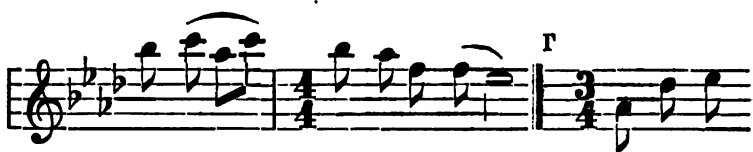
Хамыр ине тувасче

(Ахъ аги, сар аги!)

Ытла майзыр хитре-сье.

Эсь-ре-мер - (де) (па)си - ре - мер Эсь-ре-

мер - (де) (на)-си-ре - мер Йо-лас по-

лать Ай-ор-ри - не ай-тор-ри-(де)

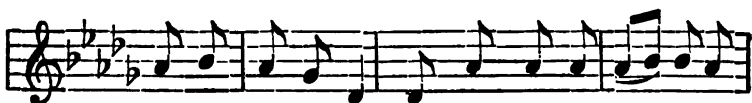
(н)ай-то-ра - - меш

(4 + 4)⁴

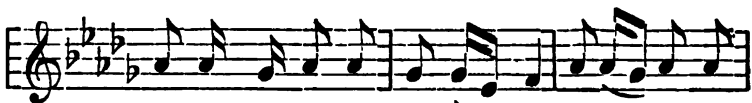
Эсьремер-де сиремерь;
Йорлас полать йоррине.
Ай Торриде Тор-амешь.

Ах ву ял - да херь хи-трэ Пирень да

кон-дан и-лес-че Пирень ко-ки-зэм э - ля-сче

Пи-рень (ко)ки-зэм ву - ял-да Пи-ре кон-дан

па - рас-сьок.

(4 + 3)⁵

Ахъ ку ялда херь хитре
 Пирень де кондан илес-че.
 Пирень вокизэм ку ялда,
 Пире конда парасъ сьокъ.

ПЪСНЯ БЕЗЪ СЛОВЪ=Халаспэр ёра.

Ай вай вай вай вай вай вай вай вох ай я

ай вой вох ай вай вох ой ё ой вай

вох ой вай вай вай ох ай вай ой вой

ох ё-ё я-я ё

Т О Ж Е.

Э-трэй тра-ра-эй тра-ра-ра на-ра на-ра-ра

на-трэй тра-ра-ра рэй тра на-ря а-ря ря

Тра тра-ра о э-рэ-рэ э-п э-рэ-рэ э-и

о-ря тра-ра о э-тэ-рэ э-и

ОЧУВАШЕННАЯ РУССКАЯ ПЪСНЯ.

тп = 96

Верь верь вѣр-ц(ѣ)-ку верь мо-я ку-тра-ва

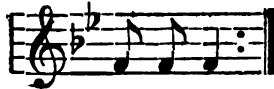
Ку-тра-ву-ту ку-стро-ка моч коч по пра-гу

Сам он сѣр-пу на па - лу . ку-рит-ку та-ба-ку

Сах-тѣр праз-ник Вус-кре - се - не вус-кре-се-не

ку - я - ла.

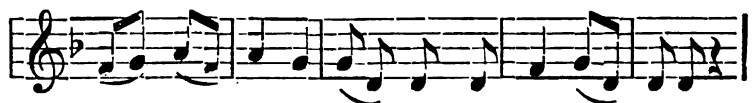
Вѣрь, вѣрь вѣрцеку
 Вѣрь моя кутрава
 Кутрава-то....
 Моч коч по прагу
 Самъ онъ сѣрь пу(?) на палу
 Курить трубку табаку
 Завтра праздниѣ воскресенье.
 Воскресенье ку ялѣ (этой деревнѣ).

КАЗАНСКОЙ ГУБ. ЧИСТОПОЛЬСКАГО УѢЗДА.

ПЯТЬ ВАРИАНТОВЪ НАПѢВА ВЪ УСТАХЪ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ПѢВЦА.

Выр - тѣ. мал-лах выр-трым си-врайт ма - рым

Шу - гыш-ла-тыр ма-нып-(ла) ку-пу- ся-(ѣ)м

- 1) Хирь хал-хинь-чень ту-хук са-ла а-и ба-и
 2) У -- ра- си-не т(э)р -- зан сы бул

за -- сны у -- чех пусь-не у -- -- ха - ла
 тэ -- зэ-эн тван - зём кус - не шо -- ла - ла

пус-ла- ре
 пус-ла- ре

Вы-рыс- ла хал-ха-(ла) ти-мерь тып-са

ху -- зя- ла-чи спль-дыр-ле куп-зан- де

- 1) Бу -- нэ- тёр-лү ма-нын-(ла) (а п) тур
 2) У -- ла ча - (ла) ки - бе-(пэн) йыр -- сю(п)

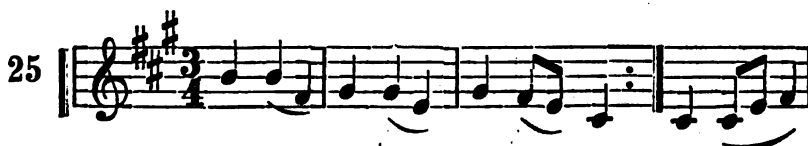
Вьртмаллахъ вьртрым сиврай марым
Шугышлатыр маньн ку пусь
Шугышламан чухне шугышым сѣк
Шугышпазан пuzим савьреать.

Хирь хапгынъчень тухса ай кайзасын
Учех пусьне ухла пусларе,
Угыльча хапхинъчень тухса кайзан
Утсем пусьне уга пусьларесъ

Вырысла хапха тимеръ тыпса
Хузяладъ-и силь тѣргѣньзенде
Ах аннезем, ах аттезем,
Азынать-ши эць сѣк чѣхне?

Вуше тѣрлѣ маньн сиримъзем
Вун ике тѣрлѣ маньн пурнанземъ;
Ула-ча кибе айр-суювине
Ларза сколемезень час пулмась
Сырен пузюрда ай тухъ-юр пур
Чернень кна чернень тура пур.

СВАДЕБНАЯ.

У - их - сень - (нѣн) сю - тты - (лѣ) хай - нас
 Ай - сяп сю - та у - и

вы - гыт - (ца) сит - не - - и - кен

Уйыхсень сютты ай сяп сюта
 Уйых ана выгыт ситьне икен,
 Сюмында лардым, туван, каласьмарым
 Эс прагас выгыт ситьне икен

Кѹ - мѹ - ле (ке) - на сю - рел - (ле) си - рул -

ля кусь ты - - гып - зан - ни си - ру - ве

пѢ И - дат - чень

Күмүл ына сюреллѣ
 Сиру(л)лѣ кусь тыгынзан
 Сирувѣ идатчень,
 Эле кундан уйрза кайзан
 Азынырза азырда каятчень.

Пус-ма-(а)-рым-(ча) сы-рень-(лѣ) пус-мы-э(р) си-не

пус-м(ы)-ыр-зам па - ді-ян йы - - выс - си

Пусмарым сырень пусмыр сине
 Пусмырзем падиан йывысси
 Кильмит темизе оп кунда
 Пѣр сиагыр тунгень ырымгѣ.

1) Ви-день ве - - - - - день вѣль-де-рень
 2) Яль я - ле - - - - - ен - ги хер-зе-не,

Ун ве-тъни-не кам пель-мѣйс Ун вет-ни-не
 зан ла - их-нѣ кам-пѣль-мѣйс зан ла-их-не

кам пель-мѣйс
кам пель-мѣйс

(4 + 3)⁴

Вѣдень, вѣдень вельдерень
Ун ветьнине кам пельмесь
Ял яленьги херзене
Узень лайхне кам пельмесь

Веть-веть вѣсле лу-ла-чи Ме-жень сай-ран
Вѣ-р(ѣ)-ма-тя

вур-вать-ши Ме-жень сул-гут (ту)-рать-ши
са - ра - тя

(4 + 3)⁴

Веть, веть вѣсле ула-чи
Межень сайран курнать-ши?
Вурум ага сар'ага
Межень сулгу турать-ши?

(У)-рам ур-лѣ кур-ни-ца - (да) Кур-ни-ца ра
Мень ис-ле-дын ту-хла-ча - (да) Ен-чик-т(ѣ)-ры

ту-хла-ча-(да) Ең-чик-т(ә)-ры кир-лө-мар-(да)
(шә - рә-бі - - и)

Кўр ту - ду на чуп ту-вам

(4 + 3)

Урам урла курница
Курницара тухлачә
Мень иследын тухлачә?
Еньчакри(зем) кирлө мар
Кўр тудуна чуп тувам.
Пёрь черке сю ватрым
Сюрле сюрле сюрегене
Шыл суранё пардыр (падыр)
Гүрече видерь йыглана
Шыл суранё пардыр.
Ветгень ветгень пусна гухнө
Эпё пусму синги-че
Эс ман синьгень каласьнә гух
Эпъ итлезе тураттым
Улма тадым симерень
Йыгырдым эс кильмерен
Сябахъ пёггень ыртмарым.
Тугур ярым тухлагә
Хёръне ылама мана пар
Хёръне симе шыртан пар
Шыртан касма пеге пар
Хёррен чеччы кубукла

Сюрле сюрле сюресе.
Урам карё шыдыга
Шур урама хуратрым.

Шурды шурă куяна
Тыдаймаресь пурзуйзам
Яслык синьги ягура
Тыдаймаресь тударзам.

Урлă пирлĕ сӳл вилеть
ПӅр йушши бе хӅръ вилеть
Ува тытса гуп тузан
Авланны-бе перь пулатъ
И пус вылять пуза кукинъче
Умлă чыбар тӳжен синъче
ХӅръ кӳрӳ вый вылять.

31

А-лы-гыр-дан пах-рым(ла), ай ая-ла син,

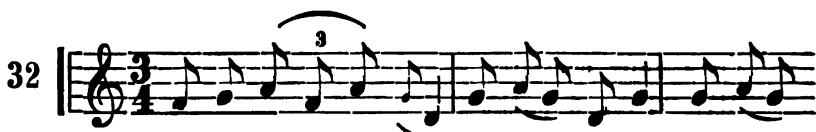

ан пӑ-рах-сам то-ван (сем-еп) ӳ-зе-тьчень

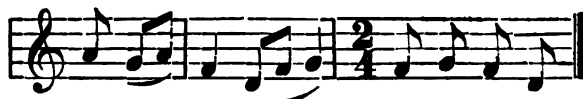

Эс ан пӑ - рах то-ван (сем) ай ви - ле-тьчень

Лыгырдан пыхрым, ай аллă син,
Ан прахсам тван ӳзетьчень
Эс ан прах тван, ай вилетьчень.

Са-нын ху пу-зин-ды шу - ра - се-лех пур-ба

шурат - ни пек ку-рә(һә)-нать

Санын ху пузинды шурә селек

Пурба шуратна пек курнать.

Ай(ь)-ма йә-день ак-тар-дым Кра - си крась-

си-лѣ -- на Та - ра ту - три ту - маш-кан

Ай лыма йәдень актардым

Краси красилена

Тарә тутри тумашкан.

Юр-ла кы - на юр - ла(й) - - динь . ям - си

юр-ла пус - ла - зан сэн-(ла) ву - лись-ы

Йурла кна Йурладинь
 Ям Йурла пуслазан вулись-ы?
 Чын чынлаза Йурла пуслазан
 Йур устыньчень кая мар.

Туххурла събада сюръ сюллыга
 Йәрь ильдирь шурә Йур сине,
 Синьче сассым хут кубызым
 Яндра(за) Йулдыр палан урамне.

Вырдать кни узим
 Сюрги жузам уя юлительчень
 Вылять кна самрык пусь
 Ватта кна Йулительчень
 Ста сюрезень-те лайых сюре
 Лайых яду Йулдыр ял сине

СВАДЕБНАЯ.

Сяк-рим кы - на ке-демь(ля) ул-ма сат-

ке(й) тус - - мел - ле-мар Ул-ма-нән шыр-жи-не

Сыкримь вна кедемь улма сатьне
 Тусмелле мар улма тыршине
 Түзәттемь-че улма шыржине
 Туссе пулмась тушманын смахне.
 Крымска селек галыш
 Лартса кам узадни сьур сюринче
 Умүрлих пуриас сүк.

У-рам-ра выр-дан му-клашка ты-трым пых-рым

кур-ва-шка тыт-рым пых-рым кур-ва-шка

(4 + 3)

Урама вырдан муклашка
 Тытрым пыхрым курвашка
 Тарын варда йурын ыжә
 Йурә педә, пур нумай
 Херземь куйзем курвашка
 Арнзеньче мен ивөнъ
 Вун'ие унгылла туихи
 Кам туртминьде хам турдыи
 Сар'агана кам савать
 Кам савминьде хам савыш.

Шу - рә ма-ләк си - пи - (ляй) (шур) пәр-

МАТЕРИАЛЫ.

І. ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Кара-Якуповская волость.

Въ 44 верстахъ отъ г. Уфы и въ 6 отъ станціи Чишмы самаро-уфимской желѣзной дороги находится большая башкирская деревня Кара-Якупово, въ которой намъ привелось пробыть около двухъ недѣль въ теченіе мѣсяца іюля 1891 г.

Такъ какъ сама по себѣ эта деревня, расположенная по правому берегу р. Дѣмы, и кара-якуповская волость, въ составѣ которой дер. Кара-якупово находится, представляютъ нѣкоторый интересъ въ этнографическомъ и частію въ археологическомъ отношеніяхъ, то мы позволяемъ себѣ привести здѣсь краткій археолого-этнографическій очеркъ этой волости.

Кара-якуповская волость состоитъ изъ 24 многолюдныхъ инородческихъ селеній, 8 русскихъ поселковъ и 5 хуторовъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ. Въ инородческихъ селеніяхъ проживаютъ: въ 8—коренные жители волости—башкиры, въ 6—мещеряки, въ 4—тептяри, въ 3—мещеряки и тептяри, въ 2—башкиры, мещеряки и тептяри и въ одномъ—башкиры и тептяри. Русскіе, проживающіе въ волости, большею частію переселенцы изъ другихъ губерній и притомъ нѣкоторые переселились недавно, такъ что еще очень хорошо помнятъ время своего переселенія. Въ числѣ ихъ есть выходцы изъ Пензенской губерніи, старообрядцы, извѣстные у русскихъ православныхъ крестьянъ подъ именемъ «немакановъ». Въ хуторахъ живетъ разный рабочій людъ, неприписанный къ волости. Всего жителей, приписанныхъ къ волости: башкиръ 733 м. п. и 751 ж. п., мещеряковъ 2978 м. п. и 2892 ж. п., тептярей 1951 м. п. и 1934 ж. п., русскихъ 150 м. п. и 162 ж. п.

Селенія кара-якуповской волости растянуты по р. Дѣмѣ верстъ на двадцать. Проживая въ деревнѣ Кара-якуповой, гдѣ находится волостное правленіе, мы имѣли возможность собрать о нихъ нѣкоторыя вышеприведенныя свѣдѣнія; лично же мы успѣли ближе ознакомиться только съ жителями этой деревни и двухъ сосѣднихъ деревень: Бабиковой и Чишмы.

Кара-якуповскіе жители, башкиры уже въ концѣ прошедшаго столѣтія стали вести осѣдлую жизнь. Большая часть ихъ довольно зажиточна: у нихъ много пахотной и луговой земли, большіе табуны лошадей и многочисленныя стада. Ихъ деревенскія постройки, за исключеніемъ двухъ, трехъ порядочныхъ домовъ, крытыхъ тесомъ, состоятъ изъ небольшихъ избъ, безъ стѣнъ; крыты лубками и помѣщаются большею частью среди дворовъ, на которыхъ въ хорошую погоду, лѣтомъ, башкиры проводятъ почти все время. Башкирская усадьба состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ дворовыхъ мѣстъ, загороженныхъ плетнями. Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ устраивается пчельникъ, а въ другія на ночь загоняются лошади и разный домашній скотъ. На главномъ дворѣ, гдѣ находится изба и холодныя постройки, устраивается изъ плетня, промаваннаго навозомъ, особый круглый шалашъ, крытый соломой; среди этого шалаша на камняхъ устанавливается котель, въ которомъ башкиры варятъ себѣ пищу. Кромѣ того, въ небольшомъ отдаленіи отъ усадьбы, на выгонѣ, устраивается родъ землянки, въ которой сложена печь для печенія хлѣба.

Башкирскій языкъ, на которомъ говорятъ кара-якуповцы, очень близокъ къ татарскому, а въ языкахъ другихъ инородцевъ, пріѣхавшихъ въ дер. Кара-якупову изъ сосѣднихъ селеній, замѣчалось большое вліяніе мѣстнаго Кара-якуповскаго говора. Въ дер. Кара-якуповой существуетъ уже нѣсколько лѣтъ инородческая школа, содержащая на средства, отпускаемыя казною, но, къ сожалѣнію, учащихся въ этой школѣ очень немного и вообще грамотность между башкирами и другими инородцами, проживающими въ волости мало распространена.

Изъ числа этихъ другихъ инородцевъ особеннаго вниманія заслуживаютъ тептяри. О нихъ въ исторической монографіи В. Н. Витевскаго «Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г.» говорится, что «въ 1734 г. велѣно было переселенцевъ изъ русскіхъ и инородцевъ, которые живутъ въ башкирскихъ земляхъ изъ найма или по найму, по записямъ или безъ записей, но съ платою особаго тептярскаго оклада, переписать: кто они, откуда, какой вѣры, на чьихъ земляхъ и когда поселились. Перепись такихъ сходцевъ была названа тептярской книгой; тогда же велѣно было записать бездомныхъ башкиръ, или бобылей въ бобыльскую книгу»¹⁾. Названіе тептярей, означавшее у башкиръ сходцевъ изъ равныхъ мѣстъ, въ настоящее время представляетъ какъ бы особую народность, что же касается бобылей, то это названіе теперь, кажется, вышло уже изъ употребленія. При встрѣчѣ тептярей намъ казалось, что мы видимъ предъ собою нашихъ старыхъ знакомыхъ: черемисъ и чувашъ. Можетъ быть въ числѣ этихъ тептярей были и русскіе, но ихъ трудно было признать, такъ велико было на нихъ инородческое вліяніе.

Въ сосѣдней съ Кара-якуповымъ деревнѣ Бабиковой по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, добытымъ нами изъ мѣстнаго волостного правленія, проживаетъ 11 д. м. п. башкиръ, 34 д. тептярей и 3 д. государственныхъ крестьянъ. Но

¹⁾ Выпускъ третій стр. 391.

по частнымъ свидѣніямъ, которыя мы получили отъ башкиръ дер. Кара-якуповой, дер. Бабикова оказалась населенною черемисами. Башкиры, по крайней мѣрѣ сосѣдей дер. Кара-якуповой, относятся къ нимъ съ виднымъ пренебреженіемъ. «У нихъ нѣтъ никакой вѣры» говорили намъ о бабиковцахъ башкиры. «Вотъ у русскихъ своя вѣра, у насъ,—башкиръ тоже своя и свой мулла есть, а у нихъ совсѣмъ нѣтъ вѣры, Богу никуда не ходятъ молиться». Изъ дальнѣйшихъ распросовъ оказалось, что бабиковскіе черемисы, бывшіе явчники, успѣли въ короткій сравнительно промежутокъ времени значительно обашкириться. Они давно уже оставили свои явческія вѣрованія и обряды, и если не совершенно забыли свой языкъ, то не говорятъ имъ. Проживая среди магометанъ и называясь въ официальныхъ сношеніяхъ не черемисами, а теплярами, они давно желаютъ принять магометанство. Объ этомъ они неоднократно хлопотали въ Уфѣ, но до сихъ поръ, по словамъ башкиръ, они не могутъ прійскать такого дѣльца, который укавалъ бы имъ на статью закона, дозволяющую переходъ явчниковъ въ магометанство.

Интересуясь этнографическими особенностями быта бабиковскихъ черемисъ, мы посвятили особый день на поѣздку въ д. Бабикову и имѣли возможность лично убѣдиться, что хотя бабиковцы и до сихъ поръ вовуть себя черемисами, но въ дѣйствительности черемисскаго уцѣлѣло въ нихъ весьма немного. Старики и старухи еще помнятъ свой языкъ, но онъ перестаетъ уже быть ихъ роднымъ, разговорнымъ языкомъ. Они даже съ большою неохотою, повидимому, вспоминаютъ о немъ, что же касается молодежи, то она большею частью знаетъ только одинъ башкирскій языкъ. Вотъ нѣсколько словъ черемисскаго языка, употреблявшася когда-то бабиковцами: нур—дѣсь, умса—дверь, кумга—печь, шюр—молоко, бѣй—масло, монон—ляцо, парьяк—чайникъ, мондир—подушка, (по башкир. ястыг), пояла—окно, куго—большой, шубычо—полотенце, почёл—ружье.

У болѣе важиточныхъ черемисъ домашняя обстановка напоминаетъ татарскую. Тѣ же нары въ переднемъ углу избы, неизбежныя полотенца, развѣшенные по окнамъ и по стѣнамъ, самовары, чайная посуда въ малевкомъ шкапчикѣ, жестяные сундуки и цвѣты на окнахъ. Костюмъ ихъ тоже сходный съ татарскимъ, только на головахъ у женщинъ мы замѣтили особый продолговатый уборъ, такъ называемый, «акай».

Хозяинъ дома, у котораго мы остановились въ дер. Бабиковой, Ишмурагаметь Ишмуратовъ, еще очень молодой человѣкъ, ему всего 21 годъ, онъ знакомъ съ русской грамотой, хорошо читаетъ и почти грамотно пишетъ. Въ числѣ находящихся у него книгъ мы замѣтили: первый годъ «Родного Слова» Ушинскаго, крестный календарь Гатцука, сборникъ Уфимскаго земства и книжку для первоначальнаго чтенія инородцамъ, изданную въ Казани г. Радловымъ.

Бабиковскіе черемисы имѣютъ родственныя сношенія съ черемисами деревень Уфимскаго уѣзда Изякъ и Стерлятамакскаго Тенситъ. По словамъ ихъ, черемисы этой послѣдней деревни обашкирились такъже, какъ и они. Что же касается изяковцевъ, то они не покинули еще свой родной языкъ и носятъ свою бѣлую, національную одежду.

Имена новорожденнымъ бабиковскіе черемисы даютъ сами. Старшій въ родѣ, высѣкая огонь, перечисляетъ равныя знакомыя ему имена и останавливается на томъ, при которомъ появляется искра, или же онъ выходитъ на улицу и останавливается на имени перваго проходящаго.

Въ дер. Чишмѣ живутъ преимущественно мецерыки. Въ ихъ языкѣ встрѣчается много татарскихъ, чувашскихъ и русскихъ словъ. Домашняя обстановка такая же, какъ и у нашихъ болѣе или менѣе важиточныхъ татаръ. Вообще постройки ихъ лучше, чѣмъ у башкиръ, хотя у нихъ и имѣется меньшее количество скота и земли.

Окрестности д. Кара-якуповой, краткимъ описаніемъ которыхъ мы закончимъ нашъ очеркъ, носятъ большую часть татарскія названія. Такъ, деревню окружаютъ слѣдующія поля (басу): Тирянгулъ, Актай кула, Урманъ-аряга (около лѣса), Ак-тылышъ, Мямбятъ-куль (у озера); лѣса (урман): Амбурде, Бигильде, Одаимъ; луга (тугай) Юкали-куль (у озера по липнякамъ), Кыртной, Увалы-куль, Бай-бакты; ручьи (шишмя): Юліе, Ріаде, Токмак-шишмя, Бикряс-баш, Жереклей-илга (Ольховый оврагъ), Симьякай, Суляйман-кул; Галекай-кул; горы (тау): Силькаус-тау, Юмран сагыл, Маякла-тау (на этой горѣ былъ прежде маякъ), Перяво (противъ этой горы былъ перевозъ черезъ Дѣму), Ялангас-Туба, Сіяли-тау, Крын-тау, Кавя-тау (любимое мѣсто ковъ), Кала-тау (городская гора), Армакул-тау, Ташиган-тау (каменистая гора).

Нѣкоторыя изъ этихъ урочищъ представляютъ интересъ въ археологическомъ отношеніи. Такъ, на горѣ Кала-тау, находящейся въ двухъ верстахъ отъ деревни Кара-якуповой, имѣются признаки вала, длиною въ 82 шага, покрытаго известковымъ камнемъ. Гора къ югу обрывиста, состоитъ изъ красной глины, въ которой попадаетъ нѣсколько обозженныхъ черепковъ и камней, имѣющихъ нѣкоторое сходство съ каменными орудіями. Не имѣя возможности произвести хотя бы поверхностныя разслѣдованія по склону этой горы, мы не можемъ, конечно, утверждать, какой интересъ можетъ представлять этотъ памятникъ въ археологическомъ отношеніи. Мы знаемъ только, что у башкиръ есть преданіе, будто бы на этой горѣ находился, до основанія Уфы, городъ, въ которомъ было четыре двора¹⁾. Около самой деревни у ручья Токмак-шишмя тоже имѣются признаки вала и, по преданію, во времена существованія укрѣпленія на горѣ, здѣсь было старинное жилище. Наконецъ, за р. Дѣмой, на землѣ, принадлежащей чипшинцамъ, на небольшомъ холмѣ находится древняя каменная палатка, поставленная надъ могилою какаго-то мусульманскаго святого.

Объ историческомъ прошломъ кара-якуповской волости и вообще о башкирскихъ земляхъ, вѣроятно, можно будетъ извлечь нѣкоторыя данныя

¹⁾ Отъ нѣкоторыхъ башкиръ мы записали разказъ, что въ этотъ городъ, въ то время когда на мѣстѣ стараго городища была основана Уфа, поселился ханъ и съ того времени городъ получилъ названіе старой Уфы. Срав. у В. Н. Витевскаго. Выпускъ третій, стр. 373.

изъ равныхъ документовъ, полученныхъ нами совершенно случайно отъ одного изъ башкиръ деревни Кара-якуповой. Эти документы, а также и копии съ нихъ, въ количествѣ 32 экземпляровъ мною представляются въ распоряженіе общества.

И. Узношкова.

Духовные стихи.

(Изъ старыхъ рукописныхъ сборниковъ).

1.

Ты душе моя, душе многогрѣшная!
 Пора тебѣ, душе моя, воспокаяться,
 На истинный на путь возвратиться,
 И доколѣ тебѣ терпѣть небесный царь,
 И доколѣ ты не сошлешь живую душу во адъ!
 И тогда твоя молитва не услышана будетъ,
 Тамо слезы твои неприятны будутъ ко Христу.

2.

Помысли, душе моя, смертный часъ,
 Попомни, душе моя, страшный судъ:
 Уже бо смерть предъ дверьми стоитъ,
 Уже бо ждетъ повелѣнія вышняго:
 Егда повелитъ Господь,—
 Во единъ часъ похититъ ты,
 Горе тебѣ, душе моя, тогда неготову сущу
 И ввергнуть ты въ муку вѣчную;
 Оттуду бо вонъ не изыдеши,
 И вѣчки свѣта не узриши.
 Вовопи, яко мытарь: милосердый мой Господи,
 Помилуй мя падшаго!

3.

Вопію я къ Богу о бѣдѣ моей!
 Онъ мя услышитъ въ величій печали моей,
 Онъ преклонитъ плачь въ веселіе
 И въ радость преложитъ.
 Аще бы подъ землю скрылся,—и тамъ мя досяжетъ,
 Аще бы въ камень заключился,—и тамъ мя обряцетъ—
 О Боже, почто мя оставилъ страняго!
 Аще изволишь наказати,—инъ буди воля Твоя,
 Токмо даждь спастися, милостиве, душѣ моей.

4.

Не унывай, душе моя, многогрѣшная!
 Уповай, душе моя окаянная, на Господа
 И на мать божію Богородицу,
 И на всю силу небесную,
 И на ангела своего хранителя:
 Онъ спасетъ насъ и помилуесть,
 Онъ избавитъ насъ муки вѣчна!

5.

Кантъ.

Шедше триє цари
 Ко Христу со дары;
 Иродъ ихъ пригласи:
 «Гдѣ идете?» вопросы.
 —Идемъ къ рожденному
 Царю всемірному.
 Иродъ рече: «идите,
 «И мнѣ возвѣстите;
 «Азъ иду, смирюся
 «И ему поклонюся,
 «Яко Богу рожденному,
 «Царю всемірному.—
 Звѣда грядеть чудне
 Съ востока на полудне;
 Камо имъ предста,—
 Тамо увидѣша Христа.
 Пастыріє, цари
 Ко Христу со дары
 На колѣни упадали
 И Ему поклонялись.—
 Вамъ сей благодати
 Шзволи сохранятьи,
 Буди похваленъ царь свѣта
 На многая лѣта!

(Сравни въ сборникѣ Безсонова, IV, 24, 25).

Плачь блуднаго сына.

О горе мнѣ грѣшному суцу,
 Горе благихъ дѣлъ не имущу!
 Како предъ судъ божій явлюся?
 Како со святыми вселюся?
 Отступихъ отъ Бога злобою;

Злобою грѣховною ¹⁾;
 Темность паче свѣта желаю,
 Свыше благодати не чаю ²⁾;
 Сogleкохся первой одежды;
 Божіей лишихся надежды;
 То моя надежда и дѣло
 Убиваетъ душу и тѣло ³⁾;
 Временное предпочитаю,
 А о славѣ вѣчной не чаю ⁴⁾.
 Что имамъ, бѣднѣй, сотвориши,
 Когда придетъ Господь судити?
 Что же услышу стражу (?) на вѣки,
 Ахъ, бѣда мнѣ и жаль превеликій!
 Восплачуся горько слезами,
 Да не будетъ милости съ нами!
 Отыдохъ я далече на страну ⁵⁾?
 Дому чуждъ небеснаго владыки,
 Не достоинъ жити съ человѣки!
 Въ великой бѣдѣ случаясь,
 Отъ рожець я питаюсь.
 Пойду—предъ отцомъ умоляю
 И съ покореніемъ поклонюся ⁶⁾;
 Пойду и реку ему смѣло:
 Согрѣшихъ ти, отче мой, зѣло!
 Пріями мя, отче, заблудшаго сына,
 Аки отъ наемникъ едина!—
 Еще сынъ далече идуще,
 Отець радости исполненъ суще
 Падъ на выю, его лобзаеть,
 Первую одежду одѣваетъ.
 Перстень на руку его возложите,
 И тельца упитанна заколите!
 Друзи, со мною вѣселитесь:
 Се бо сынъ мой изгнблъ бѣ и обрѣтеся!

(Ср. Безсон. IV, 157).

¹⁾ (По другой рукописи): Грѣхъ возлюбихъ самъ собою.

²⁾ Темность паче свѣта кохаю,
Свѣта благодати не dbаю.

³⁾ Въ семъ моя надежда и дѣло
Убивати душу и тѣло.

⁴⁾ А о славѣ вѣчной не dbаю.

⁵⁾ Какъ отшелъ я далече на страну,
Отъ рожець цитатися стану.

⁶⁾ Да пици не лишуся.

7.

Всякъ челоѡкъ на земли живетъ
Какъ трава въ полѣ цвѣтетъ.
Изъ чрева матеря родился,
Волною святою обновился.
Жилъ, всю свою жизньъ веселился,
Въ грѣхахъ, подобно въ морѣ, топился.
Не считалъ всякъ грѣхъ за важное,
Что имать отвѣтъ за дѣло каждое.
Внезапу придетъ часъ смертный,
Скрыется свѣтъ временный.
И въ то время начнетъ душа унывати,
Сѣтовать и о грѣхахъ помышляти,
Плачетъ слезно и терзается,
Какъ душа съ тѣломъ разлучается.
Приходитъ смерть и пожинаетъ,
Всѣ суставы оружіемъ раздробляетъ.
И подастъ душѣ чашу смертную,
И увидитъ вскорѣ плоть мертвую.
И зреть душа себе стояща,
А плоть лежитъ на одрѣ смердяща.
И приступятъ къ ней страшніи демоны,
Лица, ихъ какъ смола черніи.
И грозятъ душѣ ея грѣхами,
И глаголютъ: вскорѣ взята будешь нами!

(Ср. Безсон. V, 254; VI, 319).

8.

Кто бм далъ мнѣ, яко птицѣ, два пернатыхъ крыла!
Полетѣлъ бы я на тотъ свѣтъ, я узналъ бы что тамъ есть,
Я узналъ бы, рассказалъ бы вамъ, моимъ милымъ друзьямъ
Но никакъ сего не будетъ, невозможно получить!
Едина есть смертна чаша, своей горечью претитъ.
На сей день иль на другой день мнѣ сію чашу испить.
Отъ сего свѣта на тотъ свѣтъ жизньъ свою опредѣлять.
Что со мной тогда случится—не извѣстенъ я весьма,
Токмо есть одна надежда: моя вѣра во Христа,—
Коя вѣра и надежда многихъ праведныхъ спасла,
Согрѣшившихъ—покаянемъ Христу Богу привела.
Возвѣщаетъ намъ писанье тѣ прекрасныя мѣста,
Гдѣ исходятъ, истекаетъ Евфратъ райская рѣка,
Наполяетъ, поливаетъ тѣ влачныя поля,
Гдѣ растутъ, гдѣ процвѣтаютъ прекрасныя древа,
Гдѣ раждаютъ, умножаютъ того славнаго плода,

Гдѣ летаютъ, воспѣвають птицы райскія всегда.
 Тамо нѣтъ зимы и лѣта—завсегдашняя весна,
 Тамо нѣтъ ни дня, ни ночи—осіяетъ свѣтъ всегда,
 Тамъ нѣтъ скорби и печали—тамъ радости нѣтъ конца,
 Во блаженнымъ покоѣ у небеснаго отца
 Сподоби, Боже, вселити недостойнаго меня!

Сообщилъ А. Соколовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Захватъ, купля и продажа инородокъ Якутской области сибирскими служилыми людьми въ первой половинѣ XVII в.

Первыя извѣстія о территоріи, занимаемой въ настоящее время Якутской областью, были получены русскими служилыми людьми въ Енисейскѣ отъ инородцевъ Енисейскаго края еще въ 1621 году¹⁾. Послѣ этихъ извѣстій служилые люди и промышленники изъ разныхъ городовъ Сибири значительными партіями направились въ Ленскую область какъ для покоренія инородцевъ, такъ и «соболинаго промысла». Въ 1632 году сотникъ Петръ Бекетовъ построилъ Якутскій острожекъ²⁾. Съ этого времени покореніе русскими Ленской области идетъ довольно быстро.

Главную роль въ дѣлѣ покоренія играютъ, конечно, сибирскіе служилые люди. Изъ Тобольска, Томска, Березова, Енисейска, Красноярска и другихъ остроговъ Сибири, по распоряженію Московскаго правительства, идутъ они въ далекій край, устраиваютъ остроги, покоряютъ неясчныхъ инородцевъ и, такимъ образомъ, все больше и больше расширяютъ границы русскихъ владѣній. Много невгодъ выпадаетъ на долю этихъ служилыхъ людей: умираютъ они нерѣдко отъ голода въ дорогѣ, губятъ ихъ и болѣзни, а еще больше гибнутъ они въ частыхъ столкновеніяхъ съ ленскими инородцами. Чтобы вознаграждать себя за всѣ свои труды и невгоды, служилые люди, не стѣсняемые въ большинствѣ случаевъ воеводами, позволяютъ себѣ почти на каждомъ шагѣ эксплуатировать покоряемыхъ туземцевъ. Не говоря уже о значительныхъ поборахъ при сборѣ ясака съ инородцевъ, служилые люди, въ виду малочисленности русскихъ женщинъ въ Сибири, нерѣдко насильно захватываютъ у якутовъ женъ и дочерей, вступаютъ съ некрещеными въ бракъ, продаютъ ихъ своимъ товарищамъ. Бывали, впрочемъ, и случаи продажи самими инородцами служилымъ людямъ инородокъ, но гораздо рѣже.

Сообщаемый нами ниже актъ заключаетъ нѣсколько характерныхъ фактовъ такихъ захватовъ и покупокъ красноярскими служилыми людьми женщинъ у якутовъ въ XVII в.

¹⁾ Арх. Мин. Иност. Д. въ Москвѣ. Портр. Миллера, № 477 порт. I.

²⁾ Арх. Мин. Иност. Д. Портр. Миллера, № 481, т. VII.

•Государю, царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Русии холопи твои Петрушка Головинъ, Матюшка Глѣбовъ, Еуфимко Филатовъ челомъ бьютъ. Въ прошломъ государь въ 148 г. какъ мы холопи твои шли отъ Енисейскаго острогу къ Ленскому волоку, и августа государь во 12 день пришелъ къ намъ холопямъ твоимъ Томской атаманъ Дмитрій Копыловъ съ Томскими и Красноярскими служивыми людьми, и у Красноярскихъ государь служивыхъ людей у Васки Павлова—якуцкая женка некрещона; а въ роспросѣ государь намъ холопямъ твоимъ та женка сказала: Мегинскаго роду, якуцкое имя Санай, укралъ де ее Намской волости якутъ Корчюй, и продалъ ему Васкѣ, а братъ де государь у нее ясачной человѣкъ. Да у Красноярскаго жъ государь служивого человѣка у Дружинки Петрова Якуцкая женка не крещена, а та государь женка въ роспросѣ намъ холопямъ сказала: Якуцкое имя Ночюкъ Катилинскаго роду, взяла де ее изъ улуса у отца сильно служивые люди Якунко Сидоровъ, Ивашка Жиркой, а отецъ де государь у нея и братья ясачные якуты, а дядя де у ней ясачной князецъ. Да у Енисейскаго государь сына боярскаго Парфена Ходырева 4 женки якутки, да малой якуцкой лѣтъ въ 20; а въ роспросѣ, государь, намъ холопямъ твоимъ якуцкая женка сказавалася Офимкою зовуть, крещена, а была де она въ Якуцкомъ острогѣ за Оскою толмачемъ, да у нее же у Офимки 2 робятъ сво Оскиныхъ дѣтей; мужа де, государь, убили на Ленѣ безвѣстно, и послѣ де мужа ея изъ войска продалъ ее Парфенъ Ходыревъ служивому человѣку Ярку Киселеву, а Ярко продалъ ее ему Парфену, и била челомъ она тебѣ, государь, чтобъ ее отъ Парфена Ходырева за службу мужа ее свободити и животи мужа ея, что взялъ онъ Парфенъ послѣ его Оски, велѣтъ отдать дѣтямъ его, а живота де, государь, мужа ея Парфенъ взялъ на тебя государя 66 соболей, да кафтанъ соболей подъ клядыкомъ, 3 лошади, да 4 коровы, 7 пудъ муки ржаной, и мы, государь, холопи твои тое женку отъ Парфена Ходырева свободили, потому что ее мужъ Оска былъ первой толмачъ на Ленѣ и тебѣ государю, служба его и радѣние было многое, и тѣхъ его, государь, Оскиныхъ животовъ 3 лошади и 4 коровы велѣли отдать его Оскинымъ дѣтямъ. Да женка Василиска въ роспросѣ сказала: у Парфена де, государь, она живетъ пятой годъ, продали ее якуты Еремкѣ Зыряну, а Еремка Зырянъ продалъ ее ему Парфену, а крестили де ее въ Енисейскомъ острогѣ тому чегыре года; а служивые, государь, люди про нее Василиску сказывали, что де она у Парфена Ходырева ходила въ ключѣ, и соболи его и лисицы и кому что онъ далъ, она вѣдаетъ; и мы, государь, холопи твои ее Василиску распрашивали; и она про животи Парфеновы не сказала ничего и мы, государь, ее Василиску до сыску дали за пристава; да его-жъ Парфенова женка Буялыкъ, не крещена, въ роспросѣ сказала: что де ее взялъ изъ якутовъ Кузька толмачъ сильно и продалъ де онъ Кузька служивому человѣку Якункѣ, а Якунка де продалъ ему Парфену, а дядя де ее, государь, ясачной якуцкой князецъ Лагуй. Да его жъ, государь, Парфенова женка Моцѣя, не крещена, сказала: продалъ ее ему Парфену князецъ Няки и хотѣлъ де онъ Парфенъ дать за нее кобылу и кобылы де не далъ, а братъ де у нее родной и дядя якуты ясачные; да у него-жъ, государь, Парфена якуцкой малой не крещевъ, Первушка сказалъ:

прежъ сего де купилъ въ якутахъ Васка Горинъ, а Васка де продалъ ему Парфену, и какъ де Парфенъ поѣхалъ въ Енисейской острогъ, и онъ де Первушка ушелъ у него въ якуты, и тотъ де Васка у родителей его Первушкиныхъ взялъ за него быка, да корову. И какъ де, государь, пріѣхалъ Парфенъ на Лену въ другой рядъ въ Якуцкой острогъ, и онъ де Парфенъ ево Первушку взялъ къ себѣ у родителей его сильно, а быка де и корову не отдалъ и нынѣ де, государь, у него дядя въ якутахъ ясачные якуты, и тотъ, государь, яляръ Парфена Ходырева, 2 женки, да малой; да Красноярскихъ служивыхъ людей 2 жонки били челомъ тебѣ, государь, царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи, чтобы ихъ отпустить къ родителямъ въ якуты, и мы, государь, холопи твои тѣхъ якуцкихъ двухъ жонокъ у Красноярскихъ служивыхъ людей взяли и съ Ленского волоку тѣ якуцкія женки служивыхъ людей и сына боярскаго Парфена Ходырева 2 жонки-жъ да малова послали съ писмяннымъ головою съ Васильемъ Поярковымъ въ Якуцкой острогъ, а велѣли ихъ отдать въ якуты родителямъ ихъ¹⁾.

Красноярскъ. 23 дек. 1892 г.

И. Бакай.

¹⁾ Актъ этотъ извлеченъ нами въ числѣ другихъ документовъ, относящихся къ исторіи колонизаціи Якутской области въ XVII в., въ Московскомъ Архивѣ Министер. Юстиціи изъ дѣлъ Сибирскаго Приказа. Столб. № 6119, 75.

ХРОНИКА.

На текущія тѣмы.

« все таки движется!» Такъ подумалъ про себя, конечно, всякій, кто прочиталъ мою предыдущую хронику. Не за горами еще то время, когда вся громадная территорія отъ Нижняго до Владивостока дѣлила съ Симбирскомъ его величавую безмятежность на счетъ науки. Обыватели видали странныхъ людей, которые пріѣзжали къ нимъ изъ далека—изъ Петербурга, Гельсингфорса, Австро-Венгріи, Италиі—мучали распросами мѣстныхъ инородцевъ, рылись въ старыхъ могилахъ... Обыватели дигились на нихъ и проводивши спокойно переходили къ текущимъ дѣламъ—къ винту и сплетнѣ. Но эти виваты не прошли безслѣдно. Покой былъ все таки нарушенъ. Рядомъ съ прежней «объективностью» въ отношеніяхъ къ окружающему сталъ проявляться духъ анализа. Обыватели стали соображать, что и они могутъ «говорить прозой»: начались робкія попытки изучать окружающее. Въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» тогда стали появляться историческіе акты, статьи и статейки по мѣстной исторіи и этнографіи. Мгла, которую только по временамъ прорѣзывалъ свѣточъ заважлаго изслѣдователя, запестрѣла въ разныхъ направленіяхъ огоньками. Огоньки эти то разгорались, то почти потухали, но около нихъ все же находили себѣ мѣсто люди, которымъ не хотѣлось спать безъ просыпа. Съ 60 годовъ число огоньковъ прибыло: оживились Губернскіе Статистическіе Комитеты, повже явились Земскія Статистическія Бюро, Архивныя Коммиссіи, частная пресса. Спросъ на мѣстныхъ изслѣдованія началъ по немногу увеличиваться. Съ конца 80-хъ годовъ въ молодой области научнаго производства начинается уже чувствоваться вѣяніе соперничества—къ счастью для дѣла платоническаго. Всего ощутительнѣе напряженіе начинающейся конкуренціи чувствуется въ Вяткѣ и Перми. Статистическіе Комитеты обоихъ городовъ замѣтно поднимаютъ изъ года въ годъ достоинство своихъ изданій—календарей и памятныхъ книжекъ. Выпущенный недавно «Календарь Вятской губерніи на 1893 г.» заключаетъ въ себѣ цѣлыхъ 18 статей, посвященныхъ археологіи, исторіи и этнографіи Вятскаго края. «Памятная книжка Пермской губерніи на 1893 г.»

изданная мѣстнымъ Статистическимъ Комитетомъ, бѣднѣе Вятскаго Календаря по содержанію, но комитетъ печатаетъ II т. Сборника «Пермскій Край», который съ лихвой долженъ покрыть недочеты «Памятной Книжки»

Оживляющее вѣяніе конкуренціи чувствуется и въ Сибири—въ Тобольскѣ и Владивостоцѣ. «Тобольскія Губернскія Вѣдомости» и «Сибирскій Листокъ» соперничаютъ количествомъ этнографическихъ статей и библиографическими указателями текущей литературы о Сибири; комитетъ Тобольскаго Музея приступилъ къ изданію «Ежегодника», который канулъ было въ вѣчность въ прошломъ году. Во Владивостоцѣ начинается соперничество между старымъ, сравнительно, «Владивостокомъ» и только что народившейся газетой «Дальній Востокъ». Къ чести азиатской печати слѣдуетъ сказать, что оба соперника разборчивѣе своихъ «европейскихъ» собратьевъ на средства борьбы. «Пятачекъ» еще не заключаетъ въ себѣ тамъ альфу и омегу редакціонной философіи. «Дальній востокъ» удачно воспользовался выгодами, которыя предлагаютъ для газеты географическое положеніе города и этнографическій составъ его населенія. Редакція завела отдѣлъ «Азиатскій Востокъ», въ которомъ помѣщаются извлеченія изъ газетъ японскихъ и издающихся въ Китаѣ на европейскихъ языкахъ. Мысль чрезвычайно счастливая. Такой отдѣлъ, если его будутъ вести съ умѣньемъ, высоко подниметъ обще-русское значеніе газеты. Это расширеніе горизонта оказывается выгоднымъ и для научнаго отдѣла газеты. Въ вышедшихъ №№ «Дальняго Востока» мы встрѣчаемъ напр. матеріалы для малоизвѣстной исторіи Кореи. На удачный ходъ «Дальняго Востока» «Владивостоцъ» отвѣчаетъ тѣмъ, что заводитъ и у себя аналогичный отдѣлъ «Наши Сосѣди». Какъ было-бы хорошо, если бы владивостокскія газеты увлекли своимъ примѣромъ «Общество изслѣдователей Амурскаго края». Это молодое общество уже сдѣлало кое-что для изученія страны, но «position oblige», говорятъ, а позиция «Амурскаго Общества» обязываетъ ко многому. Въ настоящее время оно является единственнымъ русскимъ научнымъ органомъ въ краѣ, который предлагаетъ массу въ высшей степени интереснаго сырого матеріала. Надъ общими съ нимъ задачами работаютъ общества, основанныя европейцами въ Японіи и Китаѣ и Американская Smithsonian Institution. Эти задачи—археологическое и этнографическое изученіе Азиатскаго Востока. Честь русской науки требуетъ, чтобы ея флагъ вѣялъ надъ этой окраиной по крайней мѣрѣ рядомъ съ европейскими до тѣхъ поръ, пока мы не овладѣемъ ей безраздѣльно, а для этого имѣются всѣ данныя. Владивостоцъ можетъ теперь-же начать борьбу за научное обладаніе русскимъ и отчасти японско-корейско-китайскимъ востокомъ. Люди, знающіе японскій языкъ, а такіе есть въ Владивостоцѣ—помогутъ «Амурскому Обществу» ориентироваться въ томъ, что сдѣлано японскими учеными по вопросу объ Айно—древнихъ насельникахъ Японіи. Съ этими данными въ рукахъ можно будетъ уже приступить къ этнографическому и археологическому изученію Сахалина и Курильскихъ острововъ. Когда общество сдѣлаетъ это, установятся нормальныя отношенія научнаго международнаго обмѣна: мы будемъ предлагать европейцамъ свѣдѣнія о русскомъ востокѣ, а не черпать сами изъ

европейскихъ источниковъ, какъ это дѣлается теперь. Къ числу задачъ, разрѣшенія которыхъ можно было-бы ждать отъ «Амурскаго Общества», до послѣдняго времени относилось и изученіе такъ называемыхъ арктическихъ народовъ—Камчадаловъ, Коряковъ, Чукчей.

Когда-то эти народы играли важную роль въ исторіи Азіи и С. Америки. Было время, когда они занимали всю восточную Сибирь. Тѣсными южными насельниками они двинулись на С. Америки и въ Гренландію. Въ Америкѣ родичами ихъ являются Алеуты, Намолосы и Эскимосы, жители Аляски, Колоши и жители острова Ван-Кувера. Это была послѣдняя волна въ движеніи азіатскихъ народовъ въ Америку. Болѣе ранней волной было движеніе Мехиканцевъ, обитателей Панамскаго перешейка и народовъ Южной Америки отъ Бразиліи до Патогоніи. Благодаря трудамъ американскихъ ученыхъ и европейскихъ путешественниковъ, американскія племена изслѣдовались и изслѣдуются съ большою обстоятельностью. Объ арктикахъ Сибири этого сказать нельзя. Путешествія Кеннана и Норденшильда, конечно, даютъ не мало интереснаго относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ, но болѣе или менѣе глубокое изученіе ихъ быта доступно только русскимъ: европейскій изслѣдователь принужденъ ограничиться тѣмъ, что ему дастъ непосредственное наблюденіе, въ лучшемъ случаѣ переводчикъ; русскій благодаря распространяющемуся среди сибирскихъ племенъ знанію русскаго языка можетъ съ полнымъ удобствомъ заниматься изслѣдованіемъ нарѣчій, быта, вѣрованій.

«Общество изслѣдователей Амурскаго края» вступило на этотъ путь. Въ газетѣ «Владивостоку» за 1892 напечатанъ довольно обширный очеркъ г. Дмитріева о чукотской землѣ. Въ настоящее время на помощь ему выступаетъ новая группа дѣятелей. Въ 2 № «Дальняго Востока» отъ 29 окт. 1892 г. напечатано слѣдующее письмо доктора Башинскаго. «Въ виду предстоящаго въ скоромъ будущемъ дня двухсотлѣтія покоренія полуострова Камчатки, быть можетъ, Вы признаете, м. г., не безынтереснымъ помѣстить на страницахъ Вашей уважаемой газеты сообщеніе, что въ г. Петропавловкѣ, Приморской Области, семью учредителями подписанъ $\frac{1}{13}$ августа 1892 г. уставъ «Общества изученія полуострова Камчатки» и сегодня ($\frac{15}{27}$ октября) отосланъ Главному начальнику края для представленія на Высочайшее утвержденіе». Общество имѣетъ цѣлью «всестороннее изученіе полуострова Камчатки, близъ него находящихся острововъ и сопредѣльныхъ мѣстностей и ознакомленіе съ ними посредствомъ собиранія коллекцій и разныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ естествознанія, географіи, этнографіи и археологій».

Въ тотъ день, когда писано было это письмо, возникающее общество, считало уже 15 членовъ—дѣйствительныхъ и сотрудниковъ, кромѣ почетныхъ.—Я увѣренъ, что найдется не мало людей, которые съ усмѣшкой прочтутъ это сообщеніе. Ученое общество въ Камчаткѣ, гдѣ 40 лѣтъ тому назадъ единственными путями сообщенія во многихъ мѣстахъ были тропы продѣланныя мелвѣдами! А между тѣмъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что это Общество сдѣлается полезнымъ и виднымъ ученымъ учрежденіемъ хотя-бы на нѣсколько лѣтъ. Что можетъ помѣшать ему: недостатокъ людей,

скудость матеріальныхъ средствъ? Но кто же не знаетъ, что сила каждаго Общества не въ количествѣ членовъ, а въ ихъ желаніи и способности работать. Такъ бываетъ вездѣ, не только у насъ. Въ Германіи есть ученые общества, считающія своихъ членовъ тысячами (таково напр. «Нѣмецкое Антропологическое»), а работники, дающіе такимъ обществамъ фізіономію, все таки считаются если не единицами, то десятками. Важно не то, чтобы новое Общество сразу выставило батальонъ членовъ—дѣйствительныхъ и сотрудниковъ—а то, чтобы среди его было два-три человѣка, рѣшившихъ сдѣлать все, чему окружающія условія не поставятъ неодолимыхъ препятствій. Въ значительныхъ денежныхъ средствахъ на первыхъ порахъ не представится и надобности: Авачинской бухты съ прилегающей къ ней мѣстностью хватить не на одинъ годъ естественно-научныхъ изслѣдованій, для этнографическихъ и археологическихъ изслѣдованій достаточно выѣхать изъ Петропавловска на одинъ день пути: на этомъ разстояніи изслѣдователь встрѣтитъ и остатки древнихъ камчадалскихъ остроговъ съ юртами, землянками и каменными орудіями въ этихъ послѣднихъ и обрусѣвшихъ камчадаловъ рядомъ съ окамчадалившимися русскими и камчадаловъ, сохранившихъ еще свой родной языкъ, остатки обычаевъ и вѣрованій. Зимой для этнографическихъ изслѣдованій даже не нужно выѣзжать: жители полуострова сами являются въ городъ для сбыта своихъ товаровъ. Дитмаръ выѣдаль въ Петропавловскѣ въ это время не только Камчадаловъ, но и Ламутовъ. Собираетъ матеріалы для толкового словаря мѣстнаго русскаго нарѣчія съ его камчадализмами, для словаря камчадалскаго языка или иного мѣстнаго можно при такихъ условіяхъ не выступая за городскую черту. Лѣтніе переѣзды моремъ въ земли Коряковъ и Чукчей, при сочувствіи мѣстной администраціи также могутъ обходиться совсѣмъ не дорого. Весь вопросъ для будущаго Общества будетъ заключаться въ томъ, будетъ ли оно располагать опредѣленной программой дѣйствій и готовностью выполнять ее хотя бы со стороны нѣсколькихъ членовъ. Что касается программы, то она намѣчается сама собою. Трудно представить себѣ Общество, задачи котораго опредѣлялись бы впередъ съ такой скульптурной рельефностью: въ естественно-научномъ отношеніи передъ Обществомъ полуостровъ съ его вулканической почвой и рѣзко обособленной отъ остальной Сибири фауной и флорой (Дитмаръ не нашелъ въ собственной Камчаткѣ бѣлки и сѣвернаго оленя), въ археолого-этнографическомъ исчезающій міръ арктическихъ народовъ. Можно надѣяться, что и за готовностью работать дѣло не станетъ. Ее вдохнуть заманчивыя научныя перспективы, раскрывающіяся передъ Обществомъ,—сознаніе того, что самыя скромныя работы его будутъ встрѣчены съ живымъ интересомъ и въ научныхъ центрахъ стараго свѣта и въ томъ мірѣ, который отдѣленъ отъ Петропавловска волнами океана.

В. Смирновъ.

КОРЕСПОНДЕНЦІЯ.

ПИСЬМА ИЗЪ ГЕЛЬСИНГФОРСА.

I.

Центромъ нашихъ лингвистическихъ изслѣдованій является Финско-Угорское Общество. Въ началѣ прошлаго года вышелъ X вып. журнала Общества: *Journal de la Société Finno-Ougrienne* X. Въ немъ помѣщено нѣсколько статей, касающихся лопарскаго языка, г. К. Б. Вилкюнда (K. B. Wiklund). Г. Вилкюндъ шведскій лингвистъ, магистръ Упсальскаго университета. Онъ посвятилъ себя изслѣдованію финско-угорскихъ языковъ и специально лопарскаго. Онъ основательно знаетъ шведско-лопарскія нарѣчія и издалъ нѣсколько сочиненій, посвященныхъ фонетикѣ, грамматикѣ, словарю этихъ нарѣчій, — все это въ строгомъ согласіи съ требованіями нынѣшняго языковѣднія. Лопарскія изслѣдованія гг. Генеца (A. Genets, профессоръ финско-угорскихъ яз.) и Вилкюнда, вмѣстѣ съ мордовскими изслѣдованіями Др. Паасонена (H. Paasonen), будутъ, конечно, въ значительной степени способствовать уясненію исторіи и собственно финскихъ нарѣчій.

Г. Паасоненъ недавно издалъ первую часть своей исторической фонетики мордовскаго языка. Оцѣнку этого весьма достойнаго труда отлагаю до выхода второй части. Пока я обращаю вниманіе читателей «Извѣстій» на докладъ г. Паасонена, въ финно-угорскомъ обществѣ «о такъ называемыхъ иранскихъ словахъ въ мордовскомъ языкѣ». Такъ-же, какъ извѣстный изслѣдователь Томсенъ (V. Thomsen, въ Копенгагенѣ), г. Паасоненъ не могъ не замѣтить недостатка критики у занимавшагося этимъ предметомъ г. Томашека.

Слова, заимствованныя финскими языками въ позднѣйшее время черезъ турецкія нарѣчія и встрѣчаемыя въ сопоставленіяхъ г. Томашека, не могутъ служить доказательствомъ сношеній финскихъ племенъ съ ирано-скифскими. Нѣкоторыя сопоставленія и по фонетическимъ причинамъ или совсѣмъ невозможны или-же пока недоказаны и очень сомнительны. Число словъ, которыя заслуживаютъ вниманія, поэтому у Томашека остается очень незначительно. Съ своей стороны г. Паасоненъ указалъ на нѣкоторыя имъ найденныя слова, которыя, принимая во вниманіе развитіе морд. языка, всѣ точно соотвѣтствуютъ древне-индійскимъ и древне-иранскимъ формамъ.

Они находятся только въ морд. языкѣ. Въ другихъ ф.-угорскихъ языкахъ и даже въ турецкихъ нарѣчіяхъ ихъ нѣтъ. Эти слова слѣдующія:

1) Эрза-морд. паз=павас, богъ (Мокша-морд. шкаба в а с, богъ и павас, счастье). Ср. др.-инд. bhāgas владѣтель, богъ и др.-перс. и зенд. вага богъ.

2) Эрза-морд. а в о р о, Мокша-морд. а з э р владѣтель, хозяинъ; ср. др.-инд. āsura бухъ (?) etc., зенд. ahura, др.-перс. aura владѣтель. Очевидно мордовское а=с, равно какъ междугласная (intervocalisch) в=г (ср. павас=bhāgas).

3) Эрза-морд. верьгес, мокша-морд. в и р ь г а с волькъ; ср. др.-инд. vṛkas, ценд. vehka волькъ.

4) Морд. с а р а с курица: ср. др.-инд. sārasa ardea sibirica и птица вообще.

Заслуживаютъ вниманія и слѣдующія слова:

5) Эрза-морд. с э д ь (у Видемана сед е), Мокша-морд. сед ь мость; ср. др.-инд. setu, зенд. haetu, осс. хет, хид мость. Въ венгерскомъ языкѣ есть также hid мость.

6) Морд. л о м а н ь человекъ, чужой; ср. осс. лиман, лиман, другъ.

Самое значительное мѣсто между изданіями Ф.-угорскаго общества занимаютъ несомнѣнно «Inscriptions de l'Orkhon», изданныя проф. О. Даннеромъ (Otto Donner) и интендантомъ археологической комиссіи, Др. Гейкелемъ (A. O. Heikel). Такъ какъ въ «Извѣстіяхъ» помѣщена подобная рецензія объ этомъ трудѣ, я не считаю нужнымъ на немъ останавливаться и обращаю вниманіе читателей на двѣ новости въ енисейско-орхонской литературѣ, именно «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne III: La stèle funéraire du Tégghin Giogh et ses copistes et traducteurs chinois, russes et allemands, par G. Schlegel, professeur de chinois à l'université de Leide» и «Mem. etc. IV: Wörterverzeichnis zu den Inscriptions de l'Enisei» von O. Donner. Лейденскій профессоръ, г. Шлегель критикуетъ переводъ одной китайской эпитафіи сдѣланный проф. Георгомъ фонъ-дербъ-Габеленцемъ (Georg von der Gabelents, въ Берлинѣ) и находитъ, что переводъ этотъ во многихъ отношеніяхъ ошибоченъ. Г. фонъ-дербъ-Габеленцъ слишкомъ довѣрчиво отнесся къ транскрипціи эпитафіи, сдѣланной г. П. С. Поповымъ, не сравнивши ее съ оригинальной фотографіей г. Гейкеля. Неточности начинаются съ первой строки надписи, она читается: «Gedenkstein (zu Ehren) weiland K'iuettek-lek's», у г. Шлегеля «Epitaphie du défunt Tégghin Giogh».

Мем. IV представляетъ собою составленный проф. Даннеромъ словарь всѣхъ Енисейскихъ надписей. Особенную цѣнность трудъ этотъ приобретаетъ благодаря тому, что авторъ нерѣдко ссылается на Орхонскія надписи. Этотъ сравнительный словарь безъ сомнѣнія весьма значительно подвинулъ изслѣдованія Енисейско-Орхонскихъ надписей.

Финское литературное общество (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura) издало новый выпускъ своего журнала «Суоми» (Suomi, V книжка III серия). Особенное вниманіе обращаютъ въ немъ на себя «Матеріалы къ исторіи финско-угорскаго языковѣдѣнія» (Lisiä suomalais-ugrilaisen kielentutkimuksen historiaan)

Др. Сетала (E. J. Eetälä). М. пр. авторъ знакомить насъ съ неизвѣстнымъ до сихъ поръ изслѣдователемъ финскихъ языковъ, нѣмецкимъ ученымъ Мартиномъ Фогелемъ (Martin Fogel, 1634—1675), который раньше всѣхъ открылъ и доказалъ сродство финскаго, лопарскаго и венгерскаго языковъ.—Въ скоромъ времени г. Сетälä въ томъ-же журналѣ напечатаетъ окончаніе своей обширной исторической фонетики собственно финскихъ нарѣчій,—трудъ, который будетъ имѣть капитальное значеніе въ финскомъ языковѣдѣніи.

Не могу не упомянуть о работѣ, имѣющей скоро выйдти и восполнить пробѣлъ въ финнологическихъ изслѣдованіяхъ. Др. Каарле Кронъ (Kaarle Krohn, доцентъ сравнительнаго фольклора) готовится къ печати работу изъ области финско-угорской мифологии, содержащую изслѣдованіе о жертвахъ и жертвенныхъ мѣстахъ у финскихъ племенъ. Первый выпускъ ея будетъ снабженъ иллюстраціями.

Важнѣйшую археологическую новость несомнѣнно представляютъ «Свѣдѣнія о желѣзномъ вѣкѣ Карелии I» (Tietoja Karjalan rautakaudesta) Др. Швиндта (Theodor Schwindt, интендантъ арх. комм.). Этотъ трудъ представляетъ собою подробное описаніе карельскихъ древностей и характеристику культурнаго состоянія Карелии во время послѣднихъ періодовъ язычества, на основаніи находокъ. Часть II, содержащая изслѣдованіе о происхожденіи формъ предметовъ и объ отношеніяхъ ихъ къ древностямъ сѣверной Европы, явится вѣроятно въ недалекомъ будущемъ. Въ настоящей книгѣ (I) г. Швиндтъ рисуетъ предъ нами интереснѣйшую культурную картину—обстоятельно говоритъ объ одеждѣ, постройкахъ, утвари, орудіяхъ, ремеслахъ, земледѣліи, скотоводствѣ, оружіи, охотѣ, рыболовствѣ, могилахъ, погребеніи, религіи и волшебствѣ древнихъ Кореловъ. Что касается до погребенія, то мы узнаемъ, что древнѣйшей формой его было трупосожженіе. Покойникъ снабжался у Кореловъ одеждой и всѣми нужными орудіями. При погребеніи совершались жертвоприношенія, обыкновенно лошадей и собакъ (охотнику). Вѣроятно жертва приносилась на могилѣ и позже.—Можно полагать, что II часть достойнаго труда г. Швиндта будетъ не менѣе интересна, въ особенности съ точки зрѣнія вопроса объ отношеніи карельскихъ древностей къ сѣверно-европейскимъ.

Подводя итогъ своимъ замѣткамъ, я считаю возможнымъ сказать, что финско-угорскія изслѣдованія у насъ въ послѣднее время несомнѣнно подвинулись. Можно надѣяться, что труды Доннера, Генеца, Сетälä, Паасонена и Миккола по языкъ вѣдѣнію, Кроона и Варонена по мифологіи и фольклору, Аспелина, Аппельгрена, Швиндта и Гейкеля по археологіи и этнографіи, Гротенфелта и Снельмана по исторіи окажутъ вліяніе на дальнѣйшіе успѣхи нашей науки. Что касается этнографіи, то я съ большимъ удовольствіемъ могу замѣтить, что наши изслѣдователи научились цѣнить Казанскія «Извѣстія», какъ превосходное пособіе для своихъ научныхъ трудовъ.

Сергъ Вихманъ.

Гельсингфорсъ 19/2 февраля 1893.

МУЗЕОГРАФІЯ.

НОВѢЙШІЯ ПРИОБРѢТЕНІЯ МУЗЕЯ УРАЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГѢ.

1889. Декаб. 3. Каменное орудіе съ берега Нишьяго озера въ 2-хъ вер. отъ Всеволодо-Благодатскаго завода.

1890. Февр. 10. Каменное орудіе въ 12 вер. отъ Будянскаго завода на приискѣ Оверномъ, на 12 саж. глубины въ золотоносномъ пескѣ.

Мар. 3. Кусокъ кожи найденной въ 1794 году въ Палевскомъ заводѣ, въ Чудскомъ котлякѣ, на 14 саж. глубины.

9. Кинжалъ желѣвный. Найденъ въ полѣ въ 2 вер. отъ с. Кочневскаго при вспашкѣ поля.

— Сабля съ серебряной рукояткой найдена въ районѣ Кочневской волости Екатерин. уѣзда.

— Бляха мѣдная. Близъ д. Чердынцевой.

— Пять костяныхъ орудій изъ Дальняго Карасьяго озера.

19. Кольчуга. Вырыта изъ земли въ Амурскомъ поселкѣ Верхнеуральскаго уѣзда, Оренб. губ.

Іюня 6. Мѣдныя стрѣлы и удочка, кремневые орудія, глиняные черепки и кости.—Близъ Усть-Міасса.

— Каменные и кремневые орудія и глиняные черепки. Съ разныхъ мѣстъ Урала.

— Металлическіе Вогульскіе идолы. Изъ Никито-Ивделя.

— Кольчуга. На Рисовицѣ, въ 8 вер. на Ю. В. отъ Екатеринбурга, на островѣ, на 2 ар. глубины.

— Желѣзная корчага и такой же ковшъ. Близъ с. Арамиль, въ ключѣ «черный».

— Костяное орудіе $5\frac{1}{2}$ вер. длины. На глубинѣ $\frac{3}{4}$ ар. на берегу оз. Малое Шайтанское, близъ Нейво-Рудянскаго завода, въ мѣстности именуемой «чертовъ дворецъ».

— Костяное орудіе $5\frac{3}{4}$ вер. длины. На $6\frac{1}{2}$ ар. глубины, на Шичирскомъ приискѣ, близъ Нейво-Рудянскаго завода.

Авг. 25. Поступило отъ гг. членовъ Общества С. И. Сергѣева, и А. Ф.

Комесь а также отъ гг. Мартеміанова и Рыжникова болѣе 500 глиняныхъ черепковъ съ орнаментомъ и безъ него, кремневыхъ и каменныхъ орудій и осколковъ костей, добытыхъ при раскопкахъ произведенныхъ въ іюнѣ 1890 года означенными лицами подѣ наблюдениемъ г. Сергѣева у «Шарташскихъ каменныхъ палатокъ» находящихся около 2 верстъ отъ г. Екатеринбургъ, къ востоку отъ него.

Окт. 30. Два мѣдныхъ идола изображающихъ птицъ, изъ красной мѣди, около 2 $\frac{1}{2}$ вер. длиною найденные при Таватуйскомъ старательскомъ участкѣ при р. Камышенкѣ на 1 $\frac{1}{2}$ ар. глубины.

— Каменное орудіе найденное на второмъ Курьинскомъ приискѣ въ пескахъ разръва, подѣ чернымъ торфомъ, на 5 ар. глубины.

— Три деревянные ложки. На второмъ Курьинскомъ приискѣ, на пескахъ при вскрытіи торфовъ, на глубинѣ отъ 4 $\frac{1}{2}$ до 5 ар.

— Весло деревянное. Сломано. Найдено вмѣстѣ съ ложками.

— Каменное орудіе, найдено тамъ же.

— Идолъ деревянный, состоящій изъ нѣсколькихъ кусковъ. При составленіи его изъ кусковъ оказалось нѣсколько кусковъ лишнихъ, которые вѣроятно принадлежали другому такому же экземпляру, такъ какъ на одномъ изъ кусковъ еще сохранились нѣкоторые признаки лица.—Составленный изъ частей идолъ имѣетъ до 4 $\frac{1}{2}$ арш. вышины.—Найдены тамъ же, гдѣ весла и ложки.

Нояб. 3. Предметы отъ раскопокъ кургана, произведенныхъ лѣтомъ 1890 г. близъ Талицкаго завода И. А. Сахаровымъ. Предметы состояли изъ костей, обуглившихся кусковъ дерева и образцовъ обуглившагося зерна, оказавшагося подѣ костями и остатками дерева.

10. Кремни найденныя на 3 $\frac{1}{2}$ ар. глубины подѣ камнемъ въ 1000 пуд. за дер. Шабры у Каменскихъ озеръ.

— Обдѣланныя и необдѣланныя кости. Найденны въ гротѣ по р. Сергѣ въ почвѣ.

— Обломокъ каменнаго орудія изъ рѣчника на 3 ар. глубины, на берегу р. Большой Рефтъ на Вѣро-Леонидинскомъ приискѣ.

19. Костяное орудіе изъ Шигирскаго прииска, близъ Рудянскаго завода, на глубинѣ 5 ар. въ трясуцкѣ.

1891. января 10. 4 образа мѣдныхъ найденныхъ во дни р. Исети въ самомъ городѣ при производствѣ работъ по возведенію каменнаго мостоваго быка.

Февр. 18. Бусы и костяныя стрѣлы изъ окрестностей Сысертскаго завода.

Окт. 3. Каменное орудіе изъ Шадринскаго уѣзда.

8. Мѣдная чаша.—Изъ Камышловскаго завода.

1892. Февр. 7. Дна костяныхъ орудія. На Шагирскомъ приискѣ, на глубинѣ отъ 8—12 ар.

10. Бронзовый ножъ, часть бронзоваго ножа, кельтъ бронзовый, наконечникъ копья, глиняные черепки и каменные орудія изъ раскопокъ произведенныхъ въ 1891 году С. И. Сергѣевымъ близъ ст. Левшино.

Сент. 5. Глиняный черепокъ и костяной наконечникъ стрѣлы, изъ Кудымкарскаго городища.

— Мѣдный топоръ. Изъ Шадринскаго уѣзда.

— Мѣдный штырь. Найденъ при развѣдкахъ на золото на глубинѣ 4 ар. въ пескахъ при сляніи рѣки большой и малой Кузанихи, въ Ревдинской дачѣ.

— Кинжалъ. Въ 17 вер. отъ Ревдинскаго завода, на 1½ ар. глубини.

Декаб. 24. Черепъ человѣческой. Найденъ на 7 ар. глубины въ Инокентіевскомъ разрѣзѣ Царево-Александровской дистанціи Миасскаго округа, на лѣвомъ берегу р. Миасса.

— Ч а ш к а к а м е н н а я. Найдена недалеко отъ черепа, въ томъ же горизонтѣ.

— Каменный пестъ. Въ пескахъ Байдашевскаго пріиска, Андреевской дистанціи Миасскаго округа, на 4 ар. глубины.

— Мѣдный наконечникъ копья. Въ Мухамбетьевскомъ пріискѣ Андреевской дистанціи на 4 ар. глубины.

— Мѣдный наконечникъ стрѣлы. Изъ Атлянскаго разрѣза, на берегу р. Атыанъ Миасскаго окр. на 4 ар. глубины.

30. Два полныхъ скелета (мужской и женскій) племени Караказъ (Карагазъ) съ отроговъ Саянскихъ горъ Нижне-Удинскаго округа.

Д. Албановъ.

Екатеринбургъ, 8 янв. 1893.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Karl v. Ditmar. Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851—1855. 1 Theil. Historischer Bericht nach den Tagebüchern.—Beiträge zur Kenntniss des russischen Reiches und angränzenden Länder Asiens. 3 Folge. Bd. VII. S. Petersb. 1890.

Книга, о которой мы даемъ отчетъ въ настоящемъ выпускѣ «Извѣстій», по нашимъ русскимъ понятіямъ уже старая книга: она вышла три года тому назадъ и тогда-же или по крайней мѣрѣ годъ спустя должна была сдѣлаться достояніемъ критики. Мы позволяемъ себѣ однако уклониться отъ требованій нашего литературнаго обычнаго права. О Камчаткѣ и у насъ и въ общеевропейской географической литературѣ писано очень мало и свѣдѣнія, которыя Дитмаръ собралъ въ теченіе своего пятилѣтняго пребыванія въ этой странѣ, заслуживаютъ во всякомъ случаѣ полного вниманія географа и этнографа. Въ своемъ отчетѣ мы будемъ слѣдовать за авторомъ въ его путешествіи и отмѣчать тѣ изъ его наблюденій, которыя имѣютъ отношеніе къ этнографіи Сибири. Точкой отправленія будетъ дер. Шигалевская за Иркутскомъ—начало воднаго пути (по Ленѣ) на В. За станціей Дубровской на суднѣ Дитмара появился впервые тунгузъ-гребецъ. Изъ разговора съ нимъ путешественникъ узналъ, что страна, по которой они плыли, съ давнихъ поръ раздѣлена кочующими тунгузами на участки: каждый родъ знаетъ древнія границы своего участка и не нарушаетъ ихъ. Начиная съ станціи Щербинской путешественникъ сталъ встрѣчать якутскія деревни. За Олекминскомъ—съ его смѣшаннымъ русско-якутскимъ населеніемъ—якуты являютя уже главными хозяевами Лены. Они сообщаютъ даже здѣшнимъ русскимъ свой языкъ, костюмъ и обычаи. Въ Покровской—за нѣсколько станцій отъ Якутска—Дитмаръ оставилъ лодку и отправился въ Якутскъ сухимъ путемъ—черезъ деревни, которыя поразили его смѣсь русскихъ домовъ съ якутскими юртами (24). Во время этого перѣзда Д. познакомился съ якутскими могилами, которыя разбросаны были

вдали от жилищъ по возвышеніямъ. Въмѣсто могильнаго холма надъ ними возвышались сложенные изъ короткихъ балоковъ ящики.

Якутскъ съ своими юртами, глубоко, на подобіе землянокъ, уходящими въ землю, съ безлѣсной равниной, разстилающейся вокругъ, произвелъ на Д. самое удручающее впечатлѣніе. Передъ самымъ городомъ путешественникъ встрѣтилъ якутскій обозъ—рядъ запряженныхъ быками длиныхъ, узкихъ телѣгъ на низкихъ колесахъ-катушкахъ (25). Населеніе Якутска обратило на себя вниманіе путешественника своимъ составомъ. Онъ нашелъ здѣсь чистыхъ якутовъ, метисовъ—преимущественно между мѣшчанами и казаками и русскихъ сибиряковъ—преимущественно между купцами. Якутскіе купцы поразили Д. такъ же, какъ и Миддендорфа, пестротой своихъ культурныхъ признаковъ: одѣтые въ европейскій костюмъ, глубоко преданные дѣдовскимъ обычаямъ и вѣрованіямъ, они съ удовольствіемъ говорили между собою по якутски и видѣли въ этомъ нѣкоторый шикъ (33). Что касается якутовъ, то они представляли собою главную рабочую силу въ городѣ—изъ нихъ состояли мастеровые, прислуга, рабочіе. Они снабжали населеніе мясомъ, масломъ, кожами, держали въ своихъ рукахъ перевозку товаровъ. Въ качествѣ плотниковъ якуты уходили тогда на самыя далекія окраины Сибири—въ Охотскъ, Аянъ, Петропавловскъ и Сичу (34). Направившись изъ Якутска далѣе на Саянъ, Д. проѣхалъ Амгинскъ—крайній восточный пунктъ якутской территоріи съ смѣшаннымъ русско-якутскимъ населеніемъ (43) и вступилъ въ безлюдную пустыню, въ которой на протяженіи 1000 верстъ встрѣчались только одинокія станціонныя юрты, разбросанныя Американской Компаніей на пути изъ Якутска въ Аянъ (43).—Во время переѣзда изъ Аяна въ Петропавловскъ Дитмару пришлось познакомиться съ Сахалинскими Гиляками и онъ сообщаетъ короткія свѣдѣнія о ихъ религіи (роль огня и медвѣдя), шаманахъ, оружіи (луки, боевые ножи, копья), торговыхъ сношеній съ Манжурами, Тунгусами и Японцами, объ ихъ жилищахъ (обширныя четырехстѣнныя деревянныя постройки безъ пола, съ лавками для спанья близъ стѣнъ) и роли единственнаго домашняго животнаго собаки (85). При гиляцкихъ жилищахъ Д. нашелъ кладбища, гдѣ въ деревянныхъ срубахъ съ небольшою кровлей хранились кости сожженныхъ покойниковъ со всѣми предметами, которые окружали ихъ при жизни—оружіемъ, чашками, ложками. Кладбища эти между прочимъ были украшены повѣшенными на шести черепами дельфиновъ.

Переходя къ описанію своихъ странствованій по Камчаткѣ, Д. подтверждаетъ фактъ, что древніе поселки Камчадаловъ имѣли характеръ укрѣпленныхъ городковъ. Въ 25 верстахъ отъ Новой Авачи, расположенной на берегу залива того же названія, онъ указываетъ старую Авачу, которая у мѣстныхъ русскихъ носитъ названіе «Старый острогъ». Въ 50-хъ годахъ этотъ «острогъ» состоялъ изъ четырехъ домовъ, которые принадлежали одной большой семьѣ тайона Маглачина.—Въ описаніи зимняго путешествія изъ Петропавловска въ Нижне-Камчатскъ мы встрѣчаемъ замѣтку о любопытной для этнографа дер. Милковой. Ея населеніе считало себя русскимъ—между тѣмъ какъ ни по костюму, ни по языку не отличалось

отъ Камчадаловъ: разговорный языкъ жителей считался русскимъ, но онъ былъ лишь не многимъ чище того, который употребляли камчадалы. Полурусское—полукамчадалское населеніе это образовалось путемъ смѣшанныхъ браковъ — и камчадалскій физическій типъ настолько возобладалъ, что только рѣдкія лица имѣли европейскія черты. Отмѣтивши окамчадаленіе русскихъ, Дитмаръ не упустилъ изъ вида и тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ бытѣ камчадалъ подъ русскимъ вліяніемъ: землянки замѣнились повсюду теплыми русскими домами (206) (старыя камчадалскія жилища сдѣлались уже предметомъ своего рода археологическихъ изысканій. Д. купилъ у одного камчадала каменные орудія, которыя онъ вырылъ изъ такой землянки), русскіе обычаи вытѣснили камчадалскую старину: только русское скотоводство (лошади и коровы) не успѣло еще утвердиться у камчадаловъ, не взирая на удобства, которыя предлагаются роскошными лугами страны—можетъ быть, потому, что туземцы видятъ, сколько опасностей предстоитъ домашнимъ животнымъ со стороны хищныхъ звѣрей, въ особенности медвѣдей, главныхъ хозяевъ Камчатки. Камчадалскіе остроги произвели на Д. впечатлѣніе благоустроенныхъ и пользующихся извѣстнымъ благосостояніемъ поселковъ — особенно тѣ, которые менѣе подверглись русскому вліянію и сохранили свой языкъ (Карганикъ, Машура, Чапина, Толбача, Козыревскъ). Рядомъ съ этими положительными результатами соприкосновенія съ русскими Д. отмѣчаетъ и крупный отрицательный—вырожденіе отъ сифилиса, встрѣченное въ нѣсколькихъ камчадалскихъ деревняхъ (стр. 205).

По возвращеніи въ Петропавловскъ Дитмаръ имѣлъ случай познакомиться съ Ламутами (вѣтвь Тунгузскаго племени). Главная масса Ламутовъ живетъ по западному берегу Охотскаго моря отъ Аяна до Гижигинска, но часть подъ вліяніемъ тѣсноты на старыхъ мѣстахъ переместилась черезъ земли Пенжинскихъ Коряковъ въ пустынную Камчатку. Здѣсь въ горахъ, занимающихъ среднюю часть полуострова, и по западному берегу (Большерѣвскій округъ) переселенцы нашли удобныя пастбища для своихъ оленей, богатая рыбой рѣка и обильная дичью урочища. Когда дѣла первыхъ Ламутовъ переселенцевъ стали извѣстны на родинѣ, къ нимъ потянулись другіе родичи и ко времени пріѣзда Д. въ Камчатку ихъ жило уже до 70 ч. обоюго пола. На первыхъ порахъ они опасались, что ихъ выгонятъ, какъ чужаковъ, но эти опасенія скоро разсѣялись, такъ какъ ни Камчадалы, ни чиновники не думали ихъ преслѣдовать (213).

Съ наступленіемъ лѣта 1852 г. Дитмаръ предпринялъ поѣздку вдоль восточнаго берега полуострова отъ Петропавловска до Нижне-Камчатска. Поѣздка эта дала рядомъ съ естественно-научными и этнографическіе результаты. Близъ устья р. Вагила Д. встрѣтилъ впервые нѣсколько квадратныхъ ямъ, которыя оказались остатками старыхъ камчадалскихъ землянокъ съ однимъ или двумя входами въ видѣ рвовъ. На днѣ ямъ оказались угли, кости, раковины и каменные орудія (243). Такія-же ямы встрѣчены были потомъ въ значительномъ количествѣ на пространствѣ отъ мыса Налочева до мыса Шипунскаго. Онѣ остаются единственными памятниками того, что

восточное побережье Камчатки имѣло когда-то значительное населеніе (245—46). Д. произвелъ здѣсь нѣсколько раскопокъ и добылъ значительное количество каменныхъ орудій, нѣсколько костяныхъ наконечниковъ копій и обломки глиняной посуды, сдѣланной отъ руки. Каменные орудія представляли собою оббивные наконечники стрѣлъ, и копій изъ обсидіана и ясписа, топоры съ шлифованными остріями и скребки для выдѣлки кожъ подобные тѣмъ, которые до сихъ поръ употребляются Коряками (248).

По берегамъ рѣки Жупановой, гдѣ еще во времена Крашенинникова было три большихъ поселка (Орешинганъ, Кошподамъ и Олукино), Д. нашелъ даже слѣдовъ бывшаго населенія (282). На дальнѣйшемъ пути Д. встрѣтились близъ устья р. Семьячика остатки Камчадалскихъ жилищъ, которыя были покинуты въ недавнее сравнительно время: у одной изъ землянокъ уцѣлѣлъ еще до извѣстной степени камчадалскій балаганъ для сушенія рыбы (297). Неподалеку отсюда на скалистомъ полуостровѣ оказались остатки стараго камчадалскаго селенія (301), которое было когда-то устроено на берегу ручья съ столь цѣнной Камчадалами вкусной, чистой водой. Поднимаясь далѣе на С., Д. нашелъ остатки стараго «острога» (Ешкунъ) въ устьи р. Кродакыга. И этотъ, такъ населенный во времена Крашенинникова и Штеллера, пунктъ—главная станція на пути изъ П. въ Нижнекамчатскъ—представлялъ собою чистую пустыню (305). Бывшія жилища Камчадаловъ служили теперь берлогами для медвѣдей. На мѣстѣ другой станціи на этомъ-же пути—упоминаемаго Крашенинниковымъ острога Часмы Д. не нашелъ никакихъ слѣдовъ жилья (334). Въ Нижне-Камчатскѣ, бывшемъ административномъ центрѣ Камчатки, Д. нашелъ такое-же наполовину окамчадалившееся русское населеніе, какъ и близъ Петропавловска. По костюму, домашней обстановкѣ, пищѣ и житейскимъ привычкамъ оно не отличалось почти отъ камчадаловъ. О русскомъ происхожденіи говорилъ только нѣсколько лучшихъ, чѣмъ у камчадаловъ, русскій языкъ, русскіе нравы и обычаи и употреблявшійся въ праздники русскій костюмъ (356). На обратномъ пути въ Петропавловскъ—вверхъ по теченію р. Камчатки—Д. имѣлъ случай побывать въ нѣсколькихъ камчадалскихъ деревняхъ и познакомился изъ опыта съ условіями путешествія по Камчаткѣ. Остановившись въ деревнѣ, приходилось прежде всего искать самоваръ и угощать чаемъ всѣхъ жителей, которые не заставляли себя приглашать и сами собирались въ избу путешественника. Послѣ этого угощенія путешественникъ приобрѣталъ право на бесплатное полученіе мѣстныхъ съѣстныхъ припасовъ (360)—картофеля, сараны (хлѣбъ составлялъ тогда еще у Камчадаловъ рѣдкость). Деньги въ дѣлѣ вознагражденія туземцевъ тогда не имѣли цѣны: даже за провозъ (на собакахъ зимой, въ лодкѣ лѣтомъ)—охотнѣ брали чай, табакъ, ружейные снаряды. Первые попытки завязать разговоръ съ камчадалами убѣдили Д., что они не охотно вступаютъ въ объясненія съ русскимъ, опасаясь проговориться и потерпѣть за это. Дитмару удалось однако сдѣлать интересныя наблюденія. Въ Камакъ ему сообщили, что камчадалскій языкъ знаютъ только старухи, мужчины его не понимаютъ и говорятъ по русски (363). Русскій языкъ въ устахъ камчадаловъ подвергается, не говоря уже о

формахъ, значительнымъ фонетическимъ измѣненіямъ. Въ произношеніи камчадаловъ Д. подмѣтилъ особенную мягкость и воздержаніе отъ твердыхъ и свистящихъ (zischlaute), которые въ большомъ количествѣ встрѣчаются въ ихъ собственномъ языкѣ (363). Въ дер. Ключи отъ 90-лѣтняго старика Удачина Д. узналъ нѣсколько преданій о старыхъ временахъ Камчатки: о бывшей на мѣстѣ Ключей старой камчадальской деревнѣ, о востаніи Камчадаловъ противъ казаковъ (ок. 1731 г.), послѣ котораго Камчадалы изъ Ключей были переселены въ Козыревскъ. Этотъ-же старикъ сообщилъ ему, что на его памяти Камчадалы измѣнились очень мало. Нравы и обычаи остались тѣми же, только вмѣсто землянокъ явились русскіе дома да внѣшнимъ образомъ мѣсто язычества (культъ Кучи) заступило христіанство. Въ глубинѣ души Камчадалы и въ пору путешествія Д. оставались язычниками. Воронъ по прежнему считался священной птицей Кучи; по прежнему въ важныхъ случаяхъ Камчадалы прибѣгали къ шаманамъ; только, чтобы избѣжать преслѣдованій со стороны духовенства, они охотнѣе обращались за помощью къ шамановъ своихъ родичей, сидячихъ Коряковъ, Укинцевъ, Паланцевъ и Олуторцевъ—у которыхъ старая вѣра исповѣдывалась еще открыто (381). Удачинъ указалъ Д. и на причины, въ силу которыхъ исчезли нѣкоторыя камчадальскія селенія: Хапича напр. вымерла отъ оспы въ 1768 г.

Во время своего обратнаго пути Д. собралъ нѣсколько свѣдѣній относительно Коряковъ—намѣтилъ границы территорій, принадлежавшихъ отдѣльнымъ колѣнамъ (Укинцамъ, Паланцамъ Олуторцамъ), численность ихъ (Укинцевъ 413 душъ, Олуторцевъ до 800), узналъ, что Олуторцы ближе, чѣмъ другіе сидячіе Коряки, къ кочующимъ (385). Олуторцы, по наведенныхъ Д. справкамъ, жили еще по старинѣ въ большихъ землянкахъ (386). Селенія ихъ простирались съ С. до Анадыра, гдѣ начинались уже земли сидячихъ Чукчей. На В. и С. отъ Олуторцевъ въ громадной тундрѣ, простирающейся до Пенжинскаго залива (Парапольскій долъ) кочевали тогда оленные Коряки. Въ Крестовкѣ, которая получила названіе отъ громаднаго креста, поставленнаго нѣкогда на мѣстѣ ея Атласовымъ въ знакъ приобрѣтенія страны, онъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, какое вліяніе имѣютъ физическія особенности страны на хозяйство населенія: земледѣльцы-русскіе живутъ главнымъ образомъ рыбной ловлей въ виду того, что наводненія наносятъ громадный вредъ огородничеству (388). Въ камчадальской деревнѣ Ушкахъ Д. привелось услышать не мало разказовъ о камчадальской водяной—Камакѣ (391). Къ сожалѣнію онъ не нашелъ нужнымъ записать эти разказы. Въ Толбачѣ Камчадалы разказывали ему о Кучѣ, который покровительствуетъ охотникамъ (394). Здѣшнія женщины остались еще настоящими камчадалками и не знали по русски ни слова; мужчины также не отличались особеннымъ знаніемъ русскаго языка (395). О русскомъ вліяніи говорилъ только внѣшній бытъ—дома, огороды, домашній скотъ. Въ Толбачѣ Д. наблюдалъ ловлю лосося при помощи ѣзовьевъ, устроенныхъ поперекъ рѣки и приготоовленіе зимнихъ запасовъ изъ растительнаго царства (сарана, кипрей, лебяжій корень, лепешки изъ сушеной черемухи). Отъ мѣстнаго тойона ему привелось узнать, подъ какимъ вліяніемъ слагалась ко-

лонизація Камчатки: находило начальство, что разстояніе между станціями на той или другой дорогѣ велико—и переводило на промежуточные пункты населеніе изъ отдаленныхъ деревень, не справляясь съ тѣмъ, что будутъ дѣлать на новомъ мѣстѣ переселенцы, удобно ли имъ тутъ (400—401). Въ Машурѣ Д. познакомился съ мѣстнымъ тойономъ—потомкомъ знаменитаго камчадалскаго богатыря Божоса. Въ старину Машура принадлежала къ самымъ крупнымъ «острогамъ» Камчатки, въ пору Д. это былъ пунктъ наименѣе тронутый русскимъ вліяніемъ (408). Здѣсь еще называли окружающія селенія и жилища исключительно камчадалскими именами и рассказывали саги о старыхъ богахъ. Главный богъ Кукухъ съ своей супругой Какхъ, сыномъ Трель-Кутан'омъ и дочерью Ишъ-Шахельсъ, по этимъ рассказамъ, жили на вершинахъ высокихъ вулкановъ и разводили внутри ихъ огонь для приготовленія ѣды. Они не имѣли никакого отношенія къ людямъ и Камчадалы въ свою очередь мало обращали на нихъ вниманія. Горавдо большимъ почтеніемъ пользовался злой духъ Сосочелкъ, который жилъ среди людей и на каждомъ шагу могъ вредить имъ. Камчадалы приносили ему жертвы и старались умиловити его при посредствѣ шамановъ. Знали Камчадалы еще Пихлахчей, маленькихъ гномовъ, которые жили въ лѣсахъ и на невысокихъ горахъ и въ маленькихъ саняхъ, запряженныхъ глухарями, объѣзжали страну, собирая драгоценную пушнину. Если человѣку удастся напасть на слѣдъ этихъ маленькихъ санокъ, онъ можетъ разомъ обогатиться. Стоить только ударить ивовой палкой поперекъ слѣда, маленькія санки разломаются и гномы за поправку ихъ дадутъ человѣку все, чего онъ потребуетъ. Пихлахчи играютъ у Камчадаловъ роль лѣшихъ и подобно этимъ послѣднимъ заманиваютъ къ себѣ и губятъ людей, особенно христіанъ (410).

Въ Кырганикѣ старики объяснили Д. причину запустѣнія восточнаго побережья Камчатки: часть остроговъ опустѣла отъ оспы, изъ другихъ населеніе было переведено начальствомъ въ долину р. Камчатки (414). Въ Таромѣ Д. нашелъ у Камчадаловъ старинныя каменные орудія, которыя хранились, какъ святыня (427). По образцу каменныхъ топоровъ у Камчадаловъ дѣлались желѣзные, преимущественно для долбленія ивовыхъ стволовъ. Старикъ тойонъ говорилъ Д., что его сверстники по всей Камчаткѣ помнятъ еще время, когда такіе топоры были во всеобщемъ употребленіи. Здѣсь-же нашелъ старикъ, который носилъ еще по старому обычаю на головѣ косу. На дальнѣйшемъ пути Д. изъ разговоровъ съ Камчадалами узналъ, что водяная Камакъ—затаскиваетъ къ себѣ въ воду людей и тамъ ихъ убиваетъ (444).

Лѣтомъ 1853 г. Дитмаръ совершилъ морское путешествіе вдоль западнаго берега Камчатки и посѣтилъ между прочимъ Гижигинскъ. Населеніе этого городка обратило на себя его вниманіе своимъ смѣшеніемъ съ окружающими кочевниками. Въ рѣдкихъ случаяхъ Д. приходилось здѣсь слышать чистую русскую рѣчь. Чаше это былъ языкъ полный чуждыхъ словъ и оборотовъ—коряцкихъ и тунгусскихъ. Женское населеніе мѣстечка занималось тогда исключительно изготовленіемъ по тунгусскимъ образцамъ вышитыхъ бисеромъ и шелкомъ рукавичекъ и сапожковъ, которые расходи-

лись далеко по Сибири. Мужчины всё жили торговлей и проводили всю жизнь въ далекихъ путешествіяхъ—пробираясь до самыхъ дальнихъ стоянокъ Чукчей (490). Гижигинцы держали въ своихъ рукахъ мѣновую торговлю съ Чукчами (Анадырская ярмарка въ февралѣ), Коряками (Пальцовская ярмарка въ мартѣ), Тунгузами и Ламутами (Наяханская ярмарка). У Чукчей и Коряковъ торговой единицей служила тогда шкура красной лисы, за которую они требовали 1—3 фунта табаку. Тунгузы и Ламуты считали на бѣлокъ и требовали за шкурку 2 листа табаку. Табакъ шелъ здѣсь исключительно крѣпкій «черкасскій». Чукчи въ свою очередь направлялись съ нимъ въ С. Америку и вымѣнивали съ громаднымъ барышемъ на тамошніе пушные товары (492). Благодаря ихъ посредничеству у Гижигинскихъ торговцевъ оказывались шкуры бобра, черного медвѣдя и другихъ С. Американскихъ звѣрей. Кромѣ табаку у гижигинскихъ торговцевъ можно было получить желѣзные и мѣдные котлы, орудія, ружья, порохъ, бусы, пестрый шелкъ. Все это по цѣнности было приведено въ постоянное отношеніе къ табачнымъ единицамъ (листу и фунту). Отъ Гижигинцевъ Д. получилъ кое-какія свѣдѣнія по этнографіи Восточно-Сибирскихъ племенъ. О сидячихъ Корякахъ (Каменцахъ) ему говорили, что они хорошіе кузнецы и развозятъ свои ножи и копья, съ накладными украшениями изъ мѣди, по всему съверу. Изъ Гижигинска Д. предпринялъ сухопутное путешествіе на полуостровъ Тайгоносъ и познакомился съ бытомъ кочующихъ на немъ Коряковъ. Въ первый-же день своего путешествія, на берегахъ Чайбухи, Д. увидалъ кочевья Коряковъ—ихъ большіе коническіе чумы, обложенные оленьими кожами съ огнищемъ посрединѣ и оленьими кожами по периферіи. Кожи эти на время сна служатъ пологами и тогда чумъ дѣлится на нѣсколько отдѣленій. Въ чумѣ Тойноссера, который пригласилъ Д. къ себѣ, прямо противъ входа оказались спальни-полога двухъ его женъ, по бокамъ полога родни и работниковъ (508). Въ пологѣ старшей Д. увидалъ бубень, которымъ она пользовалась при моленіи. На дальнѣйшемъ пути Д. встрѣчалъ чумы, въ которыхъ жили семей по 5. Дождливая погода заставила путешественника остаться съ Коряками въ теченіе нѣсколькихъ дней и онъ имѣлъ возможность познакомиться съ костюмами женщинъ и ихъ татуировкой (510). У Коряковъ Д. встрѣтилъ громадное количество черныхъ маленькихъ собакъ, которыя играютъ иную роль, чѣмъ въ Камчаткѣ; ихъ держатъ ради мѣха и для жертвоприношеній идоламъ (526) На р. Овевковѣ Д. видѣлъ кочевья Ламутовъ. Ихъ чумы оказались совершенно похожими на коряцкіе—только меньше и чище. Коряки имѣли возможность дѣлать всё свои вещи болѣе громоздкими, потому что они перевозили ихъ на запряженныхъ оленями саняхъ; у Ламутовъ такихъ саней не было; они ѣздили на оленяхъ верхомъ (532).

Покончивши съ Тайгоносомъ, Д. предпринялъ путешествіе по западному берегу Камчатки, начиная отъ устья Тигила. Изъ разговоровъ съ Камчадалами Д. извлекъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній относительно діалектовъ камчадальскаго и коряцкаго языковъ: вокругъ Тигила до Компаковой по западному побережью употреблялось одно нарѣчіе, отъ Компаковой до край-

няго юга другое, отъ Еловки до Абачи въ долину р. Камчатки третье (561). Корякскій языкъ дѣлился на два нарѣчія—Палланское (отъ Аmaniной до Пусторѣцка) и Укинское (отъ Озерной до Дранки на В. берегу Камчатки). Тойонъ дер. Сопочной сообщилъ по этому-же вопросу, что границей между сѣвернымъ камчадалскимъ нарѣчіемъ и южнымъ служила нѣкогда Оглукомина. Южное нарѣчіе носитъ слѣды Айносскаго вліянія съ Курильскихъ острововъ (625). На З. берегу Д. нашелъ сохранившихъ хорошо свои національныя черты Камчадаловъ. О русскомъ вліяніи говорили только деревянные дома, да и въ нихъ Камчадалы лѣтомъ не жили, предпочитая накрытыя верхнія части своихъ балагановъ (561). На нѣкоторыхъ лѣтовьяхъ рядомъ съ балаганами находились и землянки (595). Въ дер. Лѣсной землянки оказались даже рядомъ съ русскими домами (598). Скотоводство и огородничество здѣсь не имѣли никакого значенія; ими занимались только изъ страха предъ начальствомъ. Формы вѣками выработанной жизни оказываютъ здѣсь вліяніе на всѣхъ новыхъ поселенцевъ. Сидячіе Коряки-Палланцы, поселившись рядомъ съ Камчадалами, заимствовали у нихъ балаганы и лодки, въ которыхъ они на своей родинѣ не имѣли нужды (577). На р. Палланѣ Д. кромѣ Коряковъ встрѣтилъ и Чукчей и имѣлъ возможность убѣдиться въ близкомъ родствѣ обоихъ народовъ—языкъ, обычая, одежды, черты лица были одинаковы у тѣхъ и другихъ (590).

Коряки оказались чистыми язычниками. Въ чумахъ каждый вечеръ шаманили. Въ одномъ маленькомъ чумѣ Д. видѣлъ одинокую молодую женщину, которая сидя въ дыму мухомора почти непрерывно была въ бубень и плакала. Она потеряла незадолго передъ этимъ мужа и думала призвать его къ жизни. У Коряковъ и Чукчей Д. встрѣтилъ обычай жевать сушеные мухоморы, которые играютъ у нихъ такую же роль, какъ опиумъ и гашишъ. Принявши дозу мухомора, Коряки неподвижно съ стеклянными глазами сидятъ въ своихъ чумахъ, погруженные въ сладкія видѣнія (597). Въ Харьковской и другихъ корякскихъ деревняхъ Д. встрѣтилъ бросающееся въ глаза благосостояніе; причина его заключалась въ томъ, что эти деревни были какъ-то забыты начальствомъ и не пострадали отъ его неумѣлыхъ попеченій—въ родѣ перевода съ одного мѣста на другое. Позже путешественникъ убѣдился, что въ Камчаткѣ вообще благосостояніе и здоровье жителей обратно пропорціональны заботамъ о нихъ администраціи (618—619). Въ Сопочной изъ разговоровъ съ мѣстнымъ тойономъ оказалось, что у Камчадаловъ сохранилось воспоминаніе о времени, когда они находились въ близкихъ сношеніяхъ (браки, торговля) съ Курильскими Айносами и чрезъ нихъ съ Японіей (625). Въ Оглукоминѣ Д. присутствовалъ на камчадалской вечеринкѣ, видѣлъ камчадалскія пляски за исключеніемъ одной Бохія, которую женщины не рѣшились при немъ исполнить: въ ней изображаются любовныя походы медвѣжьей пары (632).—Конецъ книги Дитмара не заключаетъ въ себѣ этнографическаго матеріала. Заключивая отчетъ о ней, можно пожелать, чтобы Академія Наукъ не задерживала выпускъ слѣдующихъ частей.

И. Смирновъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Отзывъ чешскаго археолого-этнографическаго журнала «Czesky Lid» объ «Извѣстіяхъ».

Выписавши названіе нашего журнала референтъ сообщаетъ: «подъ редакціей профессоровъ И. Н. Смирнова, А. И. Соколова и Н. З. Тихова выходитъ въ Казани сборникъ, который мы причисляемъ къ лучшимъ въ Россіи («k nejlepšim v Rusku»). Онъ является необходимой («nevyhnutelnou») книгой для того, кто занимается изслѣдованіемъ В. Россіи.... Выказавши эту общую мысль, референтъ очень сочувственно отзывается о статьяхъ «Формы погребенія у народовъ В. Россіи», «Ананьинскій могильникъ» и «Данныя о городахъ Волжской Булгаріи» П. А. Пономарева, «Древняя курганная могила около д. Балымера» А. А. Штукенберга, «Изъ прошлаго и настоящаго доистор. археологіи въ Европѣ» И. С. и 1-й главѣ историко-этнографическаго очерка «Мордва».

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ЭТНОГРАФІИ ПОВОЛЖЬЯ.

ЧЕРЕМИССКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ

В. П. Троицкаго.

А.

А б а р т ъ м г.чер. Земл. ворочаю.
 А б а р ч а Земл. см. оварче.
 А б а х а Земл. чешуя, шелуха на
 зернахъ; см. шѣмь.
 А б д а Смирн. баба яга, см. овдѣ.
 А б ѣ г.чер. Земл. (т. а б е й бабу-
 шка) см. авѣ.
 А в а (чув. аба) мать самца; авѣй ма-
 ти моя; авѣ вель (г.чер. варѣш абѣ) ма-
 чиха; авѣ-вель-шѣдо трава мать и ма-
 чиха, бѣлокопытникъ; крес-авѣ воспри-
 емница.
 А в а л а н ъ м Крок. полваю.
 А в а р ъ м г.чер. Земл. (т. кабарам)
 см. оварѣм; оварыма-шйрга одугое ли-
 цо; авартѣм см. овартѣм.
 А в г ѣ м Вас. бѣднѣю.
 А в р (чув. авр) молоть, омутъ) во-
 доворотъ, сѣвель; аврѣм, аврқалѣм о-
 цѣпляю.
 А в р ѣ м Крок. одолѣваю; аврѣ мо-
 гущество.
 А в д а н (чув. авдан, алдан; г.чер.
 айгѣн) пѣтухъ.

А в у ѣ м (чув. ав) сгибаю.
 А в у н ѣ м сгибаюсь.
 А в ѣ н (чув. авын, г.чер. ѣн, т. аѣ-
 эн) овинъ; авѣнѣм кѣрѣм молочу; а-
 вѣн-возѣк (г.чер. ѣнтепенѣ) овинная
 яма, авѣн варѣ (г.чер. ѣн-рабѣ) овин-
 ный шишъ.
 А в ѣ л л и ѣ м Земл. см. аваланѣм;
 авѣланѣ-калѣм поपालываю; авѣланѣ к-
 тѣм заставляю ползатъ.
 А г а (г.чер. ягѣ) плугъ; косуля; агѣ-
 пайрѣм, у Земл. агѣпадырѣм, праздни-
 къ сохи, бывающій передъ началомъ ве-
 сенней пахоты; агѣ пайрѣм кѣго ѣмо
 великій богъ ага пайрѣма.
 А г а л г.чер. Земл. см. агѣл.
 А г а р м о Земл. см. сѣрѣм.
 А г а м Крок. см. агѣм.
 А г у н Земл. см. авѣн.
 А г у т а н Земл. см. авдѣн.
 А г у р Вас. см. авр.
 А д а к (чув. тадѣ г.чер. эчѣ) еще, ну!
 А д а х а г.чер. Земл. порывъ къ че-
 му; адахаэмлѣм привожу въ порывъ;
 адахаэмьялтѣм порываюсь, тороплюсь.
 А ѣ м Крок. (т. ѣйѣм) см. авуѣм.

Прим. Безъ акцента напечатаны слова, которыя имѣють удареніе на
 первомъ слогѣ.

- А ж а қ г.чер. Земл. вдовый, сирота; ср. азік.
- А ж д а ш г.чер. Земл. см. ончйқтәм.
- А ж г ы н д а р ә м. Вас. мучаю, изнуряю.
- А ж и б қ т а р ә м (т. азыктарам, аэдрам) соблазняю, прельщаю.
- А з а (чув. ача) ребенокъ, младенецъ; эзайық младенчество, дѣтство; аза-пюарге младенецъ мужескаго пола.
- А з а Земл. бѣшенный, горячій; азажа бѣшенство, ярость.
- А з а п (чув. азап) мұка; азапландарәм мучаю, изнуряю; азапланәм мучаюсь; у Земл. азап диво, чудо, азапланш, азапланаш удивляться; азаплакташ удивлять; азапләмаш изумленіе.
- А з а р л а ш Земл. завидовать.
- А з а ш Вас см. азылташ.
- А з д а р а ш Крок. дразнить, возбуждать; аздаралтам раздражаюсь, задорюсь; аздаралтймаш раздражаемость; аздармаш задоренье; аздарықаләм подраживаю, позадориваю.
- А з е р г.чер. Земл. (т. ажалъ смертность) см. азрән.
- А з ы л р Смирн. клешня; см. азыр.
- А з р ә н (чув. эсрель, т. эзрагиль) смерть, какъ существо.
- А з ү - п ю (т. азгын-гәш) қлыки.
- А з ә м буйствую; ср. аздараш и д.
- А з ы л т а ш квасцы; ср. азаш
- А з ы р тиски, клещи, щипцы; ср. азыр.
- А и к (т. айык) трезвый.
- А и л Крок. подпруга, перевязь.
- А и п зол. (т. айып.) вина, пороқъ; айпқандарәм опорочиваю, обвиняю; айпланларымаш Земл. извиненіе; айпланаш извинять; айпландараш обвинять.
- А и р л а ш (т. айырылам) г.чер. Земл. орләм; айрықалаш по-немногу избирать; аиртәмеш особенно.
- А й г.чер. Земл. долото; см. йй.
- А й д а (чув. айда) ну, пойдемъ!
- А й д ә м о (г.чер. эдәм, тат. адәм) человекъ, какъ существо разумное; ср. ййг.
- А й м а л а ш (т. аймыл шибқа) опинаться, неправильно думать, поступать; аймылташ ошибка.
- А й п а ш г.чер. Земл. (т. эйам) см. августом; аиндарәм наклоняюсь; айнемлә удобосгибаемый.
- А й р а ш г.чер. Земл. (тат. айырам) см. ойрәм.
- А й я ш Крок. праздновать, у Земл. кривить, гнуть.
- А к (чув. хақ, тат. қак, хак, г.чер. хяк) цѣна; шергақан драгоцѣнный.
- А қ а й (чув. ага, ақка) старшая сестра (т. агай старшій братъ); куакай тетка по-отцу или матери.
- А к е л ь г.чер. Земл. см. оккюль.
- А к л и г.чер. Земл. см. оқли.
- А к с а р а с а г.чер. Земл. неприлично, непристойно.
- А қ ш а қ (т. аксак) г.чер. Земл. см. окшақ.
- А қ ы л Земл. (т. акыл) характеръ, нравъ, толкъ; у Смирн. натура.
- А л а отрицаніе, выражающее неизвѣстность: алә кән не знаю чей. алә кыштй не знаю гдѣ; у Крок. алә городъ; пестрый, пѣгій; смола; алә-куч птица цапура; алә-шабър женскій свадебный кафтанъ.
- А л а в а г.чер. серги; см. алгә.
- А л а л т а м Крок. починиваюсь, поновляюсь; алаләм починиваю, поновляю.
- А л а н ы ш Крок. страна.
- А л а м д ә м Крок. пестро.
- А л а ш Земл. см. амәм.
- А л а ш а (т. алша, чув. лажа) меринъ; см. лажә.
- А л г а (т. алка) серги, крючекъ ля полвѣски серегъ; гнѣтъ на крыштѣ.

Алгастарэм Вас. см. ажнйк-тарэм.

Алдйр (чув. алдыр) большой деревянный ковшъ.

Алдйрца (т. калдырча) Крок., см. ойдырчй.

Але (т. алла) или, можетъ быть.

Алём (т. тылямъ щепая) ним Крок. мягчу лыко.

Али только-что.

Алэк г.чер. Земл. ступай, или.

Алка Крок., см. ольк.

Алмаш (т. алманш, чув. ылманш) очередь. алмаш доне по-очереди.

Аляк-чаляк (т. аляк-челек, чув. элек) ябеда.

Алта Крок. ластовка подъ паузой.

Алтаца Крок. мазоль; см. вуд отыза.

Алталэм (т. алталыйым) Крок. см. ондалэм; алталэн семялём улешаю; алталалтымаш обманчивость.

Аль (т. аль) Крок. сила, мочь; алян-дараш придавать силы.

Али Земл. плѣсень.

Амалаш г.чер. Земл. спать; шижёр амалэн сѣлось молоко; вурь амалэн кровь запеклась: кыл, ёл амалэн одеревѣла рука,—нога.

Амал (т. амаль) хитрость; амалло хитрый; амалём добиваюсь цѣли хитростью; амалыкалаш Земл. извернуться въ нуждѣ, найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; амалъ Земл. мудрость.

Аманём надламываю; амандарём надламываю.

Амаш Крок. см. омаш.

Амбйча г.чер. Земл. см. йёдым-пече.

Амерт г.чер. Крок. и Земл. баба птица; ср. амйрт.

Амйт г.чер. Земл. (т. камыт) хомутъ; см. сюспан.

Амион вост. чер. миллионъ.

Амйрт (чув. амырт-каик) беркутъ-орель.

Амйртём Вас. оскверняю.

Ан Крок. см. айн.

Ана г.чер. Земл. см. она 1-е.

Ана Крок. почка корневая; у Земл. кора.

Анаргаш (т. анрая осовѣлый) см. анйргём.

Анг клинъ въ олежлѣ; отверстие мѣшка; устье ямы.

Анга (чув. ана) полоса, участокъ пахотной земли.

Анга Земл. см. пѣды.

Ангальтѣш панда Крок. см. той-лѣмо-той.

Ангерь г.чер. Земл. см. энёр.

Ангём подкрадываюсь.

Ангра (т. ангда) безтолковый.

Ангрёмша Крок. см. эгрёмша.

Анрялъташ Крок. обхватывать.

Анйра г.чер. Земл. см. энёръ 1-е.

Анйргём (т. анйрял безпамятствую) Вас. угараю.

Анйсьйр (чув. анзыр) узкій; анйсьбрёмям съуживаюсь; анйсьбрёмлём съуживаю.

Андактарём надолѣаю, прискучиваю; одолѣваю.

Андбгём ослабѣваю, обезсилѣваю.

Андык Земл. нужда; андыкаш нуждаться; ср. андыгём,

Анзала Крок. см. ончйл; анзална впереди; анзыко вперёдъ.

Анзйлдаш Крок. см. азйлдаш.

Аник (т. иныик) анники, звено прясла, разбираемое на время проѣзда.

Анят пожалуй, можетъ быть; у г.чер. анят—отрицаніе неизвестности см. аал.

Анмаш Крок. отрасль.

А н ѣ ж а́ г.чер. Земл. ручка у за-
слонки.

А п т р а́ л (т. аптырадым; чув. аптра)
Вас. выбился изъ силъ, растерялся
умомъ, смутился; аптратѣм стѣсняю,
смущаю.

А п т ѣ р т а́ ш Крок. см. аптратѣм;
аптѣртмаш безпокойство, препятствіе.

А р л а́ ш Крок. совокуплять, соеди-
нять.

А п ш а́ т кузнецъ, апшатъ-кѣдо куз-
ница.

А р а́ г.чер. (чув. ора) см. аак.

А р а́ м Земл. жестъ.

А р а в а́ Вас. веснушки; см. кукѣ-
мѣно-шадра.

А р а к а́ (т. арака, чув. арак, ирих)
водка; ёкшар-арака (красное вино)
виноградное и наливка.

А р а л ѣ́ м (т. карауллѣым) храню;
аралѣмше сагче ангель хранитель.

А р а м а́ Вас. см. арава; арама-пу-
шѣнгѣ тальникъ.

А р а н́ стая, табунъ лошадей.

А р а н ѣ́ ж г.чер. Земл. женихъ; см.
каче.

А р а т а́ г.чер. Земл. рама.

А р б я́ Крок. (т. арбалэк мякинни-
ца) см. арва.

А р в а́ мякина; арва-кѣдо мякин-
ница.

А р в е́ р ь (т. арбейлер) Вас. мелочъ,
всячина, вещь.

А р в ѣ́ м Земл. заемъ, займы.

А р к а́ л ѣ́ к (т. аркалык, чув. арга-
лык) чрезѣдельникъ.

А р г е́ к (т. урдак) г.чер. Земл. чи-
рокъ; см. притка.

А р г е́ м Вас. мотаю нитки; у Крок.
запутываюсь.

А р д а́ Крок. лядвея; см. эрлѣ.

А р ж а́ Крок. см. орша.

А р к а́ (т. арка спина) возвышен-
ность, холмъ.

А р л у́ Крок. косякъ у окна или
двери.

А р л у ќ г.чер. Земл. гроздь, см.
орлангѣ.

А р л у к т а́ ш Крок. протрезвить.

А р л а́ н хомякъ; у Вас., Крок..
Земл. и татарск. арлан кротъ; ола-
арлан сусликъ.

А р м а́ н Смирн. должникъ.

А р н я́ (чув. арня) недѣля; ѱ-арня
масляница; изѣ-арня четвергъ, кѣго;
аря пятница; руш-арня воскресень-
изѣ-ѱ-арня Кр. Яр. прощенное воскре-
сенье.

А р о г а́ Земл. рогъ (музыкальный
инструментъ).

А р т а́ ш Земл. задѣтъ; ср. эртѣм.

А р т а́ н а́ (т. арданя) полѣнница.

А р т а́ м способность.

А р ѣ́ к Вас. худошавый, сухой.

А р ѣ́ м денежный заемъ, арѣмеш-
налям, арѣм беру деньги въ заемъ;
арѣмеш-пуѣм даю д. въ заемъ.

А р ѣ́ м-ш у́ д о (т. арѣм) польнь.

А р ѣ́ п т ѣ́ ш лѣшій (дѣхъ).

А р ѣ́ м занимаю деньги.

А р э́ м ѣ́ ш Крок. заступленіе.

А р л а́ н д а́ р ѣ́ м Крок. разбержи-
ваю (рану) (тат. эрен гной).

А р я́ н Крок. воспитанный, взро-
щенный.

А р я́ ш Крок. обхватывать, арья-
таш поймать сѣтью, выродить.

А р ч а́ ларчикъ, шкатулка.

А р ш ѣ́ н (г.чер. аршин бонда) ар-
шинъ.

А т а́ р а́ ш Крок. см. утарѣм.

А т л а́ ш Крок. см. утлѣм.

А т л ѣ́ м свѣжую (выраженіе мясни-
ковъ); у Крок. см. атлаш.

А т м а́ (т. ятма) большая наметка,
черпакъ (рыболовный снарядъ).

А т ш ѣ́ л а́ ш Крок. страдать ко-
лотьемъ.

А т э́ посуда; атэ-шѣрь всякая по-
суда.

А т я́ (т. атѣй) отецъ, куатя дѣлъ;
атя-вель вотчимъ.

А ч а см. атъ.
 А ч а л ъ м чиню, починаю.
 А х а ъ л и г.чер. Земл. весьма, очень, обильно; а х а ъ л и - вид водополье.
 А ш (т. аш вареву-пища) питательный, сытный; у Земл. г.чер. завистливый.
 А ш ъ н Земл. успѣшно (т. ашыгыу торопливо).
 А ш а Крок. успѣхъ; ашан спорый; ашаш успѣвать.
 А ш а к а (т. ашако) скверный; аша-клардарѣм оскверняю.
 А ш ъ н д а р ѣ м (т. ашкарѣм) напоминаю.
 А ш н ѣ м воспитываю, берегу, храню; ашнѣмо'волик домашний скотъ; ашнѣмо эрге, - ѳдурь пріемный сынъ, -дочь.
 А ш к а ѡ т ѣ ш Крок. шагъ, поступь.
 А ш к ѣ н ѣ м (т. ашкынам) дѣлаю съ ретивымъ.
 А ш л а м Крок. ростъ, прибыль, процентъ, барышъ (т. асламчы торговель краснымъ товаромъ).
 А ш т а р а ш Земл. притѣснять.
 А ш т ѣ л а ш Земл. см. атшѣлаш.
 А я р (т. загар) злой; у Вас. клевета; аяртѣм клевету, — у Смирн. злю.
 А я р (т. айаз) Крок. см. ояр.
 А я ш Земл. отдѣлять, устанавливать, чтить, праздновать; у Крок. гнуть, скривить; см. аѣм.

В.

В а в с Вас. тенета для ловли птицъ, звѣрей; вавсым карѣм разставляю сѣти.
 В а д а г.чер. Крок. вечеръ.
 В а д а р вымя.
 В а ж а р г.чер. Земл. жестокой, строптивый.
 В а ж ѣ к накосъ косо; важѣк-күт сажень длины; важмалтѣк крестооб-

разно.
 В а ж ѣ н Крок. развилина.
 В а з ѣ лукъ, — лудіе.
 В а к л а н - л у д о кархаль, лутокъ (утиная порода).
 В а к т ѣ ш Крок. капля; вакталташ капать воду.
 В а к ш а м Смирн. постилаю; вакшѣш Вас. постель.
 В а к ѣ (г. бѣке) прорубь (во льду).
 В а к ѣ к т а тошнить.
 В а н а ш Земл. наблюдать, подстергать, охранять.
 В а н ѣ м см. андѣм.
 В а п ш см. вавс.
 В а р а (чув. вара) впрель, послѣ, потомъ; вара, соединяясь съ существительными, образуетъ новыя имена: вуд-вара волоносное коромысло; умла-вара хмѣлевья тычины.
 В а р а с ѣ послѣдующій.
 В а р а к ш ястребъ, цыплятникъ.
 В а р а с е н а Вас. ласточка см. чѣгас, чеаѣк.
 В а р ѣ м мѣшу скоту; варѣмо мѣсиво для скота.
 В а р к ѣ н д а р а см. вақыкта.
 В а р н а ш Земл. смѣшивать.
 В а с а р т ѣ л а ш Земл. брезговать.
 В а с я котцы, рыболовный снарядъ изъ дранокъ.
 В а т р ѣ н ѣ хмѣлевья плети, а также и плети другихъ растений; чара ватрѣнѣ летучая мышь.
 В а т ѣ р квартира, постоялый дворъ.
 В а т ѣ жена, женщина.
 В а ц к а к Крок см. возяк.
 В а ч к а л т а ш Земл. трепать рукою.
 В а ч м а л т ѣ м Вас. щебечу.
 В а ч р ѣ н ѣ Вас. см. ватрѣнѣ.
 В а ч е (г.чер. пѣлуш) плечо; ваче-умбѣа сѣксо ангель, находящійся надъ нашими плечами.
 В а ш встрѣча; ваш-ліам встрѣчаюсь, иду на встрѣчу; ваш-толѣш идетъ на

встрѣчу ко мнѣ; ваш-кѹзѣ (встрѣчный ножикъ) ножницы.

Ваша́къ слѣдъ на чемъ бы то ни было и чего бы то ни было: лем-ваша́къ остатки щей въ посудѣ; шадръ-ваша́къ слѣды оспы на тѣлѣ.

Вашка́лѣм мараю.

Вашкѣ́ скоро; вашкѣ́м тороплюсь; вашкѣ́ктѣ́м тороплю.

Вашла́ндарѣ́м см. вашка́лѣм.

Вашта́лтѣ́м мѣняю, размѣниваю.

Вашта́р клень.

Вашта́ш Крок; см. воштарѣ́м.

Ваштѣ́ш см. Вақшѣ́ш.

Ведрѣ́ ведро (сосудъ).

Вейѣ́ Крок. опушка.

Векѣ́т вѣроятно (предположеніе).

Вѣ́ле послѣсловіе—употребляется при ограниченіи—соотвѣтствуетъ русскому: только; тѣ́шко вѣ́ле только сюда.

Вѣ́ле древесный сокъ, изъ котораго уже начала образоваться заболонь.

Вѣ́лен (г.чер. белен) на,—въ смыслѣ положенія съ боку на чемъ: крест-велѣ́н пудалѣ́н-ўлут пригвоздили ко кресту (Христа).

Вѣ́лѣ́м сыплю, проливаю; также плавлю металлъ.

Вѣ́ль сторона; кѣ́че-ва́л-вѣ́ль (полу-денная сторона) югъ; йѣ́д-вѣ́ль (ночная сторона) сѣверъ; кѣ́че-лекма́ш вѣ́ль востокъ; кѣ́че шѣ́чма́ш-вѣ́ль западъ.

Вѣ́ге зять.

Вѣ́нча́ Смирн. см. кѹ́жжа́-калпакъ.

Вѣ́ра вѣроисповѣданіе.

Вѣ́рь (чув. вырын) мѣ́сто, йкверѣ́ш вмѣ́стѣ́.

Вѣ́рьге (г.чер. вѣ́рге) почка у животныхъ; у Вас. селезенка.

Верѣ́мтѣ́м przygotowляю мѣ́сто подь постройку.

Верѣ́штѣ́м (г.чер. понавѣ́м) попадаюсь, причитаюсь, прихожусь, прино-вляюсь.

Верѣ́мѣ́ время.

Вѣ́ркѣ́с трясина.

Вѣ́ръчин за, о, ради, по причинѣ́.

Вѣ́рьме́ Земл. см. вѣ́рге.

Вѣ́се́ другой, иной, слѣ́дующій.

Весѣ́лья весло.

Вѣ́твѣ́лно́ Земл. свинецъ.

Ви́ Вас. (чув. вый) сила; ви́ан си́ль-ный; ви́пеш наси́лу; ви́эш наси́ль-ственно.

Ви́гѣ́к см. ви́к.

Ви́дѣ́м веду.

Ви́дангѣ́м Кр. потопляю.

Ви́нѣ́м разгибаюсь, распрямляюсь.

Ви́пеш Вас. см. ви, ви́пеш.

Ви́рь просо, пше́но.

Ви́сла́на́ш Земл. оби́жать, напа-дать; у Крок.—мстѣ́ть.

Ви́старѣ́м мяту (мятель); пого-няю (лошадь).

Ви́стѣ́ (г.чер. пу́ри-ви́штѣ́) полба.

Ви́сѣ́м измѣ́ряю, вѣ́шаю; а въ Кр. Яѣ́—и летаю; ви́ся яѣ́сы; ви́ська́лѣ́м измѣ́ряю (виль однокр.).

Ви́та́ (чув. видѣ́) хлѣ́въ, конюшня.

Ви́ти́ѣ́зѣ́ докладчи́къ изъ числа мелкихъ боговъ.

Ви́ца́шѣ́м Крок. см. ў́чашѣ́м.

Ви́чашѣ́м Вас. см. ў́чашѣ́м.

Ви́ч см. ви́зит; ви́ч-ур полторы ко-пѣ́йки.

Ви́чкѣ́ г.чер. Земл. благосклонно, ласково, съ нѣ́жностью; ви́чкі́алтѣ́ш трепать рукою при ласканіи.

Ви́ш открытый, разстворенный, настѣ́жъ.

Ви́шкѣ́до жидкій.

Ви́ѣ́м Крок. см. ви́кландарѣ́м.

Ви́ѣ́ш-чо́н-пу́ра́ ободрѣ́ется (ду-ша входить въ силу).

Ви́я́кш Земл. кроткій, смиренный, правый, прямой, прямодушный, безпо-рочный; у С.м. вѣ́рный; см. ви́я́кш.

Ви́янма́ш Земл. смиреніе, кро-тость; ви́яш см. ви́якш.

Влак см. шамыч.
 Вовà (г.чер. лаксàк) рытвина, яма.
 Вовсèк вовсе, совсемъ.
 Водàр Смирн. см. вадàр.
 Водѣж (чув. вудыж) злой духъ, мелкій кереметь.
 Вòер Крок. дикий; воерландарàш приводитъ въ одичаніе; воерланàш личать.
 Вож корень.
 Вожолташ Земл. унывать.
 Вожылам (г.чер. намъсланэм) стыжусь, стѣсняюсь; вожыламаш стыль, застѣнчивость; вожыларэм посрамляю, пристыжаю.
 Вожым-торэн (г.чер. муктэн) верхомъ.
 Возяк (чув. вочах, тат. учак) очагъ, опечекъ, кузнечный горнъ.
 Возям (г.чер. вазэм) лажусь, волэн-возям падаю.
 Возэм (тат. язам, чув. сиреп, г.чер. сирэм) пишу.
 Воктэн (г.чер. покшàцъйн) вдоль; у Вас. возлѣ, подлѣ, около.
 Вол (чув. вочак, г.чер. тãġãġã) колода, корыто; волàк желобъ; тÿрь-волàк нижняя стрѣха.
 Волэм спускаюсь, слѣзаю; волтэм спускаю, понижаю; волэн-возям падаю.
 Волгьдо (г.чер. сòто) свѣтло; волгьларэм свѣчу, освѣщаю; волгьжшун разсвѣтало; волгьлтам свѣчусь; волгьжеш (г.чер. сотомалтэш) свѣтасть.
 Волгьнчо (г.чер. волгьнцъйнш) молнія, волгьнчо волгьнчà молнія блестягь; кÿкшо-волгьнчо (сухая молнія) зарница; волгьнчо-кÿго - юмо великій богъ молнія; волгьнчо-кÿго - пÿйрошо создатель или судьба молніи.
 Волнэ олово; волнэ шÿр свинець.
 Волик домашній скотъ (чув. выльых); волик-шòчъйн-кÿго-юмо великій богъ прибыли скота; волик-шòчъйн-

кÿго-пÿйрошо великій создатель прибыли скота; волик-шòчъйн-авà матеръ прибыли скота; волик-сахче ангель скота; волик — казначей надѣлитель скота (скотомъ?); волик-серлягыше хранитель скота.
 Воля воля, просторъ.
 Вòндо (г.чер. пàндо) кустъ, трость.
 Вончàк (г.чер. кÿвèр) переходъ, постъ для пѣшеходовъ.
 Вончэм перехожу, переправляюсь; вончьктарэм переправляю на другуюсторону рѣки, озера и т. п.
 Вопш борть; вопш-кандrà веревочная петля, съ помощью которой лаять къ бортамъ.
 Вор (г.чер. шоло, чув. вур) воръ.
 Вòтно (г.чер. первÿнш-вòтно) прошлую ночью.
 Вочик Крок. сажень, мѣра.
 Вòчко (г.чер. лоткà) кадка.
 Вòчо намохшее, мозглое (дерево).
 Вошт (г.чер. ваштòк) насквозь; вошт òнчÿмо асеркало.
 Воштарэм см. вончьктарэм.
 Воштылам смѣюсь; воштылатэм смѣшу; воштыламаш смѣхъ.
 Вòштыр пруть, штèр-воштыр голикъ.
 Вувèрь аэролиты, падающіе близъ зрителя и принимаемые за души колдуновъ: драконъ.
 Вужалэм пролаю.
 Вуй голова, колось у хлѣбовъ; вуй-шенсèль (г.чер. шÿдÿн) затылокъ, вуй-копрак (г.чер. вуй-корка) черепъ; вуй-савьртÿш (г.чер. папкà) стропила; вуй-тòрок (г.чер. вим) головной мозгъ; вуй-ленò-ойля бредить въ горячкѣ; вуй-пèрдэм вершина головы у чловѣка, вуй-ÿмбьяль-кÿго-юмо великій богъ надъ нашей головой; вуй ÿмбьяль-кÿго-пÿйрошо великій создатель надъ нашей головой; у Земл. вуйсмъж високъ; вуйстыкъ внизъ головою.

В у й н а м а т Крок. виноватый; вуй-намагландараш обвинять.

В ў й с т ѣ к г.чер. Земл. внизъ головою.

В у й ё м ъ ж г.чер. Земл. затылокъ.

В у л д у р ц а н Крок. перепелка.

В ў л и к Крок. начальство.

В у л ъ н Крок. пожелтѣлъ.

В у л ѝ Крок. улей для пчелъ.

В у р г у м н а Земл. правая сторона.

В у р т - в а р т Крок. немедленно.

В у ч ё м жду; вучѣмѣш-нѣлѣм беру въ долгъ; вучѣмѣш пуѣм даю въ долгъ.

В ѣ л н о Кр. Яр. свинецъ; ош-вѣлно олово; см. вѣлно.

В ѣ й н ё м распрямляюсь.

В ѣ н ё м яма, могила.

В ѣ н ё рь холстъ, полотно.

В ѣ н и к (г.чер. вѣштѣр) вѣникъ.

В ѣ р в ѣ к а цилиндрической.

В ы р ѣ ж (г.чер. вўйжѣр) шило; йѣ-лѣлѣмо вўрѣж (г.чер. пѣлѣтѣнѣртни) жегало.

В ѣ р ё м Земл. нѣдро.

В ѣ р ц е а н г.чер. Земл. красивый.

В ѣ р ѝ г.чер. Земл. родъ, происхождение.

В ы с е тощій, худощавый.

В ѣ ч к ѣ ж (таг. пѣчкѣ) тонкій.

В ѣ ѝ қ ш футъ, локоть (мѣра длины).

В ѣ ѝ қ ш прямослойное дерево, годное для щепанія лучины; ср. вѣқш.

В ю д вода; вюд-варѣ водоносное коромысло; вюд-вара шѣдѣр созвѣздіе Петровъ крестъ, по Зол. орионъ; вюд пѣртѣм г.чер. водоворотъ; вюд-нѣлѣн потопило; вюд-шѣнчѣ-вюд-родникъ; вюд-тѣле (звукподр) куликъ, вюдѣсѣ воляной, находящійся въ водѣ; вюд-отозѣ (г.чер. алтацѣ) мозоль, вюдѣжгѣм (у Земл. вюдангѣм сырѣю, намокаю; вюд-онго кругъ на водѣ, образующійся при ея возмущеніи; вюд-турь-аркѣ берегъ; вюд-шар, вюд-юно

волосатикъ; вюд-корѣм русло рѣки; вюд-шѣръ, вюд-йѣгѣр воянка, вюд-он-кўго-ѣмо великій богъ, владыка воды; вюд-пўйрошо создатель воды; вюд-авѣ мать воды.

В ю д ѣ м Вас. сѣю.

В ю д ѣ л ѣ л т а м завертываюсь, закутываюсь; вюдѣлѣм закутываю, пеленаю-вюдѣлѣкѣ свертокъ, ш т у к а матеріи.

В ю л ю кобыла.

В ю м ѝ Вас. см. вимѣ.

В ю р г е н е красная мѣдъ; вюргѣне-оксѣ мѣдныя деньги.

В ю р л ё м распухаю при волянкѣ, обмираю.

В ю р ь (г.чер. вирь) кровь; вюр-шеръ пульсъ.

В ю р з ё ласточка-касатка.

В ю р з ѣ м ѣ қайк см. вюрзѣ.

В ю р ѝ н (чув. вирень) веревка для увязыванія возовъ,

В ю р ю ж Смирн. жегало.

В ю ч ю мушка у ружья.

В я к г.чер. Земл. предметъ.

В я н ё м Крок. надзираю, надсматриваю; вянѣша эдѣм коварный чело-вѣкъ.

В я ш Крок. слятно.

Г.

Г а с, гаяк) словно, какъ будто.
Г а н е, ганѣк)

Г е р г е ѣ г а Крок. регулы идутъ.

Г о д о м послѣсловіе—во время.

Г о ч Вас. см. қоч.

Г и г и л ь т а м Крок. см. йѣгѣлѣтам.

Г и д а н г Крок. тетива жильная.

Г и д ѣ Крок. см. йѣдѣ; гидѣок по исполненіи.

Г и д ѣ м а Крок. см. йѣдѣм.

Г и л ь м я Крок. см. йѣлѣм; гильмя-шўда гусятникъ трава; гильмя партма темя, мақўшка.

Г и л ь т Крок. см. чѣлт.

Гим'яш Крок. притаиваться, при-
шипиваться.

Гирйқ-пиль Кр. туча; см. шеме
пиль.

Гирьгешташ Крок. округлять;
гирьгешка круглый.

Гирьн'эм Крок. см. й'брн'эм; гирь-
м'яш презр'єніе.

Гирьяр'яш Крок. обходить кру-
гомъ.

Гир'ян Крок. см. й'бранг.

Губ'ар вост. - чер. пестрый, пят-
нистый.

Гут'ла Крок. граница, пред'ѣлъ.

Гиш'ан Крок. о, объ.

Г'йнъ, г'йнят если, хотябы.

Г'йч, г'йч'йн изъ.

Д.

Дон'о Крок. = дэнэ безъ.

Док'о Крок. см. дэкэ.

Дор'ам (

Дур'є (Крок. у, передъ; противъ.

Д'йрь'бя Крок. см. т'урве.

Дэ, посл'єсловіе, безъ (съ именами
существительными); не (съ глаголомъ).

Дэбр'е Крок. при, къ.

Дэкэ къ, за.

Дэл'ан Вас. у, при; см. тэр'ян.

Дем'й'л Вас. клубника.

Дем'й'ж овощи, фрукты; у Вас.
также и малина.

Е.

Ел'ем Вас. клеѣ; елемл'ем клею.

Ем'й'ж Вас. см. лем'й'ж.

Екш'ук см. ар'єпт'йш.

Ерг'а узоръ, разшиваемый на жен-
скомъ б'ѣльѣ.

Ерг'є рядъ бревенъ въ строеніи;
ерг'є-черъ повальная бол'єзнъ, эпидемія.

Ер'ь озеро.

Ече лыжи.

Еш Вас. см. й'йш.

Ерр-ер коньки.

ЖЕ

Жав'а (чув. шаба) жаба, лягушка;
жав'а-шудо трефоль.

Жала'эм (чув. шаль) жал'ѣю.

Жалга Крок. синий; ср. жаргэ.

Жап Вас. время.

Жап'л'эм Вас. почитаю (т. жап-
л'йым защищаю).

Жг'ар'ь Крок. см. уз'г'ар'ь.

Жаргэ зеленый.

Жар'я заря; жара волг'йдо ш'й'д'йр
Венера, утренняя зв'єзда.

Жеп'ляш Крок. см. жапл'эм.

Жеп'я Крок. состояніе.

Жер'я Крок. см. жара.

Жогол Крок. ухватъ.

Жн'й отрицаніе не, — ставится въ
пов. накл. 3 л. жны-кае чтобы онъ,
она не уходилъ, — а.

Ж'йм отриц. не, — ставится въ 1 л.
ед. ч. прош. вр.

Ж'на отриц. не, — ставится въ 1 л.,
мн. ч., прош. вр.

Ж'йч отриц. не, — ставится во 2 л.,
ед. ч., пр. вр.

З.

Зарч'єнг'е Земл. см. вачр'єнг'е.

Зер'ля Крок. ядъ.

Зюл'юкт'аш, возяш лущить; см.
сюнг'єм.

Зя см. из'йй, й'з'йй.

И.

И годъ, идал'йк (г. чер. толик'-іаш)
одинъ годъ, идал'йк'аш годовалый.

И Вас. золото; у г. чер. также ледъ.

И Земл. перекладина.

Иб'к'рт Крок. см. й'к'вурт.

- Игар-пелѣт Крок. см. йѣгѣр.
 Иге дѣтище, игѣшѣв дѣти; иге-
 окса Смирн. денежка.
 Игѣрче Вас. лепешка.
 Игѣлаш Земл. г.чер. выводить
 дѣтей (изъ яиць).
 Идѣк Земл. потачка; идѣкаш по-
 такать.
 Идѣм (г.чер. йѣдым) токѣ на гум-
 нѣ; идым-пече гумно.
 Ижгараш Земл. см. ѣзгар.
 Иждаш Крок. см. орѣм.
 Иже Крок. послѣ.
 Иже только-что.
 Ижиш Смирн. см. йѣжѣн.
 Изѣ малый; изишак не много;
 иземтѣм уменьшаю; изѣ-ачѣ Смирн.
 вочимѣ.
 Изѣке Вас. свѣтець для лучины.
 Изѣй старшій братѣ и дядя моло-
 же отца; изѣк-шолѣк братѣя; изѣк-
 шолѣк-ла по братски: кугузѣй дядя
 старше отца.
 Ик, иктѣт одинѣ; ик-ганѣк оди-
 наковѣй; ик-май безпрестанно; икто-
 дан-вѣсе-дан одинѣ другому, другѣ-
 другу; иктын-иктын одинѣ по одному,
 по одиночкѣ; икверѣш, икверешак вмѣ-
 стѣ.
 Икшѣвѣ см. игѣшѣвѣ; икшибѣя-вир-
 рѣш-шогалша Крок. повивальная бабка;
 икшѣвѣ-шочын-куго-йумо великѣй богѣ
 рожденія дѣтей; икшѣвѣ-куго-пуйро-
 шо предопредѣлитель судьбы дѣтей,
 йумо-эрге-той богѣ, дающѣй сына.
 Иксѣя проливѣ, рѣчка, заливѣ.
 Иле сырой; иле пу сырье, только-
 что срубленное дерево, иле - кервѣч
 кирпичь-сырецѣ.
 Илѣм живу.
 Илижам оживаю; тѣл лижѣш о-
 гонѣ занимается, разгорается, илижѣн-
 қивилѣм воскрѣсаю; илиштѣн қивилѣ-
 тѣм воскрѣшаю; илиштѣм разжигаю,
 зажигаю (спичку).
 Илимаш жизнь.
 Илѣниктарѣм Кр. Яр. соблаз-
 няю, прельщаю.
 Илѣчик мелкая мякина, высѣвки
 отъ хлѣбныхъ зеренѣ; искорки, бѣлые
 волоски на мѣху.
 Илѣн мѣшалка, лопатка для мѣ-
 шанія жидкостей.
 Илѣндармаш Крок. тварь.
 Имбакко Земл., имбаче Смирн.
 обратнo.
 Име (г.чер. им, тат эйнѣ, чув. йыть)
 иголка; имѣн игольчатѣй, колючѣй;
 име-шу игольныя уши.
 Имни (г.чер. имѣи) лошаля.
 Имен Земл. тайно, притворив-
 шись.
 Имилька Земл. г.чер. призракъ,
 ср. ѣмюль.
 Имяштѣ въ црошломѣ году.
 Имясѣ прошлогодѣй.
 Инак Земл. ежегодный.
 Индѣм Смирн. см. ѣндѣм.
 Инѣж Земл. см. ваче.
 Инѣлькалаш Земл. г.чер. бор-
 мотать, лепетать.
 Ингрѣм Крок. тихо плачу.
 Инѣяк, инѣякла Земл. рогушка,
 титька для кормленія дѣтей; у Крок
 сосцы.
 Инѣже онѣ
 Инѣмя
 Инѣтты } не хотѣль-бы.
 Инѣнѣм (чув. инѣнѣ) вѣрю; инѣн-
 дарѣм увѣряю, инѣнѣдѣмаш подозрѣ-
 нѣ.
 Ипѣ, тул-ипѣ г.чер. искра.
 Ирѣ Земл. свѣтильня, ср. рюдѣ.
 Ирѣ Крок. см. эрѣ.
 Ирѣм Смирн. грѣюсь.
 Ирѣм разжимаю (стиснутѣе зубы),
 отворачиваю, отваливаю (бревна); у
 Вас. стискаваю зубы.
 Ирѣяш Крок. см. ѣрыктѣм.
 Ирѣлахан Крок. корь (болѣвнѣ).

И р и к Крок. свобода.
 Ир с и р Земл. нечистый, поганый; ир-сирляш осквернять.
 Ир т полынья.
 Ир ь (г.чер. хирь, чув. вирь, хирь) степь, пустыня; ирь-каиқ звѣрь; ирь-мерян кроликъ; ирь-мизе куропатка.
 Ир я́ Вас. пазъ; у Земл. луна, свѣтъ лунный; см. тѣльче.
 Ис и р ь (чув. хизирь) бесплодная женщина, яловая скотина.
 И т не, ит шу не бросай.
 И т ч и к т а́ л Земл. не прогнѣвайся, извини.
 И ф л а́ ш Земл. дуть, вѣять.
 И ч Земл. напраслина, клевета; см. йуц.
 И ч и к (г.чер. сѣтнѣн-парнѣ) см. и-айке.
 И ш к о клинъ (орудіе).
 И ш т а Крок. см. ўштѣ.
 И ш т а Земл. пучекъ вѣтвей разныхъ деревъ въ священной роцѣ, посвященный юмѣ.
 И ш т ѣ л ь Крок. гребло для жита.
 И ш т ѣ р ѣ ш Крок. см. штраш
 И ш т ы р ь Крок. см. штѣр.
 И ш т ѣ м дѣлаю, творю, рождаю.
 И ш ѣ м Кр. Яр. (чув. иш) гребу весломъ.

I.

І я́ домово́й духъ.
 І ѣ м плыву.

ЙА=Я.

Й а или; да; такъ.
 Й а б ѣ г а́ ш Земл. худѣть.
 Й а в а л а́ (чув. ябала) вещь, предметъ, имущество, пожитки.
 Й а в ы к (тат. ябык, жабык) сухойщавый.
 Й а г у р Смирн. яръ.

Й а г ѣ р якорь.
 Й а г ѣ м глажу, тру.
 Й а д а́ м Земл. см. йодам.
 Й а ж а́ р Вас. (чув. йазар) развратный.
 Й а ж о́ г.чер. см. сѣс; йажѣм ухорашиваю; йажѣмдѣм уллучшаю; йажоландараш усовершенствовать.
 Й а з ѣ́ к (тат. язык, г.чер. сулук, чув. сьулук) грѣхъ; йазѣкан грѣшный.
 Й а к г.чер. Земл. цѣна.
 Й а к л а қ а́ (чув. йақлага) гладкій, скользкій; йақлѣштѣм скольжу; йақлѣшт-возям поскользнувшись падаю.
 Й а қ т а р а́ ш Земл. осквернять, мара́ть, заразить; йақтармѣш скверна.
 Й а л Крок. нога; йал-мюшкюръ икры на ногахъ; йал-қавалжа пятка.
 Й а л (чув. йал) деревня; йал-шамыч посторонние люди.
 Й а л а́ Крок. клевета; йалалѣм клевету; йалалоша клеветникъ.
 Й а л а б а́ г.чер. Земл. см. йолава.
 Й а л а з а́ ш г.чер. кляузничать, клеветать; йалазландараш подуцать кляузничать.
 Й а л а л а́ ш Земл. см. йалазаш.
 Й а л а́ ш Земл. см. йолакш.
 Й а л г а́ н Земл. (тат. йалган) обманщикъ.
 Й а л д а́ р Земл. выгода.
 Й а л д ѣ м Крок. нама́тываю.
 Й а л қ а́ у Вас., см. йолагай.
 Й а л ы к вост.чер. звѣрь.
 Й а л че Вас. (тат. йалче) слуга.
 Й а л ы́ ш т а́ ш Крок. связывать.
 Й а л ь г.чер. Земл. мочь, сила; йаль-тѣлаш не имѣть силы; у Крок. йаль народъ.
 Й а м а́ к Крок. пословица.
 Й а м д о (чув. йандо) готовый; йамдѣлѣм готовлю.
 Й а м ш ѣ́ к подводчикъ, ямщикъ; йамшѣк-пурса чечевица.
 Й а м ѣ́ н з а г.чер. Земл. кошма.

- Йамяль (тат. амаль) мудрость.
 Янак (чув. ек, явах, тат. йагак, жанак) косякъ, скула; йавак-лу челоусть.
 Янгаля Крок. звонкій.
 Янгаряльт-кеэн Крок. предалось совершенному глѣнію.
 Янгылэм Крок. устаю, обезсиляю; йангылѣктэм, утомляю.
 Янгылдарэм соблазняю.
 Янгь Крок. душа, сердце; йангдоно-йулаш сокрушаться; йангь - кичемашвля страсти; йангь - вошт искренно; йангь кичем-влям-кучаша агал неводержный; йангь - рый-чучѣн поробиль, сконфувился.
 Яндава (г.чер. окня) стекло; йацдава-атэ сткляница.
 Янра (чув. яра) звенить.
 Яндау Вас. см. яндава.
 Янзык г.чер. Земл. мшпонка.
 Яну см. чама.
 Яптырташ Земл. препятствовать.
 Яр г.чер. Земл. озеро.
 Яра (г.чер. охр) порожній, пустой, напрасный, даромъ.
 Ярала Крок. потребный.
 Яралынаш Земл. растравлять рану.
 Яралташ г.чер. Земл. любить.
 Яраш г.чер. Земл. заставить.
 Ярда г.чер. Земл. см. эрдэ.
 Ярдема Крок. непогребный, развращенный.
 Яройок Крок. предупреди!
 Ярланаш Крок. обрушиться.
 Ярлаш Крок. обходиться.
 Ярнэм Смирн. изнемогаю.
 Ярра Крок. рана; досужно, своодно.
 Ярсэм (чув. йарш) имѣю досугъ; ом-йарсэ не имѣю досуга, — мнѣ недосугъ.
 Ярча Смирн. рожь ярица.
- Ярык Земл. сухопавый.
 Ярэла г.чер. Земл. слитно, йарэмла удобосливаемый, удобосмѣшиваемый.
 Ярялянэм Крок. растравляю (рану).
 Яса г.чер. Земл. горе, бѣда, напасть; см. йосе.
 Ясланаш терпѣть горе, скорбѣть; йасландарэм см. йосландарэм.
 Ясля ясли.
 Ястарэм опораживаю.
 Ята Крок. см. атэ.
 Ятас (чув. йядэс, тат. йадас, г.чер. вюцаш) душа.
 Ятляш Крок. взымывать, осуждать.
 Ятыр слишкомъ достаточно.
 Яха г.чер. Земл. скверна; йахнаш оскверняться; йахадэма непорочный.
 Яхтэ сосна вообще, молодая сосна въ частности; йахтэр молодая основная роща; см. пюнчу.
 Яча жесткій, суровый.
 Ячакэ г.чер. твердый, не колкій, непреклонный.
 Ячок дьячокъ.
 Ячырталтэм Крок. скриплю.
 Яшык Крок. см. ашык.
 Яшмык (тат. йасмык, чув. йасмык) см. йамшык-пурса.
 Яшт г.чер. Земл. набокъ.
- ЙО.**
- Йоватэм медлю.
 Йовр потаскуша, развратный.
 Його Земл. см. йолагай.
 Йогэм (чув. йох) теку; його-вюд текучая вода, рѣка; йогомаш теченіе.
 Йод (чув. йот) чужой, прохожій; йод-йыг странникъ.
 Йодам прошу, спрашиваю; йодоштам спрашиваю.
 Йож Земл. земляная ласточка.

Йоза г.чер. Земл. колдунъ.
 Йозак (чув. язак) оброкъ.
 Йойза г.чер. хитрый, лукавый.
 Йоклака см. йақлақа.
 Йокрак ошибочно; у Вас. скучно.
 Йоктарэм (чув. йохтар) лью, проливаю, выливаю; вошт-йоктарэм цѣжу.
 Йокшаргә красный, рыжий, йокшаргәмеш краснѣеть, окшаргәмялѣэш краснѣется, йокшар-онган-каик снигирь; йокшар-ушмен свекла; йокшараракá виноградное вино.
 Йолнога; йолйн пѣшкомъ; йолан-киннеумбялян верхомъ на лошади; йолаш штаны, порты; йол-коптáк пятна,—ступня; йол-вондо мотовило,—воробы; йолвондйм йолдэм наматываю пряжу на мотовило; омасá-йолдэм порогъ.
 Йолагай (чув. йулгав) лѣнивый.
 Йолавá (чув. йолва) кисть (украшение), бахрома.
 Йолдаш (чув. йолдаш) товарищъ, компаньонъ.
 Йолдомандá блестящая звѣзда.
 Йолдэм порогъ; наматываю нитки на мотовило.
 Йолко Вас. см. йолагай.
 Йолштэм привязываю.
 Йомак (чув. йомах) сказка, басня, прибаутки; йомаклэм балагурю.
 Йомам пропадаю, погибаю; йомдарём теряю, трачу, погубляю; йомошо потерявшийся, пропавший, погибший.
 Йомзе см. мужанг.
 Йонг звонъ стекла.
 Йон Земл. удача, счастье.
 Йонгата́ Земл. отрада, прохлада, блаженство, праздникъ въ черемисскомъ раю.
 Йонго просторно, удобно; нимо-йонгатá укэ ни къ чему не подходящий, не способный.
 Йонгжá жуеъ жвачку.
 Йонгжэм Смирн. гложу.
 Йонглы Вас. удобный.

Йонглаш (г.чер. самынь) ошибочно; йонглашшштэм заблуждаюсь, ошибаюсь.
 Йонгшштэм мелю.
 Йонгжлукъ для стрѣльбы, шерстобитный,—всякая пружина.
 Йонь (т. йунь) см. йун, шулло.
 Йора́ (чув. йорать) ладно, годно, болячка; йорáл, йорáле, йорышо годный.
 Йора́ (т. яра) Земл. рана; йорá олмо рубецъ на тѣлѣ.
 Йоратэм (чув. йорат) люблю; йоратймáш любовь.
 Йоралáм отваливаю (камень и т.п.).
 Йоргá (чув. сьурга) иноходецъ.
 Йоргалáш Земл. жалованье.
 Йордаш Земл. тучнѣть, жирѣть; йордбкташ откармливать.
 Йорём гасну, тухну, также качу.
 Йорзá Земл. синій, голубой.
 Йорй (т. йурый) Земл. нарочно, съ намѣреніемъ.
 Йорлеш глохнетъ растение; см. йорлям.
 Йорло Вас. бѣдный, йорлшштэм бѣднѣю.
 Йорлям ваюсь, опрокидываюсь; йорйктэм влю, опрокидываю.
 Йорлок Смирн. жалованье.
 Йорнчáк Смирн. см. энэрчáк.
 Йороктарáш Земл. беспокоить.
 Йорьтэм гашу, тушу.
 Йортэм (чув. йорт) бѣгу рысью, иноходью; см. йорьтэм.
 Йоршеш Земл. въ пользу.
 Йорэм (чув. йора) мѣшаю, смѣшиваю; валяю (войлокъ); йорйктэм вставляю валять,—смѣшивать.
 Йос, куго-йос горностай; коля йос хорекъ.
 Йосе скучный; трудно, неудобно; йоселандарэм мучаю; йоселанэм мучаюсь, страдаю; йоселандарá значитъ также и тошнить.
 Йоткё до (въ смыслѣ продолжительности времени); см. маткё.

Йоча Вас. см. йача.
Йочъртэм см. йачъртэм.
Йошкаргы Вас. см. йокшаргэ.

ЙУ=Ю.

Йу Крок. и Земл. масло, см. у.
Йуа́лга Земл. воздухъ.
Йуа́м пью; йумо́ питье (процессъ); йуа́ш пировня; йуш напитокъ; йуктэм напою, даю пить.
Йуба́таш Земл. см. йоватэм.
Йубра́ Земл. см. үвюрэ.
Йубунва́ш Земл. см. йыгынчам.
Йугу́што (г.чер. йушто) холодит; но; йугушто - муж лихорадка; йукшэм остываю; йукшкьтэм, йукшыктарэм остужаю.
Йугу́штыла́ш Земл. купаться (собств. прохладяться).
Йуд ночь; йудэт-кечет и день и ночь; пель-йуд полночь; йудсо ночной.
Йуда́л Крок. см. йыдал.
Йуда́ш Земл. сумазбродствовать; йудемя́ш выживать изъ ума отъ старости; съять.
Йудёр Крок. см. үдүрь.
Йуж, йужо иной, нѣкоторый; йужна́м (йуж-кунам) иногла, когданибудь.
Йужа, йужа́лга Земл. воздухъ; йужа-вид водянка.
Йужга́ Земл. метла.
Йуво́ наговорщикъ (лѣкарь).
Йува́уклэм (г.чер. нужуклэм) есхлипываю.
Йук голосъ, звукъ.
Йукла́наш Земл. звѣать, шумѣть, гамѣть.
Йукрака́ Земл. скучный; йукракаэмдя́ш скучать; йукракаэмдя́ш наводить скуку.
Йукта́ш Крок. скликивать, созывать; напоить.
Йуктэ́ Земл. см. йоткэ.
Йуку́м Земл. насильно, поневоля́.

Йуқш Земл. пиръ, күтежъ; йукша пьяный.
Йуқшо (тат. аккыш, чув. ақкыш) лебедь.
Йуқша́ш остывать; йукшыктэм, йукшыктарэм остужаю.
Йула́рѣка Волга.
Йула́ (чув. ныла, тат. жола) привычка, обычай.
Йула́ Земл. вѣра, клевета; йулава́ш клеветать.
Йульна́ Крок. внизу, низко см. үльно.
Йулгы́ждарэм Вас. см. эльдъртэм.
Йуле́рь Вас. (тат. жүляр) см. оқмак.
Йулэм горю; йула́лтэм жгу; йула́лта́м обжигаюсь.
Йумо́ Богъ; йумултэм сокр. отъ йумо лан ултэм молюсь; йумо-киндэ просфора, йумон-түсь, йумон-скрѣп образъ Божій, икона; йумон-тага́ бекасъ; йумат ей-богу; йумо-он или йумон-он царь боговъ, или царь-богъ.
Йуму́лка́ Земл. см. имилька́.
Йунгъ, вюд-йунгъ волосатикъ.
Йунь см. йон, шолдо, шулдо.
Йуп Крок. см. үпъ.
Йуптака́ Земл. завялый.
Йупша́ Крок. см. үпшэм.
Йурдождь; йур-йурэш дождь (лождить) идетъ.
Йура́ Земл. рана.
Йури́ктаря́ш Крок. безпрестанно требовать, одолевать.
Йуркьтэм Крок. посылаю дождь, одождляю.
Йурьтүк Земл. ргуть.
Йускне́рь Земл. упрямство; йускнүс упрямый.
Йускура́ш Земл. соблазнять.
Йух Земл. родъ, поколѣние.
Йуц Земл. умысслъ, клевета.
Йуш Крок. см. үш.

Йуш напитокъ.
Йуш ла Крок. рыдать.
Йуш ланаш Земл. волгнуть.
Йушто см. йугушто; йуштылам
Вас. купаюсь (прохлаждаюсь).
Йушуклэм см. йуукулэм.

ЙЫ.

Йыбар выхухоль.
Йывлала гладкий шерстью.
Йывжамтэм расправляю, при-
глаживаю.
Йывжгэ } тайно.
Йывшт }
Йыбэртэм Вас. см. йыртэм.
Йыгжгым Вас. см. сюрюм.
Йыгжгэн опротивѣло, надоѣло,
наскучило.
Йыгылтам насмѣхаюсь, издѣва-
юсь, дразню.
Йыгынчам ичу (икать).
Йыгыр близнецы.
Йыгышем гнушаюсь.
Йыл (г.чер. вадо) см. йуд.
Йыдал лапти.
Йыдым ночью; см. йдым.
Йыдэ каждый.
Йыжыг (г.чер. ежыг) щиколо-
токъ, суставъ, сочленение; йыжыгдымо
разслабленный.
Йыла дождевой червь.
Йылэм см. юлэм.
Йылэ скоро, быстро.
Йылгажам лоснюсь; йылышпэ
лоснящийся, йылыштарэм лошу.
Йылакындарэм (г.чер. яголдар-
рэм) см. эсыкыртэм, йулыждарэм, эль-
дыртэм, элертэм, алгастарэм, ажнык-
тарэм, илыкындарэм, йускураш.
Йылмэ языкъ; йылмэдымо нѣмой;
ор-йылмэ маленький язычокъ (у чело-
вѣка).
Йымално Вас. см. лывяльно.
Йынг (г.чер. эдэм, чув. сын) чело-

вѣкъ, какъ отдѣльная личность; см.
айдэмо.

Йынгыса (тат. ямансэ) скучить;
йынгысамаш вязгъ.

Йынгай (тат. йыннга, жингей, чув.
йыннге) сноха, жена старшаго брата
и младшаго дяди.

Йынгыр Вас. см. йныр.

Йынлырэм Вас. см. йндрэм.

Йыпш остроконечный; игла для вя-
занія сѣтей; вертело; йыпшам жарю
на вертелѣ.

Йыпш Вас. пламя, искра.

Йыпыст-йыпыст см. лыпѣст.

Йыранг (чув. йыран) борозда, гря-
да (въ огородѣ).

Йыр вокругъ, кругомъ.

Йырган Вас. см. йчранг.

Йырлэм окружаю, обхожу.

Йырлэм Вас. см. йрлэм.

Йырнэм см. йыгышэм.

Йырынчык гнусный, гадкий.

Йырам Вас. см. йрэм.

Йырыктэм Вас. см. йрыктэм.

Йытын (тат. житэн, чув. йинлинь)
лень.

Йытыр (чув. йиттирь) скалка.

Йытра чистоплотный, опрятный;
йытраэмдым украшаю.

Йыш (чув. йыш) семья.

Йышнэм сжимаюсь.

Йышт см. йывышт.

Йычкештэш вывихивается.

Б.

Кабá вост. чер. небо; каба-куго-
йумо великий богъ судьбы; каба-куго-
пуйрошо предопредѣлитель будущей
судьбы кабы; каба йумон-абажо мать
божіей кабы.

Кабыжгем Крок. дрябну.

Кавá желудокъ.

Кавак кабакъ, трактиръ; у Вас.
тыква.

- Каван (г.чер. капна, чув. кабан) копна сѣна или сноповъ,—стогъ.
- Каварэм скоропостижно умираю; каваржаш чтобъ издохнуть! (брань).
- Кавулём жую.
- Кавскём дѣлаюсь хрупкимъ.
- Кавѣн (тат. каун, г.чер. куго ох-рѣц) тыква.
- Кавѣн Земл. вѣнокъ; тат. кабын вѣнчаніе.
- Кагав (тат. кагаа) бумага; кагаз-окса кредитные билеты.
- Кагак Крок. см. сагмле.
- Кагалѣш Крок. см. кѣрѣнчѣм.
- Кагура Земл. вспльчивый.
- Кагѣр (тат. кѣкрэ, г.чер. кақляка, чув. кокқыр) кривой, изогнутый; ка-гѣрѣм гну; кагѣргем гнусь.
- Кадик Крок. воротъ.
- Кадѣртѣм Смирн. см. кагѣр-тѣм.
- Каера нырокъ—утка.
- Кавас (тар. қазă) коза.
- Кавас-парня (г.чер. қазă-п.) ми-винецъ.
- Казармат казаматъ.
- Казѣла Смирн. чижиқъ.
- Казѣр Вас. (тат. хавыр) заразы, вдругъ, сейчасъ.
- Кажланѣм Земл. проявляюсь, просыхаю.
- Кажный кажмый.
- Каик (чув. кайык, г.чер. кеқ) пти-ца; каик-туца стая птиць; ирь-каик, чодра-каик дикій звѣрь, дичь.
- Каик Земл. дикій; каикланаш ди-чать, свирѣпѣть, безумствовать.
- Каиц Крок. (тат. кайче) ножницы.
- Кайдырче Вас. находчивый, хит-рый.
- Кайзакташ Земл. показывать.
- Кайда Вас. (тат. хайла) хитрость.
- Какаргэ Земл. синій, багровый; какаргемаш багровѣть, синѣть.
- Какляка Крок. горбатый; қақля-ка шамакъ льстивое слово, лесть.
- Каклянаѣлаш Земл. извиваться; см. кагыр.
- Какрака-рок Крок. тощая зем-ля.
- Кақнѣ чиненое лыко.
- Калакляк Крок. яйцо въ смят-ку.
- Каламбѣр Земл. тминъ.
- Каланжа Земл. чашка; см. қлен-ча.
- Каласѣм (чув. кала говорю) ска-зываю, приказываю черезъ посредство.
- Каласкалѣм Смирн. разглашаю.
- Калка поплавокъ.
- Калпак (тат. қалпак, чув. қалпак) дѣтскій чепчикъ, қолпакъ, шапка.
- Калык (тат. калык, чув. халых, г.чер. халых) народъ.
- Калып (тат. қалып) колодка для сапога и т. п., болванъ.
- Калым (чув. калым, тат. калым) плата за невѣсту; см. олно.
- Калта (г.чер. тѣпнѣк) сума, тека ученическая.
- Калык лопаточка для яицъ въ смятку и меду; см. қалакляк.
- Камысь ст. капурка.
- Канага книга.
- Канак разъ; ик-канак, иканак од-нажды.
- Канга плотный, жесткій; канга-анга плохая полоса земли; ваштар—канга пу кленъ плотное, твердое дерево.
- Кангашѣм Вас. (татарск. кингя-шлѣйм) условливаюсь, совѣтуюсь.
- Кандагше восемь; қанданшау восемьдесятъ.
- Кандык Земл. стекло.
- Кандык оконная рама.
- Кандо Вас. синій, голубой.
- Кандра (тат. қиндѣря, г.чер. ке-рем, чув. қандра) веревка, бичевка.
- Канам отдыхаю.
- Каниле спокойствіе.

Канисёр безпокойство; канисёр-лэм безпокою, искушаю.

Кантарэм успокаиваю, даю отдыхъ.

Кап ростъ, туловище; капэш-шушо взрослый.

Капкà (тат. капка, чув. хапка) ворота.

Капкàн (чув. и тат. капкын) капканъ, желѣзная западня для звѣрей.

Капкыл г.чер. Земл. скорый.

Капландарэм останавливаю, группирую (тат. капландырам опрокидываю).

Капланэм останавливаюсь, группируюсь.

Каплэм Вас. крою.

Капуркà гребло, орудіе для сгребанія на току жита.—имѣеть форму буквы Т; см иштълъ.

Капцàнга г.чер. Земл. мѣта. ва-рубка.

Карà-вондо пришива, цилиндръ въ ткацкомъ станкѣ, служащій для навиванія сотканнаго холста.

Карагàз (г.чер. коаш) мель, бродъ.

Карақà (тат. кàрàкà) карась рыба.

Карàн Земл. голубой.

Карàс (чув. карас, тат. кàрàз) сотъ меду; карàсмю сотовый медъ.

Карàс рыба карась.

Каратун Смирн. монахъ; қугу каратун архіерей; (тат. кара тун черная шуба).

Каргашэм (тат. àрəплəшəм, г.чер. сорэм) спорю, ссорюсь, переко-ряюсь.

Каргыйж Крок. кожаура дерева.

Каргыйч Смирн. дергачъ; см. каршə.

Каргэм (тат. каргыйым) проклинаю; каргймо проклятый.

Кардà счугъ.

Карқалаш Земл. стукъ.

Карқалэм починаю, плачу; раз-

ставляю сѣти, оцѣпляю; у Вас. вывожу узоры.

Карлàngа Крок. шелуха.

Карàш Земл. пучить, раздувать (о животѣ).

Карлык Вас. см. кандыйк.

Карм г.чер. Земл. позывъ на ѣду, апетить и пища (тат. карын желудокъ).

Кармà Смирн. } муха.

Кармы Вас. }

Карныштàm (г.чер. қàрнəм, чув. карн. қарғалла, тат. тартышам) потягиваюсь, позѣваю.

Карсàқ заяцъ русакъ.

Карт жрецъ при языческихъ жертвоприношеніяхъ (тат. карт старикъ).

Кару Земл. отказъ.

Карчы-марчы харчъ, всякая пища.

Карчык (тат. қарчык, чув. қарчык, г.чер. шоно ватə) старуха.

Каршақàн Крок. шаршавый, негладкій.

Карындыйк Земл. рама.

Карыйшаш Земл. позѣвать; ср. карныштàm; см. омəштàm.

Карэм открываю (пялю) ротъ, глава; вапшым карэм разставляю сѣти.

Кас (чув. қасъ, г.чер. вало) вечеръ; кастəнə вечеромъ.

Касà г.чер. Земл. поддонки, отстой.

Касàлык-тəнə параллельными рядами.

Касарэм (чув. қасяр, тат. қичəрəм) милую, прощаю.

Касқà (чув. қасқа) кряжъ.

Касқаш Земл. см. кавскəм.

Касланаш Крок. черствѣтъ; касландарэм очерствляю.

Катқалэм г.чер. падрəштàm, чув. қат.) разламываю на нѣсколько частей, крошу.

Катламà Земл. см. атлама.

Катлàn Земл. пазникъ.

К а т м а к мотыга (землед. оруд.); катмаклэм мотыжу, перекапываю землю лопатой.

К а т ы к а м а ш Земл. выходит, уменьшаться (о запасах).

К а т э м (г.чер. тоды́ям) отламываю.

К а ч а к а́ (г.чер. қесе, чув. качага) коза, качака́-тага́ козелъ.

К а ч е (чув. каче, г.чер. молоец) женихъ; у г.чер. горькій.

К а ч л а н э м черствѣю: см. қасла-наш; качландарэм очерствляю.

К а ш а толпа, куча.

К а ш а р Земл. шелома́, застрѣха на крышѣ.

К а ш а р г а́ Вас. острокопечный.

К а ш а р т а́ м Крок. совершаю, исполняю; кашартыкташ заставитъ вершить.

К а ш қ а́ см. қасқа; у Земл. қарша, валежникъ, хворость.

К а ш к а́ г.чер. Земл. быстрый, стремительный.

К а ш қ е́ м плѣснѣю; кашқаш, у Смирн. қашкэ плѣсень.

К а ш т а́ (чув. кашта, г.чер. қашта, сѣдря) переқладина, слега; ава́-каштá матица, балка; каштапáл полка; у Вас. кашта́ шестока́.

К а ш т р а́ г.чер. шероховатый; см. козра́.

К а ш ы́ қ Вас. см. қаша.

К а ш э́ только что вспаханная, необороненная земля.

К а я́ р (г.чер. коштан, чув. хаяр) злой; см. аяр.

К а э́ м (чув. қай, г.чер. ке́ем) иду; кайшылá попутя, иля огъ своего дома; см. толшмыла́.

К в о р о с хворость.

К е д а р я́ ш г.чер. Земл. разрѣпашъ, отвязывать, освобождать, отстегиывать; см. сюярэм.

К е қ Крок. см. қайқ.

К е к е р е́ қ (тат. қикирик, чув. те-рекэ́) гребень у птицъ.

К е в е́ қ орава́-кевек чека; ср. қбвқ.

К е в ы́ т Вас. (тат. кибит) торговая лавка.

К е д э́, чодрá-кедэ́ вяхирь (г.чер. қá-дэ́ голу́бъ).

К е л д э́ Смирн. неводъ.

К е л е́ Земл. гусли.

К е л е ш т а́ р а́ ш (тат. қильшу) Земл. угождать.

К е л ь г е́ глубокой; кельгы́т глуби-на.

К е л ь д а́ м углубляю, втыкаю.

К е л ь м а́ Крок. приличествующий, принадлежащий.

К е л ь ш е́ нужный; кельшемъ дѣла-юсь нужнымъ, годнымъ.

К е л ь ш е́ м Смирн. (тат. қилшамъ) договариваюсь; кельшемаш́ договоръ.

К е л ы́ м ш а́ қ Вас. бродяга (тат. қилимшáқ пришелецъ).

К е л т э́ Вас. см. келдэ́.

К е л я́ м шлендаю, брожу по снѣгу, грязи, водѣ.

К е м (ы́) сапогъ.

К е н е́ ж лѣто, кенэ́жын лѣтомъ.

К е н е т а́ Вас. (тат. кинáт) вдругъ.

К е н н а́ м-ш ў р я́ ш Крок. нарумя-нивать.

К е р а н а́ ш Земл. см. қоранамъ.

К е р а́ с ы р (чув. киревзер) забяка, злой, неприступный.

К е р в ы́ ч кирпичъ, иле-қервы́ч кирпичъ-сырецъ.

К е р г а л т э́ м засучиваю (рукава).

К е р г е́ желна, черный дятелъ.

К е р г е л а́ Земл. молоки у рыбы.

К е р д о сабля, мечъ, кинжалъ.

К е р е́ йстинный.

К е р е д а́ м нижу (бусы и т. п.).

К е р е́ қ (чув. қирик)—кб́ кто бы то ни было; керек-кунáм всегда, когда ни было; керек кы́што всюду, гдѣ-бы то ни было; керек кы́шко всюду, куда

бы то ни было; керек отдѣльно употребляется въ смыслѣ пренебреженія: керек! очень нужно! какъ-же!

Керём веревка; см. қандра.

Керемёт (тат. керемет) высшее существо въ царствѣ злыхъ духовъ, злой богъ; керемёт-шар Смирн. всякій идолъ.

Кержак } правда, истин-
Кержен Смирн. } но, воистину.

Керлаш Земл. задѣтъ, зацѣпить.

Кернак см. кержак.

Кернча горница.

Керляш Земл. загигать.

Кертам осиливаю, лажу, могу.

Керш Крок. см. қырш.

Кершалтам удавляюсь, запутываюсь.

Керьяш Крок. высовывать, вонзять.

Керштымаш Крок. прекословіе.

Керяль Крок. необходимость, нужда.

Керялам втыкаю, насаживаю черенъ.

Керялтам натыкаюсь.

Кесе г. чер коза.

Кестэн (тат. кистан) кистень, дубинка.

Кетам Кр. Яр. см. кертам.

Кечалтам, вѣшаюсь, давлюсь.

Кечальташ Крок. кидаться.

Кече солнце, день; кече-вал полдень; кече-вал-вель югъ; кече-лекмаш-вель востокъ; кече-шычмо-вель западъ; кече-савыртыш подсолнухъ; кече-йол лучи солнца (ноги солнца); кече-пуйрошо - куго йумо великій богъ, совдатель солнца; кече-он царь, ханъ солнца; кече-абә мать солнца; эр-кече-куго-юмо великій богъ утренняго дня; эр-кече пуйрошо совдатель, или судьба утренняго дня; эр-кече сахче утренній ангель.

Кечелаш (тат. кѣнчѣлѣк) Земл. зависть.

Кечем вишу.

Кешыр (тат. кишир) морковь.

Кивитқа кибитқа.

Кигик кигик звуки скрипки

Кидараш Крок. распускать.

Кидэж Крок. комната, перегородка; кидэжарыш ограждать, обхватывать; кидэжтарыш оградить.

Кидэшташ Крок. отгородить.

Кижем Крок. забну, холодѣю.

Кизирт Крок. медленно, неповоротливо; кизиртатнаш продолжать, разводить.

Кизит теперь.

Кикан Крок. чемерица.

Киктэм заставляю лежать.

Кильтын-кильтын звуки гуслей.

Кильтам провожу время бездѣла лежбочу.

Киндэхлѣбъ печеный, хлѣба; киндэ-шочын-куго-йумо великій богъ урожая хлѣба; киндэ-шочын-куго пуйрошо великій предопредѣлитель урожая хлѣба; киндэ сахче ангель урожая хлѣба; киндэ - казначей надѣлитель урожая хлѣба; киндэ-серлягыше хранитель хлѣба.

Киниряш Земл. нитяная мотушка; ср. кѣнёръ.

Кинилтэм бужу, понуждаю встать.

Кинилям встаю послѣ лежанія.

Кинисыр Вас. см. к нисыр.

Кир Крок. истинный.

Киредалаш Крок. стараться, пешишь; киредальма ойха сильное стараніе.

Кирйлик чайка.

Кирок Крок. правда, истина.

Киря гиря; киря-вися вѣсы; кирменә (чув. кирвѣге) фунтъ.

Киткя Крок. см. куткя.

Киш древесная сѣра; киш-под

сѣрный котель, въ переносномъ смыслѣ адъ.

Кишан (тат. қиса) г.чер. Земл. карманъ.

Кишиль Крок. обручъ.

Кишкшашлук Крок. источникъ.

Кичака г.чер. Земл. шероховатый; кичакаш скрипѣть.

Киэм лежу.

Киляр (тат. қыяр, г.чер. охрең, чув. хыяр) огурецъ.

Киямат Земл. темное мѣсто, гдѣ находятся души усопшихъ; междометіе неудовольствія; (тат. қыямат страшный судъ).

Кланча (чув. кленче) сткляница.

Клат (тат. қлят) клѣтъ, амбаръ; клт-ла чушки игра.

Клейма (тат. қляйма) клеймо.

Кленча Вас. см. кланча.

Клинан Крок. бористый.

Ключка Крок. ходули, костыли.

Ко Крок. волна; коан-мардѣж буря.

Коаш г.чер. см. куакш, қарагыз.

Кобарче Смирн. бедро.

Кова Земл. первый ангелъ бога жизни; см. кава.

Ковак лапухъ.

Коварче крестецъ у животныхъ, у Вас. бедро; см. кобарче; эрдэ.

Коваштэ шкура, овчина.

Ковра, кобшй (г.чер. косирь, чув. кобырдат) щеголь, форсистый; ковартатѣктэм щеголю; ковалтэм Смирн. величаюсь.

Ковзэм обдираю, приготавливаю изъ зеренъ крупу; ковайктэм заставляю обдирать; ковайшо - вақш круподерка.

Ковшта (г.чер. қапшта) капуста; копшта-озйом капустная расада.

Ковйж (чув. қобыс, г.чер. крипица) скрипка; ковыж-йагймо смычекъ.

Ковйла пазникъ (инструментъ).

Когарше (г.чер. қоғарше) моля (наѣжомое).

Когартэм опалюсь, ожигаюсь; когартэм опалю, обжигаю; ковар-ушш смрадъ.

Когй г.чер. береза.

Когок г.чер. большой; см. куго.

Когок-когок гоготанье гусей.

Коголь пирогаъ.

Когонек оба; когоняна намъ обоямъ; когонянышт имъ обоямъ; когонянді вамъ обоямъ.

Кодалаш Крок. провожать; кодалаш сопроводять.

Кодам остаюсь; кошо остагокъ.

Колэм оставляю; колшо оставившій, оставляющій.

Кож ель; кож-эгеле елевья шишки; кож-эгеле канк иволга; кожда елевый лѣсъ; холо-кож пихта.

Кожаргэ остроконечный, заостренный.

Кожартэм заостряю.

Кожер елевая роша.

Ковра (г.чер. каштра) шероховатый.

Койн Земл. явно.

Койршэ Земл. извѣтельные слова.

Койзо Земл. явный, видный, извѣстный.

Койонзэм Смирн. высовываю.

Койшан гордый; койшланэм горжусь.

Кокай см. куакай.

Кокана (отъ кок-канак) дважды.

Кокла середина, промежутокъ.

Кокла Крок. лѣсъ.

Коклаво ябедникъ, сплетникъ.

Коклаш кошташ Крок. смущать, разстраивать, ябедничать.

Кокрэм кашляю, қақбтыш кашель; коқбртше чачотка (тат. какрам харқау).

Кок, коқтыт два; кокур грошъ.

Кокша лысый, плѣшивый; имѣ-

ющій коросты на головѣ; кокшă-вуйн шудо одуванчикъ.

К о л (чув. пола) рыба; кол шбмь рыба чешуя; колъво рыбакъ; кол-шире Крок. мартышка; см. кърляк.

К о л а в и ч а (г.чер. коллонъ) колодезь).

К о л а м слышу.

К о л а т к а (г.чер. короп) гробъ.

К о л д ы р м а ч узоръ, разшиваемый на плечахъ женскихъ рубахъ.

К о л е Смирн. гусли.

К о л о н и ц а Земл. см. колавича.

К о л т ь м пускаю, упускаю, отпускаю, посылаю; колтэн, слѣдую за дѣе-причастіями средняго и дѣйствительнаго глаголовъ, придаетъ имъ видъ совершенный: маэн колтэн уснулъ; поктэн колтэн выгналъ.

К о л у, сокр. отъ кокъ-лу, двадцать; колу-ик-ур шесть копѣекъ; колу кан-данш-ур восемь коп.; колу-канданш-ур-да-кум-ур девять коп.

К о л ч а кольцо.

К о л ы ш т а м слушаю, -сь; колыш-тарэм убѣждаю, подчиняю, покоряю; колыштылэм Смирн. подслушиваю.

К о л ь м о лопата.

К о л ь м (тат. ұлям) умираю; колы-маш смерть.

К о л я мышь; коля йос ласка (звѣрекъ); коля-тыл (мышинный огонь) ивановскій червячекъ, свѣтлякъ; урым тупан-коля мышь житникъ; у Вас. йоқ-шар тупан - коля хомякъ, см. арлан; коля-коршангэ репейникъ.

К о л ь м б ы р укромъ, коперъ.

К о л я н ь м (г.чер. ойхрэм, чув. кол-лян) унываю, горюю.

К о м корка, оболочка; канага - ком корка книги; киндэ-ком корка хлѣба.

К о м а (тат. кама, чув. хома, г.чер. амá) выдра (звѣрокъ).

К о м а к а (чув. кумага) печь, кома-ка-ончыл шестокъ; комака - поч при-

ступокъ у печи.

К о м а л ь комокъ; комаля-пу по-лѣно.

К о м а н - к и н д э Смирн. короваецъ, круглый пирогъ; см. ком, киндэ.

К о м б о гусь; кайк - комбо дикий гусь; кайк-комбо-корно млечный путь (совѣдiе), комбо-увѣ гусакъ.

К о м д о (чув. комда) лукошко (со-судъ для сыпучихъ тѣлъ).

К о м д ы к вверхъ лицомъ.

К о м д ы ш ставень у окна; шынча-комдыш вѣко; комдышташ Крок. за-гибать, закрывать.

К о м з а - к е м Крок. голенища, см. шулукуш.

К о н щ е л о к ь; кон-кече день поми-новенія покойниковъ — среда страст-ной недѣли.

К о н а Вас. см. комака.

К о н р а широкій и высокій желобъ, назначеніе котораго почти одинаково съ ночевками.

К о н ы р м а бубенникъ.

К о н д ь м приношу, подаю.

К о н ч ь н - ш о г а л а м предстаю, явля-юсь незамѣтно.

К о н - ш у д о лебеда; у Вас. полынъ (?); см. арым шудо.

К о п к а (тат. қапқа) см. қапқа.

К о п р а к Исм. колодки, прикрѣ-пляемые весной къ лаптямъ для пре-дхраненія ихъ отъ мокра; вуй - ко-п-ракъ черепъ головы.

К о п т а к кисть руки, ступня ноги.

К о п ш а н э жуки; шкал-копшанэ (коровій) навозный жукъ.

К о р а к (тат. қарга, чув. қоракъ) сѣ-рая ворона, шеме-коракъ грачъ; коракъ-йолаш қоколольчики - цвѣты; коракъ-шынча-суто (цвѣтъ вороньихъ глазъ) голубой цвѣтъ; коракъ Земл. карій.

К а р а к а Земл. (тат. кăрăкă) карась.

К о р а н а Вас. см. ушмѣн.

К о р а н а м сторонюсь съ дороги.

- Корика корь (болѣзнь).
 Корка (чув. корга) ковшъ.
 Корланга г.чер. Земл. шелуха.
 Корма Вас. муха.
 Кормѣж горсть; у Крок. клочекъ, рукоять; кормѣшталам сжимаю въ горсть; кормѣж-пундаш ладонь.
 Кормеш Крок. см. кормѣж.
 Корно дорога; корно-мучко на протяженіи всей дороги,—всего пути изъ-корно, йол-корно тропа; см. самак.
 Корсакъ Земл. селезенка (тат. брюхо); см. қарсақ.
 Корчак-ватъ, корчак-куба (тат. курчак) куклі.
 Коршангъ репей; қоршангъ-вуй-каик щегленокъ.
 Коршта болятъ, ломить, ность.
 Корѣмо, корѣн-пуртлю пазъ.
 Корѣм оврагъ, канава; шоя-қорѣм косичка у человѣка.
 Коса-таля жабрей трава.
 Котѣр чесотка, парша (тат. кутыр болячка).
 Котѣрѣкъ скрипь воротъ (звукъ).
 Котланъ Вас. см. кочланъ.
 Кочибѣ-йол Земл. мелкій осотникъ (трава).
 Кошка Земл. кнугъ.
 Кошкѣм (чув. кожа) сохну; кошкѣв-қолѣм умираю отъ жажды.
 Кошкѣктарѣм ивсушаю.
 Кошталам черпаю.
 Коштам жожу.
 Коштан клявникъ, холокъ по дѣламъ; у г.чер. вообще—влоя.
 Коштангъш саднить; коштанѣш ципки на ногахъ, рукахъ.
 Коштарѣм наносу боль.
 Коштѣм сушу.
 Коч (г.чер. гач) поперекъ.
 Кочешташ нагорчить въ роту, горькнуть.
 Кочланъ горькнетъ.
 Кочкам ѣмъ; кочмо шуѣм ѣсть
- хочется; қочѣш ѣда, пища; қочѣшѣт перикан лиже! пища твоя да будетъ сытной (спорой?) пожеланіе соответствующее русскому: пріятнаго аппетита!
 Коче (г.чер. қоче, тат. аче) горькій; ср. қаче.
 Кочѣрт-кочѣрт скрипь саноговъ; кочѣртатѣм скриплю сапогами.
 Кочѣмъ Земл. тесьма.
 Коѣренаш г.чер. Земл. издѣваться.
 Коѣш виднѣется, представляется глазамъ; койдѣмо невидимый; ок-кой невидно: койшан забавный; койшланѣм представляю разныя штуки.
 Коѣштагъаш г.чер. Земл. волноваться (о водѣ); коѣшталь волны.
 Коѣ жирный.
 Кѣ (г.чер. қу, тат. кем, чув. кам) кто.
 Кѣвѣк висячій замокъ; ср. кевѣк; см. қѣвѣн.
 Кѣгѣн см. қѣвѣк; тат. қуған пробой и накладка, въ которые вкладываютъ душку замка при запираніи.
 Кѣгѣрчѣн (тат. қуғарчен, г.чер. қадѣ) голубь.
 Кѣкъ (тат. қукъ, чув. қвак) сизый, голубой.
 Кѣн (г.чер. қун) чай.
 Кѣргѣ внутренность; қѣргѣн полый, дупластый; қѣргѣшто внутри.
 Кѣреш-уло г.чер. Земл. см. чикш.
 Кѣрѣнчѣм копаю.
 Кѣршѣк горшокъ; қѣршѣк вондоухвать.
 Кѣрѣш Вас. серги.
 Кѣрага жбанъ (сосудъ для пива).
 Кѣстѣн см. кестѣн.
 Крапля грабли, также рыболовная намѣтка.
 Крас Земл. бугоръ.
 Креп (тат. керян, г.чер. ряп) хрѣвъ.

Крѣнѣ Вас. (тат. граўэнкѣ) см. кирменѣ.

Крѣс, крѣсе крестъ; крескѣл цѣпъ изъ монеть съ крестомъ на концѣ, для ношенія на шеѣ.

Крѣщѣн Земл. қасатка.

Крюклѣш Земл. хрюкать.

Куавѣ бабка, бабушка.

Куанѣм (тат. қуанѣм) живу въ до-вольствѣ, благополучии, радуюсь, ликую.

Куакѣй тетка старше отца.

Куакш (г.чер. коаш) мель, бродъ; см. қарагаз.

Куас қвасъ; қуас-лудо см. вақлан-лудо.

Куат (чув. хват, тат қуат, г.чер. сила) сила; куатло, куатѣн сильный; куатѣн сильно.

Куачѣй (г.чер. тѣтя) дѣдъ по отцу или матери.

Куаш см. куакш.

Кубѣ Смирн. старуха.

Кувавѣй (г.чер. папѣ) бабка по отцу или матери.

Кувѣй дядина жена.

Куво (г.чер. арлахѣ) шелуха, чешуя.

Кубул Крок. пузырь дождевой; кубулѣн пузырьстый; кубулѣштѣш цузыристая.

Кувул мѣдныя пуговики, употре-бляемыя женщинами, какъ подвѣски къ поясамъ; также-пазникъ (орудіе).

Кувулъчо глухарь (самка).

Куго (г.чер. кого) большой, вели-кій, старшій, важный; куго-парнѣ боль-шой палецъ; куго-вюд большая вода, водополье; куго-мѣрь клубника; куго-чѣвѣ (г.чер. пуркѣ) индѣйка; куго-пур-сѣ (г.чер. таракѣн-пурсѣ) бобы, кугу-жѣ царь; үдүрѣмѣш-кугужѣ царица (какъ правительница); куго-арнѣ пятница; кугузѣй дядя старше отца; кугум те-ща, свекровь; кугужѣнѣш царство, государство; куго-лудо қряква-утка;

кугужѣн-куго-йумо великій богъ царя; кугужѣн - пуйрошожо предопредѣля-тель будущей судьбы царя; кугужѣн-йумон-піамбаржо пророкъ царскаго бо-га; кугужѣн - арѣлѣшо - сахче, витнѣзе ангель, хранитель царя, докладчикъ передъ богомъ за царя; куго-арнѣ-ку-го-йумо великій богъ пятницы; куго-арнѣ-куго-пуйрошо предопредѣлитель судьбы пятницы; куго-арнѣ-йумон авѣ-жо мать бога пятницы; кугѣче-пайрѣм-куго-йумо великій богъ праздни-ка пасхи; кугѣче-куго-пуйрошо великій предопредѣлитель судьбы пасхи; кугѣче-йумон-авѣжо мать божіей пасхи.

Кугѣ см. куго.

Кугѣдѣ (г.чер. тургѣдѣ) вяхирь.

Кудақшѣм раздѣваюсь, скидаю платье; кудақшѣктѣм заставляю раздѣваться.

Кудалѣм бѣгу, скачу на четы-рехъ ногахъ,—говорится про живот-ныхъ.

Кудалтѣм прощаю, зарѣкаюсь, отказываюсь, оставляю, бросаю.

Кудалштѣм многокр. видъ гла-гола кудалѣм.

Кудо который, также холодное лѣтнее помѣщеніе черемисъ; кудышко домой.

Кудовѣче двѣрь.

Кудур (г.чер. кутра, тат. гүдүрѣ) кудрявый; свилеватый, кудуртѣм зави-ваю.

Кудѣмѣм Вас. смиряюсь отъ угрозы.

Кудѣт шесть.

Кудѣк Земл. сердечникъ.

Кужѣк гдѣ, куда.

Кужѣм мочусь; куж-вюд моча, урина.

Кужгут длина.

Куже длинный, высокій.

Кужѣдѣк пиголица.

Кузивѣндѣо клещевникъ, кусть.

- Кузніч см. апшѣт.
 Кузук приданое, надѣль.
 Кузукташ Земл. миловать.
 Кузургѣ Крок. по тихоньку.
 Кузѣ какъ? какимъ образомъ? ку-
 зѣ-гивѣт какъ-вибудь.
 Кузѣм Вас. влѣваю вверхъ.
 Куклѣм (чув. куклѣ) корчю, вы-
 рываю корни деревъ.
 Кукумарі (г.чер. суаслѣ марѣ) чу-
 вашинь; кукумарлѣ по чувашски.
 Кукташ Крок. запутаться; кук-
 талтам запутываюсь; куктаналташ рас-
 путывать, развивать; кукта-вуй Земл.
 косматый.
 Кукѹ (чув. кук, тат. кѹке) кукуш-
 ка; кукѹ-муно-шадра вснушки; кукѹ-
 кунчала-водно одуванчикъ.
 Куктѣм заставляю сгребать ло-
 натою; поручаю ткать; у Вас. путаю; у
 Смирн. возмущаю.
 Кукушѣн (тат. кѹкшин) кувшинъ.
 Кукушо сухой; кукушо - волгѣнчо
 (сухая молнія) зарница; кукушо - логар
 (сухое горло) дыхательное горло; куку-
 шо-кѣдан сухорукій.
 Кул Вас. рабъ; Үдурѣмаш - кул ра-
 бья.
 Кула (тат. кло) саврасый.
 Кулап шерсть, ость лошади, коро-
 вы; см. меж.
 Кулукулѣм клохчу.
 Кулѣк порожній куль; см. чѣптѣ.
 Култѣком-шиндѣш Земл. обма-
 нывать, обманомъ приводить.
 Кум см. кумут.
 Кумалѣ Земл. см. комака.
 Кумѣ кумъ,—а
 Кумалѣш кланяюсь, покланяюсь.
 Кумдѣ широкій; кумлук ширина;
 кумдукѣш въ ширину.
 Кумлу у тридцать; кумлу-вичур гри-
 венникъ.
 Кумлѣк Земл. благосклонность.
 Кумуж береста; кумуж-вуйн-кѣш-
 ке (берестяноголовая вѣя) ужъ.
 Кумуяш Земл. см. ковѣм.
 Кумук вверхъ дномъ, внизъ ли-
 цомъ; кумуктѣм опрокидываю.
 Кумул милость; кумулан мило-
 стивый; у Смирн. склонность; кумула-
 тѣм склопяюсь.
 Кумур копѣйка (трѣшникъ).
 Кумѣм закрываю глаза вѣками;
 см. пѣч-пѣч-штѣ.
 Кумут три; кумушто послѣ-завтра.
 Кунѣм когда? кунамсѣк съ како-
 го времени.
 Кунѣрь Земл. см. мѣзѣлѣ.
 Кунчалѣ (чув. канчалѣ) кудель;
 кунчалѣ-вондо прялка; кукѹ - кунчалѣ-
 вондо одуванчикъ.
 Кунѣш г.чер. Земл. нечистота,
 соръ.
 Куп торфяное болото; купшѣле-
 каик сойка (птичка); купан болотистый.
 Куп Крок. плѣсны; купѣн заплѣс-
 нивѣль; купошо Земл. ватхлый.
 Куптургѣм сморщиваюсь; куп-
 турго-пого сморчки (грибъ).
 Куралѣм пашу плугомъ.
 Курвалѣнѣм развратничая, кур-
 валѣнѣше развратникъ,—ца.
 Курва г.чер. блудникъ,—ца.
 Кургуѣм бѣгу (на двухъ но-
 гахъ); кургушталѣм перебѣгаю; кур-
 гужитѣм заставляю бѣжать; кургуш-
 тѣш Крок. катать.
 Кургуѣжго полукруглый.
 Куржѣнѣш Крок. }
 Курванѣш Земл. } стремяна.
 Куркан Земл. курганъ.
 Курмѣм (тат. урмѣлѣргѣ) Земл.
 карабкаюсь.
 Курмуѣ воронъ, коршувъ.
 Курмуѣк вальдшнепъ.
 Курскѣ мужъ старшей сестры из
 тетки; у Крок: двоюродный братъ съ
 отцовой стороны.
 Куртник Земл. круглый пирогъ,

ВНИМАНІЮ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ ТИПОГРАФІЙ

ВЪ ПОВОЛЖЬИ, СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Редакція «Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ», желая доставить своимъ читателямъ возможность слѣдить за научнымъ движеніемъ въ В. Россіи, предлагаетъ владѣльцамъ типографій, авторамъ и издателямъ присылать объявленія о печатающихся у нихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Поволжья, Сибири и Средней Азій для безплатнаго помѣщенія ихъ въ «Извѣстіяхъ». О книгахъ и брошюрахъ, которыя по выходѣ въ свѣтъ доставляются въ редакцію «Извѣстій», помѣщаются отчеты въ ближайшихъ книжкахъ журнала.

АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ФОТОГРАФІЯ

К. Т. СОФОНОВА,

Члена-сотрудника Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ,

Предлагаетъ любителямъ этнографіи и древностей

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

типовъ населенія Волжско-Камскаго края, снимковъ съ древнихъ зданій и археологическихъ предметовъ. Снимки можно пріобрѣтать отдѣльно и альбомами въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ.

Въ настоящее время изготовлены слѣдующіе альбомы:

1. Руины Булгарь. 12 снимковъ (на пластинку). Цѣна въ коленкор. перепл. 5 р.
2. Древности Ананьинскаго могильника. 8 снимковъ (6 на пласт. и 2 на $\frac{1}{2}$ пласт.). Цѣна въ коленк. перепл. 2 р. 75 к.
- 3) Народы Поволжья. Типы, формы построекъ, утварь, костюмы, картины быта (занятія, обряды).
  - а) Русское населеніе Казанской губерніи. 16 сн. Ц. въ кол. пер. 6 р.
  - б) Чуваши. 32 сн. Ц. въ кол. пер. 12 р.
  - в) Черемисы. 76 сн. Ц. въ кол. пер. 18 р.
  - г) Мордва. 18 сн. Ц. въ кол. пер. 5 р.
  - д) Вотяки. 12 сн. Ц. въ кол. пер. 5 р.

Изготавлиются:

- 1) Казань старая и новая.
- 2) Волга въ предѣлахъ Казанской губерніи. Виды прибрежныхъ городовъ и селеній въ разливъ и межень. Типы волжскихъ судовъ. Картины береговъ.

Адресъ: Казань, Адмиралтейская Слобода, д. Терпиловскаго, фотографу К. Т. Софонову.

Въ 1893 г. „Извѣстія“ Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Универ-
ситетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (въ первыхъ
числахъ января, марта, мая, іюля, сентября и ноября)
книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Въ содержаніе каждой книжки входятъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ периодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществахъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ периодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ первыхъ книжкахъ «Извѣстій» за 1893 г. будутъ напечатаны между прочимъ, слѣдующія статьи: «Данныя о городахъ Волжской Бугаріи» П. А. Пеномарева; «Матеріалы для характеристики бронзовой эпохи въ Волжско-Камскомъ краѣ» Е. Г. Жиганова, «Древнія мѣдныя орудія въ Каз. губ.» А. А. Штуценберга, «Древности Костром. губ.» Е. Г. Жиганова, «Тягла земля на Вяткѣ въ XVII в.» А. А. Спицына, «Формы жилищъ и селеній у народовъ В. Россіи» (свои извѣстія путешественниковъ и этнографовъ, въ составленіи котораго примутъ участіе Б. И. Воронцовъ, П. Я. Кирillowъ, А. К. Булагинъ, М. Н. Линекинъ, П. В. Траубенбергъ), «Мордва. Историко-этнографическій очеркъ» К. Н. Смирнова (отдѣлъ этнографическій), «Замѣтки о Мордвѣ Нижегородской губерніи» А. Д. Смирнова, «Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго Края» В. А. Мошкова.

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься двѣ серіи изданій:

- 1) Матеріалы для этнографіи Поволжья. I. «Черемисско-русскій словарь» В. П. Троицкаго, II. «Мордовско-русскій словарь» М. Е. Евсеева.
- 2) Археологическая библіотека «Извѣстій». I. Мѣдный вѣкъ въ Европѣ. М. Мухъ. Пер. съ нѣм.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Въписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

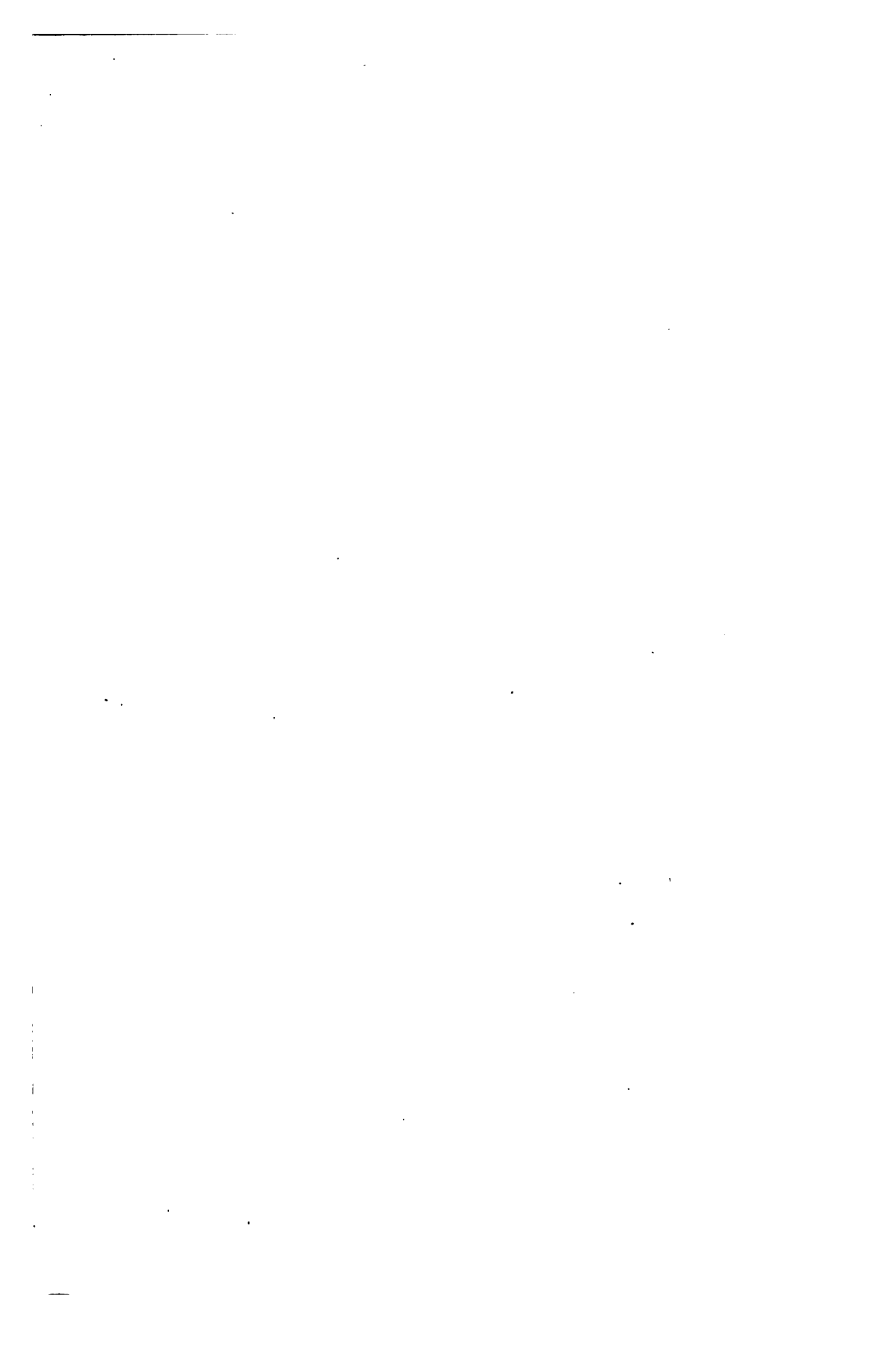
Цѣна выпуска 1 руб.

№ 10737
Исторіи

2 tub fac # 3

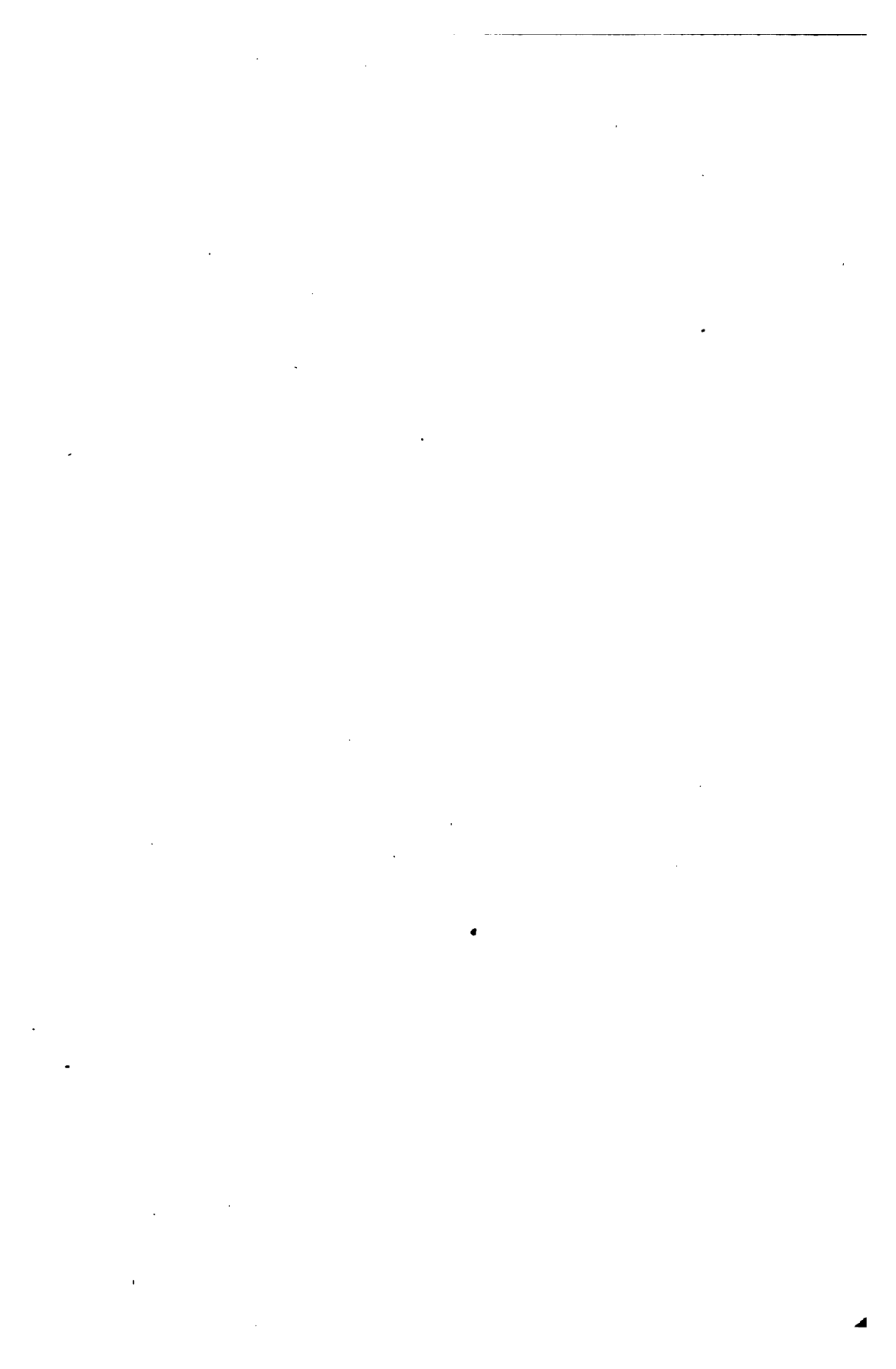

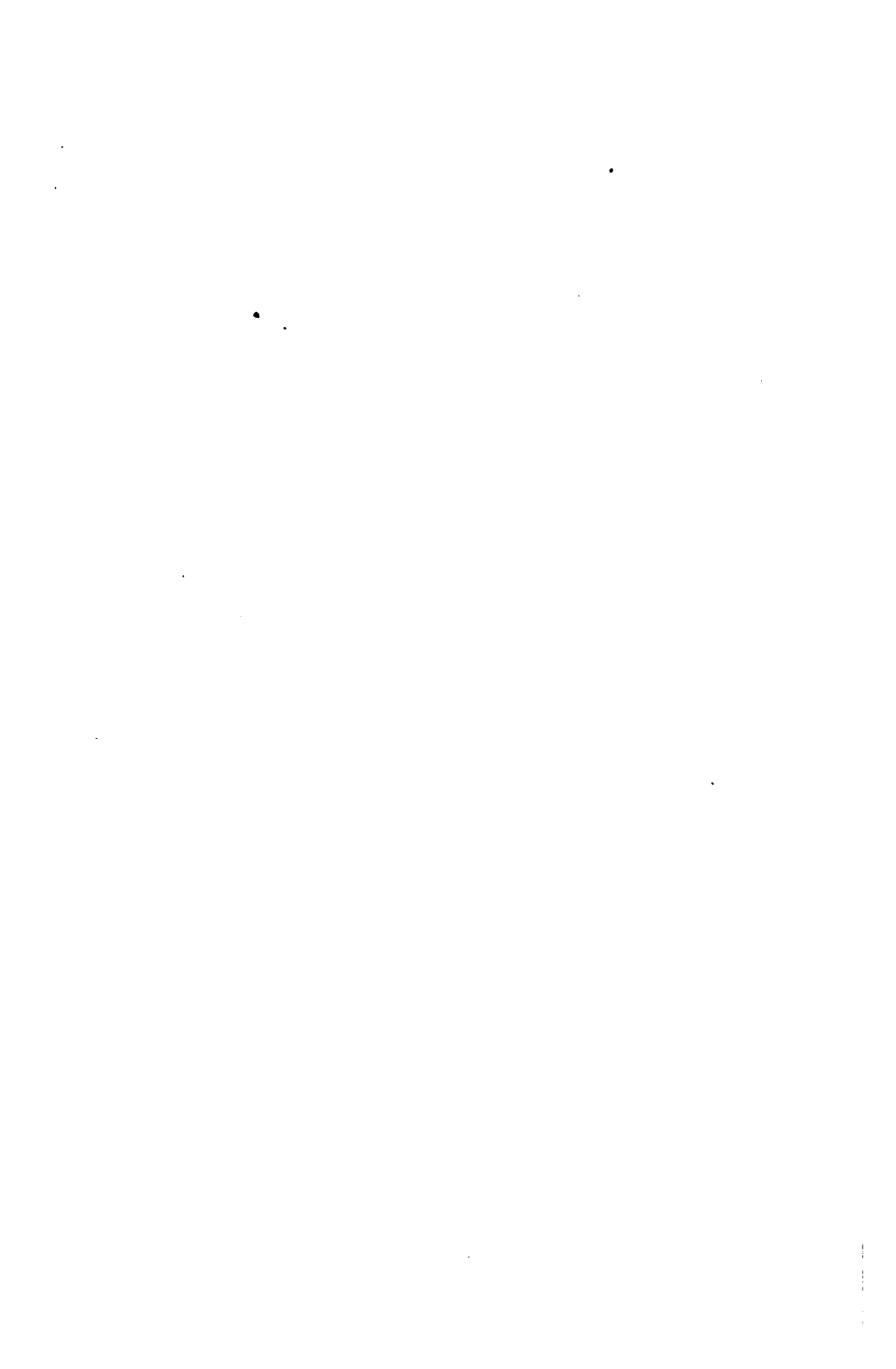

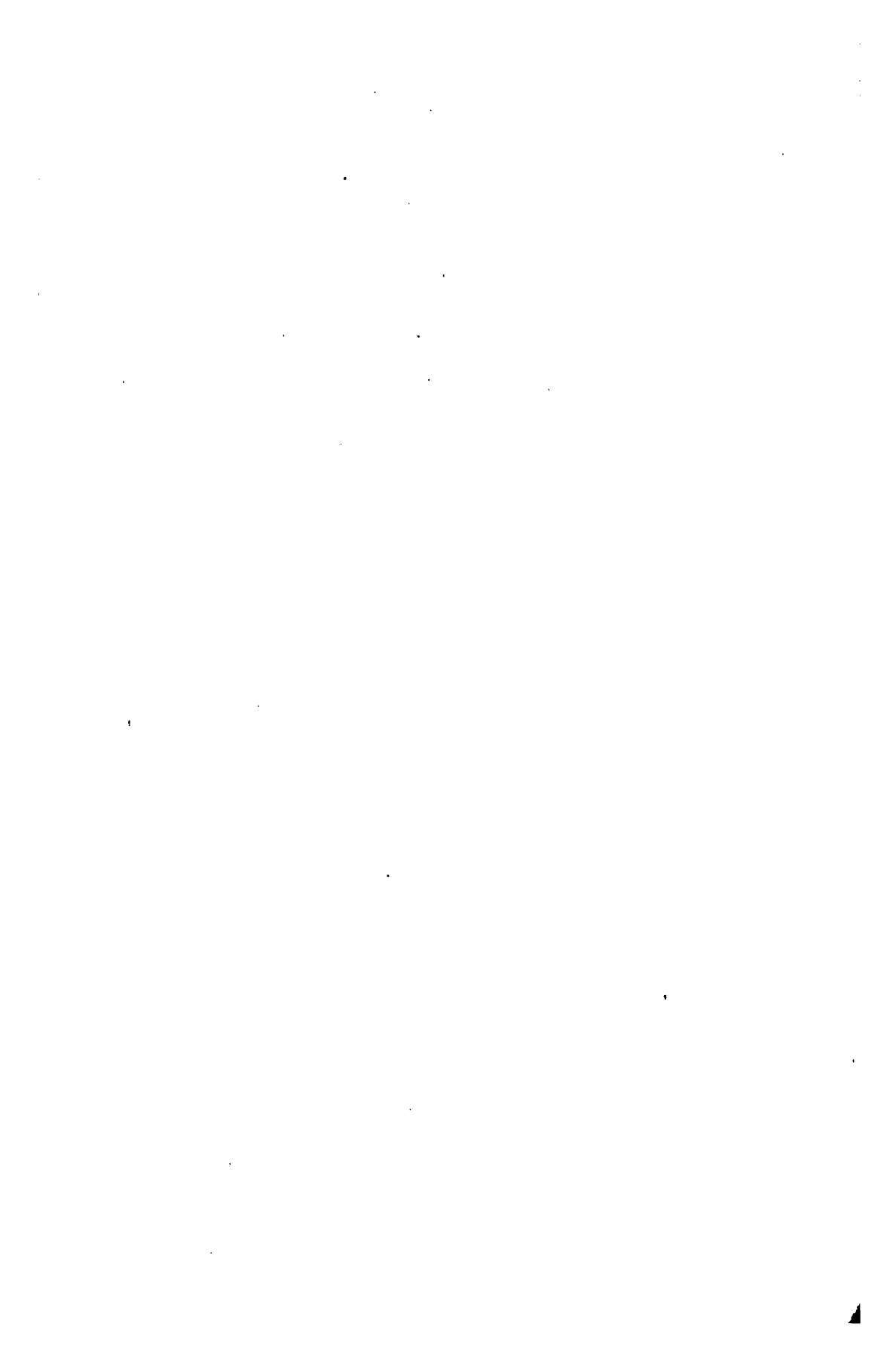

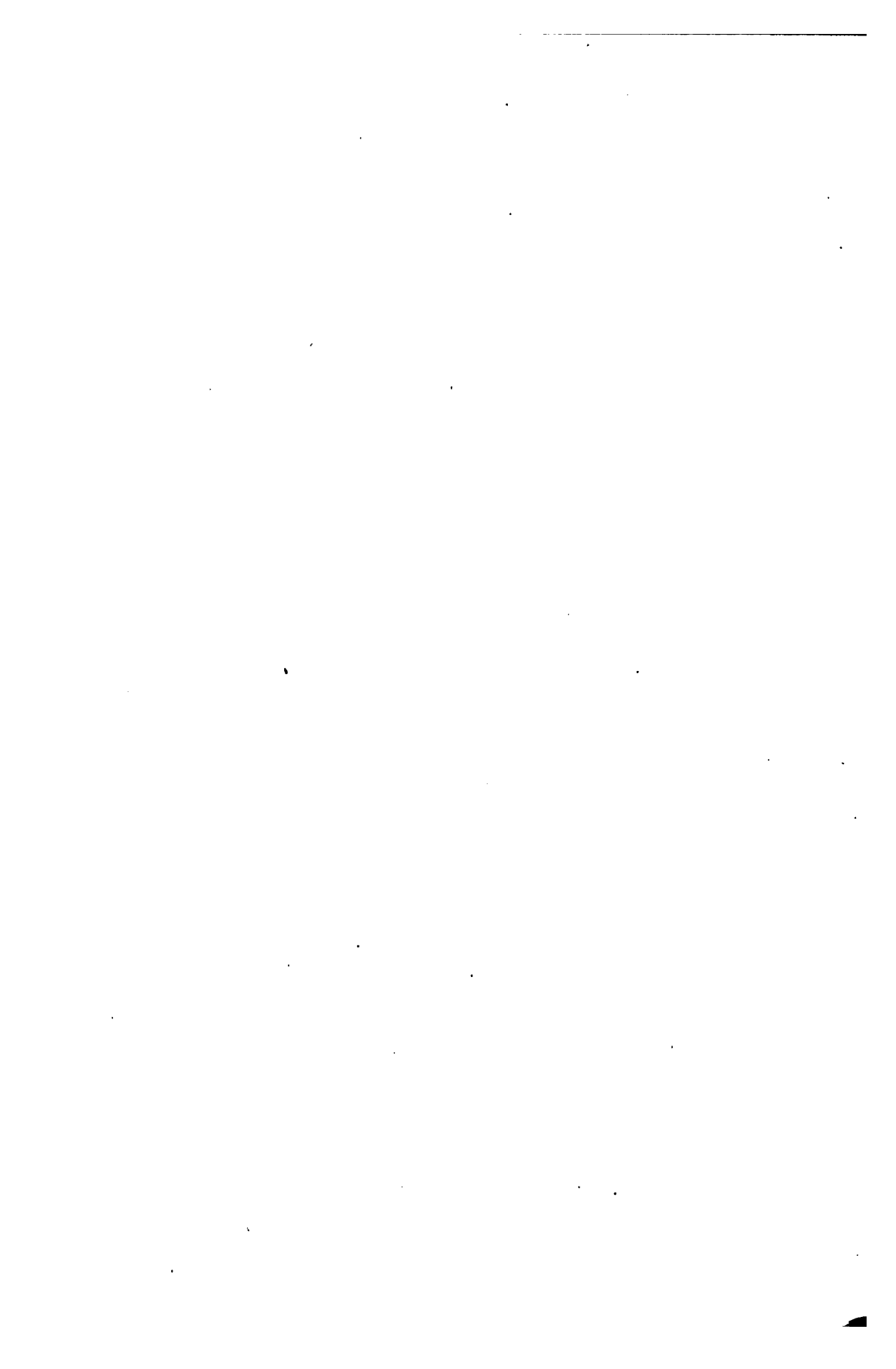

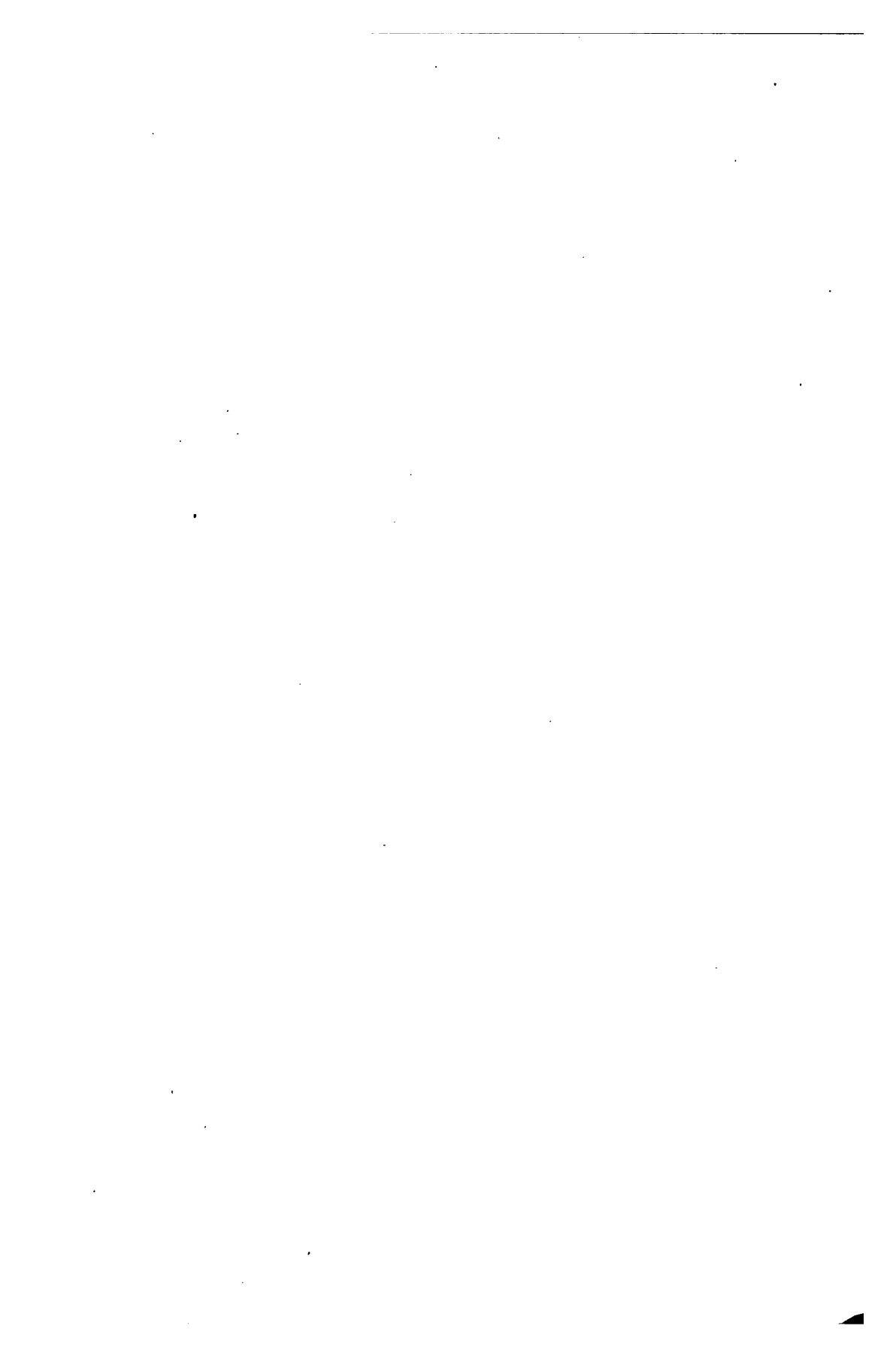

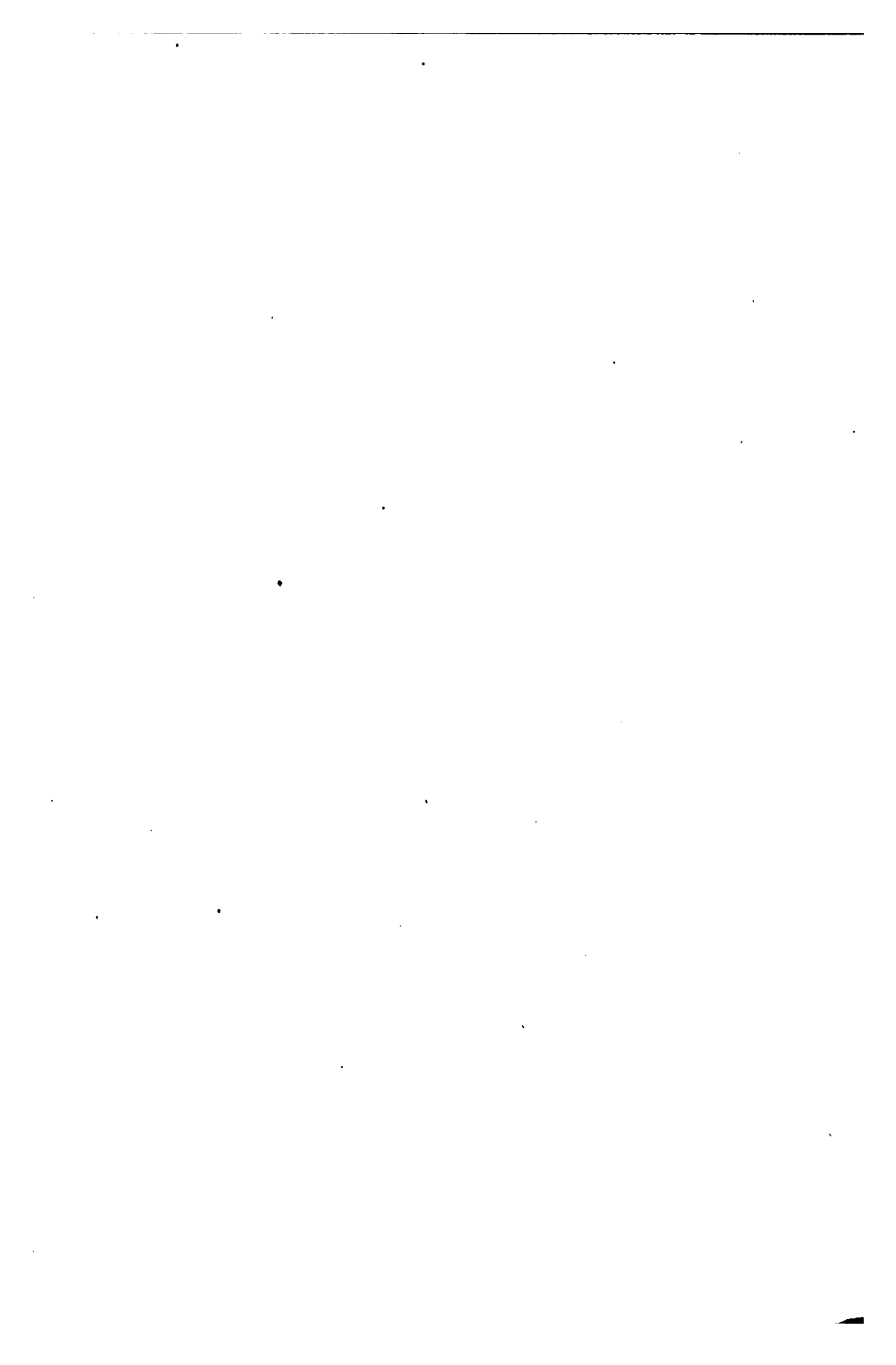

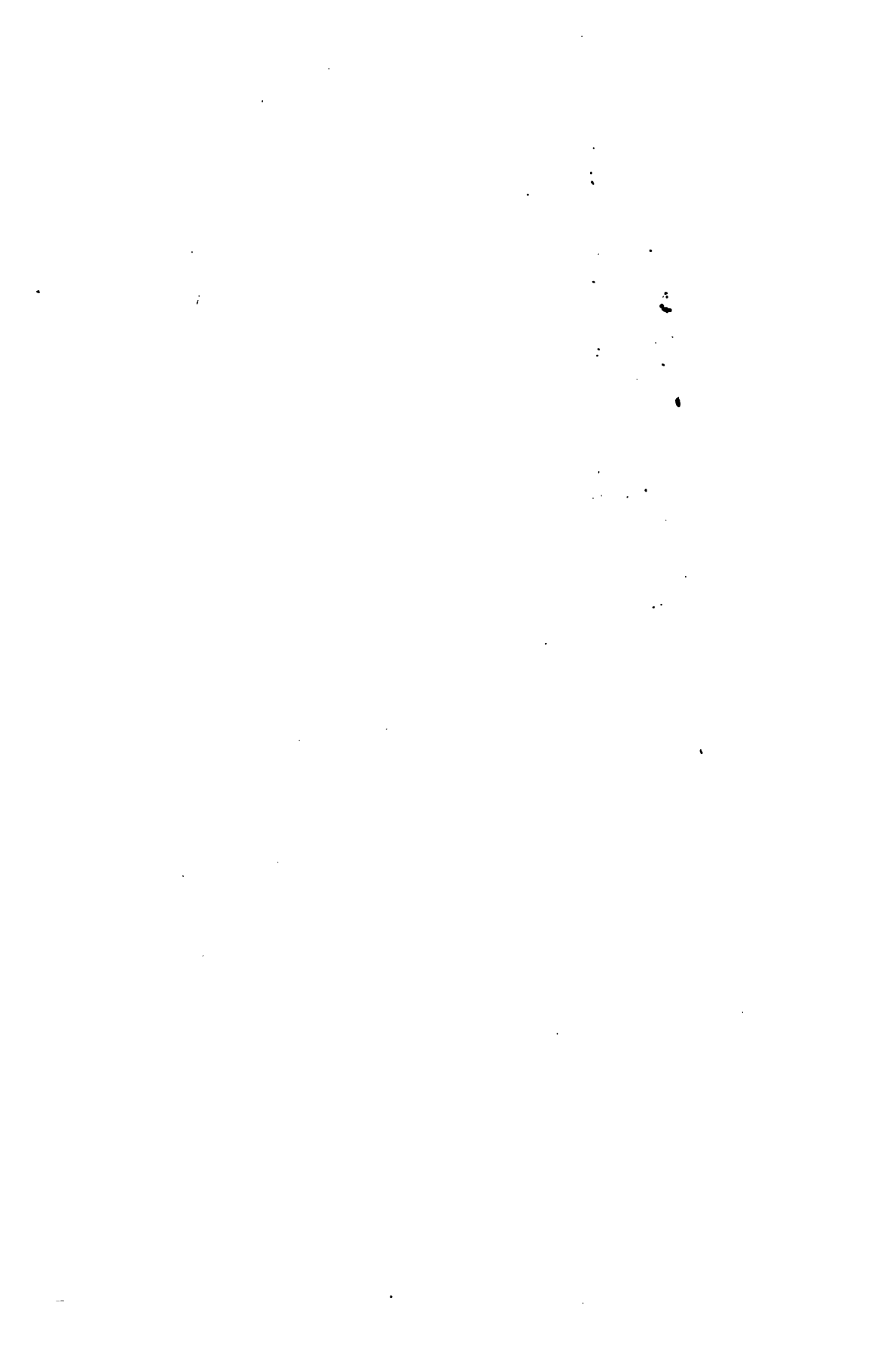

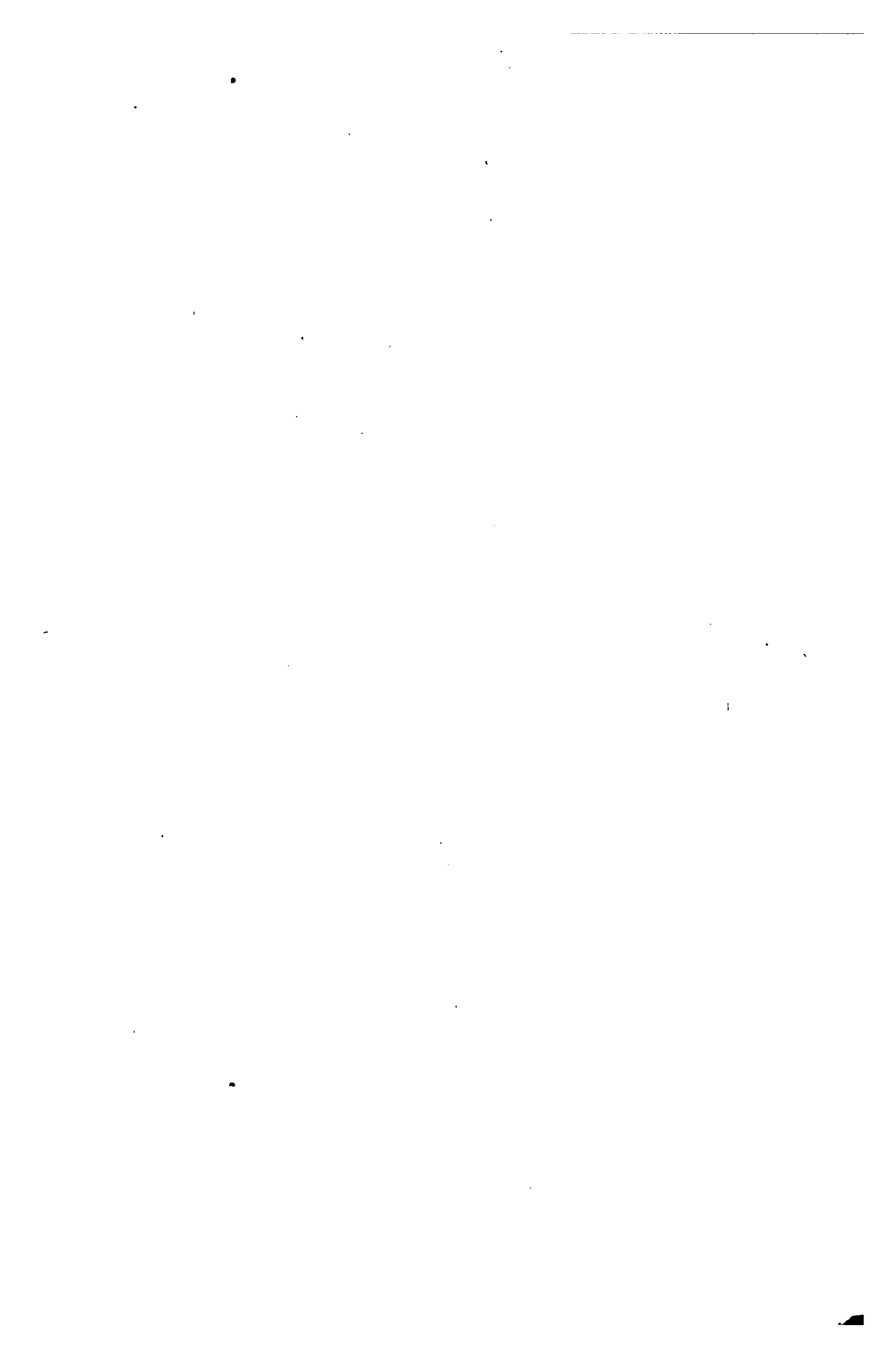

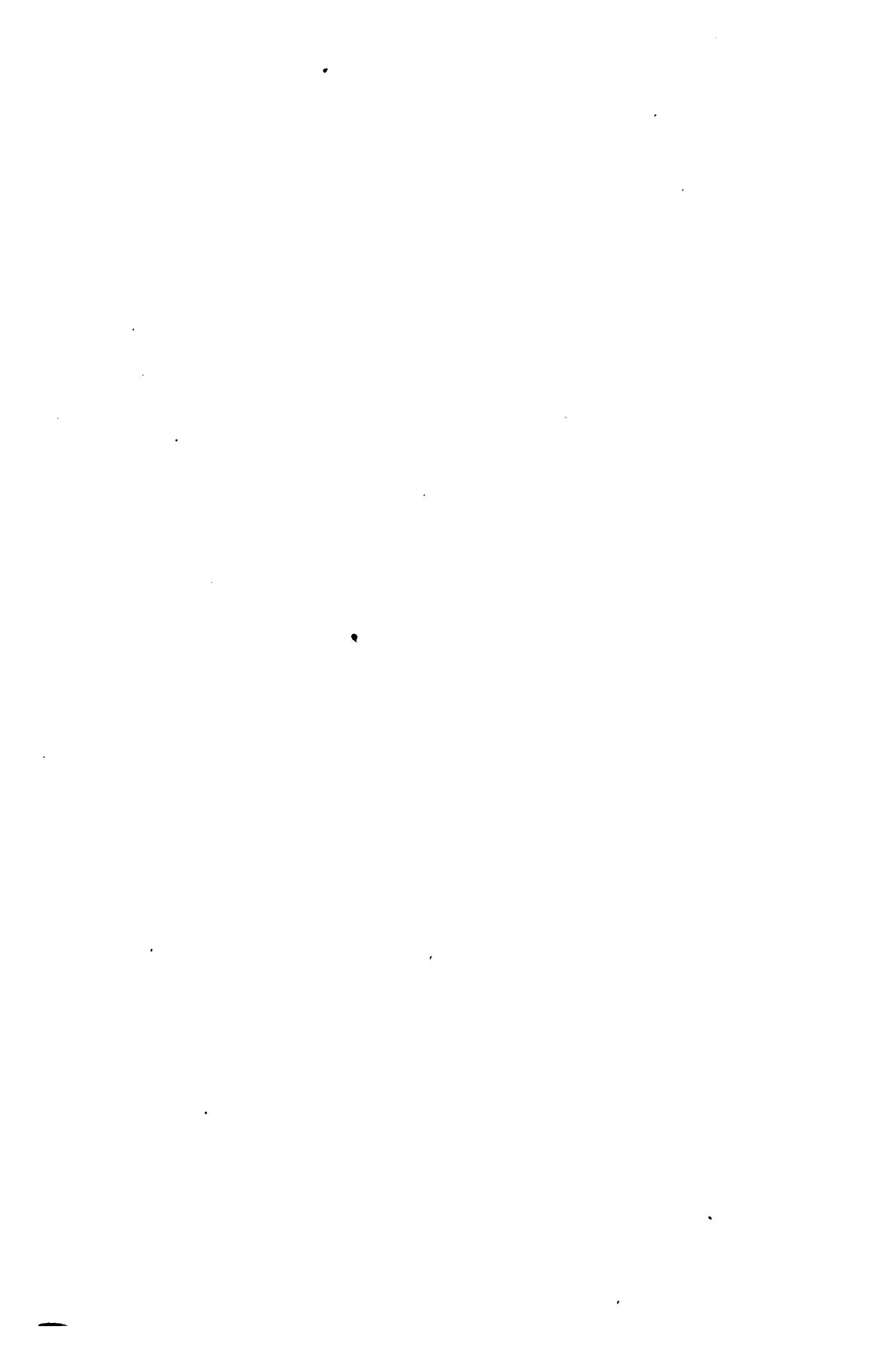

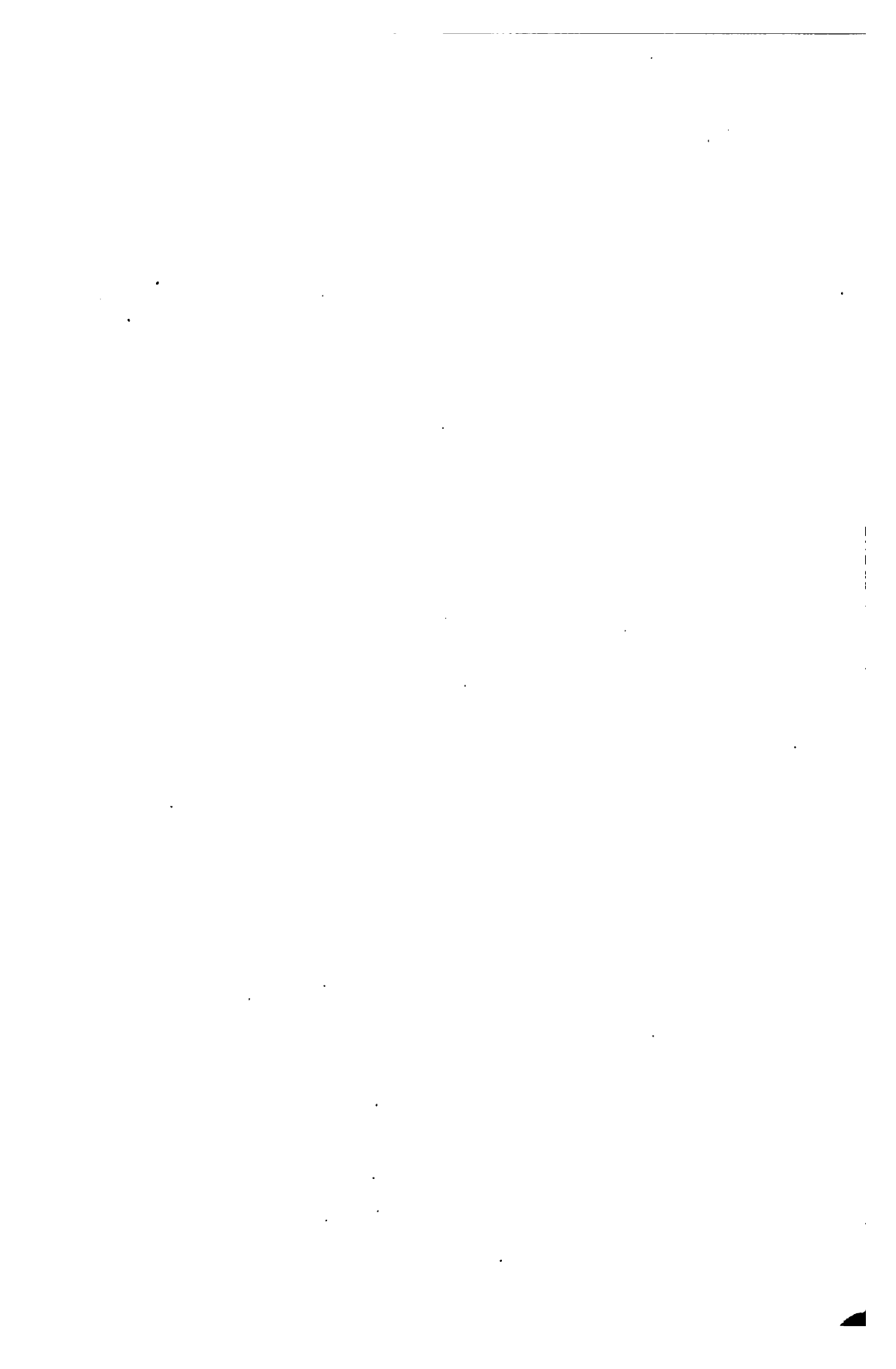

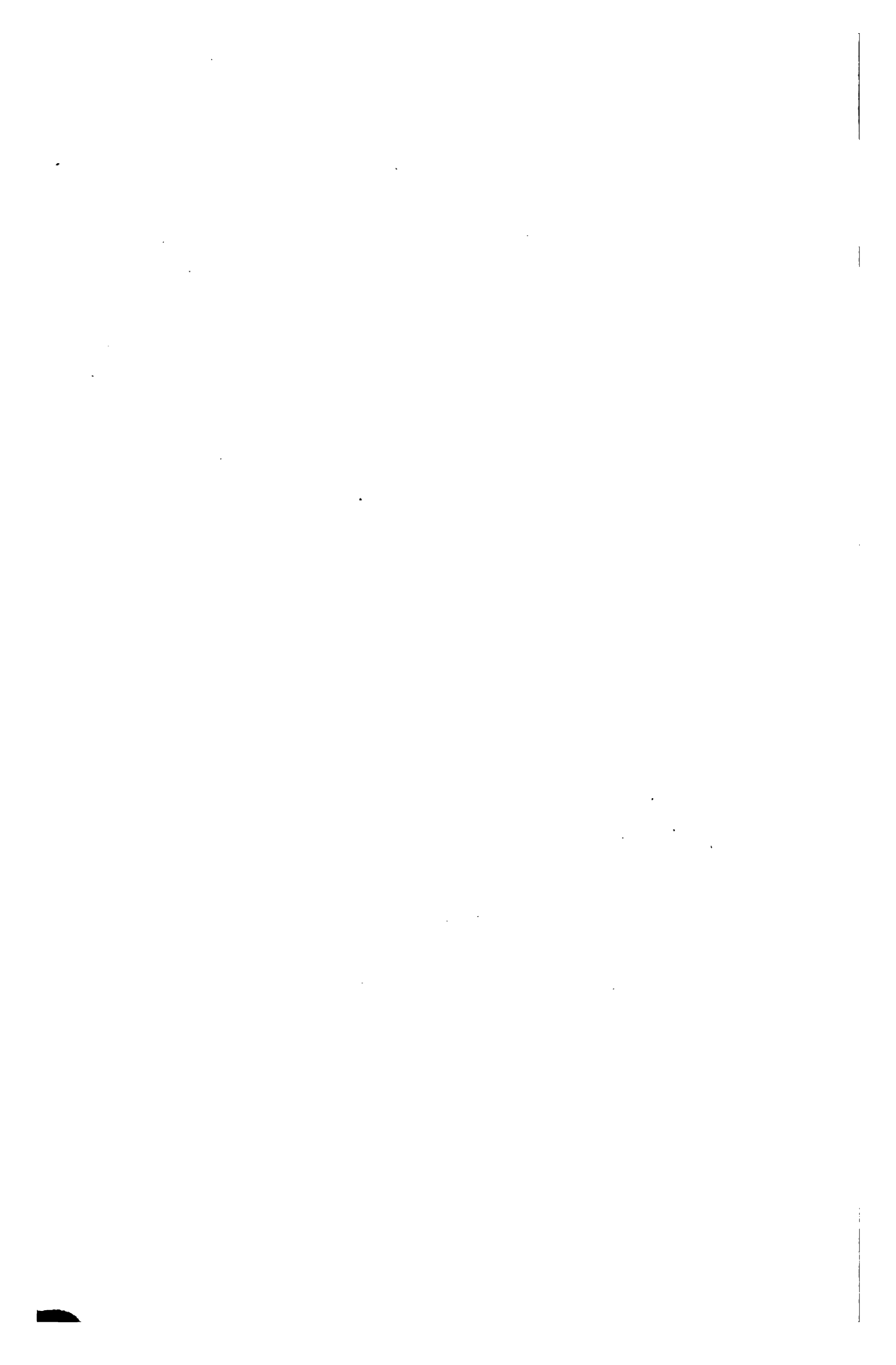

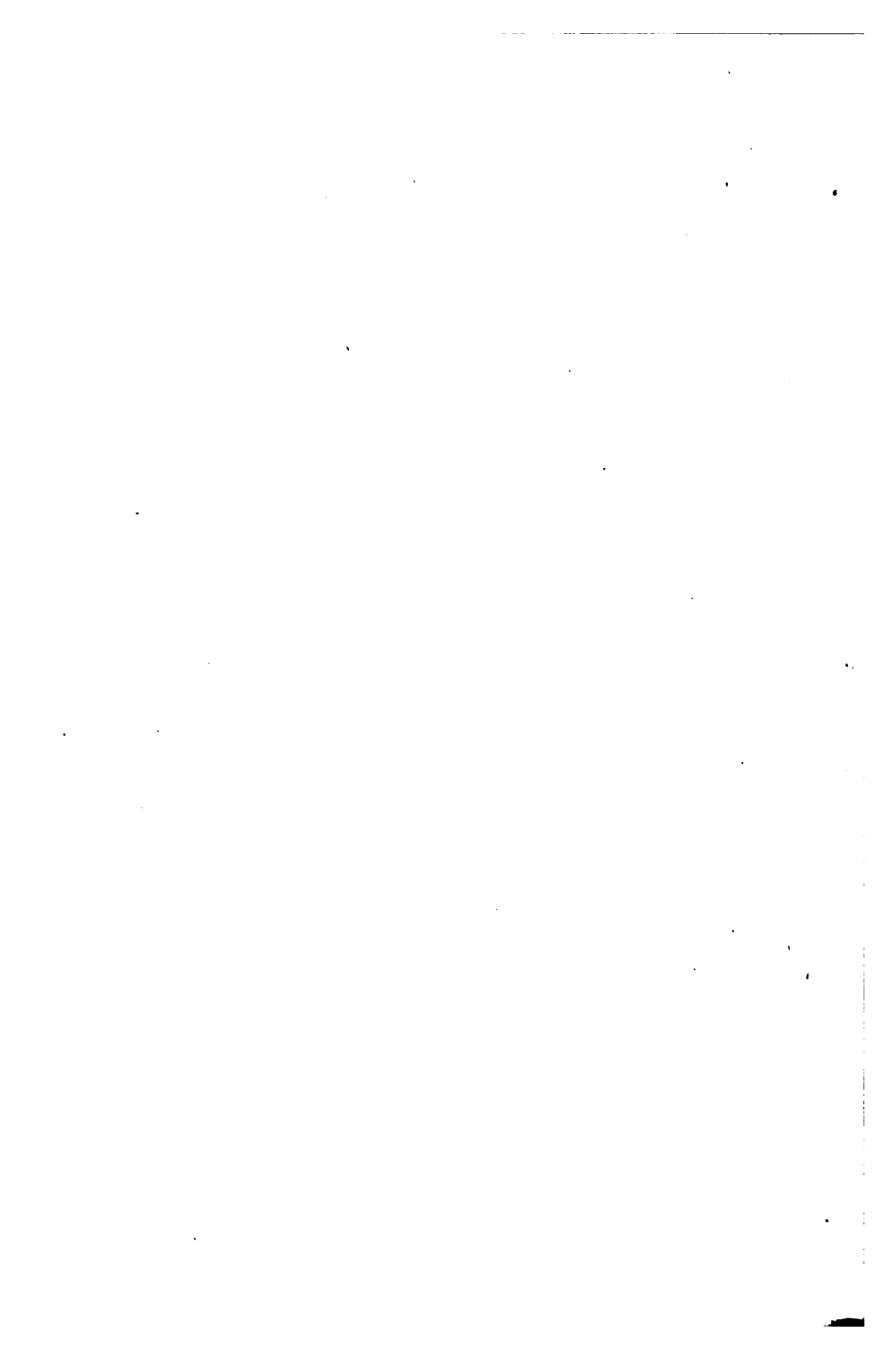

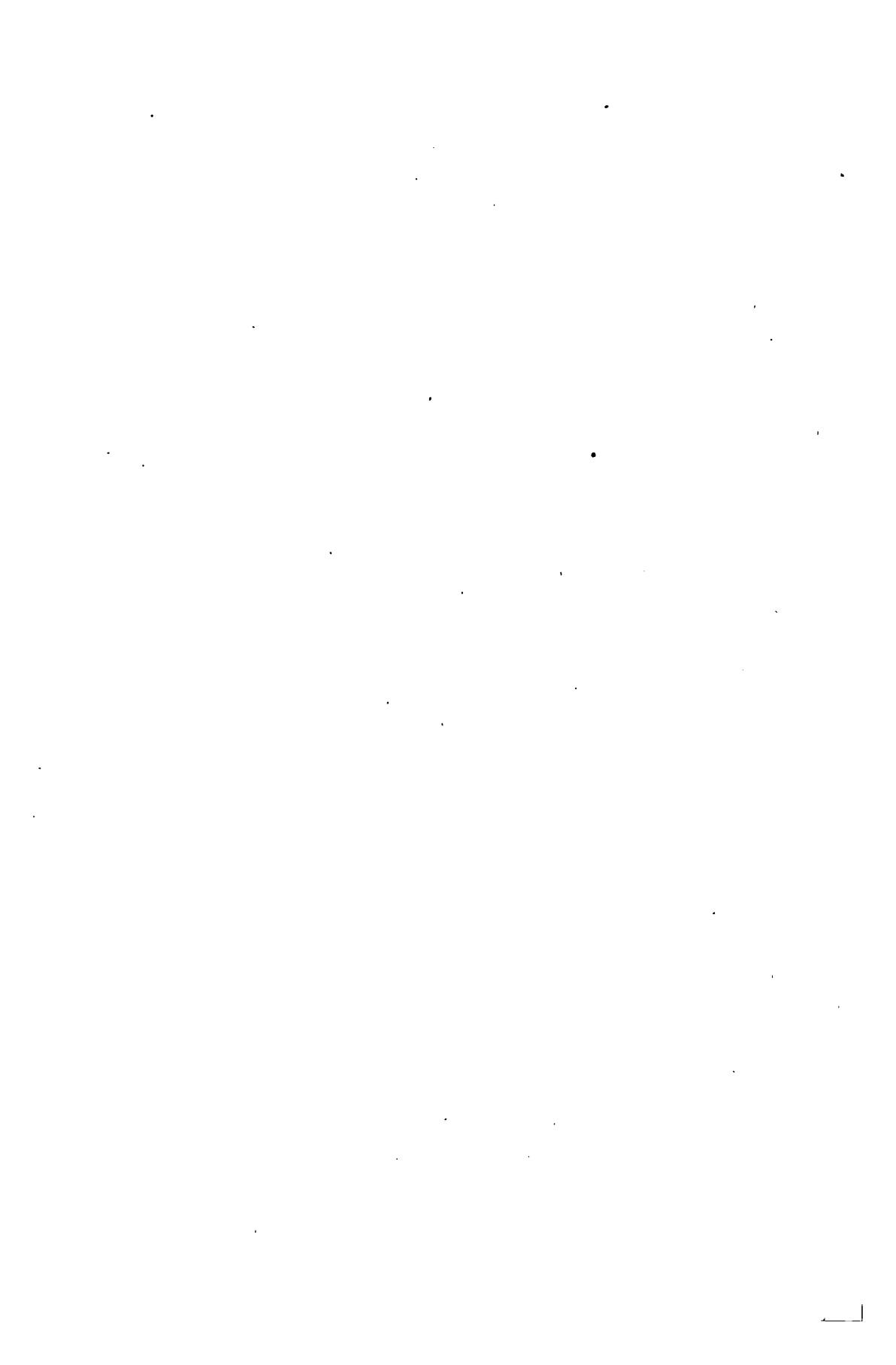

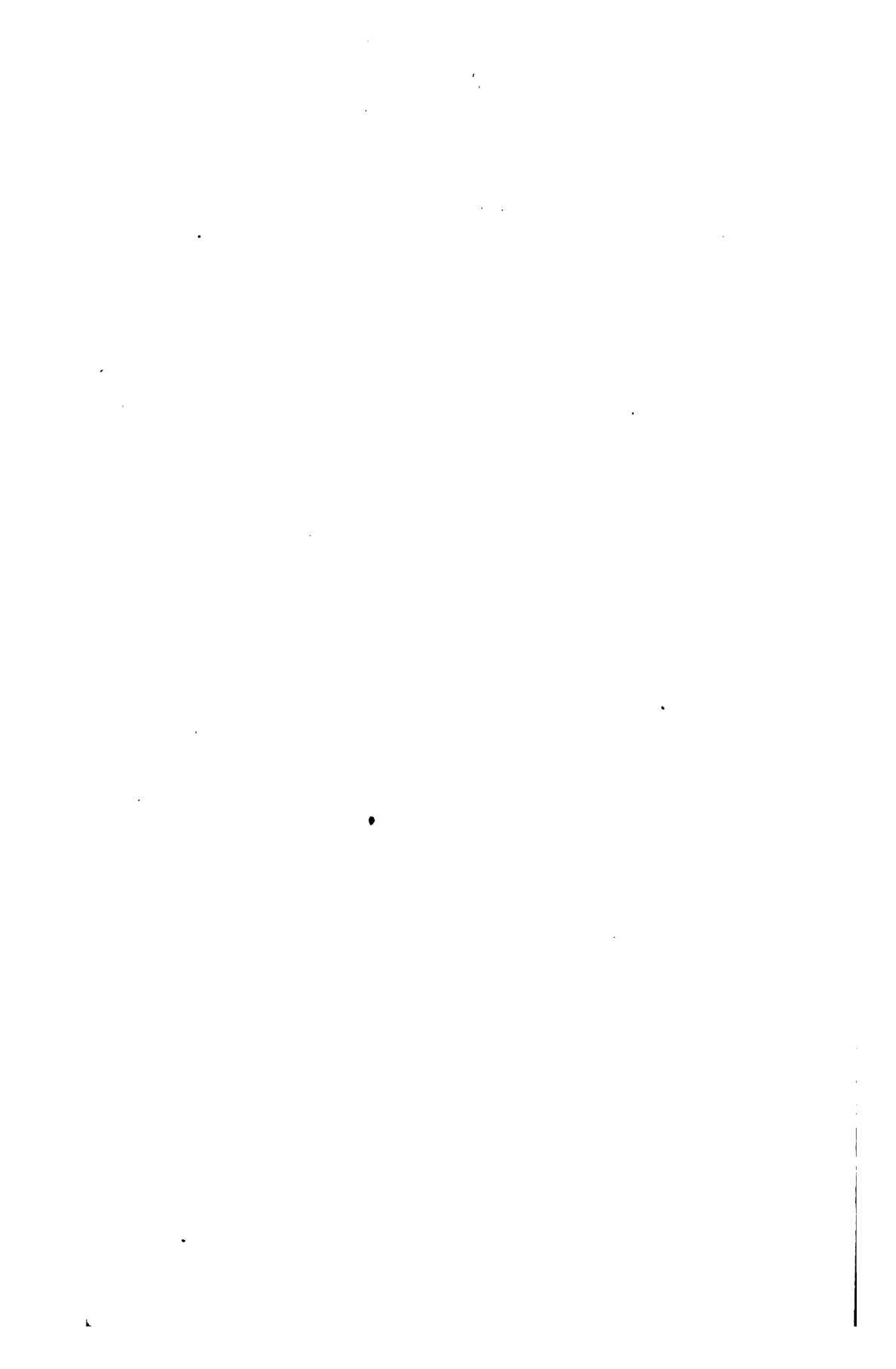

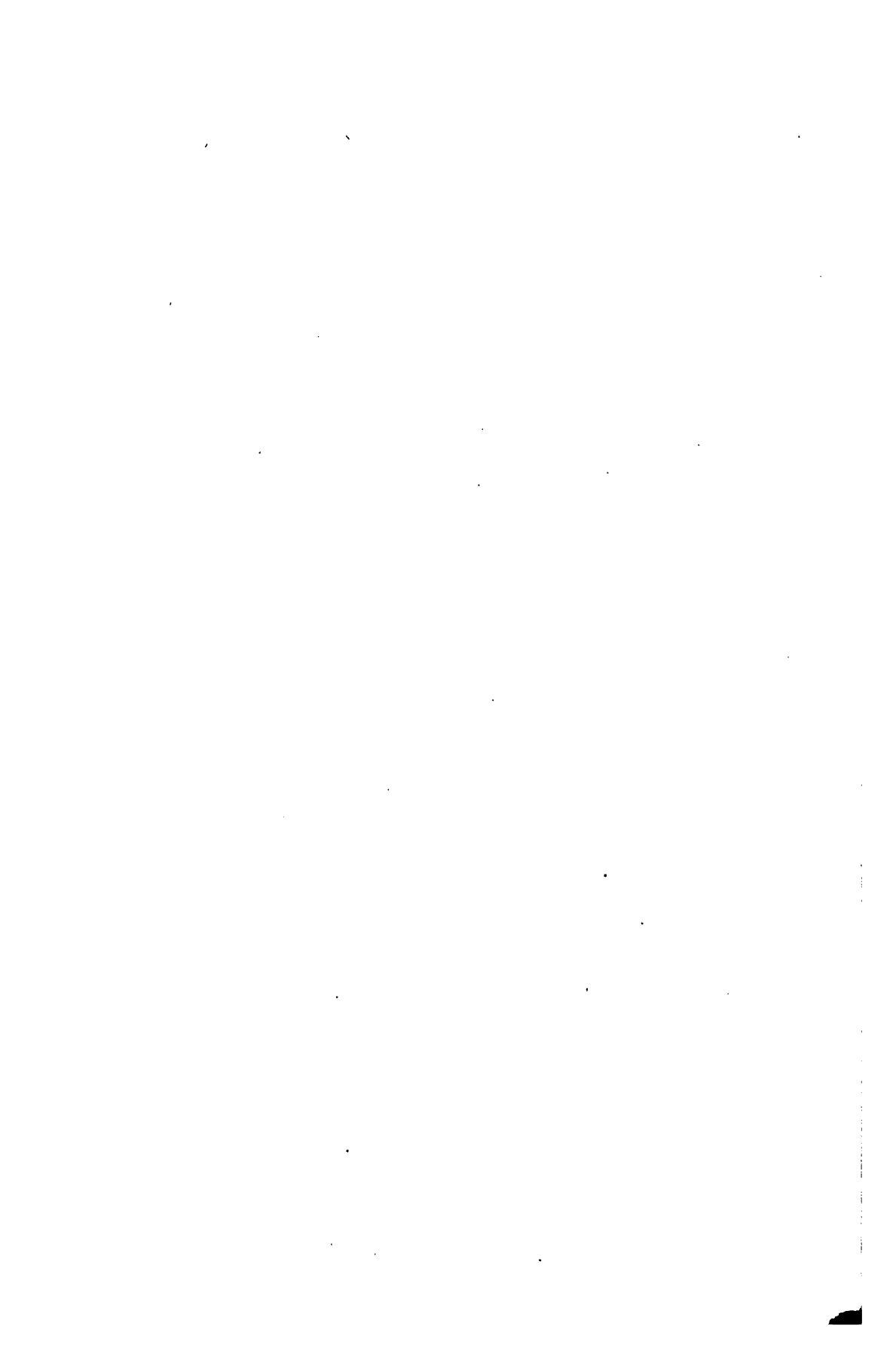

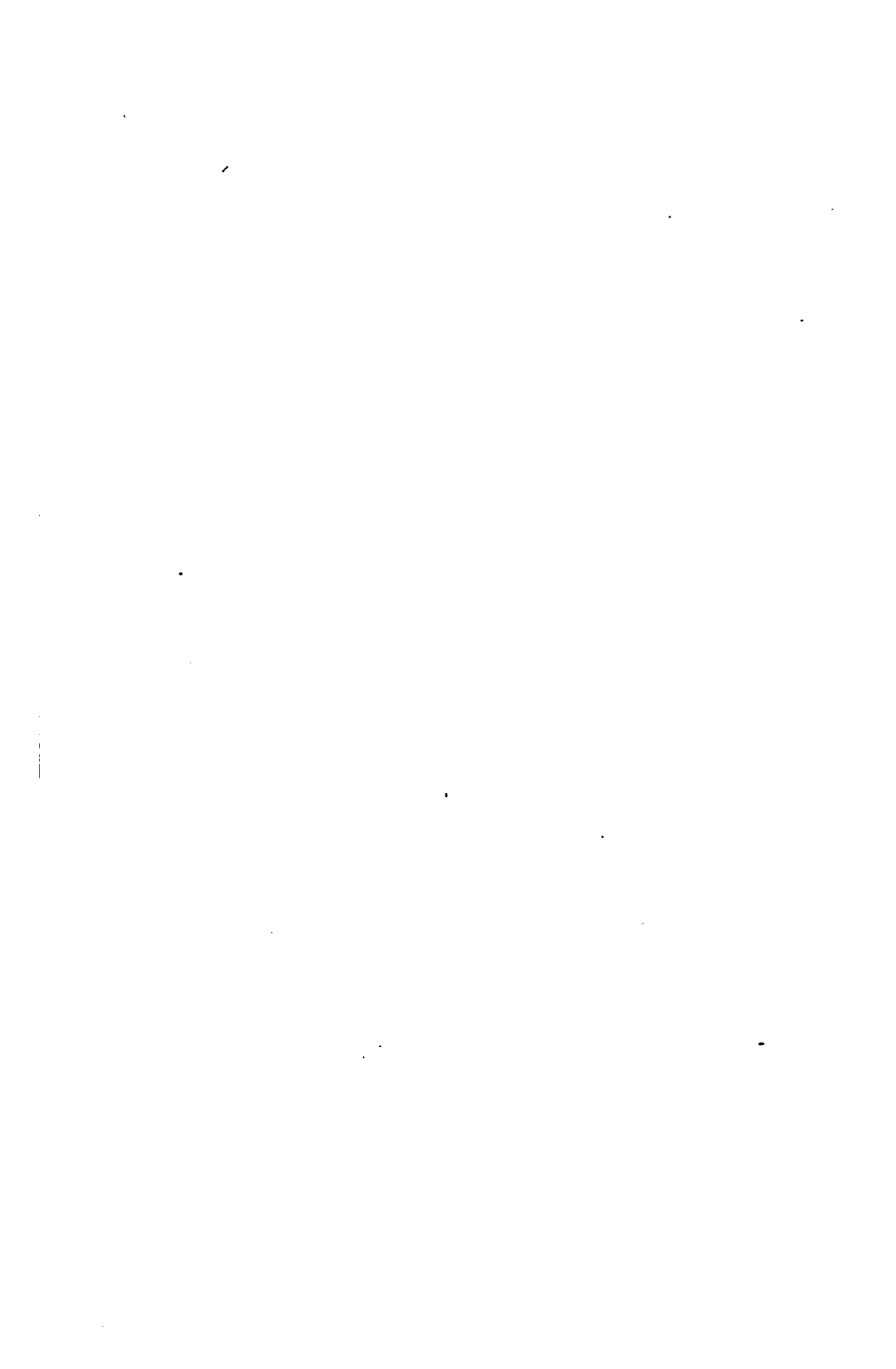

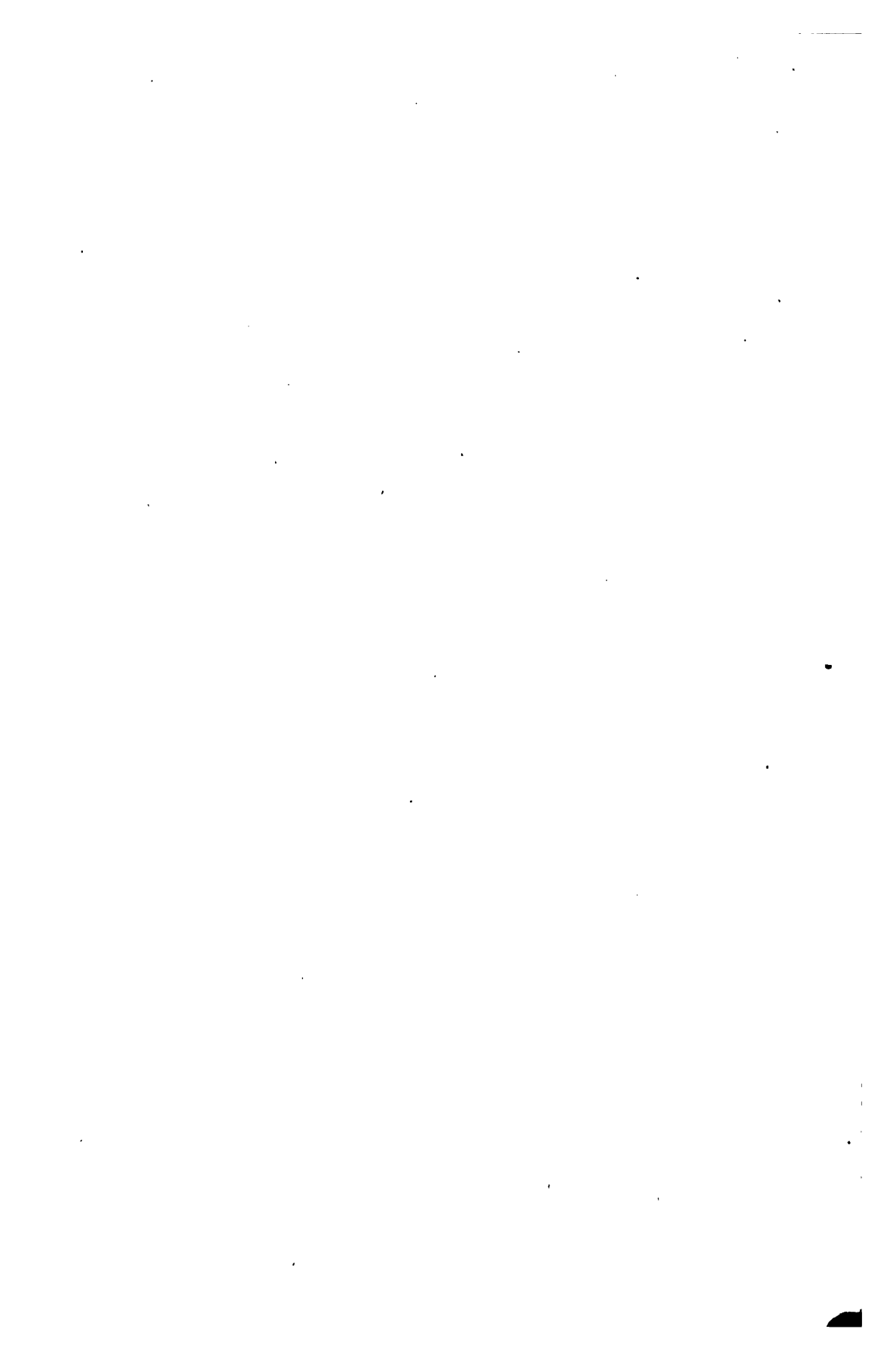

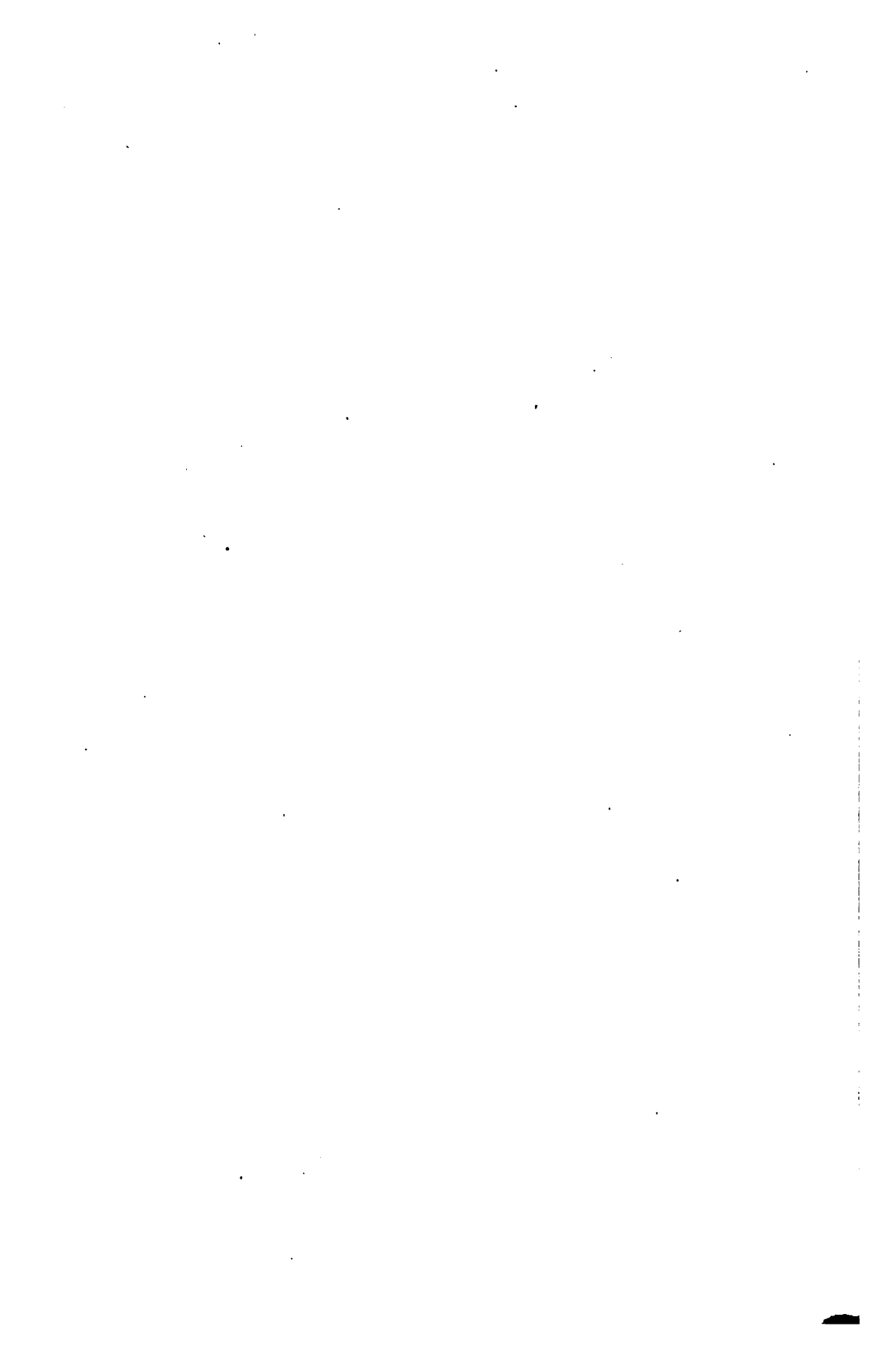

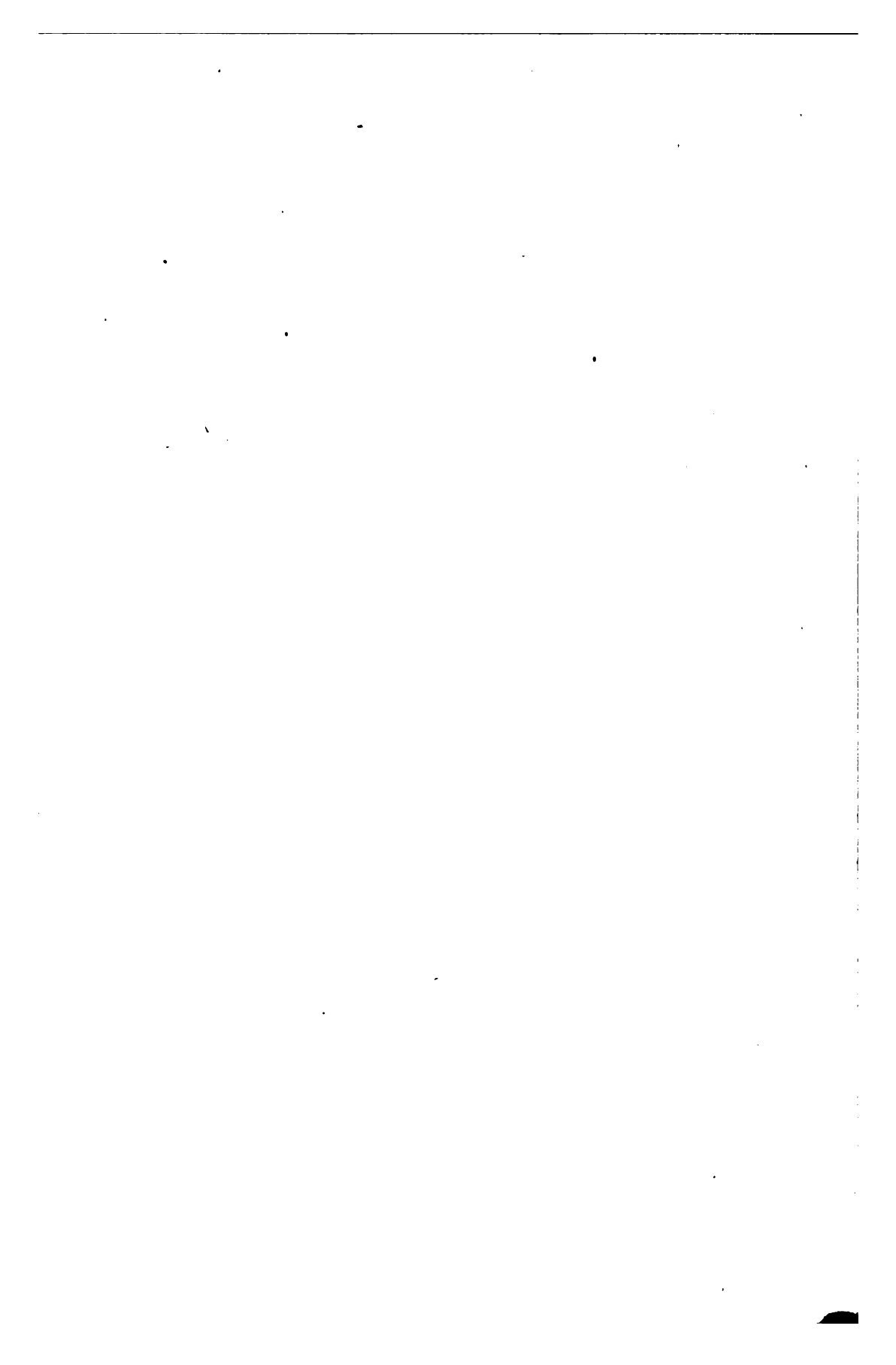

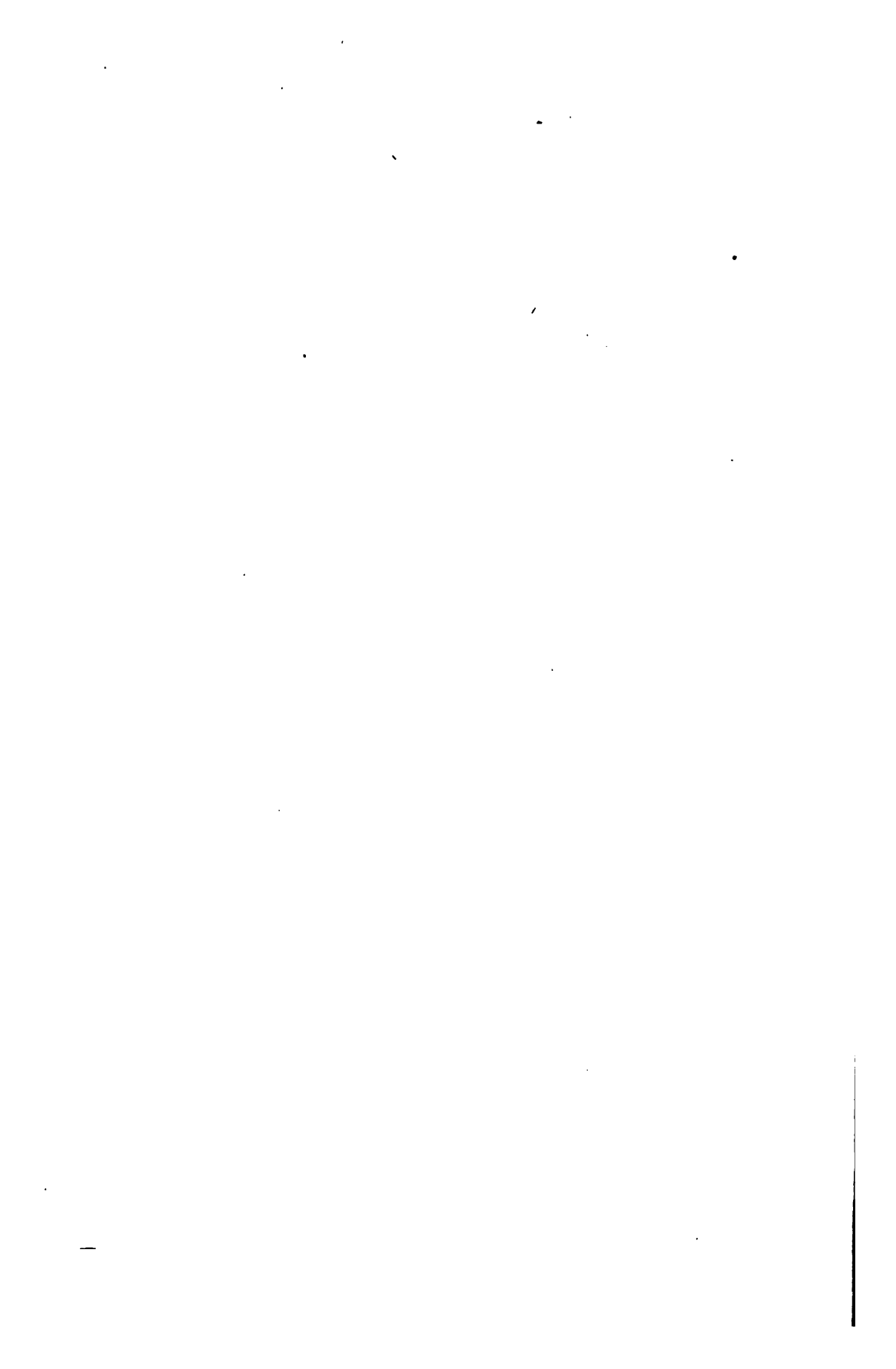

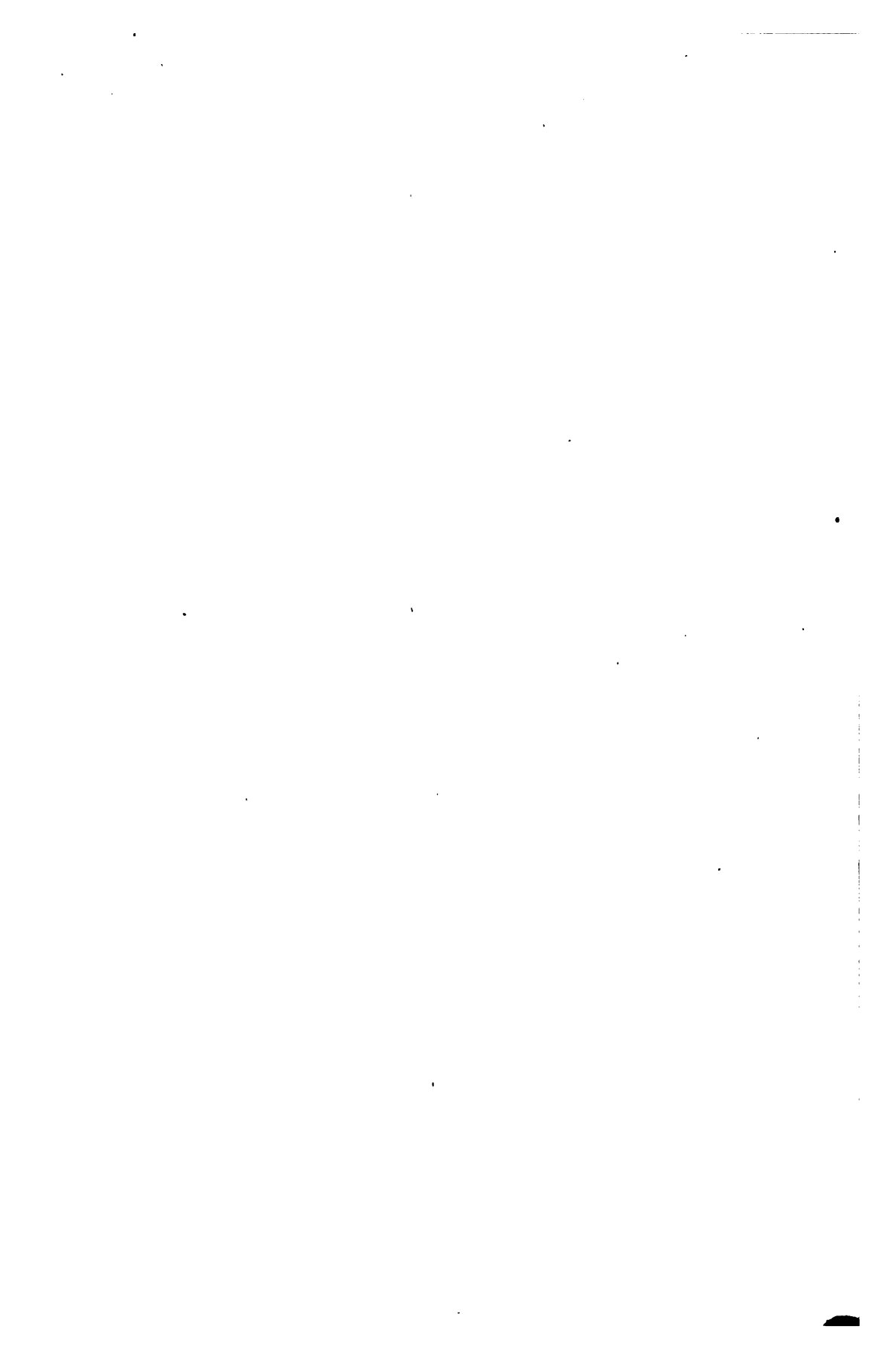

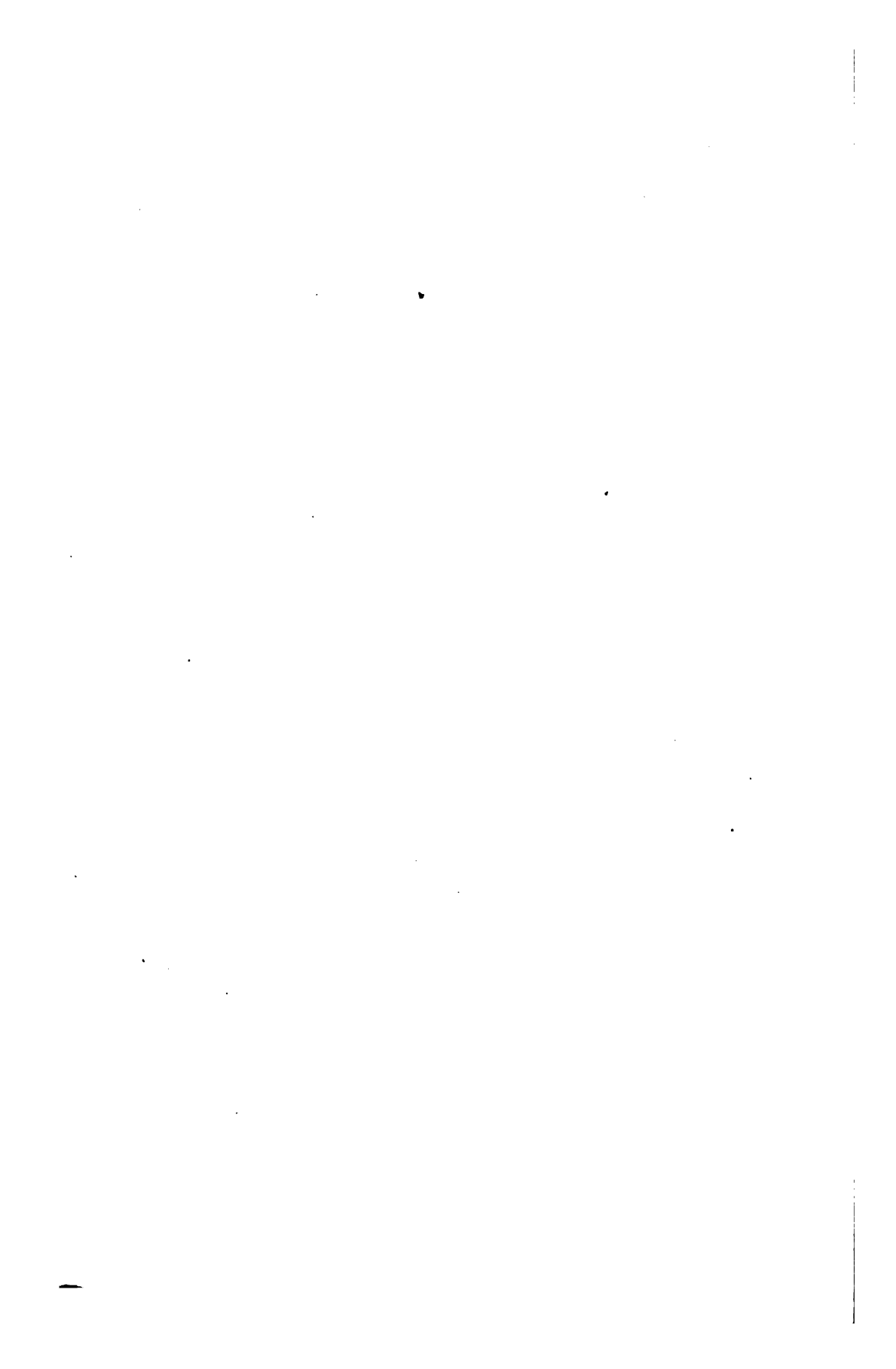

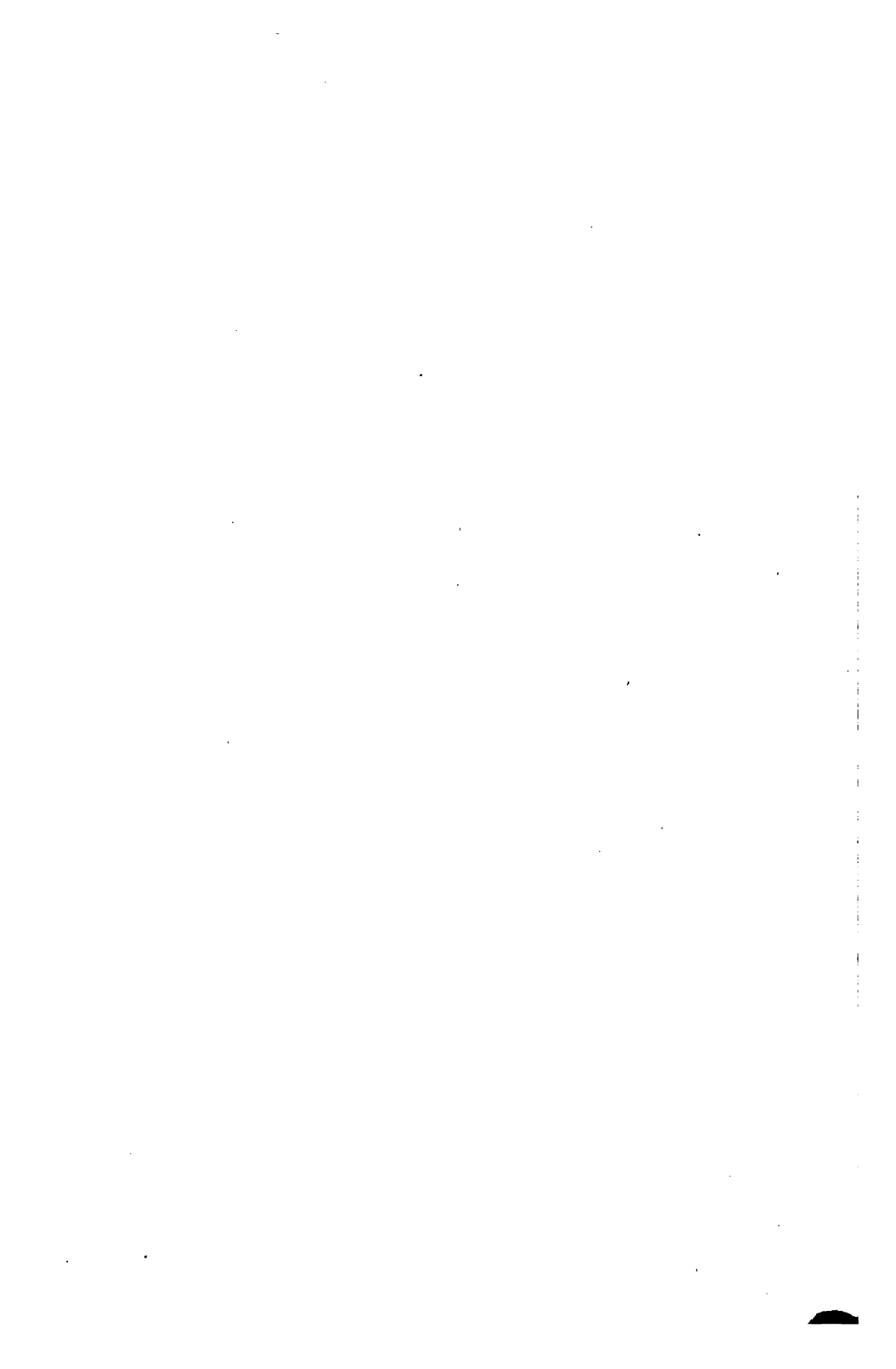

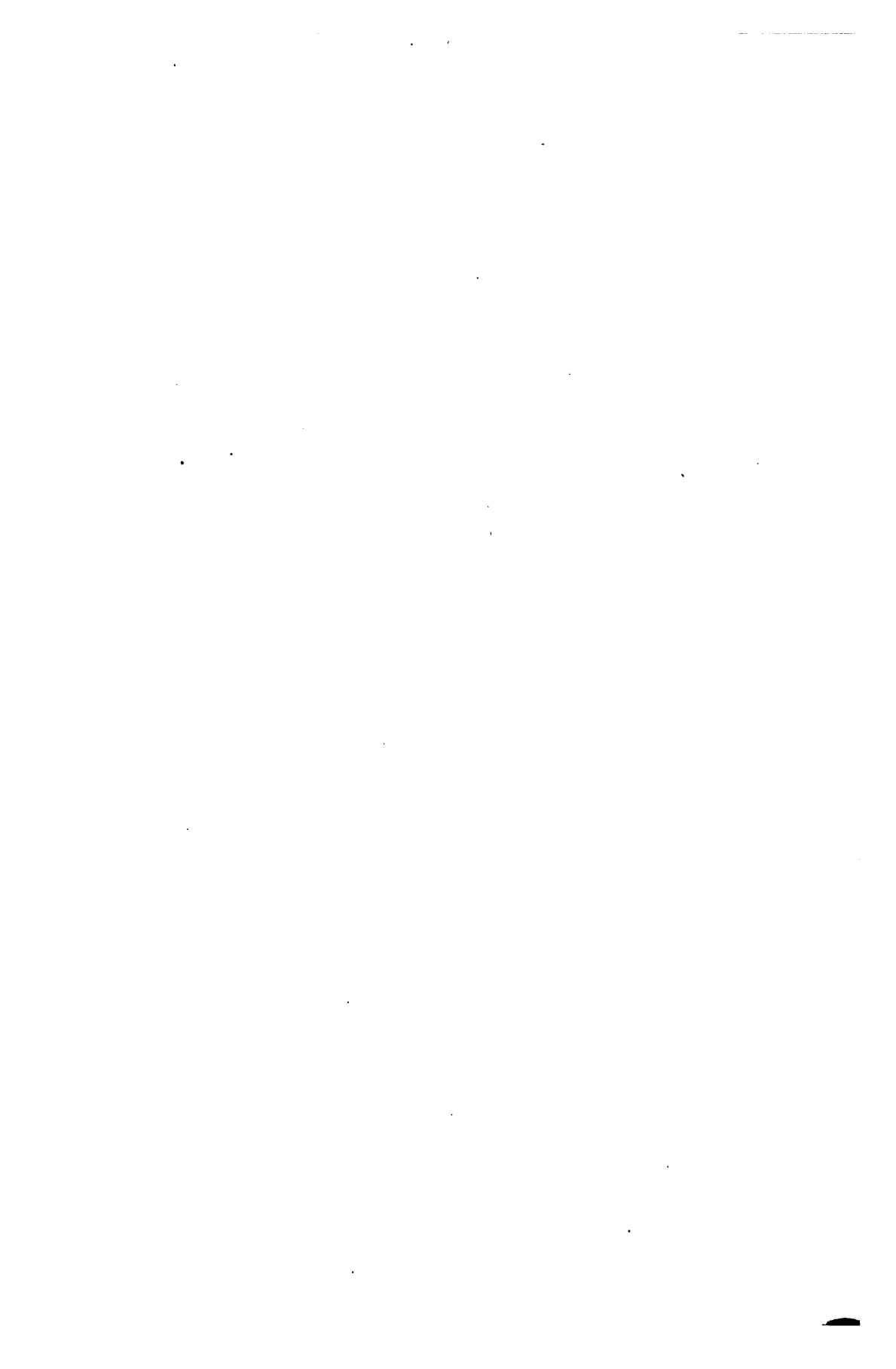

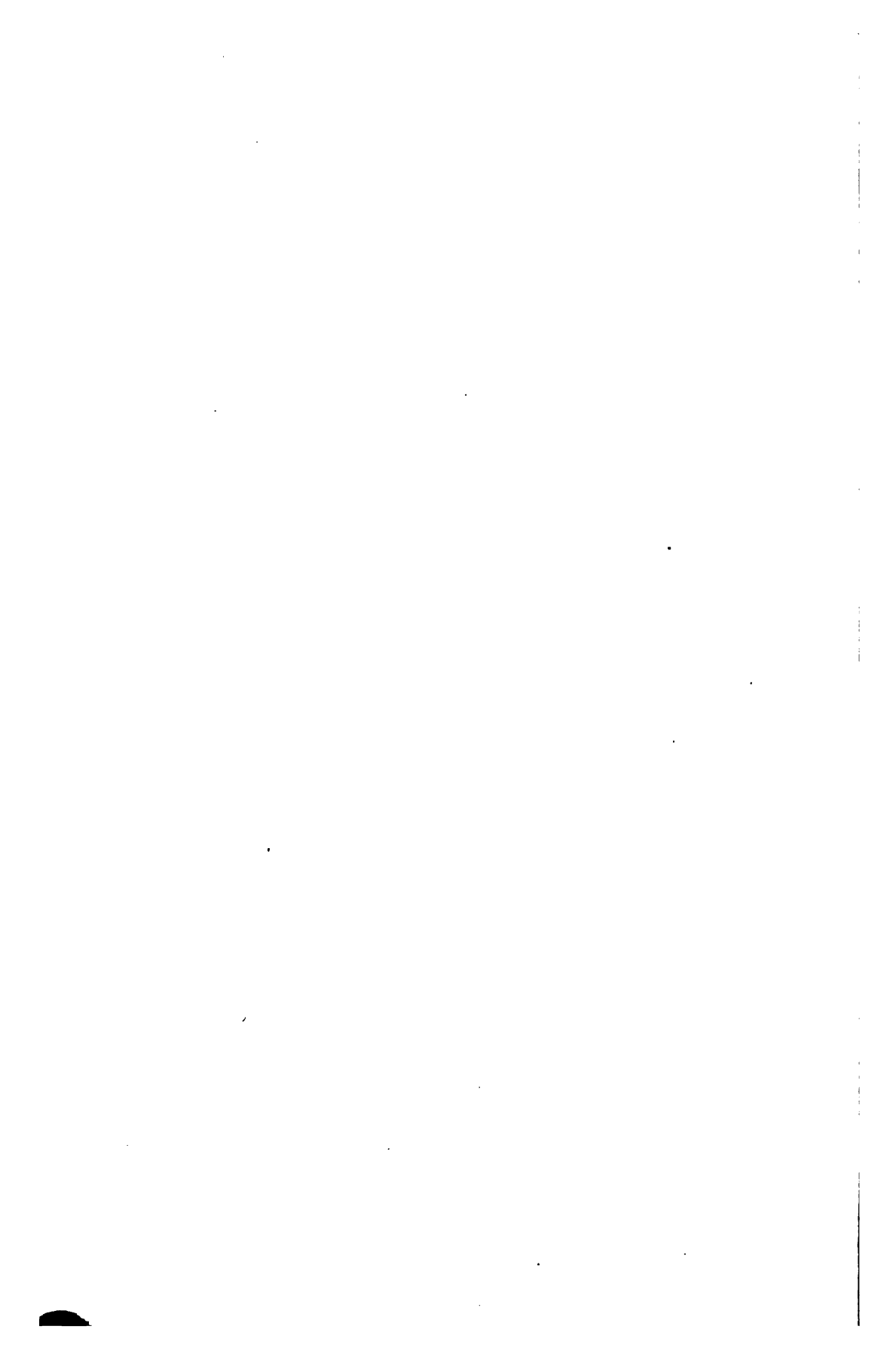

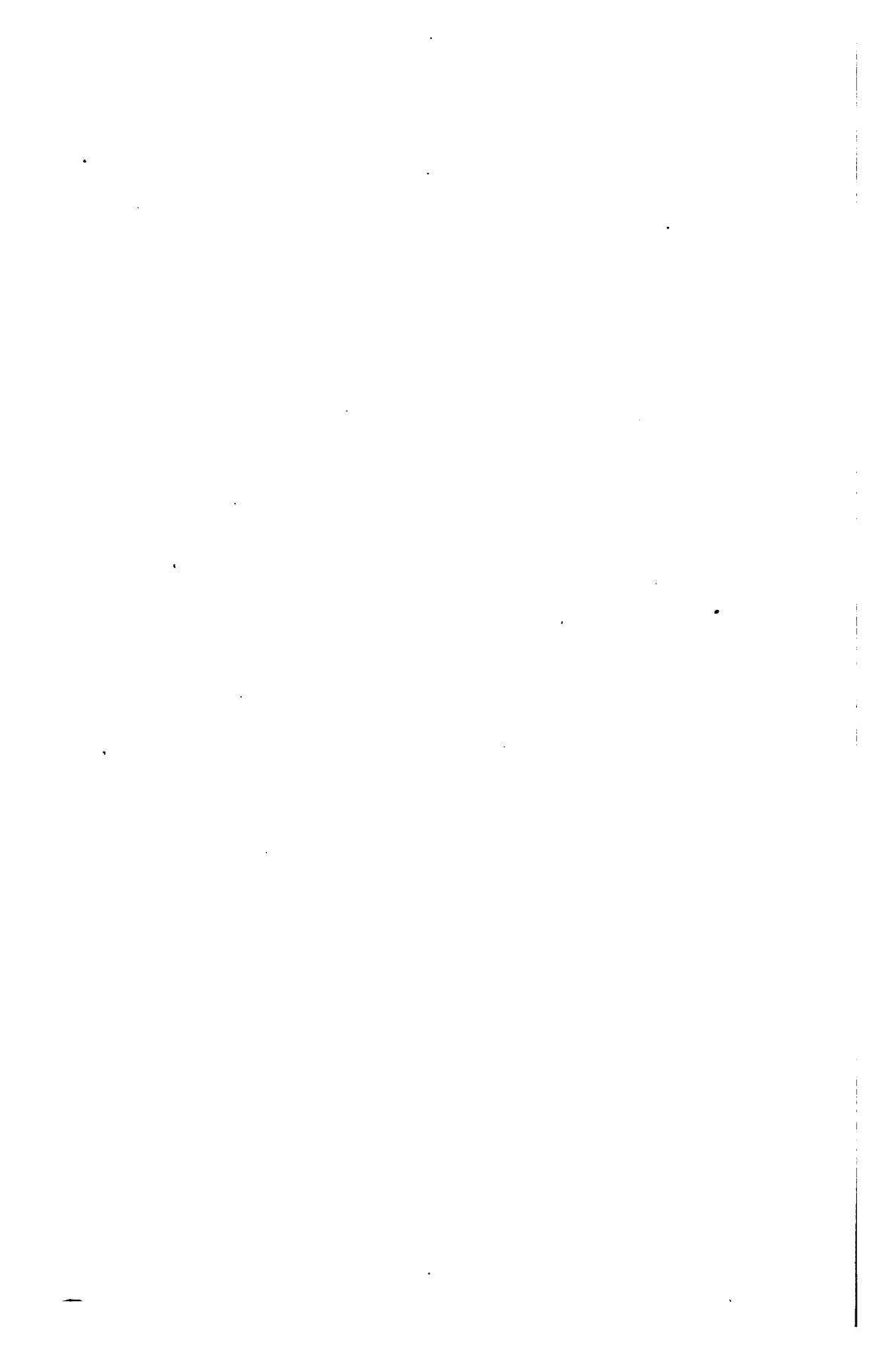

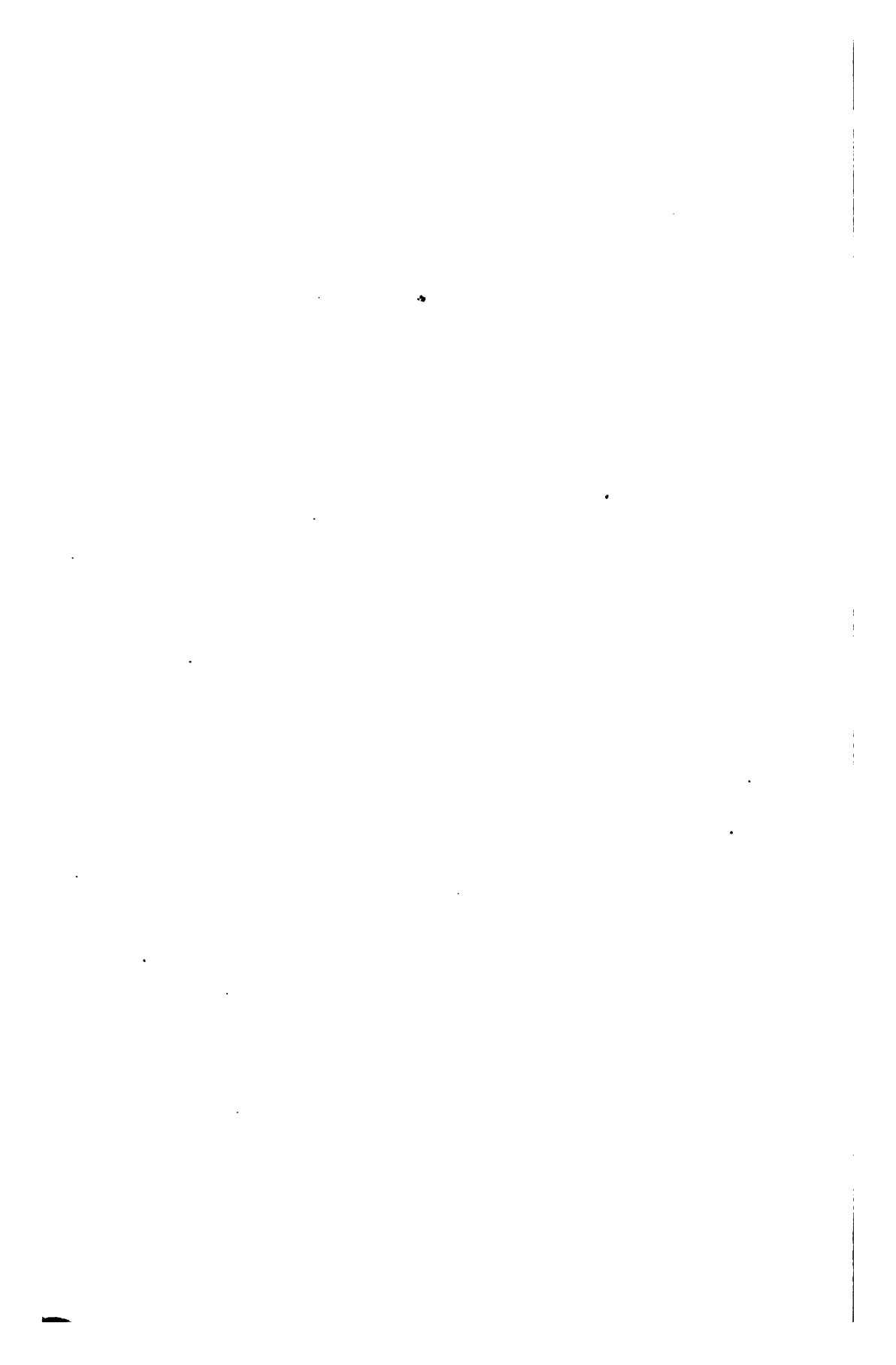

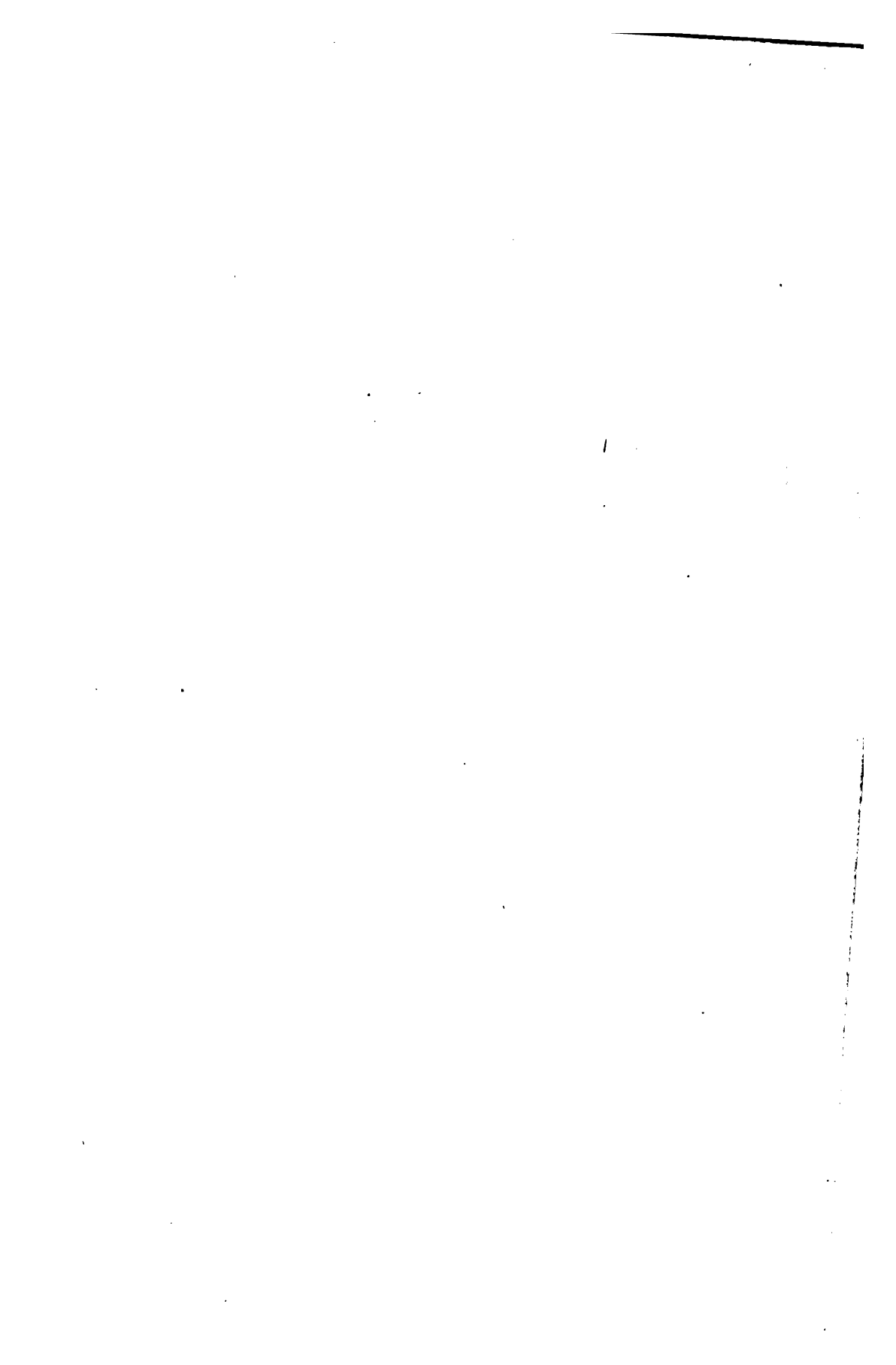

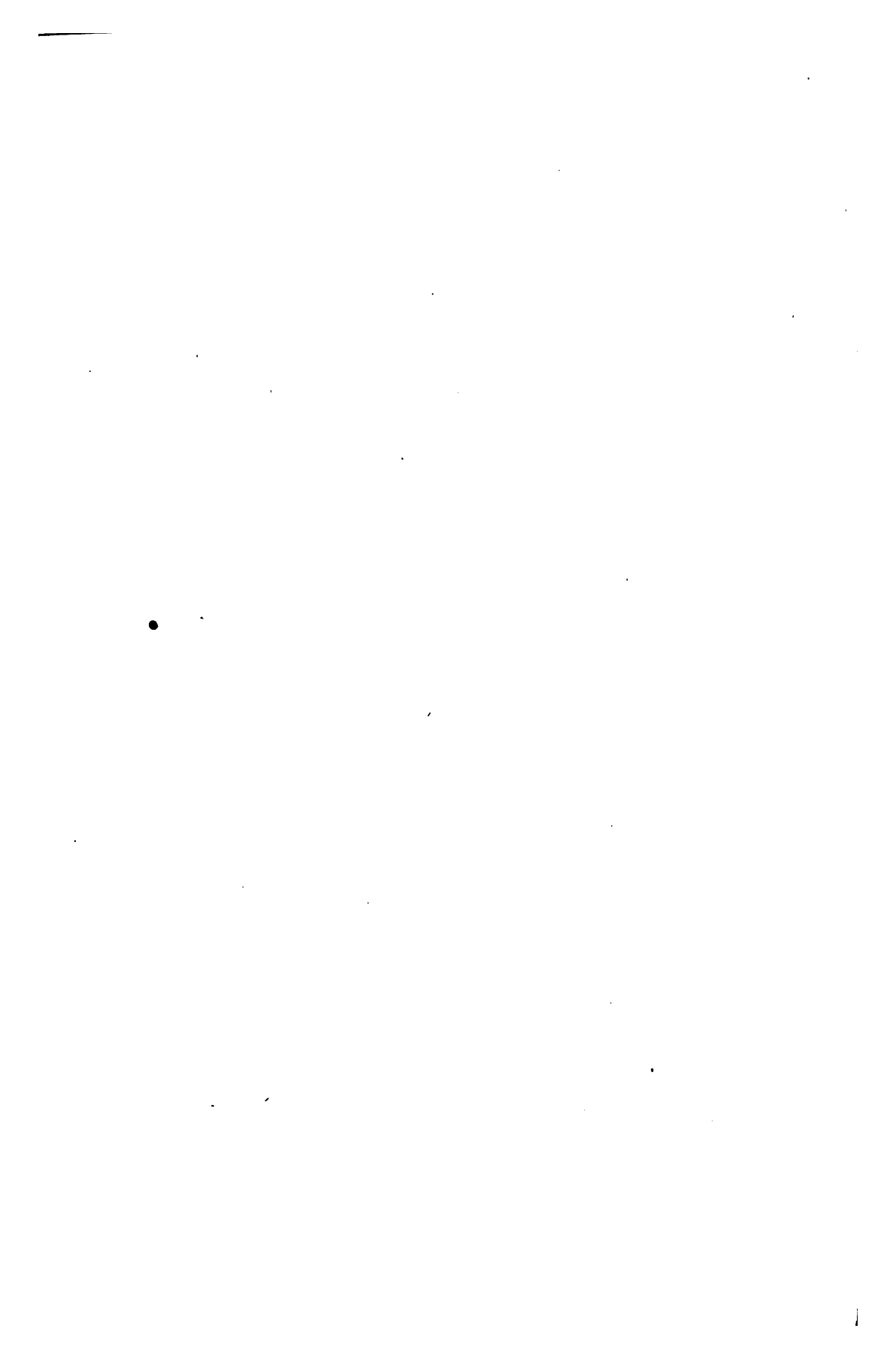

Vertical line on the right side of the page.

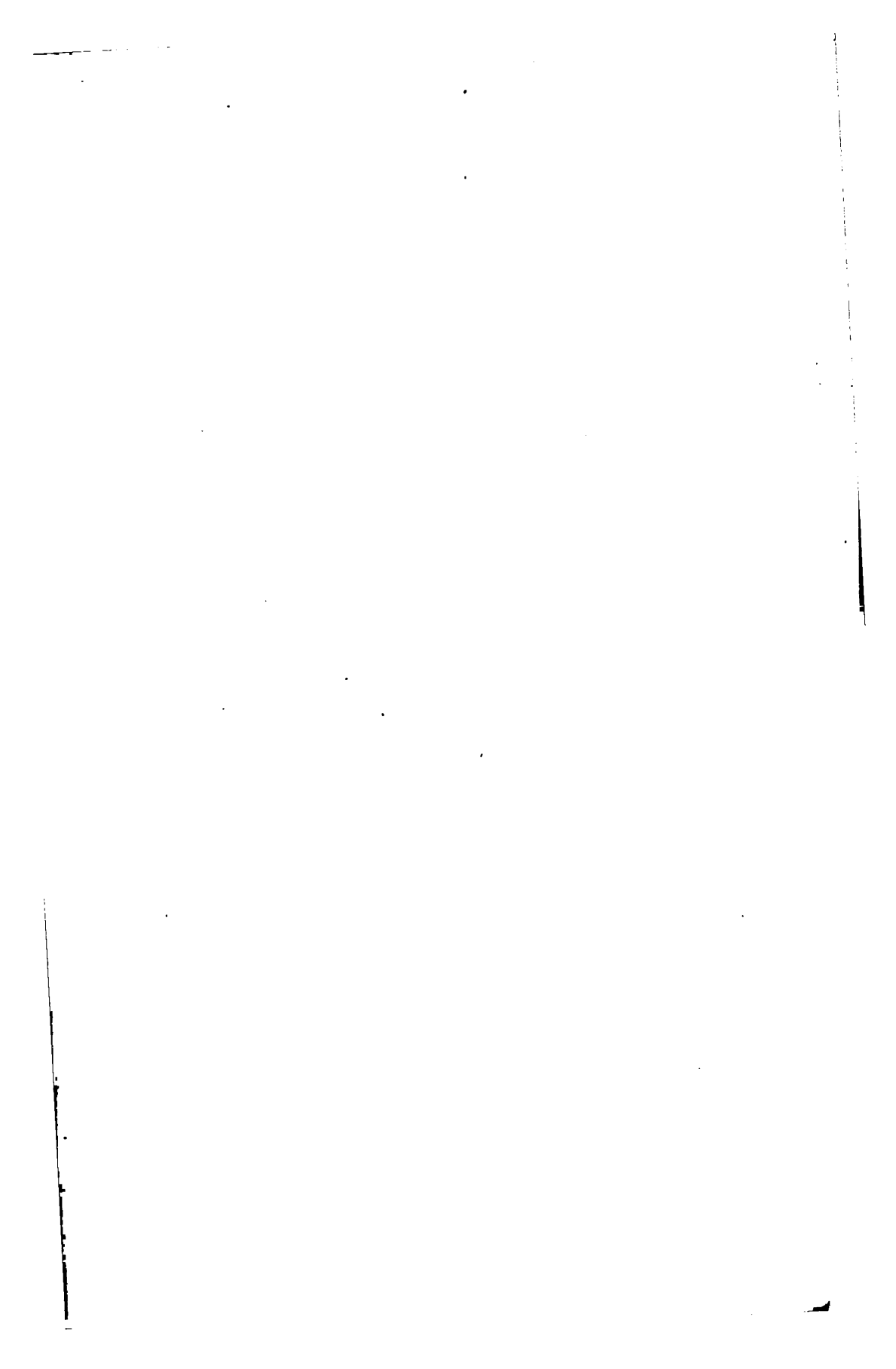

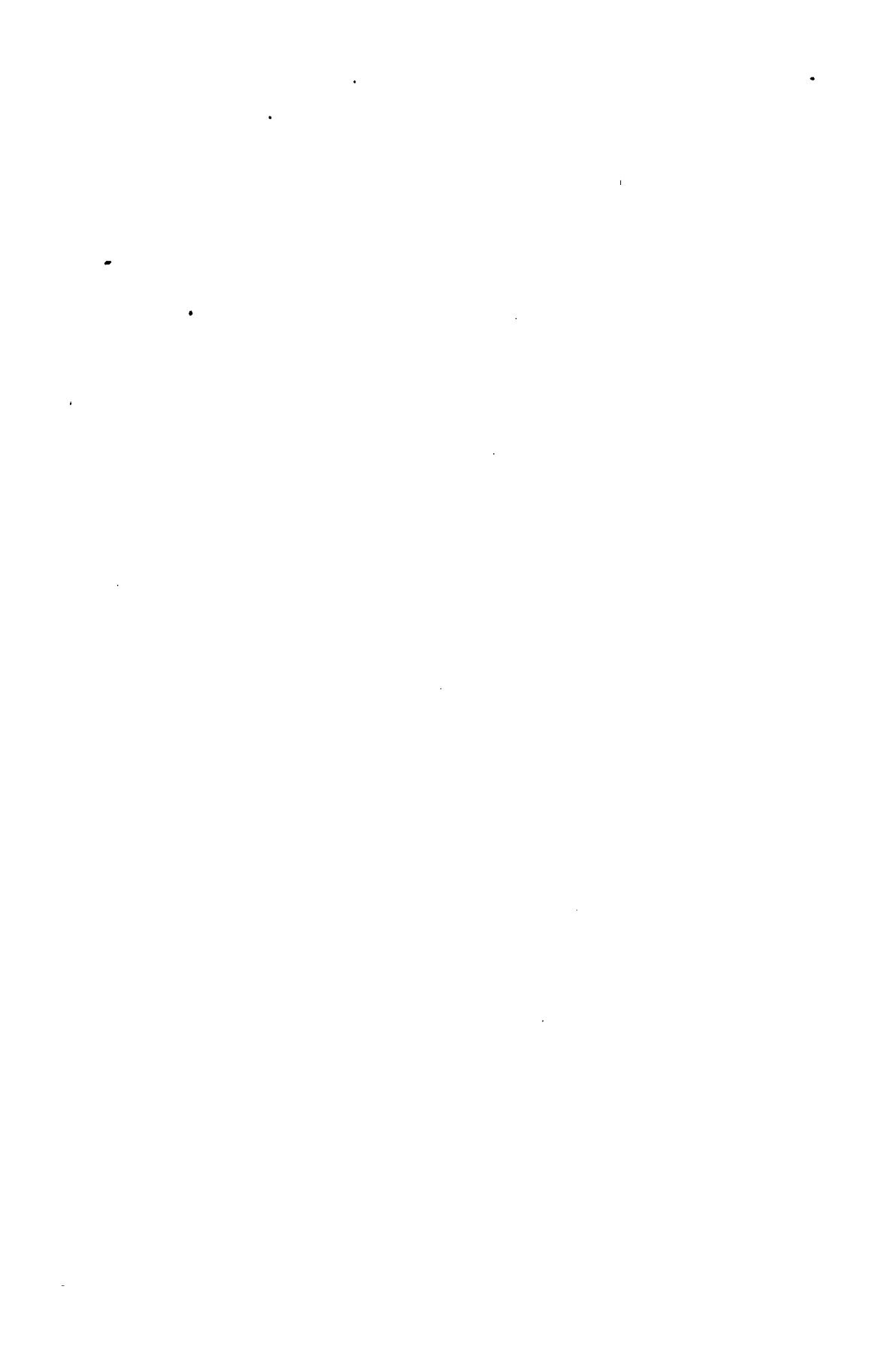

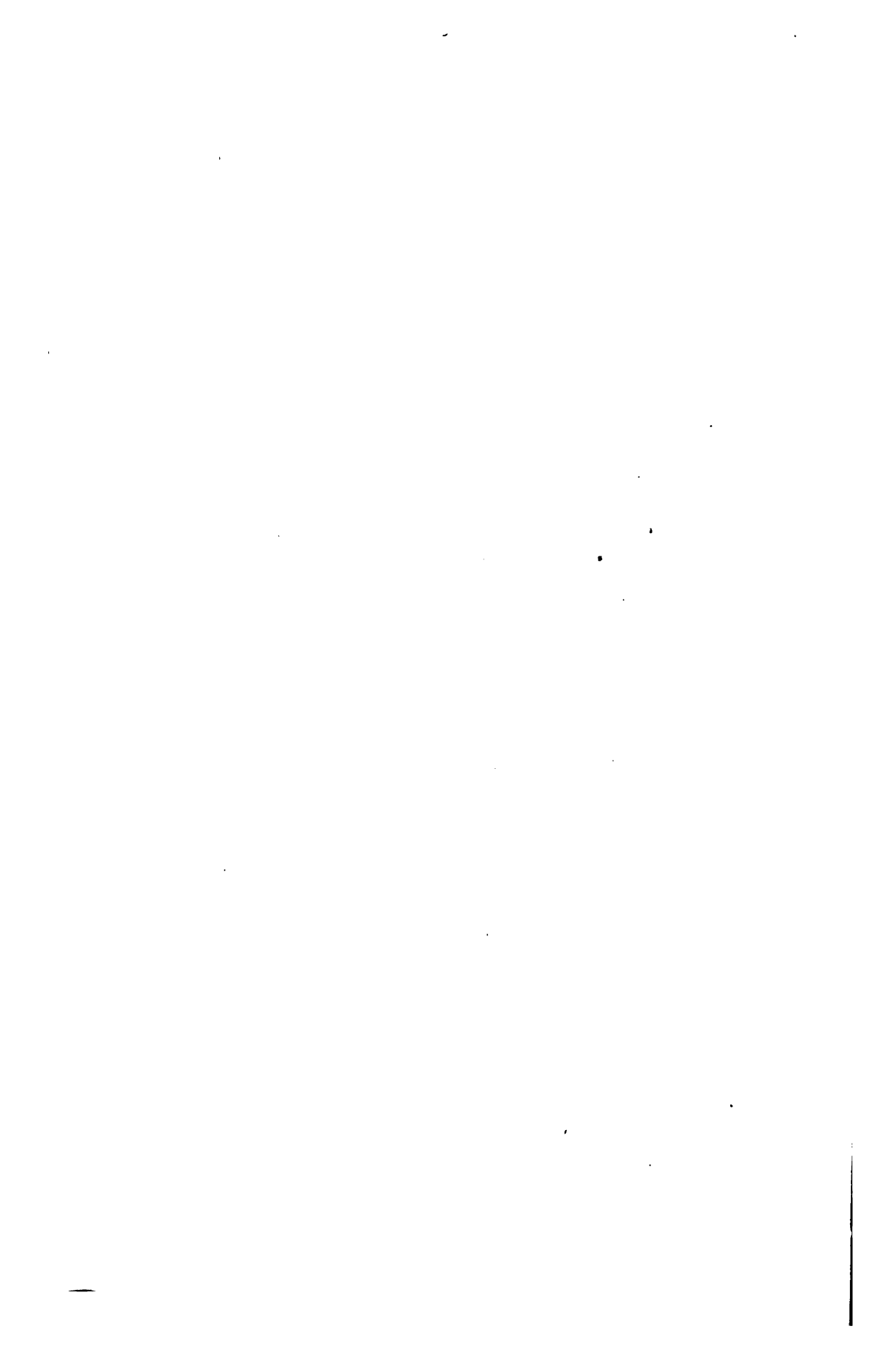

_____

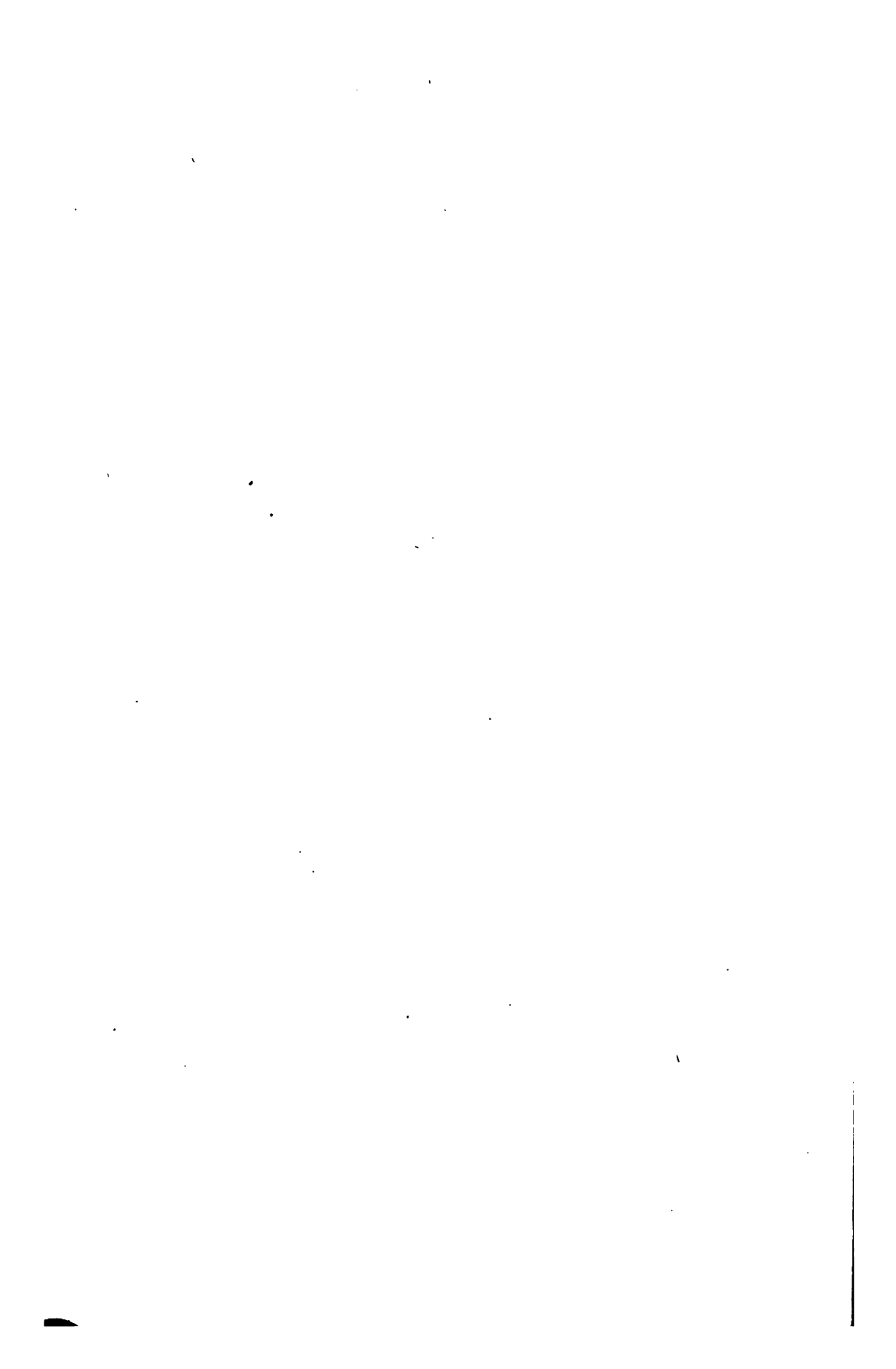

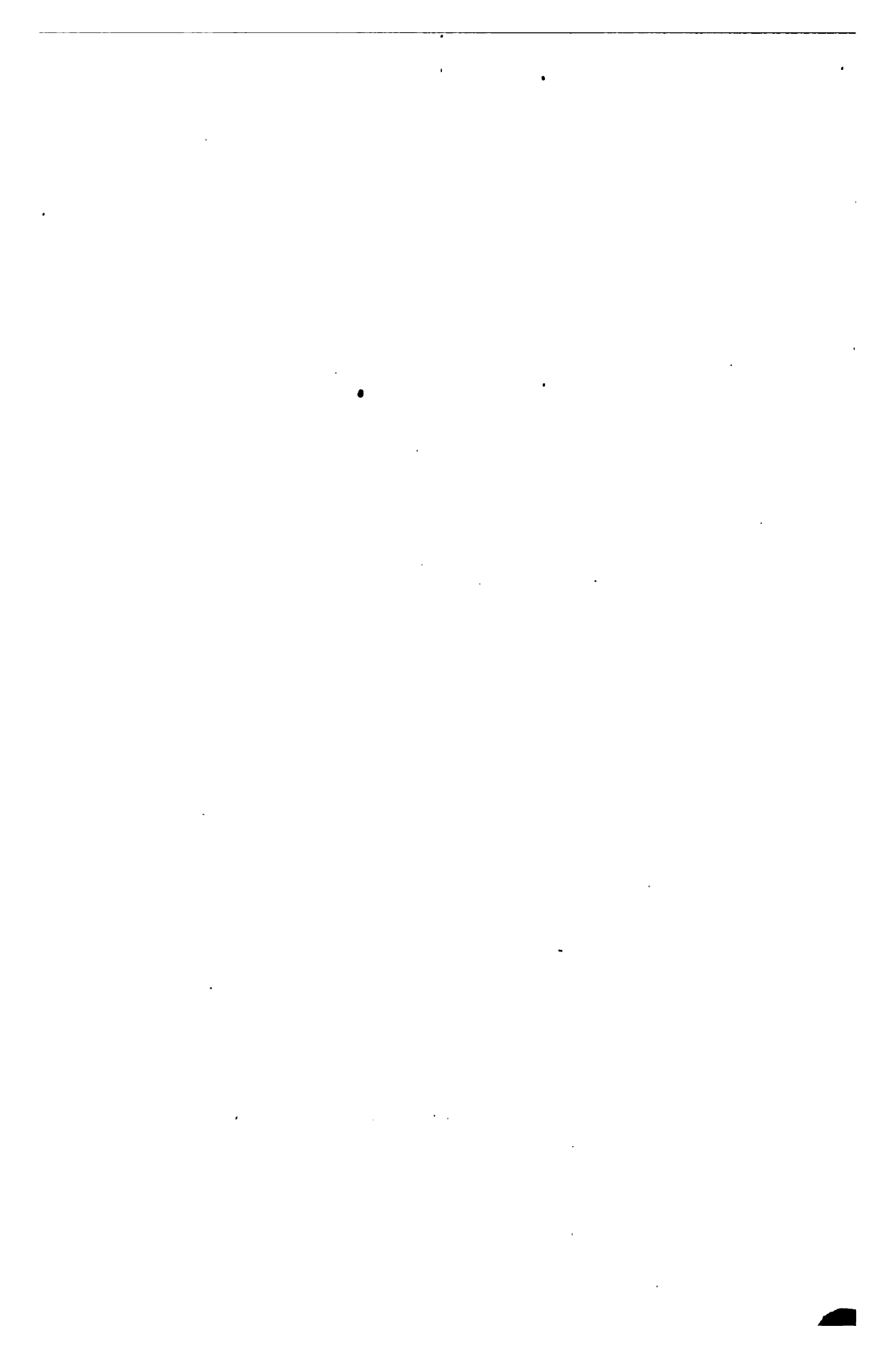

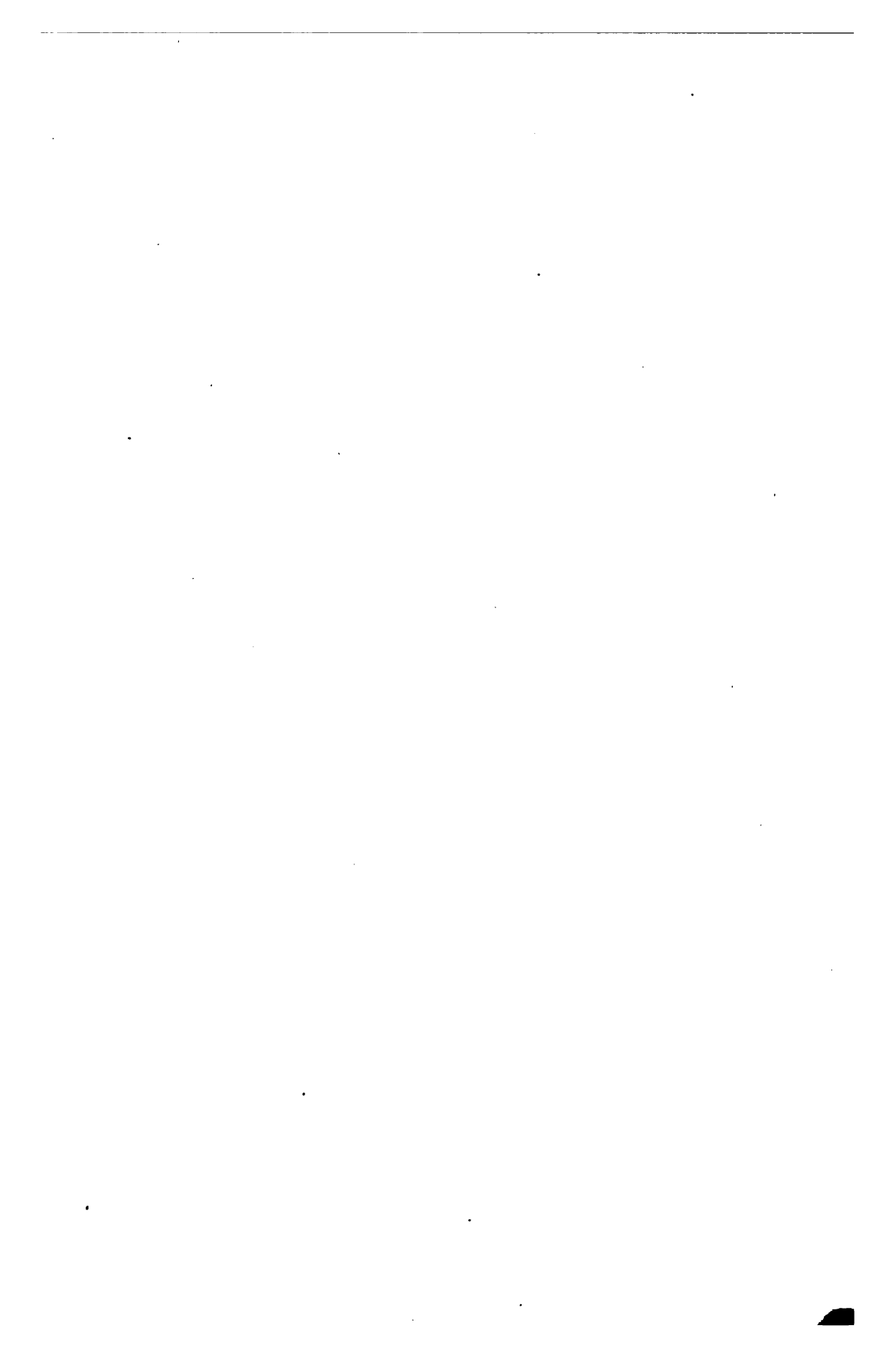

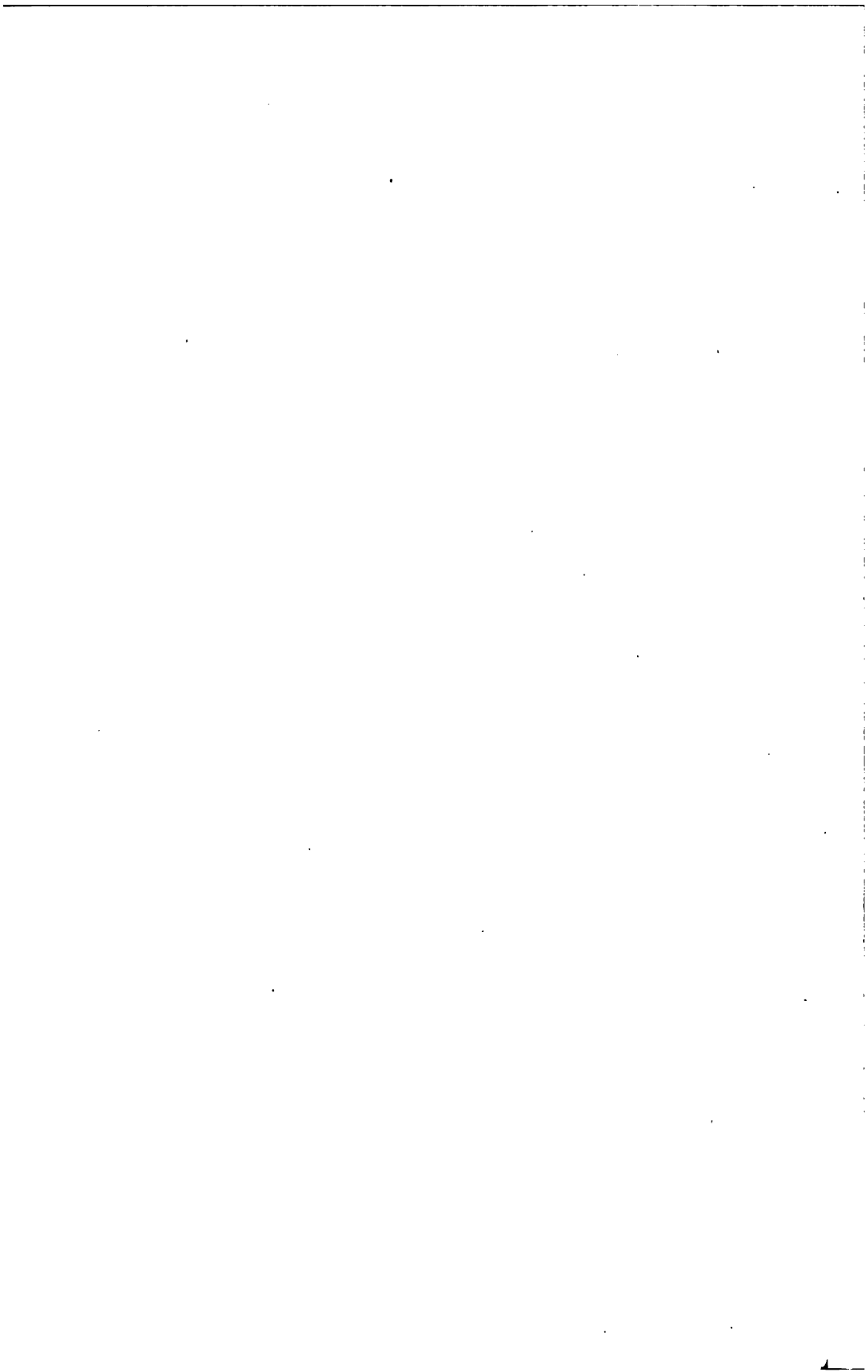

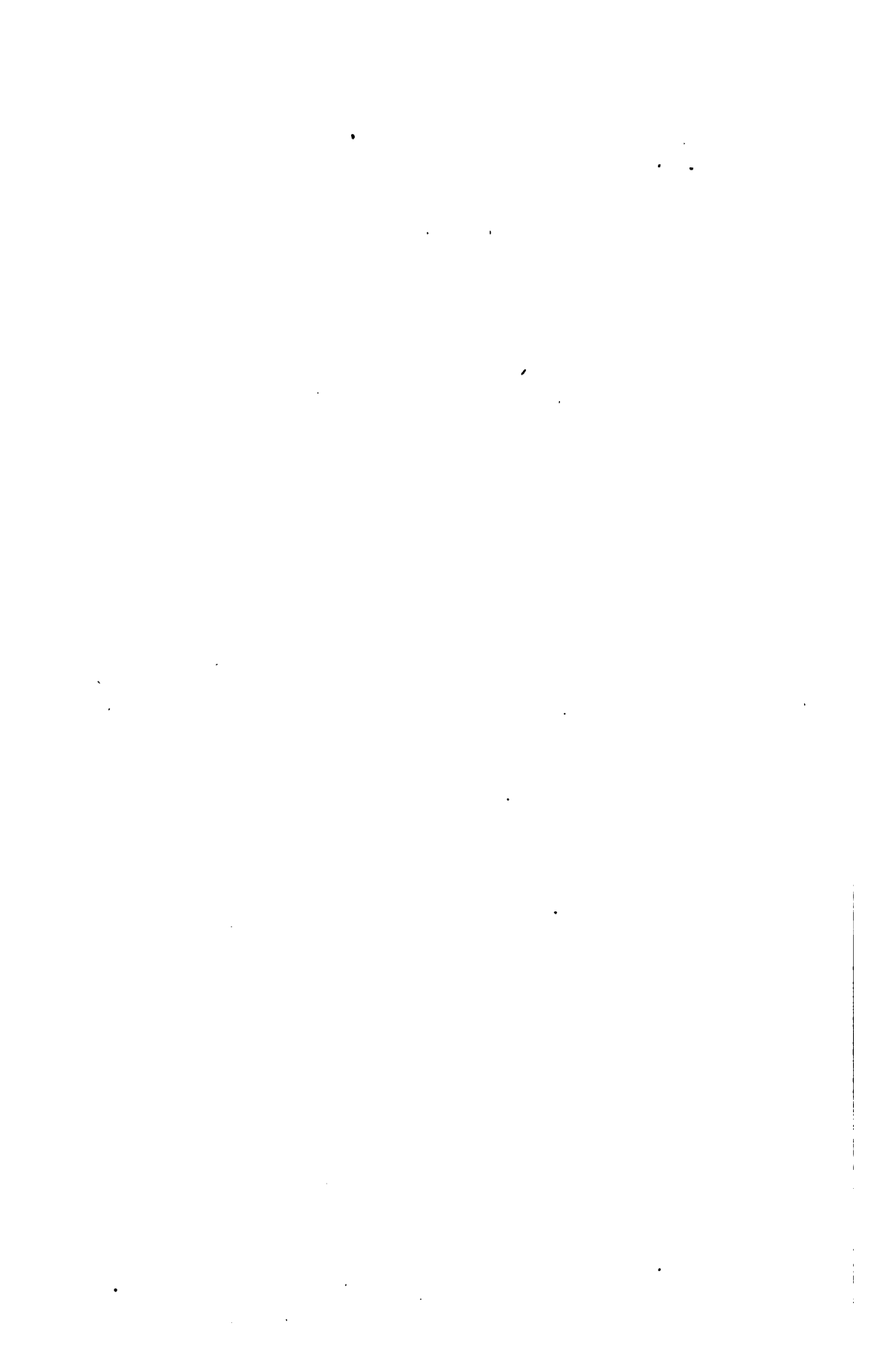
_____

■

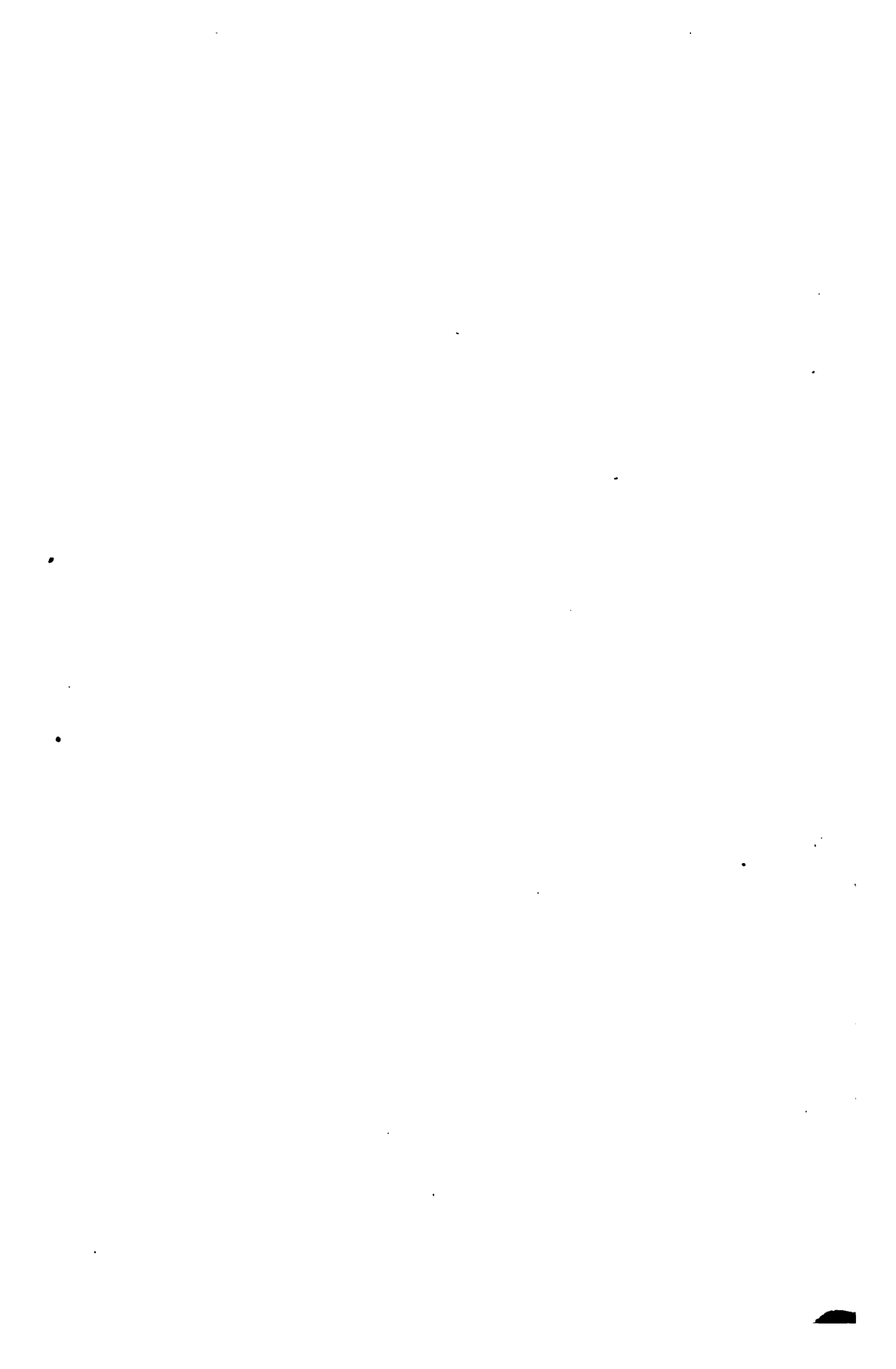

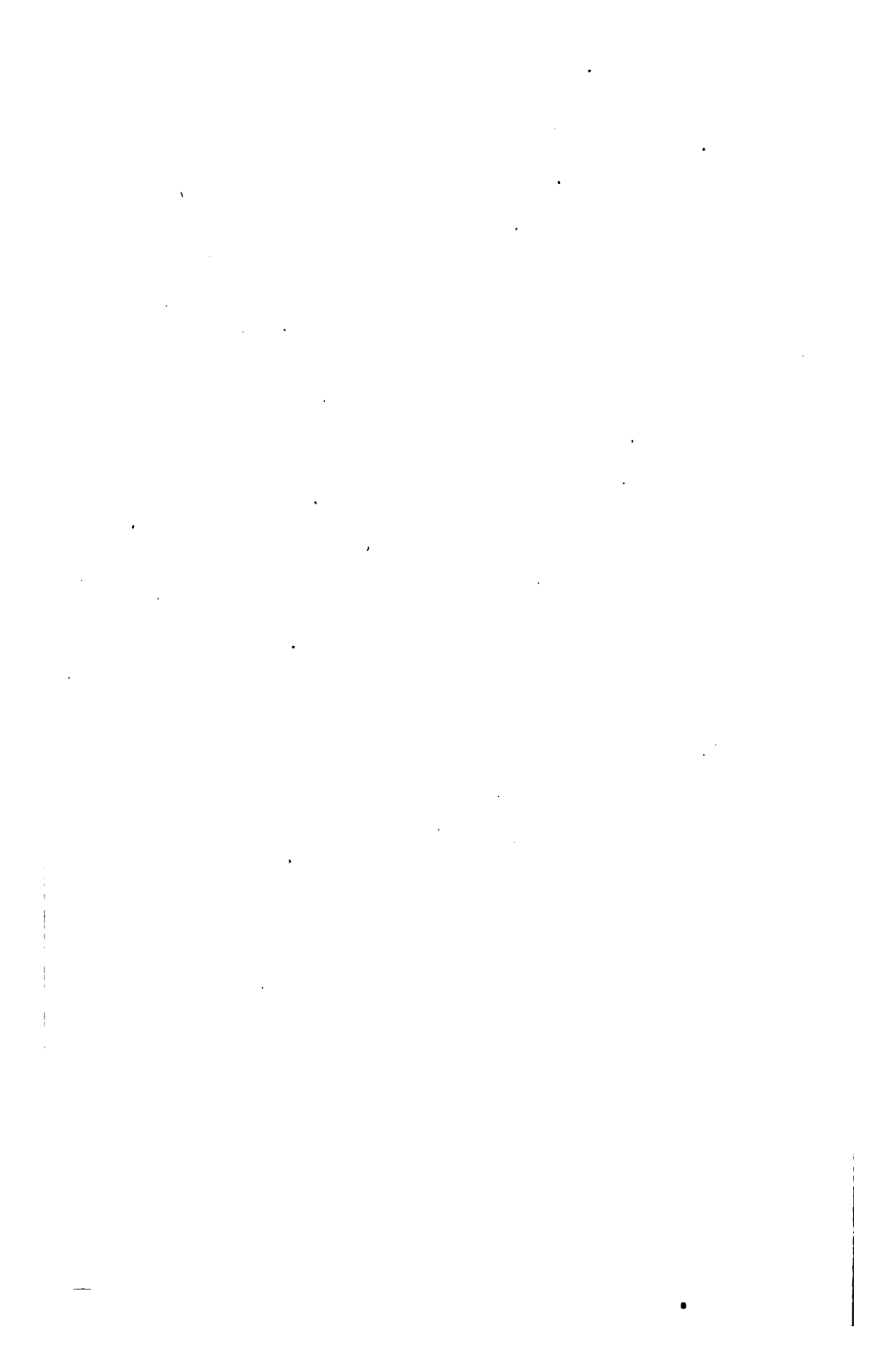

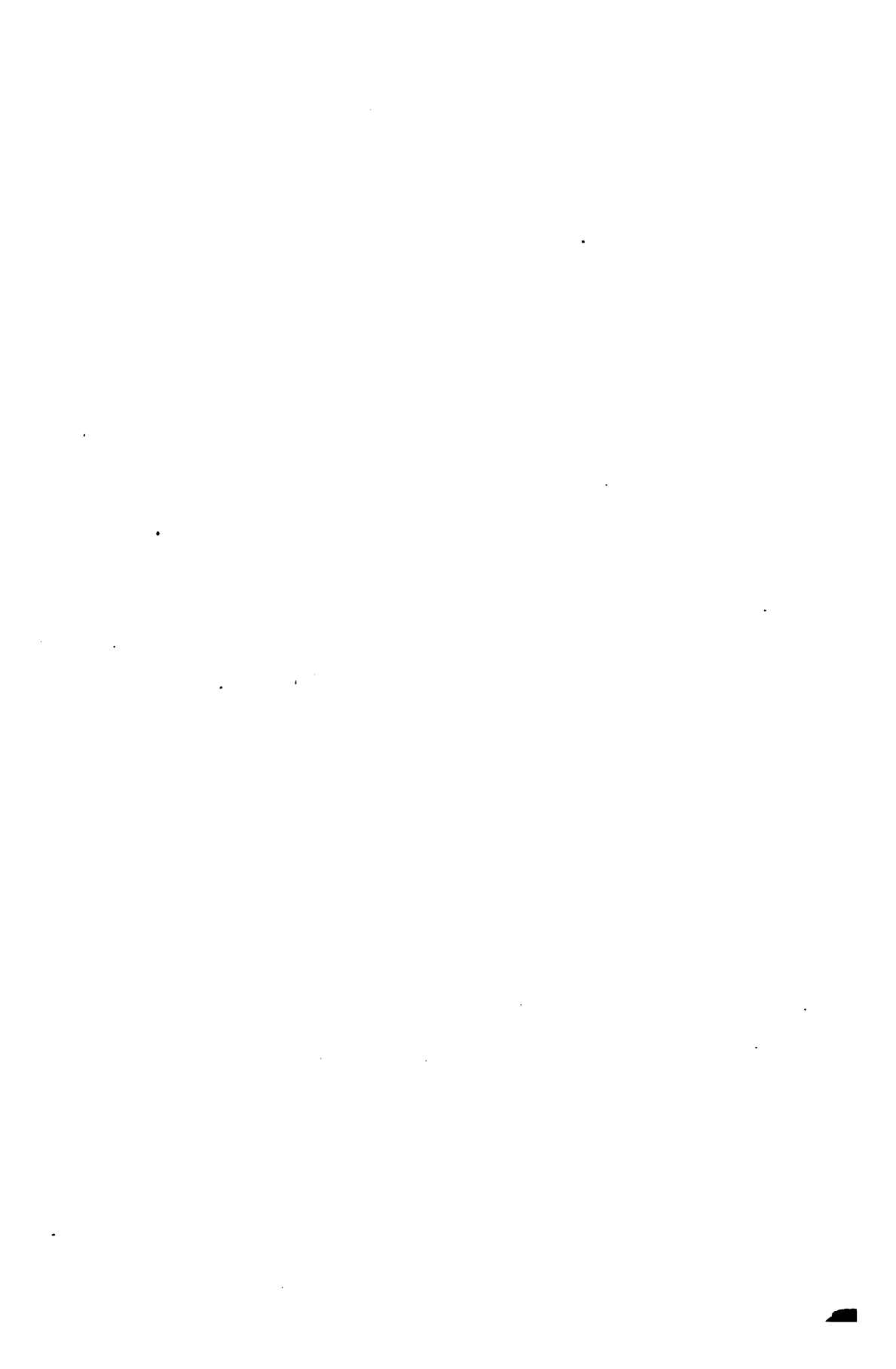

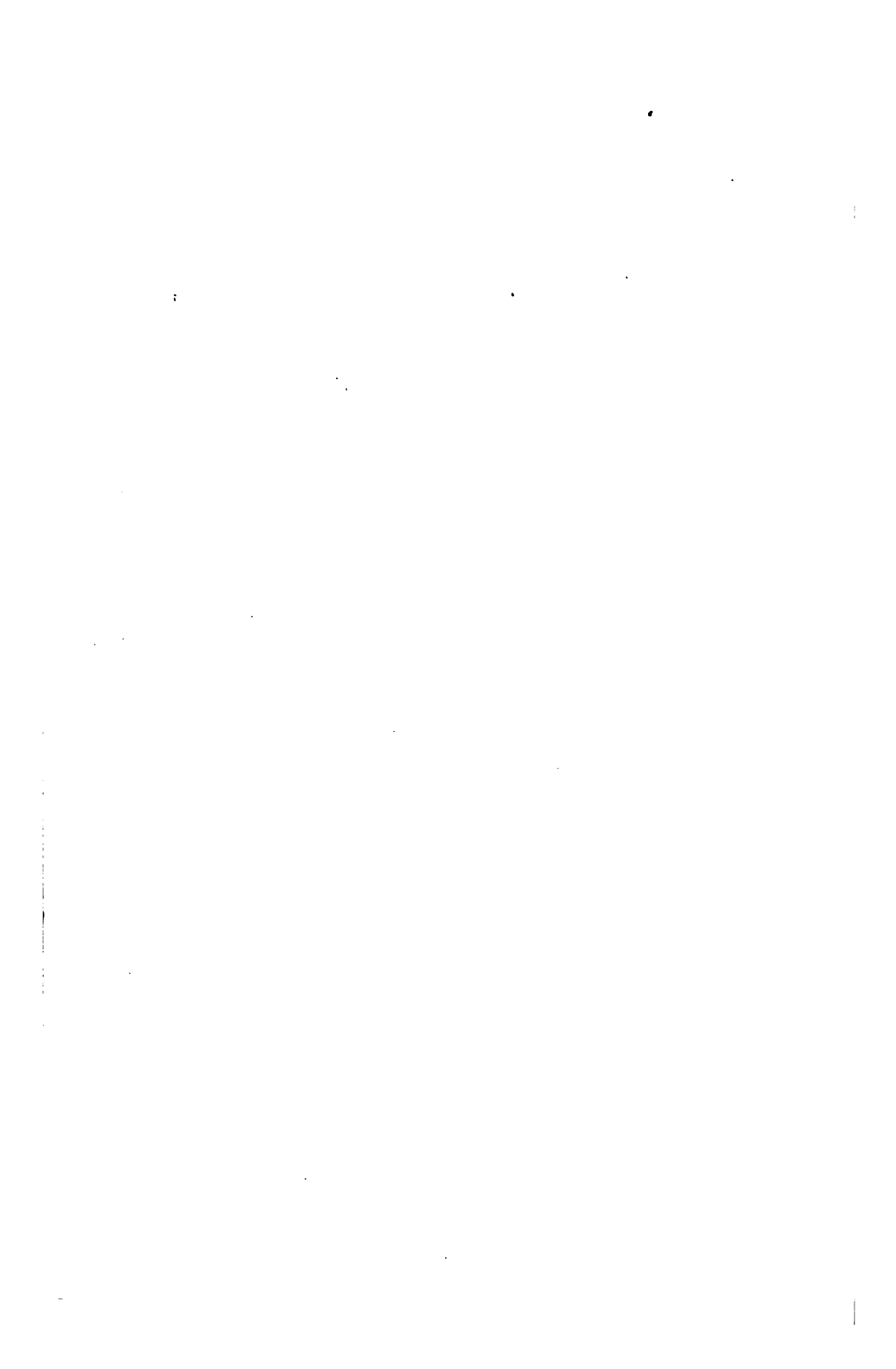

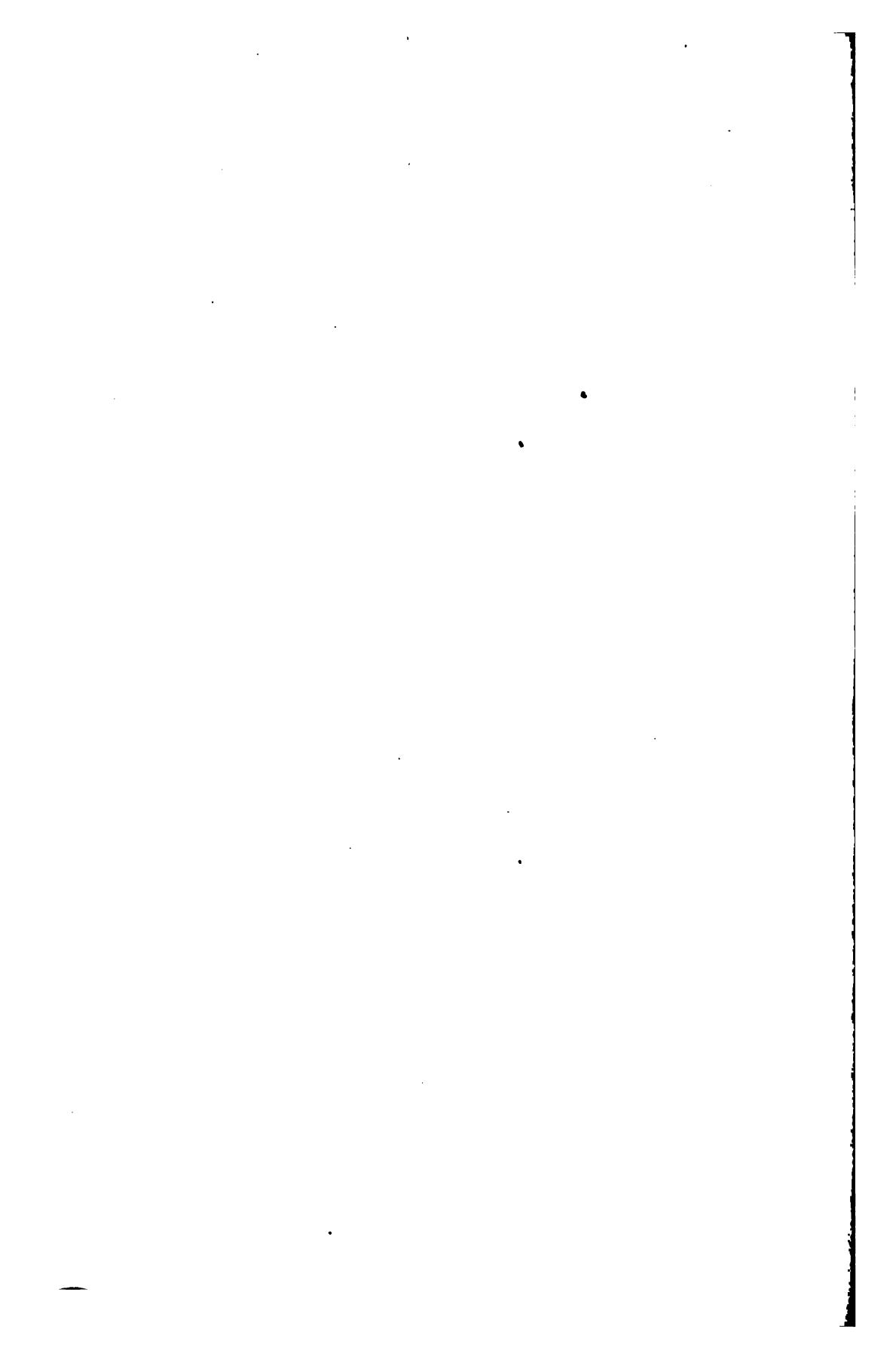

№ 11-568.
Мир 6422

5248

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ XI, вып. 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Тубулгу-тау и неопредѣленные города Волжской Булгаріи. П. А. Пономарева . . . . . 321—337.

Владѣнные грамоты Спасскаго Казанскаго монастыря. Епископа Никанора . . . . . 338—368.

Материалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодія Чувашскихъ пѣсень. (Окончаніе) В. А. Мошкова . . . . . 369—376.

Материалы. Еще о слѣдахъ древняго населенія близь Спасска. Обрѣзкова. Пребываніе Екатерины II въ Чебоксарахъ. Вѣрованія и культъ Мордвы села Сабанчеева Алатырскаго у. Симб. губ. Бутуяева. Постройки села Талывина Курмышскаго у. Симб. губ. Постникова . . . . . 377—390.

Хроника. На текущія тѣмъ. И. Н. Смирнова . . . . . 391—395.

Музеографія. Списокъ антро-

пологическихъ, археологическихъ и этнографическихъ предметовъ Барнаульскаго горнаго музеума. П. Чупина . . . . . 396—398.

Библиографія. Finska Fornminnes Föreningens Tidskrift. XIII. Tietoja Karjalan rautakaudesta. Th. Schwindt. Журналъ финскаго Археологическаго Общества, XIII. Т. Швиндтъ. Изъ желѣзнаго вѣка Карелии.—Пермскій край. Т. II.—Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссіи т. IV, вып. 1.—Календарь Вятской губерніи на 1893 г.—Памятная книга Воронежской губ. на 1893 г. Globus. illustr. Zeitsch. f. Länd.—u. Völkerkunde. Bd. 58. 1891. И. Н. Смирнова . . . . . 399—410.

Приложенія: 1) Черемисско-русскій словарь. В. П. Троицкаго . . . . . 37—52.

2) Мѣдный вѣкъ въ Европѣ. М. Мухъ. Пер. съ нѣм. . . . . 1—32.

КАЗАНЬ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1893.

Вышелъ 5-го іюля

СКЛАДЪ ОТТИСКОВЪ

ИЗЪ ПЕРИОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНИЙ В. РОССИИ.

Чтобы облегчить лицамъ, занимающимся археологіей, исторіей и этнографіей В. Россіи, возможность пользоваться тѣмъ, что въ настоящее время появляется въ періодической печати этого края, редакция «Извѣстій Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ» покорнѣйше проситъ авторовъ статей, имѣющихъ археологическое, историческое и этнографическое содержаніе и помѣщенныхъ въ мѣстныхъ «Губернскихъ» или «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (описанія приходоу, сель, волостей и т. п.) присылать въ книжный магазинъ Н. Я. Башмакова въ Казани по 5—10 оттисковъ своихъ статей или №№ тѣхъ изданій, гдѣ онѣ помѣщены, съ обозначеніемъ ихъ цѣнности. Редакция «Извѣстій» съ своей стороны выражаетъ готовность бесплатно печатать объявленія о поступившихъ въ складъ оттискахъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

НА

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАНИЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ДЛЯ НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

На 12 мѣсяцевъ . . . 7 р.	↑	На 6 мѣсяцевъ . . . 4 р.
— 11 — . . . 6 — 50 к.	↓	— 5 — . . . 3 — 50 к.
— 10 — . . . 6 —	↓	— 4 — . . . 3 —
— 9 — . . . 5 — 50 —	↓	— 3 — . . . 2 — 50 —
— 8 — . . . 5 —	↓	— 2 — . . . 2 —
— 7 — . . . 4 — 70 —	↑	— 2 — . . . 1 —

Иногородные необязательные подписчики, сверхъ того, прилагаютъ на пересылку по почтѣ 80 к. при подпискѣ отъ 12 до 10 мѣс.; 60 к.—отъ 9 до 7 мѣс.; 40 к.—отъ 6 до 3 мѣс. и 30 к. отъ 3 мѣс. и менше.

Подписная плата для обязательныхъ подписчиковъ 7 р. въ годъ безъ различія городскихъ отъ иногородныхъ.

Подписка принимается: въ Ташкентѣ, въ конторѣ редакціи Туркестанскихъ Вѣдомостей.

Мир 6422

5248

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ XI, вып. 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Тубулгу-тау и неопредѣленные города Волжской Булгаріи. П. А. Пономарева. . . . . 321—337.

Владѣнныя грамоты Спасскаго Казанскаго монастыря. Епископа Никанора. . . . . 338—368.

Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи Чувашскихъ пѣсенъ. (Окончаніе) В. А. Мошкова. . . . . 369—376.

Матеріалы. Еще о слѣдахъ древняго населенія близъ Спасска. Обрѣзкова. Пребываніе Екатерины II въ Чебоксарахъ. Вѣрованія и культъ Мордвы села Сабанчеева Алатырскаго у. Симб. губ. Бутузова. Постройки села Талызина Курмышскаго у. Симб. губ. Постникова. . . . . 377—390.

Хроника. На текущія тѣмы. И. Н. Смирнова. . . . . 391—395.

Музеографія. Списокъ антро-

пологическихъ, археологическихъ и этнографическихъ предметовъ Барнаульскаго горнаго музеума. П. Чупина . . . . . 396—398.

Библиографія. Finska ForminnesFöreningens Tidskrift. XIII. Tietoja Karjalan rautakaudesta. Th. Schwindt. Журналъ финскаго Археологическаго Общества, XIII. Т. Швиндтъ. Изъ желѣзнаго вѣка Кареліи. — Пермскій край. Т. II. — Труды Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи т. IV, вып. 1. — Календарь Вятской губерніи на 1893 г. — Памятная книга Воронежской губ. на 1893 г. Globus, illustr. Zeitsch. f. Länd. — u. Völkereunde. Bd. 58. 1891. И. Н. Смирнова. . . . . 399—410.

Приложенія: 1) Черемисско-русскій словарь. В. П. Троицкаго. . . . . 37—52.

2) Мѣдный вѣкъ въ Европѣ. М. Мухъ. Пер. съ нѣм. . . . . 1—32.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1893.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологія, Исторія и
Этнографія при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря И. Смирновъ.

ДАННЫЯ О ГОРОДАХЪ КАМСКО-ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ.

(Археологическія замѣтки).

IV.

ТУБУЛУГУ-ТАУ И НЕОПРЕДѢЛЕННЫЕ ГОРОДА.

начительная коллекція, собранная мною въ 1879 году на мѣстѣ г. Кашана, невольно наводила на мысль, что памятники болгарскаго быта исчезли еще не совсѣмъ и что обследованіе болгарскихъ городищъ можетъ остаться не безъ послѣдствій для музея Казан. Археологическаго Общества. Въ виду этого, весною 1880 года, я и составилъ планъ археологической рекогносцировки въ предѣлахъ юго-восточной полосы Казан. губерніи, т. е. въ самомъ центрѣ Камско-Волжской Булгаріи. Общество одобрило проэктъ экскурсіи и поручило мнѣ и Н. П. Загоскину привести его въ исполненіе.

Въ половинѣ іюня мы отправились въ путь и въ теченіи пяти недѣль сдѣлали значительный кругъ по Чистопольскому и Спасскому уѣздамъ, останавливаясь въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ предположено было произвести развѣдки. О результатахъ всѣхъ сдѣланныхъ при этомъ наблюденій я своевременно представилъ Обществу подробный отчетъ въ видѣ путевыхъ замѣтокъ. Въ настоящемъ очеркѣ я считаю умѣстнымъ воспользоваться изъ этихъ замѣтокъ только тѣмъ, что относится непосредственно къ характеристикамъ древнихъ болгаро-татарскихъ памятниковъ.

Начинаю свое описаніе съ г. Тубулгу-тау и его окрестностей.

Свѣдѣнія о существованіи города Тубулгу-тау. Единственный источникъ, упоминающій имя этого города, — „Таварихъ Булгаріе“. Булгарскій лѣтописецъ даетъ о немъ слѣдующія краткія показанія:

1) Шейхъ Идрисъ посланъ былъ намѣстникомъ въ Булгарь, Тубулгу, Казань и Синбирь;

2) Шаамъ, сынъ Иштерьяка „управилъ дорогу людей“ въ Казани, Уфѣ, Алатурѣ, Синбирѣ, Сара-тау и Тубулѣ.

3) Послѣдователи пророка, бывшіе въ г. Тубулгу-тау на р. Чушмѣ, впадающей въ Каму, были Кеймирасъ сынъ Устугановъ, Аитъ сынъ Зайтовъ, Хаджи Байрамъ сынъ Джумагильдыевъ, Касимъ сынъ Эюбовъ, Абдурахманъ сынъ Абдуламоновъ и Ильгамъ сынъ Кеймирасовъ. Всѣ они похоронены въ аулѣ Тубулгу-тау.

4) При соединеніи рѣкъ Кичу и Чушмѣ, въ укрѣпленіи Тубулгу-тау, находится могила Ходжи Іахрара.

Эти показанія, конечно, очень краткія, но тѣмъ не менѣе онѣ не лишены существеннаго значенія, первыя два — хронологическаго, а послѣднія — топографическаго. Сопоставленіе г. Тубулгу-тау съ Казанью, Синбиремъ, Уфой и т. д. прямо приурочиваетъ этотъ городъ къ позднѣйшему періоду Камско-Волжской Булгаріи; имена-же рѣкъ, близъ слиянія которыхъ онъ находился, неизбѣжно побуждаютъ искать слѣды его въ той именно части долины р. Шешмы, гдѣ въ послѣднюю впадаетъ Кичуй.

Физическій очеръ Шешма-Кичуйскаго района. Рѣка Шешма, лѣвый притокъ Камы, нижнею частью своего теченія, пробѣгаетъ близъ грани Чистопольскаго уѣзда съ Мензелинскимъ, принимая здѣсь съ правой стороны значительный притокъ Кичуй.

На двадцативерстномъ протяженіи отъ с. Кармаловъ до слободы Архангельской, рѣка Шешма течетъ по просторной долинѣ, ширина которой доходитъ мѣстами до 2 верстъ. Съ

правой стороны этой долины поднимается саженъ на 30 въ высоту крутое покрытое лѣсомъ нагорье, а съ лѣвой—разстлается невысокая волнистая равнина, которая, опускаясь въ рѣкѣ отлогими скатами, только мѣстами обрывается кручами отъ 5 до 8 саженъ высотой. Изъ боковыхъ долинъ, разсѣкающихъ эти возвышенныя площади, выбѣгаютъ на Шешму рѣчки—Кичуй и Кулмакса справа и Челна—слѣва. Къ мѣстамъ слиянія этихъ рѣчекъ, какъ въ естественнымъ географическимъ центрамъ, подтянулись, въ силу удобствъ, села и деревни: Кармалы, Городище, Елантово, Кулмакса, Горшкова, Нижне и Верхне-Никиткины и слобода Архангельская; изъ нихъ с. Елантово раскинулось по обоимъ берегамъ Шешмы, слоб. Архангельская и д. Кулмакса—на правомъ, а всѣ остальные—на лѣвомъ.

Малочисленность селеній въ правой сторонѣ долины понятна. Здѣсь мѣстность очень живописна, но совершенно неудобна для заселенія: почти отъ самой рѣки высятся недоступныя кручи нагорья, покрытаго чернолѣсьемъ и изрѣзаннаго темными ущельями. Картина лѣваго берега совсѣмъ иная. Здѣсь преобладаетъ мягкой колоритъ въ пейзажѣ—обширная черноземная равнина, отлого спускающаяся къ рѣкѣ и только кое-гдѣ перерѣзанная развалистыми овражками.

Представляя удобства для сельско-хозяйственнаго быта, эта сторона весьма естественно обратила на себя особое вниманіе и болгарскаго земледѣльца, слѣды котораго разсѣяны здѣсь повсюду, какъ въ чертѣ современныхъ селеній, такъ и поблизости ихъ.

Деревня Городище и ея болгарскіе памятники. Съ именемъ этой деревни Артемьевъ связываетъ представленіе о существованіи древняго городища, а И. А. Износковъ сообщаетъ, что между д. Городище и с. Кармалы встрѣчается древняя глиняная посуда.

И то и другое подтвердилось вполнѣ: въ деревнѣ оказались слѣды древняго городка, а за валами его, по направле-

нію къ селу,—черепки глиняной посуды, залегающіе въ почвѣ смежнаго полевого участка.

Городокъ находится въ восточной окраинѣ самой деревни и очень простъ по внѣшности. Возвышенность лѣваго берега Щешмы выдается въ рѣчную долину небольшимъ крутымъ выступомъ, верхняя площадка котораго и защищена съ сѣверо-западной доступной стороны двумя раздѣленными ровомъ валами, идущими на протяженіи 120 сажень. Валу эти мѣстами почти изгладились, такъ какъ вся площадка городища, занимающая около 3 десятинъ пространства, съ давнихъ поръ застроена домами.

За валами по направленію къ Кармаламъ, на продолженіи той-же возвышенности, попадаются глиняная посуда и черепки болгаро-татарскаго типа, напрасла и обломки желѣзныхъ вещей.

Къ сожалѣнію, не смотря на содѣйствіе старосты, намъ удалось приобрѣсти отъ мѣстныхъ крестьянъ только нѣсколько напраслъ. Очень можетъ быть, что этой неудачей мы обязаны были тѣмъ крестьянкамъ, которыя, крайне удивляясь собранію „татарщины“, распространили по деревнѣ слухъ, что „наѣхали турки изъ туречины; салтанъ турецкій далъ имъ боченокъ съ золотомъ и велѣлъ собирать на нашей землѣ татарщину и предоставить ее въ туречину“.

Древности с. Елантова и его окрестностей. Изъ д. Городище мы переѣхали въ с. Елантово, гдѣ Артемьевъ также неопредѣленно указываетъ древнее укрѣпленіе.

День приходилъ уже къ концу, когда мы устроились на взѣзжемъ дворѣ; поэтому работы пришлось отложить до утра, а вечеръ употребленъ былъ на собраніе предварительныхъ свѣдѣній, показавшихъ, что окрестности Елантова, судя по количеству находокъ, были населены въ древности довольно плотно. Между прочимъ, кое-что сообщилъ намъ одинъ 70 лѣтній старикъ-кладонскатель, узнавшій о нашемъ приѣздѣ отъ старосты. „Я знаю, зачѣмъ вы приѣхали—говорилъ онъ

таинственно за чаемъ: у насъ есть, гдѣ попарить... Тамъ и быть расскажу вамъ про одно мѣсто, все равно мнѣ не под силу совладать съ нимъ... Поѣзжайте вы изъ села на закатъ солнца, будетъ тутъ оврагъ—Сухая Челна, а въ оврагѣ томъ стоитъ „судно“. Еще дѣды наши говаривали, что плыль по р. Челнѣ Стенька Разинъ; плыль—плыль, да мелко стало; онъ судно здѣсь и опрокинулъ со всѣмъ, что въ немъ было, а было въ немъ добра не мало... И оборотилось это судно въ бугоръ земляной... По ночамъ на этомъ бугрѣ людей видать—будто солдаты ходятъ и въ барабанъ бьютъ... Тутъ-же на полѣ подлѣ „судна“, лѣтъ съ 10 назадъ, одинъ нашъ мужикъ мѣдный кувшинъ нашель, а въ кувшинѣ серебряныя деньги. Кувшинъ съ деньгами по начальству пошелъ, а мужикъ награду получилъ. Вы однако этого мужика спросите: денежекъ у него, надо быть, еще осталось таки...“

Археологическія достопримѣчательности елантовской дачи, послѣ непосредственнаго ознакомленія съ ними въ теченіи двухъ послѣдующихъ дней, представились въ слѣдующемъ видѣ:

1) На юго-западъ отъ села возвышенная площадь лѣваго берега Шешмы разсѣкается двумя оврагами, которые общимъ устьемъ своимъ выходятъ въ долину Шешмы. Оба эти оврага представляются русломъ значительныхъ нѣкогда рѣчекъ, а нынѣ орошаются едва замѣтными ручьями, изъ коихъ сѣверный пересыхаетъ почти совсѣмъ и называется по этому Сухой Челной, а южный—болѣе многоводный—просто Челной. На берегахъ этихъ ручейковъ и находятся ясныя слѣды древняго болгарскаго населенія.

На Сухой Челнѣ среди большой мочжины овражнаго дна величественно поднимается таинственное „судно Стеньки Разина“. Это земляной бугоръ, который внѣшнимъ видомъ своимъ, дѣйствительно, напоминаетъ опрокинутую вверхъ дномъ баржу, и занимаетъ 4 с. въ высоту, 128 сажень въ окружности, 57 сажень въ длину по дугѣ большого діаметра и 24 сажени—малаго. Основаніе бугра, имѣющее овальную форму, кру-

тые склоны его и верхняя площадь—отличаются правильностью и придаютъ „судну“ характеръ какъ-бы искусственной курганообразной насыпи.

Тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ разсмотрѣніи, опредѣленно обнаруживается, что „судно“ не представляетъ собою ничего археологическаго. Это просто естественный бугоръ, составлявшій нѣкогда выступъ сосѣдней возвышенной площади и оторванной теченіемъ воды: высота его и почвенное сложеніе совершенно однородны со смежной равниной.

Но за то окрестности „судна“ оказались интересными. Рядомъ съ нимъ на возвышенности лѣваго берега Сухой Челны, на значительномъ пространствѣ, залегаютъ въ изобилии черепки булгаро-татарскаго типа и выплываются иногда серебряныя монеты. Здѣсь - то и найденъ былъ елантовскимъ обывателемъ мѣдный кувшинъ съ деньгами. Отыскавъ этого крестьянина, мы узнали отъ него, что въ кувшинѣ было 240 маленькихъ серебряныхъ „нерусскихъ“ денежекъ, за которыя и выслано было ему изъ Петербурга 12 р. Три монеты оставшіяся у него отъ этого клада и пріобрѣтенныя нами, оказались по опредѣленію В. К. Савельева золото-ордынскими 1360—1362 года христ. эры ¹⁾.

Версты за 1½, къ востоку отъ „судна“, при самомъ выходѣ Челны на Шешминское займище, на близъ лежащихъ возвышенныхъ площадяхъ также выплываются много черепковъ, ясно свидѣтельствующихъ о томъ-же булгарскомъ населеніи.

2) Къ юго-востоку отъ с. Елантова тянется высокое и обрывистое нагорье праваго берега Шешмы, которое окрестные татары называютъ Джилянъ-тау (змѣиная гора). На верх-

¹⁾ а) Джучидская неизвѣстная. I. М. Сарая Новаго (надпись сдѣлана наоборотъ). II. М. Гюлистана (надпись сдѣлана наоборотъ). Маг. 762 г. христ. 1360, г. Неизданная.

б) Рес. р. 276, № 5. I. Мюридъ ханъ. II М. г. Гюлистана. Маг. 764 г., хр. 1362, 3.

с) I. Султанъ правосудный Джанибекъ ханъ. II. М. Сарая Новаго (годъ обрѣзанъ). Новый вариантъ.

ней площади этого лѣсистаго нагорья крестьяне находятъ не рѣдко желѣзныя стрѣлы, копыя, удила, стремена, извѣстные здѣсь подъ общимъ именемъ „башкирскихъ“; на самой же стрѣлѣ этой возвышенности, образуемой слияніемъ Шешмы съ р. Кулмаксою, въ 3 верстахъ выше Елантова, и не доѣзжая съ полверсты до д. Кулмаксы, есть небольшое укрѣпленіе, на которомъ въ 1879 году найдена была кольчуга. Укрѣпленный выступъ этотъ представляетъ небольшую горную площадку, круто обрывающуюся къ долинамъ Шешмы и Кулмаксы, а съ доступной стороны защищенную валомъ и ровомъ, высота и глубина которыхъ не болѣе $1\frac{1}{2}$ аршина. Вся окружность городка 220 с.; площадь около двухъ десятинъ; валъ и ровъ разрѣзаны только одними воротами и тянутся на 80 саж.

Поднимаясь саженъ на 30 надъ долиною Шешмы, укрѣпленіе это при всей своей незначительности могло имѣть немаловажное стратегическое значеніе, какъ убѣжище на случай опасности для всѣхъ описанныхъ выше ауловъ, слѣды которыхъ замѣтны въ окрѣстностяхъ с. Елантова.

Скупивши у мѣстныхъ крестьянъ нѣкоторыя находки (3 сереб. монеты, наконечникъ желѣзнаго копыя, боевой топоръ обще-булгарскаго типа и нѣсколько другихъ желѣзныхъ вещей неопредѣленнаго характера), мы отправились дальше вверхъ по Шешмѣ, къ мѣсту слиянія ея съ р. Кичуемъ.

Булгарскіе памятники. Близъ слиянія Шешмы съ Кичуемъ. Мѣстность эта занимаетъ почетное мѣсто въ мусульманскихъ преданіяхъ. Здѣсь, какъ уже сказано было выше, погребены многіе почитаемые татарами „послѣдователи пророка“, которые „прямили путь людей“.

Тѣмъ не менѣе объ археологическихъ памятникахъ этой мѣстности не было до сихъ поръ почти никакихъ свѣдѣній и С. М. Шпилевскій принужденъ былъ въ своей книгѣ о „Древнихъ городахъ“ ограничиться только ссылкой—на указаніе Артемьева о существованіи городища при д. Верхне-Никиткиной и краткое описаніе его въ „замѣткахъ Казан. статистич. комитета“. Но въ 1879 году покойный членъ-сотрудникъ на-

шего Общества г. Казариновъ значительно восполнилъ этотъ пробѣлъ, сообщивъ весьма любопытныя данныя объ этомъ районѣ.

Онъ указалъ во 1-хъ на то, что при устьѣ р. Кичуя еще недавно находилось древнее кладбище съ двумя надгробными камнями, изображавшими „нѣкоторое подобіе верхней половины человѣка въ чалмѣ“; во 2-хъ на то, что деревня Нижне-Никитина построена на мѣстѣ древняго же мусульманскаго кладбища, о чемъ и свидѣлствуютъ два могильные писанные камня, стоящіе среди одного изъ мѣстныхъ огородовъ, и въ 3-хъ, наконецъ, на то, что писанный камень, находящійся подлѣ Верхне-Никитскаго укрѣпленія, стоитъ, по словамъ мѣстныхъ татаръ, надъ могилою ходжи Тахрара, ученика Нурредина изъ Бухары, жившаго болѣе 400 лѣтъ тому назадъ.

Послѣднее показаніе, а равно и то обстоятельство, что склонъ укрѣпленной горы поросъ кустами таволожки или по татарски „тубулгу“, не встрѣчающейся въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ, г. Казариновъ совершенно справедливо считаетъ достаточнымъ доказательствомъ того, что именно здѣсь и находился городъ Тубулгу-тау, тѣмъ болѣе, что мѣстные татары до сихъ поръ называютъ свою деревню этимъ древнимъ именемъ, а вовсе не Верхне-Никитской.

Понятно, что, при наличности такихъ данныхъ, оставалось только пояснить и дополнить нѣкоторыя показанія г. Казаринова.

Вотъ эти дополнительные данныя:

1) Слѣды древняго кладбища при устьѣ Кичуя, гдѣ погребены были „послѣдователи пророка“, окончательно уничтожены теченіемъ рѣки, а могильные камни къ величайшему неудовольствію мѣстныхъ татаръ употреблены на запрудъ сосѣдней мельницы г. Чистова. Камни были съ арабскими надписями, но не имѣли и не могли имѣть человѣкообразной фигуры, такъ какъ подобныя изображенія у магометанъ не допускаются. Они просто нѣсколько отступали отъ обычной

формы параллелепипеда и въ верхней части имѣли закругленіе съ небольшимъ перехватомъ.

2) На мѣстѣ еще очень недавно возникшей д. Нижне-Никитской, заселенной чувашами, крещеными татарами и русскими, находился древній болгарскій укрѣпленный аулъ, примыкавшій съ сѣвера и юга къ небольшимъ озерамъ, а съ востока и запада защищенный валами, остатки которыхъ сохранились мѣстами до настоящаго времени, особенно близъ зданія училища.

Кромѣ валовъ, на существованіе здѣсь древняго аула указываютъ и другія данныя: слѣды стариннаго кладбища съ двумя писанными могильными камнями, о которыхъ упоминаетъ г. Казариновъ; находки разныхъ древнихъ вещей и человѣческіе костяки, попадающіеся при закладкѣ домовъ, рытвѣ погребовъ и распахнѣхъ огородовъ.

Слѣды древняго кладбища, находившагося, повидимому, въ сѣверо-восточной части аула, сохранились особенно хорошо въ огородѣ крестьянина Кузьмы Алексѣева, гдѣ до сихъ поръ еще стоятъ глубоко вросшіе въ землю могильные камни, пользующіеся большимъ почетомъ у окрестныхъ татаръ. Къ сожалѣнію, надписи на этихъ камняхъ совсѣмъ изгладились и г. Готвальдъ, которому я доставилъ сдѣланные мною точные снимки могъ разобрать на нихъ только слѣдующее:

На цѣльномъ камнѣ: „Власть принадлежитъ Богу“...

На обломанномъ камнѣ: „семьсотъ восемь“...

Но какъ ни ничтожны обрывки этихъ арабскихъ надписей, тѣмъ не менѣе послѣдняя изъ нихъ опредѣленно доказываетъ, что находившійся здѣсь болгарскій аулъ существовалъ въ самомъ началѣ 14 вѣка христ. эры.

Изъ предметовъ для коллекціи въ д. Нижне-Никитской удалось пріобрѣсти: двѣ пронизки, нѣсколько глиняныхъ напрядъ, дно сосуда изъ красной мѣди и кестяной кодоичнѣ, пожертвованный для музея мѣстнымъ учителемъ г. Лаврентьевымъ. Кромѣ того, узнавъ отъ одной мѣстной крестьянки, что у нея подъ задней избою обнаружены были при постройкѣ

человѣческія кости, я, съ дозволенія хозяйки, вынулъ нѣсколь-
ко половыхъ досокъ и, произведя раскопку, отрылъ человѣ-
ческій черепъ, хотя, въ сожалѣнію и не могъ опредѣлить под-
робности погребенія, такъ-какъ кости туловища и конечности
прикрыты были фундаментомъ.

3) На сѣверо-востокъ отъ д. Нижне-Нивитской, за р.
Шешмой близъ самаго устья Кичуя, противъ того мѣста, гдѣ
еще недавно стояли упоминаемые г. Казариновымъ могильные
камни, виднѣется глубокая долина, вдающаяся въ высокое на-
горье праваго берега Шешмы и извѣстная подъ именемъ
„Пушкина дола“. На высокой горной стрѣлкѣ, образуемой
этимъ доломъ, находится небольшое укрѣпленіе, ограниченное
съ доступной стороны валомъ и рвомъ. Площадка этого го-
родка имѣетъ въ окружности болѣе 120 сажень и обраще-
на входомъ къ сѣверу.

4) Городище при деревнѣ Верхне-Нивитской относится
къ типу „укрѣпленнаго горнаго выступа“: съ трехъ сторонъ
оно ограничено крутыми обрывами къ Шешмѣ, а съ четвер-
той—сѣверо-западной—защищено валами и рвами. Укрѣпленія
городища состоятъ не изъ трехъ валовъ, какъ показано у
Артемьева, а изъ 5 валовъ и 4 рововъ, подраздѣляющихся на
три системы, изъ которыхъ первую образуютъ: небольшой валъ
на окраинѣ внутренней площади городка; высокій валъ, огра-
ниченный съ обѣихъ сторонъ глубокими рвами и еще одинъ
небольшой валъ; вторую систему, на 20 сажень дальше, обра-
зуютъ два вала, раздѣленные рвомъ, и, наконецъ, третью си-
стему—отступа еще 60 сажень—образуетъ ровъ глубиною въ
одну и шириною въ 3 сажени.

Внутренняя площадь городища занимаетъ по окружности
всего только 225 саж., а не 500 какъ это показано у Артемь-
ева. На самомъ городищѣ, а равно и на смежныхъ съ нимъ
поляхъ—по словамъ мѣстныхъ татаръ—находили, а отчасти
и теперь находятъ разныя древнія вещи; на восточномъ-же
склонѣ городища, обращенномъ къ Шешмѣ—по преданію ста-
риковъ—есть пещера, загражденная желѣзной дверью; за этой

дверью находится рядъ комнатъ, наполненныхъ разными сокровищами; не легко отыскать эту дверь, а выйти изъ пещеры еще труднѣе, такъ-какъ выходъ сторожить огромная собака, которая, свободно пропуская входящихъ, крайне неблагосклонно относится къ выходящимъ.

Не имѣя возможности не только купить, но даже и видѣть хотя бы одну мѣстную находку (татары берегутъ и тщательно скрываютъ ихъ), мы распахали часть „залога“ на городищѣ, при чемъ и извлечено было множество обломковъ посуды изъ обожженной глины, совершенно сходныхъ съ черепками другихъ болгаро-татарскихъ городищъ.

Вопросъ о названіи города, бывшаго на мѣстѣ д. Верхне-Никитской. Считаая излишнимъ вдаваться въ подробности этого вопроса въ виду того, что г. Казариновъ довольно обстоятельно доказалъ уже, что здѣсь находился болгарскій городъ Тубулгу-тау, я ограничусь только тремя дополнительными замѣчаніями.

1) „Памятникъ Ходжи Іахрара былъ въ крѣпости—говорить г. Казариновъ—но собственно онъ отстоитъ отъ валовъ сажень на сто, къ С. З.“. Такимъ образомъ получается какъ-бы несоотвѣтствіе между показаніемъ „Таварихъ Булгаріа“ и показаніемъ г. Казаринова. Но это несоотвѣтствіе произошло, очевидно, только отъ того, что г. Казариновъ, при бѣгломъ обзорѣ мѣстности, не видѣлъ всѣхъ укрѣпленій и, подобно Артемьеву, полагалъ, что городъ укрѣпленъ былъ только тремя валами.

На самомъ дѣлѣ могила Ходжи Іахрара, согласно съ лѣтописью Шереффъ-эд-дина, находится въ самой крѣпости, въ широкомъ шестидесятисажennemъ промежуткѣ между двумя крайними системами укрѣпленій, такъ-что отъ могильнаго камня до послѣдняго рва остается еще 40 сажень разстоянія.

2) Всѣ мѣстные жители называютъ свою деревню именемъ „Тубулгу-тау“ и даже обижаются, если ее называютъ Верхне-Никитской. „Всѣ татары на 50 верстѣ кругомъ, зо-

вуть нашу деревню Тубулгу-тау, и въ старыхъ книгахъ нашихъ также пишется; мы ужъ давно и прошенье хотимъ подавать, чтобы не звали насъ никитскими“, говорятъ они. Въ дополненіе къ этому считаю не лишнимъ сослаться и на слова покойнаго Н. И. Ильминскаго, который сообщилъ мнѣ, что еще въ началѣ 70 годовъ имя деревни Тубулгу-тау, неизвѣстное по „Списку населенныхъ мѣстъ“, возбудило нѣкоторое недоумѣніе въ средѣ мѣстной администраціи, пока не было разъяснено, что татары называютъ такимъ образомъ дер. Верхне-Никитскую.

3) Березинъ и Вельяминовъ-Зерновъ, цитируемые С. М. Шпилевскимъ, называютъ описываемый городъ именемъ Тубулга-Атау, т. е. Таволжымъ островомъ.

Но уже г. Казариновъ, прислушавшись къ мѣстному говору, замѣтилъ, что здѣшніе татары говорятъ не Тубулга-Атау, а Тубулга-тауы.

Обративъ на это разнорѣчіе вниманіе, я старался особенно тщательно прослѣдить оттѣнки мѣстнаго произношенія и пришелъ къ заключенію, что всѣ окрестные татары говорятъ просто „Тубулгу-тау“, т. е. Таволжья гора.

Такимъ образомъ представляется полная возможность думать, что городъ назывался не Таволжымъ островомъ, а Таволжьей горой, тѣмъ болѣе, что здѣсь и нѣтъ никакого острова, а есть гора, на которой и стоялъ городъ.

Но въ такомъ случаѣ какъ же быть съ авторитетнымъ показаніемъ Березина и Вельяминова-Зернова, имѣвшихъ подъ руками „Таварихъ Булгарію“?

Остается предположить, что въ тѣхъ спискахъ, которыми они руководились, была ошибка или скорѣе описка.

Невѣроятнаго въ этомъ нѣтъ ничего: ошибка или описка всегда возможны. Это доказывается, между прочимъ, и правописаніемъ гг. Березина и Вельяминова-Зернова, которые пишутъ „Тубулга-атау“, не смотря на то, что татарскій языкъ не допускаетъ подобной встрѣчи гласныхъ и написать такимъ образомъ потатарски совершенно невозможно. Когда я обра-

тился съ этимъ недоразумѣніемъ въ Н. И. Ильминскому, то онъ разъяснилъ мнѣ, что, по свойству татарскаго языка, можно-бы было писать и говорить Тубулг'атау, но ни въ какомъ случаѣ—Тубулга-атау.

Такимъ образомъ маленькая погрѣшность въ спискѣ „Таварихъ Булгаріа“ съ одной стороны и небольшое отступленіе отъ свойствъ татарскаго языка съ другой,—имѣли послѣдствіемъ превращеніе Таволжьей горы въ Таволжскій островъ, а это послѣднее обстоятельство неизбѣжно привело С. М. Шпилевскаго къ ошибочному заключенію, что „Новошешминскъ, верстахъ въ 15 ниже устья Кичуя, находится на изгибѣ, образуемомъ Шешмою, такъ что, если это и не островъ, то несомнѣнно полуостровъ; слѣдовательно эта мѣстность можетъ соотвѣтствовать городу, называвшемуся Таволжскій островъ“.

Итакъ городъ, въ которомъ погребенъ былъ Ходжа Іахраръ, находился согласно съ „Таварихъ Булгаріа“ близъ устья р. Кичуя, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ д. Верхне-Нивитская, и назывался этотъ городъ именемъ Т у б у л г у т а у, т. е. Таволжья гора.

Изъ всего сказаннаго не трудно видѣть, что въ сѣверо-восточной части Чистопольскаго у. Каз. г., въ долинѣ р. Шешмы, на протяженіи 20 верстъ отъ с. Кармаловъ до слободы Архангельской, располагаются слѣды непрерывнаго ряда булгаро-татарскихъ ауловъ.

Монеты и надгробныя надписи, встрѣчающіяся здѣсь доказываютъ, что аулы эти существовали уже въ самомъ началѣ 14 вѣка хр. эры.

Размѣры мѣстныхъ городищъ и другія данныя приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію, что важнѣйшимъ пунктомъ этого района былъ г. Тубулгу-тау, на центральное значеніе котораго указываетъ и „Таварихъ Булгаріа“, говоря, между прочимъ, что „Идрисъ былъ посланъ намѣстникомъ въ г. Булгаръ, въ Т у б у л г у, въ области Уфимскую, Казанскую и Симбирскую“.

На основаніи всего этого и является возможность ввести въ археологическую терминологию названіе „округа города Тубулгу-тау“, какъ одной изъ частей Камско-Волжской Булгаріи.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ городъ и его округъ не упоминаются въ русскихъ лѣтописяхъ: онъ стоялъ вдали отъ торныхъ дорогъ—Волги и Камы, въ захолустной мѣстности.

Булгарскія городища въ верховьяхъ р. Малой Сюльчи. Этотъ уголокъ до сихъ поръ совсѣмъ почти не обращалъ на себя вниманія и только одинъ Артемьевъ неопредѣленно указывалъ на то, что здѣсь при деревнѣ Енарускиной находятся древній городокъ Хала-вырнъ-вереметь (керемень на городскомъ мѣстѣ), окруженный тремя высокими валами, и городище Хирь-Кала при д. Старой Ибрайкиной.

С. М. Шпилевскій, заноса въ свою книгу эти скудные показанія, замѣтилъ, что у насъ въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ“ значится двѣ Енарускины—Чувашская и Господская и такимъ образомъ поставилъ вопросъ—при которой-же изъ нихъ находится упоминаемое Артемьевымъ городище?

Помимо этого, въ обслѣдованію окрестностей д. Енарускиной насъ подстрекнуло еще одно обстоятельство: когда мы были въ д. Данауровкѣ, на мѣстѣ древняго г. Джукетау (Жукотина), то одна мѣстная крестьянка сообщила намъ, что на ея родинѣ, близъ д. Господской Енарускиной, есть въ полѣ нѣсколько большихъ „писанныхъ камней“, подлѣ которыхъ выпахиваютъ много черепковъ, бусъ, желѣзовъ, мѣдяшекъ и много другихъ вещей. „Камни эти, рассказывала она, на Ильдеряковскомъ полѣ лежатъ. Ильдеряковскіе нехристи (язычники) кругомъ всю землю распахиваютъ, а камни боятся трогать: поднимали было одинъ, да какъ стало корчить съ этого, опять на старое мѣсто положили“.

Перехода къ обзору результатовъ, которыхъ намъ удалось достигнуть при изысканіяхъ въ верховьяхъ Малой Сюльчи, остановимся сначала на характеристикѣ мѣстности.

Малая Скульча, въ верхней части своей, течетъ съ востока на западъ по узкой долинь, которая слѣва ограничена отлогимъ скатомъ, а справа—возвышенной площадью, обрывающейся къ рѣкѣ крутыми обрывами отъ 5 до 10 сажень высоты. На склонахъ долины пріютились небольшія селенія: Новое Ибрайкино, Старое Ибрайкино, Удѣльное Енарускино, Чувашское Енарускино (скрывающееся въ боковомъ оврагѣ), Барское, или Господское Енарускино и, наконецъ, Старое Ильдеряково. Остановившись въ д. Барской Енарускиной, мы отправились осматривать городище. Оказалось, что оно находится на высокомъ берегу рѣки, между д. Барской Енарускиной и Старой Ильдеряковой, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ разстоянія отъ первой и $1\frac{1}{2}$ версты отъ другой.

Городище по внѣшнему виду приближается къ формѣ четырехугольника, сѣверная сторона котораго тянется на 78 саж. и обрывается къ рѣкѣ крутымъ 10 саж. спускомъ; западная—длинною въ 96 с. ограничена глубокимъ оврагомъ; сѣверная—88 с. и восточная—77 с., какъ совершенно доступная, защищены искусственнымъ укрѣпленіемъ, но не тремя высокими валами, какъ говоритъ Артемьевъ, а всего только однимъ, обведеннымъ съ обѣихъ сторонъ рвами. Валъ и рвы въ настоящее время уже настолько ничтожны (не выше и не глубже 2 ар.), что вмѣстѣ съ площадью городища распаханы и покрыты хлѣбомъ.

Въ этотъ разъ, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ, нетрудно было убѣдиться, что описанное городище было собственно крѣпостью; посадъ-же располагался кругомъ укрѣпленія и, повидимому, былъ довольно обширенъ.

Что это дѣйствительно такъ, доказывается многими очевидными данными:

1) кругомъ городка, на значительномъ пространствѣ, въ почвѣ залегаютъ черепки изъ обожженной красной глины съ характерными для болгарскихъ городищъ орнаментами. Кромѣ черепковъ, крестьяне находили, а отчасти и теперь находятъ, здѣсь при распахѣ много различныхъ металлическихъ вещей—

желѣзныхъ ножей, мѣдной посуды, обломковъ серебра и проч. Нѣсколько подобныхъ вещей, а въ томъ числѣ и массивный кусокъ серебра удалось приобрести отъ нихъ для коллекціи.

2) На нѣкоторомъ разстояніи отъ городка, по направленію къ д. Ильдеряковой, сохранились слѣды древняго кладбища.

До сихъ поръ еще здѣсь можно видѣть три массивныхъ камня изъ сѣраго песчаника, покрытыхъ арабскими надписями.

По опредѣленію І. Ф. Готвальда, въ которому я адресовался со снятыми мною копіями, надписи эти относятся къ тому типу, въ которомъ, по мнѣнію Н. И. Ильминскаго, заключаются слѣды чувашизма, т. е. извѣстная фраза: „джияти джуръ“.

На одномъ изъ камней значитъ: „Премудрость у Бога высокаго, Великаго. Язубъ, сынъ Моисея, сына Исмаила, сына Амера сына . . . Да помилуетъ его Богъ милостью великою. Семьсотъ . . . пятаго года.“

На другомъ: „онъ живой, который не умираетъ . . . скончался . . . семьсотъ шестидесятый годъ благословеннаго рамана мѣсяца 5-й день“.

На третьемъ: „Власть принадлежитъ Богу всевышнему, Великому. Эта могила . . . скончался семьсотъ восьмаго года, рабіуль ахыра мѣсяца 15-го дня. Да помилуетъ Богъ его милосердіемъ обширнымъ. Смерть—домъ; всякая душа входитъ въ него. Смерть—чаша; всякій челогѣкъ пьетъ изъ нея“.

Всѣ эти данныя предлагаютъ нѣкоторый матеріалъ для общихъ заключеній. Черепки, разныя другія вещи и особенно надгробные камни ясно свидѣтельствуютъ, что мы имѣемъ дѣло съ городищемъ болгарскимъ, которое существовало еще въ половинѣ 14 вѣка.

Но вопросъ о томъ, какъ оно называлось, остается открытымъ: мѣстные жители не приурочиваютъ къ нему никакого названія. Артемьевъ называетъ его Хола-вырнъ кереметь, т. е. кереметь на городскомъ мѣстѣ, но это названіе ничего не объясняетъ и приурочивается жителями не къ городку собственно, а къ небольшому участку береговой кручи, до сихъ поръ

служащему мольбищемъ для Ильдеряковскихъ чувашь-язычниковъ. Мѣсто это находится къ востоку отъ городка, на землѣ крестьянскаго общества д. Барской Енарускиной.

Скажу еще два слова относительно городища Хирь-Кала, указываемаго Артемьевымъ близъ села Старога Ибряйкина.

Хотя жители д. Барской Енарускиной и отрицали положительно существованіе городка въ этой мѣстности, но тѣмъ не менѣе заявляли, что не доѣзжая Старога Ибряйкина есть древній татарскій валъ. Такимъ образомъ представлялось необходимымъ провѣрить показаніе Артемьева.

Поднявшись вверхъ по Малой Сюльчѣ, версть на пять по нагорному берегу, мы дѣйствительно замѣтили невысокій валъ, который шелъ отъ проѣзжей дороги въ юго-западномъ направленіи на 53 саж., оканчиваясь у крутаго склона къ рѣкѣ. Валъ этотъ и сопровождающій его ровъ пересѣкались на разстояніи 5 саж. отъ береговаго обрыва узкими воротами. Можетъ быть, Артемьевъ и говорилъ объ этомъ валѣ, называя его "Хирь-Кала" (т. е. дѣвичій городокъ), а можетъ быть, онъ разумѣлъ подъ этимъ именемъ и какой нибудь другой пунктъ, напр. городокъ, находящійся въ самыхъ верховьяхъ Сюльчи, близъ д. Новой Ибряйкиной, о которомъ сообщали крестьяне д. Барской Енарускиной, но, къ сожалѣнію, я не имѣлъ случая непосредственно провѣрить это показаніе.

Этимъ собственно и оканчивается обзоръ моихъ фактическихъ свѣдѣній о болгарскихъ городахъ. Я имѣлъ еще случай побывать разъ пять въ Булгарѣ и два дня на мѣстѣ г. Бюяра, но раскопокъ здѣсь не производилъ, а только собиралъ коллекціи и производилъ наблюденія, необходимыя для представленія объ особенностяхъ болгарской культурѣ вообще.

Обзору этихъ наблюденій и общихъ заключеній будетъ посвященъ особый очеркъ.

И. Пономаревъ.

ВЛАДѢННЫЯ ГРАМАТЫ КАЗАНСКАГО СПАСОПРЕОБРАЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

I.

Граматы на городскія и земельныя владѣнія.

Разнообразная и благотворная дѣятельность основателя Спасопреображенскаго монастыря, св. Варсонофія, его святительское ходатайство за него, наипаче же славное обрѣтеніе нетлѣнныхъ мощей св. Гурія и Варсонофія Чудотворцевъ Казанскихъ, почивавшихъ въ оградѣ монастырской, привлекали общее боголюбивое попеченіе о содержаніи Спасопреображенскаго монастыря съ первыхъ лѣтъ существованія его. Посему, какъ цари и воеводы, такъ и простые люди всякаго званія и пола издавна спѣшили надѣлать Спасопреображенскій монастырь разнообразными владѣніями, начиная отъ разныхъ мелочныхъ лавокъ, убогихъ домишекъ и оканчивая обширными угодьями и цѣльными вотчинами.

Древнія дарственные грамоты и владѣнныя записи указываютъ, можно сказать, безчисленное множество имущественныхъ правъ Спасскаго монастыря. Въ однихъ грамотахъ эти права монастыря указываются непосредственно, а въ другихъ предполагаются какъ передаточныя.

Особыхъ актовъ на усадебное владѣніе Спасопреображенскаго монастыря не сохранилось, но о немъ ясно говорится въ грамотѣ Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, данной по челобитью архимандрита Варсонофія въ Казани князю Юрію Ивановичу Темнику Ростовскому въ 7070 (1562) году сентября 22 дня, въ которой говорится о при-

бавкѣ мѣста въ монастырю на служный дворъ и о сѣнныхъ покосахъ, что противъ Казачьяго острова ⁹⁾).

Не смотря на прибавку усадьбы, монастырь не могъ долго помѣститься со всѣмъ своимъ обширнымъ хозяйствомъ. Поэтому дарованы были разныя подгороднія усадьбы и даже слободы.

Ближайшею подгороднею монастырскою усадьбою была дача Подсѣка, данная грамотою Государя Царя и Великаго Князя Θεодора Іоанновича отъ Казанскаго воеводы князя Григорія Андреевича Булгакова архимандриту Паисію съ братіею въ 1586 году іюня 15 дня, при чемъ „велѣно тоя деревне Подсѣки сдаточнаго помѣстья Якова Алексѣева сына Целепелицына крестьянамъ съ пашенною землею, сѣнными покосами и со всякими угодыи быть за Спасскимъ монастыремъ, архимандрита съ братіею слушать, пашню пахать и оброкъ платить“. Грамота писана на столбцѣ, за черною печатью князя Булгакова, за сѣрѣпою дьяка Михаила Битяговскаго (см. опись монаст. бум. № 10).

Въ другой грамотѣ, отъ 21 сентября того же года Подсѣка называется Князь-Ивановское помѣстье Бабичева (№ 11).

По клировымъ вѣдомостямъ Подсѣка значитъ Высочайше пожалованною архимандриту Спасскаго монастыря въ качествѣ загородной дачи. И дѣйствительно, здѣсь имѣются всѣ приспособленія для загородной дачи, даже не одной, а нѣсколькихъ, при чемъ особенною вычурностью работы отличается одинъ домикъ, который и называется настоятельскимъ.

Въ качествѣ подгороднихъ же усадьбъ были даны слободы Плетени и Поповка. Въмѣсто ихъ при Василіѣ Ивановичѣ Шуйскомъ назначено было 50 рублей деньгами. Но потомъ грамотою Михаила Θεодоровича (1614 года) права монастыря на эти слободы были подтверждены. Грамота эта была дана на имя архимандрита Маварія, за сѣрѣпою дьяка Петра Мивузина. Позади подпись: Царь и Великій Князь

⁹⁾ См. въ описи бумагъ Спасскаго монастыря № 3 и въ приложеніи №

Михаилъ Θεодоровичъ, Всея Россіи Самодержецъ“. Потомъ были подтвержденія гбсударей Алексѣя Михайловича (1646 года) и Іоанна и Петра Алексѣевичей (1683 г.), за скрѣпами дяковъ Ивана Θεодорова и Ивана Кучецкаго (№ 35).

Въ 1650 году грамотою царя Алексѣя Михайловича повелѣно было „изъ вотчинъ Спасскаго монастыря села Плетеней и деревни Поповки крестьянъ въ посадъ не брать и не на какія земскія службы не посылать, а тѣмъ крестьянамъ въ лавкахъ не торговать, а съ струговъ и возовъ безпечно“. (№ 61).

Въ 1662 году опредѣлено было изъ Плетеней, Борисоглѣбское тожь, брать въ земскія службы по 6 человекъ. (№ 70).

Кромѣ сего, крестьяне подгороднихъ селъ дворцоваго Воскресенскаго и четверыхъ Отаръ грамотою царя Михаила Θεодоровича 1621 года обязывались ѣздить для монастыря въ его лѣсныя угодья за всякимъ хворостомъ и дровянымъ лѣсомъ на монастырскія потребности. Грамота эта была подтверждена въ 1646, 1680 и 1683 годахъ.

Частныя лица жертвовали многое Спасскому монастырю безъ письменныхъ данныхъ, но отъ многихъ сохранились и дарственныя записи, изъ коихъ видно, что Спасскому монастырю нѣкогда принадлежала едва не половина города древней Казани.

1) Такъ въ 7111 году отъ Володимірца, архіепископскаго слобожанина—прасола Степана Григорьева были пожертвованы Спасскому монастырю „въ поминъ по своемъ отцѣ и по себѣ лавка и половина погребѣ въ рыбномъ ряду, отъ города идучи на лѣвой рукѣ“. Данная въ монастырь купчая (1576) года подписана жертвователемъ собственноручно въ 7111 году ноября 7. Прежній владѣтель дарственныхъ помѣщеній былъ Милованъ Михайловъ сынъ Рязанца—переведенца, житель Казанскій (см. въ описи бум. № 4).

2) По купчей 1577 года отъ Русина Васильева сына Сырлы стрѣльца Данилова прибора(?) Хохлова Димитрію Степанову сыну Преподобову, жильцу казанскому, пожертвована

была Спасскому монастырю лавка, что въ большомъ ряду, идучи отъ каменнаго города на лѣвой рукѣ. (См. оп. бум. № 5).

3) Отъ 1581 года имѣется купчая Русина Васильева сына Галечшина, стрѣльца Ивановскаго приказу, Кайсарова, въ продажѣ Спасскому черному священнику Данилѣ полулавки, идучи отъ города на лѣвой сторонѣ (№ 7).

4) Отъ 1582 года сохранилась купчая Θεодора Алексѣева сына Вязмитина, овчинника, жильца казанскаго въ продажѣ архимандриту Герману лавки, что въ большомъ соляномъ ряду, отъ города идучи на правой сторонѣ.

5) Въ 1592 году далъ владную въ Преображенскій монастырь Василій прозвищемъ Смирновъ, Матвѣевъ сынъ, кашникъ, Казанскій жилецъ, отставленный стрѣлецъ, на лавку рубленную бревенчатую съ погребомъ, мѣрою одвѣ двѣ стѣны полутора сажени, другія двѣ стѣны трехъ сажень съ углами, въ ней чуланъ, а полати во всю лавку до пологъ, а передъ нею на дворъ двѣ поля, а та лавка отъ города идучи на лѣвой сторонѣ (см. № 14).

6) Отъ 1595 года имѣется купчая Клементія Алексѣева сына Желѣзныхъ ногъ, Казанскаго жильца въ продажѣ первому Анцифирову сыну Казанскому жъ жильцу—лавки въ большомъ ряду отъ города идучи на лѣвой рукѣ за кашнымъ вкестцомъ (№ 17).

7) Въ 1598 году была приобрѣтена въ пользу монастыря лавка въ большомъ сапожномъ ряду, причемъ купчая Настасьи Оминой вдовы Ивановской женѣ Башмакова, казанскаго жильца, да Филиппа Иванова сына Башмакова же, сдѣлана на имя монастырскаго слуги Невѣра Васильева сына. А та лавка идучи отъ города на лѣвой сторонѣ (см. № 19).

8) Въ 1609 году далъ въ Спасскій монастырь владную на лавку въ рыбномъ ряду старецъ Преображенскаго монастыря Θεодоритъ, прозвищемъ Красная щека. Позади этой записи было написано: 117 году Генваря въ 8 день предъ

бояры и воеводы предъ Васи́ліемъ Петровичемъ Мѣрозовымъ, предъ Богданомъ Явоневичемъ Бѣльскимъ старецъ Теодоритъ сказалъ, что ту свою лавку въ Преображенскій монастырь отдалъ владу и въ книги сія сдаточная записана и пошлины съ нея взять“. Подпись скрѣпилъ дьякъ Никаноръ Шулгинъ (см. № 30).

9) Въ 1622 году Абакумъ сынъ Ивановъ Келарю Нилу еже о Христъ съ братією далъ владную на полъ кузницы къ прежнему владу половину жъ кузницы.

10) Въ 1627 году поступила владная старца Преображенскаго монастыря Макарія Остолопова при Келарѣ Измаилѣ Казицынѣ, да при вазначей старцѣ Петрѣ Рязанцовѣ на три лавки, а именно: первая въ большомъ ряду, отъ каменнаго города идучи на лѣвой сторонѣ, а другая въ пушномъ ряду, идучи отъ того жъ каменнаго города на лѣвой рукѣ, третья въ томъ же пушномъ ряду, идучи изъ города жъ изъ женскаго ряду на правой рукѣ.

Здѣсь же говорится о пожертвованіи старцемъ Макаріемъ образа Одыгитри въ кіотѣ и Нерукотвореннаго Спаса, вырѣзаннаго на золотѣ и складней, съ указаніемъ окладовъ ихъ и украшеній.

11) По купчей Марьи, Савельевой дочери, вдовы Ивановской жены Архипова сына Масленикова 1649 года поступило отъ вдовы Татьяны Борисовой дочери по зятѣ ея Теодорѣ Полуевитовѣ Толмачѣ въ вѣчный поминокъ двѣ лавки въ большомъ соляномъ ряду, отъ каменнаго города идучи на правой рукѣ, на одномъ брусу. Купчая эта за скрѣпою дьяка Григорія Одинцова (№№ 58 и 69).

12) Грамотою Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, на имя боярина и воеводы Михаила Михайловича Салтыкова съ товарищи, укрѣплялся за Спасскимъ монастыремъ бочкарный дворъ. Въ этой грамотѣ говорится также о двухъ слободахъ: Поповкѣ и Штетеняхъ, чтобы ихъ въ посадъ не брать, а быть имъ за монастыремъ по

прежнему. Грамоту сію скрѣпилъ дьякъ Григорій Одинцовъ (№ 59).

13) По купчей 1654 года Андрея Иванова сына Карачева, отставленнаго стрѣльца конному стрѣлецкому Никитѣ Митрофанову сыну кожевнику пожертвована въ Спасскій монастырь кузница въ большомъ кузнечномъ ряду отъ вдовой Евстафіевой дочери жены Никиты Митрофанова сына (№ 63).

14) Отъ 1655 года имѣется купчая на лавку въ Шапошномъ ряду, идучи отъ каменнаго города на правой сторонѣ. Купчая сдѣлана была на имя посадскаго человѣка Семена Мартынова Шапошника. Позади купчей сдѣлана была подпись, что продавецъ Семенъ Алексѣевъ лавку свою продалъ и деньги взялъ. Подпись за скрѣпою дьяка Мины Грязева, за справкою подъячаго Васьки Данилова (№ 64).

15) Въ 1567 году поступился въ Преображенскій монастырь амбаромъ у Тайнишныхъ воротъ Филаретъ тверитянинъ, передавши на него купчую Онисима Θεодорова сына Поляница, посадскому человѣку Ѳаддѣю Димитриву сыну. Поступная подписана была въ Казанской Приказной Палатѣ 1 іюля 7165 года (№ 62).

16) Въ 1657 году сдѣлала была вкладная запись отъ Ирины Никифоровой вдовы Семеновской жены Павлова стрѣльца Обаймова приказу архимандриту Прохору съ братією на каменную лавку въ серебряномъ ряду (№ 65).

17) Въ томъ же году архимандриту Прохору дана была запись на лавку Онофрія сына Семенова Терентьева Вологдина. Лавка эта была въ каменномъ въ гостинномъ дворѣ, подлѣ варни, въ лицѣ мѣра Государева сажень, поперекъ полторы сажени (№ 66).

18) Отъ того же года имѣется грамота на порожнее мѣсто у Тайничныхъ воротъ подъ строеніе соляного амбара. Мѣрою то мѣсто по досмотру городничаго Θεодора Шалимова въ длину полдевяти сажени, поперекъ двѣ сажени съ полуаршиномъ. Грамота выдана по Государеву Ца-

реву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича указу отъ боярина и воеводы Михаила Михайловича Салтыкова съ товарищи Казанскому посадскому человѣку Алексѣю Колупаеву, за скрѣпою дьяка пятаго Спиридонова, за справою Васьки Гаврилова (№ 67).

19) Въ томъ же году дана была Спасопреображенскому монастырю вкладная съ Варлаама Матвѣева сына ветошника Казанскаго коннаго стрѣльца Никифорова сотни Нелюбова, на лавку въ рукавишномъ ряду, идучи отъ города каменнаго на лѣвой рукѣ (№ 68).

20) Отъ 1662 года имѣется купчая Евкаторины Θεодоровой дочери вдовы Казанскаго посадскаго человѣка Петровой жены Немирова, въ продажѣ посадскому человѣку Спиридону Григорьеву Попову на лавку въ женскомъ ряду, отъ каменнаго города идучи на лѣвой рукѣ. Купчая за скрѣпою дьяка Ивана Блудова, за справою Гришки Никифорова (№ 72).

21) Въ 1664 году дана запись архимандриту Мисаилу съ братією на лавку въ ветошномъ ряду старицы Капитолины Семеновой дочери отъ сына ея Андрея Миѣева Караменева, отставленнаго стрѣльца (№ 74).

22) Въ томъ же году архимандритъ Мисаилъ получилъ данную запись на лавку въ шапошномъ ряду отъ Герасима Москвитанина, скорняка, отецъ котораго Семень Мартыновъ въ иночествѣ назывался Сергіемъ. А та лавка, идучи отъ каменнаго города, на правой сторонѣ (№ 74).

23) Отъ того же года дана была купчая Варлаама Матвѣева сына коннаго стрѣльца сотни Степана Халевина, въ продажѣ лавки въ женскомъ ряду вдовѣ Агафѣѣ Θεодоровой дочери Калугиной, которая вѣроятно и пожертвовала лавку Спасскому монастырю (№ 76).

24) Отъ 1667 года имѣется купчая Петра Спиридонова сына Дѣтнова Казанскаго посадскаго человѣка въ продажѣ Казанскому посадскому Василю Иванову сыну Иванисову

лавки въ медовомъ ряду, отъ каменнаго города идучи, въ сапожномъ ряду на лѣвой рукѣ (№№ 77 и 78).

25) Въ 1671 году дана вкладная архимандриту Мисаилу съ братіею отъ Ивана Герасимова сына Мандрика на двѣ лавки въ сыромятномъ ряду, первая идучи отъ каменнаго города на правой, а другая на лѣвой сторонѣ (№ 80).

26) Въ 1681 году дана была поступная запись архимандриту Софонію да казначею старцу Макарію съ братіею отъ Григорія Артемьева сына Мыльникова на двѣ лавки деревянныя въ мушномъ ряду, на одномъ брусу съ двумя новыми погребами, идучи отъ рыбнаго ряду, на правой сторонѣ, а мѣрою тѣ лавки одна въ длину полторы сажени четыре вершка, другая двѣ сажени съ вершкомъ (№ 83).

27) Въ 1683 году архимандриту Діонисію съ братіею дана была поступная запись на лавку, что въ медномъ ряду, да на лавочное пустое мѣсто въ пушномъ ряду, идучи отъ каменнаго города на лѣвой сторонѣ, да на амбарное мѣсто у Тайничныхъ воротъ отъ Василия Иванова сына Иванисова, причемъ подробно указана мѣра всѣхъ мѣстъ (№ 84).

28) Въ 1687 году дана была поступная запись архимандриту Діонисію да казначею старцу Іакову отъ вдовы Анны Ильиной Казанскаго посадскаго человѣка жены Тимофеева сына Оролова на три лавки въ мясномъ ряду, на одномъ брусу; мѣрою тѣ лавки полсемь сажени (№ 89).

29) Въ 1691 году дана была архимандриту Діонисію съ братіею чрезъ священника Богоявленской церкви Петра Димитріева отъ гостинной сотни Спиридона Григорьева Попова поступная на лавку въ женскомъ ряду, идучи отъ каменнаго города на лѣвой сторонѣ (№ 98).

30) Въ 1700 году по челобитью монастырскаго страпцаго Пронки Гвоздарева дана была грамота Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, на имя стольника и воеводы Никиты Алеерьевича Кудравцева, о постройкѣ на

старомъ Булачномъ устьѣ, гдѣ бывала монастырская мельница, избы и амбара для караула монастырскихъ струговъ, плотовъ и проч. Грамота эта писана на гербовой бумагѣ за свѣпою дьяка Минны Полянскаго, за справою Максимѣи Неупокоева (№ 103).

Такъ въ 1727 году дана была поступная келарю іеродіакону Вареоломею Володимірцу да казначею Петру Попцову отъ бывшаго губернской канцеляріи подъячаго Василія Иванова Макарова—сына его Петра Васильева на лавку въ крашеномъ ряду (№ 104).

Многими изъ указанныхъ городскихъ владѣній Спасскій монастырь несомнѣнно такъ или иначе пользовался, нѣкоторые же продавалъ имѣя неотложныя нужны въ благоустроеніи монастыря, постепенно обращавшаго свои деревянныя и полукаменныя постройки во всецѣло каменныя, на что, конечно, требовались весьма большія средства. Иными изъ указанныхъ пожертвованій монастырь не могъ и воспользоваться по случаю оспориванія завѣщанныхъ владѣній. Большая часть владѣній этихъ погибла въ пожарахъ, весьма часто свирѣпствовавшихъ въ Казани въ былыя времена. Часто случалось, что монастырь послѣ пожара не только не могъ выстроить той или иной лавки, но даже и доказать правъ на вѣковѣчное владѣніе погорѣлымъ мѣстомъ. Бывали однако случаи, когда монастырь энергично вступался за свои владѣнія и овѣ изъ подпепелища возвращались ему.

Такъ было напр. въ 1874 году, когда выдана была память изъ привазной палаты таможенному головѣ Алексѣю Третьякову о смыску послѣ пожарнаго времени въ шапочномъ ряду монастырскаго лавочнаго мѣста, — мѣрою двѣ сажени 4 вершка. Память сія писана за свѣпою дьяка Ивана Лобова, за справою Артемки Никифорова.

Такимъ же вѣроятно образомъ получена была данная по указу Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича отъ боярина и воеводы Князя Юрія Семеновича Урусова архимандриту Діонисію съ

братію, за печатью Царства Казанскаго на двѣ лавки Казанскаго посадскаго человѣка Никифора Мовсеева въ женскомъ ряду (№ 88).

Изъ множества прежнихъ своихъ владѣній въ Казани Спасскій монастырь теперь не имѣетъ ни одного. И при неопредѣленности топографическихъ указаній въ древнихъ актахъ (даже самыхъ бесспорныхъ) нельзя питать надеждъ на возвращеніе хотя бы одного изъ нихъ, какъ напр. того мѣста, гдѣ у него была нѣкогда мельница (на устьѣ Булака). „Идучи изъ каменнаго города“ вынѣ ни направо, ни налево не найдешь ни одной лавки изъ сруба. Только историческія данныя, „п а ч е з л а т а и т о п а з і я“,—могутъ быть наградою интересующемуся приведенными документальными справками, которыя проливаютъ свѣтъ на историческое положеніе монастыря и отношеніе къ нему горожанъ въ стародавнее время.

Основанный завоевателемъ Казани, Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ IV, Спасскій монастырь пользовался великими и разнообразными его милостями. Ему спѣшили подражать въ этомъ вниманіи къ монастырю, прославленному обрѣтеніемъ въ немъ нетлѣнныхъ мощей св. Чудотворцевъ Казанскихъ, и другіе Цари и Императоры, заключая нынѣ благополучно царствующимъ Монархомъ, отъ щедротъ коего осенью 1892 года даровано монастырю весьма крупное угодье лѣсное, находящееся въ 12 верстахъ отъ Казани, близъ коего находится полотно Казанско-Рязанской желѣзной дороги.

Владѣнныя грамоты и другіе документы Спасопреображенскаго монастыря говорятъ о многихъ его владѣніяхъ, какъ въ старое, такъ и въ новое время.

1) Въ грамотѣ Царя Іоанна Васильевича, данной по челобитью архимандрита Варсонофія, въ Казани Князю Юрію Ивановичу Темнику Ростовскому въ 1562 году, упоминаются сѣнныя покосы противъ Казачьяго острова.

Въ 1595 году по грамотѣ Царя Θεодора Ивановича дана была архимандриту Арсенію выписка изъ писцовыхъ ме-

жевыхъ книгъ окольныхъ Никиты Васильева Борисова да Дмитрія Калиты 74 года, на сѣнные покосы, что у рѣки Воложки противъ Казачьяго острова, на рѣчкѣ на Песочнѣ, да на Отарскіе сѣнные покосы, да въ городской сторонѣ у рѣчки Ичьки (№ 15).

Въ настоящее время Спасскій монастырь изъ сихъ угодій пользуется только покосами возлѣ деревень Отарь и Побѣдиловой, имѣя на право этого пользованія межевыя книги отъ 2 и 30 октября 1795 года. Между деревнями Малыми Отарами и Побѣдиловой значится 19 десятинъ 246 саж., а подъ Большими Отарами 6 дес. 1987 саж. Эти сѣнные покосы отдаются въ аренду рублей за 200—250 въ годъ.

2) Въ 1639 году грамотою Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, данною на имя архимандрита Пафнутія отъ Казанскихъ воеводъ Ивана Васильевича Морозова да Князя Никиты Никитича Гагарина велѣно поставить храмъ во имя Георгія Стратотерпца въ селѣ Егорьевскомъ (Лаш. уѣзда) и по построеніи храма тою землею владѣть вѣчно, а жительствующимъ на той землѣ крестьянамъ Спасскаго монастыря властей слушать, пашню пахать*. Грамота писана на столбцѣ, за свѣпою дьяка Никифора Толызина, за справою Гришки Амирева (№ 48).

Въ 1649 году была грамота Царя Алексѣя Михайловича въ Казань боярину и воеводѣ Глѣбу Ивановичу Морозову съ товарищи о постройкѣ самовольствомъ на рѣчкѣ Дертелевкѣ, Акашкѣ тожь, казанцемъ Яковомъ Ананьевымъ съ сыномъ Львомъ, мельницы съ запрудомъ воды до с. Егорьевскаго (№ 56).

Въ 1654 году выдана была межевая книга на землю Георгіевскую съ помѣстными съ нею землями, за свѣпою дьяка Леонтія Мешкова, за справою Васьки Стряпчаго (№ 33).

3) Грамотою Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича отъ Казанскаго воеводы Дмитрія Ивановича Веняминанова, данною архимандриту Галактіону съ братією въ 1589 го-

ду предоставлена половина деревни Салмачей, Меньшевское помѣстье Воленскова, со крестьяне и со всѣми угодья въ вѣчное владѣніе. Грамота писана на столбцѣ за печатью Царства Казанскаго, за скрѣпкою дьяка Богдана Иванова (№ 12).

4) На вторую половину Салмачей, что было въ помѣстьѣ за Иваномъ Стрѣшневымъ, да на сельбище Теробурдѣевское, и пустоши Тетеевскую и Бѣляковскую и на новый островъ Анчибаръ съ прочими дана была грамота отъ царя Василя Ивановича Шуйскаго, при чемъ были прописаны и межи. Грамота дана была на имя архимандрита Арсенія въ 1606 году, за подписью дьяковъ Ивана Зубова да Аванасія Овдокимова (№ 23).

О сихъ угодьяхъ д. Салмачей было упоминаніе въ грамотѣ Государя Царя Михаила Феодоровича отъ 16 декабря 1614 года, которою предоставлены были архимандриту Маргарію пустоши Теробурдѣевская, Тетеевская и Бѣляковская и др. Права эти были подтверждаемы Алексѣемъ Михайловичемъ а также Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами (№ 35). На Теробурдѣевское сельцо въ 1646 году выдана была межевая книга, равно какъ и на пустоши Баишеву, Тетеевскую и Бѣляковскую (№ 33).

5) Отъ царя государя Феодора Іоанновича въ 1592 году марта 1 дня дана грамота на вотчину: „на сельце Клыкѣ и Средній Клыкѣ, на починокъ Шамаяръ и на прочіе оброчныя деревни, починокъ и пустоши, на лѣсныя угодья, сѣнныя покосы и рыбныя ловли“... Грамота за красною висячею печатью. Назади грамоты подписано: Царь и Великій Князь Феодоръ Ивановичъ, всея Россіи (№ 13).

6) Грамотою Царя и Великаго Князя Василя Ивановича отъ Казанскихъ воеводъ Степана Александровича Вольскаго да отъ Князя Михаила Семеновича Туренина, на имя (монастырскаго служителя) Матвѣя Бруткова, дано было Ивановское помѣстье Данилова сына Опучина, на деревни Биму и

К а и п ь и чтобъ крестьяне М. Бруткова слушали и пашню пахали и доходъ платили. Грамота писана въ 1606 году на столбцѣ, за скрѣпою Аеан. Овдокимова, за справкою Ивашки Трусова (№ 24). Но такъ какъ вскорѣ этими вотчинами завладѣли другіе, то въ 1610 году было подтвержденіе, на которомъ сдѣлана была подпись Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича въ 1614 году съ повелѣніемъ ходить во всемъ по тому, какъ въ грамотѣ значится. Грамота за подписью дьяка Семена Еѳимова сына Протопопова (№ 31). А въ 1632 году грамотою Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича на имя окопничаго и воеводы Ѳеодора Леонтьевича Бутурлина съ товарища, повелѣно было сыскать Казанца Мепшова Ступишина и дать очную ставку съ слугою Спасскаго монастыря, почему онъ вотчинами М а т в ѣ я Б р у т к о в а, деревнями Б и м о ю и К а и п а м и владѣть, и по очной ставкѣ Ступишину отказать, а владѣть тѣми деревнями Спасскому монастырю, прочимъ не въ образецъ. Грамота съ печатью Россійскаго герба, за скрѣпою дьяка Ивана Грязева, справкою Ивана Маслова; писана на столбцѣ. На той же грамотѣ находится подтвержденіе ея въ 1646 году, за скрѣпою дьяка Ивана Ѳеодорова и другая надпись 1683 года, за скрѣпою дьяка Ивана Кучецкаго (№ 16). Въ грамотѣ Д. Самозванца Матвѣй Брутковъ называется І. Невѣровымъ, а деревня Каипъ слаточнымъ жребіемъ Кобякова (№ 32).

7) Въ архивѣ Спасскаго монастыря почему-то имѣются двѣ копии съ владѣнныхъ грамотъ на деревню С а и р ь помѣстье новокрещена Якова Етмасова, жеребій Матвѣя Ногаева. Въ первой грамотѣ говорится отъ Царя Михаила Ѳеодоровича (1615 г.) о слушаніи крестьянъ Етмасова по постройкѣ ему мельницы, а въ другой (1641 г.) просто о принадлежности деревни Саиръ служилому новокрещенному Олешкѣ Етмасову, при чемъ вотчина эта называется жеребіемъ Ѳедьки Башева Алацкой дороги (См. №№ 37 и 50). Вѣроятно, впоследствии права на эту вотчину какъ-либо перешли въ Спасскій монастырь.

8) По указу Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича грамотою отъ Казанскихъ воеводъ Ивана Васильевича Морозова да Князя Никиты Никитича Гагарина Архимандриту Пафнутію въ 1639 году февраля 23 дня даны были Спасскому монастырю рыбныя ловли въ Камѣ рѣкѣ, Старое и Новое Камское устьѣ, Красное Озеро и рѣка Чертыкъ съ озерами и истоками и съ внешними полон, и Закамскій Троицкій монастырь, что бывалъ на Чертыковскомъ острову, пашенную землю и закамскіе сѣнные покосы, съ прописаніемъ тѣмъ угодьямъ межъ и урочищъ. Грамота за скрѣпою дьяка Никифора Талызина, за справою Гришки Амирева (№ 49).

9) Черезъ три года было подтвержденіе сего указа новою грамотою, въ которой кромѣ указанныхъ владѣній, еще даны рыбныя ловли рѣчьи Бездны и при семь сѣнные покосы. Грамота эта писана на столбцѣ, за скрѣпою дьяка Сергѣя Матвѣева, за справою подъячаго Петрушки Степанова. Назадъ сей грамоты сдѣлано подтвержденіе ея отъ Царей Алексѣя Михайловича въ 7154 году и Іоанна и Петра Алексѣевичей въ 7191 году мая 20 дня.

Въ 1678 году дана была грамота Царя Ѳеодора Алексѣевича отъ стольниковъ и воеводъ Казанскихъ Михаила Львовича Плещеева да Василя Лаврентьевича Пушечникова Архимандриту Іосифу да келарю Діонисію на рыбныя ловли въ старомъ и новомъ камскихъ устьяхъ, что объявлено въ оброкѣ у казанскаго ямщика Оношки Архипова съ товарищи, съ прописаніемъ всего дѣла и съ показаніемъ тѣмъ устьямъ въ Казанскую и степную сторону межи. Грамота сія на столбцѣ, за скрѣпою дьяка Ивана Родіонова, за справою Володьки Степанова (№ 82). Таковая же грамота была дана въ 1684 году, по судному дѣлу съ крестьянами села Мансурова, а потомъ въ 1689, 1693 и 1698 годахъ съ ссылкой на грамоту 1653 года.

II.

Промысловыя грамоты Спасскаго монастыря.

Въ старыя годы промышленность и торговля на Руси не имѣла той свободы, что нынѣ, поэтому для веденія ихъ требовались не только капиталъ и предпріимчивость, но и сила или извѣстное вліятельное значеніе той корпораціи, которая бралась за сложныя торговопромышленныя предпріятія. Вотъ почему монастыри въ древней Руси брались и успѣшно вели съ выгодой разные промыслы, на веденіе коихъ правительство не только давало имъ грамоты, но и оказывало разныя свои пособія. Таковыя грамоты на разныя промысловыя льготы и даже пособія нерѣдко въ стародавнія времена давались и Спасо-преображенскому Казанскому монастырю. Нерѣдко случалось, что монастырю передавались нѣкоторыя выгодныя права, предоставленныя царскими грамотами, въ качествѣ пожертвованій. Изъ множества указанныхъ привиллегій въ сохранившихся монастырскихъ документахъ упоминаются слѣдующія:

1) Грамота Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, данная въ 1558 году Вятчинину Орловскаго города Демѣ Филиппову, сыну Челищеву на рыбныя и бобрывыя ловли въ рѣчкахъ Кишкылѣ и Ишимѣ, на озерко и бортное ухажье. Грамота дана была за красною висячею печатью и подписью: Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Руси (см. опись № 2).

2) Грамота Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича 1579 года на право плаванія съ судномъ въ Астрахань и власть въ то судно соли или рыбы и плыть до Казани и Нижняго Новгорода, гдѣ, продавъ соль и рыбу, покупать про монастырскій обиходъ рухлять безошлинно. Грамота за красною печатью и подписью: Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Руси. Ниже этой подписи подтвержденіе грамоты Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ въ 7096 (1588) году, за подписью дьяка Дружины Петелина (№ 6).

3) Таковая же грамота была и отъ Самозванца за подписью дьяка Богдана Ивановича Сутукова. Этою грамотою опредѣлялось брать соли или рыбы 10 тысячъ пудовъ и за взятыя слободы назначалось 50 рублей.

4) Грамотою же Государя и Великаго Князя Василя Ивановича, данною архимандриту Юсифу съ братією въ 7116 (1608) году, назначено вмѣсто руги¹⁾ 50 рублей и за взятыя слободы 50 руб. и предоставлялось право ходить одинаво въ годъ судномъ въ Астрахань и власть по 20 тысячъ пудъ соли или рыбы (№ 26).

5) Грамотою Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича вышеуказанное право было подтверждено въ 1620 и 1621 годахъ, когда кромѣ того дана прибавка къ прежнимъ 12 связкамъ 8 связокъ для ловли рыбы въ рѣкѣ Волгѣ. Грамота эта за красною печатью и подписью: Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи Самодержецъ. Ниже этой подписи сдѣлано подтвержденіе грамоты отъ Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, за скрѣпою дьяка Максима Чиркова (№ 26). Грамотою Царя Бориса Ѳеодоровича велѣно было право на рыбныя ловли въ Воложеѣ и Чертыкѣ передавать стороннимъ лицамъ изъ 3-й рыбы. Грамота эта была дана на имя Архимандрита Арсенія въ 1599 году, за скрѣпою самого царя. Въ слѣдующемъ году велѣно было не брать съ этой рыбы на Государя (№№ 20 и 21).

6) Тѣмъ же Царемъ предоставлено было право монастырю посылать въ Москву безпошлинно 10 воевъ рыбы. Грамота эта дана за скрѣпою дьяка Петра Микулина (№ 34). Другою его грамотою (1644 г.) не велѣно брать на государевъ обиходъ живой монастырской рыбы и полотковой соленой не брать.

---

¹⁾ Примѣчаніе. Руга эта состояла между прочимъ, по грамотѣ царя Бориса Ѳеодоровича, въ дачѣ денегъ, соту, меду, ладону и вина церковнаго. (№№ 20 и 22).

7) Грамотами же 1644 года мая 2 и іюля 11 сначала позволялось съ вывозимой изъ Астрахани соли или рыбы пошлинъ не брать, а потомъ—брать, но въ Казани взятое возвращать (№№ 53 и 54).

8) Грамотою Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича 1649 года на имя Нижегородскаго таможеннаго головы Варюнагова съ товарищи „не велѣно съ посылаемыхъ изъ Спасскаго монастыря къ Москвѣ хлѣбныхъ и всякихъ запасовъ пошлинъ, головщинъ и полозоваго брать“. Грамота писана на столбцѣ, съ возглавія на ней написано Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ. Скрѣпилъ думный дьякъ Михайло Волошениновъ, а справилъ Степанка Лялинъ (№ 34).

9) Въ качествѣ нѣкотораго рода промысла Спасскій монастырь имѣлъ мостъ и перевозъ чрезъ рѣку Мешу, близъ монастырской деревни Бима, на содержаніе коихъ онъ имѣлъ грамоту, данную по указу Государя Михаила Теодоровича (въ 1616 году), на имя казанца Матвѣя Бреудкова, слуги Спасскаго монастыря. Грамота сія за скрѣпою дьяка Степана Дичкова, за справою Васьки Михайлова (№ 41).

10) Въ 1699 году по указу Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна и Петра Алексѣевичей дана была Архимандриту Алексію съ братіею выпись на перевозъ на Камѣ рѣкѣ, на новомъ меженомъ устьѣ. Прежде перевозъ этотъ былъ на оброкѣ за Наумомъ Барановымъ. Выпись на столбцѣ, за скрѣпою дьяка Пантелея Кондратова, за справою Андрюшки Степанова (№ 101—см. въ копіи №).

III.

Правовыя привиллегіи Спасскаго монастыря.

Владѣніе разными угодьями и вотчинами, а также и пользование промышленными привиллегіями вызвали на установленіе особыхъ правъ и отношеній Спасскаго монастыря. Особенно это было необходимо въ то старое время, когда всѣ вообще правовыя отношенія были крайне смутны, неопредѣ-

ленны и не тверды, по неустойчивости и самого государственнаго порядка въ такихъ далекихъ окраинахъ.

1) Первою правовою бумагою Спасскаго монастыря считается несудная грамота Государя Царя и Великаго Князя Иоанна Васильевича, данная въ 7063 (1555) году Архимандриту Варсонофію Чудотворцу.

Такожая же грамота дана была отъ Царя Михаила Теодоровича въ 1621 году Архимандриту Макарію, за подписомъ дьяка Семена Головина и справою Ивашки Горохова.

2) Потомъ Архимандриту Сильвестру съ братіею, по ихъ челобитью, дана была специальная грамота, чтобы судъ всёмъ давать въ монастырскихъ сѣвннхъ покосахъ, что на Чертыковскомъ острову съ горными Свияжскаго уѣзда татары и Чувашею и Черемисою и Мордвою въ Казани и указъ писати, и то, до чего доведется, въ Казани жъ. Грамота сія отъ Царя Михаила Теодоровича за скрѣпою дьяка Спиридонова, за справою Оедьки Васильева. На той же грамотѣ сдѣлано подтвержденіе отъ Царя Алексѣя Михайловича въ 1646 году.

3) Грамотою Царя Алексѣя Михайловича 1649 года предоставлялось „чтобъ Митрополиту Казанскому Сусмеону Преображенскаго монастыря старцовъ и слугъ за ссорою о вотчинной спорной Салманчинской землѣ ни въ какихъ дѣлѣхъ судомъ и расправою кромѣ духовныхъ дѣлъ не вѣдать“. Грамота за скрѣпою дьяка Ивана Теодорова, за справою Якушки Леонтьева (№ 40).

4) Въ 1650 году отъ Царя Алексѣя Михайловича чрезъ Казанскаго боярина и воеводы Глѣба Ивановича Морозова Архимандриту Прохору дана была грамота погонная, для сыску бѣглыхъ монастырскихъ бобылей и крестьянъ, въ Казани и Казанскихъ пригородѣхъ и уѣздѣхъ, Стряпчему Савкѣ Черноцѣвскому. Грамота эта за скрѣпою дьяка Теодора Иванова и справою Ивашки Бражникова (№ 60).

5) Въ 1647 году даны были монастырскимъ крестьянамъ нѣкоторыя льготы въ подворныхъ сборахъ.

6) Въ 1649 году монастырскіе крестьяне освобождены были отъ привлеченія по искowymъ дѣламъ изъ мѣстъ ихъ жительства (№ 57).

7) Въ 1690 году монастырскіе крестьяне были освобождены отъ привлеченія на подѣлку воеводскихъ дворовъ и на всякое строеніе и на наемъ водоливовъ (№ 96)

8) Въ 1696 году монастырскіе крестьяне были освобождены отъ взноса стрѣлцаго хлѣба за прошлые годы.

Особенное обиліе въ монастырскомъ архивѣ имѣется разнаго рода поступныхъ записей, относящихся до крестьянъ и крестьянотъ монастырскихъ вотчинъ.

Епископъ Никаноръ.

Грамата о Подсѣкѣ.

 Государеве Цареве и Великого Князя Федора Ивановича всеа Русіи грамоте за приписью діака Ондрѣя Шолкалова отъ воеводы ото князя Григорья Ондрѣевича Булгакова с товарищи да отъ Государева діака Михаила Битяговского въ Каванской уездъ в деревню в подсеку в вадаточное помѣстье Яковлевское Олѣксеева сына Пелепелицына крѣстьяномъ. Пожаловалъ Государь Царь I великій Князь Федоръ Ивановичъ всеа Русіи тѣмъ вдаточнымъ Яковлевскимъ помѣстьемъ Олѣксеева сына Пелепелицына Прѣображенского монастыря Орхимандрита Паисея в братью или по немъ в томъ монастыре иные архимандриты будутъ, на пашню в угодые для монастырсково обиходу к прежнимъ ихъ монастырскимъ землямъ. А по отдѣльнымъ книгамъ письма и отдѣлу Гаврила Щепина да подъячево Безсона Семѣнова лѣта 7085-го году написано в деревнѣ в подсеке отделеено Якову Пелепелицыну пашенные земли семнатцать чети без полчетверика да перелогу восемь чети безъ полчетверика да зарослей четыре десятины съ полдесятиною въ поле а въ дву потомужъ, сена по реке по Кавани сто семдесятъ пять копенъ. И вы бѣ все крѣстьяне, которые въ томъ Яковлевскомъ поместье живутъ, архимандрита Паисею в братью слушали и пашню на нихъ пахали и оброки платили, чемъ васъ пообротчатъ. К сей грамоте воевода князь Григорей Ондрѣевичъ Булгаковъ печать свою приложилъ.

Лѣта 7094-го Іюня въ 15 день. Діакъ Михайла Битяговской.

(Грамота подлинная. Печать сохранилась въ Московск. Арх. Мин. Юст. № 15 6423).

Данная о лавкѣ.

Се явъ Василей, а прозвище Смирной Матвеевъ сынъ... (Ка)ванской жилецъ, оставленной стрелецъ, дагь есми в казаве в преображенской монастырь Преображенскому архимандриту Галахтиону, еже о Христе въ братію завкладъ задесять рублевъ лавку свою рубленую бревенную полторысажени двестеная, другие двестеная трехъ сажень и арольсмъ(?), а в ней чуланъ дощеной снутреннимъ замкомъ, в ней же палати во всю лавку в закрой да в н(ей) же помокъ да подъ нею погребъ, а струбъ в немъ (бре)веной, а передъ нею на дворе два полка, а т(а) моя лавка отъ города в рядъ идучи на левой руке на одномъ брусу в богданомъ с ветошнякомъ, а по другую сторону Ивановской шелашъ Со-ловолокова, напротиве черезъ рядъ Савельева лавка Кликунова; а нетъ тое

моей лавки ни у ково в закладѣ ни в кобалахъ нивкакихъ крепостехъ опречь с(я) вкладная, а хто выложить на тое мою лавку к(а)балу или купчую или какую крепость нибудь и (мнѣ) Василью та своя лавка очистити и убытка архимариту в братьею невести, а что архимариту в братьею учинится в той лавке убы(токъ), и мне, Василью, те убытки платить по сей вкладной все сполна. А за тотъ вкладъ меня пожаловать архимариту Галахтиону постритчи повремени, какъ моя пора придетъ. А на то (по)слуси Третьякъ Ивановъ сынъ Кудринъ да Юрьи Михайлавъ сынъ Амирева да Иванъ Невлевъ сынъ Горемыкинъ. А вкладную писалъ Данила Васильевъ сынъ Хапугинъ лѣта 7100 году генваря въ 12 день.

На оборотѣ: Послухъ Третьячко руку приложилъ. Послухъ Юшко руку приложилъ. Послухъ Иванка руку приложилъ. (№ 20 6428).

Списокъ съ жалованной грамоты на многія вотчины и угодья.

Се язъ Царь І великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи съ своею Царицею І великою Княгинею Ириною пожаловали есмя Преображенского монастыря, что въ Казани, архимандрита Галахтиона въ братьею, или хто по немъ в томъ монастырѣ иные архимариты и братья будутъ, что били мнѣ челомъ Царю І великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи изъ Казани, онъ, архимандритъ Галахтионъ въ братьею, что де за ними въ Казанскомъ уѣзде село Клыкъ на рекѣ на Ноксѣ село Среднее Клыкъ на рекѣ на Ноксѣ да у тѣхъ же дву селецъ на рекѣ на Ноксѣ двѣ мельницы, большіе колеса, починокъ Шамасырь на речке на Дертюлевке, село Куукъ на рѣчке на Куюковке, починокъ Саеваровъ на рѣчке на Ноксе, а подъ починомъ на рекѣ на Ноксе мельница, большое колесо, починокъ Ангильдѣевъ на рѣчке на Ноксе, деревня Борисово на Третьемъ Кабане на верхнемъ, пустошь Маматяково на крутомъ враге у нагайские дороги, починокъ Полянки на Саеваровской дубровѣ, починокъ Чернопенья на рѣчке на Ноксе, деревня Меньшия Дертюли на рѣчке на Ноксе. И на тѣ де ихъ монастырские на села и на деревни и на починки и на пустошь и на рыбные ловли были наши жаловальные грамоты, и тѣ де у нихъ грамоты впожаръ згорѣли да у нихъ же де въ выписи за приписью дьяка Михаила Битяговского 88-го году написано: деревня Дертюли Меньшия а в списке за его же Михайловою приписью 94-го году та деревня за ними прописана да имъ же де дано в казанскомъ же уѣзде наше жалованье въ 94-мъ году княжъ Ивановское помѣстье Бабычева да Яковлевское Пелепелицына в деревне в подсекахъ да въ 99 году Меньшиковское помѣстье Волянского в деревне в Салмачахъ; И на ту де у нихъ монастырскую землю, на старую и на деревню Дертюли и на новую наше жаловальные грамоты, почему имъ тою землею владѣти, нѣтъ; и намъ бы ихъ пожаловати, велѣти имъ на ту ихъ монастырскую на старую и на деревню Дертюли и на новую придачу дати нашу жалованную грамоту, по чему имъ тою землею владѣти. И язъ Царь І великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи с своею Царицею І великою Княгинею Ириною Преображенского монастыря архимандрита Галахтиона въ братьею, или хто по немъ иные архимариты и братья будутъ,

пожаловали на ту ихъ на старую землю и на новую придачу по выписямъ и по земляному списку, за приписью дьяка Михайла Битяговскаго и на рыбные ловли и на всякие угодыя, велѣли имъ дати свою Царьскую жалованную грамоту, по чему имъ тѣмъ нашимъ жалованьемъ владѣти; а окладъ есмь имъ пожаловали, велѣли учинити въ старой и в новой ихъ монастырьской землѣ, и что они припахали старово монастырьсково лѣсу пашни на тысячу на двѣсти чети, что имъ распахати въ ихъ же монастырьскомъ лѣсу. А по выписи с писцовыхъ с казанскихъ-книгъ писма околничево Никиты Васильевича Борисова да Дмитрея Кикина с товарищи лѣта 7075-го году, за приписью дьяка Михайла Битяговскаго 88-го году въ селцѣ въ Клыкъ с селцы и з деревнями и с починки написано: пашни добрые земли двѣсти шестьдесятъ три чети да передогу семьдесятъ двѣ чети да зарослей и дубровъ пашенныхъ сто шестьдесятъ десятинь в поле а в дву потомужъ, сѣна тысяча триста семьдесятъ пять копенъ, лѣсу пашенново пятьдесятъ десятинь да лѣсу жъ пашенново и непашенново в розне по смѣте въ длину на десеть верстъ, а поперегъ шесть верстъ с полуверстою, опричь того—лѣсу пашенново и непашенново, что писалъ не въ роздѣле подъ деревнею подъ Салмачи около поль за рѣчкою за Ноксою посмѣте въ длину на три версты, а поперегъ на двѣ версты вопчѣ с осифомъ Яновымъ да в камскомъ устьѣ і в рекѣ в волгѣ рыбная ловля в чертыкъ отъ верхние възголови по нижнюю възголь и съ подвальи и зъ заводми и сыстоки Красное озеро, ловити рыба лѣтомъ и зимою; да в тетюшскихъ водахъ ловити рыба двунатцатью свяски, да рыбная жъ ловля во всѣхъ Кабансхъ в озерехъ і выстокехъ спротопопомъ по половинамъ; да лугъ за рѣкою за Ички-Казанью межъ тереузка и речки Ички до Царева луга, что ныне воевоцкие, по дорошкѣ, что дорошка отъ города черезъ Ички-Казань и до реки до Туру-Казани, авъ мѣре того лугу дватцать одна десетина, а на десетине ставитца сѣна по тритцати копенъ, и того шестьсотъ тритцать копенъ, да прежние покосы у реки у Воложки противъ Кавачева острова на рѣчке на Песочне триста копенъ да некоси, осоки и болотинъ и яминъ и кустарю семдесятинъ на гороцкой сторонѣ рѣчки Ички-Казани ближнихъ поровжихъ пажень, что косили сотники стрелецкие Ширяй Кузминъской да Елизарей Ивинъ противъ деревни Середнихъ Аторъ Осиевъ помѣстье Янова на двѣсти копенъ да въ Казани же на посаде в остроге за Булакомъ слободка отъ зеленново двора вверхъ по Булаку по Ямскую слободу, а в ней дворъ монастырьской, а у него огородъ на десетину, да у Нижнево у Булацково мосту дворъ квасоварной, да в посадежъ на усть Булака мельница, большое колесо, а у нее дворъ монастырьской, да за острогомъ на Булаке жъ ниже Татарскіе Слободы у воевоцкихъ огородовъ слободка поставлена на заострожномъ на монастырьскомъ на огородномъ мѣсте, да на рѣчке на Серди мельница, большое колесо, а у нее дворъ монастырьской і согородомъ и свыпускомъ, а вдеревне в подсекахъ в княжъ Ивановскомъ Бабичева и въ Яковлевскомъ Пелепелицына жеребью посписку и по отдѣльной выписи за приписью дьяка Михайла Битяговскаго въ 94-мъ году пашенные земли тритцать четыре чети бес полутора четверика да передогу шеснатцать чети бес полутора четверика да зарослей восьмъ десятинь в поле а въ дву потомужъ, сѣна триста сорокъ пять копенъ, а въ деревне

в салмачахъ по отказнымъ книгамъ Кирила Желнырева да подьячево Юшка Амирева лѣта 7099-го году на ихъ жеребей пашни дватцать четыре десятины с полудесятиною да за рекою за Ноксою дубровъ пашенныхъ пятнатцать десятинь, сѣна по дубровамъ четыреста копенъ, лѣсъ вопчѣ невровдѣле сываномъ Стрешневымъ. А владѣти имъ тѣмъ нашимъ жалованьемъ, тою монастырскою землею по сей нашей жалованной грамоте. Дана грамота на Москвѣ лѣта 7100-го году марта въ 1 день.

А на подлинной грамоте подпись: Царь Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи.

Да на той же грамоте подписано: Лѣта 7107-го марта въ 13 день Государь Царь Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи с сыномъ своимъ Царевичемъ со княземъ Ѳедоромъ Борисовичемъ всеа Русіи, сее жалованные грамоты слушавъ, Казанскаго Преображенскаго монастыря архимарита Арсения з братьею, или хто по немъ в томъ монастырѣ иный архимаритъ я братья будутъ, пожаловали, велѣли имъ его жалованную грамоту подписать на свое Царское имя и руштити сеѣ жалованные грамоты у нихъ ничемъ не велѣли, и ходити имъ велѣли о всемъ потому, какъ в сей жалованной грамоте писано. А подписалъ дякъ Ѳеонасей Ивановъ сынъ Власьевъ.

(Въ Москов. Архивѣ Минист. Юстиц. № 21,6429, книга списковъ съ грамотъ и пр. документовъ, лл. 1 об.—5).

Списокъ съ грамоты на Подсѣку.

По Государеву Цареву и Великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи наказу отъ воеводы ото князя Ивана Михайловича Воротынского да ото князя Ѳеонася Ивановича Вяземскаго да отъ Государевыхъ Царя и Великого Князя дьяковъ Ивана Осорина да Первова Карпова въ Казанской уѣздъ въ деревню Подсѣку въ Деревнинское помѣстье Зюзина крестьяномъ, которые въ томъ деревнинскомъ помѣстьѣ въ деревнѣ въ Подсѣкахъ живутъ. Пожаловалъ Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи тѣмъ деревнинскимъ помѣстьемъ въ деревнѣ въ Подсѣкахъ Преображенскаго монастыря архимарита Ермана съ братьею, или кто по немъ въ томъ монастырѣ иные архимариты будутъ къ ихъ Преображенской землѣ въ вотчинну для того: билъ челомъ Государю Царю и Великому Князю всеа Русіи Казанскаго Преображенскаго монастыря архимаритъ Ерманъ съ братьею а сказали, то де Деревнино помѣстье Зюзина въ деревнѣ въ Подсѣкахъ сошлося съ ихъ Преображенскою вотчинною землею, а въ то мѣсто велѣлъ бы Государь у нихъ взяти Преображенскаго монастыря вотчинной земли починокъ Пономаревъ на озерѣ на Кабанѣ, и дати противъ тово въ помѣстье деревню Зюзину, а Деревня Зюзинъ тѣмъ своимъ помѣстьемъ въ деревнѣ въ Подсѣкахъ съ нимъ съ архимаритомъ Ерманомъ съ братьею на ихъ вотчинную землю на Пономаревъ починокъ мѣнялись полюбовно потому, что тотъ починокъ Пономаревъ Преображенской вотчинной земли смежся къ сво Деревнинѣ помѣстной землѣ. А въ даточныхъ книгахъ 98-го году написано: дано Деревню Зюзину въ деревнѣ въ Подсѣкахъ Головинской жеребей Соловцова пашни и перелогу и зарослей дватцеть двѣ четверти съ осминою въ полѣ а

въ дву по тому жъ, сѣна около поль и по дубровамъ сто дватцеть пять копенъ. И вы бѣ всѣ крестьяне, которые въ томъ Деревнинскомъ помѣстьѣ въ деревни въ Подсѣкахъ живутъ, архимарита Ермана съ братьею, или по немъ въ томъ монастырѣ инне архимариты будутъ, слушали, пашню на нихъ пахали и доходы имъ платили, чѣмъ васъ пооброчатъ. Къ сей грамотѣ Государеву Цареву и Великого князя печать Царства Казанского приложилъ воевода князь Иванъ Михайловичъ Воротынской. Лѣта 7102-го ноября въ 5 день. А грамота за приписью дьяка Ивана Осорына. (№ 21,6429, л.л. 41—43).

Списокъ з государевы жаловалныя грамоты на Преображенскую вотчину.

Божиею милостию Мы, Великій Государь, Царь Івеликій князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи Самодержецъ и сынъ Нашъ Царевичъ Ѳедоръ Борисовичъ всеа Русіи пожаловали есма Преображенского монастыря въ Казани архимарита Арсения з братьею, или хто по немъ в томъ монастырѣ инне архимаритъ и братья будутъ, что билъ Намъ челомъ а сказалъ: по нашему де указу дають имъ в казани изъ нашия казны нашего жалованья годовую денежную ругу и медь прѣсной и воскъ и ладонъ і вино церковное, да имъ же де даны в монастырь рыбныя ловли в рекѣ в волге подъ Тетюшами, ловити двунатцатью свясками, да в чертыкѣ рыбныя жъ ловля; і в нынѣшнемъ де въ 107-мъ году, по нашей грамоте, въ Казани околничей і воеводы наши Никита Васильевичъ Годуновъ да князь Меркурей Щербатой и дияки велѣли имъ в тѣхъ рыбныхъ ловляхъ свясками и в чертыкѣ ловити рыбу собою монастырскими людьми а воброкъ свяскокъ рыбнымъ ловцомъ отдавати не велѣли, и в чертыковскую рыбную ловлю татаръ пускати рыбы ловити не велѣли жъ; и чимъ де тѣми свясками і в чертыкѣ ловити собою невозможно, людей у нихъ своихъ нѣтъ, а подъемъ де ставитца тѣмъ свяскамъ в четыреста рублевъ и болши, а в чертыкѣ де отдавали татаромъ ловити іс третие рыбы, на монастырь шла рыба, а татаромъ двѣ рыбы, а которая де рыба пригожаецца на нашъ обиходъ, и тое де рыбу емлютъ на насъ у тѣхъ же татаръ; а промысловъ де и торговъ у нихъ нѣтъ никакихъ; да пожаловалъ де ихъ блаженныя памяти Государь Царь Івеликій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, велѣлъ дати в монастырь после Казанского взятья слободу в острогѣ на посаде за Булакомъ да мѣсто за острогомъ на рекѣ на Булаке жъ на огородъ подъ капусту на монастырской обиходъ, и ови де назвали на тѣ мѣста бобылей и давали имъ ссуду изъ монастырскіе казны, и стало у нихъ на тѣхъ мѣстехъ в слободахъ восьмьдесятъ семь дворовъ, і в нынѣшнемъ де во 107-мъ году по нашему указу тѣ слободы взяты у нихъ на насъ къ посаду, а имъ велено давать за тѣ слободы изъ нашия казны по тритцать по одному рублю и по дватцати по пяти алтынъ на годъ, а имъ де впрошлыхъ годехъ шло в монастырь с тѣхъ слободъ оброку и за издѣлье и зъ приқащиковымъ доходомъ посороку пошти рублевъ и по дватцати попяты алтынъ в денгоу нагодъ; и намъ бы ихъ пожаловати в тѣхъ слободъ мѣсто велѣти имъ нашего жалованья денежново оброку прибавити и велѣти бѣ имъ на то на все наше жалование дати наша жаловалная новая грамота на наше имя царьсково вели-

чества. И мы, Великій Государь Царь І великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи Самодержецъ и сынъ нашъ Царевичъ князь Ѳедоръ Борисовичъ всеа Русіи Казансково Преображенсково архимарита Арсения з братьею, или по немъ въ монастырѣ иный архимаритъ и братья будутъ, пожаловали, велѣли имъ о денежной о годовой руге и о меду и о воску и о ладане и о винѣ церковномъ и о рыбныхъ ловляхъ дати нашу жаловалную новую грамоту на наше царское имя, а за слободы впередъ велѣли есмь имъ давати изъ нашия казны в монастырь по пятидесять рублевъ на годъ, а годовые руги по окладу идетъ нашего жалованья въ Преображенской монастырь архимариту Арсенію з братьею пяддесять рублевъ да пяддесять пудъ меду прѣсново, шесть пудъ воску, пудъ ладану, два ведра вина церковного, а рыбные у нихъ ловли в камскомъ устье и в рекѣ в волгѣ въ Чертыкъ отъ верхніе зъголови по нижнюю зъголовъ и с подвальи и въ заводми и съ истоки Красное озеро, ловити рыба лѣтомъ и зимою, да в тетюшскихъ водахъ ловятъ двунатцатью свясками, да рыбная жъ ловля во всѣхъ Кабанехъ возерехъ і во стокехъ пополамъ з благовѣщенскимъ протопопомъ. И бояромъ нашимъ і околничимъ и воеводамъ и дьякомъ, которые учнутъ быти в нашей отчине в казани то наше жалованье, денежную ругу і за слободы дѣнги и медъ і воскъ і ладанъ и вино церковное въ Преображенской монастырь архимариту Арсенію з братьею, или хто по немъ въ томъ монастырѣ иный архимаритъ и братья будутъ, давати изъ нашия казны по сей нашей жаловалной грамоте ежегодъ, а рыбнымъ ловлямъ, двунатцатью свясками, подъ Тетюшами и в камскомъ устье и в рекѣ в волге в чертыкъ отъ верхніе зъголови по нижнюю зъголовъ і с подвальи изъ заводми і смыстоки Краснымъ озеромъ да рыбными жъ ловлями во всѣхъ Кабанехъ в оверехъ и выстокахъ пополамъ з благовѣщенскимъ протопопомъ владыты Преображенскому архимариту Арсенію зъ братьею по сей же нашей жаловалной грамоте, какъ они преже сего владѣли, свяски, рыбнымъ ловцомъ верховскихъ городовъ в оброкъ отдавати і в чертыковскую рыбную ловлю татаръ для рыбные ловли пускати по прежнему. Дана ся наша жаловалная грамота на Москвѣ лѣта 7107-го марта въ 30 дені.

А на подлинной грамоте подписано: Божию Милостию Великій Государь Царь І великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи, Самодержецъ. (№ 21,6429, лл. 5 об.—8).

Списокъ съ грамоты о лѣсн. дачѣ.

Отъ Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи въ нашу вотчину въ Казань воеводѣ нашему Алексѣю Шапилову. Въ прошломъ въ 108-мъ году писалъ къ намъ изъ Казани воевода князь Меркулей Щербатой да ты Олексѣй, что въ прошломъ же въ 108-мъ году, по нашей грамотѣ, околничей и воевода Никита Васильевичъ Годуновъ велѣлъ дати Преображенского монастыря архимандриту Арсенію съ братьею въ Казанскомъ уѣздѣ за деревнею за Сухую рѣчку отъ Казани верстъ съ шесть и семь въ нашемъ заповѣдномъ лѣсу дровяного лѣсу три десятины дрова сѣчи; и Преображенского де монастыря архимаритъ Арсеней послалъ въ тотъ заповѣдной лѣсъ монастырскихъ дѣтенышевъ, а велѣлъ въ томъ лѣсу лубья снимати да лыка драти, а

не дрова съчи, и ты де посылашь въ тотъ лѣсъ приқащика, села Борисоглѣбскаго Олексѣя Руднева со крестьяны, а велѣли у нихъ то лубье, что заѣдутъ, отписати на насъ, и тотъ де приқащикъ Олексѣй, заѣхавъ у нихъ въ томъ лѣсу девять сотъ тритцеть пять лубовъ, и то лубье отписали на насъ. И намъ Преображенскаго монастыря архимандритъ съ братьею били челомъ, а сказали, въ прошломъ де въ 106-мъ году по нашей грамотѣ околничей и воеводы Микита Васильевичъ Годуновъ да князь Меркулей Щербатой да и ты Олексѣй въ Казанскомъ (уѣздѣ?) за деревнею за Сухую рѣчкую велѣли имъ отдѣляти для монастырскаго обиходу нашего дровяного лѣсу три десятины, и по выписи за твоею де приписью нашихъ дворцовыхъ сель приқащикъ Иванъ Пасынковъ три десятины лѣсу имъ отдѣлилъ и грани поклялъ, и въ прошломъ де во 108-мъ году іюля въ 5 день послали они въ тотъ отдѣльной лѣсъ впервые старца да съ нимъ дватцати чловѣкъ наемныхъ дѣтенышевъ да десетеро лошадей лубья снимать, и тотъ де старецъ и дѣтеныши жили въ томъ лѣсу двѣ недѣли и сняли на монастырской обиходъ девятьсотъ дватцеть пять лубовъ, и тѣ де лубья воевода князь Меркулей Щербатой да ты, Олексѣй, велѣли отписати нашихъ дворцовыхъ сель приқащику Олексѣю Рудневу на насъ, и намъ ихъ пожаловати, велѣти имъ то лубье отдати. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы Преображенскаго монастыря архимандриту Арсеню съ братьею то лубье, что у нихъ отписано въ нашемъ лѣсу, велѣли имъ отдати, а будетъ что тово лубья вышло на наши расходы, и вы бѣ за то лубье по цѣнѣ велѣли дати деньги изъ наше казны или столько же въ томъ лѣсу велѣли имъ сняти лубья. Писано на Москвѣ лѣта 7109-го генваря въ 29 день (№ 21,6429, лл. 74—75).

Списокъ съ грамоты на вотчину Поповку и мн. другое.

Божіею милостию мы Великій Государь Царь и Великій князь Дмитрей Ивановичъ всеа Русіи Самодержецъ пожаловали есмь Казанскаго Преображенскаго монастыря Архимарита Арсеня съ братьею, или кто по немъ въ томъ монастырѣ иный архимандритъ и братья будутъ, что онъ билъ намъ челомъ, наши де жалованныя вотчины за ними и рыбныя ловли и всякія угоды въ Казани и въ Казанскомъ уѣздѣ, а жалованныя де у нихъ грамоты на то на все брата нашего, блаженные памяти Государя Царя и Великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, а на наше царское имя тѣ у нихъ грамоты не переписаны, и намъ бы ихъ пожаловати, велѣти имъ тѣ грамоты переписати на наше Царское имя. И язъ Царь и Великій князь Дмитрей Ивановичъ всеа Русіи Самодержецъ Казанскаго Преображенскаго монастыря архимандрита Арсеня съ братьею, или кто по немъ въ томъ монастырѣ инии архимандриты и братья будутъ, пожаловали, велѣли имъ тѣ грамоты переписати на наше царское имя. А въ грамотахъ, каковы положили передъ нами архимандритъ Арсеній, написано: (приводится извѣстная намъ грамота 7100 г. марта 1 дня)... да во 104-мъ году дано въ вотчину въ Преображенской монастырь жъ архимандриту Арсеню съ братьею въ Казанскомъ уѣздѣ деревня Поповка на Источномъ оверкѣ да деревня Плетени, что была въ дворцовыхъ селѣхъ, къ старой ихъ Казацкой вотчинѣ къ семисотъ девяносту къ девяти четвертямъ

съ осминоу и съ четверикомъ со всѣми угоды; а по выписи съ отписныхъ книгъ за приписью дьяка Семейки Омелянова въ тѣхъ деревняхъ папши сто семь чети въ полѣ а въ дву по тому жъ, сѣна шесть сотъ копенъ... (слѣдуетъ другая, извѣстная намъ, грамота 7100 года марта 30 дня)... Да по проѣзжей грамотѣ, какову положилъ архимандритъ Арсеней, за приписью дьяка Ивана Осорьина 102 году, велѣно имъ на монастырьской обиходъ ловити на Волгѣ пятью оханы (?) отъ вешнево лѣду мѣсяцъ безоброчно монастырьскими людьми, а оброчныхъ ловцовъ на свои ловля не отпускати. Да имъ же дана проѣзжая грамота въ 94-мъ году посылати къ Москвѣ и по инымъ городомъ старцовъ и слугъ зимѣ и лѣтѣ для монастырьскихъ дѣлъ и на монастырьскую нужу, купить на наши жаловальныя деньги на братью и на дѣтенышовъ полтора ста суконъ чернеческихъ на монашья на ꙗлабуки и на ряски и на свитки да семдесятъ портищъ овчинъ на шубы и на отпушки да сто холстовъ да семдесятъ крашенинъ да трицать юфтей кожъ красныхъ да полтора ста подошевъ на сапоги да сорокъ протовъ желѣва да полтретьятцать протовъ укладу да три пуды мѣди битые на подѣлку и иныя мелкія рухляди, нужныя на монастырьской обиходъ, а не на продажу. А пойдутъ въ которой городъ старецъ или слуга или изъ которого города въ Казань съ тою монастырьскою рухлядью, въ зимѣ на трехъ возѣхъ, а въ лѣтѣ въ лоткѣ водою противъ трехъ возовъ; и съ тое рухляди и съ лотки и съ кормшика и съ гребцовъ головщины и мыта и явки и мостовщины и перевозу и иныхъ некоторыхъ пошлинъ имать не велѣно, а пропускать въ Казань и изъ Казани вездѣ, не издержавъ ни часу. А повезутъ они съ собою какой товаръ на продажу въ лоткѣ или на возѣхъ болши трехъ возовъ и станутъ торговати, и у нихъ съ того товару, съ лишнихъ возовъ, пошлины имати потому жъ, какъ и съ иныхъ торговыхъ людей. Да Преображенской же архимандритъ Арсеней положилъ передъ нами жалованную грамоту блаженныя памяти отца нашего Царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русіи лѣта 7090-го году. А въ грамотѣ писано: которые архимандриты у боголѣпного Преображенія въ монастырѣ будутъ, и воеводамъ нашимъ Казанского города архимандрита съ братьею и слугъ и слобожанъ и крестьянъ и дѣловыхъ людей не судяти ни въ чемъ; а вѣдаютъ тѣхъ людей и судятъ слугъ и слобожанъ, и крестьянъ и дѣловыхъ людей архимандритъ съ братьею сами во всемъ, или кому прикажутъ; а случитца мѣсной судъ тѣмъ ихъ людемъ слугамъ и слобожаномъ и крестьяномъ и дѣловымъ людемъ Преображенскимъ съ городовыми и съ волосными, и воеводы тѣхъ людей, слугъ и слобожанъ и крестьянъ и дѣловыхъ людей судятъ, и виноватъ Преображенской человѣкъ въ правдѣ и въ винѣ архимандриту, а кому будетъ чего искати на архимандритъ съ братьею, и въ томъ на немъ бьютъ челомъ намъ. Да архимандритъ же Арсеней съ братьею били намъ челомъ: прежде сего изъ монастырьскихъ вотчинъ изъ деревни Плетеней и изъ Поповки и изъ Борисковы и изъ Харины крестьяня ихъ ѣздили въ лѣса по бревна и по дрова и по всякія лѣсныя угоды на монастырьской обиходъ и про свою нужу съ одново нашихъ дворцовыхъ селъ со крестьяни села Воскресенского да деревни Четверыхъ Отаръ; а нынѣ де тѣ лѣса отведены къ тѣмъ нашимъ селамъ и межи имъ учинены, а къ ихъ де

деревнямъ крестьяномъ ихъ лѣсу недавно ничего, и въ тотъ лѣсъ ихъ ни пошто не пуцають и бьютъ и грабятъ; и намъ бы ихъ пожаловати, велѣти крестьяномъ ихъ въ тѣ лѣса по бревна и по дрова и по всякія лѣсныя угодыя ѣздити по прежнему. И мы, Великій Государь Царь и Великій князь Дмитрей Ивановичъ всеа Русіи Самодержецъ, выслушавъ тѣхъ ихъ жаловальныхъ грамотъ Казанскаго Преображенскаго монастыря архимандрита Арсенья съ, братьею, и кто по немъ въ томъ монастырѣ иный архимандритъ и братья будутъ, пожаловали, велѣли имъ тѣ грамоты переписать на наше Царское имя и вотчинами и рыбными ловлями и оханы и всякими угодыи велѣли имъ владѣти по сей нашей жалованной грамотѣ, и ругу имъ велѣлъ давати изъ нашей казны, и по городомъ старцовъ и слугъ для покупки на монастырской обиходъ, а не на продажу, велѣли послати зимѣ на пети возѣхъ, а лѣтѣ водою противъ пети возовъ, передъ прежнимъ пожаловали есмь, велѣли имъ для прибылые братьи прибавити три возы, и пошлѣтъ съ нихъ имати не велѣли; и въ лѣса имъ и крестьяномъ ихъ съ нашими дворцовыми крестьяны села Воскресенскаго и Четырехъ Отаръ ѣздити по всякія лѣсныя угодыи по прежнему. Дана ся наша царская жалованная грамота на Москвѣ лѣта 7114-го сентября мѣсяца въ 23 день. А подписалъ Великаго Государя Царя и Великаго князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи печатникъ и думной дьякъ Богданъ Ивановичъ Сушуповъ.

А на подлинной грамотѣ назади написано: Божією милостію Великій Государь Царь и великій князь Дмитрей Ивановичъ всеа Русіи. (№ 21,6429, лл. 10—18).

Списокъ съ грамоты, данной во 135-мъ году, коей не велѣно Митрополиту Матеею на Чертыковскомъ островѣ во всякія угодыя вступаться и мн. др.

Отъ Царя и Великаго Князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ князю Василью Петровичу Морозову, Василью Васильевичу Волынскому да дьякомъ нашимъ Ивану Борнякову, Ѳедору Степанову. Писалъ и прислалъ бити челомъ намъ и отцу нашему Великому Государю и Святѣйшему Патріарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Русіи богомолецъ нашъ Матеей, Митрополитъ Каванской и Свіяжской о землѣ, на которой наше дворцовое село Борисоглѣбское и деревня Короваева, будто стоятъ то наше село и деревня поставлены домовые Пречистые Богородицы вотчины на лѣсу. Да у него же богомольца нашего учинился споръ въ землѣ и въ лѣсу Преображенскаго монастыря деревни Самачей да деревни Дергудлей съ землею и съ лѣсомъ да въ рыбной ловлѣ въ Волскомъ берегу, что къ Чертыку и въ рѣкѣ Кумшѣ и въ озерѣхъ, что впади въ Кумшу рѣку, и въ проливахъ, что изъ Волги вышли въ Чертыкъ. И мы, Великій Государь Царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, и отецъ нашъ Великій Государь и Святѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всеа Русіи тѣхъ, богомольца нашего Матеея, Митрополита Каванскаго и Свіяжскаго, дѣлъ слушавъ и чертежевъ смотривъ, которые чертежи положили писцы Иванъ Скобелцынъ да подъячей Яковъ

Власевъ, указали въ землѣ, на которой наше дворцовое село Борисоглѣбское и деревня Короваева стоятъ, отказать потому. Писалъ къ намъ изъ Казани бояринъ нашъ и воевода Семень Васильевичъ Головинъ съ товарищи, что то село и деревня поставлены на нашемъ на черномъ лѣсу въ 108 году, тому нынѣ дватцать восемь лѣтъ. А какъ то село строено, и тогда и послѣ того и по ся мѣста прежнихъ казанскихъ митрополитовъ и Матѳея Митрополита челобитья о томъ къ намъ не бывало, что то село и деревня поставлены на митрополичьемъ лѣсу. Какъ писцы по его, митрополита Матѳея, челобитью были въ Казани, и старожилцы писцомъ сказали, что то село Борисоглѣбское и деревня Короваева поставлена на нашей землѣ на черномъ лѣсу. Да и потому въ той землѣ указали отказать: въ тѣ поры, какъ то село и деревня строены, за Казанскими митрополитами по прежнимъ жаловальнымъ грамотамъ дано было земли только двѣ тысячи чети. А какъ послѣ строенья нашего дворцового села Борисоглѣбского и деревни Короваевы писалъ Казанского Митрополита земли Иванъ Болтинъ въ 111-мъ году, и по Иванову писму Болтина въ митрополичьихъ вотчинахъ объявилось земли семь тысячъ восемь сотъ семдесятъ одна четь съ третникомъ, и сверхъ прежнихъ жаловальныхъ грамотъ по Иванову писму Болтина объявилось лишние земли пять тысячъ восемь сотъ семдесятъ одна четверть съ третникомъ, и та земля лишняя вся была описана на насъ, и въ раздачу иная была отдана. И по ево, Матѳея митрополита, челобитью тою лишнею землею мы пожаловали его, Матѳея, митрополита. И какъ онъ, Матѳея митрополита, о той лишней землѣ намъ билъ челомъ, и въ тѣ поры онъ о т.й землѣ, на которой наше дворцовое село Борисоглѣбское и деревня Короваева поставлены, намъ не билъ челомъ. Да и въ тѣ поры, какъ онъ билъ намъ челомъ, въ своей Забулацкіе слободы мѣсто, о нашихъ дворцовыхъ селѣхъ, о Рождественномъ, что на Полянкахъ, да о Благовѣщенскомъ, что на Омарѣ, и онъ въ томъ своемъ челобитьѣ про то Борисоглѣбское село и про деревню Короваеву не написалъ же, что ови на домовою митрополичьѣ землѣ; а и тѣ села, Рождественское и Благовѣщенское, ему, богомольцу нашему Матѳею митрополиту, даны сверхъ примѣрные земли, которую землю въ митрополичьѣ въ домовою отчинѣ примѣрялъ въ 111-мъ году Иванъ Болтинъ, а дати было тѣ села ему не довелись. Да и потому въ той землѣ ему въ той землѣ отказать: только бѣ то наше дворцовое село Борисоглѣбское и деревня Короваева поставлены не на нашей землѣ, а на митрополичьѣмъ лѣсу, и въ тѣ поры, какъ то село и деревня строено, для чево было о томъ митрополиту Ермогену не бити челомъ. А то, не токмо въ тѣ поры Ермогенъ митрополитъ, при которомъ то село и деревня ставлены, о той землѣ не билъ челомъ, и послѣ ево иные митрополиты да и онъ, Матѳея митрополитъ, намъ не бивалъ же челомъ, вѣдаючи то, что то село и деревня поставлены на нашемъ лѣсу, да и то вѣдаючи, что сверхъ прежнихъ жаловальныхъ грамотъ нынѣ въ домовою вотчинѣ многая лишняя земля есть. А какъ по ево, митрополичью, челобитью посланы въ Казань домовыхъ митрополичьихъ земель писать писцы, и онъ тое землю, на которой Борисоглѣбское село и деревня поставлены, учалъ вступатца напрасно, потому что противъ прежнихъ писцовыхъ книгъ нынѣш-

ніе писцы селу Борисоглѣбскому и деревнѣ Короваевѣ съ его митрополичьи деревнями многихъ межъ и граней не сыскивали, а знатно то, что сво жъ крестьяня тѣ межѣ и грани выпахали, для того что имъ по той выпашкѣ было чѣмъ въ наше село Борисоглѣбское и въ деревню вступатца.—А съ Преображенскимъ монастыремъ въ спорной землѣ и въ лѣсу, въ которую землю и въ лѣсъ Матеей митрополитъ вступаетца у монастырскихъ деревень Салмачей и Дертюлей, указали ему, Матеею митрополиту, дать съ Преображенскимъ монастыремъ жеребей, да чей выметца жеребей, и тое стороны сторожилцомъ та земля и лѣсъ съ образомъ и отвести, и по тому отводу въ тѣхъ мѣстѣхъ промежъ митрополичьей и промежъ Преображенского монастыря земли и лѣсу межѣ велѣти учинити, а для того межеваня указали есмь вамъ на тое землю послати изъ Кавани дворянина доброва да подъячево отъ мѣста, а опричь вѣры тое земли и лѣсу розвести и межѣ учинити непочему, для того что и прежніе писцы тово лѣсу не розмежевали; а будетъ хто съ жеребья съ образомъ тое земли и лѣсу отводити не похочеть, и тому въ той спорной землѣ и въ лѣсу велѣли отказати, а написати тое землю и лѣсъ писцомъ велили по тому, какъ кто тою землею и лѣсомъ до сего времени владѣть.—А въ рыбныхъ ловляхъ, въ которыхъ у Матеея митрополита споръ съ Преображенскимъ монастыремъ, указали Матеею митрополиту владѣти по нашей жаловальной грамотѣ въ рѣкѣ въ Волгѣ съ острова и съ озера, на которыхъ рыбная ловля, опричь сѣнныхъ покосовъ отъ Казанского устья по обѣ стороны рѣки Волги по Казанской и по Свіажской сторонѣ до рѣки до Камы съ вешними полои около города, доколѣ вешняя вода стоитъ, да рыбною жъ ловлею отъ Камского устья и съ Сѣрнымъ Пескомъ по Чертышскую възголовъ, а отъ верхніе възголови по нижнюю възголовъ, чѣмъ владѣли прежніе архіепископы и митрополиты и Матеей митрополитъ по се время. А Преображенского монастыря архимандриту съ братьею указали владѣть рыбными ловлями, по прежнимъ жаловальнымъ грамотамъ, въ Камскомъ устьѣ въ рѣкѣ въ Волгѣ и въ Чертыкѣ отъ верхніе възголови по нижнюю възголовъ новымъ и старымъ Камскимъ устьемъ съ подвалами и съ заводми и съ истоки съ Краснымъ озеромъ, чѣмъ Преображенского монастыря архимандритъ съ братьею напередъ сего владѣли; а богомольцу нашему Матеею митрополиту въ тѣ рыбныя ловли въ Камское устье и на Чертыковскомъ острову въ озера и въ лѣса и въ сѣнные покосы и въ старое и въ новое Камскія устья вступатца невелѣли, потому что тѣ оба устья у Камы рѣки учинилось волею Божіею, и Преображенского монастыря архимандритъ съ братьею тѣми обѣими устьями владѣютъ не насильствомъ, Божьимъ изволеніемъ въ ихъ рыбныхъ ловляхъ стало въ одномъ устьѣ два устья. Да и въ писцовыя книги писцомъ Ивану Скобельщину да подъячому Якову Власьеву тѣ всѣ статьи, которыя въ сей нашей грамотѣ писаны, велѣли есмь написати противъ сего нашего указу. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ велѣли исъ Кавани послати на спорную землю Преображенского монастыря деревни Салмачей да деревни Дертюлей, въ которую землю вступаетца Матеей митрополитъ дворянина добра да подъячева отъ мѣста, а велѣли имъ изъ митрополичьихъ и Преображенского монастыря изъ тутошнихъ деревень взяти старожиловъ,

которые тое землю и лѣсъ изстари вѣаютъ, да въ той спорной землѣ и лѣсу въ которую землю и въ лѣсъ вступаетца митрополитъ, обѣихъ сторонъ старожильцомъ велѣли дати жеребей да чей жеребей съ которые стороны выметца, и вы бѣ тое спорную землю и лѣсъ велѣли съ образомъ отвести и по тому отводу велѣли бѣ естя въ тѣхъ мѣстѣхъ промежъ митрополичьихъ и Преображенсково монастыря земли и лѣсу межи учинити да тѣ межи велѣли имъ на чертежъ начертить, сколько отъ которые деревни хъ кому по тому отводу земли и лѣсу отойдетъ. А будетъ кто съ жеребья съ образомъ тое земли и лѣсу отводить не похочеть, и вы бѣ тому въ той спорной землѣ и въ лѣсу велѣли отказать, а написати тое землю и лѣсъ велѣли по тому, какъ кто тою землею и лѣсомъ до сего времени владѣегъ. А рыбными ловлями богомольцу нашему Матеею митрополиту Каванскому и Свѣяжскому велѣли бѣ естя владѣть по нашей жаловальной грамотѣ въ рѣкѣ въ Волгѣ съ острова и съ оверки, на которыхъ рыбная ловля, опричь сѣнныхъ покосовъ, отъ Кавансково устья по обѣ стороны рѣки Волги по Каванской и по Свѣяжской сторонѣ до рѣки до Камы съ вешнимъ полоемъ около города, доколя вешняя вода стоитъ, да рыбною ловлею отъ Камсково устья и съ Сѣрнымъ пескомъ по Чертыковскую зголовь, а отъ верхніе зголови по нижнюю зголови, чѣмъ владѣли прежніе архіепископы и митрополиты. А Преображенсково монастыря архимандриту съ братьею велѣли бѣ естя владѣти рыбными ловлями по прежнимъ жаловальнымъ грамотамъ въ Камскихъ устьяхъ въ рѣкѣ въ Волгѣ и въ Чертыкѣ отъ верхніе зголови по нижнюю зголови старымъ и новымъ Камскимъ устьемъ съ подвальи и съ заволми и съ истоки и Краснымъ оверомъ, чѣмъ Преображенсково монастыря архимаритъ съ братьею напередъ сего владѣли; а Матеею, митрополиту Каванскому и Свѣяжскому рыбныя ловли въ Камскомъ устьѣ и на Чертыковскомъ острову въ овера и въ лѣса и въ сѣнные покосы и въ старое и въ новое Камское устье вступатца не велѣли, потому что тѣ оба устья у Камы рѣки учинились волею Божіею, и Преображенсково монастыря архимаритъ съ братьею тѣми обѣими устьями владѣть не насильствомъ, Божіимъ изволеніемъ въ ихъ рыбныхъ ловляхъ стало въ одномъ устьѣ два устья. А богомольцу нашему Матеею, митрополиту Каванскому и Свѣяжскому по Преображенскимъ монастыремъ въ спорной землѣ и въ рыбныхъ ловляхъ по нашему указу учините, и вамъ бы о томъ отписати и той спорной землѣ чертежъ прислати къ намъ къ Москвѣ, а отписку и чертежъ велѣли одати въ Приказѣ Кавансково Дворца боярину нашему князю Дмитрею Мамстрюковичу Черкасскому да дьякомъ нашимъ Ивану Болотнякову да Ивану Грязеву, чтобъ намъ про то было вѣдомо. Писалъ на Москвѣ лѣта 7135-го октября мѣ 23 день.

(№ 21, 6429, лл. 107—113).

Шур ка - ва - гал-сэ-м(эх) чип ко-лар-нэ

шур-ды ю - ле тип-нэ вы-чы - тра.

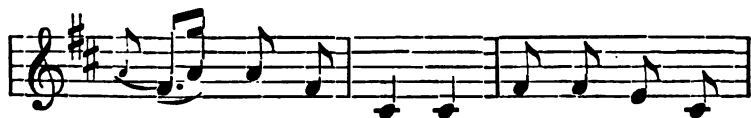
Шур квагалсем (эх)
 Чинь кларна турты вӱлэ
 Типне выгытра
 Пире атте анне суратна
 Рырыскалсем петне выгытра
 Сявынпалаан сак кунсене куратпыр.

Чу-прэм-да ту-хрэм э-б'у ра - ма и-ляй-

мэ - рэм пы - хар ма - ма - ле юс-рэм-да

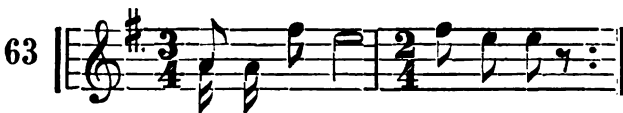
юс-рэм ю - зяй - мэ - рэм си - дӱй - мэ - рэм

ыр жыи а - ти-нә.

Чупрым-та тухрым әпе урама
 Илеймерам пыгыр мамале
 Ёгрем-те ёгрем ёгеймерам
 Ситеймерем ыр син агине
 Урли-та турух әпе сюререм
 Крепенке хумла тупмарым
 Сяк ял ушкынче сюререм
 Сирен пек ыра синсем тупмарым.
 Епир пер каятпыр пит аякка
 Пирен кунсем туртат килелле
 Квагаллыхре муё угла хуш шыв
 Кукра синге сурет-и пирен (ах) пер
 Савны сора кутра
 Хут ял ураменче суретен.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

О - - - ча-на(й)   о - ча-на
 Ан - - ма-гыр   ан-ма-гыр
 А-му-ха -зыр   ки - - - лёт.

Очана очана
 Анмагыр анмагыр
 Амухазыр вилётъ
 Чичё парать
 Аму чичё памазан

Вызе апградѣн
Аму вильмэзын
Вызе булыбыр.

Каш-каш выр-ман каш-выр-ман Эм - ма

каш-лят ся - выр-ман

Кашеаш вырман каш вырман
Эмма кашлять сѣв вырман
Кулсень турат хужастѣть
Шюллэнь шюльча сюрастѣть

(Передававшій эту пѣсню слышалъ ее отъ своего покойнаго дѣда, а потому считаетъ ее старинною).

КУБУСЪ ЮРЭ Т. Е. СКРИПИЧНАЯ МЕЛОДИЯ.

Хур-гә га - зэм пай бу сән-дә Сю-на ты-зэм

пѣ-лѣт(ы) ху-ши - дзѣп

Хурчыгазэм хури (ай) пузиньче
Сювачезэмъ пѣчѣть хушиньче.

Пѣ-чѣк ши-бѣр шир ма шю-лэ ши - - -ран

У-так тѣр-зѣ ко-ся пул-ма-рѣ.

Печек чибер сирма сѣлле сиран
 Ут сиктерза казя пулмаре
 Пиде чиберь пѣдемь....
 Ой мень чунзым тѣре пулмаре
 Сюл херриньче ой тужытлых
 Сюльчизѣмь шытна хѣй пеле
 Пирень отте онне пиль аякра
 Перь турзым пилеть сывлыхъне
 Салам ярза салам сидес сюк.

ВАРИАНТЪ № 66-го.

О-лѣ-хрѣ-м(ѣ)-сѣке мѣр-зѣн ой ху-лы - - нѣ
 Мѣр - - - зѣн ху-лы (сѣн)-дѣѣ чын-мѣр-зѣн шюк

мѣр-зѣн ху - лы-(сѣн)-дѣѣ чын-мѣр - - зѣн шюк

Олыхрым-сѣке мерчень хулыне
 Мерчень хулыньче чимь мерчень сюк

Сяк ялыштывчы пирень
Тван пельки ялда сюк.

68 *mf* $\text{♩} = 120$ *Восточная мелодия*

Ул-ма-па-тэм си-мя-рэм   э-зир си - ир
Шум-на-лар-дэм сау-ма-рэн

(вы - лә ка-лар) хэ-выр тя-вә   син па-лан

Улма падым симеринь
Сюмна лардым савмарын
Эзәрь сирь
Хувыр савна синь палан.

69

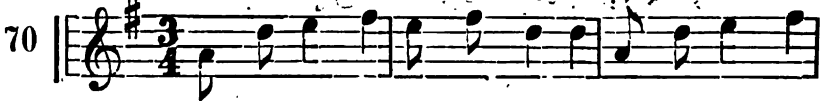
У-ла ку-шак шур-ку-шак шир-жан то-рэх

бус-ка-лать а - тя ти-бәр   (ша-ва-бур - да)

хир-зән то-рох бус - ка-лать

Ула кушак шур кушак.
 Ширжанда торох вускалатъ
 Атя тибэр (шава бурда)
 Хирзэн торох вускалатъ.

ПѢСНЯ БЕЗЪ СЛОВЪ.

Ой ли яй-лим ой ли ми-бѣн ой ли яй-лим

ой хай-люк ой ли яй-лим Ой-ли ми-бѣн ой ли

яй лим ой хай люк.

МЕЛОДИИ, ИСПОЛНЯЕМЫЯ НА ГУСЛЯХЪ И НА СКРИПКЪ,
 ПЛЯСОВЫЯ.

Кубоскэви.

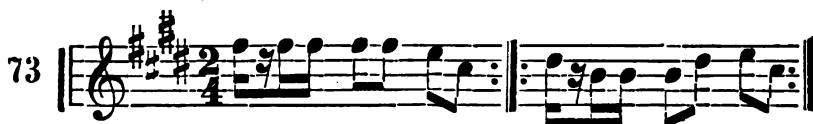
Парэна.

тп $\frac{1}{4}$ = 92

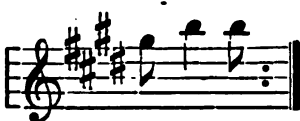
На тему малоросійської п'єсни: «ой за гасем гасем»...

Кыслецэви.

Кавачшка.

Кубосцэви.

В. Мошковъ.

МАТЕРИАЛЫ.

I. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

Еще о древнемъ поселеніи около г. Спасска.

Въ этомъ прошломъ 1892-го года я имѣлъ возможность собрать нѣкоторыя дополнителныя свѣдѣнія о «слѣдахъ древняго поселенія въ окрестностяхъ г. Спасска», о которыхъ мною была напечатана замѣтка въ «Ив. Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи за 1892 годъ»¹⁾. Такъ какъ, на мой взглядъ, эти свѣдѣнія являются не безъинтересными, то въ нижеслѣдующемъ я сообщаю мною. Мѣстность со слѣдами этого древняго поселенія, какъ уже было указано въ моей первой замѣткѣ, расположена по р. Безднѣ, немного выше г. Спасска.

Чтобы дать болѣе точное указаніе на мѣстоположеніе этого древняго поселенія, я считаю необходимымъ сдѣлать краткое описаніе теченія р. Бездны отъ с. Куралова, лежащаго выше г. Спасска по теченію этой рѣки. Бездна подходитъ къ Куралову съ юга и дѣлаетъ здѣсь большой изгибъ, такъ какъ отъ этого села она направляется на югъ, къ г. Спасску. Но вблизи Спасска Бездна дѣлаетъ два частныхъ изгиба, изъ которыхъ одинъ обращенъ выпуклостью къ западу, а другой къ востоку. Послѣ послѣдняго изъ этихъ изгибовъ Бездна подходитъ къ городу. Мѣстность, прилежащая къ этой части теченія рѣки и была, повидимому, когда-то занята однимъ или даже нѣсколькими поселеніями. Последнее я считаю болѣе вѣроятнымъ, какъ это вытекаетъ изъ нижеслѣдующихъ данныхъ.

Въ предыдущей моей замѣткѣ было указано на находженіе на берегахъ Бездны, между Кураловомъ и Спасскомъ вала, который одни считаютъ остаткомъ г. Суvara, а другіе, какъ проф. Шпилевскій, считающій возможнымъ продолжать этотъ валъ съ одной стороны до Болгаръ, а съ другой—до с. Буракова на Ахтаѣ, рассматриваетъ его за пограничный валъ, подобный русскимъ погра-

¹⁾ Ив. Общ. Арх., Истор. и Этногр. т. X, в. 2. стр. 149—154.

ничнымъ укрѣпленнымъ линіямъ. Этотъ валъ, какъ показываютъ собранныя мною данныя, распадается на нѣсколько отдѣловъ. Именно, мы находимъ во первыхъ, что валомъ заграждается съ юга довольно большая возвышенная площадка, образованная большимъ Кураловскимъ изгибомъ Бездны. Здѣсь этотъ валъ идетъ почти въ восточно-западномъ направленіи, отъ нѣкотораго пункта теченія рѣки съ юга къ Куралову, къ тому мѣсту ея теченія, гдѣ Бездна изъ южнаго принимаетъ западное направленіе. Такимъ образомъ, здѣсь получается какъ-бы укрѣпленная площадка, огражденная съ юга валомъ, а съ В, С и З р. Бездной. Подобный же валъ, какъ я слышалъ отъ одного мѣстнаго жителя, пересѣкаетъ основаніе первой изъ двухъ меньшихъ излучинъ, обращенной своею выпуклостью къ западу. Но въ настоящее время валъ этотъ уже не замѣтенъ, такъ какъ мѣсто, гдѣ онъ находился, давно распахивается. Этотъ валъ проходилъ, вѣроятно, въ сѣверо-южномъ направленіи. Наконецъ, узкій перешеекъ, лежащій при основаніи второй малой излучины, обращенной своею выпуклостью къ востоку, пересѣкается въ поперечномъ направленіи двумя явственно выраженными небольшими валами, лежащими другъ отъ друга на разстояніи нѣсколькихъ саженъ и идущими почти съ сѣвера на югъ. Небольшая возвышенная площадка, замыкаемая этими валами съ запада, называется мѣстными жителями «городкомъ». Такимъ образомъ получаются на этихъ мысахъ Бездны три укрѣпленныхъ площадки, защищавшіяся съ одной стороны валомъ, а съ прочихъ сторонъ—р. Бездной.

Эти площадки, вѣроятно, были заняты отдѣльными поселеніями, что съ положительностью извѣстно относительно мыса, образованнаго изгибомъ рѣки къ востоку и называемаго «городкомъ», такъ какъ его поверхность положительно усыяна зерепками глиняной посуды. Говорятъ, здѣсь прежде находили и цѣнныя вещи, напр. кувшины съ серебряными серьгами, кольцами и т. п. На площади этого городка я нашелъ небольшую стеклянную бусу, напрясло, нѣсколько брусковъ, шлаковъ и кусокъ стекла. Изъ сказаннаго ясно, что едвали основательно видѣть въ валахъ между Спасскомъ и Кураловомъ часть пограничнаго вала, такъ какъ онъ распадается здѣсь на три самостоятельные участка, защищавшіе три отдѣльныя поселенія.

Теперь скажу нѣсколько словъ о результатахъ, полученныхъ мною при разрываніи нѣсколькихъ ямъ, лежащихъ по берегу рѣки Бездны въ вышеуказанномъ районѣ. На правомъ берегу рѣки, у конца второго изгиба были разрыты 2 ямы въ содержимомъ которыхъ я нашелъ зубы лося, клыкъ свиньи, нѣсколько чешуекъ осетровыхъ рыбъ и нѣсколько реберъ и позвонковъ костистыхъ рыбъ. Все это перемѣшано съ золой и черепками. На лѣвомъ берегу рѣки, у начала второго же изгиба рѣки я находилъ при разрываніи ямъ только волю и раковины Unio. Далѣе, на томъ же берегу, несмого выше ямъ, я нашелъ въ культурномъ слое нѣсколько иглъ и чешуекъ осетровыхъ.

Нахожденіе человѣческихъ костей, въ двухъ ямахъ, разрытыхъ мною въ 1891 году, и отсутствіе ихъ во всѣхъ остальныхъ ямахъ, осмотрѣнныхъ мною, позволяютъ думать, что здѣсь находятся ямы двухъ родовъ: однѣ ямы—могилы, а другія—сорныя ямы, сходныя съ такими же ямами, найденными

на Мешѣ¹⁾. Не найдя человѣческихъ костей въ большинствѣ ямъ, я между тѣмъ находилъ ихъ во многихъ мѣстахъ по берегу Бездны, подъ обрывомъ. Желая узнать, откуда происходятъ находящіеся здѣсь человѣческія кости, я сталъ тщательно осматривать культурный слой. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этого слоя я увидѣлъ выставившіеся кости. При этомъ оказалось, что эти кости находились не въ ямахъ, а въ общемъ культурномъ слоѣ, покрывающемъ какъ ямы, такъ и пространство между ними. При изслѣдованіи въ этомъ направленіи культурнаго слоя я нашелъ въ немъ, въ началѣ второго поворота Бездны, на правомъ берегу ея, почти полный скелетъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ костей черепа, повидимому, обвалившихся въ рѣку. Около этого скелета я нашелъ часть желѣзнаго гвоздя. Немного выше мѣста находенія вышеуказаннаго скелета я нашелъ другой скелетъ, также безъ черепа и около него также гвоздь. Наконецъ, на лѣвомъ берегу Бездны, на поворотѣ ея къ городу, подъ тропинкой, идущей изъ г. Спасска въ Куразово, на глубинѣ $\frac{1}{2}$ аршина отъ поверхности, я нашелъ цѣльный скелетъ. Опредѣленіе, при помощи компаса положенія скелета показало, какъ и въ 1891 году, что покойники лежали ногами на востокъ, а находеніе около двухъ скелетовъ гвоздей позволяетъ предполагать, что покойниковъ варили въ гробахъ.

Черепъ, найденный при скелетѣ подъ тропинкой изъ Спасска въ Куразово, настолько хорошо сохранился, что представилась возможность сдѣлать важнѣйшія измѣренія его. Вотъ результаты этихъ измѣреній:

Горизонтальная окружность	=	510 mm.
Длина черепа	—	= 172 mm.
Ширина	—	= 156 mm.
Высота	—	= 125 mm.
Головной указатель	—	= 90,7
Вертикальный указатель	=	72,6.

Эти данныя показываютъ, что этотъ черепъ принадлежалъ довольно типичному брахицефалу, почти несомнѣнно монголу хотя, конечно, для обоснованія послѣдняго вывода одного черепа представляется недостаточнымъ.

Не лишено также интереса указаніе, что этотъ черепъ очень сходенъ съ черепомъ узбека изъ рода Тюркѣ, находящимся въ анатомическомъ музеевѣ здѣшняго университета и описаннымъ проф. Маліевымъ въ статьѣ «Объ узбекскихъ черепахъ»²⁾. Въ этой статьѣ подъ № 8 значится такого рода черепъ:

Гориз. окр.	=	507 mm.	506
Длина чер.	=	166 mm.	166
Ширина	—	= 147 mm.	150
Высота	=	124 mm.	126
Голов. указ.	=	88,6 mm.	90,4
Высотн. указ.	74,7		75,9

¹⁾ Протоколы ваяд. Каз. Общ. Естеств. за 1880—81 г., стр. 20, 24, 33 и Труды Каз. Общ. Естеств. г. IX, в. 4. стр. 49.

²⁾ Прилож. къ прот. ваяд. Каз. Общ. Ест., № 86.

Во второмъ столбцѣ этой таблички приведены результаты вторичнаго измѣренія этого черепа, взятые мною изъ «Каталога краниологической коллекціи казанскаго университета» составленнаго проф. Малевичемъ¹⁾. Нашъ черепъ только нѣсколько больше и немного ниже.

Въ заключеніе укажу еще, что на берегу Беадны, около этихъ поселеній, я нашелъ обломокъ кремневаго ножа.

Изъ всего вышесказаннаго, мнѣ кажется, можно сдѣлать тотъ выводъ, что на берегахъ Беадны, выше г. Спасска, было или одно обширное, или нѣсколько сравнительно мелкихъ поселеній, причѣмъ жители этихъ поселеній, вѣроятно, принадлежали къ монгольской расѣ. Нахожденіе же въ этой мѣстности, съ одной стороны, каменныхъ орудій и не обожженныхъ черепковъ глиняной посуды, а съ другой стороны гвоздей, обожженныхъ черепковъ и другихъ предметовъ болѣе высшей культуры подтверждаетъ мысль, высказанную въ первой моей замѣткѣ, что здѣсь имъ нѣтъ слѣды двухъ культуръ, причѣмъ найденныя здѣсь человѣческія кости очевидно относятся къ послѣдней.

Описанный здѣсь черепъ переданъ мною въ географическій кабинетъ казанскаго университета.

А. Обрѣзковъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Пребываніе Императрицы Екатерины II въ Чебоксарахъ въ 1767 г.

(Изъ Синодика Чебоксарскаго Троицкаго монастыря).

Синодикъ представляетъ рукописную книгу форматомъ въ листъ, толщиной въ палець, переплетенную въ кожу; записи, сдѣланныя до XVIII стол. писаны уставомъ. Имена, внесенныя въ XVIII и XIX стол. писаны инымъ почеркомъ. Въ началѣ синодика помѣщены выписки изъ разныхъ книгъ съ кинноварными заглавіями. Затѣмъ слѣдуютъ имена патріарховъ, оканчивая Адрианомъ (всѣ написаны уставомъ) князей, царей, царевичей, царевенъ, митрополитовъ, архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и т. д. Далѣе роды вкладчиковъ въ церковь, гражданъ г. Чебоксары и ближнихъ городовъ и крестьянъ ближнихъ селъ. Между ними я замѣтилъ родъ Графа Алексія Петровича Апраксина, начинающійся съ убиеннаго Боярина Матвѣева.

Замѣтка о пребываніи въ Чебоксарахъ Екатерины II сдѣлана при упоминаніи игумена Хрисанфа.

«10.—Хрисанфъ.

При семъ Архимандрите Хрисанфѣ было шестіе Ея Императорскаго Величества внизъ по Волге до казани і до синбирска.

1767 года мая 25 дня приближась къ городу Чебоксару к третьему часу по полуночи стали на якорь; а Ея Императорскаго величество въ 9 часу

¹⁾ Труды Кав. Общ. Естеств. т. XIX, в. 2, стр. 36, № 504.

изволила въ шлюпкѣ пойти къ прѣготовленной прѣзрядной столярною работою пристани, на которой Каванской Губернаторъ, с воеводою того города и множествомъ окрестъ живущихъ дворянъ ожидалъ прибытія Ея, въпрѣпровожденіи всехъ ихъ взошедъ Ея Величество на гору принята духовнымъ соборомъ подъ предводительствомъ архимандрита монастыря Живоначальныя Троицы Хрисанфомъ, за которымъ приложась къ животворящему кресту изволила пойти в соборную монастыря того церковь. Оттуда по возглашеніи многолѣтія соблаговолила пройти въ домъ отставнаго надворнаго советника Соловцова где всемилостивѣйше жаловала к руке, 1) воеводу і с нимъ дворянство 2) ихъ женъ 3) тамошнѣ купечество, по семъ ея величество соизволила пойти в карете за городъ, дабы собственнымъ возрѣніемъ осмотрѣть принадлежащія для корабельнаго строенія адмиралству дубовыя рощи; куда прибывъ, несколько времени пешкомъ по онымъ ходити изволила. Оттуда возвратясь опять къ городской пристани изволила в шлюпкѣ на свою галеру а по окончаніи обѣденнаго стола повелѣла, 2 часа по полудни поднять якоря и по семичасномъ на гребле плытіи стать для наслѣга на якорь ниже села Кушниковъ: а сіе писано сегожъ монастыря ігуменомъ Севастіаномъ своеручно».

Сообщ. Глиханоръ, Епископъ Чоботсарскій (нынѣ Архангельскій).

III. ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Вѣрованія и культъ мордвы (эрзя) с. Сабанчеева Алатырскаго у. Симбирской губ.

О принятія христіанства у мордвовъ с. Сабанчеева были слѣдующія божества: Кардась-сярко-пазъ, Лисманъ-гирде-пазъ, Чувтонъ-пазъ, Ульце-пазъ, Шкай-пазъ, Керень-шочконъ-пазъ, Велень-гирде-пазъ, Кудэнь-гирде-пазъ, Чипазъ, Ковъ-пазъ, Пургине-пазъ, Ковевъ-пазъ, Пакся-ава, Нора-ава, Авынь-ава, Веды-ава, Вирень-ава.

Кардась-сярко-пазъ—богъ домашняго скота. Мѣсто жительства его конюшня. Если этотъ богъ любитъ скотину, то она бываетъ справная, ни какого порока ни болѣзни не имѣетъ; богъ бережетъ и заботится объ ней. Если же скотина захудала, хвораетъ, то дворовый богъ не любитъ ее и не заботится объ ней. Въ честь этого бога былъ установленъ праздникъ и молянъ «Овнома кардыне». Наканунъ этого праздника рѣзали барана въ конюшнѣ. На слѣдующій день созывали родственниковъ. Въ конюшнѣ приготавливали столъ для обѣда. Ставили на столъ чашку съ мясомъ зарѣзаннаго барана, клали хлѣбъ, и все что нужно для обѣда. Зажигали восковыя свѣчи и молились: «кардазонъ - гирде - пазъ ашекъ скотинанъ гизъ, кардась - сярко-пазъ матушка». Потомъ сядились за столъ, обѣдали и пили пиво. Правникъ «овнома кардыне» былъ семейный.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ дворовому богу приносили въ жертву пѣтуха, или утку-селезня. Рѣзали въ конюшнѣ. Свареннаго пѣтуха или утку приносили

въ конюшню, клали въ колоду и молились о томъ что, бы «Кардась сярко пазъ» любилъ скотину, чтобы отъ нея была прибыль.

Когда невѣста выйдетъ изъ дома, чтобы ѣхать подъ вѣнецъ, то отецъ и мать благословляютъ ее: «Кардась сярко пазъ баслованзатъ».

Лисмань-гирде-пазъ — богъ воды. Мѣсто жительства этого бога вода. Водяному богу молились у родниковъ; просили дождя. «Лисмань гирде пазъ матушка дай пивеме».

Сохранилось преданіе у мордвовъ: «три года не было дождя; была засуха; хлѣбъ не родился. Народъ умиралъ съ голода. Мордва молисъ у родниковъ, на поляхъ, просили у бога дождя, но богъ дождя не давалъ. Тогда одинъ старикъ Сабанъ варѣвалъ быка, наварилъ мяса, наполнилъ этимъ мясомъ большой кошель, завалилъ его себѣ на плечи, да еще взялъ кадущку меду и пошелъ «молить» водяного бога, чтобы онъ далъ дождя. Сабанъ ходилъ по вѣсѣмъ родникамъ и у каждаго молился. Наконецъ пришелъ къ одному роднику (этотъ родникъ находится теперь въ селѣ; говорятъ, что прежде на этомъ мѣстѣ села не было, оно стояло версты за три отъ упоминаемаго родника) и сталъ молиться; во время его молитвы пошелъ сильный дождь. До сего времени этотъ родникъ называется «атя лисьма». Съ этого времени мордва стали ходить къ этому роднику молиться о дождѣ: «Сабанъ атя мацъ-сыдъ пивеме».

Чувтонь-пазъ—«богъ дупляной» или богъ деревьевъ. Объ этомъ божествѣ упоминается въ слѣдующемъ разсказѣ: «жилъ въ селѣ мордвинъ съ женою; жили они несогласно; жена мужа своего не любила и жила съ другимъ. Мужъ мѣшалъ женѣ видѣться съ ея другомъ, смотрѣлъ за нею строго. Жена пошла молиться «Чувтонъ пазу». Подошла къ дереву, молится и проситъ «Чувтонъ пазъ», чтобы ея мужъ ослѣпъ. Мужъ слѣдилъ за женой и подслушалъ, о чемъ молилась его баба. На другой день онъ залѣзъ въ дупло. Жена опять пришла молиться. Мужъ изъ дупла и говоритъ ей: «зарѣжь черную курицу, сожарь еѣ, напеки блиновъ и намасли ихъ больше и когда мужъ придетъ и спроситъ обѣдать, подай ему жареную курицу; поѣсть онъ курицы—ослѣпнетъ, поѣсть блиновъ—оглохнетъ, поѣсть каши — у него отнимется языкъ. Пришла баба домой и слѣлала такъ, какъ велѣлъ ей богъ. Пришелъ мужъ; жена собрала ему обѣдать; накормила курицей, блинами и кашей. Думаетъ баба, что мужъ ослѣпъ, оглохъ и не можетъ говорить, а онъ притворился и легъ на печь. Пришелъ къ бабѣ другъ. Она говорить съ нимъ громко, ничего не боится. Мужъ съ печи все видѣлъ. Взялъ онъ ружье и застрѣлилъ пріятеля своей жены».

Ульце-пазъ—богъ улицы. Въ честь этого бога былъ праздникъ и моляны около Троицы. Мордва приготавливали къ этому празднику пиво, составляли «братчины», т. е. хозяева домовъ одной улицы, или порядка варили «мѣстное» (общее) пиво. Хозяева домовъ другой улицы, или порядка составляли другую «братчину» и варили пиво только для своей улицы. Въ день моляны участники братчины сходились на одинъ дворъ; приносили съ собою лепешекъ, пирожковъ, яицъ и проч. На дворѣ ставили столъ, а около стола—кадущку съ пивомъ. Мордва становились около стола и молились: «Ульце пазъ ваню-

мизь», просили бога, что бы онъ сохранилъ ихъ жилища. Потомъ старикъ бралъ большой ковшъ («покъшъ кече» въ этотъ ковшъ входило ведро пива), наливалъ въ него пива и подносилъ самому старому изъ собравшихся мордвовъ, при этомъ говорилъ: «Сюро шки-пазъ, шкай-пазъ макъсэ зрямо чи». Старикъ бралъ въ руки ковшъ и всѣ начинали молиться: «шки пазъ макъсызэ суро. Шки пазъ марикъсэ озно танокъ. Шки пазвэнь, шки пазъ макъсызэ пиземе». Послѣ моленья старикъ пилъ пиво и передавалъ ковшъ слѣдующему. Когда въ ковшѣ пиво выпивали, то его снова наливали пивомъ. Старикъ подносилъ тому изъ мордвовъ, на которомъ остановилась очередь пить и говорилъ: «ба-банъ покъшъ кече». Опять всѣ молились. Потомъ начинали угощаться въ два ковша. Другой ковшъ былъ какой то самодѣльный изъ пенька и такой же большой, какъ и первый.

Шкай-пазъ. Этому божеству молились въ дому у «судной лавки» (погъ-март); при молитвѣ мордва всегда клали руки подъ «мышки» и кланялись; молились говоря: «шкай-пазъ, шки-пазъ, пазъ макъсэ суро; шки пазъ дай намъ пиземе».

Керень-шочконъ-пазъ. Этому божеству молились о здоровья: «Макъсэ шумбрачи керень шочконъ пазъ». Молили этого бога, прося у него дѣтей: «Сель-мень сявада экакъшень кисъ. керень шочконъ пазъ». Отецъ и мать благословляя невѣсту въ дому, говорятъ: «Керень шочконъ пазъ баслованъзатъ».

Велень гирде пазъ—богъ села.

Кудэнь гирде пазъ—(прибавляютъ матушка) богъ «домашній», богъ надъ домоу

Пакся-ава — полевая богиня. Молились, говоря: «Норонъ ава матушка, шки-пазъ шарштъ норонъ ава матушка».

Нора-ава—богиня хлѣба, богиня урожая. Эти два божества пользовались у мордвовъ особеннымъ почетомъ.

Въ честь «Пакся-авы и Нора-авы» ежегодно былъ праздникъ и молянны «Бука ознома». Этотъ праздникъ назначался заранѣе; одинъ изъ мордвовъ, выборный ходилъ по домамъ и говорилъ: «вандэ праздникъ «бука ознома». Молянны «Бука ознома» всегда назначались при выколашиваніи ржи. Быка выбирали пестраго; деньги за быка платило все общество. Для молянн «бука ознома» существовало въ поляхъ два мѣста, потому что, эти молянны устраивали въ ржаномъ полѣ; на «пару» молянн не устраивали. Рассказываютъ, что прежде на молянны ходили только одни мужчины. Рѣзали быка старикъ. Мордва молились о дождѣ, объ урожайѣ. Мясо быка варили въ котлѣ. Потомъ разсаживались на лугу обѣдать, пили пиво, устраивали гулянье. Кости отъ быка оставляли въ чашкахъ, потомъ ихъ собирали и зарывали подъ котломъ въ землю. Огонь не заливали, а оставляли его на мѣстѣ.

Авынь-ава — покровительница овина. Этому божеству ходили молиться въ овинъ въ полночь больные, прося «авынъ аву» чтобы она взяла ихъ хворь. Матери носили и теперь носятъ въ овинъ больныхъ дѣтей. По уборкѣ съ полей «авынъ авѣ» приносили въ жертву пѣтуха, или селезня-утку. Рѣзали въ овинѣ, голову оставляли «Авынь-авѣ». Около Покрова созывали родственникововъ. Сваренаго пѣтуха, или селезня утку ставили на столъ и надъ нимъ

молились. Потомъ обѣдали и угощались пивомъ. Изъ одного дома шли въ другой, къ родственнику, участвовавшему на первыхъ молянкахъ. Позднѣе пѣтуха рѣзали въ овинѣ въ великій четвергъ и ѣли на пасху; такъ же созывали родственникововъ и устраивали гулянье, ходили по родственникамъ. Мордва, окончивъ молотьбу, ставятъ обмолоченный снопокъ на крышу овина, а въ овинѣ оставляютъ необмолоченный снопокъ.

Вирь-ава живетъ въ лѣсу. Вирь-авѣ ходили молиться въ лѣсъ женщины, у которыхъ умирали дѣти, носили ей въ даръ пшеницы, проса, ячменя и проч. и клали на поляну.

Мѣстами для молитвы въ избѣ у мордвовъ были судная лавка «потъ мартъ» и порогъ (кенъшъ кочкапъ). Хозяйка, вынимая изъ печи хлѣбъ, никому не давала ѣсть, не продѣлавъ слѣдующаго обряда: одинъ изъ караваевъ клала подъ порогъ и молилась; говоря: «Кенъшъ шумбрачи, кши макъ, кардайсь скотинань». Потомъ съ этимъ караваемъ обходила весь дворъ. Каравай послѣ подавали нищимъ.

Относительно поминокъ старикъ мордвинъ говорилъ, что прежде были поминки на Фоминъ день. Всѣ мордва собирались на кладбищахъ, рѣзали лошадь, а шкуру вѣшали на «рогульку» (такъ называлъ мордвинъ столбъ, который врывали прежде надъ могилой; на вершинѣ столбъ этотъ былъ раздвоенъ имѣлъ два сучка, на подобіе вилъ). Мясо лошади варили на кладбищахъ и съѣдали. Другіе говорили, что лошадь рѣзали въ богатой семьѣ на поминкахъ умершаго главнаго хозяина и распорядителя въ домѣ. Лошадь, которая назначалась для поминокъ, впрягали въ телѣгу и ѣздили на ней по полямъ.

Лошадинае мясо мордва употребляли въ пищу, а свиной не ѣли. «Туво а яршамо атанътень нулгодять» — такъ говорили прежде. На кладбищахъ обѣдали, пили пиво. Послѣ обѣда зажигали костеръ; остатки пива «гушцу» выливали около костра, перепрыгивали черезъ огонь и этимъ поминки кончались. Умершему оставляли въ полѣ несжатую полосу хлѣба.

Разсказъ про Сабана, основателя села Сабанчеева, записанный со словъ старика-мордвина, крест. с. Сабанчеева. «Пришелъ откуда то мордвинъ Сабанъ и поселился въ здѣшней мѣстности. У него была жена, трое сыновей: Суюшъ, Дярюмъ и Какуля и двѣ дочери. Жить было имъ хорошо, привольно; всего было много; хлѣбъ тогда родился, а земли паши сколько хочешь, запрета ни отъ кого не было. У Сабана было много пчелъ. Наступалъ праздникъ и Сабанъ послалъ двухъ старшихъ сыновей въ овинъ дѣлать солодъ на пиво, а самъ ушелъ въ лѣсъ смотрѣть пчелъ. Въ это время на ихъ домъ напали башкиры, убили двоихъ сыновей, а жену и двухъ дочерей увезли съ собою. Пришелъ Сабанъ изъ лѣса, его встрѣтилъ сынъ Какуля и разсказалъ ему о случившемся. Погоревалъ Сабанъ, заплакалъ о женѣ и дѣтяхъ, но безъ бабы ему жить было нельзя. Онъ отправился въ Сызганъ-пря и укралъ себѣ жену. Прошло нѣсколько времени; его прежняя жена убѣгла отъ башкиръ и пришла къ Сабану, но ему не сказали, что она его жена. Сабанъ ее не узналъ. Стали они говорить между собою. Сабанъ разсказалъ ей, какъ башкиры убили у него сыновей и увезли его жену и

двухъ дочерей. Его жена и говорить ему: «а если бы къ тебѣ пришла прежняя жена, что бы ты дѣлалъ?» Сабанъ сказалъ: «я бы принялъ ее и сталъ бы жить съ двумя женами. Прежняя его жена открылась ему онъ ее узналъ, обрадовался, принялъ, и сталъ жить съ двумя женами».

Жилище и различныя постройки села Верх. Талызина Курмышскаго у. Симб. губ.

Въ крестыянскія жилища, согласно строительныхъ правилъ, изданныхъ на основаніи Высочайшихъ повелѣній 16 іюня 1873 г., 1 февраля 1877 г. и 17 апрѣля 1879 года, расположены гнѣздами—по два дома въ каждомъ гнѣздѣ. Гнѣздо отъ гнѣзда отдѣляется переулкомъ въ 8 саж., черезъ 2 или 3 гнѣзда оставляется проѣздной переулкомъ въ 6 саж., а черезъ 40 дворовъ, или 20 гнѣздъ оставляется такъ называемый «прогалъ» въ 50 саж. для разрыва поселеній.

Крестыянскіе дома въ здѣшней мѣстности ставятся на стульяхъ (короткихъ столбахъ, врытыхъ въ землю). Первые четыре бревна, составляющія самый нижній вѣнецъ, кладутся дубовыя, остальные вѣнцы сосновые. Строятъ избы липовыя и въ рѣдкихъ случаяхъ—осиновыя. Сверхъ потолка кладется обыкновенно лишній вѣнецъ, а на него балки (связи), въ которыя упираются концами стропила. Стропила рѣшетяты тонкими жердями, а на нихъ уже стелется крыша. На разстояніи 2 или 2 $\frac{1}{2}$ арш. отъ земли прорубаются съ улицы всегда почти 3 окна, сверху и снизу оконъ дѣлаются наличники, а по сторонамъ—ставни. За послѣднее время ставни и наличники дѣлаются рѣзные, узорчатые и раскрашиваются охрой и муміей. Оконныя рамы въ крестыянскихъ домахъ створчатыя никогда не дѣлаются; вмѣсто створокъ поднимается вверхъ вся нижняя половина рамы или половина нижняго звена отодвигается въ сторону. Надъ окнами устраивается карнизъ, въ большинствѣ случаевъ рѣзной. Сверхъ карниза и до самой крыши идетъ тесовая подшивка; въ прежнее время подшивка дѣлалась не изъ тѣсу, а изъ тонкихъ бревешковъ и называлась «самцовой». Въ подшивкѣ, какъ тесовой, такъ и самцовой прорубается четырехъугольное или полукруглое окошечко на чердакъ, стѣкла въ это окошечко рѣдко вставляются. Кромѣ того на подшивкахъ почти каждаго дома дѣлается подпись—годъ, мѣсяцъ и число постройки дома, а также на подшивкахъ хотя рѣдкихъ домовъ можно видѣть грубо нарисованныя картины, изображающія «Самсона, раздирающаго пасть льву» и «Іоанна Новгородскаго, летящаго на дьяволѣ во Іерусалимъ».

Въ здѣшней мѣстности избы кроются большею частію соломой, на соломѣ, чтобы её не сносило вѣтромъ, кладутся завѣхи, или «пріузины». Съ лицевой стороны дома дѣлается въ $\frac{3}{4}$ арш. свѣсъ—продолженіе крыши—и обшивается тесомъ; въ прежнее время свѣсъ дѣлался соломенный и поддерживался лѣстницами, которыя на конькѣ сходились вмѣстѣ.

При соломенныхъ крышахъ завѣхи прикрѣпляются колышками, воткнутыми въ соломѣ.

По внутренней обстановкѣ избы одинаковы у всѣхъ. Входъ-калитка устраивается съ проулка и ведетъ въ сѣни, изъ сѣней дверь ведетъ въ избу. При входѣ въ избу, въ лѣвомъ углу ея стоитъ печь, въ правомъ-переднемъ углу—божница, уставленная иконами; въ другомъ заднемъ углу кутникъ или конникъ—широкая короткая лавка. Вдоль стѣнъ стоятъ лавки, а около печи стоятъ такъ называемая судная лавка съ ящиками и назначается для хранения посуды: чашекъ, блюдеъ, ложекъ и т. п. Надъ окнами, вдоль стѣнъ, устраиваются полки. Въ каждомъ домѣ бываютъ полати. Печи нынѣ въ большинствѣ случаевъ кладутся «по бѣлому», т. е. труба выводится въ нѣсколько оборотовъ и выкладывается надъ крышей въ $\frac{3}{4}$ арш. изъ кирпичей; сверхъ же кирпичной трубы ставится труба гончарная. Въ прежнее время во всѣхъ избахъ клали печи по «черному». Онѣ устраивались такъ, что дымъ при топкѣ ударялся въ большой кирпичный сводъ надъ челомъ—«кожухъ» и расходился по всей избѣ, выходомъ для дыма служила отворенная настежь дверь и отверстие, продѣланное въ потолокъ, въ это отверстие вставлялась четырехгранная, сколоченная изъ досокъ труба, которая затыкалась послѣ топки тряпичными. Передъ кожухомъ устраивался всегда «напыльникъ», состоящій изъ нѣсколькихъ жердочекъ, на которыя клались дрова для просушки. Избы съ печами, устроенными по черному, сохранились у многихъ и до сего времени. Такія печи кладутся изъ экономіи въ избахъ бѣдняковъ, хотя въ этомъ случаѣ нечистота, а слѣдовательно и нездоровье—неизбѣжны, но за то топлива требуется меньше и тепло сохраняется въ избѣ болѣе. Въ каждой почти крестьянской избѣ прорубается четыре окна—три на улицу и одно въ переулокъ. Позади избы ставятся сѣни, въ которыя дѣлается два хода—одна дверь съ переулка, а другая, противъ первой, со двора. Полъ въ сѣняхъ стелется на одномъ уровнѣ съ поломъ въ избѣ. Въ двери, какъ съ улицы, такъ и со двора ведутъ крылечки ступени въ 3 или 4.

Вдоль стѣны, къ которой прилегаетъ дворъ, всегда постланъ полъ аршина въ $1\frac{1}{2}$, или два шириною; этотъ полъ называется мостомъ. За стѣнами устраивается клѣтъ, въ которую ведетъ крылечко ступени въ 3, такъ что полъ въ клѣти выше пола въ сѣняхъ. Назначается клѣтъ для хранения одежды и разнаго имущества. Подъ клѣтью ставится «подклѣтъ». Она служитъ складомъ разныхъ пищевыхъ продуктовъ, необходимыхъ для ежедневнаго расхода. Клѣтъ имѣеть одно маленькое окошечко, а подклѣтъ окна не имѣеть. Нѣкоторые крестьяне вмѣсто того, чтобы ставить конюшню отдѣльно во дворѣ, дѣлають пристрой къ подклѣти, этотъ пристрой вмѣстѣ съ подклѣтью имѣеть одну стѣну общую, какъ бы приставленъ къ одной изъ стѣнъ подклѣти и называется «пристѣномъ». Пристѣнъ ставится на мхѣ, а чаще на соломѣ. Назначеніе пристѣна съ конюшней одно—кормить скотъ въ холодное зимнее время, но послѣдняя въ отличіе отъ перваго называется «мшеникомъ». Весь дворъ имѣеть четырехъугольную форму и огороженъ высокимъ плетнемъ, вдоль котораго ставятся столбы, называемые «подсошками»; на столбы кладутся перекладины, въ нихъ упираются стропила, на которыя уже стелется хворостъ и потомъ солома, прикрѣпляемая сверху завѣхами. На каждомъ почти дворѣ имѣется колодезь съ «оцѣпомъ». Съ улицы во дворъ ведутъ

ворота, а надъ ними устраивается широкой свѣсъ. Ворота всегда украшаются пробитыми карточками изъ бѣлой жести, или «баковыми» гвоздями съ большими шляпками.

На зиму крестьяне дѣлаютъ заваленки;—одни прямо приваливаютъ къ стѣнамъ землю, а другіе заплетаютъ вдоль стѣнъ невысокой плетень и между ними кладутъ навозъ, весной же землю и навозъ откидываютъ. Кромѣ того на зиму крестьяне заставляютъ простѣнки между оконъ коноплями. Усадьбы всегда огораживаютъ плетнемъ. Въ прежнее время, когда крестьяне были крѣпостными, ихъ владѣльцы приказывали строить дома одинаковаго вида—на каменномъ фундаментѣ, фундаментъ былъ не ниже аршина. Крыши были тесовыя, а сверхъ карниза у каждаго дома былъ сдѣланъ узкій балкончикъ съ рѣной деревянной рѣшеткой, входить на этотъ балкончикъ всетаки было нельзя, и двери ведущей на него не было.

Амбары устраиваютъ всегда посреди улицы. Они назначаются исключительно для склада зерноваго хлѣба, который ссыпается въ особыя отдѣленія амбара—сушки, или поставленные въ амбарѣ большіе короба.

Въ основаніи амбаровъ кладутъ всегда плитнякъ, рубятъ амбаръ также какъ и избу, но мхомъ между бревенъ не прокладываютъ. Такъ называемая подшивка бываетъ съ двухъ короткихъ сторонъ и дѣлается всегда самцовой, а не тесовой. Кроятся амбары соломою, у рѣдкихъ, богачей тесомъ. Дверь въ амбаръ дѣлается уже и ниже, чѣмъ въ жиломъ помѣщеніи; надъ дверью по всей длинѣ амбара устраивается широкой свѣсъ, называемый палаткой.

Овиновъ въ настоящее время въ вѣшной мѣстности осталось мало, ихъ замѣнили шиши. Овинъ устраивается такъ: въ одномъ концѣ большаго сарая вырывается яма въ 3 квадр. саж. Глубина этой ямы $2\frac{1}{2}$ аршина. Чтобы земля съ боковъ не осыпалась, забираютъ съ трехъ сторонъ заборъ или ставятъ стояки плотно одинъ къ другому, а четвертая стѣна, со стороны лаза, дѣлается висячая, не много не доходящая до земли. Спускъ въ яму (лазъ) дѣлается пологій въ нѣсколько ступеней. Въ лазъ спускается солома для топки овина. Вверху, надъ ямой, настилается плотно потолокъ, только вдоль висячей стѣны вынимаются двѣ половицы; это отверстіе наз. «пазухой»; надъ пазухой кладутся двѣ перекладинки—«грядки», а на грядки ставятся жердочки—«колосники». На колосники ставятся снопы, одинъ колосомъ вверхъ, другой внизъ и т. д. Помѣщеніе надъ ямой, гдѣ сажаютъ на колосники снопы, огорожено со всѣхъ четырехъ сторонъ заборомъ и называется «садиломъ». Сушка въ овинахъ происходитъ такъ: топка производится около стѣны противоположной висячей стѣнѣ. Жарь ударяется въ потолокъ, идетъ вдоль него и выходитъ въ пазуху; выходя изъ пазухи, онъ упирается въ колосники, подъ которыми и разстилается, просушивая такимъ образомъ снопы.

Шишь во многомъ отличается отъ овина: въ немъ нѣтъ висячей стѣны, колосниковъ и садила. Пазуха же замѣняется квадратнымъ отверстіемъ посреди потолка, надъ этимъ отверстіемъ на колышкахъ кладется заплата, а вокругъ нея ставятся жердочки шишомъ, имѣющимъ форму правильного конуса. Огонь жгутъ подъ самымъ отверстіемъ, жарь ударяется прямо въ заплату, изъ подъ нея идетъ подъ шишь, просушивая снопы, лежащіе

на немъ. Въ настоящее время устраиваютъ больше шиши, потому что устройство ихъ сопряжено съ меньшими расходами, чѣмъ устройство овиновъ. Овины, шиши, сѣнницы (сарай для склада сѣна, соломы и мякны разныхъ хлѣбовъ) ставятся всегда на концѣ усадьбы, позади дома.

Баня въ здѣшней мѣстности очень мало: крестьяне парятся въ печахъ, которыя для этой цѣли выкладываются большихъ размѣровъ. Бани ставятся на конопляникахъ, подальше отъ всѣхъ построекъ во избѣжаніе пожара и особенностей въ постройкѣ не представляютъ никакихъ. При каждой банѣ имѣется предбанникъ, огороженный высокимъ плетнемъ и покрытый какъ и самая баня, соломой. Въ баняхъ печи кладутся почерному съ кожухомъ (сводомъ изъ кирпичей) и безъ него. Подъ кожухомъ помѣщается «каменка» — груда камней-дикарей. Подъ каменкой находится самая печь, отверстіе въ которую очень низко, у самого пола.

Вдоль одной стѣны дѣлается такъ наз. «полокъ» въ двѣ или три ступени, изъ которыхъ самая верхняя дѣлается широкой и находится на одномъ уровнѣ съ каменкой. Для безопасности и большаго тепла бани вырываются въ берегахъ оврага. Въ вырытую яму опускается срубъ, или съ боковъ устлается тынъ, настиляется полъ, а сверху потолокъ, на который насыпается земля.

Составилъ А. Тюттшиковъ.

Изъ областной печати.

 Историческіе мѣдныя рудники въ Тургайской области. «Въ Тургайской области, въ Илецкомъ уѣздѣ, находятся богатая залежи мѣдной руды... Эта руда залегаетъ въ пермской формации, между рѣками Ураломъ и Илекомъ, въ видѣ углекислыхъ окисловъ мѣди, свободныхъ отъ примѣсей сѣры, сурьмы и мышьяка. Кромѣ залежей мѣдной руды въ Общемъ Сыртѣ, въ Илецкомъ уѣздѣ, углекислыя мѣдныя руды извѣстны только въ С. Америкѣ, въ области Великихъ Озеръ. Замѣчательно, что мѣдныя руды Тургайской области и Оренбургскаго края эксплуатировались уже въ глубокой древности неизвѣстнымъ народомъ. Работы этихъ древнихъ рудокоповъ носятъ въ простонародіи названіе «ординокъ». Нѣкоторые приписываютъ эти работы племенамъ, обитавшимъ по берегамъ р. Урала въ періодъ владычества татарскаго, но едвали это справедливо. У татаръ и племенъ, входившихъ въ составъ татарскихъ государствъ, было въ общемъ употребленіи желѣзо, между тѣмъ горнорабочіе, оставившіе намъ «ординки» работали мѣдными инструментами, до нынѣ попадающимися въ старыхъ работахъ: въ Каргашинскихъ рудникахъ гг. Пашковыхъ, на башкирскихъ дачахъ Сейтовскаго посада (Каргалы) и казаковъ Сакмарской станицы въ 60 верстахъ отъ Оренбурга на С. В. Очевидно, что племена, добывавшія мѣдь, не знали желѣза или оно было имъ по своей рѣдкости и дороговизнѣ недоступно, что опять таки указываетъ на глубокую древность этихъ работъ и во всякомъ случаѣ на ихъ до-татарское происхожденіе. Только правильныя археологическія изслѣдованія, въ связи съ раскопками кургановъ, встрѣча-

ющихся на С. З. Илецкаго у. (возлѣ Илецкой защиты), могутъ пролить свѣтъ на трудолюбивыхъ доисторическихъ пионеровъ мѣднаго дѣла по обоимъ берегамъ р. Урала. Доисторическіе рудокопы вели свои работы своеобразными корридорами безъ всякихъ крѣплений—по крайней мѣрѣ слѣдовъ крѣплений нигдѣ не обнаружено, извлекали единственно только червую мѣдь или окись этого металла, нерѣдко попадающуюся въ жилахъ, пренебрегая даже самыми богатыми рудами, какъ малахитъ и красная мѣдная руда,—вѣроятно по неумѣнью извлекать изъ этихъ рудъ металлъ. (Ц. Хантинскій. «Мѣдноплавильный заводъ бр. А. и Т. Эмерикъ».—«Тургайскія Област. Вѣд.» 1893, № 7—8).

Соображенія новѣйшаго англійскаго путешественника о бывшей населенности Закаспійскаго края.

«На всемъ пространствѣ, носящемъ нынѣ общее названіе Закаспійскаго края нѣтъ никакихъ признаковъ того, что оно было когда-нибудь гуще заселено, чѣмъ нынѣ; теперь даже въ наилучшихъ частяхъ, страны селенія немногочисленны и разбросаны рѣдко, но едва-ли отыщутся слѣды большей населенности въ прошломъ. Если принять разрушенные города Баирамъ-Али и Султанъ-Санджаръ въ Мервскомъ оазисѣ за мѣрило прежней населенности это края, то тщательный осмотръ ихъ размѣровъ приведетъ къ тому заключенію, что населеніе въ старину было далеко меньше того, чѣмъ вообще воображаютъ, ибо площадь каждая изъ нихъ не равняется и половинѣ занятой нынѣ гор. Бухарой. Поэтому трудно предположить, что тотъ или другой изъ этихъ городовъ имѣеть населеніе, превышающее maximum 50—60 т.

Отсюда тотъ выводъ, что десятки и сотни тысячъ человекъ, избитыхъ татарами и другими завоевателями, напр. Чингиз-ханомъ и Тамерланомъ, вѣроятно, были чисто восточными гипотезами. («Four months in Persia and a visit to Trans-Caspia, by С. З. Biddulph, London, 1892». «Туркест. Вѣдом.» 1893, № 32).

Киргизскія надгробныя сооруженія. «На холмахъ прилегающихъ къ озеру Тузь-куль (во 100 верстахъ отъ Оренбурга по лѣвую сторону р. Илека и въ 10 верстахъ отъ поселка Ляневскаго) расположены киргизскіе мазареты—кладбища. На однихъ могилахъ поставлены обыкновенные магометанскіе памятники, на другихъ возведены большія деревянныя постройки, имѣющія форму зимовокъ, снабженныя дверями и окнами и расписанныя внутри по стѣнамъ атрибутами кочевника: кибитка, лошадь, верблюды, баранъ и принадлежности домашняго обихода. Рисунки принадлежатъ рукѣ киргизскихъ художниковъ и имѣютъ весьма отдаленное сходство съ тѣми предметами или животными, которыя хотѣлъ изобразить художникъ». («Оренб. Край». 1893, № 57).

Археологическія находки близъ села Мамаевки.

«Въ маѣ текущаго года на крестьянскомъ полевоиъ надѣлѣ былъ отысканъ кладъ. Надо замѣтить, что на лѣвомъ берегу р. Арысь, верстъ на 25 выше

развалины древняго Отрара, лежавшаго по правую сторону той-же Армыси, имѣются слѣды какого-то загадочнаго сооруженія. Прежде всего, на надѣлѣ мамаянцавъ имѣется два высокихъ насыпныхъ кургана. Отъ одного изъ нихъ, подѣ острымъ угломъ, расходятся двѣ прямыя линіи маленькихъ курганчиковъ, какъ-бы обовначающихъ слѣды древней стѣны. Линія кургановъ, идущихъ параллельно Армыси, тянется версты на три, а затѣмъ теряется среди массы курганчиковъ, занявшихъ громадное пространство передъ другимъ насыпнымъ курганомъ, высота котораго достигаетъ сажень пятнадцати. Это послѣдній окруженъ громаднымъ валомъ или, быть можетъ, это слѣды магистральнаго арыка. Во время межевыхъ работъ землемѣръ Баронинъ, устанавливая межевой знакъ на первомъ курганѣ, приказалъ рабочимъ рыть яму. И вотъ, послѣ нѣсколькихъ взмаховъ кетменемъ, работавшіе услышали характерный звукъ разбиваемаго глинянаго сосуда. Работа повелась осторожнѣе, и вскорѣ былъ открытъ глиняный горшечкъ, покрытый металлическимъ кружкомъ. Въ сосудѣ оказалось: 1800 серебряныхъ и свыше 4000 мѣдныхъ монетъ, нѣсколько зеренъ жемчуга, куски сердолика, двѣ или три маленькихъ проткнутыхъ морскихъ раковины, бронзовое стремя, два серебряныхъ браслета и много разныхъ мелкихъ украшеній. На другомъ курганѣ, при такихъ-же обстоятельствахъ, былъ найденъ большой круглый столъ изъ обожженной глины, а подѣ нимъ ручная мельница. Столъ на низенькихъ ножкахъ и на немъ видны слѣды украшеній; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ крестообразную форму.

Находка, судя по увѣренію одного грамотнаго киргиза, прочитавшаго надпись на монетѣ, должна быть отнесена къ эпохѣ султана Барура, одного изъ тимуридовъ. «Туркест. Вѣд.» 1893, №).

Находки на Увекѣ.

«На-дняхъ, во время желѣзнодорожныхъ работъ на Увекѣ, найдено на саженной глубинѣ четыре предмета, представляющихъ археологическій интересъ: чугунный котель, въ немъ каменный сосудъ и два глиняныхъ горшечка. Каменный сосудъ имѣетъ форму подушки, округленной по угламъ; въ серединѣ верхняго края находится горлышко, по бокамъ его два каменныхъ ушка». Саратов. Дн. 1893, № 120).

ХРОНИКА.

На текущія темы.

Проекты оживленія, о которыхъ говорилось въ предыдущей хроникѣ, остаются пока проектами. Оренбургскій отдѣлъ Г. О. не обнаружилъ пока еще ничего, что бы указывало на готовность перейти къ осуществленію задуманнаго. Мѣстный корреспондентъ «Самарскаго Вѣстника» (1893, № 45 отъ 21 апр.) жалуется на то, что всѣ ученныя учрежденія Оренбурга функционируютъ крайне вяло: статистическій комитетъ и ученая архивная коммиссія не собирались напр. ни разу съ 1890 г.; издательская дѣятельность этихъ учреждений ограничивается тѣмъ, что комитетъ издаетъ, хотя не каждый годъ, «Справочныя книжки», остальные общества не издаютъ ничего и члены ихъ помѣщаютъ свои труды въ иногороднихъ изданіяхъ. «Мало того, жалуется корреспондентъ, всѣ эти общества представляютъ почему-то крайне замкнутый кружокъ, доступъ въ который замѣчательно труденъ для постороннихъ не только для простаго присутствованія въ засѣданіяхъ, но даже и для поступленія въ члены... Географическое общество почему-то не хочетъ привлечь побольше членовъ, тогда какъ между новыми членами могли-бы найтись люди очень полезныя Обществу своими трудами или, по крайней мѣрѣ, поддержали-бы его матеріально, а ужъ деньги, разумѣется, были-бы нелишними... Будь географическое общество доступнѣе... можетъ быть, пользы отъ него получилось-бы несравненно больше, чѣмъ мы видимъ теперь... Нельзя-же огульно обвинять все мѣстное общество въ равнодушіи къ общественнымъ интересамъ» заключаетъ корреспондентъ. Въ какой степени правъ авторъ корреспонденціи, неизвѣстно ¹⁾, но его жалоба чрезвычайно апаменательна: впервые, кажется, обыватель Волжско-Камскаго края обращается къ суду посторонней

---

¹⁾ По полученнымъ нами частнымъ свѣдѣніямъ, Отдѣлъ вовсе не замыкается отъ публики, а напр. усиленно, хотя безъ особеннаго успѣха, приглашаетъ обывателей къ вступленію въ ряды его членовъ. Чтобы облегчить доступъ въ Общество небогатымъ членамъ, отдѣлъ понизилъ членскій взносъ съ 10 р. на 5 и 2 р.

публики съ жалобой на то, что ученые общества не принимаютъ въ свои ряды лицъ желающихъ послужить имъ. Нормальное поведение обывателя относительно такихъ обществъ совсѣмъ другое: обыватель недоумѣваетъ, зчѣмъ существуютъ эти общества, и всячески хоронится отъ того, чтобы какъ нибудь ненарокомъ не попасть въ одно изъ нихъ и не подвергнуться необходимости платить 2—5 рублей, а попавши усиленно старается подойти подъ § объ условіяхъ, при которыхъ членъ считается выбывшимъ.

Интеллигентный оренбургскій обыватель въ своихъ отношеніяхъ къ мѣстнымъ ученымъ обществамъ подаетъ руку восточно-сибирскому, который, какъ показываетъ мѣстная печать, далеко отъ нашей приволжской «объективности» и ставитъ обществамъ свои запросы. Образцомъ такихъ запросовъ является напечатанная въ 19 № «Вост. Обзоръ» статья «Голосъ обывателя о публичныхъ лекціяхъ В. С. отдѣла географическаго Общества». Иркутскій «обыватель» также жалѣетъ, что «мѣстный отдѣлъ (геогр. общ.) живетъ внѣ общества: отдѣлъ самъ по себѣ, а обыватели сами по себѣ», и выражаетъ желаніе, чтобы отдѣлъ припомнилъ обязанность, налагаемую на него уставомъ—распространеніе географическихъ знаній въ массѣ. «Этой послѣдней дѣятельностью Отдѣлъ можетъ умножить число своихъ сотрудниковъ и обезпечить себѣ тѣсную связь съ обществомъ».. Средствомъ выполнить эту обязанность авторъ считаетъ публичныя лекціи. До сихъ поръ, по словамъ автора, лекціи, которыя читались въ Обществѣ, имѣла случайный характеръ: читали и о китайской словесности, и о ледниковой эпохѣ. Эта черта стоитъ въ несомнѣнной связи съ таковой же случайностью въ направленіяхъ дѣятельности самаго отдѣла: «являлся среди мѣстныхъ горныхъ инженеровъ человекъ, научно работавшій въ своей области, «Извѣстія» отдѣла наполнялись статьями по геологіи и т. д.

Реформа должна выразиться въ замѣнѣ ученыхъ лекцій, за недостаткомъ людей способныхъ вести ихъ въ каждый данный моментъ учебными, хотя бы въ предѣлахъ близкихъ къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Авторъ намѣчаетъ курсъ, который даже при сжатомъ изложеніи, но съ демонстраціей коллекцій музея, могъ-бы оказаться и интереснымъ и полезнымъ для публики—это о сибирскихъ инородцахъ. «Кто изъ насъ, говоритъ онъ, имѣетъ хоть какое нибудь ясное представленіе о карагасахъ, качинцахъ, остякахъ или даже нашихъ сосѣдахъ бурятахъ и якутахъ?».

Мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателей «Извѣстій» на требованія, съ которыми адресуется къ ученымъ мѣстнымъ обществамъ обыватель. Публика выходитъ наконецъ изъ того состоянія равнодушія, съ которымъ она относилась къ попыткамъ ученыхъ кружковъ просвѣщать ее и указываетъ, чего ей нужно. Принять эти указанія къ свѣдѣнію, установить на основѣ ихъ modus vivendi съ публикой нелишне для каждаго общества. Можетъ быть вводя исподволь интеллигентную массу въ кругъ своихъ ученыхъ интересовъ, ученые общества окажутся ближе къ осуществленію своихъ ученыхъ задачъ чѣмъ теперь, когда они обращаются къ немногимъ специалистамъ. Нашимъ провинціальнымъ обществамъ приходится воспитывать и создавать своихъ будущихъ членовъ, а не брать ихъ изъ публики готовыми.

Въ Омскѣ, судя по всему, что мы знаемъ о его ученыхъ дѣлахъ до сихъ поръ, ближе къ осуществленію своихъ плановъ, чѣмъ въ Оренбургѣ, да и планы стали яснѣе и осуществимѣе. Въмѣсто ежемѣсячнаго журнала тамъ теперь предполагаютъ выпускать черезъ два мѣсяца книжку листовъ по 5 въ каждой и предполагаютъ осуществить это въ нынѣшнемъ-же году.

За матеріалами для изданія, на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, дѣло, кажется, не станетъ. Изъ протоколовъ, приложенныхъ къ XIV книжкѣ «Записокъ» видно, что въ распоряженіи отдѣла находится рядъ статей, относящихся къ географіи и этнографіи Сибири.

Пожелавъ обоимъ отдѣламъ географическаго общества поскорѣе осуществить задуманные планы, обратится къ сезонной научной тѣмѣ—къ научнымъ экспедиціямъ, которыя снаряжаются тѣмъ же лѣтомъ для изученія Русскаго Востока.

Казанское Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи выполнило уже два предпріятія, которыя должны содѣйствовать уясненію вопроса о Волжской Булгаріи. Членъ-сотрудникъ Общества Гайнитдинъ Ахмаровъ совершилъ развѣдочную экскурсію на границу Спасскаго у. Казанской губ. съ Самарской, гдѣ на основаніи употребляемыхъ инородцами (татарами и чувшами) названій населенныхъ мѣстъ онъ предположилъ мѣсто до сихъ поръ не опредѣленнаго г. Суvara. Экскурсія дала ожидавшіеся г. Ахмаровымъ результаты. Г. Ахмаровъ вторично командированъ Совѣтомъ Общества въ мѣстность древняго Суvara для собиранія коллекціи мѣстныхъ древностей. Затѣмъ на средства Императорской Археологической Коммиссіи производились раскопки въ районѣ Булгарскаго городища. Пока выполнена только часть намѣченныхъ задачъ—на площади такъ называемаго «малаго городка» за валомъ изслѣдованы поросшіе дерномъ холмы, подъ которыми скрывались остатки древнихъ каменныхъ зданій. Упомянутыя о бывшихъ здѣсь зданіяхъ («палатахъ») встрѣчаются у Лепехина, Эрдмана и др.

Раскопки обнаружили, что ближайшіе къ валу холмы скрывали пилоны (столбы) массивнаго портала, между которыми сохранились составленное изъ двухъ каменныхъ брусевъ саженой длины основаніе воротъ. Здѣсь былъ, какъ это и предполагали ученые изслѣдователи булгарскихъ руинъ входъ въ четырехъугольную замкнутую рвами площадку. Прямо противъ этого входа на противоположной сторонѣ четырехъугольника раскопки обнаружили остатки зданія раздѣленнаго на двѣ неравной величины комнаты—повидимому, жилого помѣщенія. По сторонѣ воротъ между лѣвымъ внѣшнимъ и лѣвымъ внутреннимъ углами четырехъугольника обнаружены остатки небольшого зданія съ хорошо сохранившимся цементнымъ поломъ и лавками по стѣнкамъ. Такихъ зданій было расположено по краямъ площадки нѣсколько, но остальные разрушены окончательно. Назначеніе обнаруженныхъ построекъ и эпоха, къ которой онѣ относятся, выяснятся дальнѣйшими изслѣдованіями, но и теперь уже можно предположить, что онѣ представляютъ собою памятники монгольской эпохи въ исторіи города Булгара и являются остатками укрѣпленія, въ которомъ могла находится ханская ставка («дворецъ»). Значительный самъ по себѣ интересъ болгарскихъ построе-

екъ увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что близкія имъ по времени архитектурныя памятники Золотой Орды въ Сараѣ, кажется, погибли безъ слѣда.

Идя на В. отъ Казани, мы должны отмѣтить предположенныя Императорской Археологической Коммиссіей изслѣдованія чудскихъ памятниковъ въ предѣлахъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ Пермской губерніи, экспедицію К. Д. Носилова на полуостровъ Ямалъ и экспедицію командированнаго Финно-угорскимъ Обществомъ А. Гейкеля для археологическихъ изслѣдованій въ районѣ Тобольска и Пермской губерніи.

Г. Носиловъ поставилъ своей задачей отыскать тотъ историческій путь, которымъ коляне, пустOVERцы и холмогорцы плавали три вѣка тому назадъ отъ береговъ Бѣлаго моря въ Сибирь и вели торговлю съ городкомъ Мангазеей, находившимся при устьѣ Енисея («Прав. Вѣст». 1893, № 90).

Г. Гейкель намѣревается продолжить свои археологическія изслѣдованія Сибири. Начавши съ Минусинскаго края, онъ подвигается на З. и въ нынѣшнемъ году предполагаетъ произвести рядъ раскопокъ въ Тобольской губерніи и сдѣлать археологическую рекогносцировку въ область Пермской чуди.

Распорядительнымъ комитетомъ В. С. Отдѣла И. Р. Г. О. предположены на 1893 г. слѣдующія научныя предпріятія.—На средства отдѣла или при пособіи отъ него имѣеть экскурсировать А. С. Еленевъ въ ближайшія къ Иркутску мѣстности, для ознакомленія съ археологическими памятниками. Кромѣ этого отдѣлъ предполагаетъ оказать денежную поддержку кандидату правъ Кролю (150 р.), занимающемуся изученіемъ юридическаго быта бурятъ, и врачу Ю. Д. Гринцевичу (100 р.), если онъ пожелаетъ взять на себя изученіе монголо-бурятъ въ антропологическомъ отношеніи.

Къ концѣ 1892 года В. С. отдѣлу передано крупное предпріятіе—этнографическое изслѣдованіе Якутской области. Иннокентій Михайловичъ Сибиряковъ, давно уже интересующійся изученіемъ Якутской области и главнымъ образомъ выясненіемъ взаимнаго вліянія русскаго и инородческаго населенія, чрезъ правителя дѣлъ В. С. Отдѣла выразилъ желаніе ассигновать Комитету 10,000 рублей на изслѣдованіе инородческаго населенія Якутской области въ этнографическо-экономическомъ отношеніи на такихъ главныхъ условіяхъ. Изслѣдованіе должно продолжаться не менѣе 2 лѣтъ. Деньги вносятся жертвователемъ не сразу, а въ сроки, указанныя отдѣломъ. Общее завѣдываніе экспедиціей поручается правителю дѣлъ В. С. отдѣла Д. А. Кляменцъ. Назначеніе экскурсантовъ, а также и вознагражденіе ихъ за труды для тѣхъ, которые будутъ избираться на весь срокъ экспедиціи, должно производиться съ согласія жертвователя. Комитетъ принялъ эти условія и выразилъ Иннокентію Михайловичу свою благодарность. Программы изслѣдованія выработываются. Въ настоящемъ году работа по изслѣдованію ограничится частной экскурсіей въ районъ инородческаго якутскаго населенія, тяготеющаго по своимъ экономическимъ отношеніямъ къ золотымъ промысламъ олекминско-витимской системы. Исполненіе этой частной задачи комитетъ имѣеть поручить члену статистическаго бюро при канце-

лярія генераль-губернатора В. Ю. Григорьеву. Кромѣ суммъ на покрытіе издержекъ экспедиціи, которыя предполагаются въ размѣрѣ 1000 рублей, положено опредѣлить боо р. экскурсанту на обработку собранныхъ матеріаловъ.

Въ якутскую-же область независимо отъ этой экспедиціи направляется А. А. Ивановскій.

Въ Среднюю Азію снаряжается экспедиція В. И. Роборовскаго, бывшаго постояннымъ спутникомъ въ путешествіи покойнаго Н. М. Пржевальскаго и участвовавшего въ послѣднемъ путешествіи Г. М. Пѣвцова. Окончательно экспедиція формируется въ г. Пржевальскѣ и въ концѣ мая должна была выйти на востокъ въ Тянь-шань; въ г. Люкь-чунѣ она устроитъ метеорологическую станцію, и обслѣдуетъ сосѣднюю, обширную котловину, расположенную на 50 метрахъ ниже уровня оксана; затѣмъ, для обслѣдованія областей Куянь-Луня, между меридіанами восточнаго Лобь-нора и о. Кукурнорѣ, продвинется новымъ путемъ черезъ Гоби. Устроивъ складъ на Кукурнорѣ, займется обслѣдованіемъ бассейна верхней Голубой рѣки въ провинціи Сачуань, Задачи экспедиціи географическія и естественно-историческія: собраніе свѣдѣній этнографическихъ, статистическихъ и другихъ, ведущихъ къ ознакомленію со странами, посѣщенными экспедиціей, и сосѣдними съ ними. Обратный путь предполагается черезъ Джунгарію новыми путями въ Зайсанъ, куда должны прибыть къ началу 1896 г. Для выполненія этой задачи потребуется около 3-хъ лѣтъ. Средства, 23,000 рублей, ассигнованы Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ.

М. Смирновъ.

МУЗЕОГРАФІЯ.

СПИСОКЪ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХЪ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРЕДМЕТОВЪ БАРНАУЛЬСКАГО ГОРНАГО МУЗЕУМА.

	Число экземп- ляровъ.
Отд. I. Предметы антропологическіе.	
1. Три человѣческихъ скелета, найденныхъ въ курганѣ близъ Барнаула	3.
2. Человѣческой черепъ	1.
Отд. II. Предметы археологическіе.	
1. Два котла мѣдныхъ	2.
2. Два глиняныхъ кувшина	2.
3. Нефритовый топоръ	1.
4. Каменный молотокъ	1.
5. Деревянный молотъ съ пріиска Чудакъ	1.
6. Каменная балда	1.
7. Каменный пестикъ	1.
8. Конецъ мѣднаго копья	1.
9. Девять шпагъ желѣзныхъ	9.
10. Два каменныхъ топора	2.
11. Серебрянный сосудъ, найденный въ 1866 г. близъ Гурьевскаго завода въ 80 зол.	1.
12. Тамъ же найденный серебрянный сосудъ въ 60 ¹ / ₄ зол.	1.
13. Изображеніе барана на камнѣ	1.
14. Двѣ каменныхъ бабы	2.
Отд. III. Предметы историческіе.	
1. Латы изъ желѣзныхъ пластинокъ, обшитыхъ матерією	1.
2. Бердышь	1.
3. Сѣкира	1.

4. Винтовка старой работы	1.
5. Двѣ кольчуги изъ желѣзныхъ колечекъ	2.
6. Деревянный шишакъ со звѣринными зубами.	1.
7. Еще кольчуга желѣзная изъ колечекъ	1.
8. Гербъ Акинфія Демидова 1729 г. изъ чугуна	1.
9. Двѣ мѣдныя большія бляхи	2.
10. Два каменныхъ небольшихъ жернова (ручныхъ)	1 п.
11. Два кирпича изъ Аблайкита	2.
12. Желѣзный ножикъ съ мѣднымъ чернемъ	1.

Огд. IV. Предметы этнографическіе.

Киргизы:	1) Манекенъ киргиза въ кожанномъ халатѣ	1.
	2) Манекенъ киргизки въ платьѣ бухарской матеріи	1.
	3) Турсукъ изъ черной кожи	1.
	4) Шляпа изъ кореньевъ	1.
	5) Ложка изъ кореньевъ	1.
	6) Кобызъ (музыкальный инструментъ)	1.
	7) Киргизская флейта	1.
	8) Киргизская конская узда	1.
Остяки:	1) Два четырехструнныхъ инструмента	2.
	2) Сани для ѣзды на оленяхъ	1.
	3) Кожанная упряжь для ѣзды на оленяхъ	1.
Тунгусы:	1) Манекенъ тунгуса въ кожанномъ костюмѣ	1.
	2) Манекенъ тунгуски въ кафтанѣ	1.
	3) Кафтанъ кожаный, обшитый цвѣтною кожей	1.
	4) Поясъ кожаный съ желѣзными бляхами и	
	5) Два кафгана съ передниками	4.
	6) Три лука съ кожаными футлярами	3.
	7) Три лука безъ футляровъ	3.
	8) Два кожаныхъ колчана съ желѣзными бляхами	1.
	10) Кожаный колчанъ, вышитый бисеромъ	1.
	11) Кожаныхъ колчановъ безъ бисера	3.
	12) Стрѣлы съ желѣзными и костяными наконечниками	93.
	13) Косточки для стрѣлы изъ лука	3.
	14) Нарты для ѣзды на собакахъ	1.
	15) Пять поясовъ вышитыхъ бисеромъ	5.
	16) Поясъ съ трубкою, кошелькомъ и кожанною сумкою	1.
	17) Пара кожаныхъ сапоговъ	1 п.
	18) Пара кожаныхъ башмаковъ	1 п.
	Алеуты:	1) Манекенъ алеута въ паркѣ (зѣ рубашкѣ) . . . . .
2) Пара рукавицъ изъ рыбьей кожи		1 п.

3) Плащъ изъ рыбьей кожи	1.
4) Плащъ изъ рыбьихъ пузырей, съ украшеніями.	1.
5) Парка изъ рыбьихъ пузырей	1.
6) Кафтанъ изъ налиимей кожи	1.
7) Ожерельникъ изъ крашенныхъ перьевъ . . .	1.
8) Двѣ деревянныя американскія ложки	2.
9) Модель байдары съ людьми	1.
10) Модель байдары безъ людей	1.
11) Деревянная крашенная модель лодки	1.
12) Знамя и бунчукъ американскіе изъ павлиньихъ перьевъ	2.
Разныя народы: 1) Кошелекъ съ іероглифическими палочками (черкесь)	
	1.
2) Персидское сѣдло деревянное съ костяною оправою	1.
3) Поясъ сплетенный изъ кореньевъ	1.
4) Четыре куска холста изъ древесной коры.	4.
5) Двѣ палки для хожденія на лыжахъ (коѣкъ).	2.
6) Два маленькихъ капкана (черканы)	2.
7) Четыре бубна разныхъ видовъ	4.
8) Барабанъ	1.
9) Двѣ костяныя курильныя трубки	2.
10) Корзинка плетеная изъ кореньевъ	1.
11) Двѣ пары лыжъ	2.
12) Кафтанъ изъ оленьихъ шкуръ	1.
13) Мѣшокъ изъ рыбьей кожи	1.
14) Кошелекъ изъ медвѣжьихъ лапъ съ когтями.	1.
15) Лопатка плетеная изъ кореньевъ	1.
16) Шесть каменныхъ ножей	6.
Шаманскій культъ: 1) Манекенъ шамана въ кожаномъ кафтанѣ	
	1.
2) Манекенъ шаманки въ такомъ же нарядѣ . .	1.
3) Двѣ бараньихъ лопатки употребл. при шаманствѣ	2.
Ламайскій культъ: 1) Платье бурятскаго ламы	
	1.
2) Двѣ глиняныя, муравленыя львиныя статуйки.	2.
3) Мѣдный сосудъ въ видѣ чайника	1.
4) Мѣдная курильница	1.
5) Четыре мѣдныхъ чашки	4.
6) Два мѣдныхъ колокольчика	2.
7) Двѣ тарелки мѣдныхъ для освященія (?) воды.	2.
8) Гремущка	1.
9) Трубы мѣдныя	3.
10) Тарелки мѣдныя	3.

Барнаулъ 19 мая 1893.

П. Чупинъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Finska Fornminnesföreningens Tidskrift. XIII. Tietoja Karjalan rautakaudesta... Th. Schwindt.—Журналъ финскаго Археологическаго Общества. XIII Т. Швиндтъ. Изъ жезнаго вѣка Кареліи.

Далекій по своему заглавію отъ круга вопросовъ восточно-русской археологіи, посвященный прошлому родной изслѣдователю народности трудъ г. Швиндта представляетъ нѣсколькими своими деталями капитальный интересъ для лицъ, занимающихся археологіей С. В. Россіи. Изслѣдованные имъ на З. побережьи Ладожскаго озера въ Кексгольмскомъ округѣ корельскіе могильники проливаютъ яркій свѣтъ на хронологію одной изъ группъ такъ называемыхъ чудскихъ древностей камскаго бассейна. Могильники, раскопанные г. Швиндтомъ, относятся къ XII—XIV в.; въ нихъ рядомъ съ предметами повседневнаго быта встрѣчаются кресты и православные образки—и рядомъ подвѣски совершенно тождественныя съ тѣми, которыя мы встрѣчаемъ среди находокъ камскаго бассейна. Обращаемъ вниманіе на №№ 339, 340, 341, 342, отчасти 266, 269. Періодъ, къ которому могутъ быть относимы подобныя metallическія украшенія такимъ образомъ опредѣляется: онъ можетъ восходить нѣсколько дальше XII в. въ своей исходной точкѣ и нѣсколько далѣе XIV въ конечной, т. е. захватываетъ конецъ до-русскаго періода въ исторіи Перми. Для объясненія сходства находокъ въ бассейнахъ Ладожскаго озера и Камы слѣдуетъ припомнить то, что было уже писано въ «Извѣстіяхъ» въ 1891 г. (См. нашъ очеркъ «Пермяки». «Изв.» т. IX, вып. 2.). Шöгрень, Кастренъ и Вексе въ своихъ изслѣдованіяхъ о древнихъ жителяхъ Заволочья совершенно точно доказали, что отдаленный на сотни верстъ отъ Ладожскаго озера бассейнъ Пинеги и все среднее теченіе Двины входили въ область поселеній Кореловъ. Корелы были между прочимъ и тѣми Пинежанамы—иноязычниками, которыхъ въ качествѣ сосѣдей Пермякъ упоминаетъ Епифаній. Понятно, что народы, жившіе въ такомъ тѣсномъ соприкосновеніи имѣли не мало общихъ принадлежностей быта и между прочимъ изъ той категоріи, къ которой относятся всякаго рода подвѣски и побрякушки. Близость кекс-

гольмскихъ корель къ пермской чуди обнаруживается еще и въ томъ, что ткани, которыя они производили, своимъ рисункомъ обнаруживаютъ замѣчательную близость къ поясамъ нынѣшнихъ соликамскихъ и головнымъ полотенцамъ чердынскихъ пермяковъ. Люди, знакомые съ узорами этихъ пермяцкихъ издѣлій, не колеблясь скажутъ, что №№ 349 и 351 атласа Т. Швиндга представляютъ снимки съ пермяцкихъ издѣлій.—Сопоставленіе фактовъ изъ двухъ областей быта показываетъ 1), что «Чудь» пермскаго района имѣла много общаго съ корелами Ладожскаго озера, 2) что бронзовыя «чудскія подвѣски» этого района относятся приблизительно къ XII—XIV в. нашей эры, т. е. къ времени, относительно говоря, очень недалекому. Дальнѣйшія изслѣдованія должны показать, откуда шли тѣ украшенія, которыми Корела пользовалась наравнѣ съ Пермью.

Пермскій Край. Сборникъ свѣдѣній о Пермской губерніи, издаваемый Пермскимъ Губ. Статистическимъ Комитетомъ подъ ред. Д. Смышляева. Т. П. Пермь. 1893.

Второй томъ «Пермскаго Края» заключаетъ въ себѣ рядъ статей по мѣстной археологіи, исторіи и этнографіи: 1) «Древности Пермской чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ. Съ 3 табл. Э. А. Теплоухова», 2) «Карта Екатеринбургскаго вѣдомства и провинціи Соли-Камской, съ прилегающими къ нимъ уѣздами и частями уѣздовъ другихъ провинцій съ 1734—1736 г.г. П. О. Чупина»; 3) «Матеріалы къ исторіи Пермской майоратнаго имѣнія г. Строгановыхъ», 4) «Къ вопросу о народной медицинѣ въ Красноуфимскомъ у. М. И. Мизерова и Н. Л. Сколозубова», 5) «Къ полулѣтковой годовщинѣ смерти П. А. Слоцова. А. А. Дмитріева». За недостаткомъ мѣста мы даемъ отчетъ только о первой статьѣ сборника.

Статья Э. А. Теплоухова представляетъ продолженіе начатаго имъ въ прошломъ году научнаго описанія извѣстной фамильной коллекціи чудскихъ древностей.

Познакомивъ читателей съ земледѣльческими орудіями Пермской чуди, авторъ въ нынѣшнемъ году обращается къ памятникамъ ея религиозныхъ вѣрованій. Слѣдуетъ надѣяться, что дальнѣйшіе очерки будутъ посвящены наиболѣе богатому представленному въ коллекціи матеріалу—принадлежностямъ костюма.

«Особенный интересъ, читаемъ мы на первой страницѣ статьи, представляютъ для насъ тѣ изъ подобныхъ фигуръ, въ которыхъ мастеръ отступаетъ отъ природы, изображая баснословныя существа, бывшія очевидно, предметомъ мифовъ и легендъ его времени». Большая часть этихъ изображеній, найденныхъ нерѣдко въ весьма отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ, повторяетъ извѣстные опредѣленные типы, которые должны были соответствовать опредѣленнымъ религиознымъ представленіямъ, и представляетъ собою продуктъ мѣстнаго производства, хотя первые образцы занесены были, вѣроятно, въ прикамскій край изъвне, изъ-за Урала. Происхожденіе фантастическихъ изображеній животныхъ и птицъ г. Теплоуховъ представляетъ, какъ результатъ

стремленія чуди воплотить въ изображеніи тѣ черты, съ которыми тѣ или другіе представители животнаго міра являются въ созданіяхъ народнаго творчества: такъ явились птицы съ звѣринными головами, животныя, представляющія нѣчто среднее между звѣремъ и рыбой и т. д.

Изображеніе въ видѣ птицы съ человѣческимъ лицомъ или цѣлой фигурой на груди явилось результатомъ стремленія воплотить представленія о животныхъ, какъ существахъ, обладающихъ человѣческимъ разумомъ и способныхъ вліять на человѣка: птица по своимъ особенностямъ всего лучше могла послужить промежуточнымъ звѣномъ между реальнымъ животнымъ міромъ и тѣмъ, который созданъ въ воображеніи человѣка и служилъ матеріаломъ для созданія представленій о богахъ. Изображенія—идолы съ теченіемъ времени подвергались измѣненіямъ: являясь въ древнѣйшихъ поселеніяхъ чуди болѣе близкими къ природѣ, они въ позднѣйшее время все болѣе и болѣе отклоняются отъ нея; являются птицы съ 2-мя и 3-мя головами.

Слѣдующую по времени категорію представляютъ идолы, въ которыхъ существенная часть представляется человѣкомъ, а животныя играютъ подчиненную роль: таковы изображенія человѣка съ двумя драконами по сторонамъ и земноводнымъ подъ ногами и изображенія человѣка на фантастическомъ конѣ. Последнюю по времени категорію изображеній представляютъ однѣ человѣкообразныя фигуры.

Происхожденіе первой категоріи—птицъ съ звѣринными головами—авторъ объясняетъ желаніемъ выразить высшую степень хищности птицъ. Изображенія этого рода назначались или для привѣшиванія (рельефныя фигуры) или для прикрѣпленія на какую нибудь поверхность (плоскія пластинки). Идолы птицъ съ человѣческими головами или фигурами на груди отливались изъ бронзы или изъ красной мѣди и назначались для подвѣшиванія. Большая часть ихъ приходится на правый берегъ Камы—бассейнъ Косы и Иньвы. Первые изображенія этого рода могли быть занесены въ край и извнѣ, но получили здѣсь дальнѣйшее развитіе; на послѣднее указываетъ появленіе сложныхъ фигуръ въ видѣ птицъ съ двумя и тремя головами, подобныхъ которымъ въ другихъ мѣстахъ не найдено.—Человѣкообразныя идолы и «чудскіе образки» встрѣчаются отлитые изъ бронзы и мѣди: первые имѣютъ болѣе раннее, вторые позднѣйшее происхожденіе. Большая часть ихъ характеризуется присутствіемъ рядомъ фантастическихъ животныхъ. Наибольшимъ распространеніемъ въ старыхъ и новыхъ городищахъ пользовалось изображеніе божества, окруженнаго двумя драконовидными существами съ «ящеромъ» подъ ногами. Изображенія подобныя этому могли, по мнѣнію автора, создаться на мѣстѣ, какъ результатъ дальнѣйшаго развитія животныхъ изображеній; въ другихъ мѣстахъ ихъ не находили, а въ области Пермской Чуди они встрѣчаются очень часто.

Кончивши на стр. 36 фактической отдѣлъ своей статьи, г. Теплоуховъ переходитъ къ вопросу, который имѣетъ существенное значеніе для оцѣнки его классификаціи—къ опредѣленію признаковъ относительной древности отдѣльныхъ мѣстонахожденій. Къ самымъ раннимъ поселеніямъ послѣ костыщъ авторъ относитъ тѣ, въ которыхъ найдена бронза высокаго достоинства и

почти отсутствуетъ желѣзо и которыя, кромѣ того, характеризуются находженіемъ на нихъ сассанидскихъ монетъ V и VI вв. по Р. X. Пункты, гдѣ Чудь обитала до позднѣйшаго времени, характеризуются увеличеніемъ въ бронзѣ доли мѣди и полной замѣной бронзы мѣдью, большимъ количествомъ желѣза и монетой XIII в.

Второй отдѣлъ статьи посвященъ вопросу о народности Чуди. Г. Теплоуховъ несогласенъ съ высказаннымъ нами въ очеркѣ «Пермяки» соображеніемъ, что Пермская Чудь представляетъ собою одно и тоже съ предками современнаго населенія С. З. края Пермской губерніи—пермяками на его З., уграми на В. Онъ думаетъ, что Чудь была которымъ либо однимъ изъ этихъ народовъ и вотъ на какихъ основаніяхъ: большая часть чудскихъ древностей С. З. части Пермской губерніи и смежныхъ мѣстностей Вятской и Вологодской отличается однородностью и стало быть принадлежала одному народу, а Пермь (Коми) и Угры являются представителями двухъ особыхъ группъ Пермской и Угорской, и едва ли хотя бы тысячу лѣтъ тому назадъ составляли въ этнографическомъ и культурномъ отношеніи одинъ народъ. Народомъ, который до сихъ поръ сохранилъ идоловъ, близкихъ по своимъ формамъ къ разсматриваемымъ чудскимъ изображеніямъ, являются Угры; на мѣстахъ ихъ старыхъ мѣстожительствъ были найдены нѣкоторыя изъ этихъ изображеній; они и могли быть древними насельниками С. З. Пермской губерніи; мѣстные названія пермячко-зырянскаго происхожденія могли быть даны позднѣйшими насельниками края.

Статья г. Теплоухова представляетъ первую и несомнѣнно очень интересную попытку разобратъ въ чудскомъ вопросѣ на основаніи матеріала, который заключается въ вещественныхъ памятникахъ. Почтенный авторъ дѣлаетъ попытку характеризовать интереснѣйшій отдѣлъ произведеній чудскаго творчества—созданія творчества религіознаго. Расположивши въ извѣстномъ типологическомъ порядкѣ отдѣльныя произведенія этого творчества, онъ намѣчаетъ исторію развитія этого творчества въ связи съ предполагаемымъ развитіемъ представленій о богахъ.

Классификація Теплоухова можетъ быть признана въ большей или меньшей степени состоятельной въ зависимости отъ того, согласимся мы или не согласимся съ той схемой развитія религіозныхъ идей чуди, которую предлагаетъ намъ авторъ, а объ этой схемѣ слѣдуетъ сказать прежде всего, что она вполне априорна. Г. Теплоуховъ исходитъ изъ мысли, что чудинъ-житель лѣсовъ—не могъ не обращать вниманія на окружавшихъ его живыхъ существъ, не оцѣнивать ихъ и не относиться къ нимъ такъ или иначе смотря по тому, были ли они для него полезны или вредны. «Весьма вѣроятно, что относительно особенно полезныхъ и особенно вредныхъ животныхъ существовали легенды, при дальнѣйшемъ развитіи которыхъ они пріобрѣтали свойства, которыхъ не имѣли по своей природѣ». «Развиваясь далѣе въ томъ-же направленіи, представленіе о баснословныхъ животныхъ легко могло привести къ созданію такихъ существъ, которыя отличались человѣческимъ разумомъ и могли имѣть вліяніе на человѣка». «Представленіе о такихъ сверхъестественныхъ существахъ перешло, вѣроятно, постепенно въ понятіе о

божествъ». Если-бы Чудь была народомъ безслѣдно изчезнувшимъ съ лица земли, такія апіорныя соображенія о ея вѣрованіяхъ были-бы неизбежны и въ извѣстной степени удовлетворяли-бы запросамъ пытливой научной мысли. Но и г. Теплоуховъ и всѣ изслѣдователи занимавшіеся чудскимъ вопросомъ смотрятъ на дѣло иначе: у европейской Чуди признается обширное потомство въ лицѣ современныхъ угрофинскихъ народовъ, а разъ дѣло стоитъ такимъ образомъ, апіорныя соображенія уже неумѣстны: вопросъ о вѣрованіяхъ Чуди долженъ быть рѣшенъ на почвѣ фактовъ, индуктивнымъ путемъ.

Какъ ни далеко отъ насъ время, когда у финно-угорскихъ племенъ начали складываться религиозныя представленія, мы все-же имѣемъ кое-какія данныя, позволяющія судить о характерѣ этихъ представленій: памятники этой эпохи сохранились въ языкѣ и религиозныхъ обычаяхъ Финновъ и раскрываются сравнительнымъ лингвистическимъ и этнографическимъ изслѣдованіемъ. Исслѣдованіе это едва начато, но и теперь уже можно утверждать, что зародыши религіи древнихъ финновъ лежатъ не въ культѣ животныхъ, какъ полезныхъ и вредныхъ факторовъ природы, а въ культѣ усопшихъ съ одной стороны и важнѣйшихъ элементовъ природы (неба, солнца и т. д.) съ другой.

Другое возраженіе, которое можно сдѣлать противъ схемы г. Теплоухова заключается въ томъ, что онъ устраняетъ совершенно роль вѣвшихъ вліяній: его типы — чистый продуктъ мѣстнаго самостоятельнаго развитія Пермской Чуди. Такъ-ли это? Тѣ аналогіи, которыя открываются между нѣкоторыми чудскими изображеніями и сибирскими, позволяютъ предполагать, что по крайней мѣрѣ первообразы этихъ изображеній приходили въ Пермь изъ Сибири. Были-ли они мѣстнымъ продуктомъ въ самой Сибири, это тоже вопросъ. Очень можетъ быть, что для рѣшенія многихъ и многихъ вопросовъ сибирской археологіи придется обратиться къ слишкомъ мало къ сожалѣнію извѣстнымъ у насъ доисторическимъ памятникамъ Китая и Монголіи.

Обращаемся къ второму капитальному выводу г. Теплоухова — о народности, которой принадлежали разсматриваемые памятники чудскаго творчества. На основаніи лингвистическаго анализа мѣстныхъ — преимущественно рѣчныхъ — названій мы выразили предположеніе, что Чудь составляли предки Перми и Югры. Г. Теплоуховъ думаетъ, что подъ Чудью слѣдуетъ разумѣть одну Югру. Принимая его гипотезу, мы должны будемъ предположить, что нѣкогда, начиная съ эпохи Сассанидовъ до XIII—XIV в.в., Югра занимала не только всю область, ваятую Пермскими, но и распространялась дальше на З. по всей территоріи, гдѣ встрѣчаются находки, однородныя съ Пермскими — по губерніямъ Вятской и Костромской, гдѣ она сливалась съ Югорской-же Мерей, то есть прійдемъ къ признанію извѣстной гипотезы Европеуса. Гдѣ-же тогда мы помѣстимъ нынѣшнихъ Пермскихъ и Вотяковъ? Въ предѣлахъ Вологодской губерніи? Но, вѣдь, памятники, близкіе къ чудскимъ, встрѣчаются и тамъ и гораздо дальше на З. до бассейна Ладожскаго озера. На Югъ отъ линіи Волга—Кама? Но тамъ съ IX в. извѣстны на В. тюркскія племена, а на З. въ бассейнѣ Оки Черемиса и Мордва. Затрудненія, въ которыя ставитъ насъ гипотеза г. Теплоухова, показываютъ, что одни и вещественные памятники такъ-же мало способны дать основаніе для этно-

графической карты доисторического С. В. Россіи, какъ и одни лингвистическіе. Истина гдѣ-то въ срединѣ, но почвъ комбинаціи обѣихъ критеріевъ, но гдѣ—это рѣшить будущее.

Г. Теплоуховъ самъ признаетъ, что религія Зырянъ (точнѣе—ея внѣшнія проявленія) ничѣмъ не отличалась отъ религіи Югры, но почему-то думаетъ, что этого тождества въ религиозныхъ представленіяхъ Коми и Югры не могло-быть на Югѣ, въ области нынѣшнихъ Пермскихъ. Мы не видимъ основаній для такого разграниченія: на Югѣ Коми также, какъ и на С., имѣли своими сосѣдями Югру: г. Теплоуховъ отмѣчаетъ извѣстіе, что Остяки жили по Сылвѣ. Отсюда вытекаетъ, что изслѣдуемые почтеннымъ авторомъ идолы могли почитаться и Коми и Югрой, хотя, думаемъ мы, не были обязаны своимъ созданіемъ ни одному изъ этихъ народовъ. Г. Теплоуховъ не находитъ возможнымъ установить связь между своими идолами и всѣмъ тѣмъ, что извѣстно о религіи Коми. Мы думаемъ, что ея нельзя установить и по отношенію къ религіи Югры. Единственнымъ проявленіемъ этой связи можетъ служить изданная авторомъ металлическая маска: такія маски дѣйствительно употреблялись у Вогуловъ еще въ прошломъ столѣтіи. Всѣ остальные попытки пріурочить чудскія издѣлія къ вогульскимъ религиознымъ вѣрованіямъ не имѣютъ подъ собой фактической почвы.

Идолы, окруженные драконами и ящерами, если мы примемъ толкованія г. Теплоухова, могли быть созданіемъ народа, творчество котораго было проникнуто стремленіемъ къ символизму: драконъ означаетъ могущество, ящеръ—способность двигаться одинаково легко по водѣ и сушѣ. Никакихъ намековъ на символизмъ въ тѣхъ идолахъ, которымъ поклонялась Югра въ XVIII в. и покланяется отчасти до сихъ поръ г. Теплоуховъ, конечно, не укажетъ. Съ другой стороны, еслибы тенденція къ символизму была нечужда древнему Югрѣ, откуда у него, сѣверянина, явились-бы эти южные символы—драконы и гигантскія земноводныя.

Относительно другихъ изображеній, напр. птицевидныхъ идоловъ съ человѣческими головами на груди, нашъ авторъ ограничивается догадками, что они могли соответствовать тому или другому изъ божествъ, чтимыхъ въ настоящее время Югрой.

Не поддаваясь объясненію изъ тѣхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ о религіи Коми и Югры, попадая въ область обѣихъ народностей откуда-то съ Юга, изслѣдуемая г. Теплоуховымъ изображенія могли съ одинаковой легкостью быть предметомъ культа для тѣхъ и другихъ: покупаютъ-же теперь сибирскіе инородцы у Зырянъ и Русскихъ деревянныя игрушки, считая ихъ изображеніями своихъ боговъ. Что дѣлаютъ потомки, могли дѣлать и отдаленные предки: бронзы, создавшіяся на ивой, южной почвѣ, попадая на Сѣверъ, могли такъ-же, какъ и теперь деревянныя игрушки, идти за изображенія родныхъ боговъ.

Выводъ, къ которому приводитъ насъ внимательное изученіе труда г. Теплоухова, заключается въ томъ, что изслѣдователь, желающій истолковать чудскія древности, не можетъ замыкаться въ районѣ, откуда идетъ главная масса этихъ древностей; онъ долженъ обратиться къ сравненію своего мате-

ріада съ древностями сопредѣльныхъ странъ. Для такого изслѣдованія у насъ пока еще нѣтъ почвы: сибирскія древности только начинаютъ издаваться; древности Средней Азіи, Персіи, Китая совершенно недоступны.

Г. Теплоуховъ сдѣлалъ все, что можно сдѣлать, исходя изъ мысли, что предполагаемыя религіозныя древности Чуди создавались на мѣстѣ и служили выраженіемъ ея религіозныхъ представленій: онъ далъ классификацію этихъ древностей, ихъ гипотетическое истолкованіе и попытался построить мостъ для ихъ соединенія съ религіозными представленіями и предметами культа Югры—но для окончанія этого моста у него не хватило надежнаго матеріала. Сооруженіе почтеннаго автора не для всѣхъ покажется достаточно прочнымъ—и можно пожелать въ интересахъ всесторонняго освѣщенія предмета, чтобы кто нибудь попытался истолковать изданные г. Теплоуховымъ матеріалы другимъ путемъ, исходя изъ мысли, что большая часть этихъ древностей—памятникъ прекратившихся торговыхъ сношеній С. В. Россіи съ Азіей.

Памятная книжка и адресъ-календарь Пермской губерніи на 1893 г. Пермь. 1892. Ц. 1 р.

Изданная Пермскимъ Статистическимъ Комитетомъ «Памятная Книжка» заключаетъ въ себѣ въ видѣ приложенія IV выпускъ «Сборника матеріаловъ для ознакомленія съ Пермской губерніей» (76 стр.). Въ составъ выпуска входятъ слѣдующія статьи: «Мѣры исчисленія, встрѣчающіяся въ старинныхъ рукописяхъ» свящ. Ип. Словцова, «Указъ соликамской воеводской канцелярія по дѣлу вогулъ», сообщ. свящ. В. Поповымъ, «къ біографіи К. Т. Хлѣбникова» А. И. Хлѣбникова, «изъ замѣтокъ во время разѣздовъ по Красноуфимскому уѣзду». И. А. Л. Сколозубова, «Неурожай въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, его причины и послѣдствія» И. Г. Остроумова, «Иванъ Ивановичъ Панаевъ, какъ первый директоръ пермскихъ училищъ» С. В. Ѳедосѣева. Статья о Словцова трактуетъ между прочимъ о значеніи мѣръ со пця и п з м о г ѣ. Въ «замѣткахъ» г. Сколозубова встрѣчаются интересныя данныя относительно башкиръ Красноуфимскаго уѣзда: преданія осѣдлыхъ башкиръ о былой кочевой жизни и старомъ устройствѣ жилищъ (14, 26), о музыкальныхъ инструментахъ (30), о формѣ погребенія (32), свадебныхъ обрядахъ (32), сабантуѣ (34), представленія о загробной жизни (39). Для характеристики условій, въ которыхъ оказывается школа съ русской программой преподаванія, можно отмѣтить разсказъ учителя-башкира о волненіи выванномъ среди женскаго населенія деревни тѣмъ, что дѣти писали на аспедныхъ доскахъ знакъ +. Чтобы успокоить родителей, учитель долженъ былъ выдумать для сложенія другой знакъ.—На стр. 32. 32 г. Сколозубовъ сообщаетъ свѣдѣнія о какихъ-то каменныхъ развалинахъ на Кладовой горѣ близъ д. Шокуровой и «могилахъ святыхъ» въ 3-хъ верстахъ отъ этой деревни.

Памятная книжка Воронежской губерніи на 1893 г.
Сост. С. Звѣревъ. Воронежъ 1893.

Въ научно-литературномъ отдѣлѣ книжки помѣщены между прочимъ статьи Е. Л. Маркова «Старая Донская пустынь и Донской Казачій городокъ», К. К. Федяевскаго «Валуйская старина» и С. Е. Звѣрева «Воронежскія древности» съ фототипической таблицей бронзовыхъ и каменныхъ орудій, найденныхъ въ Воронежской губерніи. Статья г. Звѣрева представляетъ сводъ извѣстій о находкахъ, сдѣланныхъ въ Воронежской губерніи съ 1863 г. по 1893. Между этими извѣстіями есть очень любопытныя. Изъ дѣлъ Стат. Ворон. Комитета оказывается, что въ Воронежской губерніи каменные орудія, кремневые стрѣлки, каменные молотки и топоры были находимы *in situ*—въ курганахъ рядомъ съ человѣческими костями (164 стр.) *in situ*-же, въ курганѣ съ сводчатымъ сооруженіемъ внутри найдены были и бронзовые предметы (копье и украшенія) при скелетѣ, который лежалъ лицомъ вверхъ, ногами къ З. Изъ мѣстностей, въ которыхъ встрѣчались въ губерніи бронзовые орудія, слѣдуетъ отмѣтить торфяникъ близъ д. Скакунъ. Здѣсь въ разное время были найдены три бронзовыхъ топорика, два бронзовыхъ полукруглыхъ долотца, бронзовая сѣкира (166).

Календарь Вятской губерніи на 1893 г. Вятка. 1892. Ц. і. р.

«Календарь Вятской губерніи» съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ характеръ періодическаго научнаго сборника для изученія губерніи—такого сборника, который у насъ называется «Ежегодникомъ», а у нѣмцевъ *Jahrbuch*. Для учрежденія, которое не располагаетъ значительнымъ количествомъ работниковъ, форма календаря съ приложениями представляется самой удобной. Есть матеріалъ, книжка выходитъ объемистой съ подраздѣленіемъ на отдѣлы; мало статей, редація безъ смущенія присоединяетъ ихъ къ обыкновеннымъ календарнымъ свѣдѣніямъ: она ничего не обѣщала, ничѣмъ не чувствуетъ себя обязанной.

Въ содержаніе разсматриваемаго выпуска календаря вошло 18 этнографическихъ и историческихъ статей, относящихся къ Вятской губерніи. Въ этнографическомъ отдѣлѣ помѣщены статьи: «Вотяки» изъ словаря Брокгауза, В. К. Магнитскаго «Алфавитъ языческихъ именъ Черемисъ Елабужскаго уѣзда», продолженіе словаря вятскаго говора Н. М. Васнецова, «село Источенское» П. И. Селивановскаго, «Каменные орудія въ Слободскомъ уѣздѣ и связанныя съ ними суевѣрія» его-же, «Повѣрья, обряды и обычаи при рожденіи, бракѣ и смерти крестьянъ Слободскаго у.», «На великой рѣкѣ» С. В. Курбановскаго, «Зюдинскій край» Н. П. Штейнфельда; въ историческомъ—кромѣ перепечатокъ изъ «Дневныхъ Записокъ» Рычкова, Герберштейна, Ерлезунда, Избрандъ-Идеса, Эрдмана, «костеносныя городища на сѣверо-востоки Россіи» А. А. Спицына, «старинные колокола Вятскихъ церквей» его-же, «Иванъ Васильевичъ Шишкинъ, гражданинъ г. Елабуги» В. К. Магнитскаго. Первая статья А. А. Спицына представляетъ собою рефератъ, приготовлен-

ный для московскаго международнаго конгресса доисторической археологии и содержаніе его съ фактической стороны приравнено къ коллекціи предметовъ съ костеносныхъ городищъ, которую г. Спицынъ помѣстилъ на выставкѣ. По лежащимъ въ основѣ его общимъ соображеніямъ рефератъ представляетъ собою повтореніе того, что было высказано авторомъ о томъ-же предметѣ въ брошюрѣ «Вещественные памятники древнѣйшихъ обитателей Вятскаго края» (Вятка. 1889. Стр. 10—16).

Труды Саратовской ученой Архивной Коммиссіи. Т. IV, вып. I. Саратовъ 1893.

Въ выпускѣ помѣщены слѣдующія статьи: А. А. Голомбѣевскаго «Вотчины Московскихъ монастырей въ Саратовскомъ краѣ по описямъ коллегии Экономіи въ 1763—1764 г.», А. Н. Минха «Къ исторіи переселенія Малороссіянъ въ Саратовскій край», В. І. Еланскаго «Краткая записка объ историческомъ происхожденіи Вольской военной школы», А. А. Васильчикова «Матеріалы къ исторіи Увѣка», А. и З. Чеботаревъ «Воспоминаніе объ исчезнувшемъ рыболовствѣ въ Волгѣ въ предѣлахъ Саратовской губерніи», Е. А. Шахматовой «къ исторіи Саратовскаго края изъ Донскихъ дѣлъ», Л. Б. Вейнберга «Матеріалы по исторіи Саратовской и сосѣднихъ губерній за вторую половину XVIII в.», А. И. Соколова «Описаніе архива Саратовской церкви (старога собора)», А. О. Лебедева «Указъ 1772 г. саратовскому купцу Мѣщанинову объ устройствѣ канатной фабрики въ г. Саратовѣ», Протоколы общихъ собраній и отчеты за 1890 и 1891 г.г. и Саратовіана—библиографія саратовскаго края.

Въ отчетѣ за 1890—1891 г. сообщаются интересныя свѣдѣнія о ходѣ работъ по приготовленію археологической карты Саратовской губерніи. Коммисія имѣетъ уже значительные матеріалы по вопросу о распредѣленіи кургановъ въ губерніи и на основаніи его находитъ возможнымъ констатировать, что курганы распредѣлены главнымъ образомъ по большимъ рѣкамъ (особенно богаты ими побережья Волги, Хопра, Медвѣдицы и ихъ важнѣйшихъ притоковъ Чардыма, Курдюма, Терешки, Латрыка) и группируются въ цѣлыя кладбища, на которыхъ насчитывается иногда по 3—4 тысячи.

Затѣмъ намѣтились мѣстонахожденія каменныхъ и бронзовыхъ орудій. Коммиссія находитъ, что въ краѣ можно констатировать всѣ принимаемыя въ доисторической археологіи періоды—палеолитическій, неолитическій, бронзовый. Можно думать, что съ палеолитическимъ періодомъ коммиссія поспѣшила; присутствіе въ той или другой мѣстности оббивныхъ орудій далеко не всегда служитъ показателемъ того, что здѣсь жилъ палеолитическій человѣкъ—но факты, которые ей удалось констатировать, не теряютъ отъ этого своего интереса и между ними есть такіе, на которые слѣдуетъ обратить вниманіе археологовъ—таковы напр. указанія на «Стрѣльное поле» на Югѣ Царицынскаго уѣзда, которое на протяженіи нѣсколькихъ верстъ будто бы покрыто каменными и бронзовыми стрѣлами, на курганы съ бронзовыми вещами (украшеніями или орудіями?).

За помѣщенные въ концѣ выпуска указатели къ мѣстнымъ «Губернскимъ» и «Епархіальнымъ» Вѣдомостямъ Коммиссію поблагодарить, конечно, всякій исследователь Поволжья.

Globus. Illustrierte Zeitschrift für Lander-und Völkerekunde. Bd. LXII. Braunschweig. 1892.

XLII т. журнала «Globus» содержитъ въ себѣ нѣсколько статей, на которыя можно обратить вниманіе исследователей В. Россіи. Эти статьи посвящены народностямъ, родственнымъ съ современными обитателями В. Россіи. Редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ давать въ отдѣлѣ библиографіи отчеты о новостяхъ, которыя появляются въ европейскихъ литературахъ относительно Кореи, Японіи, Китая, Афганистана, Персіи съ одной стороны, Венгріи съ другой. Вѣрованія, обычаи и бытъ народовъ, населяющихъ эти страны, обнаруживаемые въ нихъ памятники доисторическаго прошлаго должны служить немаловажнымъ пособіемъ при разработкѣ важнѣйшихъ вопросовъ доисторической археологіи и этнографіи В. Россіи. Въ настоящей замѣткѣ мы обращаемъ вниманіе читателей на статьи «Культъ высотъ у Мадьяръ» (273—278) и «Первобытные обитатели Японіи» (61—62). Мадьяры—оторвавшаяся отъ своего корня вѣтвь финскаго племени, ближайшіе родичи Остяковъ и Вогуловъ. Припоминая то, что говорятъ старыя арабскіе писатели о Маджарахъ, жившихъ въ предѣлахъ нынѣшней Башкиріи рядомъ съ Булгарами и Половцами, мы можемъ догадываться, что уже въ пору своего переселенія въ Европу предки нынѣшнихъ Мадьяръ или Венгровъ утратили въ значительной степени чистоту своего финскаго типа и подъ влияніемъ сосѣдства съ тюркскими племенами сильно обособились отъ сѣверныхъ родичей своихъ Вогуловъ. Оторвавшись отъ своего корня, Мадьяры раньше другихъ родичей подверглись влиянію христіанско-арійской культуры. Элементы финской культуры должны были исподволь покрываться толстыми слоями чуждыхъ—славянскихъ, германскихъ и римскихъ влияній.

Что осталось съ теченіемъ вѣковъ отъ финскаго наслѣдства, можно опредѣлить на основаніи языка и культурныхъ переживаній, слѣды которыхъ сохранились въ историческихъ памятникахъ и произведеніяхъ народнаго творчества. Сопоставленіе того, что уцѣлѣло у Мадьяръ, съ тѣмъ, что мы знаемъ относительно Вогуловъ, поучительно въ разныхъ отношеніяхъ: 1) съ частно-этнографической точки зрѣнія оно поможетъ намъ опредѣлять элементы древнѣйшей мадыро-вогульской культуры; 2) съ этнологической—это прекрасный матеріалъ для опредѣленія устрочивости отдѣльныхъ элементовъ культуры, отдѣльныхъ направленій челоѣческаго творчества подъ воздействиемъ такъ называемой надъорганической среды. Само собою разумѣется, что всѣ эти результаты должны явиться не сейчасъ-же послѣ изложенія коротенькой статьи Вислоцкаго, а тогда, когда въ нашей литературѣ накопится болѣе или менѣе значительный запасъ данныхъ относительно культурной исторіи Мадьяръ. Пока мы предлагаемъ только резюме интересной статьи. Статья начинается подборомъ свидѣтельствъ о слѣдахъ былого по-

читанія матери-земли (föld) у Мадьяръ. Типично-мадьярскаго въ этихъ свѣдѣтельствахъ мало: одни обычаи совпадаютъ съ румынскими, другіе съ германскими, третьи съ славянскими. Какъ болѣе другихъ напоминающій обычай нашихъ финновъ, можно отмѣтить обычай отливать передъ питьемъ нѣсколько капелекъ на землю. Интересны данныя о священныя рощахъ на горахъ («foresta sanctorum regum», «szent erdő»—святые лѣса) и о культѣ камней. Въ одной граматѣ отъ 1036 г. сказано: «Sunt quatuor lapides... in his a quocumque homine fuerint ferae interfectae, dimidiam partem illarum ministri abbalis accipiant cum cutibus earumdem». Мадьярскій миеологъ Jpolyi замѣчаетъ по этому поводу, что раньше, чѣмъ часть жертвы стала отдаваться въ пользу церкви, голова и кожа жертвеннаго животнаго вѣшались на деревьяхъ священной рощи. Изъ хроники анонимнаго нотарія короля Бѣлы мы узнаемъ, что въ жертву приносились лошади («occiso equo pinguisimo magnum aldamas fecerunt»). Горы съ находящимся на нихъ священными камнями служили мѣстомъ убѣжища въ дни нашествія враговъ. Въ 50-хъ годахъ, когда Jpolyi писалъ свою «Magyar Mythologia», относительно нѣкоторыхъ изъ такихъ горъ сохранялись воспоминанія, что на нихъ приносились жертвы, и народъ вѣрилъ, что до сихъ поръ онѣ недоступны для человѣка, который приблизится къ нимъ вооруженный и съ жаждой мести. Относительно другихъ, горъ—напр. «Aldomaj feic» (жертвенная) и «Bálványos» (идольская) въ Эникскомъ округѣ—держится до сихъ поръ убѣжденіе, что на нихъ можно освободиться отъ болѣзней. Горы служили наконецъ и кладбищемъ, на которыхъ собирались для жертвоприношеній усопшимъ (лошадей).

Кромѣ горъ и камней предметами культа были древнихъ Мадьяровъ деревья и источники. Jpolyi приводитъ образчикъ часто встрѣчающаго въ старыхъ мадьярскихъ законахъ постановленія: «quicumque ritu gentilium iuxta puteos sacrificaverit, ad arbores, fontes, lapides—reatum suum bove luat». Скелеты и теперь еще относятся на вершины священныя деревьевъ и въ разсѣлины скалъ. Секлеры особенно крѣпко держатся за остатки языческой старины и носятъ насмѣшливое прозвище «lofejű szekely» (секлеры съ лошадиными головами) за то, что вѣшаютъ на заборахъ конскіе черепа во избѣжаніе разныхъ бѣдъ отъ колдуновъ. На горы относятся вещи больного, который ищетъ исцѣленія. Къ ихъ помощи прибѣгаютъ, когда ищутъ освобожденія отъ «черной женщины»—вампириобразнаго существа, которое мучаетъ людей по ночамъ—относятъ чеснокъ смоченный кровью изъ мизинца лѣвой руки больного.—Чрезвычайно любопытны обычаи, связанныя съ погребеніемъ. Солома, на которой умеръ больной сжигается на священной горѣ какъ разъ въ то время, когда покойникъ выносится на кладбище: съ дымомъ и пламенемъ ея умершій отправляется на тотъ свѣтъ. Этотъ обычай—превосходная комбинація остатковъ древняго языческаго трупосожженія съ христіанскимъ погребальнымъ ритуаломъ.

Статья о первобытныхъ обитателяхъ Японіи представляетъ извлеченіе изъ книги англійскаго миссіонера John Bacchelor'a—The Ainu of Japan. L. 1892 В. пришелъ на основаніи своихъ изслѣдованій къ выводу, что Японію населяли послѣдовательно три народности. Айну, нѣкогда занимавшіе, судя по

мѣстнымъ названіямъ, всю страну, не были ея первыми насельниками. Въ японскихъ хроникахъ VIII в. (Kojiki и «Nihongi») положительно разсказывается, что Японцы нашли въ странѣ народъ Tsutschi—gumo, который жилъ въ пещерахъ и пользовался каменными орудіями. Heinrich Siebold, изслѣдовавшій японскія пещеры, по характеру черепковъ относитъ ихъ насельниковъ къ Корейцамъ. Къ этому же мнѣнію склоняется и англійскій миссіонеръ. Памятниками другой группы насельниковъ являются землянки, которыя японцы считаютъ жилищами Kobito—карликовъ. Batchelor самъ изслѣдовалъ нѣсколько ямъ (1 метръ глубины, 4 ширины) и нашелъ тамъ каменные топоры и наконечники стрѣлъ. Айну разсказываютъ, что надъ этими ямами поднимался конусообразный чумъ изъ жердей, обкладывавшійся лубками и травой. Народъ этотъ, по преданіямъ Айну, былъ истребленъ, когда ихъ предки появились въ странѣ; онъ пользовался каменными орудіями, не умѣлъ готовить горшковъ. Потомки этихъ карликовъ населяютъ до сихъ поръ курильскіе острова и живутъ въ такихъ же землянкахъ, какъ ихъ японскіе предки. Batchelor считаетъ ихъ народомъ родственнымъ Айну.

И. Смирновъ.

На м ѡ с ѡ р г.чер. Земл. безсовѣст-
ный; намыс ѡ р л а н ѡ ш развращаться, на-
мыс ѡ р л а н д а р а ш развращать.

На н а ѡ ш (отъ нальн - каяш взявъ
идти?) относить, уводить.

Н а р Крок. богатый.

Н а р, нарѣ Вас. бливко, почти около.

Н а р ѣ Крок. яко, какъ.

Н а р ѡ м ѡ ж Вас. (мышьякъ.

Н а р ѡ м ѡ ж (мышьякъ.

Н а р ы н ч е желтый.

Н а с т а (тат. нăстă) Вас. штука,
вещь.

Н а с ы л (тат. нăсыл) Вас. родъ, по-
томство, предки.

Н а ш а т ы р л а ш Крок. спаивать,
паять.

Н а ш м а к (чув. масмак) головной
уборъ женщины, расшитый шелками.

Н е г р я л ь-годам Крок. безъ нуж-
ды.

Н е з ѣ р г.чер. Земл. см. назыр.

Н е л е т Смирн. иго; см. леле

Н е м е-кож Вас. см. ломѣ-кож.

Н е м ѣ ш к е Земл. покъ.

Н е м р ѡ-Земл. нѣмой.

Н е м ѡ р (чув. нимер) всякая жид-
коватая масса, преимущественно же
кисель изъ вываренныхъ отрубей и
процѣженный.

Н н е да, такъ; такъ, такъ!

Н е р е ш т а м Крок. принимаюсь за
ростъ; нерештыкталѣм пробую въ ро-
стѣ; нерештальтарѣм для пробы рощу.

Н и нечищенное лыко; также отри-
цаніе ни: ни-кбѣт никто, ни кунамѣт
никогда.

Н и г ѡ л г ѣ м (г.чер. низильтѣм) сса-
живаю кору или тѣло.

Н и ж а ш г.чер. Земл. см. нѡжаш.

Н и ж г а н Крок. постоянный, неиз-
мѣняющийся.

Н и з я л ь т а р ѣ м Крок. царапаю.

Н и к т а м сдираю кору съ дерева,
кожу съ животнаго.

Н и л ь н ѣ ж е г.чер. Земл. тризна,
поминки.

Н и м а к ѣ Земл. внизъ, подъ.

Н и м а л н ѣ Земл. льяльно.

Н и м ѣ ц г.чер. Земл. снизу.

Н и ш к е г.чер. Земл. см. нѡшкѣ.

Н и а л а м размягчаю лыко кочеды-
комъ.

Н и а л т ѣ м глажу по головѣ, ласкаю.

Н о ѡ д а р ѣ м Смирн. изнуряю.

Н о л Крок. полынья.

Н о л-нѣрѣ сопливый.

Н о л а сочитя (сокъ изъ дерева).

Н о л г о ильмъ, ногло кож (г.чер.
пихтовый кож) пихта.

Н о л о Смирн. иль.

Н о л г о д о, ноло, ноломо Земл.
вязкое мѣсто, выбъ, иль, тина.

Н о л т ѣ м (г.чер. нумуштѣм) гложу,
обгрызаю.

Н о м а к ш см. ломакш.

Н о р личинка майскаго хруша.

Н о ч к о (г.чер. начко) мокрый; поч-
косо-таракан мокрица.

Н о ш м о Земл. жабры у рыбы;
сводъ.

Н о ѡ м Вас. устаю, нойктѣм утомляю.

Н ѡ г а Исм. дитя.

Н ѡ к а Крок. породный.

Н ѡ л ь п е см. лбълпе.

Н ѡ л ь т ѣ м поднимаю, нольталѣм
приподнимаю.

Н ѡ л ь к ш (г.чер. люлякш) кольцо
для веретена.

Н ѡ м а ѣ м дѣлаю небрежно.

Н ѡ н ч и к мякишь хлѣба, тѣсто.

Н ѡ р г а ш хрящъ.

Н ѡ р г ѣ г.чер. Земл. почка древес-
ная.

Н ѡ р е Земл. гибкій.

Н ѡ р ѣ п (г.чер. мюгрѣп; чув. нухрѣпъ)
погребъ; вѣд-нбрѣп колодезь.

Н ѡ р т м е Вас. см. мертне.

Н ѡ р ш Земл. своякъ см. посана.

Н ѡ р ь т ѣ м мочу, промачиваю.

- Нѡрѣм промокаю, мочусь.
 Нѡшмѡ сѣмя ношмѡ у постное ма-
 сло.
 Нѡштѡлѣм мѣшу (тѣсто).
 Нугудо полонки, устои, остаткн
 жидкости; у Крок. вообще густой.
 Нудо своячина; младшая воловка.
 Нуж большая шука, у Вас. так-
 же крапива.
 Нужѣр Земл. крапивникъ, мѣсто
 поросшее крапивой.
 Нужна (тат. мужа) бѣдный.
 Нужна - шудо гвоздяка.
 Нузулгаш Земл. ссадить, намо-
 воить.
 Нукта (тат. нукта; чув. нукта; г.-
 чер. паслык) недоуздокъ, узла изъ мо-
 чала или пеньки.
 Нулгудо Земл. пихта.
 Нулѣм Крок. понуждаю, понукаю.
 Нулѣм лижу, нулалам лизну.
 Нуем я г.чер. Земл. ну! ну-ко! по-
 нужденіе лошади.
 Нумалам несую; нумалтѣш ноша,
 беремя; нумалшт-коштѣм таскаю, ношу.
 Нумушто-варѡ (г.чер. немѣсто
 вара) лутошка, липовая палка, съ ко-
 торой снимають лыко.
 Нуно они, онѣ.
 Нур поле; нур-мизе рябчикъ; нур-
 шеръ пастбище.
 Нургѣлѣмо Смирн. безпорядоч-
 но.
 Нурмандѣм гнушу.
 Нургѣмше (г.чер. патыл) смѣтана.
 Нуртѣштѣм Кр. фыркау.
 Нуртѣм Смирн. облизываю.
 Нушкѣм ползаю на сидѣньи.
 Нуштылѣш Крок. купаться.
 Нусъкѣ (г.чер. воско) долото для
 долбленія ульевъ и колки льда, — пе-
 шня.
 Нужѣм брѣю, скоблю; нужиѡ тер-
 ка; нужио-кѣзѣ бритва.
 Нушке тупой.
- Нушкѣ Вас. см. люшкѣ.
 Нуштѣм сморкаюсь.
 Нѣ Вас. см. ни.
 Нѣалтѣм глажу, оцупываю.
 Нѣк (тат. нык) Вас. см. чат, шѣн.
 Нѣль, нѣлит четыре, нѣльу сорокъ,
 нѣльу-когур двѣнадцать копѣекъ.
 Нѣзѣклѣш г.чер. Земл. см. нуш-
 камъ.
 Нѣлѣр Смирн. гривенникъ.
 Нѣгѣз (тат. нигив) лежня. фунда-
 ментъ подъ домомъ.
 Незер см. назѣр.
 Нѣлѣм глотаю.
 Нѣлѣ Вас. см. леле.
 Нѣмѣч нѣмецъ и вообще всякій
 иностранецъ.
 Нѣнче рок сырая земля, синья
 глина.
 Нѣргѣ (тат. ниргѣ рядъ) Вас. че-
 редь, порядокъ; нѣргѣн о, за, по при-
 чинѣ.
 Нѣрь носъ; нѣрѣм дремлю; нѣрь-лѣ
 переносье; нѣрь-шулдур крылья носа,
 наружныя части ноздрей; нѣрь - рож
 ноздря.
 Нѣрѣштѣш г.чер. Земл. прини-
 маться за ростъ, начать расти.
 Нѣрь-патарнѣ Земл. (г.чер. нѣрь
 шѣж) насморкъ.
 Нѣстѣр (тат. нѣстѣ) см. настѣ.
 Нѣчке нѣжный; нѣчекештарѣм нѣ-
 жу, балую; нѣкелѣш Земл. ласкаться,
 нѣжить.
 Нѣгар Смирн. рабъ.
 Нѣжанѣм Смирн. см. нѣжѣм.
 Нѣжвѣц, нѣжвѣнен Крок. сзади,
 позади.
 Нѣмулѣ сливистый.
 Нѣмургѣм (г.чер. пѣзѣургѣм) сжи-
 маю.
 Нѣмуштѣш Крок. обгрызаетъ, об-
 гладывать.
 Нѣмуз-нѣмуз звуки при чавканьи.
 Нѣштѣлѣм Крок. см. нѣштѣлѣм.

Ня мѣм ударю ладонью по ладони же другого лица (игра).

О.

Об а Крок. тесть.

Об ар т а ш Земл. ворочать сѣно.

Об ар лан ѣм превозношусь, горжусь.

Об ар а (тат. кабарам) всходить (тѣсто), уходить (что либо при кипѣнии), вздувается, пучить; оварлан а распалывается (тѣсто); у Вас. оварѣм дѣлаюсь рыхлымъ; надуваюсь.

Об ар т а н ситникъ, домашній качаль.

Об ар т ѣ м надуваю (пузырь).

Об ар че Вас. лепешки; Кр. Яр. ношмѣ-оварче супъ изъ конопляныхъ сѣмянъ.

Об д я (чув. обыдѣ) обезьяна.

Об е д а обѣдъ.

Об ы ш к а Вас. вдовецъ; съ прибаловленіемъ этого слова есть названія божествъ 3 степени: покшк а - овышк а богъ мороза (чув. обышк а мужъ)

Об ж ѳ р обжора, прожорливый.

Об ѣ л не есть; тѣдѣ-огѣл не (есть) этого.

Об ѳ л Крок. уголь.

Об ѳ л я Земл. нехотя.

Об ѣ м не хочу; огѣт не хочешь, огѣш не хочеть.

Об ѣ р ч а н Земл. см. энеръ.

Об а сокращ. отъ огода вы — не; од а коч вы не ѣдите.

Об а р (чув. одар) пчельникъ.

Об ѳ д ѣ к Земл. поклепъ, извѣтъ.

Об ѳ л а ш Крок. потакать, олоқык поклепъ, извѣтъ.

Об ѳ р г. чер. Земл. свинойка (грибы).

Об ы р а ш г. чер. Земл. удрѣм.

Об ѣ м опасаясь, остерегаюсь; пенны-

до-оймо среда и суббота страстной недѣли, — д и, въ которые, по вѣрованію черемистъ - явичниковъ, легко захворать, а потому въ эти дни они никуда не выходятъ безъ обуви и теплаго платья и вовсе не ходять до полденъ въ амбары и огороды.

Об ж ѳ жеребець.

Об ж ѣ н ѣ к т ѣ м Вас. см. азапландарѣм.

Об а Крок. см. увѣ.

Об а (г. чер. хоза, чув. хоза) хозьянъ, купецъ.

Об а к (г. чер. молодецъ; чув. ховах) хомлостой.

Об а н Вас. г. Кавань.

Об им (г. чер. азым) яровые хлѣба; ржа-озим озимые хлѣба; копшта озим равсада (капусты).

Об ѣ слово; ой-савѣртѣш пословица.

Об ѣ го (тат. кайгѣ; чув. хойых) горе, печаль; ойгрѣш полшѣм соболѣзную; ойгрѣм печалюсь.

Об ид ар т а ш Крок. пугать, устрашать; ойдартѣн пудраташ приводить въ смятеніе.

Об ид ыр ч ѳ (тат. калдырча; г. чер. айдырчо; чув. холдырч) скальница, инструментъ для навиванія нитокъ на цѣвки; блокъ.

Об ѳ р т ы ш (тат. айырымы) Земл. различіе, разность.

Об ѳ р т ѣ м ѣ ш Земл. особенно, въ особенности.

Об ѳ р а ш Земл. см. ойрѣм.

Об ѣ зо (отъ ой) Земл. говорливый.

Об ѣ л ем Крок. исправляю; охау.

Об ѣ л ѣ м (г. чер. полѣм; чув. поплѣ) говорю, рассказываю.

Об ѣ мо см. оѣм.

Об ѣ ѣ п, тул ойѣп Вас. искра.

Об ѣ х а л я н а ш Земл. см. айгрѣм (тат. кайгырам) тужу.

Об ѣ ш ѳ испугавшаяся, разъярившаяся лошадь.

Ойрэм (тат. айырам; г.чер. айыр-лэм, чув. ойыр) отдѣляю, выбираю.

Ок сокр. отъ огэш=не; окли нель-зя; окюль не нужно.

Окмакъ (г.чер. ордо, чув. умах) дуракъ, глупый.

Окня окно; окня-комлѣш ставень у окна; окня-вай наличникъ у окна; окня-къшкар оконная рама; у Вас. окня-аритá.

Окса (тат. окча; чув. окся) деньги, монета, кредитный билетъ.

Оксалу г.чер. Земл. деньги, капиталъ, затраченный въ товаръ; оксалкъш пураш выручать свои деньги.

Оксора сѣ Земл. неприлично, непристойно; буквально не совѣтуетъ.

Окшакъ (тат. аксакъ; чув. оксах) хромой; окшаклэм хромоу.

Окэм (тат. укыйым) вост. чер. читаю, см. лудам.

Ола (тат. ала; чув. ола, хола) пѣгій, пестрый, полосатый; также г. Казань (г.чер. Алаи); въ переводахъ Прав. Мисс. Общ. ола значитъ вообще горюдь; ола шой нырокъ-утка; олаэмдэм пестрю.

Ола-варакш тетереватникъ.

Олак (см. улак) г.чер. Земл. пустыня, степь; ср. улак.

Олангэ окунь.

Олдырчо см. ойдырчо.

Олень Крок. см. олян.

Олицá г.чер. Земл. улица.

Олка Вас. см. қорыш.

Олма (тат. алма; чув. алма) яблоко, олма пушэнгэ яблоня; рок олма (земляное яблоко) картофель.

Олма-кут Крок. мѣра въ 5 аршинъ, употребляемая при тканьѣ.

Олмага Крок. лавка, мебель.

Олмо мѣсто; олмеш вмѣсто, вза-мѣнъ, олмоктэм, см. веремтэм—у Вас. чиню; у Земл. лѣчить, приводить въ порядокъ.

Олмоктэм Смирн. воздѣлываю, см. олмо.

Олмудаш Крок. приставить, при-норовить.

Олмутм уштáш г.чер. Земл. при-норовить, приставить.

Олно (чув. калым) плата за невѣ-сту; см. калым.

Олѣк (чув. олых) луга.

Олым (чув. олым) солома.

Олымбал (олманá) лавка (мебель).

Олталэм (тат. алдалыйым) обма-нываю.

Олтэм топлю печь.

Олян (чув. холлэн) тихо, медленно.

Оля Крок. мясо, говядина; олян говяжий.

Ом сокр. отъ огом (не хочу) = не. Глаг. отр.

Омакш (г.чер. омаш) шалашъ изъ вѣтвей и сѣна.

Омартá (тат. умарта; г.чер. вуля) улей; шынгырчык-омартá (г.чер. ш. по-жаш) скворечница.

Омасá дверь; омасá йолдэм по-рогъ.

Омо водяной валь, волна.

Омо-шѣр угри на тѣлѣ.

Омонтэм грежу во снѣ.

Омта напалнивается грудь, вымя молокомъ.

Омѣж (тат. камыш; г.чер. амыж; чув. хумуш) камышь.

Омѣн сонъ, дремота; омѣт-ѣля ой-ля бредить во снѣ; у Вас. омэштэм брежу во снѣ.

Омпо пузырь мочевоу, въ Кр. Ярѣ и рыбій пузырь; шывыр-омпо пузырь у волюнки (духовой музыкальный ин-струментъ).

Омута Вас. хомутъ; омыт-шуп-шутлѣш супонь.

Омѣж-шулиш г.чер. Земл. см. о-шим-шопши.

Омпуш-доно-кинильша Крок. лу-

натикъ; омпүшишта-попаш грезить во снѣ, бредить.

О м о д э м а ш Смирн. бессонница.

О м э ш т а ш г.чер. Земл. позѣвать.

О м ѣ ш н а ш Земл. чахнуть.

О н - у к э Земл. одышка.

Он (= х а н) царь,—прилагается къ именамъ языческихъ боговъ: кече он богъ солнца и т. д.

О н а сокр. отъ огонá мы-не: она ю мы не пьемъ.

О н а размножается.

Он г грудь; онгямо слабогрудый, чахоточный.

Он а доска; онга-пал палка.

Он г а д а Крок. копье; жало у насѣкомыхъ.

Он г а ж а - п ю г.чер. Земл. см. Ынѣр-пю.

Он г а р э м (чув. инѣр) настраиваю струнный музыкальный инструментъ; у Вас. дразню.

Он г л а ш подбородокъ, онглáш-лу челюсть.

Он о петля (чув. онго кольцо).

Он ѣ Вас. омпю.

Он ы р к а л а ш г.чер. Земл. ковылять, шататься.

Он о р Вас. колокольчикъ, см. Ынѣр.

Он д а к, ондакаъ рано, прежде по времени.

Он д а л э м (г.чер. аталэм; чув. олдалас) см. олталэм; ондалтѣм я обманулся.

Он ж у ш Земл. область, владѣніе.

Он б тесть, свекоръ.

Он ч э м смотрю, разсматриваю; ончѣктѣм показываю, указываю; ончаллэм взглядываю.

Он ч ѣ л передъ, ончѣкно, ончѣлан впередя; ончѣко впередъ; ончычын спереди; ончѣкоч-каэм иду на переръвъ; ончѣл-кече третьяго дня, ончѣч-кошшо (чув. тухлар) сватунъ,—нѣя.

Он э м валяю (хлѣбы).

Он я к а золовка старше мужа, также жены старшихъ деверей и шуравьевъ.

Он ь с к а зять по младшей сестрѣ, деверь старше мужа и шуринъ старше жены.

О п с а Вас., опса лондэм см. омасá.

О п т ѣ ш петля для ловли утокъ.

О п т ѣ ш л ь г.чер. Земл. сѣтъ, тенега.

О п т э н-постаряш г.чер. Земл. дѣлать складчину.

О п т э м складываю, наливаю.

О р а Крок. подстилка.

О р а б ѣ Крок. воробей.

О р а д э Земл. см. ордэ.

О р а н е к Земл. гуртомъ, оптомъ.

О р - й ы н-ватэ молодушка; ор-йын-марі молодой, новобрачный; ор-йылмэ маленькій язычекъ у человѣка.

О р а куча, костерь.

О р а в а (тат. арба телѣга; чув. орсаба) колесо, всякій лѣтній экипажъ; оравá кевек (Вас. оравá-пуч) ступица, орава пашкар чека.

О р а л т э м, оралэм сооружаю, нагромождаю, оралто зданіе, башня.

О р д ы ж л а н а ш Крок. чуждаться, устраняться.

О р б к т а р а ш Земл. удивлять; см. орбм.

О р л а н Земл. рябина; см. пизле; ср. орлангэ.

О р л а н г э гроздь, кисть плодовъ; у Земл. и Смирн. кротъ; см. удр, ср. арлан.

О р л а н э м (тат. курланам) оскорбляюсь; орландарэм оскорбляю; орлык оскорбленіе, мученіе, мѣста.

О р л э м (тат. айырылам; чув. орл; г.чер. айырлэм) огдѣляюсь.

О р л э м (тат. курлымым) Крок. хулю, порицаю; орламш хула.

О р о л о ок сильтáк Крок. ни уменъ, ни дуракъ.

- Орòдо см. оқмақ.
 Оршма́ Земл. хранитель.
 Орòшо (г.чер. орòло) бѣшенный;
 орòшо - шудо лѣкарственная трава,—
 отъ водобоязни, отъ укушенія бѣшен-
 нымъ животнымъ.
 Оршà (г.чер. аржà) грива.
 Оршакà Вас. острога, гарпунъ.
 Орэм (тат. урам; чув. орам; г.чер.
 ольцà) улица.
 Орэм (чув. ор; г.чер. ородэш қà-
 эм) бѣшусь; ора-шинга́ муха.
 Орэм-лук Земл. перекрестокъ, Кр.
 Яр. переулочъ.
 Осàл (тат. усал злой; чув. озàл;
 г.чер. худà) злой, плохой, больной.
 Ослам (чув. ослам; тат. осламче
 торговецъ краснымъ товаромъ) барышъ,
 процентъ, осламшық (г.чер. ашламаш,
 чув. осламзя) ростовщикъ.
 Острок островъ.
 От сокращ. отъ огот.
 Отà Земл. кила.
 Отерля г.чер. Земл. кустарникъ.
 Отик Вас. см. лүнгàлтыш качель.
 Ото (чув. ода) островъ, роца; у
 Земл. мелкій частый лѣсъ.
 Отызà стручекъ; вюд отызà мо-
 воль.
 Охра́ г.чер. лукъ (растение); поян-
 охра́ Земл. чеснокъ.
 Охрèц г.чер. огурецъ.
 Охотàн добровольно.
 Охйр Крок. пустой; охйрэмйш
 пустѣть; охйремдэм опоражниваю; о-
 хйра́ тщетно, напрасно; охрэштэмйш
 вапустѣнне.
 Очини́эш напрасно.
 Оч междометіе имѣющее смыслъ
 предостереженія: берегись, посторо-
 нись и т. п.
 Ошàлга бѣловатый.
 Ошим-шюлиш шмель.
 Ошкèк Земл. сивый.
 Ошкòж Земл. шагъ.
 Ошко осокорь; ошко-тунгур кора-
 осокоря.
 Ошкалам Вас. (иду
 Ошкелам (шагомъ.
 Ошма́ песокъ; ошма-қол пескаръ
 (рыба).
 Ошно (г.чер. перви, пертарй) преж-
 де, раньше, въ старину.
 Ошо бѣлый; ошо вуян шудо де-
 ревей (трава); ошо-кож см. ногго-кож;
 ош-кечй куго юмо великій богъ бѣ-
 лаго (свѣтлаго) дня; ош-кечй куго-
 пуйрошо великій создатель бѣлаго
 дня; ош-кечы-шочйн-авà мать рожде-
 нія или бытія бѣлаго дня; ошемтэм
 бѣло.
 Ошо-вуян-шудо ромашка; см. пол-
 дйш-шудо.
 Ошпò Крок. серебряное убранство
 женщинъ, надѣваемое черезъ плечо
 во время браковъ.
 Оя́ Земл. дикий.
 Ояр (тат. аяв ведро; чув. ояр; г.-
 чер. аяр) ведро, полуденный зной.
 Ояртошо Вас. см. коклазо.
- Ö.
- Öпкàлэм (тат. ұпкàлейэм) роп-
 цу.
 Öргем теряюсь до того, что ли-
 шаюсь способности бѣжать для соб-
 ственнаго спасенія,—столбенѣю.
 Öрдò сторона, брдòшто коштам
 странствую.
 Öрдòж боқъ, сторона; брдòж-лу
 ребро.
 Öрзà (тат. àрзя; чув. ырзà) коробъ
 изъ луба.
 Öрèн (тат. айрян) кислое молоко,
 пахтанье.
 Öркàнэм (тат. иренам) лѣньюсь.
 Öрjàм см. апрàл.
 Öрòш усы.

Орт духъ, чутъе; сурт-брт домо-
вой духъ (божество).

Ой-пйшя Крок. хитрость; бйза
лукавый; бй-доно-кйш притворяется,
шоддълываться.

II.

Пагалэм почитаю, уважаю; чув.
пагалла цѣнить.

Пагар зобъ у птицъ; у людей бо-
лѣзнь зобъ; шенгѣль-пагар (задній зобъ)
птичій желудокъ; жерновъ.

Пагор багоръ.

Паграш Смирн. желудокъ.

Пагыш (тат. багыт) вост. черем.
см. веремъ, жап.

Падра г.чер. Земл. ломкій; пад-
раш кусокъ мяса; падрэшташ крошить.

Падъян (тат. бадьян) деревянная
чашка.

Падыштам (г.чер. пардэштам)
крошу.

Пазар рынокъ, базаръ, ярмарка.

Пайон Крок. хвастунъ.

Пай Крок. говядина, мясо.

Пайда (тат. пайда польза, барышъ)
Земл. удача, барышъ, выгода; пайда-
рйш г.чер. дѣлать богатымъ, обога-
щать; пайдэмэ неудачный, безвыгод-
ный.

Пай (тат. пай) часть, доля (у горн.
черем. также мясо); пайлэм дѣлю; пай-
да барышъ.

Пайрэм (тат. бйрям; чув. пай-
рям; г.чер. праздник) правдникъ.

Пақ-пақ-кюзё Земл. бритва.

Пақча (тат. бақча; чув. пахча)
огородъ, садъ; пақча-тар мақъ; пақча-
тар-вуй маковица.

Пақмá неходкій, верысистый конь.

Палан (тат. балан; чув. палан; г.-
чер. шорше) калина; палан вондо ка-
линовый кустъ.

Пакшич (тат. басмача переходъ)
Земл. мостки на рѣкѣ.

Пало (чув. палла; г.чер. пале) знакъ,
мѣта; палэм (тат. белям) отличаю,
признаю; у Вас. помню, знаю; палык
знамя.

Палалташ см. пялялтайш.

Палшаландарем Крок. заста-
вляю помогать.

Палитляш паять, спавать.

Палмасымаш Земл. знакомство.

Паландараш Земл. дознавать-
ся.

Палнақ Земл. право, вѣрно.

Палықалаш понемногу узнавать.

Палыкташ Земл. дѣлать знакъ,
мѣтку; палалтайш узнаваться, призна-
ваться; палдыраш значить.

Памаш источникъ воды.

Пане вост. чер. ложка.

Панда Крок. палка.

Пандаштбрь Земл. усы.

Панежаш Крок. палить.

Пап Смирн. мякишъ.

Папа г.чер. бабушка, прамаоть.

Папка Земл. грибъ.

Паран пача (тат. бярян) годовая
ошца.

Парбалаш Земл. обнищать; пар-
балэм, парбалықалэм Крок. обнища-
ваю; парбалықтэм привожу въ край-
нюю бѣдность; парбалаша убогий.

Парга Крок. торопливый, поспѣш-
ный.

Пардаш (тат. бяртач; чув. пар-
дос) язь.

Пармя Земл. см. пурмо, пормо.

Парня (тат. бармақ; чув. парнэ)
палець; парня-қокла кукишъ; куго
парня большой палець; кожар п. ука-
зательный; покшѣль п. средній; люм-
дэм п. безъимянный; каза п. мизи-
вецъ; п.—пеж перчатка; парняш г.чер.
Земл. наперстокъ.

Партыш Крок. войлокъ.

- Парѣм (чув. парым) см. арым.
 Парѣн, баринъ, господинъ.
 Парѣш барышъ, прибыльъ.
 Парѣмштѣм лѣчу; парѣмъ вы-
 здравливаю.
 Парѣнгѣ (тат. бярянгѣ; чув. пара-
 нгѣ; г.чер. рок олма) картофель.
 Парчѣ вѣтка.
 Пасанѣ (чув. позянѣ) своякъ.
 Пасаш Земл. перевозмочъ.
 Паснанѣшан г.чер. Земл. осо-
 бенный, раздѣльный, разный.
 Пасу см. нур.
 Пасѣ Крок. отлогій, покатый; па-
 сѣмдѣш дѣлать отлогимъ.
 Патіян бадья.
 Патькѣ г.чер. Земл. капля; пать-
 калтарѣш брызгать; патькалѣш капать;
 патькалѣш тоже, что и патькѣ.
 Патѣр (тат. батыр; чув. паттыр)
 силачъ, герой, богатырь.
 Патрѣк (г.чер. кайц; чув. хаче)
 ножницы.
 Патѣ (чув. падык) ягненокъ.
 Пахрѣ (тат. бафра) Крок. куколь.
 Пач (тат. очо) Крок. остатокъ, ко-
 нецъ, хвостъ.
 Пачакидарма Крок. катокъ.
 Пачаш (чув. поза) рядъ, этажъ,
 слой; также посконъ; г.чер. Земл. де-
 сятинѣ.
 Пачѣмше оса.
 Пашѣ дѣло, работа; пашѣ-тѣр пла-
 та за трудъ.
 Пашарнѣш г.чер. Земл. см. по-
 шарѣм.
 Пашѣш г.чер. Земл. родиться, пло-
 диться.
 Пашкар чижъ (игрушка); оравѣ
 пашкар чека; омасѣ пашкар завертка
 у двери; пашкартѣм Вас. кручу, верчу.
 Пашкар Земл. шишки хвойныхъ
 деревъ; коробка спичекъ; пютремо па-
 шкар колокъ у гуслей, скрипки.
 Пашкѣч (тат. баскыч; г.чер. таш-
 калтыш) лѣстница.
 Паштѣк г.чер. Земл. см. постѣке.
 Паштѣнгеш напоследокъ.
 Пѣдѣ клещъ; пѣдѣвондо клеще-
 никъ.
 Пѣюн г.чер. Земл. хвастунъ.
 Пѣж (г.чер. пижгам) рукавицы; пиж-
 гѣрге варьги; парнѣ-пѣж перчатки.
 Пѣкаля Крок. часть.
 Пѣле половина, одинъ изъ пары;
 пелькѣдан однорукий.
 Пѣлѣдѣш пѣвѣтокъ.
 Пѣлѣдрѣ г.чер. Земл. верченый,
 шалунъ.
 Пѣлкѣмѣм Смирн. важничай;
 пелькѣн важно; пелькѣ важный.
 Пѣль-ом Земл. просонки; пель-
 поп Земл. дьяконъ; пель-вопгодо зарѣ.
 Пѣлен при, у.
 Пѣлештѣм возражаю.
 Пѣльно вдали; пѣлко вдали.
 Пѣлѣш переваривается.
 Пѣлѣкш см. овѣшкѣ.
 Пѣлѣк (тат. булак) Земл. гости-
 нецъ, поларокъ.
 Пѣльтѣм топлю воскъ, сало.
 Пѣмпе зябликъ.
 Пенчѣ Земл. иль.
 Пенѣдѣ жесткій, крѣпкій, скупой;
 пенѣдѣ-артѣя страстная недѣля; пенѣ-
 дѣ-оймо см. оѣм.
 Первѣ Смирн. см. пертари.
 Первѣша Крок. прежній.
 Перегѣм Крок. берегу.
 Перѣм ударяю; пернѣм ударяюсь;
 тат. бярям ударяю.
 Перѣмѣч (тат. пирямѣч) ватрушка.
 Перкалѣш Земл. пробывать.
 Перкѣ, перкѣле (чув. перегѣтѣ) изо-
 биліе, прибыль, спорныя; перкѣ куго-
 юмо великій богъ прибыли; перкѣ-
 куго-пуѣрошо создатѣль прибыли; пер-
 кѣ-авѣ мать прибыли.
 Пернѣ (тат. бюрянѣ; г.чер. пранѣ)
 брѣвно.

Пертарй Земл. во первыхъ, сначала.

Перхалтэн-колтэн Крок. нахлынуть.

Перэштэм Крок. перехватываю.

Петенёк г.чер. Земл. до конца, совсёмъ.

Петралам запираюсь.

Петрём (чув. пидёръ) вапираю, закупориваю.

Петрёдъ г.чер. Земл. мутовка.

Пече (г.чер. пиче) загородъ изъ жердей; печём огораживаю.

Печкё (г.чер. пецкя; чув. печкё) бочка; печкё къ точило.

Пеш (г.чер. пиш; чув. пить) очень, весьма.

Пешкальташ г.чер. Земл. размянать, промянать (лошадь).

Пешкыдо Вас. см. пецкё.

Пи собака; пи ййлмэ нагрудное украшеніе женскаго пола изъ денегъ и муговиць, нашитыхъ на красную ленту; пи-ломбо крушина; пи-пурса кормовой горошекъ, вика; пи-колвьонъ (рыба).

Пиал счастье, благополучіе; пиаллн счастливый.

Пидам вяжу, плету (чулки, свѣтки), опутываю.

Пиж Вас. см. пеж.

Пижам прилипаю, придираюсь, вязну; пижкѣтэм приклеиваю; тул-пижкѣн огонь занялся; тулом пижкѣтэм зажигаю, поджигаю.

Пижаш Вас. гнѣздо.

Пи-ял г.чер. Земл. курица на строеніи, крякъ.

Пижалташ Земл. см. пожальтам.

Пижгальташ г.чер. Земл. наущничать, ябедничать, пижгальтѣмаш, пижгиш Земл. шопоть.

Пижигаш Земл. шептать на ухо.

Пижедалаш Земл. бороться.

Пиве Земл. шиль; сакѣмо пиве

Земл. ветчина.

Пизилме г.чер. Земл. рябина; пизильме кож пихта.

Пизле рябина; пизле какъ рябиновка (птица).

Пизралам, пизрэм сжимаю, пивѣрнэм придавляю, прижимаю.

Пик Вас. стрѣла; маря пикш стрѣла для стрѣльбы плеткой.

Пиктэм удавляю; пикталтам удавляюсь.

Пикш см. пик.

Пи-ломбо Смирн. крушина.

Пильгом Земл. и Золот. небо.

Пиликш, пилиш ухо; пилиш-тун високъ.

Пиль облако; пильгом Зол., пильгом Прав. Мисс. Общ. небо; см. тунча умбьяль.

Пилья пила.

Пильягдэм Крок. покрываю небо облаками; пильягѣн небо покрывалось облаками.

Пинь Вас. сосна-сѣмянникъ.

Пин-шол Крок. вязель трава.

Пинга Крок. см. пембе.

Пипка трубка для куренія.

Пире (таг. бюре) волкъ; пире-вондо волчье лыко (кусть).

Пиркэм Крок. орѣшникъ.

Пирт г.чер. малая величина времени, минутка.

Пиртархалаш Земл. г.чер. сновлять.

Пирхалташ г.чер. Земл. возбуждать отвращеніе.

Пирхаш г.чер. Земл. спрыскивать.

Пирца Земл. см. пѣрчѣ.

Пиршаш г.чер. Земл. см. пучкаш.

Писе острый, проворный, шустрый.

Пистэ липа; пистэр липовая роща; пистэ пяртни Крок. липовый цвѣтъ.

Пистыль (г.чер. пун) крупное птичье перо.

Пи с ѝ н (тат. печан сѣно) осотъ (трава).

Пи с ь м ѝ г. чер. Земл. граница, межа, предѣль.

Пи т ѣ р г е н-шѣнаш Крок. заключаться, запирасться.

Пи т ы р ы к стрекоза.

Пи ц г. чер. Земл. глушь; пицкейш задыхаться, гдохнуть отъ недостатка свѣта и воздуха; пицкекташ заглушить, задушить.

Пи ц у л а Земл. гусемъ, лугомъ.

Пи ч а н д ѣ м Крок. огораживаю; пичагѣн огородилось; кеча пичагѣн солнце въ кругу.

Пи ч ѝ к (чув. пичике) Земл. см. изе.

Пи ч к и ж г. чер. Земл. пила.

Пи ч к и к г. чер. Земл. отрѣзокъ, обрубокъ.

Пи ч к л а т а ш г. чер. Земл. пускать отростки.

Пи ш к а ш г. чер. Земл. тереть, оттирать, куцсить (глаза).

Пи-ш о л о, пи-пилиш повилица заборная (трава).

Пи с ѝ н одуванчикъ.

П л ѣ м падаю нравственно.

П л е м ы н Крок. криво, косо; племдаш кривить.

П о в о с к а повозка.

П о г а н ѝ в а т ѣ (чув. поганя) см. корчақ-ватѣ.

П о г а т ѣ р богатырь.

П о г ѣ, погѣмо стяжаніе, имущество.

П о г ѣ м собираю, погѣнѣм собираюсь въ кучу.

П о д котель, чугунь.

П о д ѣ л а м хлебаю, подѣл - ончѣм отвѣдываю жидкость.

П о д ѣ л т ѣ ш Крок. хлѣбово.

П о ж (г. чер. пюгѣрме-шувѣш) Исм. кузечный мѣхъ; у Вас. пожым шывыш; Кр. Яр. петр-шѣвѣш.

П о ж а л т а м Вас. просыпаюсь.

П о к р о (тат. бакра куколь) куколь.

П о к р о-пайрѣм праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы.

П о к т ѣ м гоняю, понуждаю, покѣлдам гоню, покѣн луктам изгоняю.

П о к ш а л Крок. середина.

П о к т ѣ н Смирн. возлѣ.

П о к ш ѣ м морозъ; у Вас. иней; покшѣм-кугузай, кубай дѣдушка и бабушка (см. кугузай, кубай) мороза, инея.

П о к ш е л ь промежутокъ, середина, покшѣльно въ серединѣ; покшѣко въ середину.

П о л а н (тат. болан) Вас. см. палан.

П о л а т падагы, хоромы.

П о л г а н идолъ, статуя; по Земл. безобразный, срамный, срамъ.

П о л д ѣ ш пуговица; полдѣштѣм застегиваю на пуговицу; полдѣш-шудо ромашка; полдѣш-онг петлица.

П о л д р а н (тат. балтырган; чув. полдран) борщовикъ.

П о л м е з е Земл. злой, свирѣпый, лютой, лихо.

П о л т а л г ѣ кудреватый, свилеватый слой дерева.

П о л т о Вас. солодъ.

П о л ш ѣ м (тат. булышам) помогаю.

П о м ѣ ж пазуха.

П о м ѣ ж а л т а м см. пожалтам.

П о н ж а л т а р ѣ ш Крок. сонъ преврать.

П о н г о грибъ; шурно-поно торяца.

П о н ѣ ш Крок. см. помыж.

П о н д а ш борода.

П о н д ѣ р б е Крок. гелець-рыба.

П о н р а ш Земл. жевать; понгрѣмаш Смирн. жеванье.

П о п а ш г. чер. Земл. говорить.

П о р Вас. мѣлз, поркѣ извѣсть.

П о р (тат. бур мѣлз) Смирн. бѣлзла, мѣлз.

П о р а н (тат. буран) мятель, вьюга.

- Порвалà Земл. провались! (неудовольствие).
- Пормо Вас. слѣпень.
- Поро Вас. см. пуρο.
- Порс Вас. см. парым, арым.
- Порсѣн шелкъ; пюкш-порсѣн орѣховый цвѣтъ.
- Портш Вас. войлокъ, кошма.
- Портож Смирн. см. поштыш.
- Послѣм (тат. башлыым) починаю.
- Послык (тат. бастырык) бастригъ, гнѣтъ.
- Посанà своякъ.
- Поснà врозь, кромѣ, отдѣльно (чув. поснэ); поснакàче полдрукье.
- Постарѣм (чув. постяр) см. погэм.
- Посто (чув. постàв) фабричное сукно.
- Постòдѣр г.чер. Земл. покромка съ сукна.
- Постѣке послѣ, вослѣдъ, позади.
- Пота (тат. пута) Вас. см. ушто, мыжёр ушто.
- Потақ Крок. поводъ.
- Потоскà подушка, нижний оконный косякъ и подушка на передней оси у телѣги.
- Потус подуза (рыба).
- Потэмеш Крок. см. пачёмше.
- Потянà (тат. бұдàнà; чув. поденэ) Красн. Яръ перепелка.
- Потяш г.чер. Земл. см. пачаш.
- Поч хвостъ; поч-лу рѣпица; почешсади, почеля рядами; поч-рудо крестецъ.
- Почанàм ваяюсь (про животных).
- Почам отворяю, открываю; почѣлтам открываюсь, отворяюсь.
- Почкàм отрясяю, почкалтам отрясяюсь.
- Почкàлтѣш (г.чер. нуж) крапива; почкалтарэм ожигаюсь крапивой.
- Почкамà (г.чер. шеркамà) женское нагрудное украшение изъ денегъ, нашитыхъ на кожу.
- Почуж Земл. ключъ висячаго замка; см. сѣра-вочѣш.
- Почы вост. чер. запоръ.
- Пош Земл. мѣхъ.
- Пошарѣм (г.чер. полшкварѣм) нагнетаю; пошартѣш слегя на строе-нiя; ѣя-пошара домовой давить (приливъ крови во время сна).
- Пошкүдо (чув. поскиль) сосѣдъ.
- Пошлѣк см. послык.
- Пошмà (тат. басма) пàсмо.
- Поштѣш см. портш; поштыш-кем валеные сапоги.
- Поян (тат. бай; чув. пуян, поян) богатый; поянлѣк богатство; поэм богатѣю.
- Поқён (тат. бұкан обрубокъ дерева для сидѣнья) стулъ, табуретъ (чув. пуган).
- Пòлòк приданое, надѣлъ.
- Пòргёнъ Земл. см. пòрийнъ.
- Пòрдàлàм ваяюсь; пòрдам (тат. бòтòрòлàм; г.чер. сярнэм) врашаюсь; пòрдлòктэм верчу, сучу, катаю.
- Пòрèктàш Земл. возвращать, обращать.
- Пòрем Крок. рубецъ въ шитвѣ; пòремдэм рубецъ дѣлаю въ шитвѣ, обрубая.
- Пòремялътàш г.чер. Земл. варасть.
- Пòрём Крок. рана; пòремян раненый; пòремялътэн заросло.
- Пòрòж деверь моложе мужа, шурина моложе жены.
- Пòрòш (г.чер. ðрòш) иней; поршанэш покрывается инеемъ.
- Пòрт (чув. пуртъ) изба, домъ; пòртончѣл крыльцо, пòрт-сѣ новоселье.
- Пòрта г.чер. Земл. токарь.
- Пòрыктàш Земл. выворачивать.
- Пòрѣлтàш Земл. возвращать; пòрылтэн пуаш сдачи сдавать.

- П ъ р ь ѣ ѣ н мужчина.
- П ъ ч е л г а м ожигаюсь крапивою или расчесываю тѣло до шишекъ.
- П ъ ч ъ ж брусника; турнѣ пѣчѣж клюква.
- П ъ ш е р (тат. бѹсѣр) грыжа.
- П ъ ш т ѣ р (тат. пишгар) пестерь (сосудъ изъ ликъ).
- П р а н ѣ см. пернѣ.
- П р а х ѣ м (чув. прах) покидаю, оставляю.
- П р е ж а Крок. пряжка.
- П р е к т а ш г.чер. Земл. парить, распаривать.
- П р е з е (чув. прѹ) теленокъ.
- П р л ѣ (тат. бергѣ; чув. прлѣ) Вас. см. иѣ-верѣш.
- П р и т к а (г.чер. аргѣк лудо) чирокъ.
- П р о (у) (тат. бырау; чув. проу) буравъ.
- П р о ц г.чер. Земл. весьма, очень.
- П р ѣ с Вас. и г.чер. Земл. см. маче.
- П с а - оломбѣл нары противъ печи, устраиваемыя въ видѣ низкихъ, крытыхъ поперекъ сусѣковъ, для склада разной угвари.
- П у дерево (какъ матерьялъ), дрова; пушѣнѣ растущее дерево; пу-ѹ деревянное масло; пу-тѣрь дровни; пуангаш Земл. деревенѣтъ.
- П у а л а м (г.чер. фулѣм) дую, пухну, пуалтѣм вѣю.
- П у д а (чув. пула) гвоздь; пудалѣм пригвождаю.
- П у д р а н ц и к Крок. мутная жидкость).
- П у д р о т ѣ м (чув. пудрат) возмущаю, взбалтываю, произвожу безпорядокъ; пудранѣм бунтуюсь, колыхаюсь.
- П у д у р т ѣ м ломаю; пудурго крошки, черепки, обломки; пудургѣм ломаюсь, разбиваюсь.
- П у д ѣ ш т ѣ ш лопается, трещить при горѣнии.
- П у ж а д а н вост. чер. (чув. пужадан; г.чер. пельтынгыртни), см. йѣлѣ-тѣмо-вѣрьж.
- П у ж а л т а р а ш Земл. испортить.
- П у ж а л т а ш Земл. см. пунчалташ.
- П у ж а р скобель, стругъ, пужарѣм стругаю.
- П у ж е м повреждаю, порчу; пужлѣм (тат. бузулам) повреждаюсь, порчусь, растраиваюсь.
- П у и л м а Крок. шмель.
- П у и р к а Крок. маленькій, крошечный.
- П у й р ѣ м а ш (тат. бойрок) г.чер. Земл. предопредѣленіе, назначеніе, судьба.
- П у к а л ѣ м Крок. падаю понемногу.
- П у к р њ Смирн. куколь.
- П у к т а л т а м заикаюсь.
- П у к ш е м кормлю, питаю, подчѹю пищей.
- П у л в ѹ ѣ колѣнѣка, голень.
- П у л в у ѣ т а ш Земл. стать на колѣна; пулвуйтѣн (дѣсприч. форма) на колѣнахъ.
- П у л д у р (чув. пулдур) Кр. Ярѣ сѣни, а Исм. лѣтнее, чистое, холодное помѣщеніе черемистъ.
- П у л д у р а ш Земл. защищать, покровительствовать.
- П у л д у р т м а ш Крок. покровительство.
- П у л д у р ч е (г.чер. вульдурѣан) Исм. см. потянѣ.
- П у л д у ш кусокъ хлѣба, оставшійся отъ ѣды.
- П у л е Земл. вылуклый, искривленный, косою (напр. бревно); косо, криво; косина, кривизна; пулешташ искривлять, кривить.
- П у л у к ш плечевая кость.
- П у л ь к а, пулѣ пуля.
- П у л ѣ к Земл. косою, кривою.
- П у м о данный; дары, подачка.
- П у н мелкое птичье перо, волосы

животныхъ кромѣ овцы; см. меж, пи-
лиш-пун виски (волосы).

Пундаш дно, визъ, подошва; пун-
даш-онга донникъ для кадокъ; пун-
дашдэмо бездонный, бездна.

Пундо денежная казна; пундо-
шочын куго юмо великій богъ уро-
рожая денегъ, металловъ; пундо пуй-
рошо создатель металловъ; пундо сах-
че ангель металловъ; пундо казначей
надлѣтель металлами (деньгами); пун-
до серлягыше хранитель денегъ.

Пундош Вас. см. тонгата.

Пунжал Земл. срокъ.

Пунзэшташ г.чер. Земл. зави-
вать, крутить, ващипывать пирогъ.

Пунуска плѣснивѣтъ; дѣлается
ватклымъ.

Пунукташ Земл. заплетать.

Пунчалам выжимаю, также свер-
тываю оглобли къ санямъ.

Пунчал-пумо Яковл. сговоръ для
назначенія дня свадьбы.

Пунчалтэм см. мунчалтэм.

Пунэдэм Смирн. завиваю.

Пунэм вью, плету (веревку).

Пурá (тат. пура; чув. пура) срубы,
сусѣкъ, закромя; у Вас. и пиво, ср.
пуйро; пурамъ пурэм рублю срубы.

Пурáк бұракъ (сосудъ изъ бере-
сты), тамака-пурáк табакерка.

Пурáк (тат. тупыракъ) пыль; пура-
ком пудратэм пылю.

Пурáм скрежещу зубами, у Вас.
жую.

Пургедáм перекапываю верхний
слой земли.

Пурáсýл Крок. безвременный.

Пурго (г.чер. вурдо) стебель, стволъ.

Пурка ломкй, хрупкй; киндо-пур-
калэн хлѣбъ зачерствѣлъ.

Пуркú (чув. пор; г.чер. пор; тат.
бур мѣлъ) мѣлъ.

Пурлá Земл. см. пурло.

Пурлá Вас. правая сторона.

Пурлалаш Земл. прикусить.

Пурлам кусаю, грызу; у Вас. жालю.

Пурлараш Земл. надкусывать.

Пурло (тат. бурлы) чалый.

Пурлук пожитки.

Пурлышташ Земл. вылѣчивать,
выправлять.

Пурланýн Крок. созрѣлъ; а въ
Кр. Ярѣ пожелтѣлъ древесн. листь
(осенью).

Пурлук Крок. сокровище, имѣнне.

Пурмо жевка, также слѣпень; ло-
мýж-пурмо пепеловидный слѣпень.

Пурмá (г.чер. вургумá) см. пурла.

Пурня Кр. Яр. кузовъ, см. ку-
рукш.

Пуро добрый.

Пурсá (тат. борчақ; чув. пурáй)
горохъ; куго-пурсá (у Вас. немец пур-
сá) бобы; ямшык пурсá чечевица; пур-
сá-лодак, пурсá-отова стручекъ.

Пурто Земл. черенъ, стволъ, ко-
рень у грибовъ.

Пуртэм выпускаю, ввожу.

Пурус (тат. бороч; чув. пурсъ) пе-
рець.

Пурý Земл. см. турý.

Пурýлтýш Земл. кусокъ, отку-
сокъ.

Пурэм вхожу внутрь; срубáю сру-
бы; пурэм будучи поставлено при дру-
гомъ глаголѣ придаетъ ему смыслъ
движенія внутрь: чоугэштэн пурэн (ле-
тая, леткомъ) вошелъ, влетѣлъ.

Пурэдалýш Крок. драться, грыз-
тýсь (собакамъ).

Пурэмдэм Крок. одобряю, улуч-
шаю.

Пурсáк внутренний уголъ.

Пуслаш Земл. выдыхаться, терять
должное свойство.

Пуснаш Земл. прятаться, скры-
ваться.

Пуст-пуст клокотанье каши при
кипѣннн.

Пу с ѝ ш Крок. скрыватьсѧ, спря-
таться.

Пу т р а к Земл. громкій (звукъ) ср.
пѣтракъ.

Пу т ю р т у к стрижь.

Пу т ѣ л к а бутылка.

Пу ч (г.чер. оводо) хобогъ, жало;
лудка (г.чер. люль).

Пу ч а л (чув. пужал) ружье; пуча-
лом шушкѧм варяжаю ружье; пучал
шумѣ ш.мполь.

Пу ч е м испаряюсь.

Пу ч ѣ м пуалтѣм дужу, играю въ
лудку.

Пу ча Земл. см. пыче.

Пу ч е ш т а ш г.чер. Земл. зудѣть,
свербѣть.

Пу ч ѹ д у р г а г.чер. Земл. крошка.

Пу ш чадъ; пушан чадно, душно.

Пу ш судно; тул-пуш парохоль; пуш-
кутан, пуш-поч корма.

Пу ш а р а (чув. псара) сурокъ.

Пу ш а р ѣ м (тат. усырам; чув. пу-
зур) пускаю вѣтры; пушара кутан
бѣдунъ,—нья.

Пу ш к у д о мягкій, пушкулѣмам
смягчаюсь, смиряюсь.

Пу ш к у л Земл. стежокъ въ шитвѣ.

Пу ш к у л а м жало, колю иголкою
у Вас. пушкѧм.

Пу ш к е д а м страдаю поносомъ.

Пу ш к е р м е (г.чер. пѣркѣм) орѣш-
никъ (кусть).

Пу ш л а н а ш Земл. пахнуть, бла-
гоухать.

Пу ш л а н д а р т ѣ ш Крок. зной.

Пу ш т а г.чер. Земл. кишка, сы-
чугъ.

Пу ш т а м убиваю.

Пу ш т о толокно.

Пу ш н ѣ м смиряюсь отъ угрозы.

Пу ш е н е растущее дерево.

Пу ѣ м даю; пуѣдам раздаю.

Пу э р г.чер. Земл. см. пуйро.

Пу э р л а Крок. роша.

Пу й р ѣ м творю, создаю.

Пу й р о (г.чер. пуйыр, у Вас. пура)
брага, сыта, медъ (напитокъ).

Пу ю р ш а Смирн. апостоль (?) см.
пуйрѣм.

П ѣ з ѣ к т а ш Земл. сплачивать плю-
ты.

П ѣ з ѣ р а ш Земл. давить, гнести,
уминать, принуждать.

П ѣ з ѣ р т а ш Земл. стѣснять.

П ы к ш е — пыкшѣ Земл. едва — едва,
чуть-чуть.

П ѣ л е Земл. см. пулѣ; пѣлѣлѣш
г.чер. перекосясь.

П ѣ л ш Земл. см. пиляш.

П ѣ н е г е Исм. (шенокъ.

П ѣ г ѣ н е Кр. Яр. (

П ѣ д а л ѣ м Вас. жалѣю, щажу.

П ѣ з р ѣ м прищемляюсь; пѣзѣртѣм
прищемляю.

П ѣ з ы Вас. мясо.

П ѣ з ѣ м вливаюсь.

П ѣ к т ѣ м см. пиктѣм.

П ѣ л ь см. пуль.

П ѣ р г ѣ д ѣ Смирн. вакуска.

П ѣ р д а ш Земл. щель.

П ѣ р д ѣ ш Земл. см. пѣрдѣж.

П ѣ р л я (тат. быргѧ) Земл. вѣстѣ.

П ѣ р н ѧ Земл. бревно.

П ѣ р р а к Земл. пыль; см. пугѧк.

П ѣ р ц ѣ к Земл. прыщикъ, пузырь.

П ѣ р д ѣ ж Вас. см. пордѣж.

П ѣ р ч ѣ (чув. пурчик) крошка, зер-
нышко (сравнительная величина).

П ѣ р ч и к Земл. см. пѣрчѣ.

П ѣ с а Земл. см. пѣсмѧ.

П ѣ с м а Вас. оплотъ.

П ѣ с т ѣ л Бас. см. пѣстѣль.

П ѣ т а р ѣ м (тат. бѣтѣрѧм; чув. пи-
теръ) трачу, уничтожаю, оканчиваю;
пѣтѣмѣшке до конца, до гла.

П ѣ т ѣ к (тат. бѣтѧк) женскій дѣ-
городный удъ.

П ѣ т р а к очень, чрезвычайно.

П ѣ т ѣ м трачусь, изнашиваюсь.

Пйч - пйч мяганье глазъ; пйч-пйч-кйшгá мигаеть.

Пйчáл Земл. см. пучáл.

Пйчйк Земл. см. пйтйк.

Пйй Крок. клещъ.

Пйч - колтэм Вас. см. пиктэм.

Пйчкёмйш темно; пйчкёмйштэм затёмняю, застёмняю.

Пйче олень; шордо пйче лось; шордо-шйдыр созвэздіе большой медвёдицы.

Пйшкём узель.

Пйшкёрмэ см. пушкёрме.

Пйштэм кладу, кйлэм пйштэм росписываюсь.

Пюзубъ; пюшилъ десна; пюм-шотка щелкаетъ зубами; пюм-ирэм, пюм шіэм Вас. стискаваю зубы; пю - эрге мужчина.

Пюá (тат. бйáй; чув. пўвэ) плоти-на; пюэм дружу.

Пюгй дуга, пюгйртэм (тат. бйгáм) гну въ дугу (чув. пўгурь), пюгйргэм гнусь въ дугу, пюгйргэм тоже, что и пюгйрнэм; пюгйр горбатый.

Пюгáнáш Земл. нагибать, покорять; пюгáрнáш нагибаться; пюгáртáш тоже, что и пюгáнáш.

Пюгюльмо Земл. шишка (соснов. елев. и проч.).

Пюгйртымо Смирн. вогнутый.

Пюдйн Крок. десны.

Пюжáкш (г.чер. пюжáш) гнёздо.

Пюжалтам (тат. пюжыл чело-вёккъ любящій тепло) потёю; пюж-вод потъ.

Пюзáш г.чер. Земл. зубритъ; пю-зыктáш заставаю зубритъ.

Пюзрáлáм, пюзрём сжимаю.

Пюзўрнэм придавляюсь, прижи-маюсь.

Пюзўртэм прижимаю.

Пюкён Смирн. стуль.

Пюктá высиживаетъ (птица дётей), пюктйшпо-чывэ насёдка.

Пюктáш г.чер. Земл. удавить; ср. пйктэм; пюктáнáльтáш удавиться.

Пюкш орёхъ.

Пюкшём Земл. см. пйшкём; пюк-шемдáш дёлать узель, завязывать; пюкшемяльтáш заводиться, начинаться (о зародышахъ плодовъ).

Пюкшёрме Земл. см. пушкёрме.

Пюле-керда Крок. очень дивно.

Пюлем (тат. бўлем, бўльмá; чув. пўль) перегородка, комната; пюлемдэм перегородаживаю.

Пюль см. пиль; шеме пюль туча; пюлянгйн покрылось тучами.

Пюнчáш Земл. зубритъ какой ли-бо инструментъ.

Пюнчу см. пинь; пюнчёр сосно-вый боръ.

Пюрáш-ватэ Земл. сваха, угощаю-щая на свадьбё.

Пюргуж Земл. известъ.

Пюргыжмáш Крок. вихрь, воз-мущеніе, смёшеніе.

Пюрдўж стёна.

Пюркют (тат. бёркёт) см. куткуж, кюрпйк, амйрт.

Пюрмá (тат. бёрмá) боры, сборки.

Пюрюж Смирн. шуринъ.

Пюртник Земл. мята.

Пюрмáш (тат. буйрук) Земл. судьба.

Пюрюймо Земл. твореніе, созда-ніе; см. пуйрём.

Пюрюкшо Земл. создатель, виж-датель.

Пюрáш Земл. см. пуйрём.

Пюсир Земл. см. пещер.

Пютник (тат. бётвёк; чув. пут-ник) мята.

Пютё постъ.

Пютўнёк (тат. бётённáй) Земл. вовсе, совсёмъ.

Пютўнь Земл. толпа; весь.

Пютўнь (тат. бётён) полный, не-початый.

- П ю т у р е ц Земл. мутовка.
- П ю т у р н а л а м запутываю; пютурналтам запутываюсь; пютурём (тат. бб-тбрам) кручу, сучу.
- П ю т ь м а ш г.чер. Земл. товаръ, все, что покупается на наличныя деньги.
- П ю ч а г.чер. Земл. см. пбчбж кугу п. см. турня пбчбж.
- П ю ч к а м рѣжу, крою.
- П ю ч к е (тат. пйчкй; чув. пычк; г.чер. ягā) пила; пель - кбдан почке одноручная пила.
- П ю ч к е д а м разрѣзываю на нѣсколько частей.
- П ю ч к а л а ш Земл. подсѣкать, подрѣзывать; почкālташ разсѣкаться, разрѣзывать; пючкālтыш отрубокъ.
- П ю ч к и н ж а ш г.чер. Земл. сучить.
- П ю ш е р ь (тат. бўся; чув. пўзўрь) грыва, см. пбшер.
- П ю ш т - к а ш Крок. совѣстно; скверный, мерзкій.
- П ю ш к е м я л ь т ы ш Крок. зародышъ.
- П ю э р г а г.чер. Земл. мужчина.
- П я б ь г.чер. Земл. благополучный.
- П я г а р ш т а ш г.чер. Земл. рыгать.
- П я г р е ш т а ш Крок. рыгать, изрыгать.
- П я к г.чер. Земл. всегда; пкяштāи всегдашній, непрерывный.
- П я л и к а л а ш г.чер. Земл. см. палыкалāш.
- П я л ь д ы р э м (тат. бялдырам лау знать), Крок. появляюсь, обозначаюсь, означаюсь; плялдыртāш обозначать, замѣчать.
- П я л ь т а ш Земл. дѣлаться извѣстнымъ, быть узнаваемымъ.
- П я л ь с а ш г.чер. Земл. гоготать (о гусѣ).
- П я н д э м Крок. сожгу.
- П я н ь я ш г.чер. Земл. радоваться вслѣдствіе ложной причины, слуха; пяндāш радовать ложной надеждой, ложнымъ слухомъ.
- П я р т н и г.чер. Земл. почка въ растеніи.
- П я р д ь Крок. почка на деревѣ.
- П я т а р Крок. невѣрующій слухамъ
- Р.
- Р а б а Земл. г.чер. тычина.
- Р а г ы ш Вас. русый; ср. ракш.
- Р а г э (г.чер. ряк, чув. рак, тат. рака) ракъ; рагэ-пот раковина.
- Р а в у м Земл. младенческая (болѣзнь).
- Р а к послѣсловіе — признакъ сравнительной степени: сас-рак лучше.
- Р а к ш гнѣдой; ср. рагыш.
- Р а м оковная рама.
- Р а н с е д а ш Земл. морщить лицо.
- Р а х м а т Вас. (тат. рахмат) спасибо.
- Р а ш ясно, ясный; у Земл. истина, правда.
- Р а ш к а д а Земл. свѣтлый, ясный; рашкаданъ свѣтло, ясно; рашкадэмдāш пояснять, уяснять; рашкадэмдāш поясняться, уясняться.
- Р а ш к а л т ы м о сильный ударъ грома; рашкалтā поражаетъ (молнія).
- Р а ш т Земл. вдругъ, внезапно.
- Р а ш т а (тат. ыраштыуа, г.чер. шартял) правдикъ Рождества Христова.
- Р в а л т э ш Крок. волнуется.
- Р в е в е мальчикъ; деверь моложе мужа.
- Р е в е рѣпа.
- Р е в ь з ревизія.
- Р е г е н ч е мохъ.
- Р е д ы ш т а ш - бордянымъ г.чер. Земл. снимать хмѣлевицу съ тычины.
- Р е с е см. крес; рескыл см. крескыл.
- Р е ш о т к а рѣшотка.
- Р ь я ш Земл. см. рюзѣм.
- Р и б и ж Земл. см. рйбйж.

Въ что послѣ вопроса о происхожденіи человѣческаго рода и его раздѣленіи на колѣна и вѣтви не возбуждаетъ въ области доисторическаго изслѣдованія такого живаго интереса, какъ развитіе человѣческой культуры изъ того простѣйшаго и грубѣйшаго состоянія, которое мы можемъ мыслить. На вопросы объ изобрѣтеніи огня, о первомъ употребленіи на орудія и утварь матеріаловъ, представляемыхъ природой, о началѣ прирученія животныхъ и обработки растеній человѣкъ пытался отвѣтить задолго до того времени, какъ появилась доисторическая археологія въ нашемъ современномъ смыслѣ.

Одинъ изъ этихъ вопросовъ касается открытія металловъ и первыхъ слѣдовъ ихъ употребленія и обработки. Значеніе металловъ въ развитіи культуры не меньше, чѣмъ значеніе названныхъ выше культурныхъ элементовъ. Впереди его, конечно, нужно поставить открытіе важнѣйшаго изъ всѣхъ орудій культуры—огня: безъ него всѣ металлическія сокровища земли лежали бы нетронутыми въ ея нѣдрахъ, но и безъ металловъ люди остановились бы на той ступени, на которой они могли находиться въ эпоху древнѣйшихъ свайныхъ построекъ Швейцаріи,—прежде чѣмъ они пришли въ соприкосновеніе съ вліяніемъ, которое шло отчасти извнѣ и отразилось на ихъ культурномъ состояніи. Нѣтъ сомнѣнія, что только металлы дали человѣку-земледѣльцу и скотоводу полную власть надъ природой.

Вопросъ объ открытіи и первомъ употребленіи металловъ тѣмъ привлекательнѣе, чѣмъ больше закутанъ туманомъ предметъ, котораго онъ касается. По отношенію къ большей части матеріаловъ, которые человѣкъ стремился обратить въ свою

пользу, обстоятельствъ складывались гораздо проще: они или очень поздно вошли въ сферу его дѣятельности, какъ мраморъ, или, когда они употреблялись въ доисторическое время, какъ напр. глина, различные роды камня, кости и рога животныхъ—наши изслѣдованія легко возводятъ насъ къ первичнымъ, простѣйшимъ формамъ. Всѣ эти матеріалы обрабатывались въ томъ состояніи, въ которомъ предлагала ихъ природа, или въ слегка видоизмѣненномъ и ихъ почти вездѣ можно опредѣлить. Такие матеріалы можно, по крайней мѣрѣ отчасти, назвать первичными.

Если уже происхожденіе нѣкоторыхъ рѣдко встрѣчающихся первичныхъ матеріаловъ доисторической обработки—какъ напр. янтаря, нефрита, ядента и нѣкоторыхъ другихъ—въ сильной степени привлекаетъ наше вниманіе, тѣмъ болѣе это должно имѣть мѣсто въ отношеніи металловъ, которые въ томъ состояніи, въ какомъ ихъ по большей части предлагаетъ природа, не могутъ ни непосредственно поступать въ обработку, ни обнаружить своихъ качествъ; они обыкновенно погребены въ землѣ, встрѣчаются только мѣстами и требуютъ для своего отдѣленія отъ другихъ матеріаловъ и обработки въ видѣ орудій, сосудовъ и украшеній не только вѣками подготовленной опытности, но, по большей части, тяжелыхъ усилій и сложнаго процесса. Ясно отсюда, почему историки культуры часто и обстоятельно занимаются вопросомъ о томъ, гдѣ и какимъ образомъ люди познакомились съ металлами. Въ настоящее время онъ значитъ то же, что вопросъ о томъ, откуда исходитъ человѣческая культура вообще. Такъ какъ удовлетворительнаго отвѣта на него до сихъ поръ не послѣдовало и въ полномъ объемѣ едва-ли когда послѣдуетъ, то собраніе извѣстій, которыя указываютъ на древнѣйшіе слѣды металловъ въ рукахъ человѣка будетъ представлять, можетъ быть, нѣкоторый интересъ и подвинетъ изслѣдованіе вопроса.

Будемъ-ли мы довѣрчиво слѣдовать библіи и другимъ источникамъ или, отбрасывая всякія преданія, будемъ смотрѣть собственными глазами, судить по собственному убѣжденію—мы придемъ во всякомъ случаѣ къ чрезвычайно несложному первоначальному состоянію человѣчества. По библіи 7 поколѣній жили въ эпоху, когда еще не были извѣстны металлы. Если мы примемъ для поколѣній Каина ту-же продолжительность, что и для поколѣній Сиеа, то это будетъ означать періодъ въ 600—700 лѣтъ.

Впервые о Тубалкаинѣ говорится, что онъ пользовался молотомъ, былъ кузнецъ и готовилъ всякія вещи изъ мѣди и желѣза. Наши собственныя изслѣдованія не даютъ намъ права исчислять поколѣнія, не знавшія металловъ, но они показываютъ съ точностью, что люди въ теченіе періода, который нельзя опредѣлить цифрами, но который во всякомъ случаѣ былъ очень продолжителенъ, не знали металловъ и для приготовления своихъ орудій и украшеній, своего оружія и утвари пользовались только камнемъ, деревомъ, глиной, костями и рогами животныхъ.

Оставляя сообразно задачѣ доисторическаго изслѣдованія въ сторонѣ всякое, какъ всегда, искаженное историческое преданіе, мы удержимся на почвѣ того непосредственнаго знанія, которое намъ даютъ находки. Понятно само по себѣ, что древнѣйшихъ слѣдовъ металловъ на службѣ человѣка не слѣдуетъ искать въ томъ древнѣйшемъ періодѣ, когда человѣкъ жилъ въ обществѣ животныхъ, частію вымершихъ, частію выселившихся—лучшими представителями которыхъ служатъ мамонтъ и сѣверный олень. Независимо отъ того, что на многочисленныхъ стоянкахъ, открытыхъ изслѣдованіемъ, между другими остатками этой эпохи не найдено ни одной металлической вещи, всякое металлическое орудіе въ рукахъ этого человѣка стояло бы въ неразрѣшимомъ противорѣчій съ тѣмъ состояніемъ, которое раскрывается изъ суммы его культурныхъ средствъ. Подробно обрисовывать состояніе людей этой эпохи излишне; достаточно напомнить, что они не имѣли ни жита, ни домашнихъ животныхъ; ни глиняныхъ сосудовъ, ни тканей, ни построенныхъ собственными руками постоянныхъ жилищъ, что они жили исключительно охотой и только позднѣе, можетъ быть, начали пасти полудикія стада сѣверныхъ оленей и лошадей. Ихъ орудія состояли изъ мало обработанныхъ костяныхъ пластинокъ и оббитыхъ кремней, по большей части на столько простыхъ, что часто возникаетъ живѣйшее сомнѣніе относительно того, рукъ человѣка или случаю обязаны они своей формой. Металлъ до такой степени поднимаетъ дѣеспособность человѣческой руки, что грубыя каменные орудія тотчасъ же отбрасываются или, если мы допустимъ, что первоначально онъ въ рѣдкихъ мѣстахъ былъ подъ руками, начинаютъ выдѣлываться съ лучшими и болѣе цѣлесообразными формами.

Совершенно измѣнившаяся картина раскрывается на другихъ мѣстахъ находокъ. Она соответствуетъ во всякомъ случаѣ болѣе позднему времени, хотя нигдѣ не оказывается промежуточныхъ звѣньевъ или другихъ признаковъ перехода изъ болѣе ранняго періода. Въмѣсто стоянокъ бродячихъ охотниковъ или номадовъ, жившихъ въ пещерахъ и подъ навѣсами скалъ, мы видимъ прсчныя поселенія, продолжительное существованіе которыхъ обнаруживается въ массѣ испорченныхъ или потерянныхъ орудій, черепковъ, кусковъ штукатурки хижинъ, костей съѣденныхъ животныхъ, угля и пепла. Это новые, иначе воспитанные люди, которые едва-ли имѣютъ что-нибудь общее съ болѣе древними. Свои поселенія они устраиваютъ на возвышеніяхъ надъ болотистыми тогда еще низинами долинъ, по большей части на мѣстахъ, которыя легко можно было защищать отъ нападений. Въ озерахъ и болотахъ неподалеку отъ берега они вбивали въ дно сваи для того, чтобы на нихъ устраивать надъ водой свои оригинальныя, но безопасныя и постоянныя жилища.

Съ ними держались овцы, коровы, козы, свиньи и собаки, которыя жили частью подъ одной и той-же кровлей; для зимняго продовольствія ихъ нужно было дѣлать запасы корма, такъ какъ въ суровое время года нельзя уже было перекочевывать въ болѣе теплые края. Изъ своей родины они принесли злаки и ленъ, и многія находки указываютъ на широкую обработку этихъ растений. Они приготовляли свою пищу на кострищѣ, причѣмъ пользовались горшками изъ глины, которымъ они умѣли придавать желательную форму и богатый орнаментъ. Ихъ орудія были очень разнообразны и зачастую выдѣланы съ изумительной отчетливостью: мы находимъ между ними много такихъ, которыя имѣли специальное назначеніе: различные виды топоровъ и рѣзцовъ, молотки, ножи, пилы, буравы, скребки, наконечники стрѣлъ и копій, кинжалы, долота, иглы, шилья, гребни, веретена, точильные, гладильные, шлифованные и рабочіе камни, жернова и разнообразныя украшенія. Ихъ вспомогательныя средства не ограничивались однако перечисленными простыми орудіями: они пользовались уже и сложными приборами, которые можно сравнить съ нашими машинами—для сверленія и пилки камня, для пряжи, наматыванія, тканья и, вѣроятно, многими другими орудіями, которыхъ мы не знаемъ. Если мы примемъ во внима-

ніе, что люди того времени жили собравшись вмѣстѣ въ постоянныхъ поселеніяхъ подобныхъ деревнямъ, что эти послѣднія нерѣдко находились другъ около друга въ большомъ количествѣ и тѣсномъ сосѣдствѣ, то мы должны будемъ заключить объ извѣстной общественной организаціи, о существованіи права и обычаявъ. Символическіе орнаменты на ихъ сосудахъ и нѣкоторыхъ орудіяхъ—какъ напр. солнечный кругъ и крестъ—допускаютъ предположеніе объ ихъ религіозныхъ представленіяхъ, которыя, судя по этимъ знакамъ, должны были покоиться на поклоненіи солнцу.

Изъ обзорѣнія всей совокупности тогдашнихъ явленій оказывается, что жизненные потребности въ равной мѣрѣ удовлетворялись земледѣліемъ и скотоводствомъ. Сравнивая съ этимъ состояніемъ наше собственное, мы отрываемъ, что вся наша культура покоится на этомъ основаніи. Нашъ прогрессъ ускорило привожденіе новыхъ культурныхъ элементовъ, въ особенности металловъ, но эти послѣдніе, какъ оказывается изъ дальнѣйшаго хода культурно-историческаго развитія, не были принесены новымъ народомъ, который вытѣснилъ людей, жившихъ въ свайныхъ построекахъ и одновременныхъ съ ними поселеніяхъ на сушѣ. Старые народы остались на мѣстахъ своего жительства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ передвиженій въ ихъ предѣлахъ, и достигли путемъ мирныхъ сношеній или военнаго торжества знакомства съ новыми культурными элементами.

Имѣвшія до сихъ поръ мѣсто доисторическія изслѣдованія, кажется, приводятъ къ выводу, что средне-европейское населеніе періода свайныхъ построекъ еще совершенно не знало металловъ. Этотъ періодъ потому называется ради исключительнаго употребленія камня на орудія, которыя потомъ приготавливались изъ металловъ, каменнымъ вѣкомъ и въ отличіе отъ предшествовавшаго періода, когда были извѣстны только грубо-оббитыя каменные орудія, періодомъ шлифованнаго камня, или позднимъ каменнымъ вѣкомъ. И въ самомъ дѣлѣ масса случайно и правильными раскопками добытыхъ до сихъ поръ въ большей части европейскихъ странъ—въ Англии, Франціи, Швейцаріи, въ нѣмецкихъ странахъ—каменныхъ орудій всякаго рода громадна; прямо поразительна она на островахъ и побережьи Балтійскаго моря, гдѣ уже сотни тысячъ ихъ помѣщаются въ публичныхъ музеяхъ

и частныхъ собраніяхъ. Эта масса оказывается тѣмъ убѣдительноѣе, что во многихъ мѣстонахожденіяхъ, напр. на мѣстахъ нѣкоторыхъ свайныхъ построекъ Швейцаріи, тщетно искали хотя бы одного кусочка металла.

Не смотря на все это, нѣкоторые изслѣдователи поддерживаютъ мнѣніе, что знакомство съ металлами было распространено уже въ періодъ полированныхъ орудій, такъ какъ многія изъ нихъ могли быть приготовлены только при помощи металлическихъ орудій; при этомъ обращаютъ особенное вниманіе на пробурованные съ замѣчательною отчетливостью каменные молотки. Другіе обращали вниманіе на то, что великолѣпные кремневые кинжалы, наконечники копій, кривые ножи, многіе молотки и другія каменные орудія обнаруживаютъ формы, которыя не лежатъ въ природѣ камня и отсюда, кажется, предполагаютъ ихъ образцы изъ металла (7). Яснѣе всего обнаруживается это въ топорахъ съ выступающимъ съ обѣихъ сторонъ за ограничительныя узкостороннія плоскости остриемъ, которые многими рассматриваются, какъ подражаніе металлическимъ топорамъ съ остриемъ, расширеннымъ повторной ковкой¹⁾. Не взирая на недостаточность подобнаго абстрактнаго способа доказательства, нельзя оспаривать и изъ внутреннихъ основаній, что въ поздній каменный періодъ металлы уже были извѣстны. Напротивъ, гораздо согласнѣе съ естественнымъ ходомъ вещей предполагать, что знакомство съ ними тогда же получило постепенно всеобщее распространеніе, чѣмъ думать, что въ извѣстное время пришелъ народъ, вооруженный металлическими орудіями и положилъ внезапный конецъ каменному вѣку и народу этой эпохи. Вопросъ состоитъ въ томъ только, не принесли-ли знакомства съ металлами уже съ собою тѣ люди, которые послѣ охотниковъ за мамонтами и сѣверными оленями пришли въ Европу съ своими стадами, земледѣльческими орудіями и чуждыми средствами культуры: во многихъ мѣстахъ, гдѣ недоставало или сырыхъ матеріаловъ для самостоятельнаго производства, или путей и другихъ удобствъ для того, чтобы добывать ихъ путемъ торговли или грабежа, люди эти могли или совершенно забыть о нихъ, или непостоянно и въ недостаточномъ

¹⁾ С. Engelhardt по устнымъ сообщеніямъ. G. и Adr. Mortillet. Musée préhist. Pl. L. Fig. 461 и текстъ.

количествѣ добывать. Во второмъ случаѣ остатки металлическихъ орудій могли сохраниться только при особенно благоприятныхъ обстоятельствахъ, стало быть, очень рѣдко и поэтому легко могли ускользнуть отъ наблюденія. По отношенію ко всѣмъ такимъ вопросамъ убѣдительную силу должны имѣть не теоретическія соображенія, а факты, и цѣлью слѣдующей главы будетъ собрать ихъ въ достаточномъ количествѣ.

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ И РОДЪ МѢДНЫХЪ НАХОДОКЪ.

Такъ же мало, какъ на стоянкахъ охотниковъ за мамонтами, должны мы искать древнѣйшихъ слѣдовъ металловъ и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы встрѣчаемъ массу металлическихъ издѣлій и законченную технику ихъ производства. Ихъ нужно искать тамъ, гдѣ они непосредственно примыкаютъ къ эпохѣ, не знавшей металловъ, т. е. на мѣстахъ находокъ такъ называемаго поздняго каменнаго вѣка. Начавши съ нашего отечества, мы должны обратить прежде всего вниманіе на свайныя мѣстонахожденія верхне-австрійскихъ озеръ. Раскопки, которыя я въ теченіе 10 лѣтъ производилъ въ свайныхъ постройкахъ Mondsee, показали, что на этихъ поселеніяхъ во всеобщемъ и широкомъ употребленіи были каменные и костяные орудія—насколько можно судить по ихъ массѣ, разнообразію и technikѣ. Число до сихъ поръ извлеченныхъ каменныхъ и костяныхъ предметовъ (орудій и украшеній) переходитъ за 2000 и между ними едва-ли отсутствуетъ хотя бы одинъ предметъ, который гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ найденъ былъ въ свайныхъ постройкахъ чистаго каменнаго вѣка. Такъ какъ въ свайныхъ постройкахъ Mondsee оказались выгнутые ножи, имѣющіе форму полулунія и извѣстные изъ свайныхъ построекъ Швейцаріи, то на основаніи этихъ находокъ и свайныя постройки М. можно безъ колебанія отнести къ каменному вѣку. И вотъ рядомъ съ богатымъ и разнообразнымъ собраніемъ предметовъ изъ кости и камня здѣсь найдено было 29 предметовъ изъ мѣди ¹⁾—именно 14 топоровъ и обломковъ ихъ, 6 кинжаловъ, 3 спиральныхъ кружка изъ ковanej

¹⁾ См. таблицу I, фиг. 1—23.

мѣдной проволоки, 3 шила, одна удочка и одинъ безформенный предметъ, очевидно, кусокъ массы, вылившейся при плавлении, потомъ два предмета изъ бронзы—верхняя часть вилжала съ ямками для грифа и булавка безъ головки. Предметы эти не могли попасть на мѣсто свайной постройки позднѣе вслѣдствіе какой-нибудь случайности; они лежали въ срединѣ культурнаго слоя разбросанные между другими находками.

Бронзовые предметы выдѣляются уже по цвѣту, какъ таковые, между тѣмъ 29 предметовъ, которые я называю мѣдными, все имѣли темнокрасный цвѣтъ мѣди и рѣзались съ такою же легкостью, какъ чистая мѣдь. Химическій анализъ одного изъ названныхъ топоровъ, произведенный профессоромъ барономъ V. Sommaruga¹⁾, далъ слѣдующее отношеніе составныхъ частей:

Мѣди	99.54 %.
Олова	—
Никкеля	—
Желѣза	—
Свинца	—
Сѣры	—
Шлака	—
	<hr/>
	99.54 %.

Этотъ топоръ, стало быть, сдѣланъ былъ изъ мѣди и почти чистой; въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ немъ не оказалось ни малѣйшаго слѣда олова. Въ виду тождественности внѣшнихъ признаковъ (красный цвѣтъ, мягкость, ковкость), мы едва-ли ошибемся, если признаемъ и остальные 28 предметовъ также мѣдными.

Кромѣ этихъ металлическихъ предметовъ найдено было много глиняныхъ тиглей съ оставшимися въ нихъ частицами мѣди, шлаковымъ налетомъ и ясными слѣдами того, что они

¹⁾ Баронъ ф. Соммаруга, который ранѣе произвелъ для преждевременно умершаго барона ф. Саккенъ большое количество анализовъ доисторическихъ находокъ изъ металла, преимущественно изъ гальштаттскаго могильника, любезно отозвался и на мою просьбу—и произвелъ съ обычной точностью рядъ анализовъ надъ предметами, упоминаемыми въ этой главѣ, за что я приношу ему здѣсь горячую благодарность.

подвергались дѣйствию большого жара и служили для плавленія жѣдныхъ предметовъ.

Не подлежитъ, стало быть, никакому сомнѣнiю, что въ свайныхъ поселенiяхъ Mondsee рядомъ съ каменными орудiями приготовлялись на мѣстѣ орудiя и украшенiя изъ свободной отъ всякихъ примѣсей жѣды.

Рядомъ съ находками на Mondsee можно поставить вслѣдствiе ихъ полной однородности находки въ свайныхъ постройкахъ Attersee. Расконки, которыя были произведены графомъ Gundaker-Wurmbrand и о которыхъ онъ издалъ обстоятельный отчетъ ¹⁾, показали, что и здѣсь человѣческая дѣятельность въ общемъ покоилась на запасѣ орудiй изъ камня и кости, которыя какъ по формѣ, такъ и по материалу соотвѣтствуютъ Mondsee'скимъ. Рядомъ—здѣсь, какъ и тамъ—предметы изъ металла, изъ которыхъ однако должны быть выдѣлены два жѣлезныя, очевидно, позднѣйшаго происхожденiя. Изъ остальныхъ одни оказываются несомнѣнно бронзовыми—между прочимъ булава типа Peschier'н—другiе жѣзными. Въ то время, какъ химическiй анализъ обнаружилъ въ двухъ винжалныхъ влинкахъ еще неподдающееся измѣренiю количество олова, по другому анализу, произведенному въ минералогическомъ отдѣленiи Имп.-Кор. Естественнo-историческаго Музея, кусокъ металла оказался чисто жѣднымъ ²⁾. Къ сожалѣнiю, эти находки въ настоящее время не доступны и обстоятельное изслѣдованiе ихъ въ силу этого не возможно. Формы найденныхъ здѣсь предметовъ совершенно тождественны съ формами жѣдныхъ предметовъ изъ сосѣдняго Mondsee; къ этому присоединяется и то, что поселенiя на обоихъ озерахъ вслѣдствiе полного тождества сосудовъ должны быть отнесены къ одной эпохѣ. Слѣдуетъ замѣтить еще, что и здѣсь нашлись упомянутыя между находками на Mondsee тигли, относительно назначенiя которыхъ не можетъ быть сомнѣнiй.

Въ свайныхъ постройкахъ Лайбахскаго торфяника (Lai-bacher Moores) замѣчаются явленiя, подобныя тѣмъ, которыя

¹⁾ Graf. Gundaker Wurmbrandt. Pfahlbau-Berichte. Mittheil. d. Wiener anthr. Ges. Bd. I, S. 283; Bd. II, S. 249; Bd. V, S. 117.

²⁾ Анализъ д-ра Werwerth.

мы только что очертили. И здѣсь въ большомъ количествѣ встрѣчаются каменные орудія, но въ особенности изумительна масса и разнообразіе предметовъ изъ кости и рога.

Множество необработанныхъ костей показываетъ, повидимому, что жизненные потребности здѣсь удовлетворялись болѣе скотоводствомъ, охотой и рыбной ловлей. Черепки имѣютъ тотъ-же характеръ, что и на верхне-австрійскихъ озерахъ, только нѣсколько лучше и богаче орнаментированы. Если находки изъ свайныхъ построекъ Лайбахскаго торфяника оцѣнивать по совокупности ихъ значенія, то не будетъ подлежать никакому сомнѣнію, что онѣ такъ же, какъ верхне-австрійскія и восточно-швейцарскія, принадлежатъ каменному вѣку. Но и здѣсь сообщаютъ о металлическихъ находкахъ. По составу онѣ оказываются двухъ родовъ—если судить по наружному виду—бронзовыми или „богатымъ мѣдью“, „мѣдеподобнымъ“ сплавомъ. Къ первымъ принадлежатъ короткій (всего 36.6 ст. длины) мечъ, имѣющій форму камышеваго листа съ язычкомъ у рукоятки (Schafzunge) и богато орнаментированный кинжалъ въ 20.7 ст. длиной; къ послѣднимъ—топоръ, 4 наконечника копья, двѣ грубо выкованныхъ бляхи, неправильный, съ одной стороны на подобіе ножа заостренный кусокъ, 4 узкихъ острыхъ предмета (повидимому, шила) и 2 тонкихъ полоски. Противоположность, обнаруживающаяся въ различіи матеріала, обостряется еще тѣмъ, что предметы изъ бронзы, превосходно выполненные, служатъ свидѣтельствомъ высоко разившейся техники и формованія, тогда какъ предметы изъ богатаго мѣдью „сплава“ обнаруживаютъ очень простыя формы, указываютъ на незначительную опытность въ плавленіи и вообще нисколько не отличаются отъ примитивныхъ мѣдныхъ находокъ изъ верхне-австрійскихъ озеръ.

Эту противоположность было-бы трудно объяснить, если бы находки были вынуты изъ одного и того-же мѣста. Кажется, однако, что оба прекрасныя бронзовыя орудія не принадлежатъ къ свайной застройкѣ и не входятъ въ составъ каменныхъ и костяныхъ предметовъ. По крайней мѣрѣ Alfons Müllner въ своемъ сочиненіи „Emona“¹⁾ говоритъ о короткомъ мечѣ: „онъ лежалъ въ торфяникѣ на полметра выше, чѣмъ мѣдные и ко-

¹⁾ A. Müllner. Emona. Archäologische Studien aus Krain. S. 147.

станые предметы“. Этотъ фактъ возбуждаетъ сомнѣніе и относительно прекрасно орнаментированнаго кинжала, лежалъ ли онъ, дѣйствительно, въ культурномъ слоѣ свайной постройки. Если сверхъ того принять во вниманіе, что Лайбахскій торфяникъ всего одно поколѣніе тому назадъ изобиловалъ водой и представлялъ настоящее болото, въ теченіе мѣсяцевъ покрытое водой, то нельзя будетъ отвергать возможности того, что оба эти бронзовые предмета были обронены въ позднѣйшее время въ бассейнъ, имѣвшій видъ озера, и опускаясь постепенно все глубже въ илъ, приблизились къ культурному слою свайной постройки. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что прямо чрезъ мѣсто свайной постройки шла старинная торговая дорога, а позднѣйшая римская дорога прорѣзывала болото.

При осторожномъ изслѣдованіи принадлежность бронзовыхъ орудій къ свайной постройки слѣдуетъ считать сомнительной. Повидимому, они стоятъ къ ней въ такомъ же отношеніи, какъ найденный въ террамарѣ Castione бронзовый мечъ къ находкамъ собственно террамары. Helbig отвергаетъ хронологическое совпаденіе ихъ¹⁾, хотя въ террамарахъ найдено много превосходныхъ бронзовыхъ вещей и, стало быть, противоположность ихъ мечу не такъ велика, какъ въ Лайбахской свайной постройки.

Что касается примитивныхъ „обильныхъ мѣдью“, или „подобныхъ мѣднымъ“ предметовъ изъ этой послѣдней, то всѣ писатели признаютъ, что они принадлежатъ культурному слою собственно свайной постройки. Баронъ v. Sacken считаетъ ихъ за бронзу и за продукты переплавки „богатаго мѣдью сплава“²⁾. Deschmann³⁾ присоединяясь къ мнѣнію S. объ эпохѣ находокъ, повидимому, склоненъ считать ихъ за чистую мѣдь, такъ какъ объ одномъ инструментѣ въ родѣ ножа онъ говоритъ, что онъ „повидимому, изъ мѣди“, и на приложенныхъ таблицахъ нѣкоторые изъ этихъ предметовъ обозначаетъ просто „мѣдными“; они, въ самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ любезно сообщилъ г. Deschmann, оказы-

¹⁾ Wolfhang Helbig. Die Italiker in der Po-Ebene. S. 20.

²⁾ Freih. v. Sacken. Der Pfahlbau im Laibacher Moore. Mittheil. d. Centr. Commis. für Kunst-und hist. Denkmale. II Jarg. N. F. S. 29.

³⁾ Karl Deschmann. Über die vorjährige Funden im Laibacher Pfahlbau. Mitth. der Wiener anthrop. Ges. Bd. VIII, S. 67 u. f.

ваются чистою мѣдью: химическій анализъ, произведенный проф. Кнаритсч надъ полоской тонкаго кольца, или браслета, обнаружилъ химически чистую мѣдь безъ всякой другой металлической примѣси; стало быть, и всѣ остальные предметы, имѣющіе подобныя же внѣшніе признаки, слѣдуетъ считать за чистую мѣдь ¹⁾). Нужно еще присоединить, что изслѣдованія на Mondsee дали топоръ изъ ядента, а въ Лайбахскомъ торфяникѣ изъ нефрита.

Громадную важность далѣе имѣеть рядъ находокъ въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи, которыя представляютъ совершенную параллель къ верхне-австрійскимъ, подтверждаютъ эти послѣднія, поднимаютъ и обезпечиваютъ ихъ значеніе. Известно, что многія свайныя постройки Швейцаріи содержатъ, повидимому, исключительно предметы изъ камня, кости и другихъ первичныхъ матеріаловъ — и въ такомъ количествѣ и разнообразіи формъ, что только на основаніи ихъ сложилась детальная картина каменнаго вѣка. Но въ послѣдніе годы д-ръ Gross напелъ тамъ при тѣхъ же обстоятельствахъ, что и у насъ на верхне-австрійскихъ озерахъ, т. е. рядомъ съ многочисленными каменными орудіями и орудія изъ мѣди — сначала кинжалъ и шило (къ которымъ позже прибавилась двойная сѣкира ²⁾) въ свайной постройкѣ Lüscherz на Bieler See ³⁾, потомъ въ свайной постройкѣ St. Blaise на Neunburger See пять кинжаловъ и топоръ ⁴⁾.

Въ своихъ опубликованныхъ изслѣдованіяхъ д-ръ Gross относитъ всѣ эти находки и мѣста ихъ къ позднему каменному вѣку. Въ новомъ большемъ трудѣ своемъ ⁵⁾ этотъ неутомимый из-

¹⁾ Изъ остальныхъ свайныхъ построекъ Австріи Traun-Se'яскія и Kentschacher Se'яскія слишкомъ мало изслѣдованы для того, чтобы допустить вѣрныя заключенія. Мѣсто находокъ въ Ольмюцѣ, которое A. Seittles описалъ, какъ свайную постройку, таковой вовсе не оказывается. Собранные на немъ предметы относятся къ первымъ вѣкамъ нашей эры и на это необходимо обратить вниманіе; описанныя въ статьѣ S. каменныя орудія происходятъ изъ другихъ различныхъ мѣстонахожденій Моравіи.

²⁾ Mittheil. der Antiquar. Ges. in Zürich XX. 1. Abth. 33; Dr. Gross. Une nouvelle palafitte de l'époque de la pierre à Locras, p. 7.

³⁾ Zeitschr. f. Ethnol. Jahrg. 1879, 36; Dr. Gross. Les dernieres trouvailles dans les habitations du lac de Bienné.

⁴⁾ Dr. Victor Gross. La station de St. Blaise. Age de pierre.

⁵⁾ V. Gross. Les Protohelvètes. Berlin. 1883.

слѣдователь свайныхъ построекъ приводитъ новыя находки мѣдныхъ предметовъ и тутъ-же перечисляетъ мѣстонахожденія: Sutz, Latrigen, Gérofin (Oefeli) и Fenil (Finelz)—последнее одно дало болѣе тридцати мѣдныхъ предметовъ. Хотя эти мѣстонахожденія изслѣдованы только частью, онъ находитъ однако возможнымъ на основаніи этихъ находокъ присоединиться къ тѣмъ, которые, какъ напр. Ferdinand Keller, устанавливают самостоятельный мѣдный періодъ. Д-ръ Gross дѣлитъ на основаніи своихъ обширныхъ изслѣдованій проявляющійся въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи каменный вѣкъ на три періода, изъ которыхъ первый характеризуется очень примитивными явлениями и отсутствіемъ какого бы то ни было орнамента, второй обнаруживаетъ въ этомъ отношеніи замѣтный прогрессъ и особенно выдѣляется относительнымъ обиліемъ нефритовыхъ, ядеитовыхъ и хлормеланитовыхъ топоровъ, и, наконецъ, третій—предметами изъ чистой мѣди (очень рѣдко изъ бронзы), пробуравленными каменными молотками, хорошо обработанными орудіями изъ кости и дерева и разнообразными сосудами съ ручками и вдавленными орнаментами. Д-ръ Gross прибавляетъ, что этотъ третій періодъ каменнаго вѣка онъ ради обилія мѣдныхъ предметовъ могъ бы назвать мѣднымъ вѣкомъ („l'ère que du cuivre“).

Находки мѣдныхъ предметовъ далеко не ограничиваются названными д-ромъ Gross'омъ свайными постройками. Уже Ferdinand Keller ¹⁾ упоминаетъ, что въ свайной постройкѣ Maugach на Боденскомъ озерѣ, которая приобрѣла знаменитость своими богатыми нефритовыми находками, найдена была передняя часть мѣдной сѣкиры въ качествѣ единственнаго металлическаго предмета среди 600 штукъ осколковъ, наконечниковъ стрѣлъ и копій, пилъ изъ кремня и рѣзцовъ, топоровъ, сѣкиръ, молотковъ и т. д. изъ различныхъ другихъ каменныхъ матеріаловъ.

По частному сообщенію барона v. Tröltzsch въ свайной постройкѣ Maugach—Nussdorf было кромѣ того найдено 6 мѣдныхъ топоровъ и одна соответствующая этимъ топорамъ литейная глиняная форма ²⁾. Первые оказались на основаніи своего

¹⁾ Ferd. Keller. Pfahlbauten. VI. Ber. S. 281.

²⁾ Ср. кропотливое и для специалиста въ высшей степени полезное

удѣльнаго вѣса, колеблющагося между 8.715 и 8.849, чисто мѣдными.

Почти такую же массу каменныхъ орудій всякаго рода, какъ и Маурахская, доставила свайная постройка при *Sirplingen*'ѣ, также на Боденскомъ озерѣ. Здѣсь до дня выхода сообщенія о ней не найдено было ни одного бронзоваго орудія, но одинъ мѣдный—простой, подобный непробуравленнымъ клинообразнымъ каменнымъ издѣліямъ топорикъ, безъ всякихъ придатковъ, причемъ слѣдуетъ упомянуть, что онъ найденъ въ глиняной корѣ (литейная форма?) ¹⁾.

Какъ мало исчерпаны доказательства въ пользу того, что мѣдь непосредственно примыкаетъ къ запасу орудій по своей главной массѣ каменныхъ и костяныхъ, показываетъ свайная постройка *Robenhausen*. Тамъ до сихъ поръ находили много каменныхъ и костяныхъ орудій всякаго рода, но ни одного металлическаго и напротивъ плавильные горшки и черпаки съ слѣдами мѣди и бронзы, подобныя тѣмъ, которые мы видѣли въ верхнеавстрийскихъ свайныхъ постройкахъ; вещи эти свидѣлствуютъ, что тамъ, какъ и здѣсь, распространено было не только знакомство съ этими металлами, но и умѣнье ихъ обрабатывать ²⁾.

Тоже самое представляетъ свайная постройка *Mänedorf* на Цюрихскомъ озерѣ. И здѣсь, какъ на вышеупомянутыхъ мѣстахъ, найдено было множество хорошо сохранившихся каменныхъ топоровъ изъ прекраснаго пятнистаго серпентина, которые отличаются размѣрами и старательной отдѣлкой ³⁾.

Въ общемъ обнаруженныя тамъ вещи совершенно сходны съ вещами изъ другихъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка, напр. въ *Meilen*'ѣ. Хотя до 1865 г. здѣсь не было извѣстно ни одной металлической находки, но обломки тигля, тождественнаго по формѣ и матеріалу съ робенгаузенскимъ, доказы-

---

сочиненіе бар. v. Tröltzsch «Fund-Statistik der vorrömischen Metallzeit im Reingebiete». Nr. 104.

¹⁾ Ferd. Keller. Pfahlbauten. VI Ber., S. 287.

²⁾ Ferd. Keller. Pfahlbauten. VI Ber. S. 250.

³⁾ Ibid. II Ber. S. 85.

васть и тутъ существованіе знакомства съ металломъ уже въ эту эпоху ¹⁾.

Настоящая глава была совершенно закончена и передана въ редакцію „Mittheilungen“, когда я благодаря любезному указанію барона v. Tröltsch обратилъ вниманіе на статистическое сопоставленіе швейцарскихъ мѣдныхъ находокъ R. Forrer'a ²⁾. Изъ этой чрезвычайно почтенной работы я получилъ не только подтвержденіе гипотезы, опирающейся на выше упомянутыя находки—въ свайной построекѣ Robenhausen былъ дѣйствительно найденъ потомъ мѣдный топоръ—но и свѣдѣнія о дальнѣйшемъ рядѣ мѣдныхъ находокъ изъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка. Отсылая читателя къ источнику, я обращаю его особенное вниманіе на нижеслѣдующіе факты, которые имѣютъ существенное значеніе для нашей задачи.

Въ свайной построекѣ „Auf dem Hof“ при Stein a. R. найденъ мѣдный топоръ рядомъ съ предметами изъ камня—между прочимъ изъ нефрита. Слѣдуютъ: свайная постройка Niederwiel съ плавильнымъ горшкомъ; свайная постройка Irgenhansen на Pfäffiker See съ мѣднымъ кольцомъ и плавильными горшками рядомъ съ каменными орудіями; свайная постройка an der Borze на Zuger See—поселеніе каменнаго вѣка съ мѣднымъ топоромъ; вѣшняя свайная постройка при Möringen'ѣ также каменнаго вѣка съ 4-мя клинками кинжаловъ; свайная постройка Prefargier на Neuenburgen See, замѣчательная многочисленными топорами изъ нефрита, ядеита и хлоромеланита съ различными мѣдными предметами, между прочимъ ожерельемъ изъ 25 мѣдныхъ бусъ; свайная постройка Bevaix (Châtelard)—также поселеніе каменнаго вѣка—съ двумя мѣдными топорами; свайная постройка Treytel, выдающаяся своими находками стоянка каменнаго вѣка съ тремя мѣдными предметами; древнѣйшая свайная постройка Estavayer, которая цѣлкомъ относится къ каменному вѣку, съ многими мѣдными вещами—между прочимъ двумя простой дугой соединенными двойными спиралями; наконецъ, свайная постройка при Font'ѣ—богатая содержаніемъ

¹⁾ Ibid. VI Ber. S. 263.

²⁾ Statistik der in der Schweiz gefundenen Kupfergeräthe. Antiqua. Herausg v. H. Messikammer und R. Forrer. Jarh. 1885.

стоянка каменнаго вѣка съ мѣднымъ клинкомъ кинжала и большимъ количествомъ мѣдныхъ бусъ рядомъ съ многими прекрасными предметами изъ нефрита. При этомъ перечнѣ намѣренно не обращено вниманія на такія мѣстонахожденія мѣди, гдѣ рядомъ съ каменными орудіями обнаружены были и бронзовыя вещи—для того, чтобы яснѣе представить, какъ широко примыкаетъ употребленіе мѣди къ камню. Въ то время, какъ въ настоящее время эти многочисленные случаи совмѣстнаго нахождения мѣдныхъ и каменныхъ предметовъ не возбуждаютъ болѣе никакихъ сомнѣній относительно ихъ одновременности, Ferdinand Keller, уже на основаніи немногихъ мѣдныхъ находокъ извѣстныхъ въ его время, высказалъ слѣдующія остроумныя соображенія: „Жители (свайныхъ построекъ) были раньше, чѣмъ до сихъ поръ принималось, знакомы съ мѣдью и бронзой, такъ какъ обнаружены слѣды обработки этихъ матеріаловъ до появленія нефрита—въ нижнихъ пластахъ поселеній каменнаго вѣка“¹⁾. Слова Keller'а блестящимъ образомъ подтвердились, какъ было уже выше упомянуто, результатами изслѣдованій, имѣвшихъ мѣсто съ тѣхъ поръ; д-ръ Gross, говоря о свайныхъ постройкахъ Швейцаріи, относитъ всѣ находки, которымъ развитая техника, богатая орнаментовка и относительное обиліе топоровъ изъ нефрита, ядеита и хлоромеланита придаютъ своеобразный характеръ, ко второму періоду „*époque de la pierre*“. Относительно металла онъ говоритъ объ этой эпохѣ: „*Le métal n'apparaît pas encore dans cette période ou du moins pas dans la couche archéologique; exceptionnellement on trouve ici et là entre les pilotis quelques lamelles de cuivre et plus rarement de bronze*“. Если такимъ образомъ д-ръ Gross только послѣдній періодъ каменнаго вѣка рѣшается назвать мѣднымъ, то это обусловливается о б ы ч н ы мъ уже присутствіемъ мѣди въ это время, тогда какъ фактически этотъ металлъ и въ очень рѣдкихъ случаяхъ бронза являются уже ранѣе этого періода.

Если въ отдѣльныхъ свайныхъ постройкахъ названнаго періода здѣсь и тамъ находимы были мѣдныя и рѣже бронзовыя пластинки, то знакомство съ этими металлами нужно предположить

¹⁾ Ferd. Keller. Pfahlbauten. VI Ber. S. 252.

и во всѣхъ остальныхъ, которые вслѣдствіе однородности ихъ характера относятся къ тому же времени и благодаря непосредственному сосѣдству могли легко усвоить это знакомство.

Д-ръ Gross совершенно опредѣленно замѣчаетъ, что большая часть швейцарскихъ поселеній каменнаго вѣка („en général la plus grande partie de nos établissements de l'âge de la pierre“) принадлежитъ ко второму періоду, въ который одновременно съ нефритомъ являются первые слѣды мѣди и бронзы. Но если мы припомнимъ, что F. Keller констатировалъ первые слѣды обработки металла еще до появленія нефрита, т. е. до второго періода каменнаго вѣка д-ра Gross'a, то окажется въ высокой степени вѣроятнымъ, что знакомство съ металлами и, главнымъ образомъ, съ мѣдью было распространено во всѣхъ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи съ самаго начала ихъ, хотя въ неравной мѣрѣ, обусловленной бѣдностью, отдаленностью и другими причинами и что, стало быть, тамъ никогда не было чистаго каменнаго вѣка.

На это могутъ возразить, что на многихъ стоянкахъ не было найдено ни одного металлическаго предмета—но это отрицательный фактъ, которымъ всегда опасно пользоваться, какъ доказательствомъ. Пусть примутъ во вниманіе то, что металлы тогда вообще были рѣдкимъ и дорогимъ предметомъ, что ихъ заботливо хранили и въ случаѣ потери—когда роняли напр. въ воду—прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы достать и тогда легко будетъ объяснить, что во многихъ поселеніяхъ ихъ по-видимому никогда не было.

Убѣдительнымъ примѣромъ служить упомянутый уже нами фактъ, что въ свайной постройкѣ Robenhause, гдѣ свирѣпствовали неоднократные пожары и непреодолимая сила принуждала жителей бросать свои вещи, чтобы спасти хоть часть ихъ на днѣ озера, несмотря на многолѣтнія усердныя изысканія г. Messikammer'a долгое время не могли найти ни одного металлическаго предмета, хотя изъ другихъ находокъ было извѣстно, что здѣсь металлы даже обрабатывались и поселеніе находилось, стало быть, уже на высшей сравнительно стадіи знакомства съ ними и число металлическихъ предметовъ не могло уже быть такъ незначительно.

Изъ всего вышесказаннаго ясно вытекаетъ одно—фактъ, что въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи такъ же, какъ и въ альпійскихъ областяхъ верхней Австріи, раньше другихъ металловъ и задолго до того, какъ вышли изъ употребленія каменные орудія, въ значительномъ количествѣ является мѣдь.

Съ большими и только въ рѣдкихъ случаяхъ преодолимыми затрудненіями можно опредѣлить хронологію находокъ въ поселеніяхъ на материкѣ. Въ то время, какъ свайныя постройки съ прекращеніемъ оригинальнаго обычая жить надъ водой, въ очень давнее время нашли относительно быстрый конецъ, преобладающее число доисторическихъ поселеній на материкѣ сохранялось и въ послѣдующіе періоды—очень многія, можетъ быть, существуютъ и до сихъ поръ. Вслѣдствіе этого обстоятельства предметы различныхъ эпохъ откладывались одни на другіе и въ то время, какъ остатки свайныхъ построекъ покоятся нетронутыми на днѣ озеръ, остатки даже тѣхъ поселеній, которыя давно уже нашли свой конецъ, обработкой почвы, перепахиваніемъ и корчеваніемъ, потоками воды и особенно едва замѣтной, но въ высшей степени обильной результатами работой кротовъ, мышей и дождевыхъ червей перемѣщены съ первоначальныхъ мѣстъ залеганія и смѣшаны въ одну массу.

И отсюда можно однако извлечь нѣчто поучительное. Многое можно поправить: привести въ порядокъ обнаруженныя находки, раздѣлить все, не имѣющее связи, соединить по характернымъ признакамъ то, что имѣетъ связь. Уже теперь здѣсь нѣтъ недостатка въ многочисленныхъ и вѣрныхъ показаніяхъ относительно перваго появленія металловъ и особенно мѣди. Сюда принадлежатъ въ особенности находки, которыя были собраны на городищѣ *Zamka* неподалеку отъ Праги. По извѣстію лица, изслѣдовавшаго это поселеніе ¹⁾, здѣсь было найдено много черепковъ съ характерными чертами поздняго каменнаго періода ²⁾, кремневая стрѣлка, шлифованные топоры и молотки и между ними бронзовый топоръ безъ придатковъ къ прикрѣпляемой части

¹⁾ W. Osborne. Ueber einen Fund aus der jungeren Steinzeit in Böhmen. Sitzungsber. d. naturwiss. Gesell. «Isis» in Dresden. Jahrg. 1879.

²⁾ Между изображенными черепками нѣкоторые принадлежатъ болѣе позднему времени. Таб. III, фиг. 2, 3, 6, 7.

т. е. имѣющій форму каменнаго топора (полый кельтъ). Несмотря на эту послѣднюю находку докладчикъ, совершенно естественно высказывается, что поселеніе относится къ позднему каменному періоду. На этотъ счетъ было однако высказано сомнѣніе на основаніи многихъ орнаментовъ на черепкахъ—въ особенности волнообразнаго: именно этотъ орнаментъ несовмѣстимъ хронологически съ большимъ количествомъ полированныхъ каменныхъ орудій и потому не остается ничего другого, какъ отнести начало поселенія къ тому времени, которое характеризуется послѣдними предметами и ограничить продолжительность его существованія временемъ, когда вмѣстѣ съ черепками появляется волнистый орнаментъ. Вслѣдствіе поднявшихся возраженій Osbornе кажется, поколебался¹⁾; однако предметы, найденные тамъ послѣ—именно ножъ и полое бронзовое кольцо и прежде всего мѣдныя стрѣлки рядомъ съ бронзовымъ топоромъ, сдѣланнымъ по образцу каменнаго—придаютъ поселенію Zamka тотъ же характеръ и то же хронологическое мѣсто, которыя имѣютъ наши свайныя постройки, и показываютъ, что и здѣсь бронза и мѣдь примыкаютъ непосредственно къ употребленію каменныхъ орудій. Подобныя отношенія могли-бы быть обнаружены и въ другихъ доисторическихъ поселеніяхъ, но они не даютъ въ силу уже выше приведенныхъ основаній той увѣренности, которая желательна и которую мы находимъ на мѣстахъ съ болѣе ограниченнымъ періодомъ существованія.

Очевиднѣе обнаруживается одновременное употребленіе каменныхъ и металлическихъ предметовъ въ жертвенныхъ приношеніяхъ въ могилахъ; я остановлюсь ради ея важности на одной могилѣ близъ Ольмюца, въ которой на предплечіи женскаго костяка найдено было грубо сдѣланное мѣдное спиральное кольцо и рядомъ топоръ и два ножа изъ камня²⁾. Тотъ же характеръ, что и эта могила представляютъ такъ называемыя „куявскія могилы“, изслѣдованныя генералъ-майоромъ v. Erkert и послужившія предметомъ обстоятельныхъ и неоднократныхъ сообщеній

¹⁾ Zeitsch. t. Ethnol. XV, S. 285.

²⁾ Dudik. Sitzungb. d. phil.-hist. Classe d. Akademie d. Wiss. XII, S. 470. Изъ Ольмюцскаго округа д-ръ Wankel получилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ 2 мѣдныхъ топора имѣвшихъ формы каменныхъ.

Вирхова ¹⁾). Въ одной изъ нихъ (Janischewek) найдена была мѣдная пластинка, назначеніе которой не ясно, такъ какъ нельзя было рѣшить, орудіе-ли это въ родѣ пилы или часть какого-нибудь другого предмета. Точное опредѣленіе его цѣли для настоящей главы имѣть, впрочемъ, мало значенія: главное то, что химическій анализъ показалъ содержаніе мѣди 99.15%; остальное состояло изъ мышьяка и слѣдовъ желѣза.

Въ этой могилѣ, слѣдуетъ замѣтить, не было найдено каменныхъ орудій, но давность куявскихъ могилъ вообще и ихъ своеобразный характеръ вполне точно опредѣляются находженіемъ каменныхъ орудій и сосудами, которые имѣютъ много общихъ признаковъ съ сосудами древнихъ альпійскихъ свайныхъ построекъ. Достаточно, стало быть, констатировать каменные орудія въ сосѣднихъ и къ тому-же времени относящихся могилахъ. Чѣмъ незначительнѣе, повидимому, настоящая находка, тѣмъ больше ея значеніе, которое Вирховъ опредѣлилъ въ слѣдующихъ словахъ: „результатъ (химическаго анализа) тѣмъ важнѣе, что онъ, съ одной стороны, представляетъ новый примѣръ существованія чисто мѣдныхъ находокъ въ нашихъ (сѣверныхъ) областяхъ, съ другой стороны, обнаруженъ былъ въ могилѣ, которая по всѣмъ прочимъ признакамъ относится къ неолитической эпохѣ. Благодаря этому пріобрѣтается важное хронологическое указаніе относительно перваго появленія металла въ этой области“. Я съ полнымъ правомъ считаю нужнымъ прибавить, что въ этой находкѣ мы имѣемъ полную параллель къ мѣднымъ находкамъ въ Альпахъ, что она отмѣчаетъ не только одну и ту же степень культуры, но одно и то же время въ матеріальномъ смыслѣ.

Рѣшающее значеніе имѣютъ относящіяся сюда находки въ Италіи.

Здѣсь при St. Leo близъ Болоньи найдено было много продолговатыхъ кремневыхъ стрѣлокъ известной итальянской формы съ язычкомъ и безъ ясно выраженныхъ зубчиковъ рядомъ съ маленькимъ металлическимъ топоромъ. Стрѣлки тонко обработаны и свидѣтельствуютъ о позднемъ періодѣ неолитической эпохи; топоръ напротивъ имѣетъ форму не бронзоваго, а каменнаго. Находка, которую я въ прошломъ году видѣлъ въ Бо-

¹⁾ Zeitschr. f. Ethnol. 1879, S. 428; 1880, S. 314 ff.; 1881, S. 103.

лоньи, носить надпись „Freccie di selce trovato con un frammento di scalpello in bronzo presso S. Leo“. Топорикъ оказывается однако не обломкомъ, а почти цѣлымъ и могъ показаться обломкомъ только благодаря своей незначительной величинѣ и необычной формѣ; кромѣ того онъ не бронзовый, а мѣдный и содержитъ, по устному сообщенію г. Zannoni, 97% этого металла; остальное по большей части мышьякъ, но не олово. Я могъ-бы къ этому прибавить, что на многихъ древнѣйшихъ сосудахъ, собранныхъ близъ Болоньи, имѣютъ мѣсто явленія, свойственныя альпійскимъ мѣднымъ стоянкамъ—напр. точечный орнаментъ въ его различныхъ примѣненіяхъ, шпички съ отверстиями для продѣванія шнура и безъ нихъ,—особенно трубочатня, располагающіяся горизонтально, по краямъ сосуда и подъ ними.

Сюда же относится и находка въ Guernsey. Lukis при своихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ могилъ каменнаго вѣка на островахъ канала и прилегающихъ мѣстностяхъ Южной Англіи и С. Франціи нашелъ только одинъ металлическій предметъ, и тотъ былъ мѣдный. Въ каменной могилѣ на Guernsey встрѣчены были обыкновенные сосуды, много каменныхъ орудій, камни для растиранія и раздавливанія жита и подъ каменной покрывкой—мѣдный браслетъ. Lukis думаетъ, что браслетъ долженъ быть положенъ въ позднѣйшее время, но нѣтъ никакихъ признаковъ, которые дѣлали бы это вѣроятнымъ и слѣдуетъ принять, что названный изслѣдователь пришелъ къ этому мнѣнію только потому, что не могъ допустить одновременнаго присутствія металлическаго предмета рядомъ съ каменными ¹⁾).

Изъ многочисленныхъ мѣдныхъ находокъ Португаліи, о которыхъ въ послѣднее время было много говорено, слѣдуетъ прежде всего упомянуть о тѣхъ, которыя были добыты изъ пещеръ при Cesareda. Тамъ среди массы предметовъ изъ шлифованнаго камня, черепковъ и орудій изъ кости, были найдены полые кельты безъ придатковъ, соотвѣтствующіе альпійскимъ находкамъ плоскіе мѣдные топоры, бронзовые кинжалъ и пила ²⁾).

¹⁾ Aarbøger for nörd. Oldkund etc. 1870, S. 180.

²⁾ Schaffhausen. Der IX intern. Congress für prähist. Anthr. und. Archäol. in Lissabon. Sep.-Abdr. aus d. Archiv, S. 12.

Въ другомъ источникѣ упоминается еще находка мѣдной стрѣлки ¹⁾. Мѣдь—шило и большое количество бусъ—найдена была и въ гротѣ мертвыхъ въ Dürfort (въ Гардскомъ департ.) между своеобразно обдѣланными и шлифованными каменными орудіями ²⁾.

Наибольшее количество мѣдныхъ орудій самыхъ разнообразныхъ и развитыхъ формъ дала, безъ сомнѣнія, богатая и другими доисторическими находками почва Венгріи. Массу доказательствъ въ пользу этого предлагаетъ книга Франца Пульскаго „Die Kupferzeit in Ungarn“. Къ сожалѣнію, при раннихъ находкахъ обращалось вниманіе только на вещь, не считалось нужнымъ обозначать мѣсто и обстоятельства находженія, и такимъ образомъ эти находки лишены ихъ доказательной силы и глубокаго значенія, а изъ новыхъ находокъ только немногія обнаружены при такихъ обстоятельствахъ, которыя позволяютъ дѣлать заключенія объ опредѣленномъ времени. Сюда относится замѣчательная находка въ Lucska въ Унгерскомъ комитатѣ. Здѣсь графъ Anton Stáray правильно разработывалъ „поле урнъ“ изъ поздняго каменнаго вѣка и смѣшеніе находокъ съ случайно попавшими вещами, повидимому, исключается. Урны стояли группами; около нихъ и подъ ними лежали осколки обсидіана и кремня, ножи, стрѣлы, каменные топоры, пробуравленные молотки и между этими каменными предметами мѣдный топоръ-молотокъ. Сосуды принадлежали позднѣйшему періоду неолитической эпохи; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, по мнѣнію графа, можно было замѣтить слѣды расплавленнаго металла ³⁾.

Другимъ мѣстонахожденіемъ, гдѣ мѣдныя и каменные орудія оказались въ сосѣдствѣ, является холмъ при Tószeg, который причислялся на основаніи данныхъ, извѣстныхъ до сихъ поръ, къ каменному вѣку. Здѣсь была найдена игла, древность которой обнаруживается уже въ примитивной простотѣ ея: ушко образовано загибомъ одного конца ⁴⁾. Сюда можно причислить еще мѣстонахожденіе Tordos, которое ежегодно весной заливается

¹⁾ Hellwald. Vorgesch. Mensch. II Aufl. S. 328.

²⁾ Ibid. S. 390.

³⁾ Fr. v. Pulsky. Die Kupferzeit in Ungarn. S. 35.

⁴⁾ Ibid. S. 83.

и разрушается разливами Мароса и обнаруживаетъ въ большомъ количествѣ остатки каменнаго вѣка и рядомъ съ ними жѣзные предметы, кольца, браслеты, перемѣшанные съ предметами бронзовой и даже римской эпохи, но такъ, что до сихъ поръ не представлялось возможности точно установить связь отдѣльныхъ находокъ ¹⁾). Наконецъ, и пещера Лисковайская въ Венгріи дала рядомъ съ кремневыми предметами маленькую жѣзную спираль, два куска жѣзной проволоки и толстый бронзовый предметъ ²⁾).

Нельзя отрицать того, что многія изъ вышепоименованныхъ находокъ заставляютъ желать болѣе точныхъ указаній—результатовъ химическаго анализа; можно прибавить даже, что нѣкоторыя находки, которыя по виду кажутся чисто жѣзными, при болѣе точномъ изслѣдованіи дали не ускользающую болѣе отъ глаза прибавку олова; но это распространяется не на большое число находокъ и достаточно того, чтобы здѣсь и тамъ отдѣльные предметы на основаніи химическаго анализа оказались изъ неподмѣшаннаго металла—а число этихъ предметовъ, какъ показываютъ слѣдующія далѣе таблицы, велико—чтобы установить несомнѣнное существованіе чистой жѣзы рядомъ съ каменными предметами. Независимо отъ того, что теперь, когда на этотъ предметъ начинаютъ обращать вниманіе, подобныя находки умножились, хронологическая связь жѣзныхъ и каменныхъ предметовъ можетъ быть доказана не только ихъ совмѣстнымъ нахожденіемъ, но и другимъ образомъ.

Къ этой службѣ призваны въ особенности глиняныя издѣлія. Мы уже видѣли, какую посредствующую роль играли плавленныя горшки и литейныя чернаки въ свайныхъ постройкахъ **Mannedorf** и **Niederwid**. Но и глиняныя издѣлія другого рода, собственно горшки—могутъ играть ту же роль.

Шлиманъ прекрасно говоритъ относительно нихъ: „они служатъ рогомъ изобилія археологической мудрости для того темнаго времени, которое мы, неясно ощущая въ сумеркахъ незапамятнаго прошедшаго, называемъ доисторическимъ. И въ самомъ дѣлѣ ни одинъ матеріалъ не поддается такъ легко дѣйствию человеческой руки, какъ глина; ни въ одномъ не можетъ такъ легко

---

¹⁾ Ibid. S. 17.

²⁾ Hellwald. I. c. S. 422.

выразиться способность человека воплощать свои намерения, свойственное его времени чувство изящнаго, ни въ одномъ такъ не сказывается индивидуальный характеръ народа, ни одна отрасль человѣческой дѣятельности не проникнута тамъ народнымъ духомъ, какъ керамика. При этомъ нѣтъ ни одного рода издѣлій, который бы въ состояніи былъ тамъ долго, неизмѣнно и въ надлежащемъ количествѣ и разнообразіи сохраниться для потомства, какъ столь хрупкія, повидимому, произведенія этого искусства ¹⁾ и потому ничто не даетъ намъ такихъ обширныхъ и надежныхъ свѣдѣній объ этомъ темномъ времени, какъ невзрачные на видъ черепки. Техника, форма и орнаментъ доисторическихъ глиняныхъ сосудовъ являются для археолога такими же вѣрными документами, какъ окаменѣлыя раковины пластовъ земной коры для геолога“.

Если мы обратимъ ближайшее вниманіе на остатки керамики изъ австрійскихъ и швейцарскихъ свайныхъ построекъ, то они покажутъ, что большіе сосуды состоятъ изъ грубой, смѣшанной съ пескомъ и плохо обожженной глины, имѣютъ по большей части шероховатую поверхность, очень рѣдко ушки, чаще напротивъ пуговицеобразныя выпуклости (Mammillen) съ горизонтально или вертикально (въ послѣднемъ случаѣ двойными) расположенными дырками или трубочками, повидимому для подвѣшиванія и ношенія, такъ какъ въ нихъ нерѣдко находились остатки веревки изъ лыка или льна. Иногда, очевидно для той-же цѣли, пробурывались самыя стѣнки сосудовъ подъ его краями. Орнаментъ встрѣчается на этихъ сосудахъ не такъ часто, но тамъ, гдѣ онъ оказывается, онъ состоитъ изъ вѣнчика, образованнаго отпечатками пальцемъ обыкновенно на круто выступающемъ краю, на шейкѣ или на одномъ изъ огибающихъ ее обручей; еще рѣже встрѣчается какое нибудь другое украшеніе, выполненное обыкновенно безъ всякой старательности.

Малые сосуды (но не самыя маленькіе, которые можно считать дѣтскими игрушками) сдѣланы напротивъ отчетливѣе изъ

¹⁾ Золото и серебро обладаютъ можетъ быть равной силой противо-дѣйствія разрушительнымъ воздѣйствіямъ природы, но не человѣческой жадности. Если бы всѣ доисторическіе сосуды были золотые или даже только бронзовые, то, навѣрное, не осталось-бы ни одного поля урны для изслѣдованія и, очень вѣроятно, ни одной урны.

глины иногда безъ всякой примѣси песку, съ болѣе тонкими и крѣпкими стѣнками, имѣютъ гладкую поверхность, которая большей части бываетъ темносѣрой, иногда совершенно черной и болѣе или менѣе блестящей, какъ это можно еще ясно видѣть на многихъ лучше сохранившихся черепкахъ изъ всѣхъ свайныхъ построекъ и въ частности на сосудахъ изъ Лайбахскаго торфяника.

Самымъ замѣчательнымъ и характеристическимъ явленіемъ въ этихъ сосудахъ представляется манера орнаментаціи, о которой я, насколько она обнаруживается въ находкахъ верхне-австрійскихъ свайныхъ построекъ, давно уже сообщалъ въ соотвѣтствующихъ рефератахъ ¹⁾. Орнаментъ состоитъ изъ болѣе или менѣе глубоко проведенныхъ на неокрѣпшей еще глинѣ бороздокъ. На сосудахъ изъ Лайбахскаго торфяника бороздки эти уже, мельче; на сосудахъ изъ верхне-австрійскихъ озеръ онѣ имѣютъ въ ширину $1\frac{1}{2}$ —2 mm. и углубляются въ глиняную массу до 1 mm., такъ что иногда бываютъ замѣтны на внутренней сторонѣ сосуда.

Эти бороздки наполнялись бѣлой массой, которая сохранилась на многихъ сосудахъ или черепкахъ, у большей части однако вывалилась вслѣдствіе своей малой плотности ²⁾. Чтобы закрѣпить эту въ началѣ легко выкрашивающуюся массу, дно бороздокъ зазубривалось, какъ въ сосудахъ изъ Mondsee, или выводились точками, какъ въ лайбахскомъ торфяникѣ ³⁾. Въ послѣднемъ случаѣ бороздки выполнены на подобіе шнуровъ съ

---

¹⁾ Mittheil. d. Wien anthrop. Ges. 1872, S. 323 und Taf. I, Fig. 1, 3—6, Taf. II, Fig. 1; 1876, S. 179 XX, Taf. III.

²⁾ Эта масса выглядит мѣловой, разлагается съ кипѣніемъ въ соляной кислотѣ, не оставляетъ никакого твердаго осадка и оказывается такимъ образомъ чистой углекислой известью. При помощи увеличительнаго стекла въ ней можно различить множество ромбаэдрическихъ кристалловъ. Вслѣдствіе этого является вѣроятнымъ, что она состояла главнымъ образомъ изъ растолченой кристаллической извести, многочисленныя куски которой, доставленные очевидно издалека, попадаютъ въ культурномъ слоѣ свайныхъ построекъ и между другими находками. Возможно, что къ ней прибавлялось для связи нѣкоторое количество стертой жженой извести.

³⁾ Попадаютъ однако и гладко проведенныя линіи съ бѣлой наполняющей массой.

такой изумительной тонкостью, что могли быть сдѣланы только особо назначеннымъ для этой цѣли орудіемъ.

Благодаря этому способу орнаментирования являются прекрасныя, часто очень богатныя, но всегда состоящія изъ геометрическихъ фигуръ, украшения, которыя обнаруживаютъ правда известную суровость стиля, но въ своихъ сочетаніяхъ обыкновенно не лишены вкуса. Бѣлыя линіи сверхъ того эффектно выдѣляются на черномъ фонѣ. Я отказываюсь объяснить этотъ орнаментъ, значеніе котораго первоначально было символическое, и ограничусь замѣчаніемъ, что однимъ изъ самыхъ обычныхъ узоровъ является заполненный клѣтками треугольникъ (волчій зубъ). Такіе треугольники идутъ рядомъ одинъ за другимъ въ видѣ ленты, окружающей сосудъ, или въ сочетаніи съ другими орнаментами, особенно въ перемежку съ другими треугольниками и такимъ образомъ образуется темная зигзагообразная лента на бѣломъ заполненномъ клѣтками фонѣ ¹⁾.

Кромѣ треугольниковъ встрѣчаются еще заполненный клѣтками четырехугольники, концентрической кругъ и крестъ въ его различныхъ видоизмѣненіяхъ, рѣже раздѣленная свастика и другія геометрическія фигуры. Въ большей части случаевъ эти мотивы орнамента употребляются не одиночно, а въ сочетаніи съ другими. Весьма рѣшительно и преобладающимъ образомъ выступаетъ эта характеристическая орнаментовка въ свайныхъ постройкахъ крайнихъ, верхне-австрійскихъ и швейцарскихъ озеръ, стало быть тамъ, гдѣ мы видѣли часто и въ обиліи мѣдъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ каменными орудіями.

Можетъ быть, большая часть этихъ орнаментированныхъ сосудовъ и многіе неорнаментированные имѣли фигуру близкую къ шару и походили на родъ кружекъ, употребляющихся до сихъ поръ. Они имѣютъ обыкновенно большіе ушки для захватыванія ихъ, но при нихъ нерѣдко имѣютъ мѣсто также выступы въ родѣ пуговицъ съ дырочками для продѣванія веревки ²⁾.

¹⁾ Сравни V. Gross. Les protohelvètes. Tab. XXXIII. Gr. Gundacker Wurmbrand. Mittheil. d. Wiener anthropol. Ges. Bd. II, Taf. VI. M. Much. Mitth. d. Wien. anthropol. Ges. Bd. VI, Taf. III. Freig. v. Sacken. Mittheil. d. Central Comm. f. Kunst und hist. Denkmale. Bd. II. Taf.

²⁾ Cp. Victor Gross. l. c. Tab. I, Fig. 1, 9, 11, Tab. XXXI, Fig. 10, 18, Freih. v. Sacken. l. c. Taf. II, Fig. 1—8. M. Much. Mittheil. d. Wi-

Если съ этими замѣчательными и въ высокой степени характерными сосудами сравнить сосуды изъ могилъ Alambr'и на Кипрѣ, то за исключеніемъ небольшихъ отклоненій, по большей части относящихся къ мелочамъ, окажется такое полное родство сосудовъ этого мѣстонахожденія съ сосудами изъ свайныхъ построекъ, что я могъ бы, не измѣняя ни слова, приложить сдѣланное относительно этихъ послѣднихъ описаніе къ кипрскимъ ¹⁾. Cesnola говоритъ о нихъ въ своей извѣстной книгѣ слѣдующее: „я открылъ здѣсь (въ Аламбрѣ) 82 могилы, которыя раскопалъ въ различное время отъ 1868 до 1874; они заинтересовали меня чрезвычайно, такъ какъ я причисляю ихъ къ древнѣйшимъ на Кипрѣ. Вазы, которыя находились въ этихъ могилахъ, были двухъ родовъ. Однѣ изъ нихъ были приготовлены изъ грубой красноватой не вполнѣ обожженной глины и имѣли форму большихъ горшковъ съ дырами по краямъ для подвѣшиванія; было нѣсколько кружекъ съ одной только ручкой вверху. Вазы второго рода представляли собою блестящія красныя или черныя лакированные сосуды ²⁾ шаровидной формы, подобной арбаллу, но съ длинной узкой шейкой ³⁾. Орнаментъ на этихъ вазахъ состоитъ изъ зигзагообразныхъ линій и другихъ геометрическихъ фигуръ, которыя глубоко вдавлены въ глину и заполнены бѣлой массой, вѣроятно цементомъ ⁴⁾“.

Это замѣчательное сходство орнамента не ограничивается однородностью техники, но простирается и на формы. Что Cesnola вкратцѣ обозначаетъ, какъ геометрическія фигуры, ясно изъ изображеній на таб. XIII его труда; онѣ состоятъ изъ различно расположенныхъ треугольниковъ, четырехугольниковъ и зигзагообразныхъ лентъ, плоскости которыхъ густо покрыты бѣлыми линіями, заполненными много разъ уже упомянутымъ способомъ.

---

en. anthr. Ges. Bd. II, Taf. 1, Fig. 1—6 и тамъ-же Bd. VI, Taf. III, Fig. 1, 5, 8, 13, 14.

¹⁾ Cesnola. Suprem. Taf. XIII, S. 82 и сл.

²⁾ Безъ сомнѣнія здѣсь идетъ рѣчь не о настоящемъ лакѣ, но о какомъ нибудь блестящемъ черномъ покрытіи.

³⁾ Въ этомъ заключается существенное различіе отъ кружекъ свайныхъ построекъ, которыя имѣютъ короткую широкую шейку; однако и у кипрскихъ кружекъ этой эпохи попадаются болѣе широкія шейки.

⁴⁾ Очевидно, разумѣется известковая масса.

Какъ сходны сосуды изъ Аламбры и наши австрійскія, показывають помѣщаемыя ниже изображенія, изъ которыхъ одно представляетъ кружку изъ перваго мѣстонахожденія, а второе сосудъ изъ свайной постройки на Mondsee ¹⁾.

Въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ представляется родство между древнѣйшимъ гончарнымъ производствомъ на Кипрѣ и въ австрійскихъ свайныхъ постройкахъ, если мы обратимъ вниманіе на глиняныя фигурки, найденныя въ могилахъ Аламбры (изображенія боговъ и предковъ), которыя обнаруживаютъ замѣчательную аналогію съ фигурами, представляющими людей и звѣрей изъ свайныхъ построекъ Mondsee и Лайбахскаго торфяника ²⁾.

Какъ поразительно теперь рядомъ съ этими глиняными сосудами, которыя мы встрѣчаемъ въ Альпахъ въ качествѣ спутниковъ мѣдныхъ орудій, на такомъ разстояніи встрѣтитъ также мѣдныя орудія и почти безъ всякаго слѣда какого либо другаго металла. Здѣсь онѣ разнообразнѣе, чѣмъ въ альпійскихъ озерахъ: тутъ находятся наконечники копій, серпы, пинцетъ, молотокъ-сѣкира, но выполненіе ихъ ни въ отношеніи формы, ни въ отношеніи техники не можетъ быть названо совершеннымъ; топоры не имѣютъ придатковъ въ мѣстѣ прикрѣпленія.

Въ вышеозначенныхъ могилахъ на Кипрѣ нѣтъ однако каменныхъ орудій, которыя неотдѣлимы отъ мѣдныхъ орудій въ Альпахъ, но можно думать что сообразно съ извѣстнымъ обычаемъ ихъ не клали въ гробъ или, что вѣроятнѣе, жители Кипра вслѣдствіе богатства ихъ родины мѣдью раньше въ состояніи были оставить каменные орудія. Ихъ присутствіе не необходимо впрочемъ для доказательства высокой древности находокъ и одновременности ихъ съ находками на европейскомъ материкѣ, такъ какъ для этого доказательства достаточно сосудовъ, которыя Cesnola самъ причисляетъ къ древнѣйшимъ на Кипрѣ ³⁾.

Если бы на этотъ счетъ еще могло быть сомнѣніе, то оно можетъ быть устранено на классической для всѣхъ періодовъ

¹⁾ Сравни далѣе рисунокъ на кружкахъ на 2 и 5 мѣстѣ таблицы XIII Cesnola'ы съ рисункомъ на фиг. 27. Tab. XXXIII Gross'a Protobelvetes или зигзаговидную ленту кружки на 3 мѣстѣ XIII Taf. Cesnola'ы съ Fig. таблицы III Much'a, Dritter Pfahlbau-Bericht. Mittheil. d. Wien. anthr. Ges. Jahrg. 1876.

²⁾ Cesnola. l. c. Tab. XII. Much. l. e. Taf. IV, Fig. 15, 21.

³⁾ Cesnola. l. c. S. 82.

почвѣ Трои. И на этомъ для всей археологіи неистощимомъ мѣстонахожденіи обнаруживается тотъ-же ясно выраженный характеръ сосудовъ и рядомъ съ ними многочисленные предметы изъ мѣди, какъ на Кипрѣ, и кромѣ того каменные, какъ въ Альпахъ.

Находки въ самомъ нижнемъ и, стало быть, древнейшемъ городѣ даютъ цѣлый рядъ характерныхъ признаковъ общихъ съ признаками названныхъ выше мѣстъ. Большіе сосуды сдѣланы и здѣсь изъ грубой глины, имѣютъ неравную толщину, неровную поверхность и плохо обожжены: вмѣсто ручки оказываются шишечки (соски), севозъ которыя проходятъ въ горизонтальномъ или вертикальномъ направленіи отверстія (въ послѣднемъ случаѣ часто дважды пробуровлены) чтобы пропустить веревочку для ношенія ¹⁾). Для всѣхъ этихъ признаковъ въ нашихъ свайныхъ постройкахъ находятся сотни аналогій.

У маленькихъ сосудовъ оказываются тѣ же вдавленные и наполненные бѣлой массой, по большей части и по рисунку тождественные геометрическіе орнаменты на черномъ фонѣ, съ которыми мы имѣли случай познакомиться до сихъ поръ. Ср. помѣщенные ниже изображенія двухъ орнаментированныхъ черепковъ, изъ которыхъ первый происходитъ изъ Трои, а второй изъ Mondsee ²⁾).

¹⁾ Schliemann. *Ilios*. S. 244, 248, 249. Шлиманъ констатировалъ еще остатки плоскихъ шнурковъ въ этихъ трубочкахъ. Въ Mondsee я часто ходилъ въ нихъ остатки веревочъ изъ лыка.

²⁾ Яркую картину древнѣйшей троянской керамики даетъ Вирховъ въ своемъ трудѣ: «*Alttrajanische Gräber und Schädel*» S. 49 ff., также Taf. VIII. Что говоритъ объ этомъ Вирховъ, приложимо почти вполнѣ къ нашимъ верхне-австрійскимъ сосудамъ; въ особенности тождество обнаруживается въ техническихъ приемахъ выглаживания; только у насъ вмѣсто гладильныхъ камней употреблялись костяныя пластинки. Орнаментъ на первой фигурѣ S. 53, заполненные клѣтками треугольникъ и четырехугольникъ, можетъ быть констатированъ въ свайныхъ постройкахъ верхней Австріи. Различіе, кажется, заключается въ томъ, что бѣлые орнаменты въ Троѣ помѣщаются по большей части на краяхъ и даже на внутренней сторонѣ плоскихъ сосудовъ, а въ другихъ мѣстахъ—включая и Кипръ—почти исключительно на наружной сторонѣ сосудовъ, которые болѣе или менѣе приближаются къ формѣ кружки. См. далѣе Schliemann, *Troja*, Fig 1, 2; *Ilios*, S. 246, Fig. 5—35 и сравни въ особенности Fig. 28 и 29 съ Fig. 13 и 14 3-ей таблицы у Much'a «*Drit-*

Формы тщательно исполненныхъ сосудовъ—кружекъ ¹⁾ и горшковъ съ выведенными въ кругъ краями ²⁾—также приближаются къ нашимъ; даже сосуды на ножкахъ не чужды нашимъ мѣстонахожденіямъ ³⁾.

Нельзя отвергать того, что на сосудахъ самыхъ нижнихъ слоевъ Трои замѣчаются и многія явленія чуждаго характера, но въ такъ называемомъ первомъ доисторическомъ городѣ они рѣдки и появляются въ значительномъ количествѣ впервые въ верхнихъ пластахъ—третьяго города, о которыхъ не можетъ идти рѣчи въ нашемъ разсужденіи. Эти немногія отклоненія и единичныя явленія не могутъ противорѣчить родству керамики во всѣхъ названныхъ мѣстонахожденіяхъ, такъ какъ оно въ достаточной степени можетъ быть доказано многочисленными существенными особенностями техники, формъ и орнамента. Мѣстныя отклоненія въ глиняныхъ сосудахъ этого времени замѣчаются всюду. Для того, кто хорошо знаетъ находки верхне-австрійскихъ и крайнскихъ свайныхъ построекъ, не можетъ оставаться ни какого сомнѣнія, что онѣ относятся къ одному времени—и однако какое различіе въ индивидуальныхъ проявленіи общихъ свойствъ. Даже въ сосудахъ близко расположенныхъ мѣстъ замѣчаются такого рода отклоненія, напр. въ сосудахъ изъ большихъ кургановъ Цегерсдорфа, Пишлишдорфа, Беригарестала, Рабенсбурга и Буллендорфа въ Нижней Австріи, которые, будучи соединены на небольшой территоріи, при всемъ родствѣ общихъ признаковъ, ясно различаются другъ отъ друга многими индивидуальными. Если, стало быть, уже въ такъ близко лежащихъ мѣстахъ возникаютъ особенности, то не должно удивляться имъ на мѣстахъ такъ удаленныхъ одно отъ другаго; не нужно забы-

---

ter Pfahlbau-Bericht. Mitth. d. Wien. anthr. Ges. Jahrg. 1876 и Fig. 1, Taf. XXXIII у Gross'a «Protohélvetes», далѣ Schliemann Ilios. Fig. 45 съ Fig. 5. Taf. III у Much'a Dr. Pf.—Ber., Schliemann, Ilios, Fig. 72 съ Fig. 9 и 10 Taf. III у Much'a Dritter Pfahlbau Ber.

¹⁾ Ср. Schliemann. Ilios, Fig. 47, 56, 57, 58 съ кружками Аламбри и приведенными на стр. II кружками изъ австрійско-крайнскихъ построекъ.

²⁾ Schliemann. Ilios. Fig. 37, 38; подобные горшки встрѣчаются и въ Mondsee.

³⁾ Ср. Schliemann. Ilios. Fig. 59, Gross. I. с. Taf. XXXII, Fig. 28; попадаются и въ Mondsee.

вать, что человѣческій духъ никогда не успокаивается и что нѣтъ ничего, что такъ способно было служить каждой творческой прихоти, какъ глина.

Въ мѣстахъ, которыя характеризуются родственной керамикой и прежде всего въ неолитическихъ свайныхъ постройкахъ А. Альповъ, въ могилахъ Аламбры, въ древнѣйшей Троѣ мы имѣемъ, безъ сомнѣнія, дѣло съ однимъ и тѣмъ-же культурнымъ періодомъ. Если это справедливо, тогда мы должны встрѣтить и другіе существенныя явленія. Богатство самыхъ нижнихъ культурныхъ слоевъ Трои каменными орудіями извѣстно; для нашихъ цѣлей достаточно привести тотъ фактъ, что тамъ немало встрѣчается и мѣдныхъ предметовъ, значеніе которыхъ существенно возвышается сверхъ того разнообразіемъ находокъ—таковы гвозди, иглы, пряжки, ножи, браслеты ¹⁾, серьги ²⁾).

О металлическихъ находкахъ перваго и втораго города ³⁾ Шлиманъ говоритъ слѣдующее: „если бы между многочисленными бронзовыми предметами найденъ былъ только одинъ мѣдный, тогда этотъ послѣдній могъ-бы, дѣйствительно, указывать лишь на временное отсутствіе олова, но такъ какъ предметы изъ перваго и втораго города въ Гиссарлыкѣ оказались при чрезвычайно важномъ анализѣ профессора W. Chandler Robert'a всѣ чисто мѣдными, то мы должны отсюда естественно заключить, что олово было совершенно неизвѣстно ихъ обитателямъ“. Въ новѣйшемъ трудѣ о раскопкахъ въ Троѣ ⁴⁾ Шлиманъ отрицаетъ исключительное употребленіе мѣди во второмъ и даже въ первомъ городѣ, но достаточно того факта, что въ первомъ городѣ по компетентному анализу Chandler Robert'a оказалось много чисто мѣдныхъ предметовъ съ примитивными формами рядомъ съ большимъ количествомъ каменныхъ орудій и съ столь рѣзко характерными глиняными издѣліями.

Эти примитивныя формы металлическихъ орудій сохранились въ Троѣ къ удивленію очень долго; въ то время, какъ въ третьемъ городѣ совершается полное преобразованіе

¹⁾ Schliemann, Ilios. S. 42. 282 и сл.

²⁾ Virchow. Zeitsch. t. Ethnol. XV, S. 253.

³⁾ Ilios, S. 292.

⁴⁾ Troja, S. 54 и 113.

во всей области керамики и являются многочисленны новыя формы металлических предметов—масса золотыхъ украшеній и золотыхъ сосудовъ—топоры сохраняютъ первоначальную форму, близкую къ каменнымъ, хотя они уже приготавливаются изъ бронзы, а не изъ мѣди ¹⁾). Это указываетъ, повидимому, на то, что чуждыя вліянія, смѣнявшіяся съ извѣстной быстротой, особенно проявились въ формахъ глиняныхъ и золотыхъ вещей, въ то время какъ рабочія орудія, какъ предметъ мѣстнаго производства, остановились на привычныхъ формахъ. Золото въ изобиліи встрѣчается уже въ первомъ троянскомъ городѣ, какъ это видно изъ позолоты мѣднаго топора; во второмъ городѣ находятся украшенія изъ этого металла ²⁾).

Къ этому времени относятся наконецъ, кажется, и находки на островахъ Тёрѣ и Терасіи, стояція особенно близко къ троянскимъ находкамъ. Тамъ подъ слоемъ лавы болѣе 20 метр. толщиной найдены были остатки доисторическихъ жилищъ, въ которыхъ оказались черепки глиняныхъ сосудовъ, ножи, наконечники стрѣлъ, скребки изъ обсидіана и другія каменные орудія и рядомъ пила изъ чистой мѣди, золотыя пластинки и бусы ³⁾).

Громадное значеніе для уясненія этого періода имѣетъ, въ заключеніе, рефератъ Вирхова отъ 20 окт. 1883 г. о находкахъ, принадлежащихъ позднѣйшей неолитической эпохѣ въ могилахъ Куявіи, Познани и Саксоніи ⁴⁾).

Съ изумительнымъ знаніемъ деталей и свободнымъ взглядомъ мастера В., опираясь на куявскія находки, обращаетъ вниманіе на цѣлый рядъ сосудовъ, которымъ фигура, техника, форма орнамента и особенности дополнительныхъ частей (крючки) придаютъ опредѣленный общій характеръ. Уже въ болѣе раннемъ докладѣ ⁵⁾ В. высказался, что куявскіе сосуды, съ одной стороны, хотя съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, могутъ быть отнесены къ такъ называемой неолитической эпохѣ, съ другой стоятъ въ несомнѣнномъ соприкосновеніи съ эпохой металловъ. Сосуды этого

¹⁾ Schliemann. Ilios, S. 530 и сл.

²⁾ Ibid. S. 308. Troja, S. 115.

³⁾ Hellwand. Der vorgesch. Mensch. II Aufl. S. 260. О родѣ сосудовъ изъ этого источника нельзя ничего заключить.

⁴⁾ Zeitsch. für Ethnol. Jahrg. 1883. S. 431.

⁵⁾ ibid. Jahrg. 1880, S. 330.

ВНИМАНІЮ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ ТИПОГРАФІЙ

ВЪ ПОВОЛЖЬИ, СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Редакція «Извѣстій Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ», желая доставить своимъ читателямъ возможность слѣдить за научнымъ движеніемъ въ В. Россіи, предлагаетъ владѣльцамъ типографій, авторамъ и издателямъ присылать объявленія о печатающихся у нихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Поволжья, Сибири и Средней Азии для бесплатнаго помѣщенія ихъ въ «Извѣстіяхъ». О книгахъ и брошюрахъ, которыя по выходѣ въ свѣтъ доставляются въ редакцію «Извѣстій», помѣщаются отчеты въ ближайшихъ книжкахъ журнала.

АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ФОТОГРАФІЯ

К. Т. СОФОНОВА,

Члена-сотрудника Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ,

Предлагаетъ любителямъ этнографіи и древностей

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

типовъ населенія Волжско-Камскаго края, снимковъ съ древнихъ зданій и археологическихъ предметовъ. Снимки можно приобретать отдѣльно и альбомами въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ.

Въ настоящее время изготовлены слѣдующіе альбомы:

1. Руины Булгарь. 12 снимковъ (на пластинку). Цѣна въ коленкор. перепл. 5 р.
2. Древности Анапінскаго могильника. 8 снимковъ (6 на пласт. и 2 на $\frac{1}{2}$ пласт.). Цѣна въ коленк. перепл. 2 р. 75 к.
- 3) Народы Поволжья. Типы, формы построекъ, утварь, костюмы, картины быта (занятія, обряды).
  - а) Русское населеніе Казанской губерніи. 16 сн. Ц. въ кол. пер. 6 р.
  - б) Чуваши. 32 сн. Ц. въ кол. пер. 12 р.
  - в) Черемисы. 76 сн. Ц. въ кол. пер. 18 р.
  - г) Мордва. 18 сн. Ц. въ кол. пер. 5 р.
  - д) Воляки. 12 сн. Ц. въ кол. пер. 5 р.

Изготавливаются:

- 1) Казань старая и новая.
- 2) Волга въ предѣлахъ Казанской губерніи. Виды прибрежныхъ городовъ и селеній въ разливъ и межень. Типы волжскихъ судовъ. Картины береговъ.

Адресъ: Казань, Адмиралтейская Слобода, д. Терпиловскаго, фотографу К. Т. Софонову.

Въ 1893 г. „Извѣстiя“ Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (въ первыхъ числахъ января, марта, мая, июля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Въ содержанiе каждой книжки входятъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологiи, исторiи и этнографiи;
- 2) Специальныя изслѣдованiя и статьи по археологiи, исторiи и этнографiи Восточной Россiи (Поволжья, Средней Азiи и Сибири);
- 3) Материалы археологическiе, историческiе и этнографическiе, относящiеся къ Восточной Россiи: мелкiя оригинальныя сообщенiя, акты, произведенiя народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченiя изъ периодическихъ изданiй Восточной Россiи;
- 4) Хроника: извѣстiя о музеяхъ Восточной Россiи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедицияхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданiяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношенiе къ Восточной Россiи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологiи, исторiи и этнографiи Восточной Россiи; отдѣльные вопросы редакцiи;
- 6) Библиографiя: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ периодическихъ изданiй, имѣющихъ отношенiе къ археологiи, исторiи и этнографiи Восточной Россiи.

Въ первыхъ книжкахъ «Извѣстiй» за 1893 г. будутъ напечатаны между прочимъ, слѣдующiя статьи: «Данныя о городахъ Волжской Булгарiи» П. А. Пономарева; «Материалы для характеристики бровановой эпохи въ Волжско-Камскомъ краѣ» Его же, «Древнiя мѣдныя орудiя въ Каз. губ.» А. А. Штуценберга, «Древности Костром. губ.» Его же, «Тяглыя земли на Вяткѣ въ XVII в.» А. А. Спицына, «Формы жилищъ и селенiй у народовъ В. Россiи» (своль извѣстiй путешественниковъ и этнографовъ, въ составленiи котораго примутъ участiе Е. И. Воронцовъ, Н. Я. Кирилловъ, А. К. Булагинъ, М. Н. Пинегинъ, П. В. Траубенбергъ), «Мордва. Историко-этнографическiй очеркъ» И. Н. Смирнова (отдѣлъ этнографическiй), «Замѣтки о Мордвѣ Нижегородской губерни» А. Д. Смирнова, «Материалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго Края» В. А. Мошкова.

Въ видѣ приложенiй къ «Извѣстiямъ» будутъ печататься двѣ серiи изданiй:

- 1) Материалы для этнографiи Поволжья. I. «Черемисско-русскiй словарь» В. П. Троицкаго, II. «Мордовско-русскiй словарь» М. Е. Есеева.
- 2) Археологическая библиотечка «Извѣстiй». I. Мѣдный вѣкъ въ Европѣ. М. Мухъ. Пер. съ нѣм.

Цѣна годовому изданiю 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающiе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 июля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшiе членскiй взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданiе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи.

«Извѣстiя» выходятъ подъ редакцiей Секретаря Общества при ближайшемъ участiи членовъ редакцiоннаго комитета.

Выписывающiе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.